Исторія Россіи XIX в.

СТЕНОГРАФИЧЕСКІЯ ЛЕКЦІИ

В. Н. Бочкарева,

читанныя на Моск. Пегагогическихъ курсахъ О-ва восп. и учит. въ 1911/12 гг.

Текстъ просмотрѣнъ г. лекторомъ.

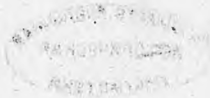
МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., соб. домъ.
1912.

************************ ** * ** **********************

ИСТОРІЯ РОССІИ

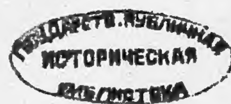
XIX СТОЛѢТІЯ.

Лекціи В.Н.БОЧКАРЕВА, читанныя на Московскихъ Педагогическихъ Курсахъ въ 1911/12 гг.

Текстъ просмотрѣнъ г.лекторомъ.

************************** * * ****************************

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Лекція I.

Къ концу XVIII в. въ Россіи окончательно установился тотъ дворянско-монархическій строй, который господствовалъ почти повсемѣстно въ Западной Европѣ до Великой Французской революціи. Это былъ тотъ „старый порядокъ", отличительными признаками котораго служатъ обыкновенно:

1. Политическій абсолютизмъ въ сферѣ государственной.
2. Соціальный феодализмъ въ сферѣ общественной и
3. Преобладаніе натурально-хозяйственныхъ отношеній въ сферѣ экономической.

Всѣ эти признаки были налицо въ Россіи эпохи Екатерины II-ой, когда, при слабомъ сравнительно развитіи торгово-промышленной дѣятельности въ странѣ, деревня съ ея сельскимъ хозяйствомъ преобладала надъ городомъ съ его ремеслами и торговлей; когда при пышномъ расцвѣтѣ дворянскихъ привилегій 45 % всего населенія находилось въ тяжелой крѣпостной зависимости; когда дворянское сословіе господствовало и въ мѣстной жизни и въ мѣстномъ управленіи, а въ центрѣ - въ столицѣ всѣ нити государственнаго механизма стянуты были въ небольшомъ рабочемъ кабинетѣ императрицы, которая съ нѣсколькими своими любимцами и статсъ-секретарями вершила судьбы своей обширной страны.

Хотя въ своемъ большомъ Наказѣ Екатерина и высказывалась за необходимость поставить законъ выше произвола отдѣльныхъ людей, но при ней широко распространена была система личныхъ порученій, что приводило къ господству фаворитизма въ государственномъ управленіи.

Система Губернскихъ учрежденій, установленная въ 1775 г., не могла правильно развиваться, локализованная снизу существованіемъ крѣпостныхъ отношеній, а сверху - гнетомъ административнаго произвола. Мы не можемъ не придавать значенія тѣмъ словамъ, которыя вылились изъ-подъ пера в.к. Александра въ одномъ изъ его писемъ къ Кочубею отъ 1796 г.: „Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, и имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ". Если такъ говорилъ любимый внукъ Екатерины, то значитъ дѣйствительно

въ государственной жизни были налицо вопіющія злоупотребленія. Но этотъ произволъ сверху былъ естественнымъ порожденіемъ того, что имѣло мѣсто въ крѣпостной деревнѣ, гдѣ „крестьянинъ, по словамъ одного современника, былъ въ законѣ мертвъ". Для лицъ, безпристрастно наблюдавшихъ современную русскую дѣйствительность, было вполнѣ ясно, что нельзя назвать „блаженной страну, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысящи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова". Такимъ образомъ жизнь вполнѣ опредѣленно указывала на необходимость коренныхъ преобразованій и двѣ реформы выдвигались на очередь всѣмъ ходомъ предшествующихъ историческихъ событій. Это прежде всего разрѣшеніе проблемы соціальной - уничтоженіе крѣпостного права въ странѣ, а затѣмъ разрѣшеніе проблемы политической - установленіе прочнаго государственнаго порядка на основѣ строгой законности. Надъ этими вопросами задумывались лучшіе люди XYIII в. и они переданы были для разрѣшенія новому XIX столѣтію.

Но если въ Западной Европѣ государственный и общественный строй довольно быстро обновился подъ вліяніемъ того потрясенія, которое произвела Великая революція 1789 г., то у насъ въ Россіи при слабой плотности населенія, при примитивности хозяйственныхъ и общественныхъ отношеній, наблюдается весьма медленный процессъ переработки вѣковыхъ крѣпостническихъ началъ въ новыя, государственно-правовыя. Можно сказать, что все XIX ст. въ исторіи Россіи, вплоть до нашихъ дней, полно попытокъ провести эти принципы въ жизнь, но далеко еще не все то, что входитъ въ понятіе правового строя, осуществлено у насъ на практикѣ въ началѣ XX в. Обѣ только-что указанныя проблемы затрагивались правительственными и общественными сферами то одновременно, то каждая порознь, но въ результатѣ вопросъ соціальный, какъ наиболѣе коренной и существенный, былъ выдвинутъ жизненными отношеніями на первую очередь и затѣмъ само собою передъ русскимъ обществомъ встала реформа государственнаго строя. Такимъ образомъ, господа, тотъ курсъ, который я намѣренъ предложить вашему вниманію, естественно дѣлится на двѣ половины.

До 1855 г. мы видимъ робкія попытки ликвидировать въ странѣ крѣпостныя отношенія и внести небольшія измѣненія въ

нашъ государственно-административный механизмъ. Только тогда, когда подъ рѣшительнымъ напоромъ жизненной правды обнаружилась полная несостоятельность прежняго крѣпостного режима, освобожденіе русской деревни сдѣлалось настоятельно необходимымъ. Къ концу первой половины XIX в. вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права былъ прочно усвоенъ и политическими и общественными сферами и не могъ уже быть снятъ съ очереди. Послѣ реформы 19 февраля 1861 года необходимо было въ обновленномъ гражданскомъ строѣ произвести преобразованіе всѣхъ сторонъ русской жизни и увѣнчать пореформенную Россію новыми государственными учрежденіями. Если въ царствованія Александра I и Николая I основнымъ мотивомъ русской жизни былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянской массы, то послѣ паденія крѣпостного права весь общественный интересъ сосредоточивался около проблемы политической - освобожденія всего русскаго народа.

Эти указанія будутъ служить намъ какъ бы вѣхами при изученіи русской исторіи за XIX ст. и помогутъ намъ лучше разобраться въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя устанавливались за это время между правительствомъ и обществомъ. Жизнь никогда не дѣлаетъ скачковъ: въ ней все развивается медленно и постепенно, и въ исторіи также мы никогда не наблюдаемъ рѣзкихъ и неожиданныхъ перемѣнъ. На рубежѣ двухъ столѣтій между вѣкомъ Екатерины и эпохой преобразовательныхъ начинаній при Александрѣ I стоитъ царствованіе Павла, какъ моментъ перелома въ правительственной практикѣ и въ общественномъ настроеніи. Въ эти 4 года былъ какъ бы подведенъ итогъ тому, что совершалось въ русскомъ прошломъ въ XVIII столѣтіи и намѣчены были окончательно новыя задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ работало и правительство и общество въ теченіе послѣдующаго вѣка. Такимъ образомъ краткій обзоръ событій царствованія Павла I какъ нельзя лучше введетъ насъ въ изученіе тѣхъ вопросовъ, которые будутъ составлять основное содержаніе дальнѣйшихъ нашихъ чтеній.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Изъ цѣлаго ряда историческихъ изслѣдованій, посвященныхъ какъ изученію личности самого Павла такъ и выясненію основныхъ моментовъ его царствованія, для насъ теперь довольно ясенъ характеръ его правленія и мы можемъ сдѣлать вполнѣ безпристраст-

ную оцѣнку всего того, что произошло за 4 года, протекшіе со смерти Екатерины до вступленія на престолъ Александра I. Такъ какъ все царствованіе Павла Петровича окрашено рѣзко выраженымъ индивидуальнымъ колоритомъ, потому что почти во всѣ свои правительственныя распоряженія онъ вносилъ извѣстную долю своего личнаго чувства, то знакомство съ его характеромъ и его личностью даетъ ключъ къ пониманію того, что происходило въ годы его царствованія.

Павелъ родился 20 сентября 1754 г. и на немъ немедленно сказалась ненормальная обстановка тогдашней придворной жизни. Императрица Елизавета, взявъ его отъ матери, сосредоточила на немъ все свое вниманіе, окруживъ его цѣлымъ штатомъ мамушекъ и нянюшекъ. Маленькій великій князь росъ вдали отъ отца, будущаго императора Петра III и матери Екатерины и долженъ былъ конечно развить въ себѣ извѣстную къ нимъ отчужденность. Вмѣстѣ съ тѣмъ окружающіе старались внушить ему извѣстный страхъ къ императрицѣ Елизаветѣ, при появленіи которой ребенокъ обыкновенно убѣгалъ и прятался. Все это должно было выработать въ немъ извѣстную робость и нерѣшительность, которая съ годами превратилась въ подозрительность, принимавшую иногда аффектированныя, болѣзненныя формы. На физическое развитіе маленькаго великаго князя не обращалось рѣшительно никакого вниманія, и это обстоятельство было причиной того, что изъ него впослѣдствіи выработался хилый и болѣзненный молодой человѣкъ. Въ качествѣ главнаго воспитателя къ нему приставленъ былъ графъ Н.И.Панинъ, кое-чѣмъ проявившій себя на дипломатическомъ поприщѣ, но не имѣвшій совсѣмъ никакихъ педагогическихъ способностей. Онъ не стѣсняясь разсказывалъ въ присутствіи своего воспитанника исторіи изъ скандальной хроники придворной жизни и читалъ вмѣстѣ съ нимъ книги весьма легкомысленнаго содержанія. Все это должно было неблагопріятно вліять на нервную и впечатлительную душу молодого великаго князя. Изъ записокъ другого его воспитателя, Порошина, мы видимъ, что уже въ эти годы Павелъ отличался нервностью, впечатлительностью и непомѣрной вспыльчивостью. Воспитаніе же только содѣйствовало развитію этихъ природныхъ чертъ, способствуя вмѣстѣ съ тѣмъ усиленію въ немъ воображенія и мечтательнаго самолюбія. Такимъ образомъ въ свои ранніе годы Павелъ жилъ почти исключительно

чувствомъ въ нѣсколько приподнятой нервной атмосферѣ. Послѣ дворцоваго переворота, передавшаго власть въ руки Екатерины, прежняя отчужденность между нимъ и матерью еще болѣе усилилась. Екатерина, сознавая, что Павелъ имѣлъ больше правъ на престолъ и зная, что среди лицъ,близкихъ ко Двору, былъ довольно распространенъ планъ передачи власти сыну съ предоставленіемъ ей только регентства до его совершеннолѣтія,должна была естественно относиться къ нему подозрительно.Она видѣла въ немъ и мстителя за отца и соперника въ пользованіи верховными правами. Съ годами эта подозрительность не исчезла, тѣмъ болѣе что въ тяжелые моменты царствованія Екатерины Павелъ дѣлался какъ бы знаменемъ общественнаго недовольства. Хотя первоначально Екатерина и предполагала поручить воспитаніе наслѣдника престола Даламберу, но послѣ того какъ послѣдній отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, воспитателемъ Павла по-прежнему остался Панинъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ великій князь проявлялъ иногда склонность къ серьезнымъ бесѣдамъ и любилъ заниматься математикой,однако образованіе, въ общемъ довольно несистематическое, не выработало въ немъ привычки къ упорному труду, не дало прочныхъ знаній и не сообщило широкихъ понятій. 19 лѣтъ Павла женили, а когда вскорѣ его первая жена скончалась, то Екатерина выбрала ему въ супруги внучку Фридриха Великаго Вюртембергскую принцессу Марію Θеодоровну. Этотъ бракъ далъ Павлу семейное счастье и нѣсколько скрасилъ его тяжелую одинокую жизнь. Но и послѣ женитьбы, когда наслѣдникъ престола сдѣлался вполнѣ взрослымъ, отношенія между сыномъ и матерью не измѣнились.Екатерина, ревниво оберегая свою власть, не допускала его къ государственнымъ дѣламъ, поручая ихъ веденіе своимъ любимцамъ и довѣреннымъ лицамъ. Когда началась II Турецкая война, Павелъ просился у матери въ действующую армію, говоря: „Вся Европа знаетъ мое желаніе служить отечеству; что она скажетъ, когда увидитъ, что я не въ арміи?" Екатерина, рѣшительно воспротивившись этому, дала ему такой отвѣтъ: „Она скажетъ, что великій князь - покорный сынъ." Императрица предоставила Павлу полную свободу дѣйствій въ Гатчинѣ, небольшомъ имѣніи, подаренномъ ему вскорѣ послѣ женитьбы, гдѣ у него былъ небольшой военный отрядъ, состоявшій изъ 3-хъ батальоновъ пѣхоты, 1 эс-

кадрона кавалеріи и 1 артиллерійской роты. Унаслѣдовавъ отъ отца извѣстную склонность къ милитаризму, Павелъ все время употреблялъ на ученье этой миніатюрной арміи, одѣвъ ее въ прусскую форму, т.к., подобно Петру III, онъ былъ страстнымъ поклонникомъ Фридриха В. Весь свой запасъ военныхъ свѣдѣній великій князь долженъ былъ тратить на разводы и вахтпарады и только во время Шведской войны ему удалось принять участіе въ одной незначительной рекогносцировкѣ. Въ своемъ гатчинскомъ уединеніи Павелъ чувствовалъ, что находился подъ самымъ бдительнымъ присмотромъ лицъ, доносившихъ рѣшительно обо всемъ, о каждомъ его поступкѣ, о каждомъ его словѣ Екатеринѣ въ Петербургъ или Царское Село. А Павелъ не стѣснялся въ своихъ отзывахъ объ императрицѣ и государственныхъ дѣлахъ, смотря и на придворную жизнь и на правительственныя мѣропріятія какъ сторонній зритель. Систему внѣшней и внутренней политики своей матери онъ считалъ исключительно покоящейся на славолюбіи, а къ государственнымъ дѣятелямъ того времени относился съ полнѣйшимъ презрѣніемъ и говорилъ, что какъ только онъ будетъ имѣть власть, онъ всѣхъ ихъ высѣчетъ, разжалуетъ и выгонитъ. Жизнь въ Гатчинѣ была, какъ онъ самъ любилъ выражаться, упражненіемъ въ терпѣніи, или, лучше сказать, въ нетерпѣніи и могла подточить и исказить даже болѣе крѣпкую натуру чѣмъ та, которой обладалъ нервный, воспріимчивый Павелъ Петровичъ. До него конечно не могли не доходить слухи о томъ, что Екатерина намѣрена лишить его престола, сдѣлавъ своимъ наслѣдникомъ любимаго внука Александра, и это терзало еще болѣе нервы великаго князя и служило мѣриломъ его отношеній къ матери. По словамъ французскаго посла Сегюра Павелъ, „когда заходила рѣчь о настоящемъ и будущемъ его положеніи, обнаруживалъ какую-то чрезвычайную щекотливость". Въ болѣзненномъ воображеніи великаго князя возникали самыя страшныя картины. Онъ трепеталъ за свою судьбу, боялся то отравы, то пожизненнаго заключенія въ крѣпости. Даже когда 6-го ноября 1796 года Зубовъ привезъ въ Гатчино извѣстіе объ апоплексическомъ ударѣ, постигшемъ императрицу Екатерину, Павелъ, узнавъ о его пріѣздѣ, говорятъ, сказалъ своей супругѣ: „Мой другъ, мы погибли!" Онъ думалъ, что Зубовъ пріѣхалъ арестовать его и отвезти въ замокъ Лоде, о чемъ давно ходили слухи. Такъ, въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, протекала

жизнь Павла Петровича за долгіе годы царствованія Екатерины, и вы можете представить себѣ, съ какой лихорадочной поспѣшностью онъ захватилъ въ свои руки власть, какъ только настал для него давно желанный моментъ. Можно сказать - не успѣло окончиться одно царствованіе, какъ уже началось другое, т.к. рядомъ съ той комнатой, въ которой лежала Екатерина въ предсмертной агоніи, Павелъ, тотчасъ же по пріѣздѣ изъ Гатчины, началъ отдавать приказанія.

Съ первыхъ же дней опредѣлился новый правительственный курсъ. Свои гатчинскія казарменныя привычки Павелъ перенесъ въ роскошный дворецъ Екатерины, превративъ его въ огромную кордегардію. „Править желѣзною лозой" сдѣлалось его основнымъ правиломъ. Однако, внося въ государственное управленіе строгую дисциплину и суровую субординацію, Павелъ не имѣлъ вокругъ себя талантливыхъ исполнителей, которые были бы способны выполнять широкую правительственную программу. А эта программа заключалась въ уничтоженіи всего того, что было создано при Екатеринѣ, въ ломкѣ тѣхъ правительственныхъ принциповъ, которыми проникнуто было ея царствованіе. Новый государь торопливо принимался за свои нововведенія, какъ бы боясь, что у него не хватитъ времени осуществить все то, что онъ такъ долго обдумывалъ въ своемъ гатчинскомъ уединеніи. Придворныя сферы и петербургское общество находились въ самомъ угнетенномъ настроеніи въ моментъ кончины Екатерины II. До нихъ доходили крайне тревожные слухи о характерѣ наслѣдника престола, о его раздражительности и жестокихъ расправахъ съ близкими. Но эта тревога въ первые дни новаго царствованія не оправдалась. Павелъ, которому въ это время уже было 42 г., своими первоначальными распоряженіями неожиданно удивилъ общество. Екатерина, какъ извѣстно, за нѣсколько времени до кончины рѣшила примкнуть къ европейской коалиціи, выступивъ на активную борьбу съ торжествующей Французской республикой. Для сформированія значительнаго корпуса, командованіе надъ которымъ поручалось Суворову, объявленъ былъ новый рекрутскій наборъ по 10 ч. съ 1000, а для того, чтобы изыскать средства для этой военной экспедиціи, предполагали произвести перечеканку серебряной монеты и выпускъ новыхъ ассигнацій. Павелъ немедленно отмѣнилъ всѣ эти приготовленія, объявивъ, что будетъ держаться самой

мирной внѣшней политики, т.к. Россія, „будучи въ непрерывной войнѣ 1756 г., есть поэтому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 л. въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе". Своимъ подданнымъ онъ, по его собственнымъ словамъ, „не могъ отказать въ столь пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи".

Еще болѣе благопріятное впечатлѣніе произвело извѣстіе о томъ, что было уничтожено бумажныхъ денегъ на сумму до 6-ти милліоновъ рублей, т.к. всѣ понимали, что эта мѣра подыметъ курсъ упавшихъ ассигнацій. Наконецъ, указомъ 12 декабря 1796 г. новый государь разрѣшилъ лицамъ всѣхъ сословій подавать прошенія лично ему, опуская ихъ въ ящикъ, выставленный въ окнѣ одной изъ комнатъ Зимняго дворца. Ключъ отъ этой комнаты находился у самого Павла; онъ каждое утро просматривалъ опущенныя въ ящикъ бумаги, клалъ на нихъ резолюціи, которыя затѣмъ доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія, печатая ихъ въ газетахъ. Однако эти первыя, вполнѣ разумныя правительственныя мѣры скоро смѣнились другими, началась безсмысленная ломка всего стараго и безсистемное установленіе новыхъ порядковъ. Особенно тяжелое впечатлѣніе на придворныя сферы произвело повелѣніе Павла, сдѣланное относительно его отца. Изъ забытой могилы былъ извлеченъ гробъ съ останками Петра III. Павелъ торжественно короновалъ его прахъ и затѣмъ предалъ его землѣ съ императорскими почестями въ Петропавловскомъ соборѣ, одновременно съ погребеніемъ императрицы Екатерины. Въ этомъ нельзя было не усмотрѣть какъ бы запоздавшей мести и только-что скончавшейся матери, и всѣмъ дѣятелямъ ея воцаренія за переворотъ 1762 г., и за насильственную смерть Петра III.

Свое личное чувство, такимъ образомъ, Павелъ вносилъ въ государственныя дѣла, и этимъ объясняется поспѣшность и подчасъ необдуманность его мѣропріятій. Какой-то тонъ явнаго раздраженія слышится во всѣхъ его указахъ, какое-то стремленіе ничѣмъ не уронить достоинства своей власти - замѣтно во всѣхъ его распоряженіяхъ.

Милитаризмъ, который проявлялся еще въ раннія годы жизни Павла, теперь, послѣ гатчинскихъ военныхъ разводовъ, пустилъ глубокій корень въ его образѣ мыслей. Порядки фронтовой

службы онъ хотѣлъ положить въ основу той идеи законности, которая въ его глазахъ должна была быть основой правительственной системы, при чемъ всю государственную общественную и личную жизнь слѣдовало сковать желѣзной дисциплиной. Вахтпарадъ, или военный разводъ, который ежедневно лично производилъ самъ государь войскамъ петербургскаго гарнизона во внутреннемъ дворѣ Зимняго дворца, занималъ все его вниманіе. Гвардейскіе полки, привыкшіе къ привольной и свободной жизни при Екатеринѣ, во главѣ съ высшими начальствующими лицами, должны были цѣлыми часами въ однихъ мундирахъ новаго прусскаго образца, несмотря ни на какую погоду, изучать новые военные пріемы подъ руководствомъ гатчинскихъ инструкторовъ. Нерѣдко за малѣйшую оплошность офицеровъ здѣсь же на разводѣ разжаловывали въ солдаты, а рядовыхъ подвергали, иногда въ присутствіи самого государя, жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Бывали случаи, что цѣлые полки за неудачное прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ слышали слова: „Налѣво, кругомъ маршъ въ Сибирь!"

Самъ слѣдя за всѣми мелочами выполненія военной дисциплины, Павелъ воспретилъ офицерамъ ѣздить въ закрытыхъ экипажахъ и носить шубы. Конечно на ряду съ суровыми наказаніями на вахтпарадѣ часто раздавались награды, нерѣдко за удачно выполненное порученіе жаловались тысячи душъ крестьянъ, а солдатъ производили въ офицеры. Лица, подобныя Аракчееву и Архарову изъ офицеровъ гатчинскаго гарнизона, отличавшіеся своей безпредѣльной жестокостью, пользовались наибольшими милостями государя. Подъ вліяніемъ новыхъ военныхъ порядковъ, дворяне массами начали покидать службу. Такъ изъ 132 офицеровъ конно-гвардейскаго полка, числившихся въ немъ въ моментъ воцаренія Павла, къ концу его царствованія осталось лишь 2. А такъ какъ суровая казарменная система стала проникать и въ гражданское управленіе, то вполнѣ понятно, что правы были современники, когда говорили о 20.000 офицеровъ и чиновниковъ, вышедшихъ въ отставку за годы правленія Павла. Достаточно напомнить тотъ фактъ, что за 4 года при Павлѣ смѣнились 4 лица на посту генералъ-прокурора. Въ своемъ стремленіи уничтожить порядки екатерининскаго царствованія Павелъ лишалъ себя опытныхъ помощниковъ и поручалъ дѣла управленія любимцамъ, нерѣдко съ весьма сомнительнымъ прошлымъ. „Въ Россіи

великъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю и только пока я съ нимъ говорю", сказалъ разъ Павелъ въ разговорѣ со шведскимъ посланникомъ; и этими словами какъ нельзя лучше характеризуется отношеніе Павла къ лицамъ, его окружавшимъ. Даже самъ гр. Ростопчинъ, осыпанный его милостями, признавался, что никакая политическая система не была мыслима при государѣ, „который все хотѣлъ дѣлать самъ, который требовалъ, чтобы повелѣнія его исполнялись немедленно и не допускалъ никакого противорѣчія своей волѣ". Какъ видно изъ воспоминаній Муравьева--Апостола, наступившую тогда новую эпоху въ русской жизни называли: „торжественно и громогласно - возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, вполголоса - царствомъ власти, силы и страха; втайнѣ, между четырехъ глазъ - затменіемъ свыше". Высшія государственныя учрежденія были унижены и подавлены безграничной властью государя. Сенатъ потерялъ всякое значеніе въ дѣлахъ управленія и въ немъ, по словамъ Завадовскаго, „молчать было тяжко, говорить было бѣдственно". Довольно полную характеристику наступившаго въ царствованіе Павла правительственнаго режима мы встрѣчаемъ въ письмѣ в.к. Александра къ своему воспитателю Лагарпу, отправленномъ въ сентябрѣ 1797 года: „Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе. Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ уже тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобы сказать однимъ словомъ - благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ навыворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя были совершены; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, большую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; достоинства здѣсь ни при чемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены.

Вотъ картина современной Россіи."

Къ такимъ печальнымъ результатамъ приводили императора Павла его раздражительность и недовѣрчивое отношеніе къ окружающимъ. Начавъ свое царствованіе рядомъ полезныхъ распоряженій, онъ вскорѣ придалъ своимъ мѣропріятіямъ характеръ борьбы со всѣмъ тѣмъ, что было связано съ именемъ Екатерины. При этомъ громадное большинство его распоряженій имъ же самимъ не соблюдалось на практикѣ, а нерѣдко и прямо отмѣнялось спустя нѣсколько времени. Подобнаго рода противорѣчіями отмѣчены, можно сказать, его законодательныя мѣропріятія во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни.

Къ наиболѣе важнымъ узаконеніямъ этой эпохи относится манифестъ отъ 5-го апр. 1797 г., устанавливавшій порядокъ престолонаслѣдія; онъ былъ изданъ императоромъ въ день его коронаціи въ отмѣну указа Петра Великаго 1722 г., которымъ узаконялось произвольное назначеніе наслѣдника престола лицомъ царствующимъ. Содержаніе этого государственнаго акта было давно уже обдумано Павломъ, и при его помощи онъ предполагалъ положить конецъ дворцовымъ революціямъ XVIII в. Манифестъ 5-го апр. 1797 г. устанавливалъ неизмѣнный порядокъ перехода престола по прямой нисходящей линіи отъ отца къ старшему сыну, при отсутствіи же сыновей - къ слѣдующему по старшинству брату, „дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ, дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать!" Лица женскаго пола отъ права на престолъ устранялись: въ этомъ какъ бы сказалось чувство мести императрицѣ Екатеринѣ. Однако подъ конецъ своего царствованія Павелъ хотѣлъ передать престолъ принцу Евгенію Вюртембергскому, котораго вызвалъ въ Петербургъ въ февралѣ 1801 г., чѣмъ долженъ былъ быть нарушенъ установленный имъ же самимъ порядокъ престолонаслѣдія. -Особенно ярко сказалось отрицательное отношеніе императора Павла къ порядкамъ прошлаго царствованія въ сферѣ административныхъ мѣропріятій. Онъ возстанавливаетъ коллегіи, наполовину уничтоженныя при Екатеринѣ. Вмѣсто 50 губерній учредилъ ихъ 41, при чемъ въ губерніяхъ малороссійскихъ, прибалтійскихъ и присоединенныхъ отъ Польши, возстановлены были прежнія мѣстныя административныя формы; городъ Екатеринославъ, сохранявшій въ своемъ наименованіи память объ

его учредительницѣ, былъ переименованъ въ Новороссійскъ. Цѣлый рядъ губернскихъ учрежденій былъ закрытъ: такъ, напримѣръ, упразднялись судебныя мѣста второй инстанціи, а многія должности, замѣщаемыя по выбору, пріобрѣли чисто казенный характеръ, при чемъ передъ каждымъ присутственнымъ мѣстомъ поставлена была висѣлица, на которой палачъ долженъ былъ прибивать листы съ именами провинившихся чиновниковъ. Но и въ своихъ административныхъ реформахъ Павелъ не былъ послѣдователенъ. Искореняя систему личныхъ порученій, онъ въ то же самое время поставилъ во главѣ коллегій главныхъ директоровъ съ правомъ личнаго ему доклада, чѣмъ наносился ущербъ коллегіальному началу.- Сверхъ того въ его царствованіе возникаетъ нѣсколько чисто министерскихъ должностей: въ 1797 г. учреждено было министерство удѣловъ; завѣдываніе государственными финансами поручено было государственному казначею, а въ 1800 г. учреждена была должность министра коммерціи. Такимъ образомъ жизнь брала свое, и личное министерское начало стремилось къ полному торжеству надъ прежней коллегіальной системой.

Презрительно называя дворянъ „тунеядцами", Павелъ отмѣнилъ дѣйствіе жалованной грамоты 1785 г. Дворянскія губернскія общества лишены были права обращаться къ правительству съ коллективными заявленіями о своихъ сословныхъ и мѣстныхъ нуждахъ; губернскія дворянскія собранія были воспрещены и даже губернскіе предводители должны были выбираться на уѣздныхъ собраніяхъ. Дворяне вмѣстѣ съ горожанами и священнослужителями стали подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ за уголовныя преступленія вслѣдствіе Высочайшей резолюціи 1798 г., гласившей: „коль скоро званіе съ него снято, то и привелегія его не касается". Проявляя свои противодворянскія симпатіи, Павелъ однако не сумѣлъ ограничить власть помѣщика надъ крестьянами; правда, въ его царствованіе правительство впервые выступило на путь законодательнаго вмѣшательства въ отношеніе между землевладѣльцами и ихъ крѣпостными, но эти первые робкіе шаги почти что не измѣнили судьбы крѣпостной крестьянской массы. Къ тому же большая часть этихъ узаконеній по крестьянскому вопросу приводила какъ разъ къ діаметрально-противоположнымъ результатамъ сравнительно съ тѣмъ, что входило въ первоначальныя

намѣренія Павла. Манифестомъ 1796 г., изданнымъ при вступленіи на престолъ, крѣпостные крестьяне на ряду съ лицами свободныхъ состояній призывались къ принесенію присяги. Въ этомъ актѣ крестьянская масса усмотрѣла какъ бы новое направленіе правительственной дѣятельности въ сферѣ соціальной политики, однако крестьянамъ вскорѣ пришлось разочароваться въ своихъ первоначальныхъ ожиданіяхъ; въ этомъ отношеніи особенно характеренъ слѣдующій случай: однажды крѣпостные на разводѣ подали Павлу челобитную, въ которой просили освободить ихъ отъ гнета помѣщичьей власти, заявляя, что они не хотятъ болѣе служить своимъ господамъ, а желаютъ лучше служить своему государю. По словамъ современника Болотова, „сихъ дерзновенныхъ" на страхъ другимъ „и дабы никто другой не осмѣливался утруждать его такими недѣльными просьбами, императоръ приказалъ наказать публично нещаднымъ образомъ плетьми. Симъ единымъ разомъ погасилъ онъ искру, которая могла бы произвести страшный пожаръ, и прогналъ у всѣхъ слугъ и рабовъ желаніе просить на господъ своихъ. Поступкомъ же симъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую похвалу и благодарность отъ всего дворянства." По всѣмъ тѣмъ жалобамъ, которыя доходили до государя отъ крестьянъ о жестокомъ обращеніи съ ними господъ, производство слѣдствій поручалось мѣстнымъ властямъ, что конечно не могло служить къ пользѣ дѣла. Наибольшее значеніе представляетъ манифестъ 5-го апрѣля 1797 г., вводившій трехдневную барщину. Онъ могъ бы имѣть весьма важныя послѣдствія, однако благодаря своей туманной редакціи не оказалъ большого вліянія на судьбу крестьянъ; въ немъ рѣшительно воспрещено было принуждать крестьянъ къ работѣ въ воскресные дни, „тѣмъ болѣе, какъ читаемъ въ самомъ текстѣ закона, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ 6 дней, по ровному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ въ пользу помѣщиковъ, слѣдующихъ при добромъ распоряженіи, достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ". Этотъ манифестъ, какъ было выяснено еще въ изслѣдованіи В.И.Семевскаго, привелъ къ тому, что въ Малороссіи, гдѣ существовала двухдневная барщина, помѣщики возвысили лежавшія на крестьянахъ повинности, а въ великороссійскихъ губерніяхъ въ немъ склонны были усмотрѣть не повелѣніе, а совѣтъ, ни для кого

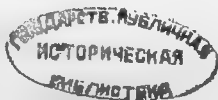
не обязательный. По вѣрному замѣчанію Радищева онъ походилъ скорѣе на увѣщаніе соблюдать установившійся обычай, чѣмъ на положительный законъ.

Дѣлая съ одной стороны попытку урегулировать власть помѣщика надъ крестьянами, Павелъ колоссальными пожалованіями населенныхъ деревень значительно увеличилъ количество крѣпостныхъ. Еще въ бытность великимъ княземъ онъ высказывалъ мысль, что государственныхъ крестьянъ нужно „свято по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу". А по его вступленіи на престолъ началось то, что Шишковъ называетъ: „расхватка земель въ частную собственность". Въ одинъ только день 5-го апрѣля 1797 г. во время своей коронаціи онъ раздалъ до 100 тысячъ душъ, а за все время своего царствованія въ общей сложности въ частныя руки перешло до 600.000 дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ, т.е. только на 250.000 меньше сравнительно съ тѣмъ количествомъ, которое роздано было при Екатеринѣ. „Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, - читаемъ въ запискахъ Саблукова, - ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами". Онъ считалъ дворянъ наилучшими полицмейстерами и блюстителями тишины и спокойствія въ государствѣ. Усвоивъ себѣ такую точку зрѣнія на положеніе владѣльческихъ крестьянъ, Павелъ даже расширилъ территоріально существованіе крѣпостного права. При немъ въ 1796 г. былъ запрещенъ крестьянскій переходъ въ Области Войска Донского и въ губерніяхъ Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической. Въ 1798 году дозволено было снова фабрикантамъ и заводчикамъ не изъ дворянъ пріобрѣтать крѣпостныхъ крестьянъ, а въ 1799 году разрѣшена была ссылка крестьянъ въ Забайкалье, съ зачетомъ ихъ въ рекруты. Наконецъ, если мы припомнимъ, что при Павлѣ образовано было удѣльное вѣдомство, въ составъ котораго переведено было много государственныхъ крестьянъ, то вы поймете, насколько ухудшилось за годы его царствованія положеніе крестьянской массы. Вполнѣ понятно, что крестьяне отъ всего этого приходили въ довольно возбужденное состояніе и по подсчету новѣйшихъ из-

слѣдователей въ 32 губерніяхъ были волненія помѣщичьихъ крестьянъ за эти годы. Особенно сильное броженіе среди крѣпостныхъ было въ началѣ царствованія Павла, когда въ народѣ широко расходилась легенда о волѣ. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Брасовѣ Орловской губерніи въ громадной вотчинѣ князя Голицына и графа Апраксина, насчитывавшей около 13 тыс. крестьянъ, произошло нѣчто вродѣ вооруженнаго возстанія. Крестьяне дѣйствовали съ такимъ упорствомъ, что послѣ тщетныхъ переговоровъ 13 февраля 1797 года „силою пришлось начать ихъ покореніе". Кромѣ того поводами для крестьянскихъ волненій были въ большинствѣ случаевъ причины чисто хозяйственнаго характера: несоблюденіе закона о трехдневной барщинѣ, тяжелыя работы на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, а также значительное повышеніе оброка, доходившаго въ Смоленской губ. до 12 руб., въ Вологодской и Казанской до 15, а въ Ярославской до 35 рублей 34 к. съ души.

Подавляя силою оружія самыя малѣйшія попытки со стороны крестьянъ къ неповиновенію, правительство въ манифестѣ отъ 29 января 1797 г., указавъ на необходимость подчиненія законно установленнымъ властямъ, торжественно заявляло, обращаясь къ непокорнымъ крестьянамъ: „Повелѣваемъ: чтобы всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ въ оброкахъ, работахъ и, словомъ, всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законной наказанія". Такимъ образомъ этимъ манифестомъ какъ бы ясно давалось всѣмъ понять, что крѣпостной строй русской деревни долженъ удержать свой прежній характеръ.

Являясь сторонникомъ самаго строгаго порядка въ дѣлахъ внутренняго управленія и желая уравнять всѣхъ передъ лицомъ своей неограниченной власти, Павелъ смотрѣлъ на себя какъ на монарха, призваніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы возстановить все то, что было разрушено французскою революціею. Онъ съ нескрываемымъ гнѣвомъ относился къ Французской республикѣ, въ которой „развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка" попрали законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ. Торжественно заявляя еще въ 1796 году, что онъ всевоз-

можными мѣрами будетъ противиться неистовой Французской республикѣ, императоръ Павелъ началъ гоненіе на все, что, по его мнѣнію, было связано съ французскимъ вліяніемъ. Воспрещено было ношеніе фраковъ, круглыхъ шляпъ и тростей, какъ проявленіе „якобинскаго" духа. Путешествія за границу разрѣшались только по личному докладу государю; а для того, чтобы не встрѣчалось надобности въ заграничныхъ поѣздкахъ съ научной цѣлью, въ 1799 г. основанъ былъ дерптскій университетъ. Въ 1800 г. послѣдовало запрещеніе ввозить въ Россію всѣ иностранныя книги и музыкальныя произведенія, такъ какъ черезъ нихъ „наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія". Незадолго передъ тѣмъ закрыты были частныя типографіи и введена строгая цензура. Всѣ сомнительные вопросы въ цензурной практикѣ восходили на разрѣшеніе самого государя. Преслѣдовались не только идеи и книги, но даже отдѣльныя слова: вмѣсто обозрѣніе велѣно было употреблять осмотрѣніе, вмѣсто врачъ - лѣкарь, вмѣсто пособіе - помощь, вмѣсто сержантъ - унтеръ-офицеръ; слово граждане замѣнено было словами жители или обыватели, а отечество - государствомъ. Слово же общество запрещено было употреблять совсѣмъ безъ замѣны его какимъ-либо синонимомъ.

Въ своемъ стремленіи возстановить прежній порядокъ во Франціи, Павелъ оказывалъ самое широкое гостепріимство эмигрантамъ и роялистамъ. Въ Волынской и Подольской губерніяхъ съ конца 1797 года былъ расквартированъ семитысячный отрядъ эмигрантовъ подъ начальствомъ принца Конде, а Людовику XVIII предоставленъ былъ Митавскій замокъ, съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 200 тыс.руб. Съ 1798 г. Павелъ уже помышлялъ о тѣсной связи всѣхъ государствъ, „оставшихся еще внѣ заразы", чтобы „обуздать буйство" французской націи. Поводомъ для активнаго выступленія Россіи на борьбу съ Франціей послужилъ захватъ французскимъ правительствомъ въ 1798 году острова Мальты, принадлежавшаго рыцарямъ ордена святого Іоанна Іерусалимскаго. Магистромъ этого ордена былъ самъ императоръ Павелъ, давшій обѣтъ при принятіи этого званія сохранить орденъ „при его прежнихъ установленіяхъ и преимуществахъ". Въ концѣ 1798 г. Австріи и Англіи удалось втянуть Россію въ образовавшуюся противъ Франціи европейскую коалицію, которой Павелъ обѣщалъ помогать и на сушѣ и на

моръ. Однако несмотря на блестящія побѣды русскихъ войскъ подъ начальствомъ Суворова въ сѣверной Италіи и знаменитый его переходъ черезъ С.-Готардъ, достигнутые результаты не привели рѣшительно ни къ чему, такъ какъ Австрія держала себя въ высшей степени вѣроломно, а Англія играла довольно двойственную роль, захвативъ Мальту въ свое владѣніе и почти что не оказывая помощи русскимъ войскамъ, оперирующимъ въ Голландіи. Въ 1800 г. отношенія императора Павла съ его бывшими союзниками были окончательно порваны, а изъ Лондона былъ даже отозванъ русскій посланникъ. Россія начинала склоняться къ сближенію съ новымъ французскимъ правительствомъ, захватившимъ въ свои руки власть послѣ 18-го брюммера 1799 г. Въ лицѣ перваго консула Наполеона Бонапарта Павелъ усматривалъ человѣка, способнаго водворить порядокъ во Франціи, „называя его королемъ, если не по имени, то по существу". Въ знакъ своего личнаго уваженія къ императору Павлу первый консулъ распорядился отпустить въ Россію 5000 русскихъ плѣнниковъ съ знаменами и оружіемъ, обмундировавъ ихъ заново. Въ отвѣтъ на письмо Наполеона русскій императоръ писалъ ему 18 декабря 1800 г.: „постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается". Съ сентября 1800 г. прекращаются торговыя сношенія Россіи съ Англіей и на всѣ англійскія суда было наложено „амбарго". А въ январѣ 1801 г. Павелъ уже предупреждалъ Бонапарта о враждебныхъ замыслахъ Англіи и предлагалъ образовать союзъ противъ нея. Въ то же самое время русское правительство предприняло войну съ Англіей и отданъ былъ приказъ о выступленіи донскихъ казаковъ въ походъ въ Индію. Самъ Бонапартъ, говорятъ, разрабатывалъ подробности этой экспедиціи, которая однако не была доведена до конца. Такимъ образомъ и во внѣшней политикѣ императоръ Павелъ обнаруживалъ ту же измѣнчивость и непостоянство, которыми отличались его внутреннія мѣропріятія. Начавъ свою внѣшнюю политику въ союзѣ съ Англіей, Павелъ къ концу своего царствованія превратилъ ее въ непримиримаго врага Россіи. Это не могло не способствовать усиленію недовольства въ русскомъ обществѣ, особенно въ дворянскихъ землевладѣльческихъ кругахъ, такъ какъ въ Англію въ громадномъ количествѣ вывозили изъ Россіи сырье, преимущественно продукты сельскаго хозяйства, а съ началомъ военныхъ

дѣйствій эта торговля неизбѣжно была прервана.

А между тѣмъ внутри государства положеніе дѣлъ становилось все болѣе критическимъ. Замѣчая вокругъ себя всеобщее недовольство за вмѣшательство во всѣ мелочи частной и личной жизни, „Павелъ, какъ говоритъ одинъ современникъ, былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни". Въ своемъ недовѣріи къ окружающимъ лицамъ Павелъ начиналъ подозрѣвать въ честолюбивыхъ замыслахъ и свою супругу, и старшихъ сыновей, которыхъ онъ предполагалъ даже подвергнуть заточенію въ крѣпости. Такимъ образомъ надъ Россіей начиналъ витать грозный призракъ династическаго кризиса. Терпѣніе иссякло уже у всѣхъ; по выраженію Карамзина, всѣ „смотрѣли на сего монарха, какъ на грозный метеоръ, считая минуты и съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдней". Въ концѣ 1800 г. императоръ переѣхалъ въ спеціально выстроенный для него Михайловскій замокъ, сооруженный въ видѣ крѣпости съ рвомъ и подъемными мостами; но этотъ новый мрачный дворецъ сдѣлался его гробницей, такъ какъ въ высшихъ придворныхъ и военныхъ кругахъ уже началъ составляться заговоръ противъ его тираническаго правленія. Всѣмъ было очевидно, что непостоянство во внутренней и внѣшней политикѣ, массовыя опалы, разрывъ съ семьей и приближеніе къ особѣ государя людей недостойныхъ его довѣрія происходитъ отъ болѣзненнаго настроенія императора Павла, граничившаго съ психическимъ разстройствомъ. Еще въ началѣ 1800 г. нѣкоторые иностранные послы доносили своимъ правительствамъ о помѣшательствѣ Павла, а принцъ Евгеній Вюртембергскій, прибывшій въ Россію въ февралѣ 1801 г, вполнѣ опредѣленно говоритъ въ своихъ запискахъ, „что разумъ императора колебался между свѣтомъ и тѣнью". Государь, по его словамъ, „доказалъ всѣмъ совершенную неспособность царствовать, и его печальное состояніе грозило государству очевидною опасностью".

Во главѣ заговора стоялъ вице-канцлеръ графъ Панинъ и петербургскій военный губернаторъ графъ Паленъ. Въ составъ заговорщиковъ входило нѣсколько сенаторовъ и высшихъ военныхъ лицъ изъ войскъ петербургскаго гарнизона. Первоначально

предполагали только отстранить Павла отъ престола подъ предлогомъ его болѣзни, передавъ регентство великому князю Александру, но затѣмъ все сильнѣе стала крѣпнуть мысль о низложеніи Павла, хотя бы цѣною его жизни и о возведеніи на престолъ его старшаго сына. При этомъ по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ среди главарей заговора созрѣвалъ планъ съ перемѣною правителя связать и введеніе конституціонной формы правленія, но большинство заговорщиковъ, какъ говоритъ фонъ-Визинъ, „не знало о намѣреніи ограничить самодержавіе". Я не буду входить въ подробности описанія трагической кончины императора Павла въ ночь съ 11-го на 12-ое марта 1801 г., но только приведу въ заключеніе слова декабриста фонъ-Визина, вполнѣ примѣнимыя къ его печальной судьбѣ: тамъ, „гдѣ произволъ одного есть законъ верховный, тамъ государь является лишь игрушкою въ рукахъ своихъ любимцевъ." Тѣ благія намѣренія, съ которыми вступалъ на престолъ императоръ Павелъ, исчезли какъ миражъ и превратились въ рядъ безсвязныхъ распоряженій, окончательно дезорганизовавшихъ весь государственный и общественный организмъ. Коснувшись въ своемъ законодательствѣ обоихъ коренныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ самою жизнью, Павелъ не разрѣшилъ своей дѣятельностью ни соціальную, ни политическую проблему. Однако мы не можемъ не признать его царствованія за поворотный моментъ въ исторіи Россіи, - оно органически связано съ прошедшимъ, какъ протестъ противъ него, и съ будущимъ, какъ первая попытка осуществленія той програмы, которую диктовалъ весь комплексъ жизненныхъ отношеній въ странѣ.

----- o -----

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I.

Новое столѣтіе въ Россіи начиналось при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, такъ какъ на престолѣ былъ молодой государь, который хотѣлъ всей своей дѣятельностью замести тяжелые слѣды предшествующаго правленія. Общество ликовало; оно было полно надеждъ и упованій на то, что новое

царствованіе обезпечитъ всѣ ожиданія, осуществитъ всѣ надежды. Въ первый же день послѣ переворота, когда не успѣлъ еще остыть трупъ Павла I, на улицѣ, говорятъ современники, всѣ были въ возбужденномъ состояніи, какъ будто Свѣтлое Христово Воскресенье. Всѣ радовались, всѣ привѣтствовали другъ друга и цѣловались. Появились русскія тройки, запрещенныя при Павлѣ; появились костюмы, которые прежде были изгнаны. Самъ государь безъ всякой свиты, безъ всякой стражи появлялся на улицѣ и довольствовался лишь простымъ поклономъ со стороны своихъ подданныхъ. Все то, что было прежде подвергнуто остракизму, теперь сдѣлалось дозволеннымъ. Одинъ изъ участниковъ заговора, князь Платонъ Зубовъ, бывшій фаворитъ Екатерины, устроилъ у себя оргію, на которую позвалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Здѣсь самъ хозяинъ появился во фракѣ и трехцвѣтномъ жилетѣ и металъ банкъ, что было строго воспрещено при Павлѣ. Освободившись отъ тѣхъ стѣсненій, которыми опутана была и личная и общественная жизнь, общество сразу же встрепенулось при первыхъ заявленіяхъ новаго правительства, а это правительство манифестомъ 12 марта 1801 г. обѣщало какъ бы начало новой эры. Этотъ манифестъ, удачно составленный Трощинскимъ, однимъ изъ дѣятелей екатерининскаго царствованія, указывалъ курсъ новаго правительства. Въ немъ Александръ, объявляя своимъ подданнымъ, что отецъ его скончался скоропостижно „апоплексическимъ ударомъ", указывалъ, что самъ онъ будетъ царствовать по закону и по сердцу своей Августѣйшей бабки. „Да по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя достигнемъ вознести Россію на верхъ славы." Въ этихъ словахъ перваго публичнаго обращенія правительства къ обществу оно усмотрѣло какъ бы стремленіе отречься отъ мѣропріятій предшествующаго царствованія и вернуть Россію въ тотъ періодъ ея славы и могущества, какимъ она пользовалась въ царствованіе Екатерины II. Въ этотъ моментъ, можно сказать, среди общественнаго ликованія не было фальшивой ноты. И особенно ярко сказывалось это настроеніе общества въ одахъ и стихотвореніяхъ того времени. И старикъ Державинъ, этотъ пѣвецъ Екатерины, и молодой Карамзинъ, только-что создавшій себѣ литературную славу „Письмами русскаго путешественника", восторженно привѣтствовали молодого государя. Державинъ, какъ

бы намекая на предшествующее царство ужасовъ, писалъ въ своей одѣ:

„Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ."

А Карамзинъ по поводу вступленія на престолъ новаго государя писалъ между прочимъ: „Живи, давай законы намъ, и будешь славенъ по дѣламъ." Откликами этихъ литературныхъ вѣяній были тѣ пѣсни, которыя распѣвала гвардія, только-что освободившаяся отъ стѣснительной прусской формы и напудренныхъ прическокъ съ буклями и косами. Гвардія ликовала: она чувствовала былое приволье екатерининскаго царствованія и выражала свой восторгъ пѣсней, начинавшейся словами: „Послѣ бури, бури преужасной днесь настал нам день прекрасный." Среди этого всеобщаго подъема появилась и общественная программа политическихъ и соціальныхъ реформъ, составленная какимъ-то неизвѣстнымъ энтузіастомъ, которому удалось свою записку положить тайкомъ въ кабинетѣ молодого государя. Эта рукопись была внимательно прочитана императоромъ Александромъ. Всѣ идеи, которыми охвачено было передовое общество, здѣсь нашли себѣ конкретную литературную форму. Неизвѣстный авторъ говорилъ объ изданіи „непреложныхъ законовъ", которые должны стать „предѣломъ самодержавія, во вѣки нерушимымъ". Дальше онъ развивалъ ту мысль, что коренныя учрежденія должны быть составлены не только по совѣту мудрыхъ, поставленныхъ около государя, но и по совѣщанію „съ другими, которыхъ гласъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ его государства истину повѣдать ему станетъ". Охраненіе этого кореннаго учрежденія должно быть поручено блюстителямъ, избраннымъ самимъ государемъ, которымъ онъ удѣлитъ избытокъ своей самодержавной власти. На ряду съ этими государственными установленіями молодымъ публицистомъ выставлялась и реформа финансоваго вѣдомства. Придворные расходы будутъ сокращены и установленъ будетъ цивильный листъ, т.е. количество средствъ, идущихъ на содержаніе государя и двора. Вмѣстѣ съ этимъ не забыты были и необходимыя гражданскія преобразованія. По словамъ автора записки, другъ людей Александръ укрѣпитъ въ обществѣ вѣру въ правосудіе, безъ котораго почтенныя слова: „гражданинъ", „отечество" есть пустые звуки на языкѣ отечественномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рисовалъ и обликъ новаго суда, - суда

присяжныхъ, - судьи, избранные отъ народа и облеченные общественнымъ довѣріемъ. Реформируя государственный строй, развертывая широкую программу гражданскихъ преобразованій, записка указывала и на необходимость развитія дѣла народнаго просвѣщенія. Не только въ чертогахъ замкнутся науки и художества, но они проникнутъ и въ хижины поселянъ и будутъ служить воспитанію всего народа, поднятію его благоденствія послѣ того, какъ Александръ разрѣшитъ узы ума и таланта. Вмѣстѣ съ тѣмъ и проблема соціальная, которая тѣсно сплеталась съ реформой законодательства и съ реформой государственнаго строя, выдвигалась авторомъ въ его преобразовательной программѣ. „Александръ обезпечитъ права человѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ, введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости." Въ концѣ своего объемистаго произведенія этотъ неизвѣстный публицистъ выражалъ увѣренность, что вся его широкая преобразовательная программа будетъ осуществлена въ теченіе одного царствованія. Конечно, эти реформы могли бы быть проведены въ жизнь только при томъ условіи, чтобы къ нимъ было проявлено широкое сочувствіе общества и чтобы лицо, стоящее во главѣ правительственнаго механизма, молодой государь, обладалъ желѣзной волей, громаднымъ нравственнымъ закаломъ для преодолѣнія всѣхъ преградъ, которыя онъ могъ встрѣтить на своемъ преобразовательномъ пути. Но именно потому, что не было налицо этихъ условій, можно заранѣе сказать, что вся эта программа была обречена на безплодіе. Голосъ молодого публициста, имя котораго скоро обнаружилось,- это былъ Каразинъ, впослѣдствіи основатель харьковскаго университета,- какъ бы пропалъ, заглохъ въ окружающей общественной средѣ. Это былъ какъ бы голосъ вопіющаго въ пустынѣ, потому что общество не было подготовлено къ широкимъ преобразовательнымъ начинаніямъ, а самъ Александръ не былъ на той высотѣ, на которую поставилъ его молодой публицистъ-энтузіастъ. Слова манифеста 12 марта, въ которомъ Александръ обѣщалъ царствовать „по закону и по сердцу своей бабки", были поняты вполнѣ различно отдѣльными группами тогдашняго общества. Люди стараго вѣка, люди поколѣнія царствованія Екатерины, всѣ эти ея бывшіе орлы, ея сотрудники по военному и гражданскому управленію, понимали эти слова въ томъ смыслѣ, что Россія вернется къ прежней славѣ, по-прежнему бу-

дутъ гремѣть пушки на морѣ, будутъ одерживаться громкія побѣды на сушѣ. При дворѣ будетъ вѣчный праздникъ, а въ ихъ дворцахъ и имѣніяхъ на лонѣ дарового крѣпостного труда будетъ протекать широкая и привольная барская жизнь. Такимъ образомъ, у людей этого „бабушкинаго вѣка", по выраженію самого императора Александра, идеалы были позади; въ томъ царствованіи, когда Россія была на верху европейской славы, которую нельзя было превзойти,- надо было вернуться къ прежнему, надо было осуществить въ жизни идеалы екатерининской эпохи. Но на ряду съ этими сановными стародумами мы встрѣчаемъ въ правительственныхъ кругахъ и людей молодого поколѣнія. Это были сыновья тѣхъ самыхъ вельможъ, которые составляли общество екатерин. Эрмитажа. Это были почти что сверстники молодого государя, воспитанные въ передовыхъ идеяхъ того времени. Они считали, что слова о законѣ и о сердцѣ императрицы надо понимать не въ томъ смыслѣ, какой рисовали себѣ старики, т.е. считали это не лозунгомъ возврата къ старинѣ, не призывомъ къ прежней дворянской крѣпостной жизни, а видѣли въ этомъ указаніе на либеральные принципы первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины, на тотъ моментъ, когда еще императрица, являясь другомъ Вольтера и энциклопедистовъ, не ушла всецѣло въ сословно-дворянскую политику. Передъ ихъ умственнымъ взоромъ рисовалась реформа и государственная и соціальная. Необходимо было облечь въ плоть и кровь тотъ принципъ законности, о которомъ говорилъ Большой Наказъ императрицы. Надо было создать то соціальное равенство, о которомъ возвѣщала Россіи Екатерина въ 1767 г. Такимъ образомъ, двѣ струи русскаго общества тогдашней эпохи по различному относились къ только-что опубликованному заявленію, а третья струя, наиболѣе радикальная, наиболѣе передовая, высказалась устами Каразина. Въ круговоротѣ этихъ теченій общественной мысли и очутился императоръ Александръ I. Онъ долженъ былъ выбирать, онъ долженъ былъ стать на ту или другую сторону. Вполнѣ понятно, что въ первые дни своего царствованія онъ находился подъ тяжелымъ, кошмарнымъ впечатлѣніемъ только-что пережитой трагедіи. Вѣдь катастрофа, происшедшая въ Михайловскомъ дворцѣ, и прямо и косвенно задѣвала его, бросала на него тѣнь и какъ на сына, и какъ на государя. Ходили слухи о его соучастіи въ дѣлѣ убійства императора Павла. Даже мать Александра, императрица Марія Ѳеодо-

ровна въ первый моментъ считала его отцеубійцей. Надо было употребить много усилій, чтобы разсѣять эти мрачныя подозрѣнія. Удрученный своей сыновней скорбью, стремящійся вывести Россію на путь обновленія, не имѣвшій возможности сразу же порвать съ заговорщиками, которые, совершивъ одинъ переворотъ, могли черезъ нѣсколько дней отважиться на другой, одинокій въ своей семьѣ, Александръ былъ полонъ печали въ первые дни по вступленіи на престолъ, и въ этомъ траурномъ своемъ состояніи онъ, конечно, привлекалъ къ себѣ симпатіи общества. Но, переживая эту тяжелую душевную драму, Александръ прежде всего понималъ, что отъ него, какъ отъ новаго государя, ждутъ рѣшительнаго поворота къ новому. Надо было изгладить изъ общественной памяти всѣ суровыя мѣропріятія кошмарнаго царствованія ужасовъ его отца, надо было разсѣять тотъ туманъ, которымъ окруженъ былъ Петербургъ въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Павла I. И вотъ прежде всего новое правительство идетъ какъ бы по пути отрицанія прежняго павловскаго режима. Надо пробѣжать глазами всѣ тѣ узаконенія, которыя изданы были въ первые мѣсяцы 1801 г., чтобы понять, какую программу усвоило себѣ новое царствованіе. Начиная съ 14 марта и кончая 5 іюня 1801 г., можно сказать, не проходитъ дня, чтобы не былъ изданъ какой-либо новый указъ. Прежде всего, необходимо было возстановить тѣ коренныя узаконенія, которыя отмѣнены были въ царствованіе Павла I. Возстановлена была жалованная грамота дворянству и городовое положеніе 1785 г. Затѣмъ издается рядъ мелкихъ указовъ, разрѣшается ввозъ и вывозъ изъ Россіи всѣхъ товаровъ, привозъ въ Россію иностранныхъ книгъ и иностранныхъ нотъ, дозволено было иностранцамъ въѣзжать въ Россію и русскимъ отправляться въ заграничныя путешествія, возстановлены были вольныя типографіи, закрытыя при императорѣ Павлѣ. Затѣмъ обнародована была амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ, а лицамъ, уволеннымъ въ царствованіе Павла, было разрѣшено снова поступить на службу. Для того, чтобы искоренить изъ общественнаго сознанія самое орудіе политическаго сыска, упразднена была тайная канцелярія. Такимъ образомъ, новое царствованіе какъ бы спѣшило загладить все то, что было произведено въ предшествующіе 4 года и перенести Россію къ тому привольному житью, въ которомъ такъ хорошо себя чувствовало дворянское общество екатерининской эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство

считало необходимымъ создать и новыя коренныя узаконенія. 5 іюня опубликованъ былъ указъ сенату, предписывавшій составить докладъ о его правахъ и обязанностяхъ и повелѣно было прекратить печатаніе объявленій въ газетахъ о продажѣ крестьянъ въ розницу. Этимъ какъ бы устанавливался новый курсъ, новое направленіе - реформа государственныхъ учрежденій и реформа соціальныхъ отношеній. Въ то время, какъ развертывалась эта широкая программа грядущихъ преобразованій и ставились вопросы, разрѣшеніе которыхъ выдвигалось самой жизнью, конечно, всѣ взоры были устремлены на императора Александра. Онъ былъ въ центрѣ событій, отъ него зависѣло направить правительственный механизмъ въ ту или другую сторону, стать или бокъ о бокъ съ вельможами „бабушкинаго вѣка" или протянуть руку своимъ сверстникамъ, людямъ новаго поколѣнія. Для того, чтобы понять, по какому пути пойдетъ Александръ, какой способъ дѣйствій онъ себѣ усвоитъ, надо познакомиться съ личностью молодого государя, надо выяснить основныя черты его характера, а это лучше всего можно сдѣлать, сказавъ нѣсколько словъ о его воспитаніи. Въ этомъ воспитаніи, въ этихъ раннихъ годахъ его жизни мы найдемъ зачатки всѣхъ тѣхъ характерныхъ чертъ его душевной природы, которыя впослѣдствіи опредѣлили его образъ дѣйствій на тронѣ.

Характеристика Александра I.

Старшій сынъ императора Павла отъ его второго брака съ Вюртембергской принцессой Маріей Өеодоровной, Александръ родился 12 декабря 1777 г. и съ самаго перваго дня рожденія попалъ въ ненормальную обстановку, являясь предметовъ ревности между бабкой и отцомъ. Екатерина, которая считала себя великимъ педагогомъ, тотчасъ же взяла внука подъ свое непосредственное наблюденіе. Онъ росъ въ аппартаментахъ бабушки, въ одной изъ комнатъ Зимняго дворца. Сама Екатерина начертала програму его воспитанія, которая составлена была по передовымъ педагогическимъ сочиненіямъ того времени. „Эмиль" Руссо и „Мысли о воспитаніи" Локка послужили основнымъ матеріаломъ для программы воспитанія Александра Павловича. Всѣ малѣйшія подробности въ обиходѣ молодого великаго князя были предусмо-

трѣны. Императрица хотѣла закалить его физическую и нравственную природу, хотѣла поставить его воспитаніе на самую раціональную передовую ногу. Воспитаніе молодого великаго князя поручено было швейцарцу Лагарпу, человѣку весьма передовыхъ убѣжденій. Рядомъ съ Лагарпомъ мы встрѣчаемъ и другого педагога Муравьева, извѣстнаго писателя сентиментальнаго направленія. Кромѣ этихъ лицъ мы видимъ около Александра еще учителей въ родѣ Протасова и Масона, оставившихъ любопытныя записки о раннихъ годахъ его жизни. Верховный же надзоръ надъ молодымъ великимъ княземъ и надъ его слѣдующимъ по старшинству братомъ, великимъ княземъ Константиномъ былъ порученъ графу Салтыкову, одному изъ вельможъ екатерининскаго двора. Уже въ этомъ подборѣ воспитателей мы усматриваемъ ту заботливость, которой Екатерина хотѣла окружить своихъ старшихъ внуковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ здѣсь цѣлый рядъ взаимно исключающихъ положеній. Салтыковъ - вельможа, котораго современники рисуютъ, какъ человѣка весьма недалекаго, находящагося подъ сильнымъ вліяніемъ своей жены и своего секретаря. Онъ глубоко былъ проникнутъ принципами придворной жизни и могъ развѣ пріучить своего воспитанника правильно примѣнять пріемы придворнаго этикета, а вѣдь придворная жизнь плохая школа для развитія искренняго, открытаго характера. Что касается Протасова, то это былъ человѣкъ тоже не особенно широкаго образованія и скорѣй придворный, чѣмъ педагогъ. Муравьевъ былъ довольно видный писатель той эпохи, но плохо знавшій современную русскую дѣйствительность, а что касается Лагарпа и Массона, то эти два иностранца, конечно, съ окружающей русской средой ничего общаго не имѣли. Значитъ Александръ подпадалъ подъ вліяніе, такъ сказать, троякое: придворное, сентиментальное и иностранно-либеральное. Въ этомъ-то круговоротѣ идей и понятій онъ долженъ былъ оріентироваться въ самомъ юномъ своемъ возрастѣ. Лагарпъ, который явился какъ бы главнымъ педагогомъ, которому поручены были весьма существенныя стороны въ дѣлѣ воспитанія молодого великаго князя, составилъ себѣ довольно широко задуманный планъ. Онъ прежде всего хотѣлъ познакомить молодого великаго князя съ исторіей образованія человѣческихъ обществъ. Затѣмъ хотѣлъ прочесть своему воспитаннику лекціи по практической морали, хотѣлъ познакомить

его съ возвышенными примѣрами человѣческой и государственной добродѣтели, а затѣмъ уже перейти къ систематическому прохожденію наукъ. Другой воспитатель Муравьевъ долженъ былъ на примѣрахъ, почерпнутыхъ изъ европейской и русской литературы, давать своему воспитаннику наиболѣе яркіе примѣры добродѣтельной жизни. Вы видите, что и тотъ и другой - и Лагарпъ и Муравьевъ, главнымъ образомъ, витали въ сферѣ отвлеченныхъ понятій объ индивидуальной добродѣтели и гражданской доблести. Въ этой-то сферѣ идеальныхъ высотъ и находился Александръ Павловичъ въ годы своего воспитанія. Это воспитаніе сразу же было поставлено на неправильную почву. Молодой великій князь получалъ какъ бы въ готовомъ видѣ выводы тогдашней передовой морали и науки. Его, по выраженію одного историка, насыщали этой дестиллированной общечеловѣческой моралью, какъ сухую губку. Онъ вбиралъ въ себя то, чѣмъ жила передовая европейская мысль, и въ годы, когда эту мысль онъ не могъ еще правильно усвоить, съ нимъ говорили, какъ со взрослымъ. Это въ 10-12 лѣтъ! Вполнѣ естественно, что такой педагогическій пріемъ пріучилъ Александра Павловича къ верхоглядству. Онъ усваивалъ себѣ все въ готовомъ видѣ, больше запоминалъ, чѣмъ продумывалъ, а эти идеи были далеки отъ окружающей русской действительности. Онъ хорошо зналъ, что было въ Греціи, въ Римѣ, каковы были доблести древнихъ героевъ и добродѣтели тѣхъ лицъ, о которыхъ писали Локкъ и Руссо, но онъ совершенно не зналъ того положенія, въ которомъ находилась его родина, онъ не былъ подготовленъ къ тому, чтобы бороться съ окружающей дѣйствительностью. Такимъ образомъ, педагогическіе пріемы и Лагарпа, и Муравьева были далеки отъ той правды, съ которой придется впослѣдствіи столкнуться Александру, и, какъ говоритъ тотъ же историкъ, Александръ подъ вліяніемъ своего воспитанія превращался въ прекрасный цвѣтокъ, но тепличный. Онъ росъ въ искусственной атмосферѣ, и въ этомъ надо видѣть основную причину того, что въ Александрѣ не образовалось нравственнаго закала. Онъ былъ, по выраженію императрицы Екатерины, воплощенная добродѣтель. Его душа была мягка, какъ воскъ, но въ эту душу воспитатели не влили совершенно ни одной капли металла, которая могла бы закалить и укрѣпить его добродѣтельныя наклонности. Однако на ряду съ этими пріемами воспитанія, на

характеръ Александра Павловича вліяло и его семейное положеніе. Онъ сразу былъ поставленъ въ ненормальныя условія между отцомъ и бабкой. Онъ былъ между ними, какъ между молотомъ и наковальней, и въ этомъ тяжеломъ ненормальномъ семейномъ положеніи надо видѣть разгадку той двойственности, которой отличался Александръ въ теченіе всей своей жизни.

Лекція II.

Оторванный отъ отца и находящійся подъ бдительнымъ присмотромъ своей бабки, Александръ, конечно, не могъ вытравить въ себѣ чувства сыновней любви. Онъ долженъ былъ дѣлить время между Зимнимъ дворцомъ императрицы Екатерины и мрачнымъ Гатчинскимъ замкомъ своего отца. Оба старшихъ великихъ князя - и Александръ, и Константинъ должны были каждую недѣлю по пятницамъ отправляться въ Гатчино и тамъ проводить всю субботу, а подъ вечеръ возвращаться обратно въ Петербургъ. И вотъ здѣсь-то и обнаруживается тяжелое положеніе Александра и Константина, особенно старшаго, болѣе впечатлительнаго. Въ Петербургѣ, особенно въ Эрмитажѣ, въ этихъ аппартаментахъ императрицы князей окружала привольная атмосфера вѣчнаго праздника, гдѣ говорились непринужденныя рѣчи, гдѣ шутились самыя отборныя шутки, гдѣ иногда императрица за партіей ломбера или за оживленнымъ разговоромъ разрѣшала со своими близкими важные политическіе вопросы. Въ эрмитажномъ театрѣ ставились пьесы, иногда написанныя самой императрицей, а въ обширныхъ залахъ дворца подъ покровомъ непринужденнаго веселья широко царило праздничное настроеніе. Что касается нравственной жизни придворнаго общества, то оно, конечно, находилось на общемъ уровнѣ тогдашняго европейскаго развитія. Были и грѣшки, но они прикрывались довольно опрятной внѣшностью. И вотъ изъ этой-то атмосферы екатерининскаго Эрмитажа Александръ переносился въ Гатчино. Тамъ онъ долженъ былъ присутствовать при вахтпарадѣ, при военномъ разводѣ, гдѣ Александръ являлся въ качествѣ командира второго батальона, а Константинъ - командира третьяго батальона. Здѣсь Александръ присутствовалъ при ужасныхъ расправахъ своего отца, слышалъ слова команды жестокія и суровыя.

видѣлъ размахъ и руки и палки, присутствовалъ при тяжелыхъ наказаніяхъ. Если въ Эрмитажѣ въ чулкахъ, башмакахъ и вышитомъ кафтанѣ Александръ являлся представителемъ самаго избраннаго общества, то въ Гатчинѣ, въ ботфортахъ и прусской формѣ, онъ долженъ былъ играть роль самаго вышколеннаго плацъ-парАднаго военнаго. Въ Петербургѣ онъ долженъ былъ быть любящимъ внукомъ, а въ Гатчинѣ сочувствующимъ сыномъ. Въ Петербургѣ онъ съ Императрицей Екатериной читалъ французскую конституцію и обсуждалъ вопросы, связанные съ перемѣной образа правленія во Франціи, а въ Гатчинѣ онъ долженъ былъ показать себя хорошимъ фронтовикомъ и нерѣдко даже удивлялъ отца своими военными пріемами, говоря: „Вотъ, это по-нашему, по-гатчински!" Такимъ образомъ, Александръ долженъ былъ двоиться, долженъ былъ имѣть всегда 2 лица, носить маску, вырабатывать въ себѣ актера, и эта тяжелая жизненная обстановка рано пріучила его быть двойственнымъ, таить въ себѣ тѣ мысли, которыя онъ почти никому не открывалъ. Слова его почти всегда расходились съ дѣломъ и въ результатѣ онъ являлся для своихъ современниковъ тѣмъ загадочнымъ сфинксомъ, котораго никто не могъ разгадать. Какъ наиболѣе яркій примѣръ такой двойственности въ душѣ Александра, я приведу вамъ слѣд. случай. Екатерина, давно уже питавшая недовѣріе къ своему сыну, хотѣла въ послѣдніе годы своей жизни назначить наслѣдникомъ престола Александра. Она ввела внука въ свою тайну и сообщила ему о предполагаемомъ завѣщательномъ актѣ. Александръ въ почтительномъ письмѣ благодарилъ бабку за довѣріе, но въ то же самое время писалъ въ Гатчино къ отцу, называя его еще не принадлежащимъ ему титуломъ „Ваше Императорское Величество", а за спиной ихъ обоихъ говорилъ своимъ друзьямъ, что онъ сумѣетъ отказаться отъ власти и будетъ жить гдѣ-нибудь на Рейнѣ жизнью частнаго лица. Еще болѣе характерный примѣръ можно привести изъ эпохи послѣднихъ лѣтъ царствованія Павла. Въ 1799 г. Александръ, узнавъ объ отставкѣ Аракчеева и с назначеніи на его мѣсто Амбразанцева, говорилъ окружающимъ: „Слава Богу, а вѣдь могли напасть на мерзавца еще хуже Аракчеева" и въ то же самое время, недѣли черезъ 2 писалъ письмо Аракчееву, называя его своимъ другомъ, своимъ наиболѣе близкимъ человѣкомъ. И дѣйствитель-

но. Александръ, являясь любимымъ ученикомъ Лагарпа, въ царствованіе Павла сходится съ Аракчеевымъ. Между ними устанавливается какая-то таинственная связь. Самъ Павелъ ихъ связалъ другъ съ другомъ и взялъ съ нихъ обѣщаніе быть друзьями и все дѣлить между собою. Такимъ образомъ, семейная обстановка вырабатывала въ Александрѣ двойственность, вырабатывала въ немъ ту черту характера, которая впослѣдствіи заставляла современниковъ говорить, что притворство есть отличительная черта въ характерѣ Александра. Не даромъ Наполеонъ называлъ его византійцемъ, а Сперанскій - сущимъ прельстителемъ. Да, господа, въ словахъ Александра было много обаятельности. Онъ умѣлъ себя держать съ окружающими такъ, что всѣ были отъ него въ восторгѣ, но никогда онъ не обнаруживалъ себя цѣликомъ и всегда въ душѣ таилъ что-то недосказанное. Его словамъ нельзя было довѣрять, его обѣщанія почти никогда не выполнялись. Въ условіяхъ воспитанія и въ условіяхъ семейной обстановки надо видѣть основныя причины характера императора Александра, а въ томъ, что онъ рано былъ превращенъ во взрослаго, надо усматривать причины, почему научная подготовка молодого великаго князя не пошла далеко. Изъ чисто династическихъ соображеній императрица Екатерина хотѣла при своей жизни женить старшаго внука. Она хотѣла какъ бы обезпечить престолонаслѣдіе въ линіи Александра и такимъ образомъ 16-лѣтнему великому князю была найдена 14-лѣтняя невѣста принцесса Баденская, названная въ мүропомазаніи Елизаветой Алексѣевной. Слѣдовательно, въ тотъ самый моментъ, когда Александръ могъ дѣйствительно воспринимать лекціи Лагарпа и понимать ту возвышенную мораль, которую проповѣдывалъ этотъ швейцарскій гражданинъ, желавшій создать изъ Александра будущаго Марка Аврелія для 50 милл. его подданныхъ, онъ былъ оторванъ отъ школьной скамьи и былъ превращенъ въ семьянина. Конечно, съ этого времени всякое ученіе уже было заброшено. Александръ всецѣло отдался придворной и семейной жизни. Воспринявъ готовыя понятія политическія и нравственныя, Александръ сталъ на пути между 2-мя теченіями, которыя въ это время господствовали въ европейскомъ обществѣ: съ одной стороны - раціонализма, подготовившаго великій французскій переворотъ, съ другой стороны романтизма, явившагося какъ

бы реакціей къ тому господству разума, который царилъ въ 18 столѣтіи. На переломѣ культурной жизни между раціоналистическимъ и романтическимъ теченіями и стояло общество конца 18 столѣтія. Колебанія въ общественной структурѣ и въ общественной идеологіи ярко отразились на императорѣ Александрѣ. Какъ раціоналистъ, онъ былъ убѣжденъ, что идеальнымъ законодательствомъ можно перевоспитать общество, что можно, даруя народу идеальную конституцію, создать на землѣ райское блаженство; какъ романтикъ онъ вѣрилъ въ то, что однимъ добрымъ порывомъ, однимъ чувствомъ можно управлять государственнымъ механизмомъ. У него не было той подготовки къ дѣлу управленія, у него не было той желѣзной силы воли, какою обладалъ, напр., Петръ Великій. Онъ не могъ преодолѣть преградъ и препонъ, которыя неизбѣжно встрѣчались ему въ жизни и вводить преобразованія систематически и послѣдовательно по разъ намѣченному плану. Всѣ колебанія, свидѣтелями которыхъ были его современники начала 19 вѣка, такимъ образомъ имѣютъ свой корень въ самой нравственной природѣ и душевномъ укладѣ Александра Павловича. Конечно, мы не должны забывать, что и нѣкоторыя наслѣдственныя черты характера должны были сказываться въ Александрѣ въ годы его юности и зрѣлаго возраста. Ни воспитаніе, ни семейное положеніе не могли изгладить въ Александрѣ тѣхъ чертъ характера, которыя были ему присущи, а по дневникамъ Протасова и Масона мы можемъ вполнѣ опредѣленно усмотрѣть, въ чемъ выражались особенности Александра въ самый ранній моментъ его развитія. Воспитатели жалуются на праздность великаго князя, на его стремленіе къ пріятному времяпрепровожденію, онъ любитъ все получать готовое и мало обнаруживаетъ стремленія къ самостоятельной работѣ. Бабка Александра отмѣчаетъ пассивность его характера. Онъ никогда не капризничаетъ, никогда не любитъ затруднять своихъ воспитателей, онъ можетъ играть въ то, что угодно императрицѣ Екатеринѣ. Дастъ она ему мячикъ, онъ играетъ въ мячикъ; возьметъ мячъ и дастъ книгу - и онъ такъ же внимательно разсматриваетъ эту книжку. Это восхищало Екатерину, но это рисуетъ уже въ ранніе годы Александра далеко не самостоятельной личностью. Онъ довольно наблюдателенъ и эластиченъ въ своемъ обращеніи съ окружающими. Даже въ письмахъ къ бабкѣ эта

его вкрадчивость ясно вырисовывается. Если мы сопоставимъ письма Александра къ Екатеринѣ съ письмами его брата Константина, то здѣсь рѣзко обнаружится разница между обоими братьями. Константинъ подписывается: „Любящій Васъ внукъ Константинъ", а Александръ въ заключеніи письма пишетъ: „Цѣлую Ваши ручки, ножки и маленькій пальчикъ на ногѣ." Такимъ образомъ, вкрадчивость и преувеличенная любезность уже въ эти годы обнаруживаются въ характерѣ Александра, но вмѣстѣ съ тѣмъ проявлялась и другая природная черта. Уже въ 1793 г. Протасовъ отмѣчаетъ присущій Александру милитаризмъ. Это очевидно наслѣдственная черта, полученная отъ дѣда Петра III и отъ отца Павла I-го. Эта черточка затѣмъ все усиливалась и развивалась подъ вліяніемъ гатчинской обстановки по словамъ Чарторыйскаго, человѣка близкаго къ Александру въ годы царствованія Павла I. Со временемъ эта черта превратилась въ парадоманію, а впослѣдствіи въ 1817 г. великій князь Константинъ, самъ довольно суровый фронтовикъ, говорилъ о томъ, что въ петербургской гвардіи процвѣтаетъ „танцовальная наука" и что если гвардію поставить вверхъ ногами, то и тогда она совершитъ всѣ тѣ штуки, которыя отъ нея требуютъ. Эта военная черта въ характерѣ Александра не является гоько выраженной въ послѣдней половинѣ его царствованія. Этотъ милитаризмъ присущъ былъ Александру съ самыхъ раннихъ лѣтъ его сознательной жизни. Но отличаясь любовью къ военнымъ упражненіямъ, Александръ не переставалъ быть идеалистомъ и эта идеологія его рѣзко обнаруживается и въ разговорахъ съ Чарторыйскимъ и въ письмахъ къ Лагарпу. Чарторыйскій говоритъ въ своихъ запискахъ, что Александръ обнаружилъ свое отвращеніе къ деспотизму, гдѣ бы и когда бы онъ ни проявлялся. Онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ наблюдалъ за успѣхами французской революціи, радовался установленію республиканскаго строя и говорилъ о томъ, что впослѣдствіи создастъ конституцію, которая соотвѣтствовала бы потребностямъ народнаго духа. Рѣзко критикуя окружающую административную обстановку въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и первые годы царствованія Павла, Александръ еще больше проникся стремленіемъ положить законъ въ основу будущей своей государственной дѣятельности. Если прежде подъ вліяніемъ романтическихъ увлеченій онъ говорилъ о томъ, что уѣдетъ съ женой куда-нибудь на берегъ Рейна и будетъ жить

частной жизнью, если онъ восхищался полевымъ цвѣткомъ, видомъ крестьянской хижины, то теперь, пройдя сквозь суровую школу гатчинскаго и петербургскаго вахтпарада, онъ въ письмѣ къ Лагарпу отъ 29 сент. 1797 г., отправленномъ съ Новосильцевымъ къ своему бывшему воспитателю, говоритъ, что „когда придетъ мой черелъ, тогда нужно будетъ стараться... образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію послѣ чего власть моя совершенно прекратилась бы, и я удалился бы въ какой-нибудь уголокъ, видя процвѣтаніе своего отечества и наслаждаясь имъ."

Значитъ дѣло реформы государственной, необходимость поставить законъ выше произвола, необходимость предупредить въ Россіи возможность злоупотребленія деспотизма въ эти годы являлись основной идеей Александра. Вотъ съ такими-то мыслями, съ такими-то убѣжденіями и вступилъ Александръ на престолъ, но впечатлѣнія первыхъ же дней его царствованія должны были, конечно, отложить въ его душѣ глубокій отпечатокъ. По характеристикѣ одного современнаго историка, проф. Фирсова, Александръ явился моральной жертвой русской исторіи XVIII вѣка, точнѣе - исторіи русскаго престола. „Это - жертва среды; это монархъ, морально не вынесшій самодержавной власти, унаслѣдованной имъ при помощи дворцовой революціи со смертельнымъ исходомъ для царствующаго государя." Эту ввиновную скорбь, глубокую душевную драму переживалъ, по словамъ Фирсова, Александръ въ теченіе всей своей жизни. Именно подъ впечатлѣніемъ этой ужасной мартовской ночи создаетъ намъ Герценъ обликъ Александра, какъ коронованнаго Гамлета. Это былъ разочарованный государь, который съ самаго начала своего царствованія поставленъ былъ въ тяжелыя ненормальныя условія. Съ одной стороны его идеалы, а съ другой суровая современная дѣйствительность. Но, господа, это слишкомъ идеологическое отношеніе къ Александру. Это слишкомъ отвлеченная характеристика его, какъ человѣка и какъ государя. Никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ между тѣмъ, что дѣлалъ и выражалъ Александръ въ послѣдніе годы царствованія Павла и во все время своего правленія, мы не замѣчаемъ. Онъ обнаруживаетъ все то же, съ чѣмъ мы уже познакомились. То же двуличіе, то же непостоянство, то же стремленіе ласково обращаться и сурово расправляться. Въ одни моменты эти черты характера Александра рѣзче обна-

руживаются, въ другіе слабѣе. Въ первые годы своего царствованія онъ долженъ былъ естественно править „либерально", т.е. въ духѣ того дворянскаго общества, которое только-что совершило переворотъ, которое стремилось уничтожить впечатлѣніе деспотическаго произвола предшествующаго правленія. Когда же общество устало послѣ войнъ 12-15 гг., когда вообще повсемѣстно въ Европѣ замѣчаются признаки реакціи, тогда эти прежнія милитаристическія и романтическія черты характера Александра начинаютъ обнаруживаться рѣзче и опредѣленнѣе и онъ предъ нами вырисовывается именно такимъ, обликъ котораго даютъ намъ уже его воспитатели Протасовъ и Масонъ и лица, наблюдавшія первые мѣсяцы его самостоятельнаго правленія. Въ этомъ отношеніи интересны нѣкоторые отзывы современниковъ изъ болѣе ранняго періода его царствованія. Они намъ говорятъ, что Александръ первыхъ 10-12 лѣтъ своего царствованія былъ на самомъ дѣлѣ такимъ, какимъ мы его видимъ послѣ Вѣнскаго конгресса. Прежде всего Александръ восхищалъ общество своимъ преклоненіемъ предъ закономъ. Онъ говорилъ, что законъ выше его власти, какъ это онъ писалъ напр. княгинѣ Голицыной, когда она обратилась къ нему съ какой-то незаконной просьбой. Однажды въ отвѣтъ на докладъ, который ему былъ поднесенъ и гдѣ стояли слова „нашему сенату", Александръ замѣтилъ: „Какъ, нашему сенату? Сенатъ — это священное хранилище закона, который долженъ насъ наставлять. Онъ сенатъ правительствующій" - и приводитъ этимъ общество въ восторгъ, но въ то же самое время, когда сенатъ, воспользовавшись дарованнымъ правомъ, вошелъ къ государю съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ изданнаго указа о дворянской службѣ, то Александръ сказалъ: „Я имъ себя покажу" и сдѣлалъ разъясненіе въ довольно рѣзкой формѣ, что такія представленія сенатъ можетъ дѣлать только относительно узаконеній, изданныхъ въ предшествующія царствованія.

А вотъ, господа, и другой примѣръ, тоже изъ тѣхъ лѣтъ царствованія Александра. Когда министръ юстиціи Дмитріевъ поднесъ Александру докладъ, въ которомъ говорилъ о жестокомъ обращеніи съ дворовой дѣвкой какой-то помѣщицы, то Александръ прослезился и сказалъ: „Боже мой, можемъ ли мы знать все, что у насъ дѣлается!" - а когда нѣсколько лѣтъ спустя дворовый человѣкъ Кирилловъ за неприличныя слова на Тверскомъ бульварѣ о

вольности и независимости крѣпостныхъ былъ наказанъ келейно розгами московскимъ генералъ-губернаторомъ Тормасовымъ, то Александръ выразилъ ему свое порицаніе, говоря, что „за такой буйственный и дерзновенный поступокъ слѣдовало наказать наистрожайшимъ образомъ и публично". Въ 1801 г. Александръ говорилъ Ламбу на одно его возраженіе: „Другъ мой, говори мнѣ чаще: не такъ. Вѣдь мы такъ избалованы!" - а 10 лѣтъ спустя, когда Карамзинъ въ своей извѣстной запискѣ „О древней и новой Россіи" подвергъ суровой критикѣ мѣропріятія первыхъ лѣтъ царствованія Александра, онъ ему никогда не могъ простить этой гражданской откровенности. Въ то же самое время Александръ рѣзко обнаруживаетъ свое тяготѣніе къ фронтовой военной службѣ. Въ 1803 г. онъ издаетъ свой знаменитый приказъ „при маршировкѣ дѣлать шагъ 1 аршинъ и такимъ шагомъ по 75 шаговъ въ минуту, а скорымъ по 120 и отнюдь отъ этой мѣры и каденсу ни въ коемъ случаѣ не отступать", а 2 года спустя, въ 1805 г. генералъ Тучковъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что весь дворецъ Александра какъ бы превратился въ казармы. Различные образцы формъ, различные образцы орудій, различные пріемы обученія солдатъ,- вотъ въ чемъ проводитъ время новый государь. Онъ по цѣлымъ часамъ могъ присутствовать въ манежѣ и, качаясь въ разныя стороны, какъ часовой маятникъ, приговаривалъ: „Разъ, разъ!" Въ то же самое время Александръ настолько увлекается парадами, что даже въ 1812 г. въ Вильнѣ въ моментъ, когда непріятель уже стоялъ у границы Россіи, онъ занимается разводами и парадами. Такимъ образомъ парадоманія уже въ эти годы является отличительной чертой молодого государя. Въ то же время обнаруживается и его двойственность. Эта двойственность подмѣчена была современниками, которые говорили, что Александръ не проститъ ни одного рѣзко сказаннаго слова. Когда Александръ въ качествѣ лица, сочувствующаго масонскому ученію, посѣтилъ ложу 3-хъ добродѣтелей и Муравьевъ, будущій декабристъ, давалъ ему объясненія, называя его на ты, какъ масонскаго брата, Александръ никогда не могъ простить ему этой карбонарской выходки, и правъ былъ Гречъ, писавшій въ своихъ воспоминаніяхъ: „Онъ никогда прямо не казнилъ людей, а преслѣдовалъ ихъ медленно со всѣми наружными знаками благоволенія и милости: о немъ говорили, что онъ употреблялъ кнутъ на ватѣ."

Уже въ эти первые годы царствованія ясно рисуется намъ и тяготѣніе Александра къ Аракчееву. Въ 1806 г. послѣ военныхъ неудачъ императрица Марія Ѳеодоровна писала своему сыну, что и въ столицѣ, и въ провинціи обнаруживается недовольство и можно бояться заговора и переворота, и съ этого времени мы видимъ возстановленной и тайную канцелярію и дѣла управленія, преимущественно военнаго министерства, поручаются Аракчееву. Все это, господа, показываетъ намъ, что Александръ первыхъ лѣтъ царствованія былъ почти тѣмъ же человѣкомъ, какимъ мы встрѣчаемъ его и въ послѣднюю половину правленія. И тамъ, и здѣсь двойственность, и тамъ и здѣсь нерѣшительность, и тамъ и здѣсь рядомъ съ Александромъ мы встрѣчаемъ Аракчеева. Вотъ въ этихъ-то чертахъ характера Александра и въ той неподготовленности къ суровой дѣйствительной работѣ, о которой мнѣ уже приходилось говорить, и надо искать основныя причины того, что благіе порывы дней Александровыхъ прекраснаго начала не осуществились въ жизни, не превратились въ конкретныя реформаціонныя мѣропріятія. Условія окружающей среды съ одной стороны, новость преобразовательныхъ начинаній съ другой и характеръ самого государя съ третьей были основными причинами того, что общественныя надежды передовыхъ сторонниковъ реформы вскорѣ разлетѣлись, какъ лепестки розы отъ перваго зимняго мороза.

Эпоха преобразовательныхъ начинаній.

Первые годы царствованія Александра называютъ обыкновенно эпохой преобразовательныхъ начинаній. Въ этотъ моментъ впервые примѣнены были на практикѣ тѣ принципы, о которыхъ Александръ слышалъ еще на урокахъ Лагарпа и которыми, можно сказать, насыщена была общественная атмосфера въ Западной Европѣ на рубежѣ 18 и 19 столѣтій. Эти либеральныя начинанія и дали поводъ современникамъ назвать это время „дней Александровыхъ прекрасное начало". Но либеральная эра подъ вліяніемъ условій русской жизни начала 19 в. сдѣлалась моментомъ перелома въ общественномъ настроеніи. Если царствованіе Павла по своимъ тенденціямъ было противодворянскимъ, если въ это время всѣ привилегіи, которыми Екатерина установила у насъ начало

сословной монархія, были уничтожены, то вполнѣ понятно, что новое царствованіе, несолидарное съ только-что пережитымъ тяжелымъ прошлымъ, должно было начаться въ либеральномъ направленіи. Вполнѣ естественно, что дворянское общество ожидало прежде всего отъ Александра установленія тѣхъ правъ и тѣхъ привилегій, которыми оно пользовалось при его бабкѣ; но я уже указывалъ, что въ точкахъ зрѣнія Александра и тогдашняго дворянскаго общества была довольно рѣзкая разница. Александръ не былъ склоненъ возвращаться къ екатерининской старинѣ. Онъ не былъ поклонникомъ всѣхъ пріемовъ и средствъ управленія великой императрицы. Онъ хотѣлъ прежде всего водворенія въ русской жизни <строгой законности, уничтоженія деспотизма нашего правленія, введенія у насъ конституціи, соотвѣтствующей духу народному.> Вотъ эти стремленія чисто политическаго характера и являются отличительнымъ признакомъ образа мыслей Александра тотчасъ по вступленіи его на престолъ. Что же касается дворянскаго большинства той эпохи, то въ его глазахъ единственной задачей правительства должно было быть возстановленіе прежняго привольнаго житья на плечахъ дарового крѣпостного труда. Но Александръ не былъ вполнѣ одинокъ. Около него образовался небольшой кружокъ дѣятелей, которые являлись какъ бы отраженіемъ той же самой эпохи, тѣхъ же самыхъ началъ, которыми проникнутъ былъ и самъ молодой государь. Это были друзья его юныхъ лѣтъ, почти сверстники по годамъ, - люди, проникнутые тѣми же убѣжденіями и тѣми же, иногда утопическими, началами. Это были: графъ Строгановъ, графъ Кочубей, Новосильцевъ и князь Адамъ Чарторыйскій. Воспоминаніе объ этихъ 4-хъ лицахъ связывается обыкновенно съ представленіемъ о какихъ-то радикальныхъ начинаніяхъ. Они, вскорѣ послѣ вступленія Александра на престолъ, образовали около него такъ называемый „интимный" или „неофиціальный комитетъ", который являлся частнымъ совѣщаніемъ государя съ его друзьями. Онъ не занималъ никакого опредѣленнаго положенія въ системѣ государственныхъ учрежденій. Обыкновенно эти лица, собираясь за высочайшимъ столомъ, послѣ обѣда уходили вмѣстѣ съ государемъ въ одинъ изъ внутреннихъ аппартаментовъ дворца и тамъ проводили время иногда далеко за полночь въ дружеской и непринужденной бесѣдѣ. То, что говорилось здѣсь между этими пя-

тью друзьями, которыхъ въ шутку самъ Александръ прозвалъ комитетомъ общественнаго блага, записывалось гр.Строгановымъ въ видѣ особыхъ протоколовъ на французскомъ языкѣ. Эти протоколы теперь опубликованы въ извѣстномъ изданіи великаго князя Николая Михайловича „Гр.Строгановъ и его время", что даетъ возможность освѣтить вполнѣ правильно работы неофиціальнаго комитета. Старые дѣятели екатерининскаго царствованія въ родѣ поэта Державина называли этихъ друзей государя шайкой якобинцевъ, которые хотятъ низвергнуть Россію съ вершины достигнутой ею славы въ бездну неизвѣстности. Но когда мы теперь просматриваемъ документы, оставшіеся отъ дѣятельности комитета, когда мы всматриваемся въ мѣропріятія Александра первыхъ лѣтъ его царствованія, мы должны отрѣшиться отъ этой не совсѣмъ правдоподобной характеристики. Особенно ясно выступаютъ очертанія этого комитета, если мы сопоставимъ то, что говорилось въ немъ, съ мнѣніями такъ называемой [сенатской партіи, въ составъ которой входили государственные дѣятели конца 18 вѣка.] Если въ лицѣ молодыхъ совѣтниковъ государя мы видимъ людей, проникнутыхъ европейскими идеями, если ихъ идеаломъ была конституціонная система англійскаго политическаго строя, то люди екатерининскаго вѣка въ родѣ Завадовскаго, Зубова, Воронцовыхъ, Державина, Трощинскаго были прежде всего людьми опыта, людьми административной практики. Они сжились съ тѣми учрежденіями, въ которыхъ провели почти всю свою жизнь. Они ихъ цѣнили, они преклонялись передъ сенатомъ, передъ его вѣковой практикой и высоко ставили авторитетъ его основателя - Петра Великаго. Если члены неофиціальнаго комитета хотѣли укрѣпить принципъ законности въ русской жизни при помощи новыхъ учрежденій, заимствованныхъ съ Запада, то дѣятели сенатской партіи прежде всего хотѣли поднять значеніе сената, который потерялъ весь свой авторитетъ въ царствованіе Павла, въ которомъ, по словамъ Завадовскаго, „молчать было тяжко, а говорить было бѣдственно".И вотъ, идя навстрѣчу стремленіямъ сенатской партіи, Александръ I издалъ свой извѣстный указъ отъ 5 іюня 1801 г., въ которомъ предлагалъ сенату составить докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Такимъ образомъ можно сказать, одновременно дѣло реформы, дѣло преобразованій государственныхъ обсуждалось въ

двухъ учрежденіяхъ: въ интимномъ комитетѣ, въ тѣсномъ кружкѣ людей, близкихъ къ государю, и въ сенатѣ, въ этомъ высшемъ административно-судебномъ государственномъ учрежденіи. Но кромѣ того, господа, съ 1801 г. существовало въ Россіи и новое учрежденіе - такъ называемый „непремѣнный совѣтъ", созданный указомъ 30 марта этого года. Въ немъ должны были разсматриваться и подвергаться уваженію государственныя дѣла и постановленія, а въ составъ его входили лица, какъ гласилъ указъ, „довѣренностью нашею и общею почтенныхъ". Членами непремѣннаго совѣта назначены были люди, выдающіеся по своему государственному положенію, почти все вельможи, старики екатерининскаго вѣка. Вотъ именно въ этихъ-то трехъ учрежденіяхъ и стянуты были нити реформаціонныхъ начинаній первыхъ лѣтъ царствованія Александра. И вотъ когда мы разсмотримъ проекты, которые выходили изъ того и изъ другого лагеря, - отъ людей, проникнутыхъ убѣжденіями либеральнаго Запада, и лицъ, проникнутыхъ точкой зрѣнія сенатской партіи, мы усмотримъ здѣсь разницу не столько политическую, сколько административно-техническую. И тѣ и другіе, и члены интимнаго комитета, и члены сенатской партіи, стремились къ реформѣ. Они считали необходимымъ преобразовать государственный строй такъ, чтобы возврата къ деспотическому правленію Павла не могло уже быть. Помогать императору „въ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія управленія имперіей" было лозунгомъ молодыхъ друзей Александра. Поставить сенатъ такъ, чтобы къ его авторитетному голосу прислушивалась вся страна, было стремленіемъ дѣльцовъ екатерининскаго времени. Лица, проникнутыя принципами европейскихъ конституцій, хотѣли законы поставить выше произвола, и сенатская партія стремилась также на принципѣ законности основать весь механизмъ управленія. Что касается самихъ реформаціонныхъ начинаній, то они намѣчались въ такихъ очертаніяхъ: съ апрѣля мѣсяца, когда начались бесѣды Строганова съ Александромъ I, которыя затѣмъ уже пріобрѣли характеръ совѣщаній комитета послѣ того, какъ въ Петербургъ съѣхались остальные его члены, - начиная съ этого времени вопросъ о конституціи, вопросъ о государственномъ установленіи, можно сказать, не сходилъ съ очереди. Члены интимнаго комитета прежде всего хотѣли создать у насъ законы, являющіеся гарантіей

личности. Они предполагали ко времени коронаціи государя, т.е. въ сентябрѣ 1801 г. издать Всемилостивѣйшую грамоту русскому народу, въ которой бы ясно и торжественно объявлялись всѣмъ подданнымъ незыблемыя установленія, которыми гарантировались общія политическія права. Эти права, изложенныя въ 26 статьяхъ, должны были обезпечивать личную и общественную безопасность всѣхъ подданныхъ. Задержанные полиціей черезъ 3 дня должны были быть представлены къ суду и допросу. Подати и налоги могутъ быть вводимы только именнымъ указомъ и черезъ сенатъ. Никто не можетъ привлекаться къ отвѣтственности за оскорбленіе Величества, если это преступленіе не обнаружилось въ какомъ-либо дѣйствіи. Этой же грамотой гарантировались всякаго рода свободы - свобода совѣсти, мысли, слова и печати, „поскольку сіи свободы законамъ государственнымъ не противны". Эта грамота, надъ которой работали члена комитета лѣтомъ 1801 г., не была опубликована, но она ясно намъ показываетъ, какъ далеко въ своихъ предначертаніяхъ шли друзья Александра I въ дѣлѣ реформированія нашего политическаго строя. Они предполагали сначала привлечь къ обсужденію этихъ предначертаній, этихъ назрѣвшихъ вопросовъ общество въ широкомъ смыслѣ этого слова, но затѣмъ какъ-то вдругъ всѣ эти совѣщанія пріобрѣтаютъ келейный, таинственный характеръ. Самъ Александръ высказывался за то, чтобы дѣло реформъ было облечено строгою тайной, потому что всякаго рода слухи, распространяемые въ обществѣ, будутъ только возбуждать химеры, тѣмъ самымъ мѣшая преобразователямъ ознакомиться съ истинными нуждами и стремленіями общества. Такимъ образомъ, строгая тайна должна была окружать всѣ политическія мѣропріятія молодыхъ совѣтниковъ Александра. Какова же была та программа реформъ, которую они себѣ начертали? Сначала они имѣли въ виду максимальную программу. Являясь поклонниками англійскаго строя, съ которымъ одинъ изъ нихъ, напр. Новосильцевъ, былъ хорошо знакомъ, члены неофиціальнаго комитета прежде всего стояли на принципѣ раздѣленія властей, т.е. на томъ самомъ началѣ, которое ясно и отчетливо было формулировано еще Монтескье въ его извѣстномъ трактатѣ „О духѣ законовъ". Вѣдь Монтескье руководился въ своемъ теоретическомъ построеніи тѣми органическими установленіями, которыя сложились въ Англіи въ теченіе вѣковой ея свободной

жизни, и вотъ это-то начало, по мнѣнію членовъ неофиціальнаго комитета, должно было быть положено въ основу будущихъ государственныхъ преобразованій Россіи. Власть законодательную они предполагали сосредоточить въ учрежденіи, члены котораго выбирались бы обществомъ и такимъ образомъ ясно отражали народное мнѣніе. Власть исполнительную они думали предоставить министрамъ, которые должны быть отвѣтственны за свои мѣропріятія. Сенату же слѣдовало поручить власть судебную и наблюдательную. Такимъ образомъ, 3 учрежденія должны были воплощать въ себѣ троякія функціи государственнаго механизма, но отъ этой максимальной программы скоро пришлось отказаться, потому что, по мнѣнію членовъ комитета, Россія еще не созрѣла для свободныхъ политическихъ учрежденій. Слѣдовало, по ихъ мнѣнію, какъ можно скорѣе реформировать нашъ государственный и административный строй и такимъ образомъ пышная программа, которая должна была ввести въ Россіи конституціонный образъ правленія, сошла почти на нѣтъ и та программа минимума, которую отстаивали члены комитета въ теченіе 1802 г., сводилась уже къ слѣдующему: Въ Россіи является незыблемымъ самодержавный неограниченный строй. Около власти государя учреждается Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія всѣхъ законопроектовъ, но члены этого совѣта уже не выбираются населеніемъ, а назначаются верховной властью. Исполнительная власть поручается министрамъ, назначаемымъ государемъ, предъ которымъ они и отвѣчаютъ за законность своихъ мѣропріятій, а сенатъ долженъ быть органомъ судебнаго надзора. Эта программа поддерживалась также и Лагарпомъ, воспитателемъ Александра, который въ это время былъ въ Петербургѣ по вызову молодого государя. Онъ также считалъ, что для проведенія всѣхъ, стоящихъ на очереди реформъ важнѣе всего въ Россіи просвѣщенная и самодержавная власть, но Лагарпъ, отстаивая необходимость въ это время абсолютизма въ Россіи, какъ бы не учитывалъ того психологическаго состоянія, въ которомъ находилось русское общество въ концѣ 18 вѣка. Если для Лагарпа и для лицъ, не соприкасавшихся съ павловскимъ режимомъ, самодержавіе могло отлагаться въ форму прогрессивной монархіи, то для людей, которые на самихъ себѣ испытали весь ужасъ этого царствованія, необходимо было прежде всего поставить на очередь во-

просъ о законномъ ограниченіи царскаго произвола, и этотъ вопросъ также ясно чувствовался и людьми молодыхъ поколѣній и лицами сенатской партіи. Среди этихъ сенаторовъ, среди людей, привыкшихъ управлять государствомъ въ царствованіе Екатерины, власть Павла произвела, можно сказать, цѣлый рядъ опустошеній и для того, чтобы не было возможности вернуться къ этому царствованію ужасовъ, къ этой эпохѣ непрерывнаго террора, сенатъ и воспользовался тѣмъ указомъ, который былъ ему предъявленъ 5 іюня 1801 г. Сенатская партія составила общій докладъ отъ имени сената, въ которомъ отразились какъ бы всѣ чаянія и надежды вельможнаго круга того времени. Сенаторы считали необходимымъ сосредоточить всю государственную власть въ лицѣ сената,- и законодательство, и судъ, и исполненіе законовъ. Сенатъ долженъ былъ быть возвращенъ къ тому положенію, въ которомъ онъ находился въ царствованіе Петра Великаго. Сенатъ никакой другой власти надъ собой не знаетъ, кромѣ власти монарха. Его составъ долженъ быть пополняемъ людьми самыми заслуженными, чтобы голосъ сената былъ для всѣхъ наиболѣе авторитетенъ. Такимъ образомъ, на сторонѣ людей, близкихъ къ Александру, былъ принципъ теоретическій, принципъ раздѣленія властей, а на сторонѣ сенатской партіи былъ принципъ практическій,- необходимость объединенія всѣхъ функцій государственнаго механизма въ одномъ авторитетномъ учрежденіи, какимъ въ ихъ глазахъ былъ сенатъ. Но и тѣ и другіе, и члены комитета, и старики-сенаторы, считали необходимымъ реформировать наше государственное управленіе. Дѣйствительно, центральныя учрежденія той эпохи находились въ полномъ хаосѣ. Въ царствованіе Екатерины II коллегіи были почти что упразднены. Большинство коллегіальныхъ учрежденій изъ центра было перенесено въ губерніи, а оставшіяся коллегіи влачили самое жалкое существованіе. Вмѣсто прежняго коллегіальнаго принципа стало господствовать начало личныхъ порученій и въ результатѣ, когда Павелъ возстановилъ коллегіи, онъ надъ ними долженъ былъ поставить главныхъ директоровъ въ качествѣ докладчиковъ императору по дѣламъ коллегій. Вмѣстѣ съ этими главными директорами, которые какъ бы воплощали въ себѣ личное начало въ противоположность коллегіальному, появляются и министры въ родѣ министра удѣловъ, государственнаго казначея и министра коммерціи, которые уже ясно

и опредѣленно указываютъ, въ какомъ направленіи должна была пойти центральная административная власть. Такимъ образомъ, реформа государственныхъ учрежденій стояла на очереди. Надо было поставить государственно-административный механизмъ въ опредѣленныя рамки. Надо было подвести подъ центральныя административныя учрежденія прочное основаніе. Такимъ образомъ и тѣ и другіе, и члены комитета, и члены сената, исходили изъ опредѣленныхъ потребностей, и если мы всмотримся въ сущность ихъ запросовъ, мы увидимъ, что разница не особенно велика между ними. Члены комитета предполагаютъ создать 3 учрежденія:Совѣтъ, министерство и сенатъ. Сенаторы предполагаютъ въ сенатѣ выдѣлить нѣсколько департаментовъ. Такъ напр. по проекту Державина, въ одномъ изъ сенатскихъ департаментовъ сосредоточивается власть законодательная, въ другомъ - власть судебная и охранительная, но власть исполнительная раздѣлится между нѣсколькими департаментами, поручится нѣсколькимъ министрамъ, предсѣдательствующимъ въ этихъ департаментахъ. Такимъ образомъ Державинъ понималъ довольно своеобразно принципъ раздѣленія властей. Конечно, среди сенаторовъ были люди съ болѣе широкимъ кругозоромъ, подходившимъ къ политическимъ идеямъ, исповѣдуемымъ членами неофиціальнаго комитета. Такъ напр. сенаторъ Мордвиновъ, въ то же самое время бывшій членомъ непремѣннаго совѣта, въ маѣ мѣсяцѣ 1802 г. внесъ въ этотъ совѣтъ свой проектъ, въ которомъ предполагалъ создать изъ сената политическій корпусъ, т.е. политическое сословіе, которое должно было пополняться выборными отъ дворянскихъ губернскихъ обществъ по 2 депутата отъ каждой губерніи, избираемыхъ на 3-лѣтній срокъ. Здѣсь такимъ образомъ старый сенатъ снабжался новымъ содержаніемъ. Вѣковой авторитетный сенатскій голосъ подкрѣплялся выборными изъ состава дворянскаго общества. Вотъ около этихъ проектовъ, выходящихъ изъ 3-хъ учрежденій, и должна была вращаться реформа государственныхъ учрежденій. Эта реформа въ результатѣ и получила примирительный характеръ: и та и другая партія была удовлетворена. Одновременно 8 сентября 1802 г.опубликовано было 2 указа. Указъ объ учрежденіи министерствъ, на чемъ настаивали члены неофиціальнаго комитета, и указъ с правахъ сената, который явился какъ бы отвѣтомъ на докладъ сенатской партіи. Учреждая министерства, поручая исполнительную

власть единоличнымъ органамъ вмѣсто прежняго коллегіальнаго. Александръ I какъ бы шелъ по пути, начертанному передовой теоретической мыслью Запада. Каждый министръ долженъ былъ стоять во главѣ своего вѣдомства,- такихъ вѣдомствъ было учреждено 8,- и являться исполнительнымъ органомъ на пространствѣ всего государства, но коллегіи при этомъ не были упразднены. Реформа такимъ образомъ пріобрѣтала характеръ компромисса. Министръ являлся какъ бы посредствующимъ звеномъ между коллегіей и верховной властью. Онъ долженъ былъ руководить дѣятельностью коллегій и являться докладчикомъ по всѣмъ вопросамъ, входящимъ въ составъ этихъ коллегіальныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ общаго наказа, общаго указанія, которымъ долженъ былъ бы руководиться министръ, издано не было и министерство являлось только какъ бы учрежденіемъ, отвѣчающимъ потребности даннаго текущаго момента. Что касается функцій сената, то сенатъ пріобрѣлъ характеръ главнаго государственнаго, судебнаго и наблюдательнаго учрежденія. Всѣ министерскіе доклады проходили черезъ сенатъ и сенаторы могли требовать тѣхъ или другихъ разъясненій по вопросамъ, связаннымъ съ этими докладами. Что касается важнаго права, на которомъ настаивали сенаторы въ своемъ докладѣ, то и оно было удовлетворено - это право представленія монарху замѣчаній сената по поводу издаваемыхъ законовъ, право ремонстраціи. На каждый законъ, который былъ издалъ или предполагался къ изданію, сенатъ могъ дѣлать въ своемъ представленіи государю указанія на его неясность или на его несоотвѣтствіе съ другими изданными законами. Слѣдовательно, министерства получали власть, но власть не оформленную общимъ наказомъ. Сенатъ получалъ опредѣленную компетенцію, но эта компетенція была въ зависимости отъ воли императора, такъ какъ, если государь не соглашался съ представленіями сената относительно какого-нибудь закона, то эти представленія не имѣли никакого значенія. Государь также могъ не давать своего согласія министру на внесеніе доклада въ сенатъ. Въ чемъ же надо видѣть результаты этихъ первоначальныхъ преобразовательныхъ начинаній въ сферѣ государственныхъ учрежденій? Конечно, министерства упорядочили ходъ нашей центральной административной машины. Они придавали опредѣленныя законодательныя формы тому, что прежде выдвигалось ходомъ обстоятельствъ, но министры, будучи близкими къ го-

сударю людьми, могли, какъ говорили современники, захватить въ свои руки власть. Это такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. По предначертанію Александра I каждый законопроектъ входилъ въ непремѣнный совѣтъ для обсужденія, а на практикѣ вышло такъ, что помимо совѣта министры образовали изъ себя совѣщаніе или комитетъ и обсуждали въ этомъ комитетѣ всѣ предположенія, которыя они потомъ въ видѣ общаго доклада вносили на утвержденіе государя. Значитъ, помимо общаго законосовѣщательнаго органа появился другой органъ, который совершенно не былъ предусмотрѣнъ. Правда Александръ признавался, что съ введеніемъ министерствъ управленіе пріобрѣло больше порядка и методы и онъ теперь знаетъ, съ кого взыскивать, если что идетъ не такъ; но министры, какъ скоро выяснилось, не имѣя инструкцій отъ государя, слишкомъ превышали данныя имъ полномочія. Такимъ образомъ министерская реформа была далеко не совершенна. Что касается реформы сенатской, то и она не достигла въ концѣ концовъ тѣхъ результатовъ, которые отъ нея ожидались. Сенаторы не были въ силахъ принудить министровъ быть отвѣтственными предъ сенатомъ, а что касается права представленія или ремонстраціи, то съ 1803 г. оно было разъяснено въ томъ смыслѣ, что сенатъ могъ представлять свои замѣчанія только на тѣ законы и указы, которые были изданы до 1802 г. Значитъ и то и другое узаконеніе, - и реформа министерствъ, и реформа сената, не соотвѣтствовали тѣмъ ожиданіямъ, которыя къ нимъ предъявлялись. Такимъ образомъ въ сферѣ административныхъ преобразованій реформы первыхъ лѣтъ царствованія Александра дали очень незначительные результаты и въ концѣ концовъ пышная программа членовъ неофиціальнаго комитета и порывы надежды и чаянія сенатской партіи свелись почти что на нѣтъ. Если въ сферѣ государственно-административныхъ реформъ послѣдовали неудачи, то еще большую нерѣшительность мы замѣчаемъ въ сферѣ разрѣшенія соціальныхъ предположеній. Соціальная проблема, такъ же какъ и вопросъ политическій, стояла въ это время на очереди и одинаково привлекала къ себѣ вниманіе и членовъ интимнаго комитета и членовъ старой сенатской или вельможной партіи.

Къ началу 19 вѣка крестьянскій вопросъ пріобрѣлъ уже опредѣленную остроту. Государственная власть не прочь была провести крестьянскую реформу, такъ какъ крѣпостное право оказы-

вало влiянiе и на государственные финансы, ухудшало народное хозяйство и грозило государственному и общественному спокойствiю. Но всѣ попытки, которыя дѣлались въ этомъ направленiи, встрѣчали противодѣйствiе со стороны дворянской массы, которая тѣсно связывала свою судьбу съ вопросомъ о существованiи крѣпостного подневольнаго труда. Вотъ эта-то скрытая дворянская оппозицiя и порождала боязнь въ правительственныхъ сферахъ, придавая всѣмъ мѣропрiятiямъ правительства по крестьянскому вопросу характеръ какой-то робкой нерѣшительности. Тѣмъ же самымъ колоритомъ окрашены и мѣропрiятiя Александра I по крестьянскому вопросу. Самъ Александръ, вступая на престолъ, хотѣлъ закономъ положить предѣлы крестьянской зависимости. Онъ мечталъ объ узаконенiи опредѣленной величины оброка и опредѣленнаго количества работъ крѣпостныхъ на ихъ помѣщиковъ и въ интимномъ комитетѣ въ беседѣ со своими друзьями онъ поставилъ на обсужденiе эти свои предположенiя. Всѣ бесѣды по вопросу о крестьянахъ вращались около 2-хъ положенiй: Возможно ли разрѣшить прiобрѣтать населенныя земли лицамъ не дворянскаго сословiя и какъ разрѣшить вопросъ о продажѣ крестьянъ безъ земли? По обоимъ этимъ вопросамъ высказывались всѣ члены комитета и здѣсь-то ясно обнаружился ихъ консерватизмъ. Не даромъ Чарторыйскiй, одинъ изъ членовъ комитета, рисуетъ намъ портреты лицъ, входящихъ въ составъ комитета. Новосильцевъ - это, по его словамъ, самый осторожный, Кочубей самый медлительный и покладистый, а Строгановъ самый горячiй, но сравнительно мало убѣжденный, Александръ же I при его природной лѣности и малой работоспособности идетъ за тѣмъ, кто его больше можетъ убѣдить. Самъ же Чарторыйскiй старался какъ можно болѣе утишить пылъ своихъ друзей. При такомъ направленiи образа мыслей членовъ комитета трудно было ожидать, что они придадутъ крестьянскому вопросу радикальное разрѣшенiе,- вѣдь они связаны по своему положенiю съ дворянскимъ сословiемъ и должны были считаться съ настроенiемъ тогдашнихъ помѣщичьихъ круговъ. Когда Александръ поставилъ на обсужденiе вопросъ о дозволенiи лицамъ всѣхъ состоянiй прiобрѣтать какъ пустыя, такъ и населенныя земли при одномъ только условiи, что если покупщикъ будетъ не дворянинъ, то онъ долженъ ли-

шиться нѣкоторыхъ правъ владѣнія надъ своими крестьянами, то встрѣтилъ со стороны членовъ комитета такія возраженія: разъ право покупки будетъ сопряжено съ извѣстными ограниченіями, то лица не дворянскаго происхожденія будутъ давать за населенныя земли очень низкую цѣну, а дворянамъ выгоднѣе всегда продавать свои имѣнія за цѣну наиболѣе высокую. Такимъ образомъ, этотъ законъ можетъ встрѣтить недовольство въ дворянской средѣ, да и потомъ, какъ мотивировать самое изданіе этого закона? Одни члены предлагали указать на стремленіе со стороны правительства улучшить положеніе крестьянъ, а другіе говорили, что удобнѣе будетъ указать на стремленіе правительства поднять положеніе нашего земледѣлія. Въ результатѣ безъ всякихъ мотивовъ этотъ законъ былъ изданъ 12 декабря 1801 г., но онъ разрѣшалъ пріобрѣтать земли только ненаселенныя, т.е. самое важное мѣропріятіе, которое могло явиться въ результатѣ его изданія, не было осуществлено. Еще больше противорѣчій мы встрѣчаемъ въ неофиціальномъ комитетѣ при обсужденіи другого вопроса: возможно ли разрѣшеніе продажи крестьянъ безъ земли или слѣдуетъ разъ навсегда положить предѣлъ подобнаго рода сдѣлкамъ? Новосильцевъ, этотъ англоманъ-либералъ высказался противъ вмѣшательства со стороны правительства въ частно-владѣльческія права. Это возбудитъ недовольство среди дворянъ, говорилъ онъ, и ихъ броженіе можетъ отразиться на дѣлѣ государственной реформы. Такимъ образомъ, Новосильцевъ напугалъ Александра и правительственныя сферы призракомъ дворянской смуты, но другіе члены комитета, напр. Строгановъ, человѣкъ болѣе радикальныхъ убѣжденій, возражалъ Новосильцеву, что бояться дворянскаго протеста не слѣдуетъ. Дворяне искони были въ Россіи служилымъ сословіемъ и исполняли то, что имъ предписывалось съ высоты престола. Гораздо болѣе слѣдуетъ страшиться крестьянскаго недовольства, такъ какъ послѣднія волненія крестьянъ показываютъ, что они недовольны своимъ тяжелымъ положеніемъ. Такимъ образомъ, въ составѣ самаго комитета было какъ бы 2 теченія, и одно теченіе запугивало другое своими аргументами. Въ результатѣ этотъ законъ о непродажѣ крестьянъ безъ земли такъ и не увидѣлъ свѣта. Единственнымъ мѣропріятіемъ по крестьян-

скому вопросу, изданнымъ въ царствованіе Александра I вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ, былъ извѣстный законъ 20 февраля 1803 г. „О свободныхъ хлѣбопашцахъ", но онъ былъ изданъ не по инициативѣ неофиціальнаго комитета, а послѣдовалъ въ порядкѣ, такъ называемаго, частнаго почина гр. Сергѣя Румянцева, владѣвшаго довольно значительными имѣніями на югѣ Россіи. Онъ по какимъ-то личнымъ побужденіямъ хотѣлъ освободить крестьянъ одного изъ своихъ имѣній, но такъ какъ въ прежнихъ узаконеніяхъ не было указанія на освобожденіе крестьянъ цѣлыми деревнями, то онъ и вошелъ къ государю съ предложеніемъ издать законъ въ этомъ смыслѣ. Это предложеніе Румянцева было направлено въ непремѣнный совѣтъ, гдѣ засѣдала, такъ сказать, старо-вельможная сенатская партія, и здѣсь онъ возбудилъ противъ себя много нареканій. Представителямъ крупнаго землевладѣнія грезился уже призракъ грядущаго паденія крѣпостного права. Они какъ бы усматривали въ этомъ правительственномъ предложеніи первую брешь, которая должна быть пробита въ вѣковой толщѣ крѣпостного крестьянскаго труда. Державинъ, который въ это время былъ министромъ юстиціи и имѣлъ право непосредственнаго доклада государю о всѣхъ новыхъ правительственныхъ предначертаніяхъ, говорилъ въ засѣданіи совѣта, что „крѣпостное право есть обычай, который, утвердясь временемъ, сдѣлался толико священнымъ, что прикасаться къ нему безъ важныхъ послѣдствій великая потребна осторожность." Когда это предложеніе встрѣтило оппозицію со стороны вельможной партіи, то государь, внеся его на обсужденіе въ интимный комитетъ, затѣмъ предписалъ сенату опубликовать новый законъ. Такимъ образомъ, этотъ законъ получилъ силу помимо того учрежденія, которое должно было по закону разсматривать и обсуждать всѣ законопроекты.- Въ чемъ же состояло значеніе этого новаго узаконенія? По прежнимъ правиламъ землевладѣльцы имѣли право освобождать своихъ крестьянъ, даже надѣляя ихъ землею, но такіе крестьяне должны были приписаться къ какому-либо изъ существующихъ общественныхъ состояній,- или войти въ составъ крестьянъ государственныхъ, или приписаться къ мѣщанамъ, или же снова войти въ крѣпостную зависимость къ кому-либо изъ землевладѣльцевъ. По новому же узаконенію устанавливалось сословіе

свободныхъ хлѣбопашцевъ, т.е. свободныхъ крестьянъ земельныхъ собственниковъ, которые не входили въ составъ крестьянъ государственныхъ. При этомъ новый законъ разрѣшалъ, если помѣщикъ пожелаетъ, освобождать крестьянъ или по одиночкѣ или цѣлыми деревнями, но съ обязательнымъ условіемъ надѣлить ихъ землею по добровольному соглашенію между помѣщиками и освобождаемыми крестьянами, при чемъ за каждымъ крестьяниномъ долженъ былъ быть укрѣпленъ участокъ земли въ личную собственность. Значитъ, основное значеніе этого закона состояло въ томъ, что крестьянинъ превращался въ личнаго землевладѣльца, въ дворохозяина, и безъ земли освобожденіе крестьянъ состояться на основаніи этого закона не могло. Освобождаемые крестьяне образовывали особое государственное сословіе. Этотъ законъ, опубликованный 20 февраля 1803 г., произвелъ сначала сильное впечатлѣніе въ дворянскихъ кругахъ. Имя Румянцева, по выраженію одного современника, поносилось на всѣхъ перекресткахъ. Всѣмъ чудилось уже, что близится конецъ крѣпостного права, но вскорѣ усмотрѣли основное значеніе этого закона. Онъ не имѣлъ принудительной силы, былъ только какъ бы совѣтомъ съ высоты престола благожелательнымъ помѣщикамъ. „Если помѣщикъ пожелаетъ", въ этихъ первыхъ словахъ новаго закона какъ бы заключался весь его основной смыслъ, а такъ какъ такихъ помѣщиковъ, пожелавшихъ воспользоваться этимъ закономъ, было очень и очень немного, то въ результатѣ такой законъ имѣлъ весьма слабое примѣненіе въ жизни. Вотъ, господа, къ чему свелась въ концѣ концовъ вся преобразовательная дѣятельность правительства въ началѣ царствованія Александра I въ сферѣ государственной и въ сферѣ соціальной. Эти начинанія достигли весьма слабыхъ результатовъ, и въ томъ и въ другомъ отношеніи нерѣшительность Александра и его ближайшихъ сотрудниковъ является весьма характерной. Начиная съ довольно радикальныхъ положеній, они въ результатѣ свели свои мѣропріятія къ самымъ скромнымъ практическимъ начинаніямъ, и въ этомъ отношеніи между ними и приверженцами старыхъ сословныхъ традицій, представителями сенатской партіи, разницы существенной мы не замѣчаемъ. Много словъ, но мало дѣла, - вотъ какъ можно охарактеризовать эту первую эпоху преобразованій начала новаго царствованія. Затѣмъ послѣдовали осложненія иного

порядка. Александръ былъ втянутъ въ военныя столкновенія съ Западной Европой. Можно сказать, что уже съ 1805 г. начинается періодъ военныхъ мѣропріятій, которыя должны были, конечно, направить вниманіе правительства совершенно въ иную сферу. Дѣло въ томъ, что Александръ, усвоивъ сначала политику нейтралитета, невмѣшательства въ европейскія дѣла, долженъ былъ затѣмъ войти въ союзъ сначала съ Австріей, а потомъ и съ Пруссіей для борьбы съ возраставшимъ вліяніемъ Франціи. Вѣдь Франція въ это время какъ разъ становилась на путь всемірнаго господства, почти что общаго европейскаго завоеванія въ лицѣ Наполеона Бонапарта, сначала удачнаго и талантливаго республиканскаго военачальника, потомъ перваго консула, а съ 1804 г. императора. Она имѣла военнаго вождя, который связалъ свою судьбу съ судьбой новаго революціоннаго режима. При помощи военной силы онъ достигъ своихъ намѣреній, и при помощи этой же военной силы онъ хотѣлъ достичь и всемірнаго господства. Мнѣ не приходится входить здѣсь въ подробности обще-европейской борьбы. Я только укажу вамъ, что тѣ завоеванія, которыя въ концѣ 18 столѣтія сдѣлала Франція, сначала носили чисто идейный характеръ. Каждый республиканскій солдатъ боролся за свободу,- и за свободу Франціи и за свободу тѣхъ идей, которыя положены были въ основу знаменитой деклараціи правъ человѣка и гражданина. Можно сказать, что революціонныя войска съ начала 90-хъ годовъ 18 вѣка какъ бы пропагандировали идеи новаго строя въ срединныхъ европейскихъ государствахъ. Но этотъ моментъ высокаго идейнаго подъема съ 1796 г. уже угасъ во Франціи. Республиканская армія, которая, подъ начальствомъ Наполеона и другихъ талантливыхъ генераловъ, одерживала блестящія побѣды, стремилась теперь къ обогащенію насчетъ другихъ завоеванныхъ странъ, и прокламація Наполеона отъ 1796 г. въ этомъ отношеніи служитъ какъ бы поворотнымъ пунктомъ отъ старыхъ революціонныхъ войнъ къ новымъ войнамъ эпохи консульства и Имперіи. Стремленіе какъ можно шире раздвинуть рамки французскаго государства, стремленіе какъ можно больше захватить добычи теперь явилось лозунгомъ и военачальниковъ и солдатъ французской арміи, и вполнѣ естественно, что въ результатѣ этихъ завоевательныхъ тенденцій, новый Императоръ, достигши господства во Франціи, усмирилъ революціонную энергію. Умерт-

вивъ гидру революціи, онъ захотѣлъ укрѣпить свое положеніе рядомъ блестящихъ побѣдъ на поляхъ срединной Европы, и вотъ въ этихъ-то столкновеніяхъ онъ долженъ былъ рано или поздно сойтись съ войсками восточныхъ государствъ, именно Австріи и Пруссіи, потому что эти монархіи были наиболѣе сильными военными державами. Самымъ непримиримымъ врагомъ Франціи была естественно Англія, какъ громадный промышленный и торговый конкурентъ французской индустріи; но Англія была за моремъ и благодаря своему островному положенію находилась въ выгодныхъ условіяхъ. Надо было направить всю силу французскаго оружія на тѣ страны, которыя являлись оплотомъ стараго порядка центральной Европы, и такими государствами была Австрія и Пруссія. Что касается до Россіи, то ей непосредственнымъ ущербомъ австро-французское и прусско-французское столкновеніе не грозило, но вѣдь если Австрія и Пруссія будутъ разгромлены, если граница Франціи будетъ придвинута почти что къ государственному рубежу Россіи, то въ самомъ непродолжительномъ будущемъ возможны столкновенія Россіи съ Франціей и необходимо оградить себя заранѣе отъ этой грозной военной опасности. Англія была давно союзницей Россіи. Англія была страной, въ которую Россія поставляла свое сырье и откуда она получала готовые фабрикаты. Вотъ въ силу этого-то торговаго сближенія съ Англіей естественно, что Россія была втянута въ тѣ военныя осложненія, душой которыхъ являлся англійскій кабинетъ. Англія, не воюя непосредственно съ Франціей, подготовила Европѣ рядъ военныхъ коалицій для разгрома новой Имперіи. Такимъ образомъ Россія втягивалась въ военныя дѣйствія срединной Европы, благодаря съ одной стороны своему сосѣдству съ Австріей и Пруссіей, а съ другой — своимъ торговымъ связямъ съ англійскимъ правительствомъ. Но эти первыя войны съ Наполеономъ не были, какъ вамъ извѣстно, особенно удачны. Интимный комитетъ, полный англо-финскихъ стремленій, высказывался за открытую борьбу Россіи съ Наполеономъ. Онъ думалъ, что послѣ военныхъ удачъ возможно будетъ болѣе агрессивно повести политику и внутреннихъ преобразованій, но такъ какъ эти войны принесли не удачи, а пораженія, такъ какъ эти войны показали невозможность Россіи въ это время сражаться съ Наполеономъ, бывшимъ въ зенитѣ своего могу-

щества, то вполнѣ понятно, что между Александромъ и его друзьями послѣдовало охлажденіе. На поляхъ Аустерлица въ декабрѣ 1805 г. разбита была австро-русская армія. А подъ Фридландомъ, гдѣ въ слѣдующемъ году потерпѣла разгромъ другая русская армія, находясь въ союзѣ съ Пруссіей, обнаружилась для Россіи невозможность вести борьбу съ Наполеономъ. Въ этотъ моментъ на горизонтѣ уже выступаетъ новый союзъ, - союзъ не англо-русскій, а русско-французскій, и въ Тильзитѣ въ 1807 г. онъ пріобрѣлъ окончательную форму. Разгромивъ дважды русскую армію и почти уничтоживъ прежній русскій военный престижъ, Наполеонъ не хотѣлъ, да и не могъ въ это время продолжать войну съ Россіей, такъ какъ это не входило въ его непосредственныя задачи. Ему важно было привлечь Россію только къ своей агрессивной внѣшней политикѣ и, имѣя союзника на востокѣ Европы, развязать себѣ руки на Западѣ въ центральной Европѣ. Тильзитскій миръ и былъ поворотнымъ пунктомъ во внѣшней и внутренней политикѣ Александра. Онъ долженъ былъ принять тѣ условія, которыя ему продиктовалъ Наполеонъ. Торжествующій побѣдитель принялъ Александра, какъ равнаго и договорился съ нимъ объ условіяхъ мирнаго трактата, которымъ прежде всего обезпечивалось независимое политическое существованіе, хотя и въ половинномъ размѣрѣ, Пруссіи, которая была доведена почти что до отчаянія разгромомъ ея арміи подъ Іеной и Ауерштедтомъ. Теперь, благодаря Тильзитскому миру, она сохраняла свою независимость. Александръ получалъ право, такъ сказать, господства надъ восточной Европой и могъ расширить свои владѣнія на счетъ Швеціи и Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ присоединиться къ такъ называемой континентальной системѣ. Эта система состояла въ томъ, что Россія прекращала всякія торговыя сношенія съ Англіей. Наполеонъ выработалъ эту систему для того, чтобы подорвать значеніе Англійскаго міроваго рынка. Ни одинъ англійскій корабль не долженъ былъ входить въ порты тѣхъ странъ, которыя находились или въ союзѣ съ Франціей, или подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ. Ни одинъ англійскій товаръ не долженъ былъ обращаться на рынкѣ этихъ странъ. Ни одна изъ этихъ странъ не могла отправлять свои корабли и свои товары

въ англійское королевство или англійскія колоніи. Такимъ образомъ прекращался всякій торговый обмѣнъ между Англіей и странами, принявшими континентальную систему. Россія должна была согласиться на эти условія, такъ какъ они являлись кардинальнымъ пунктомъ Тильзитскаго договора. Кромѣ того, по одной изъ секретныхъ статей трактата Россія должна была оказывать помощь Наполеону во всѣхъ войнахъ, которыя онъ будетъ вести въ предѣлахъ Европы. Естественно, что въ моментъ заключенія Тильзитскаго соглашенія Россія, порывая съ Англіей, должна была войти въ дружескія сношенія съ Франціей. Прежній англофильскій характеръ нашей внутренней и внѣшней политики долженъ былъ смѣниться другимъ. Лица, до сихъ поръ стоявшія у власти, вынуждены были уступить свое мѣсто другимъ дѣятелямъ, а такъ какъ члены интимнаго комитета были поклонниками англійскаго государственнаго строя и сторонниками близкихъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей, то они, неизбѣжно, теперь должны были сойти со сцены. Итакъ, господа, благодаря нерѣшительности въ характерѣ Александра и цѣлому ряду внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, дворянской оппозиціи съ одной стороны и войнамъ съ Наполеономъ съ другой, всѣ реформы, которыя проводились черезъ интимный комитетъ, пріобрѣтали весьма нерѣшительный и крайне неопредѣленный характеръ. Если въ лицѣ членовъ неофиціальнаго комитета говорила теорія и практика свободнаго, выработаннаго вѣками англійскаго государственнаго строя, то въ лицѣ новыхъ сотрудниковъ Александра I говорила теорія и практика современной Франціи, говорили начала тѣхъ учрежденій, которыя созданы были великой французской революціей и затѣмъ пріобрѣли болѣе твердыя основы съ момента возвышенія Наполеона. Такимъ поклонникомъ французскаго государственнаго строя, такимъ проводникомъ новыхъ началъ въ нашу внутреннюю и внѣшнюю политику былъ знаменитый Сперанскій, но прежде чѣмъ подходить къ характеристикѣ его дѣятельности и личности, прежде чѣмъ обрисовывать тѣ преобразовательныя начинанія, которыя осуществились въ эпоху его вліянія, надо познакомиться съ состояніемъ русскаго общества въ начальные годы царствованія Александра. Для насъ пока ясна была правительственная программа, но вѣдь преобразовательныя начинанія осуществлялись не въ безвоздушномъ

пространствѣ. Общество должно было такъ или иначе реагировать на правительственныя мѣропріятія, и съ этимъ-то обществомъ намъ и слѣдуетъ прежде всего познакомиться, чтобы понять дальнѣйшія правительственныя реформы.

Русское общество начала царствованія Александра I.

Параллельно съ этими преобразовательными правительственными начинаніями въ обществѣ шла своя внутренняя напряженная культурная работа. На рубежѣ 18 и 19 столѣтія два теченія сталкивались въ русскомъ общественномъ сознаніи. Одно шло съ Запада изъ Франціи, другое было свое, самобытное русское, и вотъ въ круговоротѣ этихъ новыхъ и старыхъ идей и находилось русское общество въ началѣ царствованія Александра. Эта идейная атмосфера должно была оказывать вліяніе и на государя и на его ближайшихъ сотрудниковъ. Что касается первой струи - европейской, то она начинаетъ становиться замѣтной съ царствованія Екатерины II. Въ это время французская литература, французская философія, французскія моды, французскій образъ жизни пересаживаются на русскую почву въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Все это внѣдрялось въ русское общество и воспринималось имъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Если вы просмотрите мемуары и записки современниковъ, то вамъ ярко бросится въ глаза, съ какой силой французская культура вліяла въ это время и на воспитаніе подрастающихъ поколѣній, и на религіозныя убѣжденія, и на литературные вкусы, и на внѣшнюю бытовую обстановку. Въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ институтахъ для благородныхъ дѣвицъ французскій языкъ, можно сказать, господствовалъ. По воспоминаніямъ Глинки въ 80-хъ и 90-хъ годахъ 18 вѣка кадеты сухопутнаго корпуса попадали сначала въ руки француженокъ-воспитательницъ, а потомъ гувернеровъ-иностранцевъ и забывали окончательно свой родной языкъ. Всѣ предметы преподавались въ этомъ закрытомъ казенномъ учебномъ заведеніи на французскомъ языкѣ. Даже русскую исторію преподавали французы Левекъ и Леклеркъ. Среди учителей былъ только одинъ русскій - это извѣстный писатель Княжнинъ. Въ свободное отъ

учебныхъ занятій время кадеты декламировали французскія стихотворенія, ставили на домашнихъ спектакляхъ французскія пьесы и такимъ образомъ съ дѣтства сроднялись съ французскимъ языкомъ и литературой; немудрено, что они выходили изъ учебнаго заведенія, по словамъ того же Глинки, „совершенными французами". Что касается Смольнаго института, этого разсадника женскаго образованія при Екатеринѣ II, то тамъ также съ самыхъ юныхъ лѣтъ воспитанницы должны были забывать свою родную рѣчь и насквозь проникаться убѣжденіями тѣхъ воспитательницъ, которыхъ Екатерина выписывала изъ-за границы. Значитъ, и мужское и женское подрастающее поколѣніе воспитывалось исключительно на французскій ладъ. Одновременно съ этими казенными учебными заведеніями съ конца 18 вѣка въ Петербургѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ появляются частные пансіоны. Особенно хорошей репутаціей пользовался пансіонъ аббата Николя, открытый еще при Екатеринѣ въ Петербургѣ на Фонтанкѣ рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ князя Юсупова. Громкой извѣстности этого учебнаго заведенія способствовалъ одинъ изъ эмигрантовъ, графъ Шуазель, въ домѣ котораго Николь началъ свою педагогическую дѣятельность. Его учебное заведеніе, основанное по примѣру французскихъ гимназій, было проникнуто стремленіемъ обучить своихъ учениковъ „всему, что нужно молодому человѣку знать для прохожденія съ честью различныхъ должностей, къ какимъ онъ можетъ быть призванъ въ обществѣ". На ряду съ пансіономъ аббата Николя съ конца царствованія Павла возникаютъ у насъ іезуитскія учебныя заведенія. Въ 1800 г. іезуитскій орденъ былъ возстановленъ папскимъ бреве въ предѣлахъ Россіи, при чемъ эта мѣра мотивировалась желаніемъ россійскаго императора и русскаго дворянства. Войдя въ довѣріе къ императору, іезуиты сумѣли склонить его устами патера Грубера къ цѣлому ряду привилегій, которыя и были имъ даны при Павлѣ. Между прочимъ, на углу Итальянской и Екатерининскаго канала они получили въ даръ отъ государя участокъ земли, на которомъ былъ построенъ конвиктъ или закрытое учебное заведеніе съ широкой образовательной учебной программой. Здѣсь іезуиты, конечно, прежде всего положили въ основу своего преподаванія изученіе латинскаго катехизиса и пропаганду своихъ религіозныхъ убѣжденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта программа, покоившаяся на весьма

широкомъ гуманитарномъ образованіи, давала возможность воспитанникамъ познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что было передового въ европейской педагогической практикѣ. Въ этомъ іезуитскомъ пансіонѣ были выдающіяся по тому времени педагогическія силы, и потому, несмотря на высокую плату отъ 1800 до 2000 р. въ годъ, цѣлый рядъ представителей лучшихъ дворянскихъ фамилій здѣсь числится въ составѣ учениковъ. Можно сказать, что іезуитская пропаганда здѣсь велась довольно тонко. Воспитанники должны были посѣщать латинскую мессу и прислуживать „оолитами" во время церковной службы, они изучали латинскій катехизисъ, хотя одновременно проходился к катехизисъ православный, только урокамъ православнаго законоучителя отводились самые послѣдніе часы по субботамъ, когда все вниманіе воспитанниковъ было обращено на предстоящій роспускъ, когда они уже витали мыслями въ домахъ своихъ родителей, гдѣ имъ предстояли всевозможныя развлеченія и удовольствія. Такимъ образомъ, уроки русскихъ законоучителей, особенно при недостаточномъ образованіи этихъ лицъ, не могли оказывать сколько-нибудь сильнаго вліянія сравнительно съ уроками іезуитскихъ патеровъ. При помощи этихъ учебныхъ заведеній и казенныхъ и частныхъ проводилась въ среду русскаго общества на ряду съ французскимъ вліяніемъ и церковно-католическая пропаганда. Иноземцы-гувернеры, французы или нѣмцы были, можно сказать, принадлежностью каждой болѣе или менѣе достаточной семьи, и подъ руководствомъ этихъ педагоговъ получали свое первоначальное образованіе тѣ изъ русскихъ дворянъ-подростковъ, которые не поступали въ казенныя или частныя учебныя заведенія. Можно было, говоритъ одинъ современникъ, встрѣтить постоянно въ газетахъ объявленія объ учителяхъ-иностранцахъ, ищущихъ занятій, а въ Москвѣ напр. такой учительской биржей, на которой можно было нанять за подходящую цѣну иностранца-гувернера, былъ одинъ большой трактиръ въ Охотномъ ряду. Тамъ же въ Москвѣ по воскресеньямъ около католической церкви собирались группами такіе ищущіе занятій педагоги. Сюда приходили, по словамъ князя Вяземскаго, лакеи изъ богатыхъ дворянскихъ домовъ и приглашали кого-нибудь изъ нихъ слѣдовать за собой къ своимъ господамъ. Конечно, такіе педагоги большими познаніями не отличались,

но они могли хорошо болтать по-французски и пріучать своихъ воспитанниковъ владѣть иностраннымъ языкомъ. Очень многіе изъ русскихъ, получивъ образованіе или въ корпусѣ или въ пансіонѣ или подъ руководствомъ какого-либо изъ иностранныхъ гувернеровъ, затѣмъ отправлялись за границу и тамъ въ университетахъ довершали свое образованіе. Нѣкоторые изъ нихъ настолько хорошо усваивали себѣ иностранную культуру, что знали „Францію наизусть", по выраженію одного современника, „хвативъ не малую дозу нѣмецкаго яда". Такимъ образомъ, эти молодые люди совершенно иногда забывали свой родной языкъ и, какъ говоритъ А.И.Тургеневъ, можно было встрѣтить много русскихъ дворянъ, которые не могли двухъ словъ сказать по-русски. Отецъ князя Вяземскаго, напр., когда ему приходилось говорить по-русски, долженъ былъ предварительно подумать по-французски и перевести свою мысль на родной языкъ. На ряду съ иностранными воспитателями вліяла также на русскіе умы и иностранная литература. Если вы просмотрите каталоги старыхъ дворянскихъ библіотекъ начала 19 столѣтія, то вы увидите, что тамъ на каждомъ шагу попадаются французскіе классики, сочиненія энциклопедистовъ и модные романы. У графа Салтыкова, напр., въ его громадномъ московскомъ домѣ была богатѣйшая библіотека въ 5000 томовъ, изъ которыхъ только около 100 книгъ было на русскомъ и другихъ языкахъ,- всѣ же остальныя были французскія. Такая же громадная библіотека, преимущественно составленная изъ французскихъ классиковъ, была у графа Бутурлина, одного изъ крупныхъ московскихъ магнатовъ. Что касается русской литературы, то и она въ это время была насквозь проникнута французскимъ вліяніемъ. Такъ, напримѣръ, Карамзинъ издаетъ свой „Вѣстникъ Европы" для ознакомленія русской публики съ западно-европейскими литературными и общественными новинками. Не менѣе сильное вліяніе оказывалъ на русское общество и французскій театръ. До самаго 1812 г. въ обѣихъ столицахъ пользовалась громаднымъ успѣхомъ французская драматическая труппа съ извѣстной госпожей Жоржъ во главѣ. Даже на частныхъ спектакляхъ играли преимущественно французскія комедіи, и у насъ есть извѣстіе, что въ 1809 г. 10-лѣтній Пушкинъ поражалъ всѣхъ прекрасной игрой въ одной французской пьесѣ. Но

одной внутренней культурой, одними идеями и литературными сочиненіями не могло, конечно, ограничиться это французское вліяніе. Оно должно было проникнуть и въ домашній обиходъ; оно должно было отразиться и на внѣшности тогдашняго русскаго общества, и дѣйствительно все, начиная съ внѣшняго убранства комнатъ и кончая экипажами, было какъ бы отраженіемъ тогдашней французской моды. Не говоря уже о Петербургѣ, гдѣ иноземныя привычки гораздо сильнѣе развивались, но и въ патріархальной Москвѣ можно было встрѣтить на Кузнецкомъ мосту или на Тверскомъ бульварѣ молодыхъ людей, одѣтыхъ по послѣдней французской модѣ. На нихъ были фраки съ заостренными фалдами, громадные розовые галстуки съ воткнутыми булавками. Несмотря на свое хорошее зрѣніе, они обыкновенно вооружались очками или лорнетами, по образцу французскихъ щеголей эпохи директоріи и консульства. Эти-то русскіе щеголи и перевесли въ Москву французскія моды, и однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей такого внѣшняго французскаго лоска, былъ дядя Пушкина, извѣстный московскій поэтъ и острословъ, Василій Львовичъ Пушкинъ. Еще болѣе, чѣмъ мужчины, эту иноземную внѣшность усваивали себѣ дамы и дѣвицы. Греческія и римскія туники, т.е. свободныя, спадающія широкими складками одежды, являлись наиболѣе распространеннымъ костюмомъ. Волосы причесывались въ видѣ греческой діадемы. Все это довольно шло къ молодымъ дамамъ и дѣвицамъ, но за тѣми же модами, какъ говоритъ одинъ современникъ, гнались и пожилыя женщины, которымъ совершенно не шли эти легкіе, почти воздушные костюмы. Молодыя русскія красавицы какъ бы переносили на русскую почву вкусы и привычки новыхъ французскихъ салоновъ, и правы были иностранцы, которые недоумѣвали, гдѣ они, въ Парижѣ или въ Петербургѣ. Вокругъ нихъ слышалась исключительно французская рѣчь, улицы пестрѣли французскими костюмами и французскими экипажами, и одинъ изъ эмигрантовъ, графъ Прюбискъ говоритъ, что онъ совершенно забывалъ разстояніе, отдѣлявшее Парижъ отъ русской столицы. Другая иностранка, г-жа Виже-ле-Брэннъ, была въ восхищеніи отъ того, что такъ много французовъ было во всѣхъ слояхъ общества. Эмигранты чувствовали себя какъ въ родной странѣ. Всѣ эти представители французскаго общества загнаны были въ Россію бурями и смутами революціонной эпохи, и эти-то

иноземцы-эмигранты еще более способствовали тому, что въ русскихъ дворянскихъ сферахъ широко распространялись французскія понятія. Это были вкусы и привычки той самой легитимной Франціи, которая была ниспровергнута событіями 1789-92 г. Это были приверженцы „бѣлой лиліи" и „бѣлаго знамени", насквозь пропитанные интересами Бурбонской монархіи. Русская знать привыкла преклоняться передъ потомками старинныхъ французскихъ фамилій, въ родѣ герцога Ришелье, князя Полиньяка и др., которые, появившись среди русскихъ въ ихъ салонахъ и гостиныхъ, играли здѣсь первенствующую роль. Къ горестямъ и печалямъ этихъ жертвъ французской пугачевщины относились въ Россіи съ искреннимъ сочувствіемъ. Отъ нихъ узнавали подробности грозныхъ событій великой революціи, и вмѣстѣ съ ними проклинали тотъ строй, который уничтожилъ прежнее привольное дворянское житье во Франціи. Изъ уваженія къ нимъ, въ ихъ присутствіи не затрагивали въ разговорахъ политическихъ и военныхъ темъ, и въ результатѣ эти эмигранты, по свидѣтельству одного современника, отплачивали тѣмъ, что, на ряду съ іезуитами, широко распространяли французскую и католическую пропаганду въ русскомъ обществѣ. Очень многіе изъ эмигрантовъ являлись какъ бы скрытыми агентами іезуитской коллегіи, и при ихъ помощи широко распространялись въ русскомъ обществѣ идеи ультрамонтанства. Ихъ усиліями были совращены многія представительницы русской знати, въ родѣ княгини Голицыной, графини Головиной, графини Протасовой, княгини Васильчиковой и госпожи Свѣчиной. „На балахъ и раутахъ, какъ свидѣтельствуетъ г. Свѣчина, шопотомъ произносили свои отреченія и лепетали свою первую латинскую исповѣдь новообращенныя овцы іезуитскаго стада". Конечно, одни эмигранты не могли такъ сильно вліять на возбужденные умы представительницъ русскаго высшаго общества. Для того, чтобы оказать на нихъ наиболѣе сильное вліяніе, чтобы заставить ихъ покинуть лоно православной церкви и перейти въ католичество, нужны были болѣе сильныя впечатлѣнія, и эти впечатлѣнія производили тѣ католическія мессы, которыя открыто отправлялись противъ Казанскаго собора на Невскомъ, въ церкви святой Екатерины, которая съ царствованія Павла отдана была въ завѣдываніе отцовъ-іезуитовъ. Здѣсь

подъ звуки органа отправлялись, на изящнѣйшемъ французскомъ языкѣ, католическія мессы и произносились проповѣди, которыя были доступны по содержанію и по формѣ тѣмъ дамамъ высшаго общества, которыя обыкновенно не посѣщали православную церковь. Такимъ образомъ, начало 19-го вѣка является у насъ какъ бы моментомъ наиболѣе сильнаго и напряженнаго французскаго вліянія. У насъ есть не мало свидѣтельствъ, подтверждающихъ, какъ сильно въ то время было французское вліяніе. Такъ напр. графъ Разумовскій, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, ужасается, что все русское дворянство получаетъ воспитаніе подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ. Онъ говоритъ, что эти дворяне теряютъ вмѣстѣ съ воспитаніемъ и духъ, и образъ мыслей русскій. Жозефъ де Местръ, который въ это время жилъ въ Россіи, въ качествѣ посланника Сардинскаго короля, радуется въ своей душѣ тому, что пропаганда такъ широко распространяется среди самаго знатнаго общества. Онъ говоритъ, что воспитатели и гувернеры въ частныхъ домахъ - это грязная пѣна, которую выбрасываютъ событія современной Европы на русскую почву и только въ іезуитскихъ пансіонахъ русская молодежь можетъ получать истинно научное образованіе. Іезуиты, внушалъ Жозефъ де Местръ своимъ русскимъ сторонникамъ, „это ваши сторожевые псы". „Они охраняютъ васъ отъ той заразы, которая идетъ изъ Франціи, охваченной сатанинскими навожденіями". Значитъ, съ его точки зрѣнія, Россія будетъ въ полной безопасности, если и совѣсть русскаго общества, и судьбы подрастающихъ поколѣній будутъ находиться подъ бдительнымъ надзоромъ братьевъ общества Іисуса Христа. Но, конечно, господа, это широкое вліяніе французскаго образованія и католической религіи не могли остаться без извѣстнаго отпора. Вѣдь всегда въ моменты, когда струя иноземной культуры слишкомъ сильно вліяетъ на общественную мысль, въ ней возникаетъ противодѣйствіе. Въ ней проявляется какъ бы стремленіе отмежеваться отъ всего иноземнаго, отъ всего зарубежнаго и опредѣлить свое національное самосознаніе. Вполнѣ понятно, что въ эти годы, когда и внѣшняя, и внутренняя французская культура пускала такіе глубокіе корни въ русскомъ обществѣ, въ его средѣ появляются лица, которыя стремятся указать рус-

скимъ людямъ необходимость питаться соками своей старины и сохранять свою самобытность. Среди этихъ лицъ, боровшихся съ усиливавшимся французскимъ вліяніемъ, мы встрѣчаемъ людей самаго различнаго возраста и общественнаго положенія. Здѣсь на ряду съ графомъ Ростопчинымъ, фрондирующимъ вельможей, жившимъ въ Москвѣ на покоѣ, мы видимъ и Державина съ Шишковымъ, литературная и служебная карьера которыхъ въ это время уже приходила къ концу. Люди старшаго поколѣнія смѣняются на этомъ націоналистическомъ поприщѣ молодежью, въ родѣ Карамзина, бывшаго въ эти годы въ зенитѣ своей литературной славы. Всѣ эти лица въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ старались пропагандировать мысль о ненужности и излишествѣ изученія французскаго языка, французскихъ нравовъ и обычаевъ. Въ цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній они доказывали необходимость изучать родную старину, сдѣлаться русскими и усвоить себѣ древле-россійскія добродѣтели. „Если вы хотите убить націю," любилъ говорить Шишковъ, „прежде всего уничтожьте ея языкъ." И Шишковъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ нападаетъ на русскихъ молодыхъ людей за то, что они съ юныхъ лѣтъ усваиваютъ себѣ французскую иноземную рѣчь. „Чѣмъ лучше можетъ воспитать подрастающія поколѣнія, говоритъ Ростопчинъ, какая-нибудь жена швейцарскаго поселянина или англійскаго конюха, сравнительно съ женой или матерью русскаго приказчика или русскаго пастуха". „Развѣ можетъ иноземецъ, восклицалъ Шишковъ, привить мнѣ любовь къ моей матери, къ моей родинѣ? Онъ можетъ только способствовать развитію во мнѣ склонности къ космополитическимъ и безпочвеннымъ мечтаніямъ". Карамзинъ ужасался, что стыдливыя русскія дамы и дѣвицы усвоили себѣ костюмы и пріемы того французскаго общества, гдѣ тонъ даютъ жены банкировъ и откупщиковъ, - тѣ самыя, которыя танцовали менуэты и контръ-дансы на могилахъ своихъ отцовъ, мужей и любовниковъ. И Карамзинъ, взывая къ необходимости бороться съ послѣдствіями французской революціи, ужасается, что моды этой самой революціи переносятся на русскую почву. Державинъ, съ мнѣніемъ котораго относительно реформъ нашего государственнаго строя мы уже отчасти познакомились, говорилъ о томъ, что конституціонными французскими и польскими идеями было заражено молодое поколѣніе, а Ростопчинъ, какъ

бы вторя ему, указывалъ на то, что среди русскихъ людей можно встрѣтить многихъ сторонниковъ Робеспьера и Дантона. Изъ этихъ примѣровъ, я думаю, достаточно ясно, что такіе трактаты, какъ извѣстное произведеніе Карамзина „О любви къ отечеству и народной гордости", направлены были именно противъ существующаго въ Россіи французскаго вліянія. Указывая на прежнія русскія побѣды, на славные походы Суворова въ 1799 г., на разгромъ французскихъ республиканскихъ войскъ, писатель какъ бы хотѣлъ указать, что, изучая русское прошлое, подрастающія поколѣнія должны усваивать себѣ любовь ко всему отечественному. На ряду съ этой любовью русскіе люди должны были усваивать себѣ тотъ самый языкъ, которымъ говорили ихъ предки. „Развѣ для этого обрили намъ бороды и заставили насъ одѣть иноземное платье, чтобы мы презирали тѣхъ, которые ходятъ съ бородами и одѣваются въ длиннополые кафтаны?" И Шишковъ, какъ бы протягивая руку Карамзину, говорилъ: „Мы совершенно сдѣлались обезьянами. Мы не только учимся у французовъ, какъ писать, какъ мыслить, какъ одѣваться, но и какъ смѣяться, и даже сморкаться. Французы запрягли насъ въ колесницу, а сами сѣли въ нее и погоняютъ насъ, заставляя везти, куда они захотятъ. Но сѣвъ въ эту иноземную коляску, мы не должны презирать тѣхъ, которые ѣдутъ въ доморощенной русской телѣгѣ." Вотъ, господа, каковы были тѣ мотивы, которыми переполнена была русская націоналистическая литература того времени. Эти мотивы, подъ перомъ такихъ выдающихся писателей, какъ Карамзинъ и Ростопчинъ, принимали конкретныя литературныя формы и, такимъ путемъ, оказывали на читателей наиболѣе сильное вліяніе. Это стремленіе вернуться къ русскому прошлому было вполнѣ естественно въ той обстановкѣ, въ которой мы застаемъ русское общество начала 19-го вѣка. Въ то время, когда иноземное вліяніе было сильно и въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ, русскіе люди, подобные тѣмъ, имена которыхъ я вамъ только-что привелъ, старались пробудить и тамъ и здѣсь, и въ обществѣ и въ правительствѣ, стремленіе сбросить съ себя иноземное вліяніе и итти той дорогой, которую они считали единственно необходимой для правильнаго историческаго развитія Россіи. Особенно ярко сказалось это политическое возбужденіе въ связи съ событіями 1805-7 г. Въ моментъ, когда Россія выступила на борьбу съ

Франціей, это патріотическое возбужденіе достигаетъ своего апогея, и въ это время тотъ націонализмъ, зародышъ котораго мы уже прослѣдили, развивается, ширится и крѣпнетъ въ русскомъ общественномъ сознаніи.

Первыя войны съ Наполеономъ возбудили въ русскомъ обществѣ патріотическія и шовинистическія надежды. Всѣ были полны воспоминаніями о побѣдахъ екатерининскихъ орловъ, о тѣхъ успѣхахъ, которыми сопровождалось русское оружіе въ последніе итальянскіе походы. Всѣ были увѣрены, что при первомъ же столкновеніи съ русскими войсками уничтожится весь престижъ, все значеніе того Бонапартэ, котораго называли антихристомъ и коронованнымъ солдатомъ. Противъ Наполеона сильно возбуждены были русскія дворянскія сферы, подъ вліяніемъ эмигрантовъ и іезуитовъ. Особенно послѣ убійства герцога Энгіенскаго, одного изъ принцевъ королевскаго дома, и послѣ провозглашенія Наполеона императоромъ въ 1804 г., ненависть ко всему французскому достигаетъ въ Россіи своего апогея. Бывали напр. такія сцены, какъ въ московскомъ англійскомъ клубѣ, гдѣ подгулявшій добродушный толстякъ-дворянинъ Перхуровъ кричалъ, что есть мочи: „Дайте мнѣ веревку, я притащу сюда на арканѣ этого мошенника Бонапартія!" Но, конечно, всѣ эти націоналистическіе и патріотическіе выпады должны были смѣниться совершенно другими мыслями и восклицаніями, когда русская армія была разбита и подъ Аустерлицемъ въ Австріи, и въ Пруссіи при Фридландѣ, когда съ этимъ бывшимъ антихристомъ и порожденіемъ революціи былъ заключенъ не только миръ, но и союзъ. Вполнѣ понятно, что въ русскихъ общественныхъ сферахъ сближеніе официальной Россіи съ официальной Франціей должно было пробудить цѣлый рядъ недоумѣній. Что касается русской знати, то она, воспитанная въ преклоненіи передъ французскимъ легитимизмомъ и въ симпатіяхъ ко всему старо-французскому, была теперь, конечно, крайне враждебно настроена къ новому наполеоновскому режиму. Такія лица, какъ графъ Воронцовъ или графъ Салтыковъ, возмущались тѣмъ, что руские сановники подписали Тильзитское соглашеніе и предлагали ихъ вести въ Петербургъ на ослахъ лицомъ къ хвосту. Что касается

отношеній къ новымъ французскимъ посламъ, сначала Савари, а потомъ Коленкуру, то среди петербург.общества ихъ нигдѣ не хотѣли принимать. „Вполнѣ понятно, что если такое настроеніе обнаруживалось въ петербургскихъ общественныхъ сферахъ, то и въ Москвѣ, которая была болѣе консервативна и гораздо сильнѣе чувствовала всю горечь того униженія, въ которомъ очутилась Россія послѣ Тильзитскаго мира, ненависть къ Бонапарту и ко всему французскому была еще значительнѣе. Какъ разъ въ это время въ Москвѣ сильное вліяніе на общество стали оказывать памфлеты графа Ростопчина, написанные имъ въ 1807 г.: „Мысли вслухъ на красномъ крыльцѣ", ефремовскаго дворянина Силы Андреевича Богатырева и „Мысли не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго", другого дворянина Устина Ульяновича Вѣникова. Эти нѣсколько грубоватыя литературныя произведенія должны были, какъ выразился самъ Ростопчинъ, подготовлять умы къ борьбѣ съ французскимъ народомъ, избавить Россію отъ новаго ига со стороны Запада. Обращаясь ко всѣмъ тѣмъ русскимъ, которые превратились въ французовъ, ко всѣмъ такъ называемымъ французолюбцамъ, Богатыревъ, это олицетвореніе русской національной силы, говоритъ: „Сгинь ты, діавольское навожденіе" и предлагаетъ перекреститься, плюнуть на все французское и приняться за прежнія русскія доблести. Онъ обращается къ старинѣ, воскрешаетъ доблести русскихъ людей 17 и 18 столѣтія, приводитъ на память дѣянія царя Алексѣя Михайловича, подвиги русскихъ военачальниковъ эпохи Екатерины II. Особенно глумится Богатыревъ надъ французишками, этимъ сухопарнымъ народомъ и говоритъ, что на пятерыхъ французовъ достаточно одного русскаго, а Наполеона называетъ новымъ Александромъ Македонскимъ, у котораго, какъ „у самаго захудалаго мужичишки, нѣтъ ни кожи, ни рожи, ни видѣнія". Въ его глазахъ „Бонапартэ кочерга, французы - головешки, и революція пожаръ". Онъ возмущается тѣмъ, что французы во время революціи всѣхъ перерѣзали, всѣхъ перебили, а затѣмъ бросились на всю Европу и все принялись уничтожать. Вотъ такимъ-то патріотическимъ воззваніемъ, такимъ глумленіемъ надъ всѣмъ французскимъ, такимъ пробужденіемъ старинныхъ русскихъ доблестей и хотѣлъ Ростопчинъ поднять упавшую русскую народную силу. Онъ напа-

даетъ при этомъ и на пристрастіе русскаго общества къ французскимъ модамъ и французскимъ нравамъ. Конечно, и самъ Ростопчинъ былъ отчасти порожденіемъ той же самой французской культуры. По выраженію одного современника, князя Вяземскаго, онъ французовъ ненавидѣлъ и бранилъ ихъ на ихъ же французскомъ языкѣ, но намъ важно отмѣтить, что въ глазахъ этого образованнаго русскаго человѣка русскій языкъ и русское прошлое не заслуживали глумленія и пренебреженія,и въ этомъ отношеніи его памфлеты, разошедшіеся въ короткое время въ количествѣ 7000 экземпляровъ, оказали свое извѣстное вліяніе. Порожденіемъ того же самаго момента были 2 комедіи Крылова: „Модная лавка" и „Урокъ дочкамъ". Въ нихъ развивается все та же самая борьба съ заноснымъ французскимъ воспитаніемъ, борьба съ безстыдными французскими модами, и въ результатѣ и въ той, и въ другой комедіи торжествуетъ русское начало, въ лицѣ неиспорченныхъ русскихъ людей и въ лицѣ русскихъ воспитателей. Такимъ образомъ, въ это время русская литература пріобрѣтаетъ ярко выраженный націоналистическій отпечатокъ и среди журналистики одновременно начинаетъ пользоваться широкимъ распространеніемъ „Русскій Вѣстникъ", основанный извѣстнымъ патріотомъ С. Глинкой. Здѣсь указывалось, что Россія еще во время Рюрика и Владимира Мономаха превосходила всѣ страны З.Европы и въ политическомъ, и въ умственномъ отношеніи. Этотъ журналъ, по свидѣтельству самого издателя, находилъ себѣ широкое распространеніе среди студентовъ московскаго университета, но особенными симпатіями онъ пользовался среди членовъ англійскаго клуба. Что касается русской провинціи той эпохи, то она, хотя и находилась подъ извѣстнымъ французскимъ вліяніемъ, но тамъ, конечно, образъ жизни отличался отъ столичнаго; тамъ и моды, и вкусы иноземные были парализованы мѣстными старинными обычаями. Такимъ образомъ, въ столицахъ, Москвѣ и Петербургѣ, можно было съ одной стороны наблюдать слишкомъ сильное пристрастіе къ иноземному, а съ другой слишкомъ рьяные нападки на все французское, на все заморское. Что касается русскихъ общественныхъ теченій той эпохи, то слѣдуетъ, сверхъ того, отмѣтить ту струю, которая пробивалась еще въ эпоху Екатерины II въ русской зарождающейся интеллигенціи. Это ма-

сонство, которое приняло въ началѣ 19-го вѣка ярко выраженный мистическій отпечатокъ. То масонство, которое культивировалось въ Россіи въ кружкѣ Новикова и Шварца въ 80-хъ и отчасти 90-хъ годахъ 18 столѣтія. Здѣсь на ряду съ исканіемъ религіозной истины и стремленіемъ переродить себя на почвѣ внутренняго обновленія, была распространена мысль о необходимости активныхъ добродѣтелей и дѣлъ благотворительности, какъ въ сферѣ общественной помощи, такъ и въ сферѣ общественнаго обученія. Но послѣ того, какъ подъ вліяніемъ французской революціи Екатерина въ каждомъ кружкѣ видѣла какъ бы тайное общество съ политическими незаконными цѣлями, масонскія ложи были закрыты. Подъ вліяніемъ того же самаго страха предъ всякой независимой общественной силой, Екатерина и Новикова подвергла пожизненному шлиссельбургскому заключенію. Московское дружеское общество, съ его широкими общественными педагогическими и литературными учрежденіями, было закрыто. Кружокъ долженъ былъ распасться,и только въ началѣ 19-го столѣтія, когда вновь разрѣшены были масонскія ложи, можно было разсчитывать на то, что идеи Новикова и его друзей снова воспрянутъ въ русскомъ общественномъ сознаніи. Но времена были другія и уже того здороваго масонскаго направленія, которое мы видѣли при Екатеринѣ II, въ эти годы мы почти что не наблюдаемъ, несмотря на то, что были еще живы и Новиковъ, и Гамалѣй, доживавшіе свои дни въ подмосковной деревнѣ послѣ освобожденія изъ Шлиссельбурга. Эти лица, обезсиленныя и физически, и морально, не принимали уже активнаго участія въ масонскихъ организаціяхъ и только около Лопухина, одного изъ екатерининскихъ масоновъ, группировался въ Москвѣ, и отчасти въ его орловской деревнѣ,небольшой кружокъ учениковъ и сотрудниковъ. Въ Петербургѣ же, гдѣ особенно видную роль игралъ Лабзинъ, мистически религіозное направленіе принимаетъ все болѣе широкіе размѣры. Органомъ этого новаго мистическаго теченія является „Сіонскій Вѣстникъ", учрежденный въ 1806 г. Въ лицѣ масоновъ, и лопухинскаго, и лабзинскаго направленія, мы видимъ людей, одинаково враждебно настроенныхъ ко всему французскому. Масоны старались поставить чувство выше разума, хотѣли внутренняго усовершенствованія, но не путемъ раціоналистическимъ, не путемъ того

разума, который лежалъ въ основѣ всего французскаго умственнаго движенія 18-го вѣка. Они боролись съ гордыней этого разума, они хотѣли очистить себя путемъ внутренней работы. Такимъ образомъ, все то, что являлось порожденіемъ французскаго раціонализма, порожденіемъ французской революціи, связывалось въ ихъ сознаніи съ чѣмъ-то грѣховнымъ, съ чѣмъ-то такимъ, что надо искоренить, съ чѣмъ надо бороться. Вполнѣ понятно, что и революція, и наполеоновскій режимъ, явившійся логическимъ продолженіемъ революціонныхъ событій возбуждали въ ихъ средѣ сильный къ себѣ антагонизмъ. Лопухинъ, который остался единственнымъ живымъ представителемъ старыхъ масонскихъ традицій, выпускаетъ въ 1809 г. небольшое сочиненіе: „Отрывки, сочиненіе одного стараго судьи", въ которомъ ополчается на Бонапартэ, на его завоевательную политику и призываетъ къ борьбѣ со всѣмъ французскимъ. Онъ устанавливаетъ ту точку зрѣнія, что Руссо, съ его идеей народнаго суверенитета, пишетъ сочиненія сатанинскія, что человѣкъ долженъ сбросить съ себя всѣ внѣшнія принужденія и долженъ стремиться только къ внутреннему освобожденію. Это была какъ бы пропаганда общественнаго квіэтизма, это былъ какъ бы призывъ къ примиренію со всѣми стѣсненіями и политическими и общественными. Что касается Лабзина, то онъ проводилъ ту же самую точку зрѣнія, исходя изъ другихъ соображеній. Лабзинъ, какъ представитель мистицизма, являлся сторонникомъ тѣхъ ученій, которыя въ это время широко развивались въ Германіи. Это были доктрины Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга. Оба эти теософа, въ своей религіозной экзальтаціи, стремились къ небесному откровенію, стремились путемъ апокалипсическихъ видѣній освятить всѣ тѣ событія, которыя протекали передъ ихъ глазами. Въ Наполеонѣ они видѣли антихриста, какъ бы предтечу всего тлѣннаго, земного, которымъ должно было завершиться господство разума вселенной. Они готовились въ своемъ религіозномъ экстазѣ переселиться въ иной міръ, и къ этому міру, къ міру идей, къ міру мистическому, они и подготовляли окружающее общество. Борясь со всѣмъ французскимъ, они осуждали Наполеона, какъ порожденіе человѣческой гордости. Такимъ образомъ, и московскія, и петербургскія масонскія сферы враждебно относились къ французскому вліянію. Въ ихъ кружкахъ, въ ихъ журналахъ

бичевалось все иноземное, но это иноземное, господа, въ ихъ глазахъ было только грѣховнымъ постольку, поскольку оно не заключало въ себѣ стремленія къ внутреннему обновленію. Они бичевали въ своей сатирѣ тѣ французскія моды, тѣ французскія привычки, которыя въ ихъ глазахъ были порожденіемъ грѣховныхъ революціонныхъ страстей, но они совершенно не доходили до той соціальной подпочвы, которая питала все это французское воспитаніе. Они совершенно не затрагивали въ своихъ сочиненіяхъ русскаго народа, который являлся въ глазахъ Новикова и Шварца объектомъ борьбы со всѣми предразсудками и суевѣріями современнаго общества. Такимъ образомъ, новыя сочиненія шли какъ бы рука объ руку съ тѣми патріотическими и націоналистическими памфлетами, которые выходили изъ-подъ пера Ростопчина, Крылова и другихъ писателей этого направленія. Но кромѣ лопухинскаго и лабзинскаго теченія, мы встрѣчаемъ среди тогдашнихъ мистиковъ нѣкоторыя и другія группы, съ которыми необходимо познакомиться. Масонство, разрѣшенное при Александрѣ I, пріобрѣтаетъ внѣшній ритуальный характеръ. Были нѣкоторыя ложи, которыя насчитывали у себя до 32 степеней. Это была какъ бы игра во внѣшность, игра въ чисто внѣшнія отличія. Въ составѣ этихъ ложъ, носившихъ самыя фантастическія названія: „Александра коронованнаго пеликана" „3-хъ коронованныхъ мечей", „Елизаветы въ добродѣтели", „Соединенныхъ друзей" и т.д., можно было видѣть самыхъ разнообразныхъ общественныхъ дѣятелей, но, главнымъ образомъ, людей придворнаго круга и лицъ, принадлежавшихъ къ военной молодежи. Болѣе всего посѣщались, такъ называемыя, столовыя ложи, гдѣ, кромѣ бесѣдъ на возвышенныя темы, процвѣтали и дружескіе обѣды, съ обильными возліяніями шампанскаго. Здѣсь, въ этихъ ложахъ, можно было, подъ покровомъ братства, подъ покровомъ свободнаго общенія, завязать прочныя отношенія, которыя помогли бы и на службѣ, и въ жизни. И многихъ именно это-то косвенное побужденіе и заставило входить въ масонскія организаціи. На ряду съ людьми дворянскаго происхожденія, здѣсь попадались и разночинцы, особенно въ ложѣ Святого Михаила, которая пріобрѣла скорѣе интеллигентскій, а не дворянско-сословный характеръ. Идейная сторона масонской теоріи, - борьба со всѣмъ грѣховнымъ и стремленіе къ внутреннему усовершенствованію, здѣсь отходила на

заднiй планъ, и только внѣшняя обрядовая сторона играла наиболѣе важную, наиболѣе рѣшающую роль. Эти масонскiя ложи находились подъ покровительствомъ правительства, и даже съ 1810-го года должны были доносить по инструкцiи, данной изъ министерства полицiи, обо всемъ томъ, что творилось въ ихъ нѣдрахъ. Многiя высокопоставленныя лица въ родѣ великаго князя Константина, министра полицiи Балашова, Сперанскаго и т.д., входили въ составъ этихъ масонскихъ организацiй. Все, что касалось общественнаго переустройства и политической идеологiи, изъ этихъ ложъ навсегда изгонялось. Стремленiе перевести масонскую идеологiю на политическую почву строго въ нихъ преслѣдовалось. Всѣ онѣ были объединены такъ называемой директорiальной ложей, которая, принявъ уставъ большой центральной ложи, должна была наблюдать за тѣмъ, чтобы программа, установленная съ правительственнаго согласiя, осуществлялась во всѣхъ столичныхъ и провинцiальныхъ масонскихъ организацiяхъ. Такимъ образомъ, господа, масонство той эпохи, направленное противъ рацiонализма, усваивало себѣ, преимущественно, только внѣшнiя ритуальныя формы прежнихъ масонскихъ ложъ; внутреннее же содержанiе прежняго новиковскаго направленiя изъ нихъ исчезаетъ. Но въ этихъ масонскихъ ложахъ 10-хъ годовъ 19-го вѣка мы должны видѣть, главнымъ образомъ, одну сторону. Это была общественная организацiя, которая способствовала объединенiю разномыслящихъ людей на одной программѣ. Онѣ прiучали русское общество того времени къ извѣстной корпоративной объединяющей связи. Они подготовили дальнѣйшiя общественныя организацiи, которыя вывели русскую общественную мысль на иную, болѣе широкую дорогу. Такимъ образомъ, масонство по существу было ученiемъ консервативнымъ и даже, иногда, реакцiоннымъ. Въ составъ этихъ масонскихъ братьевъ входили такiя лица напр., какъ извѣстный Поздеевъ, который полагалъ, что крѣпостное право должно быть неизбѣжно сохраняемо въ Россiи, что дворянство-это какъ бы пальцы и руки государства, и Россiя есть, по преимуществу, еще татарская страна, въ которой необходима неограниченная самодержавная власть, опирающаяся на дворянскую массу. Правда, нѣкоторые изъ масоновъ указывали на необходимость фабрикантамъ и помѣщикамъ

быть кратчайшими господами, но дальше такой чисто платонической теоріи они не шли. „Простолюдины", сообщаетъ одинъ изъ видныхъ современныхъ масоновъ, гр. Виегорскій, въ своихъ „Весѣдахъ" - „не имѣя никакого понятія о существѣ нашего ордена, весьма его любили, предполагая по названію свободныхъ каменщиковъ, что наше братство старается ихъ сдѣлать вольными, въ чемъ они весьма ошибаются, ибо мы стремимся свергнуть съ себя оковы не мнимыя, поистинѣ тяжкія, а именно оковы грѣха, смерти и ада." Такимъ образомъ, тѣ лица, которыя могли еще подразумѣвать въ масонствѣ какое-либо прогрессивное дѣйственное начало, должны были скоро жестоко разочароваться. Среди масоновъ были даже такіе представители, какъ попечитель московскаго университета Голенищевъ-Кутузовъ, насквозь проникнутый реакціонными вожделѣніями. Этотъ представитель офиціальныхъ педагогическихъ сферъ усматривалъ даже въ вполнѣ благонамѣренномъ Карамзинѣ человѣка въ высшей степени опаснаго. Онъ въ своемъ доносѣ въ 1810 г. министру народнаго просвѣщенія, Разумовскому, указываетъ на то, что „Карамзинъ своими сочиненіями разсѣиваетъ тлетворную заразу въ русскомъ обществѣ и не награждать его надо, восклицаетъ Голенищевъ-Кутузовъ, не давать ему орденъ Святого Владимира, а подвергнуть самому жестокому наказанію. Онъ мѣтитъ не во что иное, какъ въ сіесы и въ первые консулы и объ этомъ здѣсь всѣ знаютъ. Карамзинъ является представителемъ якобинскаго ученія." Такимъ образомъ, даже лица націоналистическаго образа мыслей были въ глазахъ нѣкоторыхъ масоновъ опасными вольнодумцами и якобинцами. Но если Карамзинъ и другіе благомыслящіе писатели были для этихъ масоновъ какъ бы разсѣивателями французской заразы, то и сами масоны, какъ таковые, для многихъ націоналистовъ той эпохи представляли опасную и тлетворную организацію. Дѣйствительно, окружая себя таинственностью, принося какое-то отреченіе, какія-то клятвы въ молчаніи, связанныя съ соблюденіемъ опредѣленныхъ ритуалистическихъ правилъ, масоны въ глазахъ охранителей были организаціей, насквозь пропитанной какой-то тайной. Лица, подобныя графу Ростопчину, усматривали здѣсь поводъ для патріотическихъ опасеній. Въ своей запискѣ о масонахъ, составленной въ 1811 г. для великой княгини Екатерины Павловны, Ростопчинъ

указываетъ, что при грозящей опасности со стороны Франціи, Наполеонъ можетъ найти себѣ въ масонахъ открытыхъ пособниковъ. Они подготовляютъ въ нѣдрахъ своихъ ложъ какой-то переворотъ, и это ученіе представляетъ громадную политическую опасность. Перечисляя всѣхъ, наиболѣе видныхъ масоновъ, Ростопчинъ указываетъ, что ихъ надо или арестовать или, по крайней мѣрѣ, отрѣшить отъ занимаемыхъ ими должностей. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ консервативно настроенныхъ группъ появляется въ русскомъ обществѣ въ это время, и все подъ вліяніемъ того переворота, который произошелъ въ общественномъ сознаніи въ связи съ Тильзитскимъ миромъ. Но Тильзитскій миръ отразился въ русскомъ обществѣ не только тѣмъ, что усилились націоналистическія и реакціонныя теченія, -онъ былъ невыгоденъ и съ реальной хозяйственной точки зрѣнія для тогдашняго русскаго общества. Послѣ Тильзитскаго соглашенія Россія должна была порвать съ Англіей, которой объявлена была континентальная блокада, принятая Россіей во время Тильзитскаго сближенія и направленная противъ англійской торговли и англійской промышленности. Англія теперь не могла доставлять въ Россію своихъ товаровъ, такъ же какъ и Россія не могла отправлять въ Англію свое сырье. Но въ Россіи уже давно установился правильный товарообмѣнъ съ Англіей. Въ Англію отправлялись, преимущественно, продукты сельскаго хозяйства. Изъ Англіи же получались готовые фабрикаты, а также колоніальные товары, привозимые, главнымъ образомъ, на англійскихъ судахъ. Значитъ, и русское дворянство, въ рукахъ котораго находились продукты сельскаго хозяйства, и торговцы, и промышленники, которые вели товарообмѣнъ съ Англіей, терпѣли одинаковый убытокъ отъ введенія континентальной системы. Черезъ нѣсколько времени послѣ прекращенія торговли съ Англіей, у насъ въ Россіи фунтъ сахару сталъ продаваться по 2 рубля, а аршинъ англійскаго сукна достигъ въ цѣнѣ 35 и 50 рублей. Естественно, что такое повышеніе цѣнъ на привозные товары отразилось на стоимости всѣхъ продуктовъ. А отъ товарнаго застоя въ странѣ должны были терпѣть извѣстный ущербъ и государственные финансы. При обращеніи на рынкѣ бумажныхъ денежныхъ знаковъ естественно, что каждое замѣшательство въ хозяйственной жизни страны должно было отражаться на ихъ курсѣ. Если въ сен-

тябрѣ 1807 г. ассигнаціонный рубль ходилъ на рынкѣ за 90 к. серебромъ, то уже 1 января 1808 г. за него давали только 75 к. серебромъ. И торговцы, и держатели государственныхъ бумагъ, и чиновники терпѣли одинаковый ущербъ отъ этой новой финансовой экономической политики русскаго правительства. Все это должно было возбуждать недовольство въ русскомъ обществѣ и уже не литературнымъ, а чисто реальнымъ путемъ оно проявилось наружу. Особенно сильно и ярко подчеркивается эта струя недовольства въ письмѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны къ императору Александру отъ 1808 г. Уговаривая своего сына не ѣздить на новое свиданіе съ императоромъ Наполеономъ, вдовствующая императрица указывала, что Александръ готовитъ гибель своей имперіи, что своимъ образомъ дѣйствій онъ теряетъ любовь народную, которую трудно будетъ вновь завоевать, что онъ на ряду съ короной готовитъ гибель и семьѣ. Императрица заклинала его и какъ сына, и какъ друга, и какъ государя пожалѣть самого себя и свое отечество и не ѣхать на новое униженіе. Александру пришлось оправдываться и говорить, что этотъ союзъ съ Наполеономъ необходимъ для Россіи въ томъ смыслѣ, что она за эти годы дружбы съ Франціей подготовитъ себя къ борьбѣ съ Австріей, которая рано или поздно должна осуществиться. Но общественное возбужденіе готово было получить чисто реальную форму. Такъ въ 1807 г. шведскій посолъ Штедингъ пишетъ королю Густаву IУ, что всюду-и публично, и въ частныхъ собраніяхъ, осуждаютъ политику государя, и, можетъ быть, Россія стоитъ наканунѣ новаго дворцоваго переворота. Вполнѣ понятно, что при такомъ общественномъ недовольствѣ надо было принять самыя экстренныя мѣры. Уже въ 1805 г. какъ бы возстановляется тайная канцелярія. Комитету министровъ поручается изыскать средства для обузданія разнузданныхъ общественныхъ мыслей. Министръ полиціи снабжается самыми широкими полномочіями, а на мѣстахъ въ губерніяхъ устанавливаются новые штаты полицейской стражи. Цѣлый рядъ цензурныхъ строгостей обрушивается на русскую повременную печать. Многіе газеты и журналы закрываются, потому что въ нихъ осуждается внѣшняя русская политика и императоръ Наполеонъ называется Бонапартомъ. Такимъ образомъ, господа, въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за Тильзитскимъ

сближеніемъ, въ эпоху оффиціальнаго замиренія между Россіей и Франціей, русское общество находилось въ возбужденномъ фрондирующемъ настроеніи и между императоромъ Александромъ и его подданными легла глубокая и широкая пропасть. Она отдѣляла высшія правительственныя сферы, близкія къ государю, отъ широкихъ слоевъ русскаго дворянскаго общества, а за этимъ дворянствомъ стояло и городское населеніе, и крестьянская масса, потерпѣвшія ущербъ отъ новой политики, отъ введенія континентальной системы. Надо было съ одной стороны положить предѣлъ всѣмъ этимъ толкамъ, всѣмъ этимъ проявленіямъ общественнаго осужденія, а съ другой - укрѣпить государство и во внѣ, и внутри. Для того, чтобы проводить въ жизнь эту новую политику, для того, чтобы подвести государство къ необходимымъ преобразованіямъ, надо было поднять упавшую нить реформаціонныхъ начинаній, и эту нить взялъ въ свои крѣпкія и сильныя руки тотъ человѣкъ, съ именемъ котораго связана вся правительственная дѣятельность между 1807 и 1812 г. Въ моментъ господства у насъ въ правительственныхъ сферахъ французскаго вліянія кормило правленія находится въ рукахъ Сперанскаго, и, благодаря его неутомимой дѣятельности, благодаря его громадной энергіи, снова ставится вопросъ о коренныхъ государственныхъ преобразованіяхъ. Эти преобразованія не осуществились, не были проведены въ жизнь, но тѣмъ не менѣе съ проектами Сперанскаго намъ необходимо ознакомиться.

Проекты и реформы Сперанскаго.

Долгое время въ нашей исторической литературѣ господствовалъ совершенно неправильный взглядъ на Сперанскаго и на его реформы. Дѣло въ томъ, что подлинный планъ и записки Сперанскаго были неизвѣстны. О нихъ знали только по тѣмъ выдержкамъ, которыя были приведены въ извѣстной книгѣ Н.И.Тургенева „La Russie et les Russes". Въ этомъ извлеченіи основныя положенія проекта Сперанскаго были довольно неправильно изложены и міровоззрѣніе Сперанскаго, какъ политическаго реформатора, не нашло здѣсь полнаго и всесторонняго освѣщенія. Въ книгѣ барона Корфа „Жизнь графа Сперанска-

го" много вниманія удѣлено его біографіи, но по самому существенному и важному вопросу, а именно въ какомъ отношеніи Сперанскій стоялъ къ реформамъ Александра I и каковы были тѣ идеи, которыми руководился онъ, проводя свои преобразованія въ жизнь, отвѣта дано не было по цензурнымъ соображеніямъ. Книга Корфа вышла въ 1861 г. Затѣмъ, подъ перомъ Толстого въ „Войнѣ и мирѣ" обликъ Сперанскаго былъ изображенъ тоже нѣсколько тенденціознымъ. Великій романистъ обнаружилъ здѣсь свою исконную ненависть къ бюрократическому міру, и Сперанскій, этотъ гордый разсудочный умъ съ его размѣренной рѣчью, съ его непроницаемымъ, какимъ-то зеркальнымъ взглядомъ, съ его круглымъ открытымъ бѣлымъ лицомъ, мягкими пухлыми, бѣлыми руками, съ его дѣланнымъ смѣхомъ, который какъ-то визгливо держался все на высокихъ нотахъ,- Сперанскій, который любилъ шутки, но какія-то дѣланныя, этотъ холодный, съ отсутствіемъ всякаго чувства, человѣкъ, конечно, былъ крайне антипатиченъ всѣмъ читателямъ „Войны и мира". Такимъ образомъ, подъ перомъ Толстого Сперанскій, и какъ государственный дѣятель, и какъ человѣкъ, получилъ довольно своеобразное освѣщеніе. За недостаткомъ матеріала Толстому не удалось дать полную характеристику политическихъ идеаловъ Сперанскаго, а по тѣмъ противорѣчивымъ взглядамъ, которые были высказаны современниками на Сперанскаго, какъ на человѣка и какъ на реформатора, у Толстого сложилось вполнѣ отрицательное отношеніе ко всему тому, что вышло изъ рукъ любимца императора Александра I. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ у насъ до самаго послѣдняго времени Сперанскаго, можно сказать, не знали, и даже въ томъ курсѣ русской исторіи, на которомъ воспиталось нѣсколько поколѣній русскаго общества, именно, въ знаменитыхъ лекціяхъ В.О.Ключевскаго Сперанскій какъ реформаторъ охарактеризованъ не вполнѣ правильно. Когда удалось найти подлинныя записки и проекты Сперанскаго, когда сначала въ Петербургѣ В.И.Семевскій, а затѣмъ въ Москвѣ приватъ-доцентъ А.И.Яковлевъ издали ихъ цѣликомъ по подлинному тексту, только тогда можно было вполнѣ объектно изучить его преобразовательныя начинанія и разобраться въ тѣхъ принципахъ, которыми они были проникнуты. Въ извѣстномъ же трудѣ Н.К.Шильдера „императоръ Александръ I" можно найти

много цѣнныхъ указаній на тѣ обстоятельства, которыми подготовлялась катастрофа, поразившая Сперанскаго въ мартѣ 1812 г. Итакъ, съ подлинными документами въ рукахъ, опираясь на большое количество новыхъ историческихъ данныхъ, мы можемъ опредѣлить то мѣсто, которое Сперанскій занимаетъ въ развитіи русской политической мысли, оцѣнить его дѣятельность и установить вполнѣ правильную точку зрѣнія на значеніе Сперанскаго и его преобразованій. И только послѣ всего этого историческій обликъ Сперанскаго встанетъ предъ нами во весь свой громадный ростъ. Конечно, мы не послѣдуемъ за г.Южаковымъ, который называетъ Сперанскаго геніальнымъ человѣкомъ, но мы не присоединимся и къ другому отзыву современнаго историка, М.Н.Покровскаго, назвавшаго Сперанскаго только трудолюбивымъ секретаремъ. Между геніальностью и секретарствомъ громадная разница. Вотъ въ промежуткѣ-то между этими 2-мя крайностями и долженъ стоять Сперанскій со своими выдающимися дарованіями и своей громадной работоспособностью. Чтобы понять и оцѣнить Сперанскаго, чтобы установить его на томъ мѣстѣ, которое онъ долженъ занимать въ ходѣ историческихъ событій, мы должны прежде всего познакомиться съ тѣми условіями, въ которыхъ выросъ и сформировался онъ, какъ человѣкъ и какъ государственный дѣятель. Только тогда для насъ вполнѣ понятна будетъ та обстановка, въ которой ему пришлось вращаться, тѣ точки зрѣнія, которыя ему пришлось проводить въ послѣдующей своей дѣятельности и то отношеніе, которое онъ встрѣтилъ къ себѣ и къ своимъ начинаніямъ со стороны лицъ, окружавшихъ императора Александра. Сынъ сельскаго священника Владимирской губерніи, Сперанскій родился 1 января 1772 г. Такимъ образомъ, онъ былъ на 5 лѣтъ старше своего царственнаго покровителя. Въ самые ранніе годы, когда Сперанскій жилъ, еще вмѣстѣ съ родителями, въ селѣ Черкутинѣ и позднѣе, когда онъ былъ ученикомъ владимирской семинаріи, у него обнаружились тѣ блестящія способности, которыя затѣмъ выдвинули его на жизненномъ поприщѣ. Большую часть своего времени онъ проводилъ за книгами, которыя ему удавалось доставать, или на чердакѣ отцовскаго дома, или въ небольшой школьной библіотекѣ при владимирской семинаріи. Хорошія способности молодого семинариста обратили на него вниманіе епархіальнаго началь-

ства и ему, какъ подающему надежды, дана была мѣстнымъ архіереемъ фамилія Сперанскаго. Затѣмъ, какъ лучшаго ученика его перевели для довершенія образованія въ Петербургскую главную семинарію, позднѣе переименованную въ Духовную Академію. Здѣсь Сперанскій, изучая древніе и новые языки, много вниманія удѣлялъ теоріи краснорѣчія, философіи и математикѣ и, по окончаніи учебнаго курса, получилъ назначеніе на должность профессора по каѳедрѣ математики, физики и краснорѣчія. Затѣмъ, ему поручено было чтеніе философскихъ предметовъ. Вскорѣ Сперанскій выдвинулся на педагогическомъ поприщѣ и былъ даже назначенъ ректоромъ петербургской главной семинаріи. Находясь въ духовномъ званіи, имѣя степень магистра, Сперанскій тяготился своимъ положеніемъ. Онъ сознавалъ въ себѣ громадныя способности, которыя онъ могъ бы приложить на болѣе широкомъ поприщѣ, чѣмъ преподаваніе названныхъ дисциплинъ въ высшемъ духовномъ учебномъ заведеніи. Ему предлагали постричься въ монахи и обѣщали архіерейскую каѳедру, но духовная карьера не прельщала Сперанскаго. Ему грезилось болѣе широкое поприще, и случай помогъ ему. Онъ былъ рекомендованъ петербургскимъ митрополитомъ, въ качествѣ домашняго секретаря, одному изъ екатерининскихъ вельможъ, князю А.Б.Куракину. Сперанскій такимъ образомъ вошелъ въ совершенно иной міръ и втянулся въ то свѣтское полуфранцузское общество, въ которомъ ему приходилось вращаться. Положеніе домашняго секретаря въ то время было далеко не завидное. На нихъ смотрѣли немногимъ лучше, чѣмъ на старшую прислугу. Но, именно потому, что Сперанскій держалъ себя съ чувствомъ человѣческаго достоинства, что онъ никогда и ни передъ кѣмъ не унижался, онъ сумѣлъ внушить къ себѣ уваженіе, и кн.Куракинъ держалъ его, впослѣдствіи, почти что на равной ногѣ. Особенно многимъ обязанъ былъ Сперанскій воспитателю дѣтей кн. Куракина, пруссаку Брюкнеру. Этотъ въ высшей степени образованный человѣкъ, охваченный современнымъ философскимъ движеніемъ, познакомилъ Сперанскаго съ передовыми сочиненіями европейской общественной мысли и подъ его руководствомъ Сперанскій усовершенствовался во французскомъ языкѣ, которымъ онъ впослѣдствіи владѣлъ безукоризненно. Здѣсь та-

кимъ образомъ, въ домѣ екатерининскаго вельможи, довершено было то образованіе Сперанскаго, которое начато было во владимирской семинаріи. Вполнѣ понятно, что онъ, съ дѣтства поставленный подъ вліяніе схоластической и нѣсколько узкой семинарской науки, долженъ былъ усвоить себѣ стремленіе къ систематическому порядку и затѣмъ раздвигать свой умственный горизонтъ, пополнять пробѣлы первоначальнаго образованія чтеніемъ, главнымъ образомъ, юридическихъ и историческихъ сочиненій. Такъ какъ Сперанскій былъ въ высшей степени трудолюбивъ и отличался громадной работоспособностью, то онъ преодолѣлъ всѣ препятствія и преграды и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ пріобрѣлъ много познаній. Этимъ онъ выгодно отличался отъ окружающихъ, у которыхъ обрывки европейскаго просвѣщенія далеко не всегда были продуманы и облечены въ извѣстную систему, въ извѣстный порядокъ. Тѣ качества, которыми отличался Сперанскій еще въ юные годы, именно, усидчивость въ работѣ, нѣкоторая вкрадчивость и умѣніе приспособляться къ окружающей средѣ, сыграли громадную роль въ дальнѣйшей его служебной карьерѣ. При Павлѣ I, кн.Куракинъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ. Вполнѣ естественно, что новый генералъ-прокуроръ постарался выдвинуть своего личнаго секретаря, тѣмъ болѣе, что Сперанскій сдѣлался какъ бы его правой рукой и былъ необходимъ ему въ его занятіяхъ. Но въ Павловское время карьера быстро заканчивалась; фортуна была измѣнчива и на посту генералъ-прокурора смѣнилось, какъ вамъ извѣстно, за это царствованіе 4 человѣка. При преемникахъ кн.Куракина былъ смѣщенъ почти весь штатъ генералъ-прокурорской канцеляріи, но Сперанскій остался въ своей должности экспедитора. Его цѣнили всѣ генералъ-прокуроры, не исключая и „бѣшеваго" Обальянинова, и съ нимъ считались, какъ съ необходимымъ, нужнымъ и исполнительнымъ чиновникомъ. Такимъ образомъ, Сперанскій даже въ это царствованіе, у самыхъ разнообразныхъ начальниковъ, могъ удержаться, могъ заставить уважать и цѣнить себя, какъ человѣка. Выйдя изъ тяжелыхъ испытаній, закаливъ свой характеръ и проявивъ свои способности на административномъ поприщѣ, Сперанскій, можно сказать, расчистилъ себѣ дорогу

къ дальнѣйшему повышенію. Онъ къ этому времени вышелъ изъ духовнаго званія и въ чинѣ статскаго совѣтника продолжалъ службу при Трощинскомъ въ началѣ царствованія Александра I. Такимъ образомъ, съ воцареніемъ новаго государства для Сперанскаго открывалась блестящая административная карьера. Его хорошо знали тѣ лица, которыя теперь вершали судьбу государства. Онъ былъ близокъ къ Трощинскому, и въ то же самое время, какъ теперь видно изъ опубликованныхъ документовъ, онъ былъ извѣстенъ и Кочубею, и Новосильцеву. Значитъ, стоя между сенатской партіей и членами неофиціальнаго комитета, Сперанскій уже въ эти годы игралъ важную роль, какъ редакторъ многихъ законодательныхъ государственныхъ актовъ и проектовъ. Извѣстно, напр., что осенью 1801 г., когда предполагали опубликовать всемилостивѣйшую жалованную грамоту россійскому народу, то къ Сперанскому обратились, какъ къ редактору, и на черновомъ экземплярѣ этой грамоты имѣются поправки, сдѣланныя его рукою. Точно также въ 1802 г., по порученію членовъ неофиціальнаго комитета, Сперанскій составилъ свою первую, извѣстную намъ записку „Мемуары о законодательствѣ", а въ 1803 г. очевидно подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ побужденій, Сперанскій пишетъ свою записку о правительственныхъ судебныхъ учрежденіяхъ Россійской имперіи. Вы видите такимъ образомъ, что въ самые ранніе годы царствованія Александра, Сперанскій, которому въ это время было 29-30 лѣтъ, играетъ уже довольно видную роль, занимая весьма важное государственное положеніе. Вполнѣ естественно, что въ тотъ моментъ, когда учреждались министерства, когда подбирался штатъ новыхъ должностныхъ лицъ, на Сперанскаго, какъ на чиновника въ высшей степени образованнаго и работоспособнаго, обращено было вниманіе и министръ внутр. дѣлъ, Кочубей, постарался привлечь его въ свое министерство въ качествѣ директора департамента. Сперанскій былъ какъ бы правой рукой министра; съ нимъ Кочубей совѣщался и подъ вліяніемъ Сперанскаго была произведена даже реформа этого министерства. Но къ государю онъ еще не имѣлъ непосредственнаго доступа. Первыя мѣста вокругъ Александра занимали въ это время

члены неофиціальнаго комитета и нѣкоторые изъ дѣятелей Екатерининской эпохи. Только съ 1806 г., когда Кочубей сталъ довольно сильно недомогать, Сперанскому было поручено дѣлать личные доклады императору Александру, и съ этого времени начинается ихъ сближеніе. Вполнѣ понятно, что образованный и молодой директоръ департамента размѣренной, красивой и продуманной рѣчью долженъ былъ обратить на себя вниманіе Александра. Онъ такъ хорошо и ясно дѣлалъ свои доклады, что государь оставался имъ весьма доволенъ. Въ томъ же году императоръ взялъ его въ путешествіе при объѣздѣ первой арміи, расположенной въ западныхъ губерніяхъ, а когда въ 1808 г. пришлось Александру отправиться на свиданіе въ Эрфуртъ, то и Сперанскій былъ въ свитѣ государя, въ качествѣ докладчика по внутреннимъ государственнымъ дѣламъ. Здѣсь, какъ говоритъ біографъ Сперанскаго, Корфъ, у него была продолжительная бесѣда съ Талейраномъ о кодификаціи россійскихъ законовъ, и здѣсь же въ Эрфуртѣ, говорятъ, Наполеонъ оцѣнилъ Сперанскаго, говоря, что это наиболѣе талантливый и выдающійся человѣкъ въ Россіи. Въ Эрфуртѣ же произошелъ извѣстный разговоръ между Александромъ и его статсъ-секретаремъ. На вопросъ государя, какъ ему нравится за границей, Сперанскимъ былъ данъ такой отвѣтъ: „Здѣсь порядки лучше, а у насъ люди лучше". „Это и мое мнѣніе", отвѣтилъ Александръ, „мы объ этомъ съ тобой еще поговоримъ по возвращеніи въ Россію". Осенью 1808 г. Сперанскій получилъ назначеніе на должность государственнаго секретаря и съ этого времени началась его совмѣстная и продолжительная работа съ императоромъ Александромъ. Такимъ образомъ, господа, получивъ извѣстный закалъ въ тогдашней духовной школѣ, пріобрѣтя тамъ навыкъ въ стремленіи къ логическому мышленію, Сперанскій, пополнивъ свои знанія философскими и юридическими свѣдѣніями, былъ какъ нельзя лучше подготовленъ къ роли совѣтника Александра I. А Александръ нуждался въ такихъ людяхъ, которые могли бы не только выполнять его предписанія, но и руководить имъ въ его предначертаніяхъ, которые помогли бы ему разобраться въ идейномъ хаосѣ, царившемъ въ его головѣ и способны были бы заразить этого

нѣсколько лѣниваго по природѣ монарха своей энергіей, а Сперанскій именно и отличался всѣми этими качествами. Онъ обладалъ удивительно правильной и ясной рѣчью, могъ сжимать въ кристально-прозрачныя формы то, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ государемъ, могъ работать не покладая рукъ чуть ли не 24 часа въ сутки, и благодаря всему этому онъ сталъ къ государю въ близкія отношенія съ 1808 г. При этомъ Сперанскій выгодно отличался отъ прежнихъ сотрудниковъ Александра I знаніемъ жизни и ея запросовъ. Онъ зналъ Россію, зналъ ее отъ сельской хижины до царскаго трона. Онъ на себѣ, можно сказать, испыталъ всѣ превратности судьбы. Ему знакомъ былъ весь административный механизмъ тогдашней Россіи, всѣ безпорядки тогдашняго государственнаго управленія, того управленія, реформировать которое стремились члены неофиціальнаго комитета. Это не былъ теоретикъ-доктринеръ, человѣкъ, отвлеченно мыслившій, а настоящій государственный дѣятель, ясно сознававшій насущныя потребности Россіи, необходимость извѣстныхъ преобразованій. Когда Александръ передалъ Сперанскому тѣ записки, тѣ проекты, которые остались въ его кабинетѣ отъ засѣданій неофиціальнаго комитета, когда онъ съ осени 1808 г. проводилъ съ нимъ иногда цѣлые вечера за полночь въ долгихъ бесѣдахъ и чтеніи книгъ, то вполнѣ понятно стало для Сперанскаго, въ какомъ направленіи надо дѣйствовать, воспользовавшись этими стократными бесѣдами съ государемъ. Изучивъ прежнія предположенія Александра и его молодыхъ друзей, Сперанскій принялся за важную и сложную работу, и въ результатѣ былъ составленъ тотъ планъ государственныхъ преобразованій или введеніе въ уложеніе государственныхъ законовъ, которое лежало на столѣ императора Александра въ октябрѣ 1809 г. Когда мы вчитываемся въ этотъ планъ, когда мы просматриваемъ его главы и параграфы, мы поражаемся той стройностью мышленія, которой отличался Сперанскій. Подъ его изящнымъ перомъ ясно выступали очертанія будущаго государственнаго обновленнаго строя. Онъ дѣйствовалъ этимъ перомъ, какъ работаетъ опытный виртуозъ-фехтовальщикъ своей шпагой. Онъ далъ возможность Александру облечь въ плоть и кровь свои вольнолюбивыя мечты и то, что прежде было неясно для Александра, какъ участника засѣданій неофиціальнаго комитета, то те-

перь превращалось въ логически продуманный и систематизированный планъ коренной государственной реформы. Каковы же, господа, были тѣ основныя положенія, на которыхъ покоилась государственная реформа Сперанскаго? Каковы были тѣ теоретическія точки зрѣнія, изъ которыхъ исходилъ Сперанскій въ своихъ дальнѣйшихъ преобразованіяхъ? Это особенно ясно для насъ обнаруживается, когда мы сравниваемъ его проектъ 1809г. съ болѣе раннимъ предположеніемъ 1802 г. и 1803 г. Мы видимъ, какъ постепенно эволюціонировала мысль Сперанскаго, какъ то, что прежде было для него неясно, въ чемъ онъ колебался, пріобрѣтало бо́льшую твердость, бо́льшую увѣренность. И Сперанскій 1809 г.- это уже опытный теоретикъ, который, усвоивъ себѣ извѣстную мысль, облекаетъ ее въ ясныя и юридически продуманныя формы. Если члены неофиціальнаго комитета предполагали совмѣстить несовмѣстимое, самодержавіе съ народнымъ представительствомъ, то для Сперанскаго ясна была невозможность подобнаго компромисса. Онъ въ своихъ раннихъ проектахъ доказываетъ, что истинная монархія или конституціонное устройство покоится на реальномъ соотношеніи силъ въ странѣ. Важна не внѣшность, не внѣшняя форма, а внутреннее дѣйствительное содержаніе, то, что онъ называетъ въ своей запискѣ 1803 г. физическимъ темпераментомъ конституціи. И если молодые сотрудники государя хотѣли облечь монархію только въ формы законности, хотѣли установить такой порядокъ, который господствовалъ въ это время во Франціи эпохи консульства и зарождающейся имперіи, то только Сперанскому ясна была невозможность остановиться на полпути. Онъ хотѣлъ дѣйствительно русское неограниченное, или, какъ онъ называлъ, деспотическое правленіе превратить въ истинную конституціонную монархическую форму. Онъ хотѣлъ, чтобы державная воля покоилась на законѣ, а это возможно было сдѣлать только при одномъ условіи, когда проведено будетъ въ жизнь строгое раздѣленіе властей, когда эти власти будутъ независимы другъ отъ друга и будутъ покоиться на опредѣленной, закономъ установленной самостоятельности. Такимъ образомъ, Сперанскій, опираясь на авторитетъ европейскихъ писателей, ссылаясь и на Монтескье, и на Сіейса, и на Юма, и на Блекстона, доказываетъ необходимость коренной государственной реформы.

Особенно ясной для насъ становится эта точка зрѣнія Сперанскаго, когда мы всмотримся въ Введеніе государственнаго уложенія 1809 г. Такимъ образомъ, Сперанскій - конституціоналистъ, Сперанскій - сторонникъ монархіи, ограниченной опредѣленными, закономъ установленными учрежденіями.- Каковы же, господа, тѣ органы, на которыхъ должна покоиться эта державная власть, въ которыхъ она должна проявлять себя въ различныхъ сферахъ государственной дѣятельности? Вы припоминаете, конечно, что Монтескье, этотъ первый теоретикъ европейскаго конституціонализма, расчленялъ власть на 3 категоріи: законодательство, исполнительные органы и судъ. И подъ перомъ Сперанскаго это раздѣленіе функцій государственной власти, которое особенно опредѣленно было проведено въ Англіи, облекается въ стройныя юридическія формы. Сперанскій считаетъ, что только тогда устанавливается истинно монархическій порядокъ, когда различныя учрежденія издаютъ законы, исполняютъ ихъ и наблюдаютъ за правильностью ихъ осуществленія. Не можетъ одна и та же власть и издавать законъ, и его выполнять. Тогда не будетъ опредѣленнаго государственнаго порядка. Въ то же самое время, для того, чтобы органы всѣхъ 3-хъ властей были независимы, надо установить извѣстное участіе общества въ дѣлахъ государственнаго управленія, надо, чтобы между державной властью и подданными было извѣстное, закономъ установленное, взаимоотношеніе. Значитъ Сперанскій - сторонникъ привлеченія общества къ государственнымъ дѣламъ. Проектируемыя имъ учрежденія пріобрѣтаютъ ясно выраженный публичный характеръ. Кромѣ того, для Сперанскаго вполнѣ очевидна была необходимость расчлененія общества на опредѣленныя группы по извѣстнымъ правамъ. Сперанскій полагалъ на основаніи господствующихъ въ то время теорій, что только люди, связанные съ даннымъ государствомъ имущественными отношеніями, могутъ принимать участіе въ политической жизни. Онъ говорилъ, что только лица, обладающія имуществомъ, могутъ сдѣлать палату истиннымъ отраженіемъ настроенія въ странѣ, а люди неимущіе превращаютъ ее въ игралище народныхъ страстей. Такимъ образомъ, для Сперанскаго было ясно, что для участія въ политической жизни

Россіи необходимо обладать извѣстнымъ имуществомъ: или недвижимой собственностью, или промышленнымъ капиталомъ въ опредѣленномъ размѣрѣ. Всѣ, кто отвѣчалъ этимъ требованіямъ, могли становиться государственными избирателями. Но кромѣ этихъ политическихъ правъ Сперанскій устанавливалъ еще и другія, права гражданскія. Этими гражданскими правами пользовались всѣ лица, даже не обладавшія собственностью. Сюда Сперанскій относилъ и крестьянъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ, затѣмъ купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и, такъ называемыхъ, слугъ. Подъ гражданскими правами онъ разумѣлъ извѣстныя личныя и общественныя права. Никто не могъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ по постановленію суда, никто не долженъ отправлять никакихъ обязанностей иначе, какъ по установленію закона. Значитъ устанавливалась извѣстная личная независимость однихъ общественныхъ элементовъ отъ другихъ. Вотъ та основная точка зрѣнія, на которой строилъ Сперанскій будущій русскій обновленный государственный строй. Исходя изъ указанныхъ соображеній, Сперанскій дѣлилъ все общество на 3 разряда. Къ первому относились крестьяне, купцы, ремесленники и слуги, обладавшіе только гражданскими правамі. Ко второму относились всѣ лица, имѣвшія недвижимую собственность или капиталъ, но не принадлежащія къ дворянскому сословію. Эти лица обладали и гражданскими правами, и политическими по своему имуществу. Наконецъ, къ третьему разряду относились дворяне, имѣвшіе недвижимую собственность, и лица, входившія въ этотъ третій разрядъ, пользовались и политическими правами по своему имуществу и особыми гражданскими правами, т.е. правомъ владѣть населенными землями, но управлять ими не иначе, какъ по закону. Такимъ образомъ, для Сперанскаго ясна была нѣкоторая разница между привилегированными и непривилегированными; но взаимныя отношенія между помощниками и крестьянами онъ хотѣлъ поставить подъ вліяніе извѣстныхъ, закономъ установленныхъ, правилъ. Вотъ каковы были тѣ основныя положенія Сперанскаго, которыми онъ опредѣлялъ кругъ власти государя и высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи и политическія права общества, которыя были связаны съ обладаніемъ имущественнымъ цензомъ. Обосновавъ свою отправную точку зрѣнія, Сперанскій въ своемъ планѣ 1809 г. развиваетъ болѣе широко и обстоя-

тельно главныя положенія будущей реформы. Эта реформа поражаетъ своей стройностью и продуманностью.

Въ основу своей реформы Сперанскій положилъ расчлененіе Россіи на губерніи. Эти губерніи должны были отличаться нѣсколько отъ екатерининскихъ и должны были заключать въ себѣ отъ 100 до 200 жителей. Каждая губернія подраздѣлялась на округа,- отъ 2-5 на губернію, а округа дѣлились на волости. По всѣмъ этимъ административнымъ подраздѣленіямъ и должны были функціонировать тѣ новыя учрежденія, которыя создавалъ Сперанскій своимъ планомъ. Въ каждой единицѣ, волости, округѣ и губерніи, такъ же какъ и въ столицѣ проводилось строгое раздѣленіе властей. При этомъ всѣ учрежденія покоились на выборномъ началѣ и общество, такимъ образомъ, принимало участіе и въ дѣлахъ законодательства, администраціи и суда. Разъ въ 3 года въ каждой волости собирается волостная дума, въ составъ которой входятъ всѣ частные земельные собственники данной волости, а также старшины отъ пятисотенныхъ участковъ, заселенныхъ государственными крестьянами. Эта волостная дума выбирала членовъ волостной управы или волостного правленія, обсуждала мѣстныя нужды и вносила ихъ въ наказъ, провѣряла или ревизовала дѣятельность волостной управы, а также составляла списокъ 20 отличнѣйшихъ обывателей волости; сверхъ того, волостная дума выбирала членовъ въ думу окружную. Окружная же дума выбирала членовъ окружного совѣта и окружного суда, контролировала дѣятельность мѣстной администраціи въ лицѣ окружного совѣта, а также составляла наказъ о мѣстныхъ нуждахъ и списокъ 20 отличнѣйшихъ окружныхъ обывателей по волостнымъ спискамъ; наконецъ выбирали членовъ въ думу губернскую. Губернская дума дѣлала то же самое: выбирала членовъ губернскаго совѣта и губернскаго суда и затѣмъ выбирала членовъ государственной думы, составляла общій губернскій наказъ о мѣстныхъ нуждахъ и общій списокъ отличнѣйшихъ обывателей губерніи. Вы видите, что и въ волости, и въ округѣ, и въ губерніи были свои выборныя учрежденія. Весь этотъ законодательный административный и судебный механизмъ завершался рядомъ учрежденій въ столицѣ. Во главѣ распорядительныхъ учрежденій стояла государственная дума; административныя учрежденія завершались министерствами,

а судебныя - сенатомъ. Такимъ образомъ, и въ центрѣ было полное расчлененіе властей. Государственная дума является органомъ законодательства. Ни одинъ законъ, гласитъ проектъ 1809 г., не можетъ получить силу, не будучи одобренъ государственной думой. Законопроектъ, принятый думой и утвержденный державной властью, получаетъ окончательную силу. Что касается самой думы, то ея компетенція довольно опредѣленно отчерчена въ проектѣ 1809 г. Дума состоитъ изъ членовъ, выбранныхъ губернскими думами, и въ ней предсѣдательствуетъ государственный канцлеръ по назначенію верховной власти. Инииціативой законодательной дума не обладаетъ, такъ какъ всѣ законопроекты вносятся въ нее отъ имени державной власти министрами, но только въ 2-хъ случаяхъ дума можетъ проявлять свой починъ. Это, во-первыхъ, если министръ скрѣпилъ своею подписью какое-либо незаконное постановленіе, какой-нибудь указъ державной воли, то дума можетъ привлечь такого министра къ отвѣтственности, нарядивъ надъ нимъ слѣдствіе, и, во-вторыхъ, затѣмъ, если министръ въ извѣстное время не представилъ отчетъ думѣ о своей дѣятельности, то дума можетъ побудить его сдѣлать это. Кромѣ того, дума разсматриваетъ государственный бюджетъ. Такимъ образомъ, законодательныя и бюджетныя функціи присущи государственной думѣ по плану 1809 г. Можно предполагать также, господа, что изъ списковъ мѣстныхъ губернскихъ нуждъ, которые отправлялись изъ губернскихъ думъ въ думу государственную, на имя ея канцлера, она могла составлять извѣстный списокъ мѣстныхъ нуждъ и обсуждать эти нужды въ своемъ засѣданіи. Такимъ образомъ, черезъ посредство государственной думы къ державной власти восходили вопросы мѣстной жизни. Что касается времени созыва и продолжительности сессіи Государственной думы, то объ этомъ Сперанскій говоритъ слѣдующее. Каждое первое сентября дума собирается безъ созыва отъ имени верховной власти, но сколько времени продолжается сессія съ данными депутатами, этого Сперанскій не опредѣляетъ. Если верховная власть находитъ, что данный составъ думы подходитъ къ правительственной политикѣ, то дума можетъ засѣдать безсмѣнно въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, однако если дума распускается актомъ державной воли, то этотъ актъ долженъ быть объявленъ

не иначе, какъ въ государственномъ совѣтѣ и немедленно назначается новый составъ государственной думы изъ лицъ, выборныхъ думами губернскими. Что касается исполнительной власти или министерствъ, то министры, назначаемые державной волей, отвѣтственны въ своей дѣятельности передъ государственной думой, предъ органомъ законодательства; судебная же власть въ лицѣ сената пользуется независимостью. Сенаторы назначаются верховной властью изъ состава тѣхъ лицъ, которыя вносились въ списки отличнѣйшихъ обывателей губерніи. Должность сенатора безсмѣнна и онъ можетъ быть уволенъ не иначе, какъ по суду. Замыкается вся эта стройная государственная организація Государственнымъ Совѣтомъ, который не является верхней палатой въ нашемъ смыслѣ этого слова. Это личный совѣтъ государя, находящійся при его особѣ и замыкающій собою всѣ звенья управленія. Съ нимъ государь обсуждаетъ предварительно до внесенія въ думу всѣ законы, уставы и установленія. Затѣмъ въ государственномъ совѣтѣ происходятъ объявленія о началѣ войны и заключеніи мира. Государственный совѣтъ предварительно просматриваетъ министерскіе отчеты росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Значитъ тотъ законодательный механизмъ, который предполагалъ осуществить Сперанскій, отливался въ однопалатную систему представительства и такимъ образомъ теченіе законодательной дѣятельности въ странѣ не задерживалось противодѣйствіемъ верхней палаты. Но зато эта однопалатная система покоилась на косвенныхъ многостепенныхъ выборахъ и, слѣдовательно, общественное мнѣніе страны не могло быть правильно въ ней представлено. Весь этотъ стройный планъ Сперанскій предполагалъ осуществить довольно скоро, въ теченіе одного года, но можетъ быть вслѣдствіе того, что Александръ не обладалъ рѣшительностью характера, можетъ быть потому, что вокругъ Сперанскаго въ это время начинала образовываться атмосфера недовольства и противодѣйствія, эта конституціонная затѣя реформатора начала 19 вѣка не была проведена въ жизнь, хотя Сперанскій, по свидѣтельству одного современника, Лубяновскаго, и обладалъ способностью свои мысли такъ внушить собесѣднику, что тотъ предполагалъ, что это его собственныя идеи. Во всякомъ случаѣ, Александръ могъ довольно скоро усмо-

трѣть стремленіе со стороны Сперанскаго ограничить его самодержавную власть, и можетъ быть именно это стремленіе Сперанскаго къ введенію у насъ истинной монархической формы правленія и было причиной охлажденія къ нему императора Александра. Дѣйствительно, Сперанскій въ своемъ оправдательномъ письмѣ изъ Н.Новгорода отъ 1812 г. говоритъ прямо, что его „Введеніе въ уложеніе государственныхъ законовъ" является первой и единственной причиной его паденія. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагалъ онъ самъ, и конечно мы не можемъ ему не довѣрять.

Что же изъ проекта Сперанскаго осуществлено было въ жизни и дѣйствительно ли тѣ принципы, которое положены Сперанскимъ въ основу его реформы, были проведены въ жизнь? Хотя планъ Сперанскаго готовъ былъ уже въ октябрѣ 1809 г.,но Александръ его довольно долго обсуждалъ,- кое съ чѣмъ не соглашался, кое-что принялъ. Онъ, между прочимъ, рѣшилъ въ первую очередь реформировать тотъ самый непремѣнный или государственный совѣтъ, который былъ учрежденъ еще въ мартѣ 1801 г, и эта реформа, это новое образованіе прежнихъ учрежденій,назначено было на 1 января 1810 г. Въ этотъ день самъ государь лично открылъ новый государственный совѣтъ, указалъ кругъ дѣятельности этого законосовѣщательнаго учрежденія и обнародовалъ списокъ назначенныхъ въ него членовъ. Совѣтъ подраздѣлялся на 4 департамента: департаментъ законовъ, военныхъ дѣлъ, дѣлъ гражданскихъ и государственной экономіи. Во главѣ каждаго такого департамента стояли первоприсутствующіе члены, а въ качествѣ дѣлопроизводителей назначены были статсъ-секретари. Во главѣ же всего государственнаго совѣта находился предсѣдатель, по назначенію верховной власти, и государственный секретарь, который долженъ былъ руководить дѣлопроизводствомъ всего этого учрежденія. Вполнѣ понятно, что на эту послѣднюю должность былъ назначенъ Сперанскій, какъ инициаторъ этого новаго учрежденія. Вы видите, что уже при самомъ приступѣ къ реформѣ идея Сперанскаго была значительно видоизмѣнена. Сперанскій хотѣлъ придать государственному совѣту характеръ совѣщанія при особѣ государя, на практикѣ же этотъ совѣтъ превратился въ законосовѣщательное учрежденіе, черезъ которое проходили всѣ проекты, всѣ уставы государственные и съ мнѣ-

ніемъ этого учрежденія соглашался или не соглашался государь. Онъ могъ принять мнѣніе большинств, могъ стать на сторону меньшинства и сама формула, которою скрѣплялись акты, прошедшіе черезъ государственный совѣтъ - „внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта, быть по сему" указываетъ, что именно государственный Совѣтъ получилъ опредѣленный характеръ законосовѣщательнаго учрежденія. Что касается министерствъ, то они были реформированы лѣтомъ 1811 г. Прежде всего составленъ былъ общій министерскій наказъ, который долженъ былъ вполнѣ опредѣленно установить компетенцію этихъ органовъ исполнительной власти,- тотъ самый наказъ, который съ небольшими видоизмѣненіями существуетъ и до нашего времени. Затѣмъ, нѣкоторыя министерства были учреждены вновь. Такъ вмѣсто министерства коммерціи, закрытаго въ 1810 г., было учреждено министерство полиціи, а кромѣ того были установлены еще 3 главныхъ управленія. Такимъ образомъ, всего министерствъ было 11, но отвѣтственность министромъ предъ законодательной властью, конечно, проведена не была, потому что сама законодательная власть въ лицѣ государственной думы не была учреждена. Что касается сената, то и онъ подвергся реформѣ, но только въ видѣ опредѣленнаго проекта, внесеннаго въ государственный совѣтъ, въ концѣ 1810 г., и принятаго имъ въ срединѣ 1811 года. Сперанскій предполагалъ сенатъ раздѣлить на 2 отдѣленія: сенатъ правительствующій и сенатъ судебный. Въ первый входили всѣ министры, ихъ товарищи, всѣ главноуправляющіе отдѣльными вѣдомствами и нѣкоторыя лица въ видѣ министровъ безъ портфеля. Они должны были объединять исполнительную власть и должны были являться какъ бы совѣтомъ министровъ для общаго совмѣстнаго доклада государю. Что касается сената судебнаго, то онъ составлялся двоякимъ спосо0бомъ: одна часть его членовъ назначалась верховной властью, а другая пополнялась путемъ выбора дворянствомъ различныхъ губерній. Этотъ судебный сенатъ дѣлился на 4 департамента. Два изъ нихъ помѣщались въ столицахъ, Москвѣ и Петербургѣ, а два остальные въ Кіевѣ и Казани. Такимъ образомъ, судебная власть наполовину состояла изъ лицъ выборныхъ отъ дворянскаго общества и, удаленная изъ центра, она, по предположенію Сперанскаго, должна была быть болѣе независима. Хотя эта реформа сената и встрѣтила нѣкото-

рыя тренія въ государственномъ совѣтѣ, однако государь утвердилъ мнѣніе совѣта, и реформа должна была быть осуществлена, но ея проведеніе въ жизнь было отсрочено въ виду того, что на горизонтѣ надвигались тучи будущаго военнаго столкновенія съ Наполеономъ. Итакъ, изъ проектовъ и записокъ Сперанскаго осуществлена была только незначительная часть и то въ сильно измѣненномъ видѣ. Но несмотря на это реформы, проводимыя въ 1810-11 г., поражали своей продуманностью и стройностью. Это доказывается уже однимъ тѣмъ, что вплоть до 1905 г. государственный совѣтъ оставался въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Сперанскаго въ 1810 г., а министерства существуютъ у насъ и до сихъ поръ, при обновленномъ политическомъ строѣ, съ тѣмъ же самымъ наказомъ, который былъ составленъ Сперанскимъ почти 100 лѣтъ тому назадъ.

Что касается дѣятельности Сперанскаго, то она была въ это время въ высшей степени многообразна, и мы только должны удивляться его способности во все входить и проникаться интересами той работы, которая была на него возложена. Онъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи составленія законовъ, занимался дѣлами только-что завоеванной Финляндіи, являясь сначала первоприсутствующимъ, а потомъ членомъ комиссіи по финляндскимъ дѣламъ. Ему же поручено было канцлерство въ абосскомъ университетѣ и въ то же самое время Сперанскій долженъ былъ разсмотрѣть и выработать планъ финансовъ. Такимъ образомъ, не было ни одной отрасли государственнаго управленія, которая бы не стягивалась въ кабинетѣ Сперанскаго или непосредственно, или черезъ посредство какихъ-либо лицъ; и эта государственная дѣятельность его являлась какъ бы основной движущей пружиной всего того, что происходило въ это время на поверхности правительственной жизни. Что касается законодательныхъ предположеній Сперанскаго, которыя онъ осуществилъ въ комиссіи по составленію законовъ, то здѣсь ему пришлось вырабатывать гражданское уложеніе, и вотъ именно въ этой-то работѣ Сперанскій обнаружилъ нѣкоторую свою теоретичность, нѣкоторое свое пристрастіе къ французскимъ образцамъ, за что ему пришлось впослѣдствіи расплачиваться. Дѣло въ томъ, что сравнительно мало подготовленный къ составленію гражданскаго кодекса, онъ

вмѣстѣ со своими помощниками взялъ за образецъ тотъ наполеоновскій кодексъ, который въ это время былъ составленъ во Франціи. Въ основу наполеоновскаго кодекса положены были нормы римскаго гражданскаго права, и такимъ образомъ стройность этой французской кодификаціи привлекла къ себѣ вниманіе русскаго государственнаго дѣятеля. Но какъ выяснилъ проф. Пахманъ въ своемъ изслѣдованіи, Сперанскій не былъ рабскимъ подражателемъ того, что составлено было юристами наполеоновской Франціи. Въ первой части дѣйствительно онъ, говоря о личныхъ правахъ, нѣсколько подражаетъ наполеоновскому законодательству, что же касается второй части, о правахъ имущественныхъ и договорахъ, то тамъ замѣчаются довольно значительныя отклоненія отъ французскаго образца. Это гражданское уложеніе было внесено въ государственный совѣтъ и обсуждалось въ немъ въ теченіе 1811 г., и только благодаря надвигавшимся военнымъ событіямъ,окончательное принятіе его было отсрочено.Что касается участія Сперанскаго въ финляндскихъ дѣлахъ, то оно сводилось къ тому, что Сперанскій составлялъ и редактировалъ всѣ рѣчи государя, всѣ официальные акты, опредѣляющіе отношеніе Финляндіи къ русскому государству. Онъ проводилъ въ этихъ публичныхъ заявленіяхъ ту мысль, что Финляндія - это не губернія и не провинція, а государство, что у нея свое особое государственное устройство и что она находится въ унитарномъ отношеніи съ Россійской Имперіей. Это та самая точка зрѣнія, которая теперь отстаивается наиболѣе передовыми представителями русской общественной мысли. Что касается финансовыхъ мѣропріятій Сперанскаго, то они въ высшей степени широки и въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлесообразны. Сперанскому вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ государственныхъ дѣятелей, напр. Потоцкимъ, Мордвиновымъ, Кампенгаузеномъ и Гурьевымъ, въ специально изъ этихъ лицъ составленномъ комитетѣ, пришлось обсуждать вопросъ о финансовой реформѣ. На 1810 г. положеніе русскихъ финансовъ находилось въ слѣдующемъ видѣ: 105 милл. доходовъ, 225 милл.расходовъ, 577 милл. рублей бумажныхъ ассигнацій, курсъ которыхъ быстро падалъ, дойдя въ 1810 г. до 31 к, а въ 1811 г. до 25 коп. серебромъ, и 100 милл.рублей внѣшняго долга. Такимъ образомъ, странѣ грозилъ 120 милл-ный дефицитъ. И вотъ Сперанскому и тому комитету, который обсуждалъ

это тяжелое финансовое положенiе страны, пришлось разрѣшать 2 вопроса: слѣдуетъ ли повышать налоги и какъ отнестись къ ассигнацiямъ? Конечно, однимъ сокращенiемъ расходовъ нельзя было выйти изъ труднаго положенiя, въ которомъ находилось государство. Расходы были нѣсколько сокращены, но все-таки необходимо было повысить налоговое бремя и въ результатѣ 2-го февраля 1810 г. былъ опубликованъ манифестъ, въ которомъ подушная подать съ крестьянъ казенныхъ, помѣщичьихъ, удѣльныхъ повышалась до 2-хъ рублей ассигнацiями. Сверхъ того, крестьяне государственные должны были платить оброкъ отъ 2-хъ до 3-хъ рублей съ души. Мѣщане уплачивали сборъ въ 5 р. ассигнацiями, а купцы и крестьяне, торгующiе въ городѣ, со своихъ капиталовъ должны были платить полуторапроцентный сборъ. Гербовые сборы сильно были повышены, а соль съ 40 к. за пудъ повысилась въ цѣнѣ до 1 р. Вы видите, что и прямые,и отчасти косвенные налоги были сильно повышены. Сверхъ того, ассигнац.рубли были признаны государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ всѣмъ государственнымъ имуществомъ. Это - явленiе новое, такъ какъ прежде бумажные ассигнац.рубли считались какъ бы монетой, какъ бы денежнымъ знакомъ; кредитное ихъ значенiе совершенно опускалось и объявлено было, что въ послѣдующемъ не будетъ производиться новаго выпуска ассигнацiй. Однако обстоятельства заставили въ дальнѣйшемъ нарушить это обѣщанiе и повысить еще болѣе прямые и косвенные налоги. 11-го февраля 1812 г. подушная подать была еще на 1 рубль возвышена; оброкъ былъ повышенъ до 5 р., процентный сборъ съ купеческихъ капиталовъ до 3 %, а сверхъ того,дворянство со своихъ доходовъ должно было уплачивать извѣстный процентъ.Съ дохода не меньше 500 р. уплачивать 1 %, а въ дальнѣйшемъ шло извѣстное повышенiе. Съ доходовъ отъ 18.000 и болѣе уплачивалось по 10 %. Конечно, всѣ эти мѣропрiятiя должны были раздражать русское общество, особенно податные классы. Сверхъ того,Сперанскому пришлось въ связи съ финансовой реформой обсуждать и вопросы тарифнаго законодательства. Какъ я указывалъ уже вамъ, континентальная блокада, которая была принята Россiей на Тильзитскомъ соглашенiи, являлась довольно пагубной для русской внутренней и внѣшней торговли, и вотъ для того, чтобы компенсировать всѣ тѣ убытки, которые падали на

Россію отъ соглашенія съ Франціей и отъ разрыва торговыхъ сношеній съ Англіей, въ 1811 г. подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Сперанскаго былъ составленъ и опубликованъ актъ о нейтральной торговлѣ. По этому акту англійскіе товары подъ нейтральнымъ флагомъ могли приходить въ русскія гавани и порты. Сверхъ того, на цѣлый рядъ товаровъ, именно на бумажныя издѣлія, кружева, ленты, предметы роскоши, вина, сахаръ, кофе, а также экипажи, было наложено запрещеніе. Этимъ какъ бы объявлялась таможенная война Франціи, и въ этомъ отношеніи Сперанскій ясно показалъ, что онъ не является слѣпымъ поклонникомъ французскихъ учрежденій и французской политики, и торговаго сближенія съ Франціей. Вотъ, господа, въ какія формы отливалась многогранная дѣятельность Сперанскаго. Ему приходилось проявлять свои способности и въ сферѣ администраціи, и въ сферѣ законодательства, и въ отношеніяхъ международныхъ, и въ отношеніи реформы финансоваго вѣдомства, и все это производилъ Сперанскій только потому, что онъ былъ близокъ къ государю, что онъ былъ облеченъ его довѣріемъ, что онъ стоялъ въ центрѣ событій, какъ одно изъ главныхъ колесъ тогдашняго государственнаго механизма, что онъ былъ основной движущей пружиной всѣхъ реформаціонныхъ начинаній того времени, а эти реформы были необходимы для русскаго государства 1807-12 гг, потому что онѣ должны были укрѣпить Россію внутри и подготовить ее къ тому столкновенію, которое являлось неизбѣжнымъ въ результатѣ Тильзитскаго сближенія и Эрфуртскаго соглашенія. Такимъ образомъ, работы Сперанскаго были широко задуманы, но сравнительно узко проведены въ жизнь, но и въ этомъ своемъ неполномъ одностороннемъ осуществленіи онѣ имѣли громадное государственное значеніе. Но Сперанскій былъ человѣкъ новый для того общества, въ которомъ ему пришлось вращаться, и именно благодаря новизнѣ своего положенія онъ и долженъ былъ возбудить противъ себя недовольство тѣхъ лицъ, которыя привыкли дѣлить съ государемъ выдающееся положеніе въ странѣ. Этотъ поповичъ, этотъ выскочка, какъ его называли тогда, былъ человѣкомъ независимаго образа мыслей, онъ былъ гордъ и ни передъ кѣмъ не склонялъ своей, въ высшей степени одаренной, головы. Многіе изъ представителей тогдашней аристократіи хотѣли породниться съ нимъ послѣ того, какъ Сперанскій потерялъ свою пер-

вую, горячо любимую жену, но онъ былъ холоденъ ко всѣмъ этимъ заискиваніямъ. Онъ стоялъ одиноко и былъ въ своемъ кабинетѣ окруженъ проектами и записками и все время проникнутъ однимъ стремленіемъ - какъ можно скорѣе осуществить тѣ предположенія, о которыхъ онъ бесѣдовалъ съ государемъ. Онъ былъ силенъ довѣріемъ Александра, онъ цѣнилъ его, онъ за него держался и потому считалъ необходимымъ быть независимымъ въ окружающей придворной и административной средѣ. Вотъ именно эта-то холодность, это стремленіе къ независимости и отчасти презрительное отношеніе къ окружающимъ и явилось причиной того кризиса, который постигъ Сперанскаго въ 1812 г. Та волна націонализма, которая все выше и выше подымалась въ Россіи послѣ Тильзитскаго соглашенія, тѣ реакціонныя вожделѣнія, которыя укрѣпились въ русскомъ обществѣ къ 1811-12 г., поднялись и усилились, и именно эти-то волны реакціи и смыли съ высокаго пьедестала Сперанскаго, одиноко на немъ стоявшаго. Его либеральныя стремленія, его отчасти французскія симпатіи были въ это время не у мѣста. Общество, проникнутое шовинизмомъ и націонализмомъ, враждебно относилось ко всему французскому, и въ лицѣ этого реформатора или, какъ его называлъ Коленкуръ, министра нововведеній, общественныя сферы стали усматривать сторонника сближенія съ Франціей, и даже поговаривали объ его измѣнѣ. Вотъ въ такой-то атмосферѣ, когда на горизонтѣ надвигались свинцовыя тучи будущаго военнаго столкновенія между Россіей и Франціей, когда это столкновеніе сдѣлалось почти что неизбѣжнымъ, послѣ таможеннаго разрыва съ наполеоновскимъ правительствомъ, и созрѣла та интрига, которая въ результатѣ сокрушаетъ Сперанскаго. И какъ это ни странно, въ центрѣ этой самой интриги, какъ теперь превосходно выяснено историческими изслѣдованіями, стоялъ не кто иной, какъ „сущій прельститель" по выраженію Сперанскаго, императоръ Александръ I. Въ его кабинетѣ стягивались нити тѣхъ хитросплетеній, которыми окруженъ былъ Сперанскій, можно сказать, съ конца 1810 г. Надо было подтвердить факты, надо было тѣ сплетни и розсказни, которыя ходили въ обществѣ, облечь въ форму правдоподобія и при помощи ряда сложныхъ махинацій подвести подкопъ подъ прочное положеніе, занятое Сперанскимъ, а у Сперанскаго, господа, было много враговъ. Ему завидовали, его

ненавидѣли. Съ одной стороны, къ нему относились враждебно лица, настроенныя націоналистически, въ родѣ Карамзина и графа Ростопчина, съ другой къ нему относились враждебно и лица изъ бюрократической среды, которыхъ онъ оттиралъ отъ ступенекъ трона. Затѣмъ, противъ него интриговали придворные и чиновники, которыхъ онъ оскорбилъ 2-мя указами, нарушившими ихъ спокойное положеніе, а затѣмъ противъ него настроена была и широкая масса русскаго народа, отягощенная новымъ бременемъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, введенныхъ, какъ говорили, по совѣту Сперанскаго. Вся эта масса, и общественная, и народная, и направила свои усилія противъ Сперанскаго. Въ результатѣ этого громаднаго напора враждебныхъ силъ и сбитъ былъ со своего, прочно казалось занятаго, положенія тотъ, который старался реформировать зданіе русскаго государственнаго и общественнаго строя, который хотѣлъ ввести въ Россіи 100 лѣтъ тому назадъ истинную конституціонную форму монархическаго устройства.

Паденіе Сперанскаго.

То недовольство, которое низвергло Сперанскаго съ занятаго имъ положенія, началось еще съ 1809 г., когда изданы были 2 указа, взволновавшіе и придворныя сферы и чиновную массу. 3 апрѣля 1809 г. изданъ былъ указъ о придворныхъ званіяхъ. Всѣ камеръ-юнкеры и камергеры съ царствованія Екатерины II, даже не числясь на дѣйствительной службѣ, пользовались всѣми служебными преимуществами. Каждый, кто даже въ малолѣтствѣ получилъ званіе камеръ-юнкера или камергера, могъ переходить на гражданскую или военную службу въ соотвѣтствующіе чины, т.е. получалъ рангъ 5 или 4 класса. Такимъ образомъ, люди знатнаго происхожденія, близкіе ко двору, обходя низшіе чины, прямо занимали высшія должности (и, не имѣя служебнаго навыка, должны были руководить тѣмъ или другимъ отдѣломъ гражданскаго вѣдомства или занимать высшія мѣста въ арміи). Конечно эти лица, не изучившія службы съ низшихъ чиновъ, не могли, конечно, сжиться съ тѣмъ вѣдомствомъ, дѣлами котораго они управляли. Для Сперанскаго важно было, чтобы въ его обновленныхъ учрежденіяхъ были люди, способные занимать тѣ отвѣтственныя должности, которыя онъ имъ предназначалъ. Для этого необходимо было имѣть не придворный лоскъ, не извѣстныя связи въ высшихъ сферахъ, а знать дѣйствительно службу, быть знакомымъ съ той или иной отраслью гражданскаго или военнаго вѣдомства. И вотъ тѣ лица, которыхъ государь называлъ дворцовыми полотерами, всѣ эти придворные и представители дворцовой камарильи были, конечно, страшно раздражены противъ Сперанскаго за этотъ указъ, въ которомъ проводилась та мысль, что придворныя званія являются только почетными отличіями и никакихъ преимуществъ по службѣ не даютъ. За нихъ не полагается никакого вознагражденія изъ государственныхъ средствъ и они не даютъ права на пенсію. Черезъ 2 мѣсяца послѣ опубликованія этого указа каждый камеръ-юнкеръ и камергеръ долженъ былъ избрать себѣ родъ дѣйствительной службы, а тѣ лица, которыя въ ближайшемъ будущемъ такого рода службы не изберутъ, должны подать немедленно въ отставку. Естественно, что среди высшей знати указъ этотъ

былъ встрѣченъ громомъ негодованія. Всѣ роптали на поповича, который вздумалъ своими нововведеніями уничтожить сложившійся и окрѣпнувшій придворно-административный обычай. Но не успѣлъ смолкнуть этотъ ропотъ, какъ другимъ указомъ, изданнымъ также по настоянію Сперанскаго, раздражена была чиновная среда. Новый указъ 6 августа 1809 г. заставлялъ всѣхъ лицъ, которыя не имѣли университетскаго диплома, сдавать экзаменъ или по программѣ университета или по специально изданной программѣ для того, чтобы получить чинъ 8 класса коллежскаго ассесора и 5 кл. статскаго совѣтника. При этомъ для того, чтобы занимать должность 5 кл., надо было обязательно предварительно послужить не менѣе 10 лѣтъ на дѣйствительной гражданской службѣ. Такимъ образомъ, не угодничество предъ начальствомъ, не низкопоклонство, а тѣ знанія, которыми обладали лица, окончившія университетъ, могли открывать доступъ къ высокимъ мѣстамъ. Сперанскій мотивировалъ изданіе этого указа слѣдующими соображеніями: 1) Пользой службы, такъ какъ должности будутъ замѣщаться людьми свѣдущими, людьми знанія, а кромѣ того соображеніями моральнаго характера. Вѣдь чинъ 8 кл. открывалъ должностному лицу доступъ въ дворянство, а съ дворянскимъ званіемъ сопряжены были выгоды социальныя, т.к. каждый дворянинъ имѣлъ право владѣть крѣпостными, а люди, получившіе дворянство путемъ службы, гораздо болѣе жестоко обращаются со своими подданными. Конечно, этотъ указъ долженъ былъ раздражить тѣхъ чиновниковъ, которые посѣдѣли на своихъ мѣстахъ, которые видѣли себя какъ бы обиженными и оскорбленными. Они недоумѣвали, какъ это имъ, людямъ опыта, людямъ большого административнаго навыка, придется сдавать экзаменъ по университетской программѣ. Они видѣли въ этомъ прямое издѣвательство надъ собою и, конечно, въ этой чиновной средѣ оказалось много недовольныхъ нововведеніями Сперанскаго. Такимъ образомъ, Сперанскій подготовилъ почву для будущаго недовольства, которое усиливалось и росло въ послѣдующіе годы. По мѣрѣ того, какъ развертывался его преобразовательный планъ, создавались новыя учрежденія и вводились новыя должности, въ чиновной средѣ зарождалась противъ Сперанскаго та интрига, ко-

торая должна была уничтожить его вліяніе, и тѣ лица, которыя затягивали узелъ этой интриги, были въ то же время близкими людьми къ самому Сперанскому. Это были министръ полиціи Балашовъ и Армфельдъ, крупный финляндскій землевладѣлецъ, связавшій свое имя съ разнаго рода административными мѣропріятіями въ Финляндіи послѣ присоединенія ея къ Россіи. Что касается Балашова, то его называли въ петербургскомъ обществѣ не иначе какъ начальникомъ министерства шпіонства. Онъ развернулъ въ громадныхъ размѣрахъ тотъ полицейскій сыскъ, который затѣмъ такъ глубоко въѣлся въ высшія чиновныя сферы. Въ Армфельдѣ же, по словамъ самого Сперанскаго, было „чудовищное соединеніе откровенности и прямодушія съ коварствомъ и плутовствомъ". Этотъ человѣкъ былъ охваченъ честолюбивыми замыслами; онъ хотѣлъ играть первую роль, хотѣлъ занимать то мѣсто, которое занималъ Сперанскій около особы Государя. Что касается Балашова и Армфельда, то они сразу не могли, конечно, направить своихъ усилій противъ Сперанскаго, т.к. онъ пользовался слишкомъ сильной поддержкой со стороны государя. Какъ извѣстно, сперва оба эти лица обратились къ Сперанскому съ предложеніемъ составить тріумвиратъ, интимный совѣтъ, который бы держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія. Ни одинъ государственный докладъ не долженъ былъ быть доведенъ до свѣдѣнія государя прежде чѣмъ онъ не получитъ одобренія этого негласнаго интимнаго совѣта. Сперанскій съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, говоря, что государь никогда не допуститъ существованія такого тайнаго совѣщанія и вмѣстѣ съ тѣмъ по своей неопытности, а можетъ быть и по своему отвращенію къ доносамъ, онъ не довелъ до свѣдѣнія Александра о сдѣланномъ ему предложеніи. Но то, чего не сдѣлалъ Сперанскій, сдѣлали его враги, и Балашовъ вмѣстѣ съ Армфельдомъ освѣдомилъ государя о томъ, что учрежденіе подобнаго совѣта будто бы замышлялъ самъ Сперанскій, и имъ удалось очернить въ глазахъ государя его любимаго сотрудника. Александръ охладѣлъ къ Сперанскому, который, по его словамъ, былъ виноватъ лично противъ него, тѣмъ, что отплатилъ за довѣріе и дружбу „самой черной, самой гнусной неблагодар-

ностью." Сперанскій въ глазахъ Александра оказался способнымъ на подпольную интригу и хотѣлъ умалить авторитетъ его власти, а Александръ, какъ вамъ извѣстно, слишкомъ ревниво относился къ своей верховной прерогативѣ и всѣми средствами стремился доказать, что его власть является единственной пружиной государственнаго управленія. И вотъ, какъ говорятъ достовѣрные современники, съ конца 1810 г. за Сперанскимъ былъ установленъ негласный надзоръ и одинъ изъ чиновниковъ министерства полиціи де Сангленъ долженъ былъ наблюдать за всѣми тѣми лицами, съ которыми Сперанскій поддерживалъ знакомства. Значитъ, Александръ, который не лишалъ Сперанскаго знаковъ своего довѣрія, въ то же самое время отдавалъ другимъ лицамъ приказанія наблюдать за его словами и поступками. Въ этомъ сказалась та двойственность, то недовѣріе, которымъ всегда отличался Александръ и въ свои юные и въ свои болѣе зрѣлые годы. Но когда мы выясняемъ тѣ условія, которыя подготовили паденіе Сперанскаго, мы не должны забывать и явленій болѣе реальныхъ. Новые налоги, новые поборы, которые устанавливались государствомъ при прямомъ содѣйствіи Сперанскаго, должны были, конечно, возбудить противъ него широкіе круги землевладѣльцевъ, торгово-промышленниковъ и крестьянъ. Такимъ образомъ, въ странѣ имя Сперанскаго связывалось съ тѣми новыми тягостями, которыми сопровождалось присоединеніе России къ континентальной системѣ. Эта атмосфера недовольства особенно сгущалась подъ сводами одного изъ наиболѣе вліятельныхъ въ то время салоновъ. Это былъ дворецъ великой княгини Екатерины Павловны, любимой сестры императора Александра. Она въ это время была замужемъ за принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, занимавшимъ должность тверского, ярославскаго и новгородскаго генералъ-губернатора. Въ ея тверскомъ дворцѣ, этомъ очарованномъ замкѣ, по выраженію одного изъ современниковъ, собирались люди консервативно и націоналистически настроенные. Сама Екатерина Павловна была воспитана матерью въ самыхъ легитимныхъ и консервативныхъ взглядахъ; съ годами она обнаруживала прекрасныя умственныя способности, вмѣстѣ съ умѣніемъ хорошо владѣть русскимъ языкомъ, что являлось довольно рѣдкимъ исключеніемъ въ высшемъ

обществѣ того времени. Съ дѣтства привыкнувъ къ серьезному чтенію, Екатерина Павловна имѣла много солидныхъ свѣдѣній, и вполнѣ понятно, что ея сужденіями и приговоромъ очень интересовался Александръ I, страстно ее любившій. Рѣзкая на языкъ, довольно открытая въ своихъ сужденіяхъ, Екатерина Павловна нерѣдко и устно и письменно критиковала мѣропріятія своего брата и Александру нерѣдко приходилось оправдываться передъ своей любимой сестрой въ тѣхъ или иныхъ своихъ поступкахъ. Въ Твери собирались лица, которымъ симпатизировала Екатерина Павловна. Это были консервативно настроенные публицисты и государственные дѣятели вродѣ графа Ростопчина, исторіографа Карамзина, министра юстиціи Дмитріева, а также профессора московскаго университета, преимущественно нѣмцы, враждебно относившіеся ко всему французскому. Центромъ этого салона была сама образованная хозяйка, эта тверская полу-богиня, по выраженію Карамзина. Конечно, здѣсь въ этихъ бесѣдахъ съ людьми, ненавидящими все французское, враждебно относившимися ко всякаго рода нововведеніямъ и идейнымъ, и политическимъ, и соціальнымъ, Екатерина Павловна высказывалась вполнѣ отрицательно о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя въ это время подготовлялись и проводились въ жизнь въ петербургскихъ высшихъ сферахъ. Она ревниво оберегала высокое положеніе, занятое Россіей, она всячески старалась показать, что Россія это первая держава въ мірѣ. Каждый успѣхъ русскаго оружія, каждый успѣхъ русской дипломатіи ее радовалъ и особенно сильно проявляется этотъ высоко-шовинистическій тонъ ея писемъ въ то время, когда Россія во главѣ европейской коалиціи въ 1813 и 14 г. громила остатки наполеоновской арміи. Въ 1810 и 11 г. Екатерина Павловна особенно сблизилась съ Карамзинымъ, съ которымъ ее познакомилъ графъ Ростопчинъ. Самъ Ростопчинъ, будучи обязанъ своимъ возвышеніемъ императору Павлу, перенесъ свою любовь къ этому государю и на его умную энергичную дочь. И вотъ въ Тверскомъ дворцѣ въ бесѣдахъ съ Карамзинымъ, человѣкомъ искушеннымъ историческимъ опытомъ, Екатерина Павловна и развивала свои націоналистическія воззрѣнія. Самъ Карамзинъ былъ консерваторомъ по своимъ убѣжденіямъ и особенно его консерватизмъ усилился по мѣрѣ

изученія русскаго историческаго прошлаго. Здѣсь, въ Твери, онъ читалъ отрывки изъ своей исторіи Екатеринѣ Павловнѣ и ея брату цесаревичу Константину Павловичу, получая отъ нихъ самые одобрительные отзывы. Тамъ же зародилась и та извѣстная записка „О древней и новой Россіи", которую Карамзинъ преподнесъ великой княгинѣ въ мартѣ 1811 г. Екатерина Павловна увѣрила Карамзина, что эта записка будетъ извѣстна только ей одной, но когда Александръ I посѣтилъ свою сестру въ серединѣ марта этого года, она передала ему эту записку, которая сначала произвела на государя неблагопріятное впечатлѣніе. Карамзинъ, находившійся въ это время въ Твери, былъ сначала обласканъ Александромъ, который съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ исторіографомъ о формѣ правленія. Карамзинъ при этомъ поддерживалъ самодержавіе и обрушивался на всякаго рода нововведенія, а Александръ защищалъ политическую свободу. Только послѣ того, какъ Александръ внимательно просмотрѣлъ записку исторіографа, онъ при прощаніи обошелся съ нимъ довольно холодно.- Въ чемъ же состояла основная идея этой записки? Какова была та цѣль, которую преслѣдовалъ Карамзинъ при ея составленіи? Это произведеніе Карамзина, по словамъ его біографа Погодина, равняется политическому завѣщанію Ришелье. Дѣйствительно, здѣсь Карамзинъ открыто, съ извѣстной гражданской смѣлостью, слѣдуя своему эпиграфу „Нѣсть лести во языцѣ моемъ", раскрываетъ всѣ тѣ внутреннія причины, которыя привели къ царившему въ странѣ недовольству,- недовольству, разлитому въ странѣ повсюду, отъ дворца до хижины. Всѣ ропщутъ, всѣ жалуются, и причины для этого весьма основательныя. Опираясь на факты прошлаго, Карамзинъ указываетъ въ своей запискѣ, что „Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ". При завершеніи смуты, отечество даровало самодержавіе Романовымъ и эту самодержавную власть никто не можетъ уничтожить безъ воли самого народа. Такимъ образомъ, самодержавіе въ глазахъ Карамзина, это палладіумъ Россіи, это основа ея могущества. Всякаго рода попытки къ его ограниченію въ глазахъ Карамзина являются преступными. Полный вѣры въ спасительную силу неограниченнаго единовластія, онъ прямо заявляетъ: „Если бы Александръ подписалъ уставъ,

основанный на правилахъ общей пользы и скрѣпилъ бы оный святостью клятвы", то эта клятва не будетъ обязательна для его преемниковъ. Въ лицѣ цѣлаго ряда нововводителей, подъ которыми подразумѣвалъ Карамзинъ, конечно, Сперанскаго, консервативный публицистъ-историкъ усматривалъ людей, которые должны были уничтожить могущество и значеніе Россіи. Въ его глазахъ каждое государственное бѣдствіе, вродѣ суроваго правленія, какъ то было при Павлѣ, надо сносить, какъ феноменъ стихійный, какъ грозу, какъ бурю и молить Бога о томъ, чтобы Онъ смягчилъ сердце царево, которое въ руцѣ Господа."Такимъ образомъ, всякаго рода общественная инициатива въ дѣлахъ управленія отвергается Карамзинымъ и въ его глазахъ тѣ мѣропріятія, которыя были проведены въ жизнь въ началѣ царствованія Александра и тѣ реформы, которыя осуществились во время близости къ государю Сперанскаго, являются ни на чемъ не основанными. Министры отстранили отъ царя народную массу, они стали между подданными и государемъ, получивъ возможность своими докладами какъ бы уничтожать близость между царемъ и народомъ. Каждый министръ имѣетъ готовый отвѣтъ: „Я имѣлъ счастіе объ этомъ докладывать государю", и этимъ онъ какъ бы отклоняетъ всякаго рода упреки, которые могли бы быть высказаны по поводу того или другого правительственнаго акта. Что касается Государственнаго Совѣта, то Карамзинъ, усматривая въ немъ какъ бы стремленіе перевести на русскую почву французское учрежденіе наполеоновской имперіи, говоритъ,что формула, которой теперь скрѣпляются государственные акты - „внявъ мнѣнію совѣта", является переводомъ съ французскаго „Le conseil d'état entendu" и никакого значенія въ Россіи не имѣетъ. Государь Россійскій,заявляетъ Карамзинъ, внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее: въ собственномъ ли умѣ, въ книгахъ ли, въ головѣ ли лучшихъ своихъ подданныхъ, но въ самодержавіи не надобно ничьего одобренія для законовъ,кромѣ подписи государя. Такимъ образомъ то, что приличествуетъ Франціи, не является допустимымъ въ Россіи. Затѣмъ кто же будетъ ограничивать верховную власть? Лица, выбранныя изъ общества или лица, назначенныя короной? Въ первомъ случаѣ самодержавіе сдѣлается игралищемъ въ рукахъ олигархіи, а

во второмъ само учрежденіе будетъ какъ бы игралищемъ въ рукахъ верховной власти. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ невозможенъ никакой государственный порядокъ. Итакъ, въ глазахъ Карамзина новыя учрежденія не выдерживаютъ никакой критики. Въ то же самое время онъ обрушивается и на проектъ гражданскаго уложенія. Этотъ проектъ, какъ вамъ извѣстно, былъ составленъ при ближайшемъ участіи Сперанскаго подъ вліяніемъ наполеоновскаго кодекса. „Издаются 2 книжки, не безъ явнаго юмора замѣчаетъ онъ, подъ именемъ проекта Уложенія. Что же находимъ? Переводъ Наполеонова кодекса. Какое изумленіе для Россіи и какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго у насъ еще не Вестфалія, не Италіанское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для стараго народа не надобно новыхъ законовъ", и указывая на вѣковые устои, на вѣковыя традиціи русскаго государства, Карамзинъ прямо и рѣзко подчеркиваетъ, что никакихъ нововведеній допускать не слѣдуетъ. Для Карамзина идеаломъ является царствованіе императрицы Екатерины II, заслуга которой состоитъ въ томъ, что ею смягчено самодержавіе, не утративъ силы своей. „Духъ рабства въ годы ея правленія исчезъ у насъ, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ гражданскихъ состояніяхъ. Для него это царствованіе является наиболѣе славнымъ во всемъ русскомъ прошломъ." Эта эпоха дворянскихъ привилегій манитъ къ себѣ публициста и исторіографа и онъ въ заключеніе указываетъ государю, что ему необходимо для уничтоженія того недовольства, которое царитъ въ странѣ, приблизить къ себѣ дворянство, - то дворянство, которое онъ оскорбилъ тѣмъ, что мѣста, занимаемыя прежде потомками знатныхъ людей, теперь занимаются людьми незнатными, никому невѣдомыми. Опять намекъ на Сперанскаго. Государю онъ совѣтуетъ являться, хотя бы изрѣдка, въ дворянскихъ собраніяхъ не въ военномъ, а въ дворянскомъ мундирѣ. „Государь", восклицаетъ Карамзинъ, „исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало, но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ." Такимъ образомъ, публицистъ и историкъ какъ бы старается успокоить совѣсть Александра, какъ бы вызываетъ въ немъ стремленіе отречься отъ всѣхъ

тѣхъ нововведеній, къ которымъ когда-то Александръ имѣлъ такое пылкое стремленіе. Въ этой запискѣ, господа, подъ литературнымъ перомъ историка, человѣка науки и опредѣленнаго общественнаго направленія, облеклись въ изящныя формы тѣ мысли, которыя витали и въ салонѣ великой княгини Екатерины Павловны, и въ московскихъ великосвѣтскихъ гостиныхъ, тѣ разговоры, центромъ которыхъ былъ обыкновенно графъ Ростопчинъ и другіе націоналисты, близкіе къ нему по образу мыслей. Все это теперь въ изящной литературной обработкѣ было доведено до свѣдѣнія государя и, конечно, онъ, въ первую минуту, долженъ былъ почувствовать себя оскорбленнымъ. Его учатъ, ему даютъ уроки, его заставляютъ отречься отъ того, что онъ проводилъ въ жизнь въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ своего царствованія, даже ставятъ ему какъ бы въ упрекъ его стремленія уничтожить слѣды деспотическаго правленія императора Павла. Такимъ образомъ, Александръ естественно въ первый моментъ долженъ былъ холодно отнестись къ Карамзину. Но подъ вліяніемъ своей сестры, которая признавала эту записку весьма сильной и указывала на нее государю, какъ на мнѣніе значительной части русскаго общества, государь долженъ былъ сознаться, что многое изъ того, что сказалъ Карамзинъ, является сущей правдой и въ разговорѣ съ Дмитріевымъ, напр., вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Твери, онъ сказалъ, что нашелъ тамъ много умныхъ и дѣльныхъ людей. Подъ вліяніемъ Екатерины Павловны, говорившей, что Сперанскій полонъ преступныхъ замысловъ, что онъ обманываетъ государя и готовитъ гибель странѣ, и герцога Ольденбургскаго, указывавшаго, что такого злодѣя немыслимо держать близко къ престолу, Александръ все холоднѣе относился къ своему государственному секретарю. Вполнѣ понятно, что та интрига, которой въ это время былъ окруженъ Сперанскій, должна была ускорить его паденіе. Одинъ изъ участниковъ этой темной исторіи, Армфельдъ, въ началѣ 1812 г. прямо говорилъ де Санглену: „Знаете, что Сперанскій, виновенъ ли онъ или нѣтъ, долженъ быть принесенъ въ жертву: это необходимо для того, чтобы привязать народъ къ главѣ государства и ради войны, которая должна быть національной." Такимъ образомъ, патріо-

тическія тенденціи салона великой княгини Екатерины Павловны, близость Александра къ этому салону, недовольство, разлитое въ странѣ, охватившее всѣ рѣшительно классы, всѣ группы населенія, привели къ тому, что Александръ долженъ былъ пожертвовать своимъ любимцемъ Сперанскимъ, который пользовался только единственно довѣріемъ государя, который совершенно не имѣлъ прочныхъ связей въ высоко поставленныхъ сферахъ, былъ предоставленъ самому себѣ. Вполнѣ естественно, что въ тотъ моментъ, когда на западной границѣ надвигались свинцовыя тучи близкой войны съ Наполеономъ, его, какъ человѣка, симпатизирующаго французскимъ порядкамъ, французскому государственному строю, французскимъ гражданскимъ узаконеніямъ, должны были считать измѣнникомъ. Въ Петербургѣ, а затѣмъ и въ Москвѣ, ходила по рукамъ записка Ростопчина, въ которой указывалось, что Сперанскій, якобы, выдавалъ Наполеону черезъ французскихъ пословъ какія-то государственныя тайны, что онъ велъ какую-то секретную шифрованную переписку съ русскими дипломатическими заграничными агентами. Конечно, господа, это была вздорная клевета и факты скоро доказали, что въ этомъ отношеніи Сперанскій былъ безупреченъ, но въ это время всякому слуху о немъ вѣрили, всякія розсказни о Сперанскомъ принимались на вѣру и въ высшихъ, и въ низшихъ общественныхъ кругахъ. Къ началу 1812 г. почва была вполнѣ подготовлена для паденія государственнаго измѣнника, какъ величали Сперанскаго, для паденія того человѣка, котораго называли сторонникомъ свободы и гонителемъ рабства, котораго величали опаснымъ „нововводителемъ". Надо было только нанести послѣдній ударъ, и этотъ послѣдній ударъ Сперанскому былъ нанесенъ никѣмъ инымъ, какъ самимъ императоромъ Александромъ.

17 марта 1812 г. была назначена Сперанскому послѣдняя аудіенція у государя. Два часа, съ глазу на глазъ бесѣдовалъ Александръ со своимъ бывшимъ любимцемъ, и здѣсь, говорятъ, онъ сдѣлалъ ему не мало упрековъ. Государь ставилъ ему въ вину и то, что онъ своими финансовыми мѣропріятіями хотѣлъ расшатать положеніе государства, и то, что онъ новыми налогами возбудилъ ненависть народа противъ правительства. Онъ

его обвинялъ и за его французскія симпатіи, и за стремленія посягнуть на власть государя, такъ какъ онъ не донесъ о предложеніи Балашова и Армфельда, и за то, что онъ дурно отзывался о государѣ. Такимъ образомъ, все то, что говорилось въ тогдашнемъ высшемъ обществѣ, всѣ тѣ слухи, всѣ тѣ розсказни, которые витали въ воздухѣ, которыми, можно сказать, насыщена была общественная атмосфера, теперь поставлены были въ вину Сперанскому. Последній оправдывался, какъ могъ и Александръ въ концѣ концовъ сказалъ Сперанскому, что у него сильные враги, что въ другое время онъ употребилъ бы два года на изслѣдованіе и провѣрку возведенныхъ на него обвиненій, но теперешнія обстоятельства этого не позволяютъ. Въ полномъ душевномъ изнеможеніи вышелъ Сперанскій изъ кабинета государя, упалъ въ кресло и сталъ въ разсѣянности запрятывать свою шляпу въ портфель. Въ результатѣ государь вышелъ изъ кабинета со слезами на глазахъ и пожалъ руку Сперанскому, сказавъ: „Еще разъ прощайте, Мих.Мих." Это намъ ясно показываетъ, что государь самъ лично не вѣрилъ въ измѣну Сперанскаго. По возвращеніи его домой, его встрѣтили Балашовъ и де Сангленъ. Произведенъ былъ обыскъ; были опечатаны всѣ бумаги и самъ онъ отправленъ былъ съ фельдъегеремъ въ Н.Новгородъ. Такимъ образомъ палъ тотъ государственный дѣятель, который держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Россіи въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ передъ войной. „Не знаю, говоритъ одинъ современникъ, Вигель, смерть лютаго тирана могла ли бы произвесть такую всеобщую радость." Въ этихъ словахъ удачно схваченъ общественный моментъ. Дѣйствительно, всѣ ликовали. Тѣ самыя лица, которыя, выражаясь словами Александра, вчера еще ловили улыбку Сперанскаго, теперь поздравляли государя съ его отставкой. Самъ же государь, который хотя и говорилъ своимъ близкимъ, напр. Новосильцеву, что онъ не вѣритъ въ измѣну Сперанскаго, что Сперанскій виновенъ только относительно его одного, такъ какъ дурно о немъ отзывался, самъ государь писалъ Парроту, что готовъ былъ бы разстрѣлять Сперанскаго въ 24 часа. Въ то же самое время Александръ не могъ не чувствовать, что съ потерей Сперанскаго онъ лишается одного изъ своихъ наиболѣе образованныхъ и наиболѣе талант-

ливыхъ сотрудниковъ и это свое чувство онъ передалъ въ нѣскольких словахъ князю Голицыну на другой день послѣ ареста и ссылки Сперанскаго. „Если бы у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно; а у меня въ прошлую ночь отняли Сперанскаго, а онъ былъ моей правой рукой." Такимъ образомъ Александръ какъ разъ въ самое трудное время остался вполнѣ одинокимъ. На смѣну Сперанскому, этому полному либеральныхъ начинаній государственному дѣятелю, пришли другіе люди. Та самая реакціонная волна, которая смыла Сперанскаго, выдвинула на первое мѣсто тѣхъ самыхъ консервативныхъ публицистовъ и фрондирующихъ вельможъ, которые группировались вокругъ великой княгини Екатерины Павловны. На мѣсто Сперанскаго государственнымъ секретаремъ былъ назначенъ адмиралъ Шишковъ, извѣстный уже намъ по своимъ націоналистическимъ сочиненіямъ, - по своимъ ярко консервативнымъ общественнымъ взглядамъ. На должность московскаго главнокомандующаго былъ назначенъ графъ Ростопчинъ, тотъ самый, который былъ однимъ изъ наиболѣе непримиримыхъ враговъ Сперанскаго, а Карамзинъ, идеи котораго теперь какъ бы проводились въ жизнь, хотя и не получилъ офиціальнаго назначенія, но съ нимъ у государя установились довольно близкія отношенія.

Отечественная война.

1812 г. является моментомъ перелома и въ жизни Россіи и въ жизни самого государя. Это былъ моментъ наивысшаго напряженія и народныхъ, и правительственныхъ силъ; онъ былъ какъ бы поворотнымъ пунктомъ во всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ мѣропріятіяхъ. Каковы же были, господа, тѣ причины, которыя привели къ такъ называемой отечественной войнѣ? Каковъ былъ тотъ импульсъ внутреннихъ и внѣшнихъ явленій, который подготовилъ разрывъ Россіи и Франціи, ускорилъ охлажденіе между Александромъ и Наполеономъ? - Дѣло въ томъ, что въ Россіи, и въ высшихъ, и въ низшихъ общественныхъ сферахъ, Тильзитскій миръ никогда не пользовался открытымъ сочувствіемъ. „Земля наша была свободна," говоритъ одинъ изъ современниковъ, Гречъ, „но отяжелѣлъ воздухъ; мы ходили на волѣ, но не могли дышать,

ненависть къ французамъ возрастала по часамъ." На такое же тяжелое положеніе жалуется и другой современникъ Булгаринъ. „Миръ, по его словамъ, приводилъ въ отчаяніе русскихъ патріотовъ. Наше народное самолюбіе было тронуто." Такимъ образомъ, обстоятельства, которыми сопровождался союзъ Россіи съ Франціей, были крайне тяжелы для Россіи. Что касается самого Наполеона, то онъ въ отношеніи Россіи велъ довольно двусмысленную политику. Союзъ съ Александромъ былъ выгоденъ для Наполеона только потому, что онъ развязывалъ ему руки въ центральной Европѣ. Александръ, занятый войной со Швеціей и съ Турціей, былъ совершенно отвлеченъ отъ европейскихъ дѣлъ и Наполеонъ могъ преслѣдовать разъ намѣченную цѣль-во что бы то ни стало распространить свое господство на весь европейскій континентъ и, главнымъ образомъ, унизить Англію. Для того, чтобы удержать ее въ такъ называемой континентальной блокадѣ, Наполеонъ захватываетъ въ непосредственное свое владѣніе всѣ государства, которыя лежали по берегамъ Нѣмецкаго и отчасти Балтійскаго моря. Точно также онъ распространяетъ сферу своего непосредственнаго вліянія и на южныя прибрежныя европейскія страны. Франція какъ бы 2-мя длинными руками охватываетъ центральныя европейскія владѣнія по берегамъ и Сѣвернаго и Южнаго морей и такимъ образомъ всѣ гавани, всѣ порты находились подъ непосредственнымъ французскимъ контролемъ. Какъ разъ въ это время пострадалъ одинъ изъ родственниковъ императора Александра герцогъ Ольденбургскій, владѣнія котораго были отобраны Наполеономъ и, несмотря на протестъ Александра, такъ и не были ему возвращены. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ образованіи герцогства Варшавскаго Россія могла усматривать какъ бы явную угрозу себѣ. Въ 1807 г. послѣ Тильзитскаго міра это герцогство было образовано изъ областей, отторгнутыхъ отъ Пруссіи, а въ 1809 г., когда послѣ новой войны съ Австріей былъ заключенъ Вѣнскій миръ, то нѣкоторыя прежнія польскія области были отторгнуты отъ Австріи и присоединены къ Великому Герцогству Варшавскому, несмотря на протестъ со стороны императора Александра. Такимъ образомъ бокъ о бокъ съ Россіей, на ея западной границѣ образовалось большое польское государство, которое могло рано или поздно

получить независимость. Наполеонъ, несмотря на опредѣленные вопросы со стороны Россіи, не давалъ формальнаго отвѣта въ томъ смыслѣ, что онъ не предоставитъ полякамъ полной политической самостоятельности. Въ Польшѣ и польской націи онъ видѣлъ какъ бы постоянную угрозу Россіи, какъ бы опорный пунктъ противъ властолюбивыхъ намѣреній императора Александра. Сверхъ того, Австрія, которая была постоянной соперницей Россіи на Ближнемъ Востокѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, получила со стороны Франціи согласіе на болѣе агрессивныя мѣропріятія въ отношеніи балканскихъ славянъ. Слѣдовательно, цѣлый рядъ скрытыхъ политическихъ комбинацій былъ установленъ съ согласія Наполеона и эти комбинаціи направлены были непосредственно противъ русскаго кабинета. Не имѣя возможности открыто препятствовать усиленію французскаго вліянія въ Европѣ, Россія сочла болѣе удобнымъ вмѣстѣ съ Швеціей, не примкнувшей къ континентальной системѣ, бить Францію путемъ войны торговой. Хотя открыто континентальная блокада въ Россіи и не нарушалась, но, какъ я указывалъ въ свое время, суда подъ нейтральнымъ флагомъ могли доставлять въ Россію англійскіе колоніальные товары. Это конечно сдѣлалось извѣстнымъ Наполеону и онъ усмотрѣлъ въ этомъ фактѣ какъ бы явное стремленіе нарушить Тильзитскій миръ и Эрфуртское соглашеніе. Такимъ образомъ между Россіей и Франціей была явная таможенная война, такъ какъ французскіе товары, доставляемые въ Россію, были обложены громадной пошлиной, а цѣлый рядъ продуктовъ и прямо былъ воспрещенъ къ ввозу, а съ русскихъ товаровъ взимались большія таможенныя пошлины при ввозѣ ихъ во Францію. Въ такомъ-то тяжеломъ положеніи и находились русско-французскія отношенія въ 1811 г., когда ясно было для всѣхъ, что рано или поздно оно должно разрѣшиться открытой войной. Конечно, эта война должна была принять чисто народный характеръ. Французскія войска, вторгнувшись во внутрь Россіи, должны были здѣсь встрѣтить тотъ же самый единодушный отпоръ, на который Наполеонъ уже натолкнулся въ Испаніи. Если на Пиринейскомъ полуостровѣ въ теченіе цѣлыхъ 4-хъ лѣтъ французскія войска вели упорную борьбу съ народнымъ движеніемъ, то конечно въ Россіи, гдѣ Наполеона считали антихристомъ, гдѣ съ его именемъ связывались какія-то апокалипсическія пророчества, должны были смо-

трѣть на него, какъ на врага не только націи, но и вѣры, какъ на человѣка, стремившагося попрать русскую національную и религіозную независимость. Когда между монархомъ и широкой народной массой не было единодушія, когда вскорѣ послѣ Тильзитскаго сближенія Александръ былъ встрѣченъ въ Москвѣ въ Кремлѣ полнѣйшимъ гробовымъ молчаніемъ со стороны народа, когда и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ онъ могъ ловить вокругъ себя недоумѣвающіе и даже нѣсколько враждебные взгляды, вполнѣ естественно, что въ это время помышлять о какомъ-нибудь военномъ столкновеніи не было возможности. Но по мѣрѣ того, какъ хозяйственными потрясеніями Россія была доведена до всеобщаго раздраженія, послѣ того, какъ и самъ Александръ почувствовалъ себя оскорбленнымъ образомъ дѣйствій Наполеона тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ французскій императоръ относился ко всѣмъ заявленіямъ русскаго правительства, и дворъ и нація были какъ бы слиты въ одномъ враждебномъ настроеніи ко всему французскому и главнымъ образомъ къ самому императору Наполеону. По свидѣтельству цѣлаго ряда современниковъ, даже французская рѣчь въ это время стала изгоняться изъ общества. Лица, никогда прежде не говорившія по-русски, стали изучать родной языкъ, нанимали себѣ русскихъ учителей. Въ народѣ началось усиленное раздраженіе противъ всего иностраннаго и, главнымъ образомъ, французскаго и говорить въ это время по-французски было далеко не всегда безопасно. И вотъ въ этотъ-то моментъ и смѣняется курсъ правительственной политики. Люди, національно и консервативно настроенные, становятся у кормила правленія и въ лицѣ Шишкова, новаго государственнаго секретаря, государь получилъ сотрудника, опиравшагося въ своихъ обращеніяхъ къ народу на слова священнаго писанія и апокалипсиса. Торжественнымъ, велерѣчивымъ языкомъ обращалось теперь правительство къ обществу и къ народной массѣ, сначала, въ первыхъ своихъ манифестахъ, говоря о силѣ и значеніи врага, указывая на необходимость цѣлымъ рядомъ пожертвованій отбить нападеніе, если оно будетъ предпринято, а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ непріятель вторгался въ страну и все ближе подвигался къ столицѣ, въ этихъ государственныхъ актахъ про-

является увѣренность въ помощи со стороны народа. Самъ Александръ полонъ надежды на то, что вся страна сплотится для отпора врага, оскорбившаго и его самого и его народъ, и что онъ встрѣтитъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицина и въ каждомъ гражданинѣ Минина. Такимъ образомъ, прежняя глубокая пропасть между правительствомъ и обществомъ была какъ бы заполнена и въ виду надвигавшейся военной грозы наступало полнѣйшее единодушіе между офиціальными сферами и народной массой. Національный подъемъ, обнаружившійся при первыхъ же слухахъ о готовившемся нашествіи, заставилъ правительство взять иной курсъ въ своей внѣшней и внутренней политикѣ. Я не буду касаться, господа, военной стороны этой эпохи. Вамъ, конечно, извѣстно, что русское правительство, несмотря на то, что уже давно было извѣстно о приготовленіяхъ Наполеона, о стягиваніи громадной военной силы въ германскихъ государствахъ и въ Великомъ Герцогствѣ Варшавскомъ, оказалось вполнѣ неподготовленнымъ. Оно было захвачено врасплохъ. Надо было опираться на народный патріотизмъ и народныя жертвы, и государю ничего другого не оставалось, какъ, уѣхавъ изъ арміи, обратиться къ обществу съ пламеннымъ воззваніемъ. Это воззваніе произвело извѣстное впечатлѣніе и, дѣйствительно, манифесты объ ополченіяхъ и народныхъ пожертвованіяхъ оказали свое вліяніе. Цѣлый рядъ дворянскихъ обществъ, начиная съ Москвы и Петербурга, изъявилъ свое согласіе поставить большое количество ополченцевъ, до 200 слишкомъ тысячъ ратниковъ, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Вслѣдъ за дворянствомъ громадныя пожертвованія сдѣлало и купечество. Въ одной только Москвѣ было пожертвовано до полутора милліона рублей. Что касается другихъ городовъ, то и тамъ по мѣрѣ силъ и возможности были сдѣланы опредѣленныя денежныя пожертвованія, такъ напр. въ Пензѣ по документамъ, которые теперь опубликованы, извѣстно, что денежныя жертвы доходили до 2 милліоновъ 475 тысячъ рублей по всей губерніи. Наиболѣе отсталымъ во всѣхъ этихъ патріотическихъ подвигахъ было духовенство. Въ общей сложности, какъ видно изъ обнародованныхъ въ настоящее время документовъ, духовенство пожертвовало до 934834 р. ассигнаціями, кромѣ того

53 слишкомъ пудовъ серебра и 10 ф. 13 1/2 зол. золота, но такіе крупные монастыри, какъ Троицкій Сергіевъ, московскій Новодѣвичій и Кіево-Печерскій, не пожертвовали ничего на дѣло спасенія отечества. Итакъ, главная тяжесть всѣхъ жертвъ, сдѣланныхъ въ 1812 г., падаетъ на землевладѣльческую и торгово-промышленную массу. Что касается крестьянъ, то изъ нихъ вербовались тѣ самые ополченскіе отряды, которые выставлялись дворянскимъ сословіемъ. Кромѣ того, собирались ратники и съ крестьянъ казенныхъ, и съ крестьянъ удѣльныхъ, но въ то же самое время къ народной массѣ, хотя и патріотически настроенной, многіе относились весьма недовѣрчиво. Такъ еще въ 1810 г. Ростопчинъ въ составленной имъ для в.к.Екатерины Павловны запискѣ указывалъ, что надо опасаться 2-хъ враговъ,- мартинистовъ и черни. Мартинисты, по его словамъ, замышляютъ произвести революцію, измѣнить образъ правленія и установить право націи избирать новаго государя. А чернь,какъ онъ писалъ кн. Багратіону въ августѣ 1812 г., „день и ночь смѣшана въ трактирѣ съ людьми, коихъ понятія и свѣдѣнія внушаютъ черезъ толки дерзость. Начало будетъ грабежъ и убійство иностранныхъ, а послѣ бунтъ людей барскихъ, смерть господъ и разореніе Москвы." Почти ту же самую опасность предсказывалъ извѣстный генералъ Н.Н.Раевскій, одинъ изъ героевъ отечественной войны. „Я боюсь, писалъ онъ, прокламацій, чтобы не далъ Наполеонъ вольности народу, боюсь въ нашемъ краю внутреннихъ безпокойствъ." Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ 1812 г. подъ вліяніемъ разныхъ слуховъ начались крестьянскіе безпорядки. Народными мятежами были охвачены кромѣ тѣхъ губерній, которыя являлись театромъ военныхъ дѣйствій, еще Саратовская, Тамбовская, Пензенская, Новгородская, Вологодская и Пермская. Недовольство, главнымъ образомъ, распространялось оттого, что ополченцы думали, что они путемъ поступленія въ ратники навсегда избавляются отъ крѣпостного права, на самомъ же дѣлѣ съ народа брали и людей, съ народа брали и подати и всякаго рода другіе сборы, но оставляли его въ прежнемъ крѣпостномъ состояніи. Такимъ образомъ, общество, хотя и было патріотически настроено въ это время, но далеко не всѣ были до-

вольны существующимъ порядкомъ. Конечно, для веденія войны, начавшейся съ момента вступленія непріятельскихъ войскъ въ предѣлы Россіи, надо было поставить во главѣ арміи человѣка, соотвѣтствовавшаго національному возбужденію, переживаемому Россіей. Конечно, народную войну надо было вести подъ руководствомъ настоящаго русскаго полководца, а генералъ Барклай де Толли, главнокомандующій первой арміей, хотя и былъ чрезвычайно образованнымъ военнымъ тактикомъ, не могъ быть у мѣста въ это трудное и критическое время, тѣмъ болѣе, что русскія войска уступали почти втрое численностью непріятелю и должны были все отступать, несмотря на цѣлый рядъ военныхъ подвиговъ, совершенныхъ ими между западной границей и Смоленскомъ. Особенно послѣ взятія Смоленска, этого ключа къ Москвѣ, общественное мнѣніе было сильно возбуждено противъ Барклая де Толли. Дѣло въ томъ, что онъ былъ связанъ распоряженіями, присылаемыми изъ Петербурга отъ государя. Такимъ образомъ, главнокомандующій не всегда былъ виноватъ въ тѣхъ упущеніяхъ, которыя онъ дѣлалъ во время военныхъ переходовъ. Подъ вліяніемъ этого недовольства общественное мнѣніе и указало на того, кого слѣдуетъ поставить во главѣ арміи. Такимъ вождемъ въ глазахъ общества и народа былъ Кутузовъ, одинъ изъ сподвижниковъ Суворова, человѣкъ проникнутый прежней военной тактикой, человѣкъ, который дѣйствительно могъ возбудить извѣстное патріотическое рвеніе, извѣстный военный подъемъ и въ арміи и въ ополченцахъ. Хотя Александръ и былъ непріязненно настроенъ къ Кутузову еще со времени аустерлицкаго пораженія, но, уступая общественному мнѣнію, долженъ былъ назначить его главнокомандующимъ, вознаградивъ его при этомъ за счастливое окончаніе Турецкой войны и заключеніе Бухарестскаго мира титуломъ свѣтлѣйшаго князя. Значитъ, и въ военной сферѣ восторжествовало націоналистически настроенное общественное мнѣніе, но особенно ярко этотъ націонализмъ сказался въ Москвѣ, во главѣ которой былъ поставленъ въ качествѣ главнокомандующаго графъ Ростопчинъ. Его извѣстныя обращенія къ народу или такъ называемыя афиши должны были вліять на настроеніе простого народа. Въ Москвѣ эти афиши, написанныя полународнымъ, полулитературнымъ языкомъ, снабженныя различна-

го рода поговорками и прибаутками, должны были возбудить увѣренность въ томъ, что первопрестольная столица никогда не будетъ сдана врагу. Подъ именемъ московскаго мѣщанина Корнюшки Чихирина Ростопчинъ бесѣдовалъ съ народной массой, говоря ей напр.: „Какъ! Къ намъ? Милости просимъ, хоть на святкахъ хоть на масленицу; да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется горой. Полно демономъ-то наряжаться: молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ сгинешь!... Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Карлъ-то шведскій пожилистѣй тебя былъ, да и чистой царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату. Да и при тебѣ будущихъ-то мало будетъ.... Посему и прочее разумѣвай, не наступай, не начинай, а направо кругомъ домой ступай и знай, изъ роду въ родъ, каковъ русскій народъ!" Такимъ образомъ, Наполеонъ въ глазахъ Ростопчина и той народной массы, къ которой онъ обращался, былъ никѣмъ инымъ, какъ тѣмъ самымъ французишкой, надъ которымъ смѣялись еще въ 1805 г. Вполнѣ понятно, что московское простонародье, полагаясь на слова своего главнокомандующаго, думало, что если даже врагъ и подойдетъ къ столицѣ, то самъ Ростопчинъ во главѣ съ московской дружиной встрѣтитъ непріятеля и съ ружьями, и съ кольями, и съ цѣпами, и съ вилами, а также съ 150 пушками, находящимися въ кремлевскомъ арсеналѣ. Въ то время, какъ Москва была въ такомъ приподнятомъ патріотическомъ настроеніи, изъ нея стали выѣзжать всѣ, ожидавшіе со страхомъ пирближенія непріятеля. По мѣрѣ того, какъ наши войска отступали передъ французами и съ театра военныхъ дѣйствій стали доходить тревожные слухи до московскихъ обывателей, увѣренность въ томъ, что врагъ къ Москвѣ не подойдетъ, начинала исчезать. Послѣ же бородинской битвы, въ которой раненыхъ, убитыхъ и выбывшихъ изъ строя было до 50000 человѣкъ съ русской стороны и до 30 слишкомъ тысячъ съ французской, для всѣхъ стало яснымъ, что Москва будетъ сдана врагу, и хотя Ростопчинъ продолжалъ увѣрять населеніе въ томъ, что самъ Кутузовъ клялся своими сѣдинами, что онъ не допуститъ врага въ священную столицу, но ко всѣмъ заставамъ двигались въ громадномъ количествѣ обозы. Москва пустѣла. Въ тотъ моментъ, когда русскія войска подошли къ

столицѣ, когда на извѣстномъ совѣщаніи въ Филяхъ подъ Москвой рѣшено было для спасенія арміи пожертвовать совсѣмъ опустѣвшей столицей, самъ Ростопчинъ оставилъ Москву, рѣшивъ, что ему въ столицѣ уже дѣлать нечего. Такимъ образомъ, эта война и моментъ сильнаго возбужденія патріотическаго настроенія кончились сдачей столицы. И главнокомандующій, который, по мнѣнію москвичей, долженъ былъ отбить французовъ, не оправдалъ такимъ образомъ народнаго довѣрія, но мы не можемъ ставить въ вину Кутузову его отступленіе послѣ Бородина и сдачу Москвы. Сами военныя обстоятельства подготовили этотъ тяжелый исходъ. Вамъ, конечно, извѣстна та печальная судьба, которая постигла Москву. Виновникомъ московскаго пожара, который теперь подъ перомъ историковъ-спеціалистовъ начинаетъ наконецъ выясняться и получать свое правильное объясненіе, нельзя считать Ростопчина, нельзя итти по стопамъ той легенды, которая окружила его ореоломъ чуть ли не спасителя отечества. Москва сгорѣла, какъ вполнѣ правильно объясняетъ Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ", отъ весьма простой причины. Оставленная жителями и администраціей, безъ пожарнаго обоза и пожарной команды, Москва представляла изъ себя какъ бы горючую массу, какъ бы обширный матеріалъ, который въ каждый моментъ могъ вспыхнуть отъ искры любого костра. И дѣйствительно, при деревянныхъ строеніяхъ тогдашней Москвы огонь могъ легко въ жаркое время быстро распространиться изъ одного конца столицы въ другой. Такъ объясняютъ гибель Москвы нѣкоторые русскіе современники, а самъ Ростопчинъ въ 1823 г. въ своей „Правдѣ о пожарѣ московскомъ" винитъ во всемъ самихъ московскихъ обывателей. Французы же, какъ видно изъ опубликованныхъ нынѣ мемуаровъ, говорятъ о какихъ-то поджигателяхъ, которые то съ зажженной паклей, то съ пылающими факелами перебѣгали отъ одного дома къ другому и будто бы по повелѣнію Ростопчина поджигали общественныя и частныя зданія столицы. Кое-кто изъ такихъ поджигателей и былъ даже разстрѣлянъ по повелѣнію Наполеона. Послѣ 1812 г. легенда о томъ, что Ростопчинъ въ порывѣ патріотическаго возбужденія сжегъ старую столицу, росла и крѣпла и въ русскомъ и въ европейскомъ обществѣ. Эта легенда льстила патріоти-

ческому чувству. Русское общество ставило Ростопчина на высокій пьедесталъ спасителя отечества. Такая громадная жертва, какъ старая московская столица, съ ея богатствами, искупала какъ бы всѣ прежнія ошибки, и этой жертвой отечество было спасено. На самомъ же дѣлѣ, московскій пожаръ объясняется, какъ я сказалъ, гораздо проще. Никто въ немъ не былъ виноватъ, виноваты были сами обстоятельства. Ни русскимъ ни французамъ нельзя ставить въ вину его причины. Надо объяснять его только стеченіемъ печально сложившихся обстоятельствъ. Такимъ образомъ та громадная древняя Москва, къ которой стремился Наполеонъ, лежала теперь у его ногъ и французы, занявъ Москву, разсчитывали въ ближайшемъ будущемъ на желанный миръ. Закончилась первая фаза войны. Русскія войска отступили по рязанской дорогѣ, чтобы потомъ извѣстнымъ фланговымъ движеніемъ перейти на старую калужскую и ожидать, что будетъ далѣе съ непріятелемъ. Въ такомъ положеніи прошелъ весь сентябрь и первые дни октября, и французы послѣ пятинедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ начали свое отступленіе. Война вступала во вторую фазу своего развитія.

Въ моментъ, когда Наполеонъ выходилъ съ великой арміей изъ обгорѣлой Москвы, положеніе вещей измѣнилось въ пользу Россіи. Тѣ 5 недѣль, которыя Наполеонъ со своими военными силами провелъ въ Москвѣ, русская армія подъ начальствомъ Кутузова использовала довольно удачно. 1) Та убыль, которую понесла Россія въ Бородинской битвѣ, была пополнена и новыми рекрутскими наборами и ратниками ополченія и такимъ образомъ численный составъ ея доведенъ былъ почти до 100.000 человѣкъ. Съ этой большой и отдохнувшей военной силой и встрѣтилъ Кутузовъ авангардъ наполеоновскихъ войскъ подъ начальствомъ неаполитанскаго короля Мюрата подъ Тарутинымъ. Это Тарутинское дѣло имѣло важные результаты не въ сферѣ военной, а вѣрнѣе сказать, въ сферѣ нравственной и политической. Дѣло въ томъ, что здѣсь впервые русскіе удержали за собою поле битвы. Здѣсь послѣ цѣлаго ряда отступленій русскія войска, встрѣтясь съ непріятелемъ, одержали надъ нимъ военную побѣду. Хотя, конечно, какъ потомъ выяснилось, можно было гораздо выгод-

нѣе использовать положеніе, но и такіе небольшіе результаты, которые имѣло это столкновеніе подъ Тарутинымъ, все-таки повели къ рѣшительному повороту въ ходѣ событій отечественной войны. Въ дальнѣйшемъ на сторонѣ русскихъ былъ тотъ перевѣсъ, что армія Кутузова была болѣе или менѣе достаточно снабжена и военными припасами, и продовольствіемъ, и амуниціей, а французскія войска должны были отступать, преодолѣвая рядъ тяжелыхъ неудачъ. Конечно, добычи было много. Цѣлыя фуры даже у солдатъ были нагружены увозимымъ московскимъ добромъ. Много было въ этомъ отступающемъ наполеоновскомъ войскѣ невооруженныхъ элементовъ, только затруднявшихъ движеніе и мѣшавшихъ правильнымъ военнымъ операціямъ. Но того, что составляетъ основу военной силы и военнаго могущества, а именно строгой дисциплины и бодрости духа у этой арміи недоставало. Прежде всего мало было военныхъ припасовъ, затѣмъ обносившаяся армія была плохо обмундирована; громадное большинство солдатъ было безъ сапогъ. Затѣмъ недоставало лошадей, а въ это время кавалерійская разъѣздная служба всего нужнѣе была для отступающей „великой арміи". Легкіе русскіе казачьи отряды своими рекогносцировками все время безпокоили основную часть французской арміи и даже, какъ говорятъ современники-очевидцы, самъ Наполеонъ послѣ Тарутина едва-едва не попалъ въ плѣнъ къ казачьимъ разъѣздамъ. И вотъ именно въ этомъ-то отношеніи французская армія была поставлена въ крайне тягостныя условія. Разъѣзды производить было нельзя. Кавалерія находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Кавалерійскія лошади или падали по дорогѣ или за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ шли на продовольствіе войска. Такимъ образомъ то прежнее могущество, которымъ обладала эта армія при вступленіи въ русскіе предѣлы, та прежняя суровая дисциплина, которой была скована эта громадная 600000-ная вооруженная сила, теперь растаяла. Только зерно наполеоновскаго войска, его старая гвардія еще сохранила свою прежнюю боевую выправку, остальное же войско, особенно разноплеменное, набранное въ Германіи и другихъ подвластныхъ Наполеону земляхъ, влачила самое жалкое существованіе. Но несмотря на все это, господа, несмотря на распадъ прежняго военнаго могущества,

несмотря на угнетенное нравственное состояніе, эти войска не разъ съ честью выходили изъ трудныхъ военныхъ обстоятельствъ. Подъ Малоярославцемъ, куда направилъ Наполеонъ свой путь для того, чтобы проникнуть въ южныя плодородныя, не разоренныя еще войной, области,- подъ Малоярославцемъ эта наполеоновская армія удержала за собою поле сраженія. Русскія войска должны были отдать городъ, и такимъ образомъ побѣда видимая, реальная была на сторонѣ Наполеона. Но именно здѣсь-то, съ Малоярославца и начинается что-то фатальное, что-то роковое въ отступленіи наполеоновскаго войска. Съ одной стороны у Наполеона уже не было прежней боевой энергіи, той увѣренности въ побѣдѣ, которую онъ прежде ощущалъ въ самыхъ трудныхъ, иногда,какъ казалось другимъ, непоправимыхъ обстоятельствахъ. Военный геній какъ бы началъ покидать прежняго баловня счастья. А съ другой стороны тревожныя вѣсти приходили изъ Парижа. Тамъ въ виду длительнаго отсутствія Наполеона начинали поговаривать уже и о гибели „Великой арміи" и о концѣ его политическаго могущества. Какой-то полуфанатикъ Малэ, воспользовавшись этими слухами, распространившимися въ народѣ, устроилъ даже государственный переворотъ, который нѣсколько дней имѣлъ успѣхъ, но затѣмъ прежній наполеоновскій порядокъ снова восторжествовалъ. Это былъ въ высшей степени опредѣленный симптомъ въ поворотѣ настроенія французскаго общества и парижскаго народонаселенія къ своему прежнему кумиру. Наполеонъ и его могущество распадается, какъ фантомъ. Такимъ образомъ, Наполеону надо было какъ можно скорѣе вернуться изъ Россіи, чтобы поддержать своимъ личнымъ присутствіемъ расшатанный политическій престижъ его въ Парижѣ. И вотъ главнымъ образомъ благодаря этому обстоятельству Наполеонъ и ускоряетъ свой обратный путь изъ Москвы, поворачивая на старую смоленскую дорогу, ту дорогу, которая и русскими и его собственными войсками была опустошена, по обѣ стороны которой на 15-20 верстъ стояли только обгорѣлыя села и деревни. Въ этомъ своемъ поспѣшномъ обратномъ движеніи отъ Малоярославца по смоленской дорогѣ уже отступленіе наполеоновскихъ войскъ имѣло видъ бѣгства. Къ тому же начались суровые морозы, которые въ это время достигали небывалыхъ жестокостей и французская армія,

не приспособленная къ такимъ рѣзкимъ климатическимъ перемѣнамъ, конечно, должна была испытывать громадные недостатки на мѣстахъ ночлега, главнымъ образомъ, отъ отсутствія теплой одежды и необходимой валеной обуви. Можно сказать, что въ это время съ каждымъ шагомъ, съ каждой верстой пути войско Наполеона таяло въ своемъ численномъ составѣ. На дневкахъ и ночевкахъ цѣлыми грудами лошадиныхъ и человѣческихъ труповъ отмѣчались тѣ мѣста, гдѣ останавливалась великая французская армія.- Все величіе этой арміи дѣйствительно уничтожилось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ климатическихъ условій Россіи. Однако несмотря на ту тяжелую обстановку, въ которой протекало отступленіе французовъ, все-таки, господа, не слѣдуетъ забывать, что Наполеонъ удачными маневрами выходилъ нерѣдко, побѣдителемъ изъ самыхъ затруднительныхъ военныхъ положеній; такъ напр. подъ Вязьмой онъ одержалъ побѣду, въ битвѣ подъ Краснымъ онъ ушелъ съ главнымъ ядромъ своихъ силъ и русскія войска очутились сами въ затруднительномъ положеніи потому что въ ихъ тылу неожиданно появился аріергардъ французской арміи подъ начальствомъ храбраго и рѣшительнаго маршала Нея. Наконецъ, даже извѣстная переправа черезъ Березину, о которой такъ много обыкновенно говорятъ русскіе военные историки, была въ сущности военной удачей Наполеона. Я не буду входить въ стратегическое обсужденіе тѣхъ плановъ и предположеній, которыя въ это время разрабатывали Кутузовъ съ Чичаговымъ и петербургскія военныя сферы относительно ловушки для Наполеона и его арміи; я не буду подробно говорить вамъ, какъ Чичаговъ, этотъ блестящій адмиралъ и дипломатъ для того, чтобы живьемъ захватить Наполеона, даже распространялъ приказъ съ примѣтами его, говоря, чтобы каждаго низкаго ростомъ, плотнаго и черноволосаго генерала ловили и приводили къ нему лично, чтобы онъ могъ удостовѣриться, Наполеонъ это или нѣтъ. Я не буду напоминать вамъ того, что армія Чичагова расположилась на 30 верстъ ниже мѣста переправы Наполеона черезъ Березину. Все это, конечно, вамъ, по всему вѣроятію, извѣстно. Я укажу только, что та страшная сумятица, которая прекрасно зафиксирована на извѣстной

картинѣ Верещагина, относится только уже къ послѣднему моменту переправы наполеоновской арміи. Все это произошло уже тогда, когда цѣлыхъ 2 дня переправлялось французское войско черезъ Березину и установлено было 2 моста, несмотря на страшное затрудненіе отъ плывущихъ по рѣкѣ льдинъ, когда подошли уже съ сѣвера войска Витгенштейна и когда авангардъ кутузовской арміи приблизился къ Березинѣ. Такимъ образомъ, Наполеону удалось обмануть бдительность сторожившихъ его русскихъ войскъ, опередить кутузовскую армію и выйти съ честью изъ труднаго и тяжелаго положенія. Конечно необходимо указать, что изъ 600 слишкомъ тысячъ, вошедшихъ въ предѣлы Россіи, осталось только 4500 годныхъ для военнаго дѣла, а вся остальная масса растаяла по пути. Но основныя причины успѣха заключаются не въ русскихъ полководцахъ и не въ храбрости русскихъ войскъ, а въ томъ пространствѣ и климатѣ Россіи, которые не предусмотрѣлъ Наполеонъ въ своихъ военныхъ комбинаціяхъ. Значитъ правъ былъ Ростопчинъ, когда онъ въ началѣ войны писалъ императору Александру: „У васъ имѣются удивительные союзники въ будущей войнѣ, именно – пространство и время. Русскій императоръ страшенъ на границѣ, грозенъ въ Москвѣ и непобѣдимъ въ Казани." Значитъ, отступая отъ западной границы внутрь страны, увлекая непріятельское войско въ центральныя мѣстности государства и отходя на востокъ или на югъ, по мнѣнію Ростопчина и другихъ дѣятелей той эпохи, русская армія могла обезпечить себѣ въ будущемъ побѣду. Въ этомъ отношеніи обстоятельства сложились такъ, что прежняя военная система Наполеона не могла уже обезпечить ему будущихъ удачъ и успѣховъ. Онъ подавлялъ сначала русское войско своей численностью, но затѣмъ, когда эта военная громада перестала имѣть ту грозную внѣшнюю осанку, съ которой она вступала въ предѣлы Россіи, перевѣсъ былъ уже на сторонѣ русскихъ, особенно послѣ того, какъ война пріобрѣла чисто народный характеръ. Я уже указывалъ вамъ, господа, что своими воззваніями и манифестами императоръ Александръ почти тотчасъ же послѣ переправы наполеоновскаго войска черезъ Нѣманъ хотѣлъ вдохнуть патріотизмъ въ широкія общественныя и народныя массы. И, дѣйствительно, вторженіе несмѣтной арміи того самаго Наполеона, котораго из-

давна въ Россіи привыкли считать антихристомъ, возбудило ненависть ко всему иноземному, ко всему французскому, особенно послѣ того, какъ въ народной массѣ стали распространяться слухи о жестокомъ обращеніи непріятеля съ крестьянами и съ ихъ добромъ, о тѣхъ насиліяхъ, которымъ подвергались жители селъ и деревень, лежавшихъ на пути великой арміи. Послѣ всего этого естественно, что ненависть къ непріятелю, къ врагу, вторгшемуся въ предѣлы Россіи, достигла своего апогея. Въ тотъ моментъ, когда этотъ непріятель испытывалъ затруднительныя обстоятельства, когда онъ занялъ Москву и былъ какъ бы отрѣзанъ отъ сообщеній съ З.Европой, такъ какъ позади лежала опустошенная и обезлюденная смоленская дорога, послѣ этого момента война и пріобрѣтаетъ тотъ широкій народный или партизанскій характеръ, который особенно сильно сказался во время отступленія французскихъ полчищъ. Летучіе отряды партизановъ, набранные изъ охотниковъ, главнымъ образомъ изъ казаковъ, а часто изъ простыхъ, легко вооруженныхъ крестьянъ подъ начальствомъ предпріимчивыхъ офицеровъ и предводителей, заманивали небольшіе отряды французовъ или въ деревни или въ овраги и тамъ подвергали ихъ избіенію. Среди народа иногда по собственному почину составлялись такіе небольшіе отряды подъ начальствомъ какого-нибудь отставного солдата, или духовныхъ лицъ, а иногда во главѣ ихъ становились и женщины, напр. извѣстная старостиха Василиса. Такіе отряды подчасъ жестоко расправлялись съ обезсиленнымъ врагомъ. Значитъ, народная масса не была инертна въ этотъ историческій моментъ. Она такъ же, какъ и высшіе общественные классы - дворянство и купечество - приняла непосредственное участіе въ военныхъ операціяхъ. Но надо отмѣтить также, что въ эту тяжелую годину среди народа распространились слухи о какомъ-то освобожденіи, о томъ, что непріятель несетъ съ собою желанную волю. Дѣйствительно, въ прокламаціяхъ Наполеона подчеркивался этотъ соціальный моментъ. Въ Смоленской губ., въ Вяземскомъ и Дорогобужскомъ уѣздахъ, въ цѣломъ рядѣ вотчинъ помѣщичье добро подвергалось разграбленію со стороны крестьянъ. Подъ вліяніемъ всего этого волновались и помѣщичьи крестьяне, и крестьяне приписан-

ные къ горнымъ заводамъ. Такимъ образомъ, въ эту годину бѣдствій народная масса, неся на своихъ плечахъ всю тягость войны, чувствовала, что за это напряженіе военныхъ и гражданскихъ силъ необходимо получить въ вознагражденіе ту волю, о которой помышляли еще предки въ срединѣ 18 столѣтія. На ряду съ неповиновеніемъ народной крестьянской массы были случаи и грабежа барскаго имущества. Въ этомъ отношеніи крестьяне дѣйствовали зачастую съ гораздо болѣе дикимъ произволомъ, чѣмъ то дѣлали французскіе мародеры. Напр. въ Кусковѣ въ подмосковной вотчинѣ графа Шереметьева по донесенію приказчика крѣпостные взбунтовались, расхитили барское добро, разграбили барскій домъ, уничтожили много цѣнныхъ вещей, а то, что осталось еще въ этой великолѣпной усадьбѣ, было разграблено и расхищено проходящими русскими войсками. Офицеры прямо говорили приказчикамъ и управляющему, что нечего останавливать солдатъ, все равно все достанется непріятелю. Солдаты, привыкшіе къ довольно распущенной жизни за время войны, предавались грабежамъ къ югу отъ Москвы по селамъ и деревнямъ. Ростопчинъ въ одномъ изъ писемъ къ государю отъ 8 сентября 1812 г. прямо говоритъ: „Солдаты уже не составляютъ арміи, это орда разбойниковъ, и они грабятъ на глазахъ своего начальства. Въ эту минуту, на 50 верстъ отсюда, страна разорена совершенно, и гвардейцы дѣйствуютъ за-одно съ остальными. Разстрѣливать невозможно. Нельзя же казнить смертью по нѣскольку тысячъ человѣкъ на день?" Въ другомъ письмѣ онъ указываетъ, что въ селѣ Вороновѣ въ 60 верстахъ отъ Москвы въ его имѣніи священникъ отказывался даже служить литургію изъ-за того, чтобы не отпирать церковь, потому что боялся проходящихъ русскихъ солдатъ. По словамъ того же современника во многихъ мѣстностяхъ небольшіе отряды войска подъ начальствомъ офицера, отбившіеся отъ главной арміи, совершали насилія и жестокости не хуже французовъ. Такимъ образомъ въ нашихъ сужденіяхъ мы должны сохранять полную объективность и сознаться, что безчинства и насилія были съ обѣихъ сторонъ. И французы грабили, и французы производили насилія, но цѣлый рядъ насилій былъ совершенъ и русскими войсками, и русской необразованной темной крестьянской крѣпостной массой. Но несмотря на все это,

только благодаря высокому патріотическому подъему народной массы и мѣстнымъ климатическимъ условіямъ удалось избавиться отъ наполеоновскаго нашествія. Наполеонъ былъ побитъ такимъ образомъ въ Россіи не Кутузовымъ и не другими генералами, которые приписывали себѣ честь уничтоженія военнаго престижа непобѣдимаго французскаго императора, а именно тѣми условіями мѣста и времени, съ которыми Наполеону никогда раньше не приходилось сталкиваться. Итакъ, господа, 12 годъ заканчивался полнѣйшимъ уничтоженіемъ великой арміи, вторгнувшейся въ предѣлы Россіи. Въ декабрѣ, когда войско русское находилось уже на западной границѣ и главная квартира была въ Вильно, къ войску пріѣхалъ императоръ Александръ, и тогда въ рукахъ Кутузова власть осталась только номинально, а фактически бразды правленія принялъ самъ государь, назначивъ начальникомъ главнаго штаба своего любимца Волконскаго. Въ тотъ моментъ слова, сказанныя государемъ еще въ началѣ войны французскому послу гр. Нарбонну: „я не помирюсь до тѣхъ поръ, покуда въ моемъ государствѣ не останется ни одного непріятельскаго солдата", какъ бы начали осуществляться. Непріятельской арміи не было, она разсѣялась и остатки ея вышли изъ предѣловъ Россіи. Предъ русскимъ войскомъ и предъ русскимъ обществомъ стала во весь ростъ колоссальная по своимъ послѣдствіямъ дилемма: заключить ли миръ или продолжать войну, удовлетвориться ли тѣми результатами, къ которымъ привела предшествующая кампанія, или же добиваться еще болѣе важныхъ цѣлей, разрѣшать болѣе сложныя военныя политическія задачи? Кутузовъ, который на своихъ плечахъ вынесъ много заботъ и тревогъ въ это грозное тяжелое время, который въ своемъ оптимизмѣ и фатализмѣ былъ въ этотъ моментъ какъ наиболѣе подходящимъ предводителемъ русскихъ войскъ, считалъ, несмотря на противодѣйствіе цѣлаго ряда генераловъ и самого императора Александра, что необходимо положить предѣлъ войнѣ на западной русской границѣ. По его словамъ надо удовлетвориться тѣмъ, что непріятель обезсиленъ и выгнанъ изъ предѣловъ Россіи. Дальнѣйшая борьба съ Наполеономъ можетъ быть небезопасна, да и къ тому же лучше имѣть на западѣ сильнаго полководца, который могъ бы удерживать въ извѣстномъ повиновеніи ближайшихъ западныхъ сосѣдей Россіи,- Австрію и

Пруссію. Но точка зрѣнія Кутузова не раздѣлялась императоромъ Александромъ. Передъ его умственнымъ взоромъ развертывалась широкая картина грядущихъ военныхъ и политическихъ успѣховъ. Онъ преслѣдовалъ теперь цѣль уже не изгнанія врага изъ предѣловъ Россіи, а совершеннаго уничтоженія Наполеона. Слова, сказанныя Александромъ полковнику Мишо, доставившему ему извѣстіе о сдачѣ и пожарѣ Москвы: „Мы одновременно царствовать не можемъ; я или онъ, - Наполеонъ или Александръ!"-эти слова теперь какъ бы сдѣлались его лозунгомъ. Такимъ образомъ, предъ русской арміей и предъ русскимъ обществомъ вставалъ новый вопросъ: „Какъ продолжать войну, и къ чему это продолженіе можетъ повести? Самъ Александръ руководился въ это время личнымъ честолюбіемъ и жаждой мести тому Наполеону, который постоянно подчеркивалъ свое превосходство надъ нимъ. Значитъ личныя побужденія русскаго императора привели къ тому, что война съ концомъ 1812 года не была завершена.- Начинался новый моментъ, и этотъ моментъ былъ чреватъ многими послѣдствіями.

Я не буду входить въ подробности войны 1813-14 г., той войны, которая перенесла русскую армію на поля Германіи и Франціи, которая велась въ союзѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ европейскихъ государствъ и привела къ крушенію наполеоновскаго господства. Мнѣ только важно указать, что роль императора Александра въ этотъ важный и сложный моментъ была довольно значительна. Благодаря его личному вліянію европейская коалиція, образовавшаяся въ началѣ 1813 г., вновь крѣпла, готовая иногда совсѣмъ распасться, и Александръ такъ же, какъ и годъ тому назадъ, когда Наполеонъ вторгся въ предѣлы Россіи, обнаружилъ здѣсь удивительную настойчивость, удивительную силу характера. Ему обязана Европа тѣмъ, что цѣлый рядъ государствъ, вначалѣ державшихся выжидательной политики, примкнулъ къ коалиціоннымъ войскамъ и подъ Лейпцигомъ, въ первыхъ числахъ октября 1813 г. въ знаменитой „битвѣ народовъ" военная звѣзда Наполеона окончательно померкла. Путь въ Парижъ вскорѣ былъ открытъ и французская нація, теперь уже не преклонявшаяся передъ своимъ прежнимъ военнымъ и политическимъ кумиромъ, торжественно и восторженно привѣтствовала союзныхъ монар-

ховъ, въѣзжавшихъ въ Парижъ. 30 марта 1814 г. былъ подписанъ Парижскій миръ, по которому реставрировалась во Франціи монархія Бурбоновъ. Ликвидацію войны и вопросы, которые связаны съ возстановленіемъ расшатаннаго наполеоновскими войнами европейскаго порядка, надо было обсудить на общеевропейскомъ совѣщаніи, и въ концѣ 1814 г. былъ созванъ въ Вѣнѣ конгрессъ, на которомъ собрались государи и дипломаты почти всей Европы для выясненія создавшагося политическаго положенія. Наполеонъ сошелъ со сцены, и съ его паденіемъ, съ его концомъ всплыло много старыхъ неразрѣшимыхъ больныхъ вопросовъ. Ихъ-то и надо было ликвидировать, на нихъ-то и надо было дать отвѣтъ на Вѣнскомъ конгрессѣ 1814-15 г.г. Наконецъ, карта Европы была перекроена и Россія въ вознагражденіе за всѣ труды, понесенные ею въ эпоху освободительныхъ войнъ, получила бо́льшую часть герцогства Варшавскаго, образованнаго Наполеономъ изъ отобранныхъ у Пруссіи и Австріи польскихъ областей. Александръ при этомъ обѣщалъ, что новому Царству Польскому онъ обезпечитъ конституціонный представительный строй. Такія же гарантіи конституціоннаго устройства были даны Александромъ и во Франціи при реставраціи Бурбоновской монархіи. Значитъ, освобождая Европу изъ-подъ власти Наполеона, Александръ прикрывался какъ бы принципомъ конституціонализма. Онъ какъ бы стремился къ той идеѣ законности, о которой любилъ заявлять и въ годы своей юности, и въ первое время своего самостоятельнаго правленія. Но та же самая освободительная война, которая придала Александру роль Агамемнона, царя царей, по выраженію г-жи Стааль,- которая удовлетворила его честолюбіе и заставила всю З.Европу измѣнить свое мнѣніе о русскомъ императорѣ, эта же самая освободительная война наложила глубокій слѣдъ и на душу императора Александра и на послѣдующую его внѣшнюю и внутреннюю политику. Александръ любилъ разсказывать близкимъ людямъ, что онъ какъ бы переродился въ эпоху отечественной войны. „Пожаръ Москвы", говорилъ онъ, „освѣтилъ мою душу и согрѣлъ мое сердце вѣрою, какой раньше я не ощущалъ". Такимъ образомъ въ душѣ Александра произошло какъ бы перерожденіе въ моментъ, когда Наполеонъ занималъ Москву. Но еще болѣе глубокое чувство посѣтило государя на ледяныхъ поляхъ Германіи, когда разрѣшался

вопросъ европейскаго равновѣсія, когда борьба между Александромъ и Наполеономъ достигла своего наивысшаго напряженія. Въ себѣ Александръ видѣлъ какъ бы орудіе Бога, какъ бы то средство, которымъ промыслъ Божій хочетъ покарать гордыню человѣческую въ лицѣ Наполеона. „Не намъ, не намъ, а имени Твоему" - вотъ какова надпись на той медали, которая была выбита по повелѣнію Александра въ память отечественной войны. Эта надпись прекрасно оттѣняетъ то отношеніе, которое обнаруживалъ Александръ своей военной и политической дѣятельностью въ эпоху 1812-15 г. Она ярко оттѣняетъ намъ то душевное настроеніе, въ которомъ въ это время находился русскій императоръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшаетъ припомнить и ту надпись, которая помѣщена была на французской медали по повелѣнію императора Наполеона, когда онъ собирался обрушиться на Англію: „Земля моя, а небо твое". Здѣсь полнѣйшая противоположность, здѣсь рѣзкое разграниченіе сферы вліянія между земнымъ и божественнымъ, между тѣмъ, что принадлежитъ императору Наполеону, владыкѣ земли и тѣмъ, что принадлежитъ Божественному промыслу, распоряжавшемуся на небосклонѣ. Во время освободительной войны и на Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ передъ нами уже въ иномъ душевномъ состояніи. Это не прежній поклонникъ деклараціи правъ человѣка и гражданина, это не прежній вольнодумецъ въ духѣ раціонализма конца 18 вѣка, - это мистикъ, глубоко проникнутый убѣжденіемъ, что онъ является орудіемъ Божественнаго промысла. Душевное настроеніе Александра было какъ бы отраженіемъ того перелома, который пережило въ эти годы все европейское общество. Отъ раціонализма, отъ вольнодумства эпохи революціи это общество стремилось въ заоблачную даль, къ тѣмъ вѣчнымъ идеаламъ, которые обѣщали прочный душевный покой. Этотъ покой былъ необходимъ ему послѣ многихъ лѣтъ кровопролитнѣйшихъ столкновеній. Въ эти годы тотъ романтическій мистицизмъ, который одновременно и манилъ куда-то въ даль средневѣковья и указывалъ отдаленные потусторонніе религіозные идеалы, начинаетъ господствовать въ умахъ европейскаго общества. Такіе идеологи, какъ Шатобріанъ и Жозефъ де Местръ, въ это время господствуютъ, можно сказать, на литературномъ и публицистическомъ небосклонѣ. Общество стремилось постичь ту Божествен-

ную премудрость, которая по его убѣжденію восторжествовала въ эпоху борьбы съ Наполеономъ. Лица въ родѣ извѣстнаго теософа Беме и баронессы Крюденеръ, экзальтированной восторженной піетистки, начинаютъ играть главную роль въ европейскомъ обществѣ. Вполнѣ понятно, что впечатлительный и мягкій по натурѣ императоръ Александръ подчинился этому европейскому теченію; онъ сблизился съ баронессой Крюденеръ и преклонялся передъ мистическимъ образомъ мыслей этой восторженной піетистки. Онъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на грѣшника, который долженъ покаяться и согласовать свою дѣятельность какъ человѣка и какъ государя съ истинами Божественнаго откровенія. Въ этой-то обстановкѣ подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ наполеоновскихъ войнъ и послѣдующаго душевнаго перелома въ Александрѣ I и появился тотъ священный союзъ, актъ котораго былъ собственноручно составленъ Александромъ еще въ Парижѣ. Этотъ священный союзъ долженъ былъ поставить въ основу всей европейской политики истины, почерпнутыя изъ евангельскаго ученія. Главой, государемъ всего міра является спаситель, а государи земные только видимыя орудія этого Божественнаго владыки. Ихъ область, какъ установленную самимъ Богомъ, слѣдуетъ во что бы то ни стало поддерживать. Всякія попытки уничтожить ихъ господство, уничтожить ихъ авторитетъ должны быть преслѣдуемы. Такимъ образомъ, идея евангельскаго ученія пріобрѣла подъ перомъ императора Александра рѣзко выраженный консервативно охранительный характеръ. Не даромъ священный союзъ называли въ обществѣ союзомъ королей противъ народовъ. Не даромъ впослѣдствіи этотъ актъ пріобрѣлъ рѣзко выраженный реакціонный отпечатокъ. Подъ его покровомъ европейская политика въ лицѣ Метерниха, канцлера австрійской монархіи, руководителя всѣхъ европейскихъ событій съ 1815 г., получила сильное орудіе для борьбы съ либеральными и радикальными теченіями какъ въ центральной Европѣ, такъ и на южныхъ полуостровахъ. Значитъ, первымъ результатомъ ликвидаціи наполеоновскаго режима былъ застой европейской политики, ярко выраженный реакціонный характеръ всѣхъ мѣропріятій тѣхъ монарховъ, которые вышли побѣдителями изъ борьбы съ Франціей. Конечно, Александръ не является здѣсь предъ

нами въ совершенно новомъ освѣщенiи; онъ только рѣзко проявляетъ природныя черты своего характера. Мнѣ уже приходилось отмѣчать въ природѣ Александра и извѣстную апатiю, стремленiе къ охранительнымъ принципамъ, нерѣшительность и колебанiя. И вотъ все то, что проявлялось въ немъ въ перiодъ либеральныхъ увлеченiй 1801-12 гг. - все это теперь болѣе рельефно обнаруживается въ его душевномъ укладѣ. Значитъ, обстоятельства 12-15 г. только помогли прежнимъ неустойчивымъ идеямъ и принципамъ Александра получить болѣе опредѣленный, болѣе сконцентрированный характеръ, и „эпоха преобразовательныхъ колебанiй", какъ остроумно называетъ первую половину царствованiя Александра историкъ Шильдеръ, теперь замѣнилась устойчивой и опредѣленной охранительной внѣшней и внутренней политикой. Въ этомъ отношенiи манифестъ, съ которымъ обратился государь къ русскому обществу и народу въ 1815 г., имѣетъ для насъ громадное значенiе. „Онъ, по словамъ одного историка, прозвучалъ рѣзкимъ диссонансомъ съ настроенiемъ общества. Онъ говорилъ не о подвигахъ, а о смиренiи, онъ взывалъ не къ героическимъ, а къ покаяннымъ чувствамъ." Въ этомъ актѣ мы встрѣчаемъ какъ бы указанiе на необходимость подчиниться Божественному промыслу, который даетъ прозрѣнiе слѣпымъ, который снабжаетъ силою упавшихъ духомъ и ослабшихъ въ борьбѣ. Значитъ, личныя переживанiя императора Александра ярко проявляются въ этомъ, въ высшей степени, знаменательномъ государственномъ актѣ. Съ этого времени мы можемъ начинать новый, послѣднiй перiодъ въ царствованiи Александра.

Экономическое положенiе Россiи въ началѣ XIX вѣка.

Но прежде чѣмъ переходить къ эпохѣ реакцiи, къ эпохѣ застоя, къ тѣмъ мѣропрiятiямъ, которыми ознаменованы послѣднiе годы жизни того государя, вступленiе на престолъ котораго было встрѣчено такимъ всеобщимъ ликованiемъ, я очерчу вамъ въ 2-3-хъ словахъ положенiе русскаго народнаго и государственнаго хозяйства въ первые годы XIX в. Вѣдь общественный и политическiй прогрессъ обусловливается обстоятельствами

хозяйственнаго порядка. Вѣдь только въ результатѣ раскрѣпощенія, освобожденія хозяйственной дѣятельности въ странѣ могутъ появиться въ ней и опредѣленные общественные и политическіе запросы. Такъ какъ Россія находилась въ тискахъ крѣпостной неволи, такъ какъ основа всего ея благосостоянія была отравлена существованіемъ крѣпостного права, то вполнѣ естественно, что при Александрѣ I всякія преобразовательныя начинанія, всякіе либеральные принципы были обречены или на застой или на полнѣйшее крушеніе. Крѣпостное право должно было отражаться и въ сферѣ народнаго, и въ сферѣ государственнаго хозяйства, и дѣйствительно весь экономическій строй тогдашней Россіи первой четверти 19 столѣтія носитъ на себѣ отпечатокъ сильнаго и глубокаго кризиса. Дѣло въ томъ, что Россія въ эти годы втягивалась все сильнѣе въ общеевропейскій хозяйственный оборотъ. Ея внѣшній товарообмѣнъ достигалъ довольно внушительной цифры; 107,445 тыс.руб. въ 1806 г. Россія доставляла въ Зап.Европу преимущественно сырье, - ленъ, говяжье сало, дерево въ необработанномъ видѣ, сѣмена и т.д. и получала изъ Зап.Европы обработанные продукты, фабрикаты. Изъ одной только Англіи въ 1803 г. пришло 319 нагруженныхъ судовъ и безъ груза 993, и эти корабли, захвативъ товаръ изъ Россіи, отправились нагруженные назадъ въ Англію, увозя продукты русскаго экспорта на 1,277 корабляхъ, и только 17 судовъ отправились изъ Россіи не нагруженные. Эта цифра вамъ уже достаточно показываетъ, какой значительный торговый оборотъ совершала въ это время Россія, втянутая въ международныя капиталистическія отношенія. Европейскій рынокъ былъ необходимъ для Россіи, такъ же какъ и русскій рынокъ для Зап.Европы. Капиталистическія отношенія, установившіяся между Европой и Россіей, привели къ тому, что въ самой Россіи обрабатывающая промышленность шагнула далеко впередъ сравнительно съ концомъ 18 столѣтія. Дѣйствительно, уже въ первые годы царствованія Александра мы замѣчаемъ опредѣленное поступательное движеніе, особенно въ сферѣ полотняной, суконной, желѣзодѣлательной и бумажно-ткацкой промышленности. Въ 1804 г. всего въ Россіи числилось фабрикъ и заводовъ 2,423 съ 95,202 рабочихъ, а 10 лѣтъ спустя, въ 1814 г., фабрикъ и заводовъ было

уже 3,731 и на нихъ занято было работой 169.530 человѣкъ. Все это указываетъ намъ, что наблюдалось извѣстное поступательное движенiе въ хозяйственномъ положенiи страны, и притомъ надо отмѣтить, что до 48% всѣхъ рабочихъ на этихъ фабрикахъ были люди вольнонаемные, а не крѣпостные. Конечно, не одни разночинцы и представители торгово-промышленнаго класса держали въ своихъ рукахъ обрабатывающую промышленность. Многiе изъ помѣщиковъ, руководимые хозяйственными интересами и новыми экономическими комбинацiями, устраивали въ своихъ имѣнiяхъ фабрики и заводы, особенно свеклосахарные, суконные и полотняные. До 50% напр. всѣхъ суконныхъ фабрикъ въ Россiи принадлежало помѣщикамъ, представителямъ наиболѣе знатныхъ и богатыхъ фамилiй. Очевидно трудъ требовалъ или раскрѣпощенiя, или своего приложенiя въ иныхъ сферахъ, чѣмъ исключительно только земледѣлiе, и потому въ цѣломъ рядѣ мѣстностей прежняя барщинная система замѣняется другой оброчной и Россiя въ это время подраздѣляется какъ бы на двѣ рѣзко разграниченныя хозяйственныя полосы. Въ тѣхъ губернiяхъ, въ которыхъ выгоднѣе было эксплоатировать крестьянскiй трудъ не путемъ обработки земли, а прилагая его въ сферѣ кустарныхъ промысловъ и фабрично-заводской индустрiи, развивается оброчная система. Это губернiи сѣверныя и центральныя. Такъ напр. въ Ярославской, Вологодской, Костромской губернiяхъ количество крестьянъ оброчныхъ достигаетъ 83-85% всего крѣпостного населенiя губерний. Оброкъ здѣсь сильно повышается сравнительно съ царствованiемъ Екатерины II. Если въ 80-хъ годахъ ХVIII вѣка оброкъ въ 5 р. былъ болѣе или менѣе распространенъ, то въ началѣ царствованiя Александра уже цифра оброка съ души достигаетъ 10-12 руб., а къ концу его царствованiя, съ паденiемъ нашего денежнаго курса, оброкъ еще болѣе подымается, доходя до 25-30 р. съ души. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно вблизи столицы, въ большихъ промышленныхъ районахъ эта цифра оброка еще болѣе повышается. Нѣкоторые помѣщики считали болѣе удобнымъ совершенно обезземеливать своихъ крестьянъ и превращать ихъ въ такъ называемыхъ мѣсячныхъ, давая имъ мѣсячину или опредѣленное содержанiе и заставляя ихъ отбывать барщину всю недѣлю сплошь. Въ западныхъ губернiяхъ, особенно въ Бѣлоруссiи, развилась

довольно своеобразная система эксплоатацiи крестьянскаго труда. Крѣпостныхъ цѣлыми деревнями отдавали подрядчику или для прокладки дорогъ или для стройки какихъ-нибудь казенныхъ или общественныхъ зданiй и получали съ нихъ плату впередъ за цѣлое лѣто по 100 р. съ души. Даже такой крупный и привилегированный землевладѣлецъ, какъ герцогъ Александръ Вюртембергскiй, отправилъ своихъ витебскихъ голодающихъ крестьянъ на нижегородскую ярмарку для постройки тамъ торговыхъ помѣщенiй. Значитъ, эксплоатацiя крестьянскаго крѣпостного труда достигаетъ своего наибольшаго напряженiя въ промышленномъ центральномъ районѣ. Но не думайте, что въ южныхъ черноземныхъ и степныхъ губернiяхъ помѣщичьи интересы отставали отъ запросовъ центральныхъ мѣстностей. Если на сѣверѣ и въ центрѣ главное вниманiе помѣщиковъ было привлечено выгодами фабрично-заводской индустрiи, то въ южныхъ плодородныхъ мѣстностяхъ, при благодатномъ климатѣ и хорошихъ почвенныхъ условiяхъ все вниманiе помѣщиковъ сконцентрировалось на полученiи наибольшей доходности съ принадлежащихъ имъ земель. Тамъ барщина доходила до своего наивысшаго напряженiя. Въ Курской губ., напр., 92% всѣхъ крѣпостныхъ было на барщинѣ, въ Рязанской 81%, въ Тамбовской 78%, и притомъ практиковалась иногда сплошная барщина всю недѣлю, не исключая часто и праздниковъ, хотя законъ о 3-дневной барщинѣ Павла I имѣлъ въ это время обязательное значенiе. Прапорщику Тучкову говорили въ 1818 г. крестьяне и священники въ Одоевскомъ уѣздѣ, что „никогда не сравняютъ старыхъ помѣщиковъ съ молодыми; прежнiе, по ихъ словамъ, были несравненно лучше: прежде крестьяне никогда такъ много не работали на господъ; нынче крѣпостныхъ больнѣе бьютъ, продаютъ порознь дѣвокъ, вдовъ, мужиковъ. Нынѣшнiе помѣщики всѣ лихи, а въ прежнее время, если это и было, то весьма рѣдко." Въ томъ же Одоевскомъ уѣздѣ иногда попадались деревни, въ которыхъ въ теченiе лѣта крестьяне не имѣли ни одного дня для собственной работы и должны были собирать хлѣбъ на отведенныхъ имъ поляхъ въ ночное время. Даже по праздникамъ господа заставляли работать крестьянъ на барщинѣ, говоря, что на себя лично имъ работать грѣхъ, а на барина самъ Богъ велитъ. Конечно, принимая все это во

вниманіе, нельзя не признать, что въ барщинной полосѣ положеніе крестьянъ было не менѣе тяжелымъ, чѣмъ въ полосѣ оброчной. Особенно трудно приходилось крѣпостнымъ на помѣщичьихъ фабрикахъ, гдѣ они должны были отбывать барщину въ самыхъ тяжелыхъ, антигигіеническихъ условіяхъ, иногда съ колодками на ногахъ и рогатками на шеѣ. Значитъ, помѣщики ни передъ чѣмъ не останавливались, чтобы изъ крѣпостного подневольнаго труда выжать какъ можно больше хозяйственной пользы. При такомъ положеніи вещей, конечно, трудъ закрѣпощенный, трудъ несвободный долженъ былъ отражаться на общемъ состояніи государства. Внутренняго рынка почти что не было; емкость этого рынка была въ высшей степени незначительна. Крестьяне ничего не покупали. Львиная доля того, что они зарабатывали, уходила въ пользу помѣщика, и такимъ образомъ только помѣщики обогащались отъ существованія въ странѣ крѣпостного дарового труда. Городъ не могъ особенно развиваться въ качествѣ торгово-промышленнаго центра въ подневольной крѣпостной атмосферѣ. Отъ отсутствія свободнаго почина, свободной хозяйственной инициативы въ странѣ должна была испытывать громадный ущербъ и государственная финансовая система. Конечно, государственное хозяйство отражаетъ въ себѣ то положеніе, въ которомъ находится хозяйство народное, а такъ какъ [внутренняго рынка почти что не было,] такъ какъ доходность населенія была въ высшей степени ничтожной, то и косвенными, и прямыми налогами правительство могло получить только самыя незначительныя суммы. А несмотря на все это велась агрессивная политика, велись войны съ Наполеономъ, съ Швеціей и съ Турціей и надвигались грозовыя тучи Отечественной войны. Вполнѣ понятно, что состояніе государственнаго хозяйства является передъ нами въ самомъ печальномъ положеніи. Уже въ началѣ царствованія Александра сумма внѣшняго и внутренняго долга достигаетъ крупныхъ размѣровъ, 408 мил. руб., т.е. вчетверо превышаетъ ежегодный доходъ государства. Дефицитъ становится хронической особенностью русскаго бюджета, начиная съ 1802 г., когда онъ достигаетъ 2 мил.руб. и кончая послѣдними годами передъ Отечественной войной, когда въ 1808 г. дефицитъ вслѣдствіе шведской войны достигаетъ 120 мил., въ 1809 г. 140 мил., въ 1811 г., послѣ нѣкотораго улучшенія на-

шего государственнаго хозяйства вслѣдствіе плана Сперанскаго, 40,4 милліоновъ рублей, и притомъ правительство выходитъ изъ тяжелыхъ финансовыхъ обстоятельствъ однимъ только способомъ, путемъ выпуска новыхъ ассигнацій. Несмотря на то, что въ странѣ находилось этихъ бумажно-денежныхъ знаковъ въ обращеніи на сумму 577 мил. руб. и несмотря на то, что эта сумма была объявлена согласно плану Сперанскаго государственнымъ долгомъ, все-таки и въ 1811 г. былъ сдѣланъ для покрытія дефицита новый выпускъ ассигнацій, а во время веденія Отечественной войны появилось новыхъ ассигнацій на 64 1/2 мил. рублей. Значитъ, государственное хозяйство находилось въ печальномъ положеніи. Расходы постоянно превышали доходы и правительство должало, занимая деньги и внѣ и внутри государства, сводя едва-едва концы съ концами. Въ такомъ тяжеломъ положеніи и находилось государство въ тотъ моментъ, когда закончилась Отечественная война, когда общество, охваченное патріотическимъ возбужденіемъ, ожидало отъ правительства коренныхъ государственныхъ преобразованій, когда особенно передовые молодые общественные элементы чаяли широкихъ государственныхъ и общественныхъ реформъ. Но въ отвѣтъ на эти чаянія общество получило манифестъ 1815 г. Такимъ образомъ, на все то, что выдвигалось самою жизнью, на всѣ тѣ явленія, которыя требовали своего радикальнаго и всесторонняго освѣщенія, правительство отвѣчало какъ бы рѣшительнымъ и категорическимъ запретомъ. Нельзя было эти вопросы затрагивать, нельзя было ихъ разрѣшать въ томъ или иномъ благопріятномъ для народа и общества смыслѣ. Александръ I отвернулся отъ прогрессивныхъ начинаній первой половины своего царствованія. Онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ ту преобразовательную нить, которую держалъ прежде при помощи членовъ неофиціальнаго комитета и Сперанскаго, и эта нить, упавшая изъ рукъ правительства, подхвачена была наиболѣе энергичными, наиболѣе талантливыми представителями русскаго общества.

Эпоха реакціи 1815 - 1825 г.г.

На всей внѣшней и внутренней политикѣ императора Александра за послѣдніе 10 лѣтъ его царствованія лежитъ ярко выраженная печать реакціи, и этотъ консервативный духъ, витавшій надъ всѣми мѣропріятіями Александра, былъ какъ бы непосредственнымъ порожденіемъ того Священнаго союза, который былъ установленъ еще въ 1814 г. Основой этого союза былъ принципъ легитимизма, принципъ охраны той власти, которая покоилась на законномъ божественномъ началѣ. Для охраны этой власти и проводились въ жизнь тѣ мѣропріятія, на стражѣ которыхъ стоялъ Александръ и всѣ монархи, присоединившіеся къ Священному союзу. Актъ этого союза, составленный самимъ Александромъ, былъ сначала, какъ говоритъ Меттернихъ, принятъ, какъ личная декларація русскаго императора. Трескучій актъ этотъ, по словамъ австрійскаго канцлера, не имѣлъ подъ собою никакой реальной юридической почвы, но именно потому, что въ самомъ актѣ Священнаго союза было мало юридическаго содержанія, его и можно было заполнить какими угодно принципами, какими угодно положеніями. Послѣ того, какъ австрійскій императоръ и прусскій король изъ чисто личныхъ побужденій присоединились къ акту Священнаго союза, когда три монарха, игравшіе наиболѣе важную, рѣшающую роль въ европейскихъ дѣлахъ, согласились предпринимать мѣры къ успокоенію Европы съ общаго согласія, тогда Меттернихъ, являвшійся какъ бы основной пружиной всѣхъ тогдашнихъ европейскихъ мѣропріятій, рѣшилъ воспользоваться составленнымъ императоромъ Александромъ актомъ и утилизировать его въ свою пользу. Такъ какъ въ основѣ этого соглашенія положенъ былъ принципъ легитимизма, начало поддержанія Богомъ установленныхъ властей, то вполнѣ естественно было всѣ тѣ власти, которыя исходили не отъ божественнаго промысла, а были обязаны своимъ происхожденіемъ или народному перевороту, или народному избранію, считать какъ бы незаконными. Все то, что явилось въ результатѣ великой французской революціи и тѣхъ войнъ, которыя велись въ Европѣ подъ знаменемъ свободы, равенства и братства,- все это надо было уничтожить, надо было вырвать съ корнемъ изъ общественнаго и политическаго сознанія европейскихъ на-

родовъ. Вполнѣ естественно, что Меттернихъ подъ этимъ ореоломъ евангельскихъ истинъ, которыми проникнутъ былъ актъ Священнаго союза, хотѣлъ создать прочный порядокъ въ Европѣ, покоящійся на строго реакціонной и консервативной основѣ. Гдѣ бы ни проявлялись народныя движенія, гдѣ бы ни высказывался духъ вольности и свободолюбія, тотчасъ, на основѣ принятаго соглашенія, надо было дѣйствовать, надо было устанавливать тотъ порядокъ, которому грозилъ новый напоръ либеральнаго или радикальнаго теченія. Значитъ, въ результатѣ присоединенія къ акту Священнаго союза почти всѣхъ европейскихъ государей, можно сказать, что принципы, лежащіе въ его основѣ, сдѣлались руководящими во всѣхъ западно-европейскихъ отношеніяхъ. Въ составъ Священнаго союза не вошли только принцъ-регентъ англійскій, папа и турецкій султанъ. Султанъ турецкій, какъ не-христіанинъ, не могъ быть включенъ въ составъ этого чисто христіанскаго союза, а англійскій принцъ-регентъ, какъ монархъ конституціонный, не могъ принять участія въ этомъ вполнѣ личномъ актѣ, папа же сказалъ, что онъ всегда руководился и будетъ руководиться принципами евангельскихъ истинъ,- и поэтому не считаетъ нужнымъ формально присоединяться къ Священному союзу. Меттернихъ, который уже съ конца 18 столѣтія былъ поклонникомъ аристократическаго и феодальнаго строя, стоялъ на стражѣ интересовъ абсолютной монархіи, теперь, послѣ того, какъ Зап.Европа устала отъ постоянныхъ революціонныхъ войнъ, когда европейское общественное мнѣніе хотѣло покоя и отдохновенія, явился какъ нельзя болѣе кстати со своей программой охраны и возстановленія того, что было расшатано революціонной пропагандой. Самое пристальное вниманіе Меттернихъ и его приспѣшники обращали на полицію умовъ въ австрійскихъ и въ германскихъ государствахъ,и такъ какъ въ Германіи проявлялся духъ національнаго объединенія, который долженъ былъ въ концѣ концовъ привести къ паденію австрійской гегемоніи, вполнѣ естественно, что австрійскій канцлеръ боролся съ рѣзко выраженнымъ среди нѣмецкихъ націоналистовъ желаніемъ сплотиться въ единое и сильное германское государство. Все то, гдѣ сказывался этотъ принципъ объединенія, начиная съ гимнастическихъ обществъ и кончая студенческими организаціями,- все это под-

лежало строжайшему запрету. Особенно ярко проявлялись эти опасенія австрійскихъ правящихъ сферъ, когда въ 1817 г. профессора и студенты нѣкоторыхъ германскихъ университетовъ собрались въ Артбургѣ на большой студенческій праздникъ 300-лѣтія реформаціи и годовщины лейпцигской битвы. Здѣсь среди вполнѣ мирной обстановки происходило студенческое торжество, но закончился этотъ праздникъ демонстраціей противъ охранительныхъ порядковъ, установившихся въ Австріи и въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ. Сожжены были книги реакціоннаго направленія, между прочимъ „Исторія нѣмецкаго народа" Коцебу, который вскорѣ былъ убитъ студентомъ Зандомъ. Въ результатѣ Меттернихъ и другіе охранители усмотрѣли въ этой выходкѣ ярко выраженное революціонное начало и 1819 г. въ Карлсбадѣ была созвана конференція, которая рѣшила судьбу либеральныхъ начинаній въ Германіи. Были приняты самыя суровыя цензурныя мѣры противъ книгъ и журналовъ. Строжайшія преслѣдованія свободолюбивыхъ начинаній въ сферѣ общественнаго почина, университетскаго преподаванія и студенческихъ организацій были проведены въ жизнь. Такимъ образомъ, устанавливался строгій надзоръ за всякимъ проявленіемъ либеральныхъ началъ на почвѣ Германіи. Но вѣдь не въ одной Германіи проявлялся этотъ духъ свободолюбія, не въ одной Германіи начала, занесенныя наполеоновскими войнами, начала посѣянныя французской пропагандой, дали обильные всходы. Особенно сильно сказалось это французское вліяніе на Пиренейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ. Въ борьбѣ за свою независимость и за свое національное объединеніе испанцы и итальянцы сильно почувствовали стремленіе къ народному самоопредѣленію. Испанскій народъ добился того, что въ 1812 г. установленъ былъ опредѣленный конституціонный строй, въ основу котораго положены были принципы наиболѣе либеральнаго изъ всѣхъ конституціонныхъ актовъ эпохи великой революціи. Что касается Неаполитанскаго и нѣкоторыхъ другихъ италіянскихъ государствъ, то тамъ тоже послѣ низложенія прежнихъ династій устанавливалось народное представительство и вводились французскіе порядки, напр. кодексъ Наполеона и цѣлый рядъ административныхъ улучшеній. На этихъ южныхъ полуостровахъ въ прежнее время сильно сказывалось вліяніе католическаго духовенства и

пустилъ глубокіе корни тотъ строй, который напоминалъ какъ бы отдаленное средневѣковье. Духъ абсолютизма и ультрамонтанства, какъ бы придавленный началами Великой революціи, началъ давать себя чувствовать въ испанскихъ и итальянскихъ странахъ, какъ только сокрушена была Наполеоновская имперія. Послѣ Вѣнскаго конгресса и въ Испаніи, и въ Италіи была возстановлена прежняя государственная власть. Подкрѣпленные авторитетомъ великихъ европейскихъ державъ, реставрированные на своихъ престолахъ монархи начали проявлять свои автократическія замашки. Прежнія конституціонныя гарантіи уничтожались. Дѣло доходило до того, что даже все то, что было учреждено во время господства французскаго вліянія, съ корнемъ вырывалось изъ жизни. Признавались недѣйствительными тѣ браки, которые заключены были подъ вліяніемъ наполеоновскаго кодекса, нарушались тѣ договоры, которые составлены были на основаніи новыхъ юридическихъ нормъ, уничтожались также и музеи и библіотеки, созданныя при французскомъ господствѣ. Въ Неаполѣ былъ даже вырубленъ ботаническій садъ, разведенный въ періодъ французскаго господства. Такое безсмысленное уничтоженіе всего того, съ чѣмъ успѣли всѣ сжиться, къ чему успѣли всѣ привыкнуть, должно было вызывать страшное недовольство среди общественной и народной массы. Потому не слѣдуетъ удивляться, что уже къ 1820-му году южные полуострова охвачены революціоннымъ броженіемъ, которое принимаетъ ярко выраженный военный характеръ. Войско, которое сражалось за національную независимость, почувствовало себя сильно оскорбленнымъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ при возстановленіи стараго порядка въ Испаніи и въ Италіи. Широкая революціонная пропаганда среди военныхъ привела къ тому, что все подготовлено было къ новому государственному перевороту. Броженіе, особенно въ Испаніи, началось почти съ момента, когда тамъ была возстановлена во всей силѣ прежняя династія Бурбоновъ, и уже на Ахенскомъ конгрессѣ, собравшемся въ 1818 г., обсуждался вопросъ о томъ, какъ отнестись къ испанскимъ дѣламъ. Въ результатѣ съ общаго согласія великихъ державъ Франціи поручено было путемъ вооруженнаго вмѣшательства подавить всякія стремленія нарушить права Богомъ установленной власти въ предѣлахъ испанскаго королевства. На Ахенскомъ

конгрессѣ священный союзъ впервые обнаружилъ ярко выраженный реакціонный характеръ, впервые легитимная власть была поддержана силою оружія. Когда же черезъ нѣсколько времени революціонное движеніе изъ Испаніи перекинулось въ Италію, въ страны, находящіяся въ сферѣ австрійскаго вліянія, тогда естественно Меттернихъ и другіе заправилы консервативной политики въ З.Европѣ были встревожены. На новомъ конгрессѣ, созванномъ сначала въ Троппау, а затѣмъ перенесенномъ въ Лайбахъ, обсуждался вопросъ о положеніи дѣлъ въ Неаполитанскомъ и другихъ итальянскихъ государствахъ. Вполнѣ понятно, что здѣсь вопросъ былъ разрѣшенъ подъ угломъ зрѣнія самаго послѣдовательнаго легитимизма. Если въ Ахенѣ поручено было Франціи усмирить силою оружія испанское движеніе, то здѣсь Австрія и даже Россія приняли на себя роль европейскаго жандарма. По распоряженію императора Александра значительный русскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Ермолова былъ придвинутъ къ австрійской границѣ. Особенно сильно сказалось это реакціонное вліяніе на самомъ императорѣ Александрѣ въ 1822 г. на Веронскомъ конгрессѣ. Это былъ послѣдній конгрессъ эпохи Священнаго союза, созванный при жизни императора Александра. Здѣсь на ряду съ вопросами, касающимися итальянскихъ государствъ, обсуждалось и положеніе вещей въ Греціи. Греческое движеніе началось въ связи съ тѣми притѣсненіями, которыя испытывали греки отъ турецкаго, мусульманскаго ига. Это движеніе подготовлялось въ предѣлахъ самой Россіи, потому что многіе изъ грековъ, затѣмъ стоявшихъ во главѣ освободительнаго движенія, находились на русской военной службѣ, а русскій министръ иностр.дѣлъ, графъ Каподистрія, самъ грекъ по происхожденію, сочувствовалъ дѣлу освобожденія своей родины. Наконецъ греки, какъ христіане, разсчитывали, что союзъ христіанскихъ государей во главѣ съ императоромъ Александромъ станетъ на ихъ сторону и освободитъ Грецію отъ мусульманско-турецкаго господства. Но Александръ, а особенно Меттернихъ, усмотрѣлъ во всемъ этомъ стремленіе чисто революціоннаго характера. Въ турецкомъ султанѣ они видѣли представителя легитимной власти по отношенію къ грекамъ и на заявленіе той депутаціи, которая прибыла въ Верону, члены конгресса отвѣтили пол-

нѣйшимъ отказомъ и совѣтомъ подчиниться законному турецкому правительству. Самъ императоръ Александръ говорилъ, что онъ будетъ до конца проводить идеи Священнаго союза, что онъ никогда отъ нихъ не отступитъ и что вообще Священный союзъ это есть актъ самозащиты для государей отъ всякаго рода поползновеній со стороны народовъ. Значитъ, самъ Александръ ясно сознавалъ тотъ характеръ, который пріобрѣло это общеевропейское международное соглашеніе, установленное по его личной инициативѣ. Вполнѣ правы были, такимъ образомъ, современники, называвшіе Священный союзъ союзомъ королей противъ народовъ и усматривавшіе въ этомъ соглашеніи, сначала установленномъ на идейной религіозной почвѣ, актъ вполнѣ реакціонный, исключающій тѣ либеральные принципы, которыми обвѣяны были первыя начинанія императора Александра. Конечно, господа, если Александръ игралъ такую консервативную роль въ европейскихъ дѣлахъ, если онъ съ корнемъ вырвалъ изъ своей души то, чему прежде поклонялся, во что прежде вѣрилъ, если его мистическое настроеніе отразилось на всѣхъ международныхъ отношеніяхъ, то и въ дѣлахъ внутренней политики долженъ былъ сказаться его консервативный образъ мыслей. Въ лицѣ Меттерниха, этого вдохновителя обще-европейской реакціи, Александръ имѣлъ совѣтника въ международныхъ отношеніяхъ; въ лицѣ же другого помощника, графа Аракчеева, онъ получилъ пособника во всѣхъ мѣропріятіяхъ, касающихся Россіи. Тотъ режимъ, который устанавливается въ Германіи и въ другихъ странахъ З. Европы, послѣ Карлсбадскаго соглашенія положенъ былъ въ основу и русской внутренней политики. Исходя изъ началъ Священнаго союза, и стали уничтожать все то, чѣмъ жило русское общество въ первую половину царствованія Александра и чѣмъ руководилось правительство эпохи преобразовательныхъ начинаній. Въ лицѣ Аракчеева, „безъ лести преданнаго" государю, въ лицѣ этого „истинно русскаго неученаго" дворянина, какъ онъ самъ себя называлъ, Александръ имѣлъ человѣка, который безпрекословно проводилъ въ жизнь идеи, господствовавшія въ то время въ душѣ государя. Борьба съ проявленіями свободолюбія, борьба съ либеральными начинаніями - вотъ тотъ лозунгъ, которымъ охвачены всѣ мѣропріятія русскаго правительства съ 1815 по 1825 гг. Самъ

Аракчеевъ пользовался неограниченной властью. Его называли „вице-императоромъ" и онъ своей тусклой фигурой какъ бы заслонялъ отъ русскаго общества самого императора Александра. Въ настоящее время историческая наука достаточно выяснила взаимоотношенія между Аракчеевымъ и Александромъ. Теперь уже нельзя считать Аракчеева какимъ-то „геніемъ зла", какъ его называлъ когда-то Пушкинъ. Аракчеевъ не былъ человѣкомъ инициативы, онъ былъ только послушнымъ исполнителемъ того, что ему предписывалось сверху. Для насъ теперь вполнѣ ясно, что руководителемъ внутренней политики, идейнымъ творцомъ того режима, который установился съ 1815 г. въ Россіи, былъ никто иной, какъ самъ императоръ Александръ, и Аракчеевъ только выполнялъ тѣ предписанія, которыя онъ получалъ отъ государя. Одинъ изъ современниковъ, Лубеновскій, такъ характеризуетъ всесильнаго временщика: „онъ былъ похожъ на большую обезьяну въ мундирѣ, а въ его сѣрыхъ впалыхъ глазахъ и во всемъ выраженіи лица свѣтилась странная смѣсь ума и зависти." И вотъ этотъ-то злобный и мстительный человѣкъ, обладая безграничною властью, имѣя подъ рукою даже бланки за подписью государя, которые онъ заполнялъ по своему желанію,- могъ однихъ наказывать и ссылать въ Сибирь, а другихъ награждать, жалуя чины и ордена. Конечно, Аракчеевъ долженъ былъ въ глазахъ общества быть какъ бы вершителемъ судебъ государствъ. Но если мы всмотримся въ его дѣятельность, то мы усмотримъ въ ней только стремленіе быть проводникомъ тѣхъ самыхъ началъ, которыя осуществлялись въ европейской жизни по соглашенію между Александромъ и Меттернихомъ. Значитъ реакція устанавливалась въ Россіи совершенно не по личному почину графа Аракчеева. Въ чемъ же надо видѣть основной характеръ такъ называемой „аракчеевщины"? Борьба съ либеральными теченіями, борьба съ проявленіями свободолюбія должна была сказаться, прежде всего, на почвѣ подчиненія всего общества строгому казарменному режиму. Духъ военной дисциплины долженъ былъ проникнуть во всѣ изгибы, во всѣ извилины тогдашней жизни. И этотъ казарменный строй особенно ярко выразился въ такъ называемыхъ военныхъ поселеніяхъ. Сама идея поселенныхъ войскъ возникла у Александра еще въ 1810 г., но только послѣ событій наполеоновскихъ войнъ она начала осу-

ществляться въ широкихъ, грандіозныхъ размѣрахъ. Александръ хотѣлъ подчинить сельскихъ жителей военной дисциплинѣ: сдѣлать крестьянина солдатомъ, а солдата - крестьяниномъ. Въ этомъ видѣли двойное удобство: съ одной стороны населеніе будетъ подъ постояннымъ и неослабнымъ надзоромъ, а съ другой - содержаніе войскъ не будетъ обременять государственную казну. Въ цѣлыхъ 6 губерніяхъ: Петербургской, Новогородской, Могилевской, Слободско-Украинской (нынѣ Харьковской), Екатеринославской и Херсонской свободные государственные крестьяне были обращены въ военныхъ поселянъ. 748.519 душъ было зачислено въ военное вѣдомство. Между этими крестьянами размѣщены были войска и въ общей сложности цѣлая треть русской арміи была переведена на поселенное положеніе. Каждое село составляло роту; нѣсколько такихъ селеній были связаны однимъ общимъ батальоннымъ управленіемъ. Каждый крестьянинъ облекался въ военную форму и подчинялся строгому размѣренному порядку. По дневнику одного поселеннаго офицера Мартоса видно, что „съ трехъ часовъ утра начинается ученье и продолжается до 12 ч. дня. Затѣмъ одинъ часъ дается на одѣваніе людей къ разводу и одинъ часъ на самый разводъ; затѣмъ 2 часа для обѣда и роздыха, съ 4-хъ часовъ опять начиналось ученье и продолжалось до 9 час. вечера съ тѣмъ, чтобы въ 3 час. утра снова возобновиться." Конечно, въ лѣтнее страдное время извѣстные часы отводились для сельско-хозяйственныхъ работъ, но и эти работы совершались подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ военнаго начальства. Убирать поле, собирать хлѣбъ, обмолачивать его надо было такъ, какъ предписывало начальство. Поселенные офицеры находились въ большомъ затрудненіи: какъ это они одновременно будутъ являться и военными, и сельско-хозяйственными инструкторами. Все, начиная отъ мелочей семейной жизни, было подчинено строжайшей регламентаціи. Иногда однимъ росчеркомъ пера главное поселенное управленіе предписывало такихъ-то женить на такихъ-то, а такихъ-то выдать замужъ за такихъ-то. Въ результатѣ только одну цѣль преслѣдовалъ графъ Аракчеевъ, стоявшій во главѣ поселенныхъ войскъ, чтобы какъ можно болѣе было военныхъ поселянъ,- подростковъ записывали въ кантонисты, а незамужнія дѣвицы и вдовы были

на учетѣ и по велѣнію начальства ихъ выдавали замужъ за военныхъ поселянъ. Конечно, такой строгій, суровый режимъ приводилъ къ сильному раздраженію, сильному недовольству. Уже въ 1817 г. поселяне Новгородской губ. останавливаютъ на дорогѣ Николая Павловича и на колѣняхъ просятъ его: „Прибавь намъ подать, требуй изъ каждаго дома по сыну въ солдаты, отбери у насъ все, но не дѣлай всѣхъ насъ солдатами." Съ такой же просьбой обращаются и къ вдовствующей императрицѣ Маріи Федоровнѣ. Самому государю подавали прошенія объ избавленіи „крещенаго народа" отъ Аракчеева. Въ результатѣ же, когда на все это не было обращено никакого вниманія, возникъ сильный бунтъ въ Чудовѣ, одномъ изъ центральныхъ поселеній Новгородской губ. Самымъ жестокимъ образомъ расправился Аракчеевъ съ возмутившимися поселянами. А Александръ, узнавъ объ этомъ возмущеніи, сказалъ: „Военныя поселенія будутъ во всякомъ случаѣ, хотя бы пришлось уложить трупами всю дорогу отъ Петербурга до Чудова." Въ концѣ концовъ уже послѣ смерти императора Александра, когда въ 1831 г. вспыхнулъ громадный бунтъ военныхъ поселянъ въ связи съ холерой, для новаго государя Николая I ясно было, что всю эту затѣю, всѣ эти поселенныя войска надо уничтожить, какъ одно изъ самыхъ пагубныхъ учрежденій.

Порядки, господствовавшіе въ военныхъ поселеніяхъ, были перенесены въ концѣ царствованія Александра и въ гвардію и въ армію. Одинъ изъ боевыхъ генераловъ того времени, Сабанѣевъ, самъ отличавшійся большимъ пристрастіемъ къ фронтовой службѣ, писалъ Киселеву, будущему министру государ. имуществъ, 7-го декабря 1820 г.: „Бывало въ лагерѣ по вечерамъ пѣсни, веселье, - теперь ничего не услышишь, вездѣ „шнцгаузы" и цѣль арміи состоитъ изъ учебныхъ командъ. Чему же обучаютъ? стойкѣ, учебному шагу. Не совѣстно ли старикамъ, которыхъ ноги исходили десятки тысячъ верстъ, которыхъ тѣло покрыто ранами, учиться съ молодыми рекрутами!" А 11-го декабря того же года онъ пишетъ Киселеву: „на смотрахъ государь видитъ одну наружность, и всѣ прочіе думаютъ только о ней. У всякаго въ головѣ смотры, учебные шаги, хорошія стойки, быстрый взглядъ, вытянутый носокъ. Всѣ сіи ничтожные для истинной цѣли военной службы предметы настоль-

ко всѣхъ заняли, что нѣтъ минуты заниматься полезными предметами." Даже съ точки зрѣнія этого боевого генерала, новые порядки, вводимые людьми вродѣ Аракчеева или Клейнмихеля, были изъ рукъ вонъ плохи. Если новый строй военнаго управленія тяготилъ армію, то еще больше недовольства онъ возбуждалъ въ гвардіи, въ той гвардіи, которая привыкла къ привольному житью, которая въ XVIII вѣкѣ играла такую важную роль въ руской политической жизни. Особенно въ такихъ гвардейскихъ полкахъ, какъ Преображенскій и Семеновскій, это прежнее привольное житье пустило глубокіе корни. Такъ напр. въ Семеновскомъ полку, гдѣ было много образованныхъ, интеллигентныхъ офицеровъ во главѣ съ его командиромъ генераломъ Потемкинымъ, установились самыя хорошія отношенія между офицерами и солдатами. Въ немъ даже совершенно выведены были изъ употребленія тѣлесныя наказанія и кулачныя расправы, которыя практиковались еще въ другихъ гвардейскихъ и армейскихъ полкахъ. Солдаты здѣсь не были забиты; они не лишены были чувства человѣческаго достоинства. Но все это въ глазахъ высшаго начальства было опредѣленнымъ проявленіемъ либерализма, съ которымъ повсемѣстно боролись. Потемкинъ былъ смѣщенъ и на мѣсто его командиромъ полка былъ назначенъ Шварцъ, извѣстный фронтовикъ, самый жестокій начальникъ того времени. Солдаты, затянутые въ узкій мундиръ, съ тяжелыми ранцами на плечахъ, съ неудобнымъ киверомъ, державшимся на головѣ только небольшимъ ремешкомъ подъ подбородкомъ, должны были дѣлать учебный шагъ такъ, чтобы корпусъ не дрогнулъ, чтобы вытянутые носки находились на одной линіи, и самъ командиръ, наблюдая, иногда ложился на землю и смотрѣлъ на общую линію поднятыхъ ногъ. Идеалъ учебнаго шага состоялъ въ томъ, чтобы полный стаканъ съ водою, поставленный на киверъ, не дрогнулъ во время маршировки и вода не расплескалась. Такъ держали подъ ружьемъ, въ полной походной формѣ, измученныхъ солдатъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подъ рядъ. Естественно, что жестокое обращеніе съ солдатами, постоянныя кулачныя расправы, непрекращающіяся тѣлесныя наказанія, должны были вызвать недоволство среди семеновцевъ, и на парадѣ они подали начальству жалобу на своего полкового командира. Подача подоб-

ныхъ жалобъ была въ то время обычнымъ явленіемъ, и обыкновенно онѣ разсматривались высшимъ начальствомъ и по нимъ производилось дознаніе, но въ данномъ случаѣ усмотрѣли какое-то стремленіе къ проявленію неповиновенія, и въ результатѣ вся та рота, отъ которой была подана жалоба, отправлена была подъ арестъ, а такъ какъ другія роты были съ нею вполнѣ солидарны, то и онѣ отправились также въ манежъ, гдѣ были заарестованы. Обо всемъ этомъ было донесено императору Александру, который находился въ это время на конгрессѣ въ Троппау. Вся семеновская исторія была представлена какимъ-то военнымъ бунтомъ. А такъ какъ военныя революціи въ это время имѣли мѣсто и въ Испаніи, и на Аппенинскомъ полуостровѣ, то всякая попытка со стороны солдатъ проявить неповиновеніе признавалась чуть ли не революціей. Семеновскій полкъ былъ раскассированъ; всѣ офицеры его были переведены въ армію. Все это происходило въ 1820 г., и съ этого момента, можно сказать, идетъ уже сплошная реакціонная полоса во всѣхъ мѣропріятіяхъ русскаго правительства. На ряду съ военными строгостями, правительство издавало цѣлый рядъ стѣснительныхъ постановленій. Оно обратило самое пристальное вниманіе на проявленіе свободной мысли и общественнаго мнѣнія. Въ 1818 г. изданы были суровыя цензурныя правила, запрещавшія вообще касаться всякихъ государственныхъ мѣропріятій. Министръ Народнаго Просвѣщенія предписалъ при этомъ обратить вниманіе цензуры на то, чтобы въ журналахъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ ничего не печаталось ни въ защиту ни въ опроверженіе „вольности или рабства крестьянъ", какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Значитъ, всякаго рода общественные вопросы изгонялись изъ сферы тогдашняго печатнаго слова. Все казенное, все, касающееся правительства, не могло обсуждаться на страницахъ газетъ и журналовъ. Даже игра казенныхъ артистовъ, какъ находящихся на государственной службѣ, не могла подвергаться критикѣ съ 1818 г. Нѣкоторые цензоры доходили въ своемъ усердіи прямо до абсурда. Особенно въ этомъ отношеніи злоупотреблялъ своей цензорской властью извѣстный Красовскій. Будучи ханжой подобно многимъ

изъ современниковъ, онъ усердно клалъ земные поклоны по церквамъ, которыя любилъ посѣщать, раздавалъ всѣмъ духовно-назидательныя книжечки. Онъ запрещалъ статьи „О вредности грибовъ, ибо грибы - постная пища православныхъ, и писать о вредности ихъ значитъ подрывать вѣру и распространять невѣріе." Наиболѣе ярко сказывалось это реакціонное направленіе въ дѣятельности министерства народ.просвѣщенія. Во главѣ этого вѣдомства стоялъ князь А.Н.Голицынъ, который былъ одновременно и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода съ 1817 г. Въ лицѣ Голицына было какъ бы объединено 2 вѣдомства, церковнаго и народнаго образованія, и вслѣдъ за его назначеніемъ было учреждено министерство духовныхъ дѣлъ и народ.просвѣщенія. Уже въ одномъ этомъ назначеніи на постъ министра народ.прос. лица, занимавшаго высшую должность въ сферѣ синодальной администраціи, можно было наблюдать стремленіе подчинить вѣдомство народ.прос. тому строю, который установился въ духовной сферѣ. Вполнѣ понятно, что лица, подчиненныя князю Голицыну въ качествѣ попечителей учебныхъ округовъ, должны были въ своихъ мѣропріятіяхъ держаться тѣхъ принциповъ, которые въ это время господствовали въ общеевропейской реакціонной политикѣ. Основная цѣль новаго министерства полагалась въ томъ, чтобы „народное воспитаніе направить къ истинной, высокой цѣли, къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью, или, другими словами, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ." Надо было положить начала Священнаго союза въ основу народнаго образованія и объединить духовное дѣло и народ.прос. въ одинъ прочный союзъ. Всякое проявленіе либеральныхъ началъ въ дѣлѣ преподаванія преслѣдовалось самымъ строжайшимъ образомъ. Такъ напр. въ Петербургѣ были устранены отъ преподаванія четыре профессора самаго благонамѣреннаго образа мыслей, вся вина которыхъ заключалась только въ томъ, что они проявляли въ своихъ лекціяхъ независимое направленіе, отстаивали свободу науки. Это были извѣстные ученые: философъ Галичъ, государствовѣдъ Куницынъ, статистикъ Арсеньевъ и историкъ Раупахъ. Всѣ они были отданы подъ судъ, дѣло

тянулось нѣсколько лѣтъ, и только въ царствованіе Николая I оно было прекращено, потому что не было найдено никакихъ основаній для ихъ обвиненья. Но особенно рѣзко обнаружился этотъ духъ мракобѣсія въ громкой исторіи съ казанскимъ университетомъ во время управленія казанскимъ учебнымъ округомъ извѣстнаго Магницкаго. Магницкій былъ когда-то близокъ къ Сперанскому и служилъ подъ начальствомъ этого либеральнаго государственнаго дѣятеля: тогда онъ былъ прогрессистомъ. Когда же звѣзда Сперанскаго закатилась и онъ отправленъ былъ въ ссылку, тогда Магницкому естественно надо было избрать такой путь, который бы далъ ему возможность снова выдвинуться. Въ виду того, что въ то время религіозныя и мистическія начала стали брать верхъ, Магницкій быстро измѣнилъ фронтъ и сталъ усваивать себѣ идеи охранительнаго реакціоннаго порядка. Посланный на ревизію казанскаго университета по доносу одного медика, не допущеннаго тамъ къ преподаванію, онъ въ нѣсколько дней осмотрѣлъ университетъ и увидѣлъ, что тамъ гнѣздится крамола. Особенно сильное подозрѣніе возбудило въ немъ имя аббата Грегуара, числившагося въ составѣ почетныхъ членовъ университета, того самаго Грегуара, который вмѣстѣ съ членами конвента подписалъ смертный приговоръ Людовику XVI. Этого было достаточно, чтобы усмотрѣть революціонное направленіе преподаванія въ казанскомъ университетѣ. Тотчасъ же былъ изготовленъ докладъ, въ которомъ Магницкій докладывалъ, что „университетъ не можетъ выполнить возложенныхъ на него обязанностей, даже причиняетъ общественный вредъ, выпуская воспитанниковъ, зараженныхъ противнымъ религіи духомъ деизма." На этомъ основаніи Магницкій въ заключеніе предлагаетъ наказать Казанскій университетъ „публичнымъ стѣнъ онаго разрушеніемъ". Самому же Магницкому поручено было искоренить крамолу изъ преподаванія въ казанскомъ университетѣ, и вотъ составлена была знаменитая инструкція, которая затѣмъ была распространена и на другія высшія учебныя заведенія въ Россіи. Въ этой инструкціи всѣ науки дѣлились на благомыслящія и мечтательныя. Къ первымъ причислялось богословіе, а ко вторымъ всѣ остальныя. Всѣ рѣшительно преподаватели высшей школы должны были свои лекціи строить такъ, чтобы въ основѣ ихъ лежали истины

евангельскія, чтобы онѣ были проникнуты опредѣленнымъ благомыслящимъ направленіемъ. Преподаватели такихъ наукъ, какъ анатомія или философія, должны были сразу показать всю тщету ихъ научной дѣятельности. „Врачу исцѣлися самъ" стояло надъ каѳедрой профессора анатоміи; а надъ каѳедрой философіи имѣлась надпись изъ посланій ап. Павла: „Блюдитеся, да никтоже васъ прельститъ философіей". Этимъ самымъ уже какъ бы устанавливалось отрицательное отношеніе самого преподавателя къ читаемому имъ предмету. Но еще болѣе странными требованіями отличается эта инструкція въ тѣхъ своихъ пунктахъ, гдѣ она предписываетъ рѣшительно всѣмъ преподавателямъ проявлять въ своихъ лекціяхъ опредѣленныя религіозныя убѣжденія. Такъ напр. профессоръ государственнаго права для выясненія того или другого положенія своей науки долженъ былъ брать доказательства изъ Платона или Аристотеля, но никакъ не изъ другихъ философовъ, а если у этихъ философовъ онъ не находилъ достаточнаго матеріала, то долженъ былъ обращаться къ псалмамъ Давида, притчамъ Соломона и другимъ твореніямъ ветхаго и новаго завѣта. Что касается проф. исторіи, то онъ въ своихъ лекціяхъ долженъ былъ обходить молчаніемъ времена республики и революціи, новѣйшихъ событій отнюдь не касаться и всѣ свои старанія направить къ выясненію того, какъ отъ одной пары размножилось человѣчество. Проф. Россійской исторіи долженъ былъ въ своихъ лекціяхъ показать, что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства и докажетъ сіе распоряженіями по учебной части и духовною Владимира Мономаха. Что касается математики, то даже въ этой отвлеченной наукѣ и то надо было постоянно проводить идею о премудрости Божіей и о тщетѣ всего земного. Такъ, напр. проф. чистой математики Никольскій, занимавшій при этомъ мѣсто ректора, доказывалъ на своихъ лекціяхъ равенство треугольниковъ такими словами: „Съ Божіей помощью этотъ треугольникъ равенъ другому". Онъ отличалъ также, что въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ. „Какъ числа безъ единицъ быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ Единаго владыки существовать не можетъ", а „гипоте-

нуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, черезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ". Что касается самаго режима, который былъ установленъ въ казанскомъ университетѣ, то онъ поражаетъ своей схоластичностью, своимъ монастырскимъ характеромъ. Каждая бумага, исходящая изъ университетской канцеляріи вплоть до самыхъ мелкихъ административныхъ распоряженій, въ родѣ опредѣленія на должность низшихъ университетскихъ служителей, должна была имѣть такой заголовокъ: „Во имя Святой единосущной, нераздѣльной и животворящей Троицы". Весь строй студенческой жизни былъ подвергнутъ самому блительному надзору университетскаго начальства, въ составъ котораго кромѣ ректора и инспектора входили благонамѣренные помѣщики, обязанные наставлять студентовъ на путь истины. Провинившіеся студенты назывались грѣшниками и подвергались заключенію въ „комнатѣ уединенія", какъ назывался карцеръ. Здѣсь въ одеждѣ простого крестьянина - въ лаптяхъ и грубомъ армякѣ „кающійся" долженъ былъ сокрушаться о своихъ грѣхахъ. Каждый день приходилъ къ нему священникъ для душеспасительной бесѣды; затѣмъ послѣ исповѣди раскаявшагося грѣшника допускали для причастія. На стѣнѣ въ карцерѣ находилась большая картина Страшнаго Суда, гдѣ студентъ мѣломъ или углемъ долженъ былъ отмѣтить свое мѣсто среди грѣшниковъ. Во все время его заключенія остальные студенты вмѣстѣ съ профессорами на утренней и вечерней молитвѣ должны были просить Бога о прощеніи своего провинившагося собрата. Всѣ студенты дѣлились не въ зависимости отъ своихъ успѣховъ въ занятіяхъ, а на грѣшниковъ, кающихся и праведниковъ. Такимъ образомъ, въ казанскомъ университетѣ установленъ былъ довольно своеобразный строй, который отчасти былъ распространенъ и на другіе университеты. Людей независимаго образа мыслей, не желавшихъ подчиняться этому режиму, въ родѣ извѣстнаго харьковскаго профессора Шадена, заставляли подавать въ отставку и даже высылали за границу. Конечно, не одно только министерство народ.просв. проявило такое реакціонное направленіе въ своей дѣятельности. При-

помнимъ печальной памяти архимандрита Фотія, крайняго изувѣра и изступленнаго ханжу, который даже министра народ. просв. кн.Голицына подвергалъ анаѳемѣ за либеральный образъ мыслей. Въ самомъ обществѣ эти строго-охранительныя мѣропріятія находили себѣ поддержку. Такъ, напр., въ 1815 году появляется журналъ „Демокритъ", ставившій себѣ задачею борьбу съ либеральными идеями и съ источникомъ ихъ. По мнѣнію этого журнала, лучшее воспитаніе это то, въ которомъ ни одинъ университетъ не принимаетъ участія: для образованія достаточно „всещедрой" природы. Для образованнаго человѣка достаточны „врожденная тихость и умѣренность въ желаніяхъ", отсутствіе „мечтательнаго умствованія". Особенно сильно сказалось это стремленіе бороться съ отвлеченными философскими и либеральными принципами въ дѣятельности такъ называемаго „библейскаго общества". Сама идея этого общества была заимствована изъ Англіи. Являясь полу-религіознымъ, полу-филантропическимъ учрежденіемъ, библейское общество должно было на почвѣ проповѣдыванія слова Божія заниматься добрыми дѣлами. Но вслѣдствіе того, что оно находилось подъ покровительствомъ тогдашняго правительства, что во главѣ его стоялъ самъ князь Голицынъ, проповѣдь слова Божія сдѣлалась какъ бы орудіемъ борьбы со всякаго рода проявленіемъ либеральныхъ началъ. Само общество пріобрѣло полуофиціальный характеръ и всѣ должностныя лица до губернаторовъ и капитанъ-исправниковъ включительно считали своей обязанностью вступать членами въ его губернскія отдѣленія. Опираясь на библейское общество, на его авторитетъ, старались установить ту религіозную опеку, которая въ результатѣ приводила къ реакціонному господству, и такіе люди, какъ Магницкій въ Казани и Руничъ, попечитель петербургскаго округа, были постоянными посѣтителями его собраній. Дѣло доходило до того, что библейское общество стремилось къ распространенію слова Божьяго среди восточныхъ инородцевъ. Калмыцкій князь Тюменъ, послушный велѣніямъ изъ Петербурга, сообщалъ кн.Голицыну, что „соотвѣтствуя приказаній" его, онъ читаетъ присланную книгу (Библію) и надѣется заставить читать всенародно всю свою орду. А ректоръ астраханской семинаріи выражалъ свое удивленіе, что

„многіе калмыки, вѣроятно, по простотѣ понятій и невѣжеству не совсѣмъ охотно пользуются симъ даромъ „Всеблагого Бога". Во всемъ этомъ нельзя не видѣть стремленія къ опекѣ, стремленія подчинить всѣ проявленія жизни опредѣленному режиму, покоящемуся на идеяхъ, положенныхъ въ основу Священнаго Союза. Что касается русскаго общества, то въ немъ также сильно сказывалось реакціонное направленіе. Прежній мистицизмъ, проявлявшійся въ масонскихъ организаціяхъ, послѣ торжества повсемѣстно въ Европѣ романтической идеологіи, обрѣлъ и у насъ въ Россіи большое значеніе. Самъ императоръ Александръ подчинился вліянію баронессы Крюденеръ, экзалтированной піэтистки, считавшей себя настоящей пророчицей, какимъ-то орудіемъ божественнаго промысла. Онъ любилъ бесѣдовать съ представителями разныхъ религіозныхъ сектъ, напр. съ извѣстнымъ проповѣдникомъ скопцомъ Кондратьемъ Селивановымъ, которому въ награду былъ даже данъ чинъ коллежскаго регистратора. Это настроеніе государя должно было отразиться на высшихъ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ. Разнаго рода мистическія общества стали организовываться въ Петербургѣ. Напр. кружокъ полковницы Татариновой былъ прибѣжищемъ для многихъ ищущихъ, желавшихъ найти въ религіозномъ экстазѣ выходъ всѣмъ своимъ стремленіямъ, всѣмъ своимъ сомнѣніямъ. Этотъ кружокъ привлекалъ къ себѣ многихъ представительницъ и представителей высшаго общества. Такимъ образомъ, на смѣну прежнимъ свободолюбивымъ и раціоналистическимъ идеямъ стали господствовать въ обществѣ мистическіе таинственные символы. Эккартгаузенъ, Юнгъ-Штиллингъ переводятся въ огромномъ для того времени количествѣ. Появляются всевозможныя „Божественныя философіи", „Гармонія міра", „Таинство Христа" и т.д. Съ 1813-1823 гг. вышло до 60 мистическихъ сочиненій. Одно это уже показываетъ, какой большой спросъ былъ на нихъ въ то время. Слѣдовательно и на книгахъ, распространявшихся въ Россіи, отразилась та реакція, которая въ эти годы господствовала и въ общественныхъ и правительственныхъ сферахъ какъ у насъ, такъ и въ З.Европѣ. Но что же правительство императора Александра совершенно не обращало вниманія на тѣ потребности, которыя выдвигала сама жизнь? Неужели основ-

ной жизненный вопросъ, вопросъ крестьянскій, былъ окончательно снятъ съ очереди? Дѣйствительно, крѣпостное право было настолько вопіющимъ зломъ того времени, что обойти его молчаніемъ было рѣшительно невозможно. Самъ императоръ Александръ еще въ 1807 г. сказалъ генералу Савари, французскому послу при русскомъ дворѣ: „Я хочу вывести народъ изъ того варварскаго состоянія, въ которомъ онъ находится при существованіи торга людьми. Я скажу даже болѣе. Если бы образованность была на болѣе высокой степени, я уничтожилъ бы рабство, если бы это даже стоило мнѣ жизни." Такъ рѣшителенъ былъ Александръ въ началѣ своего царствованія. Подъ вліяніемъ настроенія, господствовавшаго въ правительственныхъ сферахъ, и въ обществѣ заговорили о необходимости разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Вольно-экономическое общество въ 1812 г. поставило на разрѣшеніе задачу, что выгоднѣе: трудъ крѣпостной или вольно-наемный? Этимъ какъ бы возбуждался въ дворянскихъ помѣщичьихъ кругахъ другой вопросъ: не выгодна ли отмѣна крѣпостного права? Отвѣтъ, присланный на данную тему проф. Якобомъ, былъ увѣнчанъ первой наградой въ 100 червонцевъ. Онъ высказывался вполнѣ опредѣленно, что крестьянъ надо освободить, но только Якобъ, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ то время воззрѣній, считалъ, что освобожденіе крестьянъ можетъ быть произведено безъ земли. Послѣ отечественной войны въ 1816-19 гг. была проведена крестьянская реформа въ Остзейскихъ губерніяхъ. Тамъ были освобождены крестьяне, но освобождены они были безъ земельнаго обезпеченія. До 40 тыс. крестьянъ получили личную свободу, но земля имъ давалась на слѣдующихъ условіяхъ: изъ всей земельной площади, находящейся во владѣніи даннаго помѣщика, выдѣлялась опредѣленная часть подъ названіемъ крестьянской земли (Bauerland'a). Эту землю по арендному договору помѣщикъ долженъ былъ отдавать въ пользованіе тѣмъ или другимъ изъ освобожденныхъ крестьянъ. Значитъ, крестьяне земельное обезпеченіе получали по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ и при этомъ далеко не всѣ, а только тѣ, которые могли выполнить условія данной аренды. Но что особенно

слѣдуетъ отмѣтить, такъ это отношеніе правительства къ вопросу о безземельномъ освобожденіи крестьянъ. Александръ I благодарилъ въ 1819 г. лифляндскихъ дворянъ и сказалъ: „Вашъ примѣръ достоинъ подражанія: вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ." Такимъ образомъ, и во второй половинѣ своего царствованія Александръ проявилъ склонность къ освобожденію крестьянъ, но къ освобожденію безъ земельнаго обезпеченія. Что касается изданнаго еще въ 1803г. закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, то онъ не имѣлъ почти никакого примѣненія на практикѣ, такъ какъ дворянъ, пожелавшихъ воспользоваться имъ, оказалось очень немного. Всего только 47153 ревиз.души получили свободу на основаніи этого закона. Но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ крестьянскій вопросъ привлекалъ къ себѣ вниманіе, такъ въ 1818 г. князь Репнинъ, генералъ-губернаторъ юго-западнаго края, испрашивалъ у государя позволенія на образованіе подъ его предсѣдательствомъ совѣщанія изъ предводителей дворянства и депутатовъ по два отъ каждаго уѣзда для опредѣленія „мѣръ работъ", т.е. урочнаго положенія, съ тѣмъ, чтобы постановленіе этого собранія было представлено на усмотрѣніе государя. Но имп.Александръ не далъ на это своего согласія. Въ 1820 г. въ Петербургѣ должно было образоваться общество, въ составъ котораго входило нѣсколько крупныхъ землевладѣльцевъ: гр.Воронцовъ, гр.Потоцкій, кн.Меньшиковъ, а также нѣкоторые изъ писателей того времени - кн.Вяземскій и братья Тургеневы. Это общество поставило себѣ цѣлью выработать проектъ освобожденія крестьянъ путемъ добровольныхъ договоровъ между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Одинъ изъ членовъ этого кружка кн.Васильчиковъ ходатайствовалъ передъ государемъ о разрѣшеніи на открытіе такого общества. Но Александръ отнесся къ этому несочувственно и выразилъ желаніе, чтобы каждый изъ задумавшихъ это дѣло поработалъ особнякомъ и представилъ свой проектъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Значитъ, общественная инициатива въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія парализовалась правительствомъ. И самъ крестьянскій вопросъ ликвидировался

весьма медленными и нерѣшительными мѣропріятіями. Нѣсколько законовъ, благопріятныхъ для крестьянъ, было издано въ это время. Напр. въ 1817 и 21 г.г. подтверждено было право крестьянъ подавать жалобы на своихъ помѣщиковъ, а въ 1808 г. изданъ былъ законъ о непродажѣ крестьянъ на ярмаркахъ, но, къ сожалѣнію, и то и другое не находило себѣ широкаго примѣненія въ жизни и крестьяне, о которыхъ Александръ думалъ, что они благоденствуютъ, находились въ самомъ тяжеломъ, подчасъ даже невыносимомъ положеніи. Слѣдовательно, наиболѣе важный вопросъ дореформенной Россіи не подвергался всестороннему и радикальному разрѣшенію и на немъ, можно сказать, лежитъ все та же печать реакціоннаго режима послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I. Но Александръ все же не окончательно отвернулся отъ тѣхъ мечтаній юности, съ которыми связана эпоха преобразовательныхъ начинаній. Въ 1818 г. онъ открываетъ въ Царствѣ Польскомъ сеймъ, органъ народнаго представительства, въ составъ котораго входили депутаты отъ дворянства и городовъ, - органъ законодательной власти. Въ рѣчи, произнесенной по этому поводу въ Варшавѣ, онъ указалъ довольно опредѣленно, что предполагаетъ со временемъ и на Россію распространить либеральныя польскія учрежденія, когда она будетъ болѣе образована. Въ томъ же 1818 г. Новосильцевъ, бывшій членъ неофиціальнаго комитета, получилъ порученіе составить проектъ конституціи для Россіи. Новосильцевъ предполагалъ ввести въ Россіи федеративное устройство, подраздѣляя ее на рядъ крупныхъ областей, въ которыхъ учреждались провинціальные сеймы для обсужденія своихъ мѣстныхъ дѣлъ, а въ центрѣ создавался общегосударственный сеймъ, составъ котораго наполнялся по назначенію правительствомъ изъ избранныхъ кандидатовъ. При этомъ сеймъ былъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ и состоялъ изъ 2-хъ палатъ. Значитъ, въ этомъ проектѣ Новосильцева, не получившемъ утвержденія со стороны государя, проявлялась довольно охранительная тенденція въ сферѣ организаціи народнаго представительства. Это былъ значительный шагъ назадъ сравнительно съ тѣмъ, что было составлено Сперанскимъ въ 1809 г. Такимъ образомъ, Александръ то заявлялъ

о томъ, что онъ распространитъ свободныя польскія учрежденія на Россію, то отказывалъ въ своемъ утвержденіи даже такимъ скромнымъ проектамъ, какимъ была уставная грамота, составленная Новосильцевымъ. Однако мысль о необходимости коренныхъ преобразованій не покидала его и въ 1824 г., за годъ до своей смерти въ разговорѣ съ Лубяновскимъ, онъ сказалъ: „Славы для Россіи довольно: больше не нужно; ошибется, кто больше пожелаетъ. Но когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце какъ 10-пудовая гиря. Отъ этого устаю." Итакъ, Александръ на склонѣ своихъ дней сознавалъ, что не сдѣлалъ того, что ожидало отъ него общество при вступленіи его на престолъ, что онъ не выполнилъ тѣхъ чаяній, тѣхъ надеждъ, которыя высказывались устами Каразина и другихъ представителей передовыхъ общественныхъ теченій, что онъ не осуществилъ того, о чемъ бесѣдовалъ и съ членами неофиціальнаго комитета и со Сперанскимъ въ эпоху расцвѣта своихъ либеральныхъ проектовъ. Въ результатѣ правительство въ последніе годы царствованія Александра выпустило изъ своихъ рукъ нить преобразовательныхъ начинаній. Въ прежнее время правительство шло во главѣ общества; оно вело его по пути коренныхъ государственныхъ преобразованій. Послѣ же Наполеоновскихъ войнъ правительство окончательно усвоило охранительную политику. Оно отстало отъ жизни; оно хотѣло тормозить тѣ начинанія, которыя выдвигались историческимъ ходомъ событій. Но общество все цѣликомъ не могло быть окончательно парализовано мѣропріятіями Аракчеева, Голицына, Рунича и Магницкаго и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя держали въ это время въ своихъ рукахъ бразды правленія. Въ нѣдрахъ русскаго общества шла своя напряженная работа; оно предъявляло свои запросы, оно по-своему реагировало на тѣ потребности, которыя выдвигались самой жизнью въ исходѣ царствованія Александра.

Декабристы.

Въ то время, какъ правительство все глубже уходило въ реакцію и квіетизмъ, русское общество подъ вліяніемъ тѣхъ же освободительныхъ войнъ вступало на новый путь своего историческаго развитія. Во время походовъ 1813-15 г.г. большое количество русскихъ молодыхъ людей побывало заграницей. Эта дворянская молодежь была охвачена той жаждой знанія, которую вообще проявляли въ это время представители молодого поколѣнія. Все это были люди, принадлежащіе къ лучшимъ дворянскимъ фамиліямъ, прекрасно образованные, окончившіе или среднія учебныя заведенія или даже университетъ, а нерѣдко получившіе воспитаніе подъ руководствомъ гувернеровъ-иностранцевъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя они вынесли изъ школы или изъ дома, они пополняли теперь чтеніемъ книгъ и наблюденіями надъ порядками заграничной жизни. Въ это время наблюдался какъ разъ расцвѣтъ той исторической и публицистической литературы, которая въ результатѣ наложила глубокій слѣдъ на развитіе европейской общественной мысли. Въ моментъ, когда перестраивалась западно-европейская государственная жизнь, старые авторитеты въ области государственнаго права и нѣкоторые новѣйшіе ихъ комментаторы привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. На ряду съ Монтескье и Дэтю-де-Трасси зачитывались трактатами Венжамена Констана и Вентама и на этихъ произведеніяхъ воспитывали свое политическое міровоззрѣніе. Въ то же самое время и трактаты Руссо и сочиненія аббата Мабли не были забыты. Такимъ образомъ, старина съ новизной въ отношеніи публицистической литературы оказывали сильное воздѣйствіе на европейское общественное мнѣніе. Вполнѣ понятно, что русская дворянская молодежь охотно знакомилась съ этими сочиненіями и вмѣстѣ съ тѣмъ черпала свои свѣдѣнія о событіяхъ, совершавшихся въ З.Европѣ, изъ газетъ и журналовъ, выходившихъ въ это время въ большомъ количествѣ. Такъ, напр., въ царскосельскомъ лицеѣ, закрытомъ и привилегированномъ учебномъ заведеніи, запрещенныя книги и радикальныя газеты находили себѣ большое количество читателей. На ряду съ заграничными

изданіями на молодое поколѣніе оказывали сильное вліяніе и русскія сочиненія того времени, какъ-то: IX т. „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина, гдѣ была дана характеристика царствованія Іоанна Грознаго, нѣкоторыя стихотворенія Пушкина и Рылѣева, „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" Радищева, которое въ то время почти совершенно было изъято изъ обращенія. Подъ вліяніемъ этихъ литературныхъ сочиненій съ одной стороны и общественныхъ традицій - съ другой, воспитывалось молодое поколѣніе, выступившее на историческую сцену въ 20-хъ годахъ XIX в. По словамъ одного изъ декабристовъ, бар. Штейнгеля, между молодымъ поколѣніемъ александровской эпохи и русской интеллигенціей царствованія Екатерины II была тѣсная неразрывная связь. Идеи Новикова не угасли, и лица, вышедшія изъ новиковскаго кружка, оказывали сильное вліяніе на общественное мнѣніе въ первые годы правленія Александра. „Ученики и послѣдователи Новикова, читаемъ въ письмѣ бар.Штейнгеля къ имп. Николаю отъ 11 янв. 1826 г., первые явились на сценѣ, когда при началѣ царствованія въ Бозѣ почившаго государя открылось вожделѣнное намѣреніе его просвѣтить Росію и уничтожить въ ней рабское состояніе." Сверхъ того сильное организующее вліяніе оказали на декабристовъ и масонскія ложи. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. „Трехъ добродѣтелей" или „Les amis réunis", были членами многіе изъ декабристовъ, между прочимъ Муравьевъ и Пестель. Такимъ образомъ, идея солидарности, идея совмѣстной работы была привита здѣсь будущимъ дѣятелямъ 14-го декабря 25 года. Такова была подготовка тѣхъ лицъ, которыя впослѣдствіи выступили на арену съ пропагандой либеральныхъ и радикальныхъ началъ, а пребываніе за границей еще болѣе расширило ихъ кругозоръ. Въ запискахъ одного изъ дѣятелей „Южнаго Общества", князя Волконскаго, встрѣчаемъ, напримѣръ, откровенное указаніе, что на путь политической критики привело его знакомство съ нѣмецкимъ патріотомъ Ю.Грунеромъ, отъ котораго онъ получилъ „болѣе познаній объ обязанностяхъ гражданина къ отечеству." Въ тѣхъ же запискахъ ярко обнаруживается могучее вліяніе заграничныхъ походовъ на выработку политическаго міровоззрѣнія будущихъ декабристовъ. „Кампаніи

12-го года и послѣдующихъ 13 и 14 г.г., по словамъ кн. Волконскаго, сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія - рѣзко высказались уму и сердцу многихъ." Слѣдовательно, возможность сравнивать свое съ чужимъ, возможность критически относиться къ окружающему начинала проникать въ сознаніе молодого поколѣнія тѣхъ гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ, которые возвращались изъ заграничныхъ походовъ въ 1815-16 г. А возвращались они въ возбужденномъ, радостномъ настроеніи: „Мы были сыны 12-го года", заявляетъ декабристъ Якушкинъ, „порывомъ нашего сердца было жертвовать всѣмъ, даже жизнью, во имя любви къ отечеству. Въ нашихъ чувствахъ не было эгоизма. Призываю въ свидѣтели самого Бога". И дѣйствительно, лица, которыя прошли изъ конца въ конецъ всю З.Европу, которыя подышали свободнымъ воздухомъ европейскихъ странъ, видѣли реставрацію старой династіи во Франціи съ сохраненіемъ въ ней конституціоннаго строя, которымъ было извѣстно, что и въ Царствѣ Польскомъ, и въ цѣломъ рядѣ германскихъ государствъ введена была конституція, которымъ во время походовъ „свободу проповѣдывали и манифесты, и воззванія, и приказы", всѣ эти лица разсчитывали на коренныя преобразованія въ самой Россіи. И что же они встрѣтили? Вмѣсто политической и соціальной реформы на нихъ пахнуло затхлымъ запахомъ застоя и реакціи. Вмѣсто конституціи они были охвачены аракчеевщиной. Ропотъ разнесся по всей Россіи. Роптали всѣ, начиная съ солдатъ и кончая генералами. Ополченцы, которыхъ оторвали отъ дома и сохи, возвращаясь изъ З.Европы, говорили: „Мы проливали кровь, а насъ заставляютъ опять потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа." Если такія рѣчи раздавались среди народной массы, среди ополченцевъ, которые попадали подъ строгій режимъ крѣпостного права, то вполнѣ понятно, что и въ общественной средѣ разливалось недовольство все шире и шире. „Тогда-то, пишетъ имп. Николаю изъ крѣпости декабристъ Бестужевъ-Марлинскій,-

стали говорить военные: для того ли освободили мы Европу, чтобы наложить ея цѣпи на себя? для того ли дали конституцію Франціи, чтобъ не смѣть говорить о ней?" Въ такой-то атмосферѣ полнаго недовольства и возмущеннаго разочарованія и зарождалась та идея, которая впослѣдствіи привела къ организаціи цѣлаго ряда тайныхъ обществъ. Эти тайныя общества слагались подъ воздѣйствіемъ самыхъ разнообразныхъ условій. На ряду съ тѣмъ литературнымъ вліяніемъ, о которомъ я уже упоминалъ, были вліянія и болѣе практическія, почерпнутыя изъ знакомства съ западно-европейскимъ общественнымъ настроеніемъ. Дѣло въ томъ, что на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій и въ Германіи, и въ Италіи сильно возбуждены были національныя чувства. Сознаніе необходимости сплотиться и образовать обширный политическій союзъ пробудилось какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи. Борьба съ государями, которые держали иногда своихъ подданныхъ въ самыхъ тяжкихъ, самыхъ суровыхъ условіяхъ стараго порядка, сдѣлалось лозунгомъ и въ итальянскихъ государствахъ, и въ цѣломъ рядѣ германскихъ странъ. Въ Италіи подъ вліяніемъ, можетъ быть, еще средневѣковыхъ традицій, подъ вліяніемъ тѣхъ воспоминаній, которыя шли изъ отдаленной старины, образовались небольшіе тайные кружки, такъ называемыхъ „карбонаріевъ", и въ этихъ-то кружкахъ зарождалась идея цѣлостнаго итальянскаго государства на почвѣ національнаго объединенія, національной независимости. Во имя осуществленія этого плана не отвергались никакія средства, вплоть до террора, вплоть до убійства изъ-за угла. Такъ какъ приходилось дѣйствовать въ очень тяжелыхъ условіяхъ, то вполнѣ понятно, что непроницаемымъ покровомъ были окутаны всѣ эти кружковыя организаціи, что планы и предположенія обсуждались и развивались въ самой таинственной, самой сокровенной обстановкѣ. Карбонарій былъ заговорщикомъ по существу и предполагалъ, что дѣйствіемъ одного человѣка, что одной личной волей можно пересоздать существующій политическій строй. Что касается Германіи, то тамъ, какъ разъ въ то же самое время, когда карбонаризмъ распространилъ своё вліяніе на Аппенинскомъ полуостровѣ, зарождалась другая организація, такъ называемый

„Tugendbund" („Союзъ Добродѣтели"). Здѣсь были нѣсколько иныя условія для политической пропаганды. Члены Tugendbund'а предполагали сокрушить наполеоновское господство, объединить Германію и придать ей независимость отъ ига Наполеона путемъ привлеченія къ филантропической и общественной дѣятельности широкихъ народныхъ массъ. Только тогда, когда въ народѣ будетъ подготовлена почва, можно будетъ приступить къ дѣлу. Подготовительныя мѣропріятія должны привести къ установленію государственнаго строя, покоящагося на политическомъ равенствѣ и соціальной справедливости. Входившіе въ организацію Tugendbund'а прежде всего должны были давать клятву, что они освободятъ своихъ крѣпостныхъ, если таковыхъ имѣютъ, такъ какъ рабовладѣльцы не могли быть участниками этого „Союза Добродѣтели". Въ Tugendbund'ѣ было значительно меньше таинственности, такъ какъ ему открыто покровительствовалъ и прусскій король и его министръ Штейнъ и Гарденбергъ. Такимъ образомъ, и итальянскія, и германскія организаціи оказывали извѣстное воздѣйствіе на тѣхъ лицъ, которыя интересовались общественнымъ почином, въ широкихъ политическихъ и соціальныхъ начинаніяхъ З.Европы. Дѣйствительно, какъ извѣстно изъ дальнѣйшей дѣятельности тайныхъ обществъ, оба эти вліянія имѣли своихъ послѣдователей среди членовъ „Союза Спасенія", „Союза Благоденствія" и наконецъ „Сѣвернаго и Южнаго тайныхъ обществъ". Карбонаріи изъ Италіи и отчасти изъ Швейцаріи имѣли непосредственныя сношенія съ Польшей и Россіей. Значитъ, не только вліяніе идей, но и вліяніе личное могло сказываться среди участниковъ тайныхъ организацій, союзовъ и кружковъ въ Россіи второй половины александровской эпохи. Когда мы знакомимся съ міровоззрѣніемъ будущихъ членовъ той организаціи, которая привела къ движенію 14 декабря 1825 г., когда мы знакомимся съ міровоззрѣніемъ декабристовъ, то мы, прежде всего, должны констатировать тотъ фактъ, что это движеніе было оторвано отъ широкой народной массы. Такъ же, какъ карбонаріи въ Италіи, члены русскихъ тайныхъ обществъ вѣрили только въ свою личную силу. Они были тѣми революціонерами, которые впослѣдствіи получили названіе бланкистовъ. Они думали, что одной личной

волей можно создать новый строй, можно перестроить всѣ, иногда вѣками установленныя отношенія. „Найдись у насъ десять человѣкъ истинно благомыслящихъ и вмѣстѣ даровитыхъ, все приняло бы другой видъ", писалъ одинъ изъ декабристовъ, М.Орловъ въ 1819 г. Другой декабристъ, самый выдающійся дѣятель тайныхъ обществъ, Пестель говорилъ еще болѣе рѣшительно въ 1825 г.: „Народная масса не имѣетъ никакого значенія: она будетъ тѣмъ, чего захотятъ отдѣльныя личности, которыя составляютъ все". Можетъ быть, въ этомъ-то основномъ принципіальномъ положеніи и надо искать причину неудачи тайныхъ обществъ, когда отъ словъ пришлось перейти къ дѣлу. Всматриваясь въ декабризмъ, въ то идейное движеніе, которое получило ярко политическую и соціальную окраску во второй половинѣ царствованія Александра, передъ нами, прежде всего, выступаетъ одна особенность,- это быстрая смѣна тѣхъ общественныхъ организацій, въ которыхъ вращались члены будущаго движенія 14 дек. 1825 г. Эта смѣна однѣхъ организацій другими вызывалась не какими-нибудь сторонними вмѣшательствами, а именно тѣми треніями, которыя возникали въ средѣ самихъ декабристовъ, тѣми политическими разногласіями, которыя имѣли мѣсто въ этихъ кружковыхъ организаціяхъ. Въ 1816 г. одновременно учреждаются два общества. Ген.Орловъ и гр.Дмитріевъ-Мамоновъ, подъ вліяніемъ старыхъ масонскихъ традицій, хотѣли основать общество русскихъ рыцарей; но въ то время, какъ они предполагали образовать этотъ полу-политическій, полу-мистическій кружокъ, имъ сдѣлалось извѣстно, что въ Петербургѣ незадолго возникла другая тайная организація, которая объединила очень многихъ изъ представителей гвардейскаго офицерства. Это былъ „Союзъ Спасенія или Истинныхъ и Вѣрныхъ Сыновъ Отечества". Въ январѣ 1817 г. онъ окончательно конституировался послѣ того, какъ былъ выработанъ уставъ, составленный Пестелемъ. Въ этомъ „Союзѣ", къ которому примкнули и Орловъ съ Мамоновымъ, ярко сказывались также масонскія традиціи. Внѣшнимъ символамъ и обрядовому ритуалу придавалось слишкомъ большое значеніе; всѣ члены дѣлились по степенямъ, какъ въ масонскихъ ложахъ. Каждый, кто входилъ въ составъ этого

Союза, долженъ былъ давать клятву въ томъ, что онъ будетъ вѣренъ всѣмъ его постановленіямъ и никому не выдастъ того, что узнаетъ при поступленіи въ это общество. Его цѣлью, какъ говорилось лицамъ, менѣе посвященнымъ, было освобожденіе крестьянъ. На самомъ же дѣлѣ - введеніе конституціоннаго монархическаго порядка было главнымъ началомъ, положеннымъ въ основу устава, который былъ составленъ Пестелемъ и получилъ названіе „Зеленой книги", по цвѣту его переплета. Члены „Союза Спасенія" должны были „подвизаться всѣми силами на пользу общую, поддерживать всѣ благія мѣры правительства и полезныя частныя предпріятія, препятствовать всякому злу и для того обличать злоупотребленія чиновниковъ и безчестные поступки частныхъ лицъ". Среди многихъ изъ членовъ Союза Спасенія была распространена мысль, что если государь не ограничитъ своей власти конституціей, то не присягать его преемнику до тѣхъ поръ, пока онъ не введетъ у насъ ограниченныя формы правленія. Значитъ, на ряду со всякаго рода благотворительными, филантропическими дѣлами въ основѣ этого „Союза Спасенія" лежалъ конституціонно-монархическій принципъ, стремленіе пересоздать нашъ государственный порядокъ на новыхъ народно-представительныхъ началахъ. „Союзъ Спасенія" просуществовалъ недолго. Конечно, съ одной стороны, туманность его цѣлей и задачъ, съ другой стороны та роль, которую игралъ въ немъ Пестель, человѣкъ желѣзной силы воли и громаднаго ума, стремившійся всѣхъ подчинить своему авторитету, заставили многихъ изъ членовъ выйти изъ состава „Союза Спасенія". И дѣйствительно, когда въ 1817 г. образовалось другое общество - „Союзъ Благоденствія", то туда вслѣдъ за Муравьевымъ перешло большинство членовъ прежняго „Союза Спасенія". Этотъ „Союзъ Благоденствія" былъ какъ бы сколкомъ уже не съ организацій итальянскихъ карбонаріевъ, а съ нѣмецкаго Tugendbund'a. Болѣе широкія цѣли, которыя преслѣдовала эта новая тайная организація, менѣе суровая дисциплина, лежавшая въ ея основѣ, привлекали въ составъ „Союза Благоденствія" большое количество членовъ изъ петербургскихъ военныхъ сферъ и изъ второй арміи. Этотъ „Союзъ Благоденствія" просуществовалъ цѣлыхъ 4 года, и по уставу его, на которомъ сильно сказалось вліяніе нѣмецкаго Tugendbund'a, можно видѣть, какъ измѣнялось міровоззрѣ-

ніе челновъ тайныхъ обществъ за первые годы ихъ существованія. Каждый членъ союза долженъ былъ стремиться всякими способами содѣйствовать распространенію идеи освобожденія крестьянъ; если у кого-либо изъ членовъ были собственные дворовые люди, то они должны были дать имъ свободу, чтобы не было ни у кого крѣпостныхъ людей въ услуженіи. Это конечно не то требованіе освободить крестьянъ съ землею, которое мы встрѣчаемъ въ уставѣ Tugendbund'a. Однако идея коренной соціальной реформы, идея уничтоженія крѣпостного права хотя бы въ отдаленномъ будущемъ лежала въ основѣ програмы Союза Благоденствія. Кромѣ того и вопросъ о реформѣ нашего государственнаго строя не былъ чуждъ его членамъ, хотя далеко не всѣ склонялись къ какой-либо одной политической программѣ. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ то засѣданіе, которое имѣло мѣсто въ Москвѣ въ 1821 г., когда съѣхались члены такъ называемой коренной думы, стоявшей во главѣ Союза Благоденствія. Здѣсь подъ предсѣдательствомъ Николая Тургенева обсуждался вопросъ о томъ, какую форму правленія слѣдуетъ предпочесть: наслѣдственную монархію или республику съ президентомъ во главѣ? Громадное большинство членовъ этого совѣщанія высказалось за республику, и таким образомъ Пестель впослѣдствіи въ своихъ показаніяхъ предъ верховнымъ судомъ могъ вполнѣ опредѣленно утверждать, что члены Союза Благоденствія склонялись къ республиканской формѣ правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ членовъ этого союза полагали, что до тѣхъ поръ, пока не пришло время выступить на путь активной борьбы съ существующими условіями, надо вести пропаганду всякими способами. Они устраивали школы по деревнямъ, бесѣдовали съ крестьянами, обучали солдатъ грамотѣ въ такъ наз. ланкастерскихъ школахъ, старались о томъ, чтобы искоренены были суровыя тѣлесныя наказанія въ полкахъ и т.д. Этимъ какъ бы подготовлялась почва для будущаго конституціоннаго строя, о которомъ мечтало большинство членовъ Союза Благоденствія. Сверхъ того, многіе изъ его членовъ старались распространять въ обществѣ и оригинальныя, и переводныя сочиненія о государственномъ правѣ и политической экономіи и стремились проводить въ различнаго рода учрежденія такихъ благомыслящихъ

чиновниковъ, которые могли бы придать дѣятельности нашей администраціи новое, болѣе либеральное направленіе. Слѣдовательно, въ этой организаціи не было стремленія какъ можно скорѣе измѣнить существующій порядокъ и, наоборотъ, преобладала тенденція длительнымъ постепеннымъ путемъ подходить къ необходимой реформѣ, т.е. то самое теченіе, которое отмѣчено въ нѣмецкомъ Tugendbund'ѣ въ 1805-1809 г.г. До тѣхъ поръ, пока правительство не преслѣдовало тайныя организаціи, пока существовали въ Россіи масонскія ложи, можно было проводить въ жизнь идеи Союза подъ флагомъ масонства. Но какъ вамъ извѣстно, въ 1822 г. масонскія ложи были повсемѣстно закрыты и для того, чтобы не навлекать на себя подозрѣнія, рѣшено было въ Москвѣ устроить съѣздъ, на которомъ объявить Союзъ Благоденствія закрытымъ. Хотя нѣкоторые изъ членовъ и протестовали противъ такого закрытія, однако всѣмъ было объявлено, что Союзъ Благоденствія прекратилъ свое существованіе. Тѣмъ не менѣе уже въ томъ же 1822 году на развалинахъ Союза Благоденствія возникло 2 общества: Сѣверное въ Петербургѣ, организованное Н.Муравьевымъ и княземъ Трубецкимъ, и Южное, во главѣ котораго стояли П.Пестель и Юшневскій. Вотъ съ этими-то 2-мя обществами и приходится имѣть дѣло, когда мы изучаемъ декабризмъ, какъ извѣстное политическое идейное теченіе. Здѣсь-то въ этихъ тайныхъ обществахъ и зрѣли тѣ проекты реформы, при помощи которыхъ слѣдовало пересоздать заново всю общественную и государственную жизнь Россіи. Было еще одно общество, возникшее внѣ всякаго вліянія Союза Благоденствія: Общество Объединенныхъ Славянъ, дѣйствовавшее на югѣ и основанное братьями Борисовыми. Значитъ, къ концу царствованія Александра въ Россіи уже функціонировало нѣсколько тайныхъ обществъ, которыя объединяли преимущественно представителей гвардейской и армейской военной молодежи. По донесенію слѣдственной комиссіи видно, что 47 процентовъ участниковъ движенія 14 дек. получили образованіе въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Сверхъ того, многіе изъ декабристовъ, хотя и получили домашнее образованіе, но по своему положенію принадлежали къ военной гвардейской средѣ. Въ этой-то почти исключительно военной организаціи проявляется 2 теченія: одно - болѣе умѣренное, другое - болѣе радикальное. Среднее положеніе между ними за-

нимаетъ примиряющее теченіе, которое могло разсчитывать на очень большое количество сочувствующихъ лицъ.- Первое теченіе, более умѣренное, связывается обыкновенно съ именемъ Н.Муравьева, который былъ какъ бы идеологомъ Сѣвернаго тайнаго общества. Идейнымъ вождемъ второго, более радикальнаго былъ П.Пестель, державшій въ своихъ рукахъ всю южную Тульчинскую организацію. Что касается третьяго, средняго теченія, то его удобнѣе всего связать съ именемъ И.Тургенева, одного изъ наиболѣе образованныхъ и талантливыхъ декабристовъ. И Муравьевъ, и Пестель, и Тургеневъ оставили намъ свои сочиненія, на основаніи которыхъ возможно обрисовать самымъ подробнымъ образомъ ихъ міровоззрѣніе и въ сферѣ соціальныхъ, и въ сферѣ политическихъ реформъ. Что касается Ник.Муравьева, то онъ оставилъ намъ проектъ конституціи, который теперь извѣстенъ даже въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Пестель въ Тульчинѣ составилъ Русскую Правду или наказъ временному правительству, которая тоже теперь издана, но къ сожалѣнію она не совсѣмъ обработана во всѣхъ своихъ частяхъ. Ник.Тургеневъ же, отправившійся въ 1824 г. за границу и тамъ оставшійся послѣ катастрофы 14 дек., выпустилъ въ 1847 г. свою извѣстную книгу „La Russie et les russes“. Въ ней онъ, давъ очеркъ исторіи тайныхъ обществъ въ Россіи, подробно развилъ и тѣ воззрѣнія, которыя онъ проводилъ въ засѣданіяхъ петербургскаго тайнаго общества. Вотъ эти-то 3 сочиненія - 2 чисто политическихъ и одно полулитературное, полупублицистическое и будутъ служить намъ матеріаломъ для характеристики міровоззрѣнія тѣхъ лицъ, которыя впервые выступили на путь военной революціи въ зимній день 14 дек. 1825 г.

Когда мы характеризуемъ точку зрѣнія Н.Муравьева и точку зрѣнія Пестеля, мы, прежде всего, должны констатировать тотъ фактъ, что здѣсь столкнулись не только 2 политическихъ міровоззрѣнія, но и 2 міровоззрѣнія соціальныхъ; когда же мы останавливаемся на взглядахъ Тургенева, то предъ нами ярко выступаетъ стремленіе на первый планъ выдвинуть реформу соціальную. Только послѣ освобожденія крестьянъ возможно по мнѣнію Тургенева приступить къ переустройству государственныхъ установленій. Въ конституціи Н.Муравьева выступаетъ на первый планъ реформа политическая. Черезъ всю книгу Тургенева

красной нитью проходить убѣжденіе въ необходимости дать преобладаніе реформѣ соціальной, а на Русской Правдѣ Пестеля ясно отражается стремленіе сочетать ту и другую реформу: и соціальную, и политическую; путемъ широкой соціальной реформы подойти къ коренному переустройству нашего политическаго строя. Вотъ тѣ отправныя точки, отъ которыхъ мы будемъ исходить въ изученіи политическихъ и соціальныхъ идей декабристовъ. Но прежде всего намъ необходимо вскрыть тѣ вліянія, подъ которыми складывались ихъ программы, тогда для насъ будутъ значительно понятнѣе основныя положенія и конституціи Ник.Муравьева и Русской Правды Пестеля.

На проектъ Н.Муравьева сильное вліяніе оказали 2 конституціи: Сѣв.-Американскихъ Штатовъ и французская конституція 1791 г. Изъ первой Муравьевъ заимствовалъ принципъ федерализма и ученіе объ организаціи верховнаго управленія, изъ второй онъ взялъ декларацію правъ человѣка и гражданина, а также положеніе, что политическія права гражданъ опредѣляются имущественнымъ цензомъ. Что касается самой формы правленія, то въ конституціи Муравьева передъ нами ограниченная монархія, но монархія только по имени. Монархъ выступаетъ предъ нами со всѣми признаками президента Сѣв.Амер.Штатовъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что онъ представитель наслѣдственной власти. Президентъ въ Сѣв.Амер.Штатахъ избирается на опредѣленный срокъ. Затѣмъ всѣ функціи этой императорской власти тожественны съ функціями власти президента. При вступленіи своемъ на престолъ монархъ присягаетъ конституціи. Онъ созываетъ палату народныхъ представителей и вноситъ въ нее новыя законодательныя предположенія. Онъ можетъ объявлять войну и заключать миръ, но съ согласія верховной думы. Онъ назначаетъ министровъ и всѣхъ тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя не избираются народомъ. Въ лицѣ монарха, такимъ образомъ, соединяются функціи верховной исполнительной, наблюдательной и отчасти законодательной власти. Самая организація народнаго представительства Муравьевымъ устанавливается въ такомъ видѣ. Народное вѣче состоитъ изъ 2-хъ палатъ: одна нижняя - это палата народныхъ представителей, другая верхняя - это верховная дума. Кромѣ того Муравьевымъ намѣчалось еще 3-ье

учрежденіе - народный державный соборъ, созываемый народнымъ вѣчемъ для измѣненій въ конституціи. Центральное представительство основано на двоякомъ принципѣ. Депутаты, входящіе въ составъ нижней палаты, избираются путемъ прямого голосованія лицами, обладающими опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ - 5000 р. недвижимости или 10000 р. движимости. Что касается верховной думы, то въ нее входятъ представители, избираемые правительственными учрежденіями каждой державы или области, на которыя подраздѣляетъ Муравьевъ всю Россію. Обѣ эти палаты,- первая, состоящая изъ 450 членовъ и вторая изъ 42, обладаютъ законодательной иниціативой. Законы и уставы могутъ вноситься или въ думу, или въ палату, но обязательно должны проходить черезъ оба законодательныя учрежденія и затѣмъ итти на утвержденіе монарха, который обладаетъ правомъ отсрочивающаго veto. Если онъ съ какимъ-нибудь законодательнымъ предположеніемъ не согласенъ, то возвращаетъ его обратно въ ту палату, въ которой оно первоначально разсматривалось, но если обѣ палаты снова принимаютъ данный законопроектъ тремя четвертями своихъ голосовъ, то законъ получаетъ силу, даже безъ утвержденія верховной власти. Точно также, если монархъ въ теченіе 10 дней не возвратилъ законопроекта обратно въ палату, то тогда онъ, безразлично-утвержденъ или не утвержденъ верховной властью, пріобрѣтаетъ силу закона. Обѣ палаты, какъ я сказалъ, обладаютъ законодательной иниціативой, но бюджетъ и предположенія о рекрутскихъ наборахъ должны быть обязательно разсмотрѣны сперва въ палатѣ народныхъ представителей. Вопросы, связанные съ объявленіемъ войны и съ заключеніемъ мира, обсуждаются въ верховной думѣ. Что касается обѣихъ этихъ палатъ, то онѣ образуютъ одно общее собраніе. Это народное вѣче, которое обладаетъ правомъ законодательства, но съ однимъ условіемъ,- не нарушать правъ гражданина и не измѣнять конституціи. Если же надо измѣнить конституцію, то созывается верховный соборъ съ правами учредительнаго собранія. Въ составъ этого собора входитъ половина депутатовъ, избираемыхъ всѣми гражданами, обладающими цензомъ въ 5000 или 10000 руб., а другая половина его составляется по избранію правительственныхъ учрежденій отдѣльныхъ державъ. Этотъ соборъ можетъ засѣдать не болѣе 6

мѣсяцевъ, и если онъ постановитъ измѣнить какой-нибудь параграфъ конституціи, то это измѣненіе ставится на обсужденіе гражданъ во всѣхъ державахъ и областяхъ, и только въ томъ случаѣ, если за измѣненіе высказывается большинство всѣхъ державъ и областей, то оно вносится въ конституцію.

Такимъ образомъ Муравьевымъ устанавливается довольно сложная законодательная организація для того, чтобы придать своей конституціи болѣе устойчивый характеръ. Что касается областного управленія, то Муравьевъ подраздѣляетъ всю Россію на 13 державъ и 2 области, во главѣ которыхъ стоятъ палаты представителей и державная дума. Сверхъ того уѣзды и волости, на которыя подраздѣляются эти державы, имѣютъ свои уѣздныя и волостныя собранія, въ которыхъ принимаютъ участіе граждане, обладающіе опредѣленнымъ цензомъ. Для участія въ волостномъ собраніи имущественнаго ценза не требовалось, но надо было имѣть не менѣе 25 лѣтъ; для участія въ уѣздномъ собраніи надо было обладать цензомъ въ 500 р. недвижимости или въ 1000 р. движимости; а для участія въ выборахъ въ державную палату надо обладать уже болѣе высокимъ цензомъ въ 5000 р. недвижимости или 10000 р. движимости. При этомъ лица, обладающія такимъ цензомъ, пользуются только активнымъ правомъ избранія, т.е. могутъ избирать, но для того, чтобы пользоваться пассивнымъ правомъ избранія, т.е. правомъ быть избраннымъ, надо имѣть въ высшей степени значительный цензъ, именно въ 30000 р. недвижимости или въ 60000 р. движимости; слѣдовательно, лица, попадающія въ палату народныхъ представителей, являются уже крупными цензовиками, какъ въ державахъ, такъ и въ центральномъ народномъ вѣчѣ. Такимъ образомъ, представительство по конституціи Муравьева даетъ преобладаніе крупной буржуазіи какъ земельной, такъ и капиталистической, и въ этомъ отношеніи проектъ Муравьева приближается къ той конституціи, которая имѣла мѣсто во Франціи, эпохи реставраціи, т.е. послѣ паденія Наполеона, гдѣ высокій имущественный цензъ являлся непремѣннымъ условіемъ для участія въ палатѣ народ. представителей. Что касается избирателей, то они подавали свои голоса непосредственно, т.е. устанавливалась система прямыхъ выборовъ. Только крестьяне, и то владѣвшіе землею не на об-

щинномъ, а на личномъ подворномъ правѣ владѣнія, осуществляли свое избирательное право посредствомъ 2-степенныхъ выборовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Муравьевъ много вниманія удѣляетъ и личнымъ правамъ гражданъ. Всякаго рода свободы, - какъ-то свобода слова, совѣсти, печати, союзовъ, промысловъ провозглашаются имъ какъ бы основой всѣхъ политическихъ правъ новой, обновленной Россіи. Но удѣляя много вниманія вопросамъ личной свободы и значительно меньше принципу равенства, Муравьевъ почти въ тѣни оставляетъ соціальную проблему. Необходимость отмѣны крѣпостного права имъ признается. Онъ говоритъ: „Рабъ, коснувшійся ногою почвы Россіи, немедленно получаетъ свободу." Но вѣдь для того, чтобы освободить крестьянъ, надо было разрѣшить не только вопросъ юридическій, но и вопросъ аграрный. Крестьяне безъ земли не могутъ существовать, и поэтому Муравьевъ связывалъ вопросъ крестьянскій съ аграрной проблемой. Онъ соглашался дать по одной десятинѣ усадьбенной земли на дворъ, и только въ другой редакціи своей конституціи онъ доводитъ этотъ участокъ усадьбенной земли до 2-хъ десятинъ, но земельнаго надѣла крестьяне по его проекту не получаютъ. Они могутъ по добровольному соглашенію арендовать землю у частныхъ землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ, политическая реформа преобладала въ проектѣ Муравьева надъ реформой соціальной, и разрабатывая первую, Муравьевъ лишь вскользь останавливался на второй. Что касается Н.Тургенева, то онъ, наоборотъ, все свое вниманіе удѣлялъ реформѣ соціальной. Онъ считалъ, что надо поддерживать даже абсолютную власть, видя въ ней средство для уничтоженія дворянскихъ привилегій. „Только тогда, когда крестьяне получатъ свободу, можно помышлять, по его словамъ, и о введеніи конституціи." Подобно Тургеневу разсуждали и нѣкоторые другіе декабристы, такъ, напримѣръ, прапорщикъ Тучковъ говорилъ: „Мы говоримъ о конституціи для Россіи, а между тѣмъ не видимъ еще примѣра фермы для воздѣлыванія земли свободными людьми." Въ своей книгѣ „La Russie et les Russes" Тургеневъ указываетъ, что онъ отводилъ крестьянамъ по одной десятинѣ на душу или по 3 десятины на дворъ усадебной земли, но опять-таки земельнаго надѣла крестьяне не получали. Однако надо отмѣтить, что и Тургеневъ, и Муравьевъ отводили

эти усадебные участки освобождаемымъ крестьянамъ безъ всякаго вознагражденія ихъ прежнимъ господамъ. Что касается Пестеля, то онъ разработалъ чрезвычайно широкій планъ и политической, и соціальной реформы. Политическая реформа его отличалась демократизмомъ, а соціальная носила въ себѣ зародышъ будущаго соціализма. Онъ былъ сторонникомъ республиканской формы правленія и при этомъ высказывался противъ федералистическаго принципа. Онъ стоялъ за сильное унитарное государство. Въ этомъ отношеніи на Пестеля оказалъ значительное вліяніе якобинизмъ, поскольку онъ отразился во французской конституціи 1793 г. Пестель, наблюдая порядки, которые установились въ З.Европѣ послѣ великой французской революціи, приходилъ къ тому заключенію, что революція вовсе не такъ плоха, какъ говорятъ, что только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ она имѣла мѣсто, старый строй перестал существовать. Онъ видѣлъ „главное стремленіе нынѣшняго вѣка въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ такъ и на происхожденіи основанными." Слѣдовательно, уничтоженіе всякаго рода сословныхъ привилегій было основнымъ принципомъ Пестеля, стремившагося къ равенству, но на ряду съ этимъ онъ не считалъ возможнымъ проводить начало свободы во всѣ гражданскія и личныя отношенія. Организація верховной власти у него устанавливалась такимъ путемъ: 1) Народное вѣче или палата народ.представителей, 2) державная дума и 3) верховный соборъ. Что касается палаты народ.представителей, то она пополнялась путемъ 2-степенныхъ выборовъ всѣми гражданами, достигшими совершеннолѣтія, при чемъ никакого имущественнаго ценза не требовалось, и надо было прожить въ извѣстной мѣстности не менѣе 2-хъ лѣтъ. Это народное вѣче обладаетъ законодательными правами. Что касается державной думы, то это учрежденіе, напоминающее намъ французскую директорію; въ ней 5 членовъ, которые выбираются народнымъ вѣчемъ изъ списковъ кандидатовъ, составленныхъ въ губерніяхъ, при чемъ какъ народное вѣче, такъ и державная дума избирается на 5 лѣтъ и каждый членъ державной думы черезъ одинъ годъ выходитъ въ отставку и замѣняется другимъ. Державная дума - это высшій органъ исполнительной власти. Она наблюдаетъ за дѣйствіями министровъ;

она руководитъ внѣшней и внутренней политикой. Что касается верховнаго собора, то это власть наблюдательная или, какъ бы мы теперь выразились, власть контролирующая. Каждый законъ только тогда получаетъ силу, когда противъ него не выскажется верховный соборъ. Онъ не можетъ обсуждать этого закона по существу, но можетъ только констатировать соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе даннаго закона съ существующей конституціей. Точно также верховный соборъ наблюдаетъ за дѣйствіями и державной думы и можетъ привлечь къ отвѣтственности тѣхъ изъ ея членовъ и министровъ, которые нарушили конституцію или какой-нибудь изъ законовъ страны. Что касается областныхъ учрежденій, то довольно широкое самоуправленіе въ видѣ такъ называемыхъ замѣстныхъ собраній Пестель предоставляетъ губерніямъ и округамъ. Но эти собранія не обладаютъ законодательными функціями, о которыхъ говоритъ конституція Муравьева, такъ какъ ея державныя палаты и державныя думы обсуждали законы о всѣхъ мѣстныхъ вопросахъ. Вообще у Муравьева рѣзко проведена грань между законодательствомъ мѣстнымъ и законодательствомъ общегосударственнымъ. Что касается тѣхъ крупныхъ областей, которыя входили въ составъ Россіи, именно Царство Польское, Прибалтійскій край и Финляндія, то Пестель считалъ, что всѣ эти страны должны быть объединены съ ней. Прибалтійскія губерніи и Финляндія не должны, по его словамъ, пользоваться никакой автономіей; онѣ являются отдѣльными губерніями единой Россіи. Польшѣ уже дается широкая политическая автономія вслѣдствіе того, что у нея своя историческая культура, отличающаяся значительными особенностями. Пестель предоставлялъ Польшѣ самостоятельное политическое существованіе съ однимъ только условіемъ, чтобы тамъ былъ введенъ республиканскій строй съ избранными властями и чтобы эта республика находилась въ союзническихъ отношеніяхъ съ Россіей.- Предоставляя широкія политическія права своимъ гражданамъ, Пестель вмѣстѣ съ тѣмъ стѣснялъ ихъ свободу. Онъ былъ врагомъ всякаго рода обществъ и союзовъ. Открытыя явныя общества, съ его точки зрѣнія, безполезны, потому что они обсуждаютъ тѣ самые вопросы, которые входятъ въ компетенцію государственной власти и могутъ быть разрѣшены въ палатѣ народныхъ представителей. Что же касается тайныхъ

обществъ, то они вредны, потому что своей таинственностью они обнаруживаютъ стремленіе своихъ членовъ итти противъ существующаго установленнаго порядка. На ряду съ вопросами политическими Пестель очень много вниманія удѣляетъ и проблемѣ соціальной, кладя въ ея основу самые широкіе принципы. Рабство должно быть отмѣнено, и это являлось священнѣйшей и непремѣннѣйшей обязанностью правительства, которое въ теченіе 10 лѣтъ диктаторіальнымъ путемъ, по проекту Пестеля, должно было водворять въ Россіи республиканскій строй. Но освобождая крестьянъ, Пестель считалъ, что необходимо надѣлить ихъ землею. Половина всей помѣщичьей земли отходитъ къ крестьянамъ, при чемъ помѣщики, имѣвшіе менѣе 5000 десятинъ, получали вознагражденіе изъ казенныхъ земель, а помѣщики, обладавшіе бо́льшимъ количествомъ земли, должны были лишиться половины своей собственности безъ всякаго вознагражденія. Что касается организаціи земельнаго владѣнія у освобождаемыхъ крестьянъ, то Пестель высказывался въ томъ смыслѣ, что половина отводимой крестьянамъ земли дается имъ на правѣ личной собственности, а другая половина объявляется національнымъ фондомъ, изъ котораго выдѣляются участки, отдаваемые въ арендное пользованіе на одинъ годъ. Значитъ, мы видимъ здѣсь какъ бы частичную національзацію земли. Такимъ образомъ, Пестель гораздо шире и радикальнѣе чѣмъ Муравьевъ разрѣшилъ и вопросъ политическій, и вопросъ соціальный. По воспоминаніямъ современниковъ, Пестель считалъ аграрную реформу необходимой для осуществленія реформы политической. „Мы можемъ, пожалуй, провозгласить республику, говорилъ онъ, и все-таки будетъ мало толку, у насъ не будетъ всенароднаго возстанія, доколѣ мы не коснемся поземельной собственности дворянъ. Мужику нужна земля." Герценъ такъ передаетъ слова Пестеля: „Главнымъ образомъ надо рѣшить вопросъ поземельной собственности, необходимо отдать землю крестьянамъ, и только тогда цѣль революціи будетъ достигнута." Такимъ образомъ, аграрное законодательство, разрѣшеніе соціальной проблемы Пестель ставилъ во главу угла своего будущаго республиканскаго политическаго строя.

Мы имѣемъ еще указанія на цѣлый рядъ проектовъ, съ одной стороны конституціонно-демократическаго характера, съ

другой - конституціонно-аристократическаго. Такъ, напримѣръ, Батеньковъ, поклонникъ англійскаго представительнаго строя, настаивалъ на необходимости учрежденія палаты вельможъ, чтобы дать въ законодательствѣ преобладаніе аристократическимъ элементамъ. Однако, въ проектахъ Муравьева и Пестеля, а также въ томъ, что говорилъ Н.Тургеневъ, мы видимъ наиболѣе существенное, наиболѣе яркое выраженіе такъ называемаго „декабризма". Декабристы, считавшіе необходимымъ разрѣшеніе и соціальной, и политической проблемы, гораздо яснѣе понимали положеніе вещей, чѣмъ тѣ представители правительственнаго либерализма, съ которыми мы встрѣчались при характеристикѣ первой половины царствованія Александра. И члены неофиціальнаго комитета, и Сперанскій выдвигали на первый планъ реформу политическую. Они какъ бы считали возможнымъ обновленіе нашего политическаго строя при существованіи крѣпостного права. Сперанскій прямо утверждалъ, что надо ввести сначала конституцію, а потомъ уже говорить объ освобожденіи крестьянъ. Свои идеалы члены тайныхъ обществъ предполагали осуществлять на практикѣ чисто революціоннымъ путемъ. Все это были люди военные, и такимъ образомъ идея вооруженнаго возстанія лежала въ основѣ ихъ тактическихъ начинаній. Организацію возстанія они предполагали начать съ 1826 г., но дѣйствовать пришлось гораздо раньше потому, что вопросъ о реформѣ оказался связаннымъ съ вопросомъ о перемѣнѣ царствованія. Осенью 1825 г. Александръ I отправился со своей больной супругой, Елизаветой Алексѣевной, на югъ въ Таганрогъ, гдѣ императрица должна была лѣчиться, но во время путешествія по Крыму Александръ простудился, получилъ лихорадку, которая свела его въ могилу 19 ноября 1825 г. Послѣ смерти государя при существованіи закона о престолонаслѣдія немедленно вступаетъ въ его права наслѣдникъ. Такимъ наслѣдникомъ былъ при отсутствіи сыновей у императора Александра его слѣдующій по старшинству братъ, в.к. Константинъ Павловичъ, который въ это время въ качествѣ намѣстника Царства Польскаго жилъ въ Варшавѣ. Въ Петербургѣ же находилась вдовствующая императрица Марія Федоровна и остальные члены императорской фамиліи съ вв.кн. Николаемъ и Михаиломъ Павловичами во главѣ. Вопросъ осложнялся тѣмъ, что Кон.Павл., будучи женатъ на польской графинѣ Груд-

зинской, получившей послѣ брака титулъ княгини Ловичъ, давно уже отказался отъ престола, такъ какъ по закону члены императорской фамиліи, женатые на лицахъ, не принадлежащихъ къ владѣтельнымъ фамиліямъ, не могутъ наслѣдовать престола. 16 августа 1823 г. отреченіе Кон.Пав. было оформлено, былъ составленъ манифестъ, который, однако, не былъ опубликованъ. Онъ былъ положенъ на храненіе въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, въ Петербургѣ въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ въ запечатанныхъ конвертахъ, съ собственноручной надписью государя: „хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія." Наслѣдникомъ престола назначался в.к. Николай Павловичъ, который самъ почти не былъ освѣдомленъ о содержаніи этого важнаго государственнаго акта. Ему какъ-то лѣтомъ въ 1819 году имп.Александръ на маневрахъ сообщилъ, что самъ онъ намѣренъ вскорѣ отказаться отъ престола, Кон.Пав. не имѣетъ склонности къ дѣламъ правленія, и такимъ образомъ все бремя государственной власти ляжетъ на него, великаго князя Николая. Но кромѣ этого бѣглаго разговора дальнѣйшихъ бесѣдъ о престолонаслѣдіи у в.к. Николая ни съ имп. Александромъ, ни съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ не было. Какъ только имп. Александръ скончался, тотчасъ же изъ Таганрога была отправлена эстафета въ Варшаву и Петербургъ. Въ Таганрогѣ и въ Петербургѣ присягнули на имя новаго императора Константина, въ Варшавѣ же, какъ только получено было извѣстіе о печальномъ таганрогскомъ событіи, всѣ были приведены къ присягѣ на вѣрность новому императору Николаю. Такимъ образомъ, въ Россіи было на лицо 2 власти, 2 монарха, устанавливалось какъ бы двоевластіе и вмѣстѣ съ тѣмъ междуцарствіе, такъ какъ ни та, ни другая власть не признавала своихъ правъ и въ результатѣ въ теченіе цѣлаго ряда недѣль вплоть до 13 декабря 1825г. шли переговоры между Петербургомъ и Варшавой; такъ какъ Кон.Пав. въ Петербургъ ѣхать не хотѣлъ, то въ виду важности вопроса посредникомъ между 2-мя братьями былъ назначенъ великій князь Михаилъ, находившійся въ довольно дружныхъ отношеніяхъ съ цесаревичемъ Константиномъ. Въ результатѣ этихъ переговоровъ только 13 декабря окончательно сдѣлалось извѣстнымъ, что в.к.Константинъ остается при своемъ прежнемъ на-

мѣренія и, такимъ образомъ, престолъ долженъ перейти къ Николаю Павловичу. Войска и подданные, которые только что присягали Константину, должны были 14 дек. быть приведены къ присягѣ на вѣрность новому императору Николаю. Конечно, всѣ эти факты, окруженные глубокой тайной - и самое отреченіе Константина, и таинственное составленіе манифеста, и нежеланіе цесаревича пріѣхать въ Петербургъ,- должны были возбуждать естественное недоумѣніе въ подданныхъ. Высшее правительство съ великимъ княземъ Николаемъ во главѣ было въ нѣкоторомъ смущеніи, такъ какъ ему извѣстно было о существованіи какихъ-то тайныхъ организацій. Объ этихъ организаціяхъ, особенно о Южномъ обществѣ было сдѣлано донесеніе еще императору Александру Майбородой и Шервудомъ, но оно осталось безъ всякаго послѣдствія, потому что Александръ, узнавъ о существованіи тайныхъ обществъ, сказалъ докладчику: „Вы знаете, что я самъ раздѣлялъ и поддерживалъ эти иллюзіи; не мнѣ ихъ карать."
О существованіи же Сѣвернаго петербургскаго общества сдѣлалось извѣстно правительству 13 декабря по доносу Ростовцева, того самаго, который впослѣдствіи при освобожденіи крестьянъ игралъ такую важную роль. Ростовцевъ не сообщилъ имена членовъ тайнаго общества, а только увѣдомилъ, что существуетъ заговоръ съ цѣлью совершить государственный переворотъ. Въ такой-то тревожной атмосферѣ петербургское тайное общество рѣшило дѣйствовать путемъ открытаго вооруженнаго выступленія съ цѣлью установленія новаго государственнаго порядка въ Россіи. Конечно, вся эта затѣя не могла увѣнчаться успѣхомъ уже потому, что слишкомъ мало было членовъ въ Сѣверномъ обществѣ и на слишкомъ незначительную поддержку они могли разсчитывать, потому что сколько-нибудь широкая пропаганда въ войскахъ раньше не велась. Въ концѣ концовъ 14 дек. 25 г. только 3 полка отказались присягать новому императору и, собравшись на сенатской площади, вокругъ памятника Петра Великаго, простояли нѣсколько часовъ, окруженные толпой народа и остальными войсками петербургскаго гарнизона. Эти полки сначала обнаружили большую стойкость и не сдались на увѣщанія митрополита Серафима, великаго князя Михаила и генерала Милорадовича, изъ которыхъ послѣдній былъ даже убитъ.

Только когда было сдѣлано нѣсколько картечныхъ залповъ, эта кучка повстанцевъ 2000 человѣкъ быстро разсѣялась, очистивъ площадь и оставивъ на ней много труповъ.Всѣ члены Петербургскаго общества были захвачены и арестованы.Въ результатѣ открытъ былъ большой заговоръ, направленный противъ существующаго государственнаго строя. Началось слѣдствіе, въ которомъ дѣятельное участіе принималъ и новый государь.- Что же сами участники декабрьскаго движенія - тѣ лица, которыя вышли на сенатскую площадь 14 дек. 25 г., или тѣ, которые подобно Мур.Апос. возмутили нѣсколько ротъ Черниговскаго полка подъ Бѣлой церковью и были арестованы 30 дек. 25 г.,- разсчитывали на полный успѣхъ?- Отнюдь нѣтъ. Знакомясь съ записками декабристовъ, изучая сдѣланныя ими показанія передъ Верховной слѣдственной комиссіей, мы приходимъ къ заключенію, что они сами не вѣрили въ успѣхъ своего дѣла. „Мы начнемъ - сказалъ Рылѣевъ за день до возстанія;- я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется"....„Предвижу, что не будетъ успѣха,- часто говорилъ онъ задолго до возстанія,- но потрясеніе необходимо. Тактика революціи заключается въ одномъ словѣ: дерзай, и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ".... „Мы погибнемъ, но какою славной смертью", говорилъ князь Оболенскій наканунѣ 14 декабря. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до активнаго выступленія тотъ же самый Рылѣевъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: „Наливайко", прекрасно охарактеризовалъ то положеніе, въ которомъ находились декабристы. Онъ описалъ въ немъ порабощеніе Малороссіи Польшей и стремленіе украинцевъ освободиться отъ иноземнаго владычества. Казакъ Наливайко,бесѣдуя со старцемъ-схимникомъ кіевской обители, говоритъ:

„Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
„Погибну я за край родной,-

Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю."

Когда Рылѣеву, во время чтенія этого стихотворенія, товарищи сказали: „Вѣдь это ты говоришь о самомъ себѣ", то онъ признался, что имѣлъ въ виду себя и другихъ членовъ Петербургскаго общества, въ то время какъ составлялъ поэтическій образъ „Наливайки". Значитъ, стремленіе только показать примѣръ, возбудить общественное вниманіе къ необходимости коренныхъ соціальныхъ и политическихъ преобразованій было главнымъ стимуломъ лицъ, возставшихъ 14 дек. 1825 года. Но движеніе не удалось. Члены Сѣвернаго и Южнаго общества были арестованы и преданы верховному суду, въ составъ котораго входили и синодъ, и сенатъ, и Госуд.Совѣтъ. 5 человѣкъ, именно: Пестель, Рылѣевъ, Мур.Апос., Каховскій и Бестужевъ-Рюминъ были повѣшены 13 іюля 1826 г., а остальные участники движенія, около 120 человѣкъ, были присуждены къ каторжнымъ работамъ или сосланы на поселеніе въ Сибирь. Какъ же отнеслось русское общество и народная масса къ тому, что произошло въ Петербургѣ 14 дек. 1825 года? Въ этомъ отношеніи наиболѣе чуткіе представители народной массы сознавали всю важность происшедшаго. Одинъ старикъ-крестьянинъ говорилъ невѣстѣ декабриста Анненкова: „Вѣдь я знаю, чего они хотѣли. Господа-то хотѣли свободы нашей, свободы крестьянъ." Что касается русскаго общества, то оно какъ бы разбилось на 2 части. Одна часть сочувствовала декабристамъ, понимала всю важность сдѣланнаго ими, и устами Пушкина провожала декабристовъ въ отдаленную сибирскую ссылку, извѣстнымъ стихотвореніемъ, начинавшимся словами:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадетъ Вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Но другая часть русскаго общества, консервативно настроенная устами гр.Ростопчина, извѣстнаго реакціонера и націоналиста, смѣялась надъ попыткой участниковъ Петербургскаго об-

щества. „Во Франціи чернь произвела революцію, чтобы стать аристократіей - въ этомъ былъ смыслъ. Въ Россіи же аристократія сама произвела революцію въ пользу черни - это уже прямая безсмыслица." Сами же члены тайнаго общества понимали ясно, что ихъ идеи не пропадутъ и устами многихъ изъ декабристовъ прекрасно отмѣчали ту позицію, которую они займутъ въ исторіи русской общественной мысли. Такъ напр. Каховскій, уже стоя подъ висѣлицей, сказалъ: „Щуку поймали, но зубы остались". Другой же декабристъ Лунинъ писалъ изъ сибирской ссылки: „Отъ людей можно отдѣлаться, но отъ ихъ идей никогда". Изъ отдаленныхъ сибирскихъ рудниковъ поэтъ Одоевскій, одинъ изъ декабристовъ, на поэтическое посланіе Пушкина отвѣчалъ звучнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ онъ говорилъ:

„Но будь спокоенъ, Бардъ, - цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Обѣтъ святой пребудетъ съ нами.
Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ;
Изъ искры возгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя."

Такимъ образомъ, господа, для декабристовъ единственнымъ утѣшеніемъ было то, что ихъ труды не пропадутъ, что то движеніе, которое начато было 14 дек. 25 года, будетъ поддержано послѣдующими поколѣніями, и въ этомъ отношеніи правъ былъ Герценъ, когда говорилъ, что „Пушки на Исаакіевской площади разбудили цѣлое поколѣніе", какъ разъ поколѣніе тѣхъ людей, къ которымъ принадлежалъ Герценъ и люди 30-хъ и 40-хъ годовъ. Слѣдовательно, въ этомъ движеніи, оторванномъ отъ народной массы, чисто идеалистическаго типа, мы видимъ стремленіе образованной гвардейской молодежи произвести переворотъ въ пользу широкихъ народныхъ массъ, для достиженія политической и соціальной реформы. Идеологія декабристовъ не отмѣчена той классовостью, которой отличаются многіе изъ проектовъ александровской эпохи, и въ этомъ отношеніи тѣнь рабовладѣнія не лежитъ на проектахъ ни

Ник.Муравьева, ни Ник.Тургенева, ни Павла Пестеля. Слѣдовательно, декабристы, являясь представителями новой нарождающейся интеллигенціи,были и всегда будутъ лучшимъ воспоминаніемъ русскаго общества. Это одна изъ наиболѣе цѣнныхъ историческихъ реликвій. Своимъ самопожертвованіемъ декабристы отмѣтили тотъ путь, который отъ Радищева и Новикова идетъ вплоть до нашего времени и отмѣченъ цѣлымъ рядомъ жертвъ во имя народнаго дѣла. Слѣдовательно, въ декабристахъ мы должны видѣть какъ бы исходъ того движенія, которымъ охвачены широкія общественныя и народныя массы Россіи въ теченіе всего 19 вѣка. Декабризмъ является исходнымъ пунктомъ и либеральной, и радикальной идеологіи. Въ декабризмѣ мы можемъ усмотрѣть всѣ тѣ принципы, которыми проникнуто русское общество, тѣ принципы, которыми подготовлены всѣ послѣдующія преобразованія и реформы 60-хъ годовъ и то движеніе, которое разразилось на нашихъ глазахъ въ началѣ 20-го вѣка.

----- о -----

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦАРСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ I.

„Удивительное время наружнаго рабства и внутренняго освобожденія",- такъ опредѣлялъ Герценъ эпоху Николая I. Дѣйствительно, подъ внѣшнимъ покровомъ офиціальнаго благополучія, наступившаго въ Россіи съ 1825 г. вплоть до крымской кампаніи средины 50-хъ годовъ шла внутренняя напряженная работа, и эта работа въ результатѣ привела къ тому кризису крѣпостной Россіи, который ярко обнаружился въ концѣ царствованія Николая I. Такимъ образомъ, то обычное представленіе, которое устанавливается у насъ относительно царствованія Николая, что это была эпоха самой мрачной, самой безпросвѣтной реакціи, является не совсѣмъ справедливымъ. Въ это представленіе слѣдуетъ внести нѣкоторый коррективъ. Дѣло въ томъ, что въ первой половинѣ царствова-

нія Николая, можно сказать, даже въ теченіи первыхъ 20-хъ лѣтъ его правленія замѣтны нѣкоторыя робкія начинанія въ сферѣ реформъ, въ сферѣ тѣхъ преобразованій, которыя выдвигались самой жизнью. Только съ 1848 г., съ момента, когда сильно всколыхнулось европейское общественное мнѣніе, когда былъ потрясенъ до основанія весь политическій и соціальный укладъ жизни въ З.Европѣ, только съ этого момента правительство Николая I стало на путь самаго безпросвѣтнаго консерватизма, только съ этого 1848 г. всякія попытки внутреннихъ преобразованій были оставлены и лозунгомъ правительства съ этого времени сдѣлалось стремленіе поддержать во что бы то ни стало существующій строй. Тѣ обстоятельства, среди которыхъ началось царствованіе Николая, катастрофа 14 дек. 25 года, должны были наложить свой отпечатокъ и на самого государя и на тѣ мѣропріятія, которыя выдвинуты были историческимъ ходомъ событій. Николаю пришлось вступить на престолъ „цѣною крови его подданныхъ", какъ онъ выражался, пришлось подняться по ступенькамъ трона, покрытымъ трупами цѣлаго ряда лицъ, беззавѣтно преданныхъ дѣлу реформъ. Все то, что удалось выслушать Николаю изъ устныхъ показаній декабристовъ и узнать изъ писемъ, отправленныхъ къ нему многими дѣятелями переворота во время ихъ предварительнаго заключенія въ казематахъ Петропавловской крѣпости, а также изъ тѣхъ письменныхъ показаній, которыя они дѣлали и предъ слѣдственной комиссіей, и предъ верховнымъ судомъ, - все это открыло государю глаза на внутреннюю безпросвѣтную мглу, царившую въ Россіи. Предъ нимъ развернулась картина грандіознѣйшихъ неурядицъ, вызванныхъ гнетомъ сверху и распадомъ снизу, которыми отмѣчены послѣдніе годы царствованія Александра I. Тѣ же самыя устныя заявленія и письменныя показанія намѣтили имп.Николаю тѣ реформы, которыя были настоятельно необходимы по мнѣнію людей наиболѣе образованныхъ, вдумчиво всматривающихся въ окружающую дѣйствительность. Такимъ образомъ, предъ новымъ государемъ была и критика существующихъ порядковъ и широкая программа назрѣвшихъ преобразованій. Конечно, тѣ лица, которыя прошли предъ слѣдственной комиссіей и верховнымъ судомъ, хотѣли осуществить необходимыя преобразованія революціоннымъ путемъ, путемъ

государственнаго переворота. У одного изъ декабристовъ, бар.Штейнгеля, импер. Николай спросилъ: „Зачѣмъ вамъ революція? Я самъ ваша революція. Я сдѣлаю все то, о чемъ вы думали, къ чему вы стремились". Но, конечно, достиженіе этихъ намѣченныхъ декабристами цѣлей Николай хотѣлъ произвести не революціоннымъ, а легальнымъ путемъ. Со времени вступленія своего на престолъ онъ вполнѣ определенно намѣтилъ весь ходъ своихъ послѣдующихъ мѣропріятій. Борьба съ революціей и внутри Россіи и внѣ ея сдѣлалась какъ бы его основнымъ правиломъ. „Революція у воротъ Россіи", сказалъ онъ своему младшему брату вечеромъ 14 дек. 1825 года, „но клянусь, пока я живу и дѣйствую, она не переступитъ черезъ ея границы". Значитъ, обстоятельства, при которыхъ Николай вступилъ на престолъ, опредѣлили и содержаніе и направленіе его царствованія. Такимъ образомъ, предъ имп.Николаемъ были обстоятельства чрезвычайнаго характера и онъ долженъ былъ отправляться отъ нихъ, какъ отъ исходной точки. Все то, что сказали декабристы, не прошло безслѣдно. Дѣлопроизводителю слѣдственной комиссіи Боровкову поручено было составить сводъ устныхъ и письменныхъ показаній членовъ тайныхъ обществъ, и этотъ сводъ являлся какъ бы обработкой всѣхъ тѣхъ пожеланій, какими охвачены были декабристы. Онъ былъ переписанъ въ трехъ экземплярахъ. Одинъ находился постоянно на столѣ въ кабинетѣ государя, другой былъ у предсѣдателя комитета министровъ князя Кочубея, а третій экземпляръ Николай отправилъ въ Варшаву своему старшему брату, цесаревичу Конст.Павл. „Государь императоръ", сказалъ впослѣдствіи Боровкову Кочубей, „часто просматриваетъ вашъ любопытный сводъ и черпаетъ изъ него много дѣльнаго, да и я часто къ нему прибѣгаю". Значитъ, программа декабристовъ, прошедшая сквозь призму бюрократической обработки, явилась какъ бы исходнымъ пунктомъ новаго правительства императора Николая. Но конечно, знакомясь съ программой членовъ тайныхъ обществъ, усваивая ихъ основные принципы, новое правительство должно было учитывать то общественное возбужденіе, въ которомъ находилась Россія въ концѣ 1825 г. Въ разговорѣ съ французскимъ посломъ Лаферроне императоръ Николай указывалъ на господствующее въ обществѣ недовольство. Французскій посолъ изъ этого разговора вынесъ то впечатлѣніе, что „въ оппозиціи

состоитъ все высшее русское общество". „Главная бѣда въ томъ (писалъ онъ), что люди самые благоразумные, тѣ, кто съ ужасомъ и отвращеніемъ взирали на совершившіяся событія (14 декабря), думаютъ и говорятъ, что преобразованія необходимы, что нуженъ сводъ законовъ, что слѣдуетъ совершенно видоизмѣнить и основанія и формы отправленія правосудія, оградить крестьянъ отъ невыносимаго произвола помѣщиковъ, что опасно пребывать въ неподвижности и необходимо, хотя бы издали, но итти за вѣкомъ и немедленно готовиться къ еще болѣе рѣшительнымъ перемѣнамъ." Такимъ образомъ, и для общества, и для правительства было вполнѣ очевидно, что стоять на мѣстѣ нельзя, необходимо итти къ опредѣленнымъ преобразованіямъ. Но какія же преобразованія будутъ стоять на очереди? Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, коренная политическая реформа, о которой мечтали Муравьевъ и Пестель, была немедленно снята съ очереди. Самодержавіе восторжествовало и прежняя форма правленія должна была покоиться на незыблемомъ основаніи. Но что касается соціальной программы декабристовъ, то отъ нея правительство не отвернулось. Освобожденіе крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, подготовка этого освобожденія становится основной задачей правительства императора Николая. Значитъ, часть тѣхъ пожеланій, которыя были высказаны декабристами, усваивается новымъ правительствомъ.- Но какъ же будетъ правительство проводить въ жизнь эти преобразованія, какъ оно будетъ осуществлять, тѣ реформы, которыя властно стучались въ дверь? Движеніе 14 декабря было какъ бы завершеніемъ тѣхъ дворянскихъ революцій, которыми отмѣчено XVIII-е столѣтіе и которыя проявили себя даже на рубежѣ XIX вѣка. Это было движеніе почти исключительно гвардейское, хотя и окрашенное въ общенародный колоритъ. Императоръ Николай видѣлъ въ декабристахъ тѣхъ самыхъ дворянъ-шляхтичей, которые стремились еще въ прошломъ XVIII вѣкѣ вліять на правительство. Надо было порвать съ дворянствомъ, надо было найти себѣ опору въ иной общественной средѣ. Разъ дворянство было крамольнымъ элементомъ, разъ оно было охвачено новой преобразовательной идеологіей, надо было найти опорный пунктъ, не въ сословно-дворянской средѣ, а въ сферѣ болѣе послушной правительственнымъ предначертаніямъ.

Такую-то среду и создаетъ правительство имп.Николая изъ чиновничества или бюрократіи, изъ того бюрократическаго механизма, который уже раньше, съ эпохи Петра Великаго, началъ давать себя чувствовать въ государственныхъ дѣлахъ. Эта бюрократія усиливается и пріобрѣтаетъ громадное правительственное значеніе какъ разъ во второй четверти XIX ст. На чиновную бюрократію сверху и на разночинную бюрократію снизу и будетъ опираться правительство имп. Николая въ своихъ реформаціонныхъ мѣропріятіяхъ. Слѣдовательно содержаніе преобразовательныхъ начинаній второй четверти XIX в. будетъ главнымъ образомъ вращаться около соціальной проблемы, около вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права, но осуществлять эту реформу, подготовлять освобожденіе крестьянъ новое правительство будетъ не въ сотрудничествѣ съ обществомъ, а исключительно при содѣйствіи чиновничьей бюрократической массы.Отъ декабристовъ императоръ Николай заимствовалъ не только самое содержаніе реформъ, но и нѣкоторые пріемы въ разработкѣ тѣхъ законопроектовъ, при помощи которыхъ должны были быть преобразованы общественныя отношенія въ Россіи. Декабристы были охвачены конспиративными таинственными стремленіями. Они обсуждали и вырабатывали свою программу втайнѣ отъ правительства; они окружали себя непроницаемой завѣсой и подъ ея покровомъ подготовляли коренную реформу русскаго государственнаго и общественнаго строя. Такой же конспиративной атмосферой окружаетъ себя и им.Николай; онъ отмежевался отъ общества высокой китайской стѣной и въ сотрудничествѣ съ бюрократіей началъ вырабатывать основные принципы своихъ будущихъ преобразованій. Такимъ образомъ, если декабристы работали въ тайныхъ обществахъ, то им.Николай будетъ работать въ секретныхъ и секретнѣйшихъ комитетахъ. Всѣ эти комитеты, длинной вереницей проходящіе передъ нами въ теченіе царствованія им.Николая, являются какъ бы продолженіемъ тѣхъ тайныхъ общественныхъ организацій, въ которыхъ разрабатывались преобразовательные проекты въ эпоху Аракчеевскаго режима. Вы видите, такимъ образомъ, что событія 14 дек.1825 г. не прошли безслѣдно для нашего правительства. Они поставили на очередь цѣлый рядъ вопросовъ и указали правительству, въ

какомъ направленіи ихъ надо разрѣшать, какими средствами надо воспользоваться, чтобы реформаціонныя идеи претворились въ конкретные факты.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ.

Что касается самого Николая, то онъ далеко не былъ подготовленъ къ той важной отвѣтственной роли, которую ему суждено было сыграть въ жизни. Третій сынъ Павла I и Маріи Федоровны, онъ родился 25 іюня 1796 г. Его образованіе началось съ 6-лѣтняго возраста какъ разъ въ то время, когда правительственныя сферы были охвачены либеральнымъ налетомъ эпохи преобразовательныхъ начинаній. Но дѣло его воспитанія и обученія было поставлено въ ненормальныя условія. Главный воспитатель молодого великаго князя, генералъ Ламсдорфъ, былъ человѣкъ суровый, жестокій и до крайности вспыльчивый; онъ совершенно не обладалъ умѣніемъ вліять на воспріимчивую умственную структуру ребенка и главную задачу свою, какъ воспитателя, видѣлъ въ томъ, чтобы изломать и исковеркать характеръ своего воспитанника. Онъ всегда старался поставить на своемъ и на всякомъ шагу доказать, что его слово должно быть закономъ для воспитанника. Преподавателями у молодого великаго князя были такія лица, какъ Аделунгъ, академикъ Шторхъ и извѣстный ученый Балугьянскій. Они мало могли оказать вліянія на развитіе Николая Павловича потому, что, какъ онъ самъ признавался, главною его склонностью была страсть къ военнымъ упражненіямъ. Хотя съ этой склонностью и боролась императрица Марія Федоровна, однако Николай постоянно обращалъ все свое вниманіе на разводы и парады, и лекціи Шторха и другихъ преподавателей совсѣмъ не захватывали его. На лекціяхъ политической экономіи онъ скучалъ и зѣвалъ, а когда ему пришлось быть въ Англіи и бесѣдовать съ Оуеномъ въ его колоніи Ньюланаркѣ, то онъ много узналъ новаго. Хотя Шторхъ, какъ извѣстно изъ его ученыхъ и литературныхъ трудовъ, былъ весьма либеральнаго образа мыслей, но его либерализмъ совершенно не привился къ его молодому воспитаннику. Такъ какъ в.кн. Николаю мало было вѣроятія занять когда-либо императорскій престолъ, то онъ не былъ окруженъ той за-

ботливостью, которою проникнуто было воспитаніе его старшихъ братьевъ Александра и Константина. Бабка Екатерина II на него смотрѣла, какъ на будущаго военнаго, которому надо дать небольшое общее образованіе. И дѣйствительно, когда Николай подросъ, онъ былъ назначенъ бригаднымъ гвардейскимъ генераломъ и генералъ-инспекторомъ гвардейской инженерной дивизіи. Въ этихъ военныхъ упражненіяхъ онъ находилъ для себя смыслъ жизни. Съ утра до вечера онъ проводилъ время въ своихъ полкахъ и вмѣстѣ съ в.кн. Михаиломъ Павловичемъ, тоже командиромъ другой гвардейской бригады, поражалъ всѣхъ строгостью и требовательностью по отношенію къ офицерамъ и къ солдатамъ. Строгій къ себѣ, онъ былъ настолько взыскателенъ къ своимъ подчиненнымъ, что солдатъ, наказанныхъ по его распоряженію розгами, уносили на носилкахъ въ лазаретъ, гдѣ они нерѣдко вскорѣ умирали. Не забудьте, что это было время той безпросвѣтной реакціи, которая связывается съ именемъ Аракчеева, властно наблюдавшаго надъ порядками, царившими и въ арміи, и въ гвардіи. Онъ требовалъ, чтобы тамъ неуклонно соблюдалась необходимая строгость и даже чрезмѣрная жестокость, и оба великіе князя, страшно боявшіеся Аракчеева, были какъ бы орудіемъ въ рукахъ этого суроваго временщика. Женившись на дочери прусскаго короля, великой княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ, в.к. Николай усвоилъ себѣ тѣ государственные интересы, которыми проникнуты были прусскіе короли, стремившіеся доказать, что прусское королевство является какъ бы большой вотчиной своихъ монарховъ. Конечно, среди прусскихъ королей были люди весьма просвѣщенные, которые, подобно Фридриху Великому, называли себя первыми слугами своихъ подданныхъ; но все-таки Пруссія 18 и начала 19 вѣка была страной чисто бюрократической и всѣ нити ея управленія были сконцентрированы въ королевскомъ дворцѣ. Идеаломъ монарха для Николая сдѣлались эти прусскіе государи-хозяева, которые во все вмѣшивались, за всѣмъ наблюдали, которые какъ бы всѣмъ завѣдывали и все направляли въ странѣ. Значитъ, чувство извѣстной отвѣтственности передъ самимъ собою, сознаніе выполненія возложеннаго свыше долга, было идеаломъ великаго князя Николая Павловича, а такъ какъ онъ былъ военнымъ съ головы до ногъ, то

вполнѣ понятно, что военная субординація и лежала въ основѣ его общаго міропониманія. Вѣра въ необходимость и спасительность казарменной обстановки обусловливала всѣ его отношенія къ окружающимъ. Онъ былъ до крайности требователенъ ко всѣмъ и въ результатѣ всѣ его суровыя взысканія исходили изъ разъ усвоенныхъ понятій. Такимъ образомъ, какъ бригадный генералъ и генералъ-инспекторъ онъ былъ, какъ нельзя болѣе, у мѣста, но когда ему въ 1819 г. Александръ I далъ понять, что ему, можетъ быть, суждено занять престолъ, то Николай былъ застигнутъ врасплохъ. Онъ не былъ совершенно подготовленъ къ той высокой и отвѣтственной роли, которую на него возлагалъ императоръ Александръ. Говорятъ что послѣ этого разговора онъ сталъ заниматься саморазвитіемъ, самообразованіемъ, много читалъ и этимъ путемъ хотѣлъ наверстать потерянное время, но во всякомъ случаѣ, среди постоянныхъ военныхъ заботъ и упражненій, ему оставалось мало досуга для чтенія серіозныхъ книгъ, и когда Николаю пришлось вступить на престолъ, онъ былъ преимущественно военнымъ служакой и являлся, главнымъ образомъ, поклонникомъ суровой военной дисциплины. Поэтому нечего удивляться, что въ теченіе николаевскаго царствованія отдавалось предпочтеніе людямъ военнымъ передъ штатскими, предпочтеніе людямъ, облеченнымъ въ военный мундиръ, носящимъ генеральскіе эполеты и генералъ-адъютантскіе аксельбанты. Достаточно указать, что въ 1840 г., напр., изъ 13 министровъ и главноуправляющихъ только трое было штатскихъ, а остальные были или генералъ-адъютанты, или люди, облеченные другими военными званіями. Военные, которымъ Николай безусловно довѣрялъ, являлись какъ бы его основнымъ орудіемъ управленія; притомъ это были не тѣ широко образованные гвардейцы, которыхъ мы видимъ въ царствованіе Александра I, не тѣ лица, изъ среды которыхъ выросло движеніе 14 дек., а служаки, насквозь проникнутые субординаціей и военной дисциплиной, той муштровкой, которая изъ эпохи аракчеевщины перенесена была и въ царствованіе Николая I. Значитъ, не широкимъ кругозоромъ людей образованныхъ, а привычками казарменнаго быта - вотъ чѣмъ отличались тѣ сотрудники, которыми окружилъ себя императоръ Николай, считавшій себя какъ бы направителемъ всей внѣшней и

внутренней политики Россіи. Онъ во все вмѣшивался; онъ все рѣшительно проводилъ самъ въ жизнь. Начиная съ 7 ч. утра и кончая иногда позднимъ вечеромъ, онъ просиживалъ у себя въ кабинетѣ за бумагами, подписывая ихъ, прочитывая или выслушивая доклады министровъ и думалъ, что знаетъ всѣ мелочи, всѣ подробности центральнаго и областного административнаго механизма. Достаточно привести тотъ фактъ, что ни одинъ частный домъ въ центральныхъ частяхъ Петербурга и ни одно государственное или общественное зданіе во всей Россіи воздвигаться не могли безъ того, чтобы планъ ихъ и внѣшній фасадъ не былъ просмотрѣнъ и утвержденъ самимъ императоромъ Николаемъ. Говорили даже, что типъ будокъ, которыя ставились для городовыхъ и полицейскихъ служителей, вырабатывалъ самъ императоръ Николай. Значитъ, дѣйствительно извѣстное стремленіе быть какъ бы главою обширной вотчины, обширнаго помѣстья и вмѣшиваться во всѣ подробности этого хозяйственнаго механизма было основной цѣлью Николая I. Не даромъ онъ называлъ себя первымъ двоpяниномъ и помѣщикомъ государства, и это государство онъ считалъ своей собственностью, а что касается дворянъ, то они въ глазахъ Николая были какъ бы прирожденными полицмейстерами. Они должны докладывать и доносить ему обо всемъ, что творилось въ государствѣ; они должны были направлять умы подрастающихъ поколѣній и заботиться о направленіи нравственнаго и умственнаго развитія своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ. Эти мысли ярко проявляются въ той рѣчи, съ которой Николай обратился въ началѣ 1848 г. къ депутаціи петербургскаго дворянства. Если военные порядки и военные нравы господствовали въ тѣхъ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, которыми окружилъ себя императоръ Николай, то и въ дѣлѣ народнаго образованія мы усматриваемъ ту же тенденцію подчинить все военной дисциплинѣ. Институтъ инженеровъ путей сообщенія, горный и училище гражданскихъ инженеровъ превращаются какъ бы въ военныя учебныя заведенія. Тамъ господствуетъ солдатская дисциплина, царятъ военные порядки. Значитъ и учебная часть должна была отражать на себѣ новый казарменный военный строй. Такимъ образомъ отъ воззрѣній новаго государя зависѣло все

направленіе правительственныхъ мѣропріятій, а такъ какъ общество въ то время было подавлено катастрофой 14 дек. 1825 г. и барометръ общественной жизни сильно понизился, то вполнѣ понятно, что это военное правительство и задавало тонъ всей внѣшней офиціальной показной жизни.

ВНУТРЕННЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЦАРСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ I.

Свои реформы, какъ я уже отмѣчалъ, имп. Николай осуществлялъ при помощи цѣлаго ряда секретныхъ комитетовъ. Секретность этихъ комитетовъ была чрезвычайна. Нѣкоторые изъ нихъ обставлены были такой тайной, что даже представители высшей администраціи, не входившіе въ ихъ составъ, не были освѣдомлены въ достаточной степени о томъ, для чего они созывались и имъ даже сообщали завѣдомо неточныя свѣдѣнія о ихъ работахъ и дѣятельности. Въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ работали эти секретные комитеты, которыхъ въ общей сложности было до 10, и въ результатѣ русская жизнь не была реформирована. Прежде всего возникаетъ вопросъ: каковы были причины такого страннаго положенія вещей? Въ моментъ, когда дѣйствительно серьезно приступили къ реформѣ, въ началѣ царствованія Александра II потребовалось всего-на-всего какихъ-нибудь 3-4 года, чтобы пало крѣпостное право, чтобы поставленъ былъ на очередь и даже отчасти осуществленъ цѣлый рядъ широкихъ гражданскихъ преобразованій.- Очевидно, въ самой организаціи дѣла при Николаѣ I надо видѣть основную причину неудачи правительственныхъ начинаній. Быть можетъ въ этихъ комитетахъ происходили большія пренія, и ихъ работы были осложнены широкими политическими и соціальными программами? Отнюдь нѣтъ. Составъ членовъ этихъ въ комитетахъ былъ въ высшей степени однороденъ. Это все были лица изъ высоко-поставленной чиновной бюрократіи, обычно члены Госуд.совѣта или начальники отдѣльныхъ частей управленія.- Такимъ образомъ, эти бюрократы, посѣдѣвшіе на своихъ мѣстахъ, прошедшіе школу продолжительнаго административнаго опыта, были далеки отъ какихъ-нибудь широкихъ реформаціонныхъ начинаній. Основная причина неудачи комитетскихъ работъ и заключалась именно въ личномъ составѣ

членовъ этихъ совѣщаній. Всѣ они были проникнуты увѣренностью, что одна только бюрократія можетъ пересоздать жизненныя отношенія въ странѣ. Но вѣдь только въ тѣсномъ взаимоотношеніи между обществомъ и правительствомъ и возможно осуществленіе насущныхъ преобразованій. Только тогда, когда правительственныя сферы обновляютъ свои силы, черпая ихъ изъ окружающей общественной структуры, работа ихъ пріобрѣтаетъ жизненный цѣлесообразный характеръ. Но такъ какъ правительство имп.Николая было правительствомъ застоя, атрофировавшимъ у себя чутье дѣйствительности, въ силу того, что оно отвернулось отъ общества, отрѣшилось отъ жизни, то вполнѣ понятно, что всѣ тѣ начинанія, которыя обсуждались въ секретныхъ комитетахъ, были обречены на бюрократическое безплодіе. Все то, что появлялось изъ среды этихъ комитетовъ, поражаетъ насъ своимъ чахлымъ и худосочнымъ видомъ. Всѣ ихъ проекты поражаютъ насъ одной характерной особенностью: члены комитетовъ стремились реформировать жизнь такъ, чтобы все оставалось по старому, чтобы реформы пріобрѣтали только бумажный или терминологическій характеръ, чтобы подъ новой формой неизмѣнно сохранялось старое содержаніе. Всѣ къ чему-то стремились, надъ чѣмъ-то работали, исписывали груды бумагъ, проводили цѣлые годы надъ разработкой отдѣльныхъ вопросовъ, и въ результатѣ составленные ими законопроекты поражаютъ насъ отсутствіемъ всякаго содержанія. Это былъ какъ бы бѣгъ на мѣстѣ, поразительный по своей безрезультатности. Такимъ образомъ, тѣ секретные комитеты, которые являлись орудіемъ новаго правительства и по своему составу и по направленію своихъ работъ не могли конечно пересоздать нашу государственную и общественную жизнь; когда мы ближе познакомимся съ ихъ дѣятельностью, намъ будетъ понятно, въ какомъ направленіи развивалась эта безплодная бюрократическая работа, оставившая намъ груды бумагъ и стремившаяся сохранить тотъ офиціальный строй, который прикрывался извѣстной формулой: „все обстоитъ благополучно". Эта формула властно царила надо всѣмъ: и наверху, и внизу, начиная отъ министра и кончая послѣднимъ становымъ приставомъ.

Такимъ образомъ, Россія эпохи Николая I была государствомъ, проникнутымъ вѣрой въ бюрократію, но бюрократія

своей 20-лѣтней дѣятельностью доказала, что ея руками нельзя разрабатывать важную жизненную проблему. Только тогда, когда эта бюрократія сошла съ той мертвой точки, на которой она стояла въ теченіе всего николаевскаго царствованія,- только тогда жизнь властно показала, что нужно новыми средствами, новыми силами разрѣшать основные государственные вопросы.

Уже первый Николаевскій секретный комитетъ, такъ называемый комитетъ 6 дек. 1826 года задаетъ тонъ работамъ всѣхъ послѣдующихъ келейныхъ и особыхъ совѣщаній. Онъ былъ образованъ черезъ годъ послѣ вступленія Николая I на престолъ для того, чтобы обозрѣть всѣ отрасли государственнаго управленія, чтобы реформировать ихъ и поставить на новыя основанія. Этому комитету поставлены были 3 задачи: 1) Разсмотрѣть бумаги, оставшіяся послѣ Александра I; 2) Разсмотрѣть вопросъ о преобразованіи высшихъ государственныхъ учрежденій; 3) Составить законъ о состояніяхъ. Уже въ этомъ комитетѣ какъ и во всѣхъ послѣдующихъ рѣзко выступаетъ одинъ и тотъ же пріемъ: приступая къ работѣ, комитетъ ставитъ общій принципъ, чтобы черезъ нѣсколько моментовъ признать его неосуществимымъ. Душою комитета 6 дек. главной его рабочей силой явился Сперанскій, который теперь обнаружилъ также ярко свою блестящую аргументацію, свое умѣнье облекать въ кристально-прозрачныя формы тѣ положенія, которыя должны были лежать въ основѣ реформъ. Ему, теперь уже умудренному опытомъ, не стремившемуся къ широкимъ и къ кореннымъ преобразованіямъ, пришлось редактировать новыя законодательныя предположенія, и онъ здѣсь проявилъ то же самое умѣнье, ту же самую ловкость, съ которой онъ оперировалъ въ началѣ царствованія Александра, когда облекалъ въ плоть и кровь вольнолюбивыя мечты самого государя и его ближайшихъ сотрудниковъ. Но разница была въ томъ, что тогда, въ 1809 г., Сперанскій редактировалъ мечты, которыя никогда не должны были осуществиться, а теперь ему пришлось редактировать упованія и чаянія, удержать потокъ жизни, ввести его въ старое бюрократическое русло. Онъ теперь долженъ былъ прилагать всѣ свои усилія, все свое умѣнье къ тому, чтобы удержать историческое движеніе при помощи той бу-

мажной плотины, которую хотѣли поставить этому движенію члены секретнаго комитета. Дѣйствительно, всѣ они были полны вѣры въ то, что строй, который далъ имъ возможность занять выдающееся государственное положеніе, былъ безупреченъ и въ своемъ основаніи, и въ своихъ подробностяхъ; реформировать его заново, это по ихъ мнѣнію было то же самое, что рубить тотъ самый сукъ, на которомъ они сидѣли. Другими словами, члены секретнаго комитета, стремясь къ кореннымъ реформамъ, должны были какъ бы поставить крестъ на прошломъ, на томъ прошломъ, съ которымъ связана была уже почти цѣликомъ прожитая жизнь. Такого акта самоотреченія и самопожертвованія, конечно, мы не можемъ ожидать отъ представителей высшей бюрократіи. Вотъ почему уже въ этомъ секретномъ комитетѣ, въ первомъ комитетѣ 1826 г., работавшемъ почти 4 года, мы видимъ основной ферментъ разложенія, которымъ разрушались всѣ благіе порывы правительства имп. Николая въ послѣдующее время. Я пока не буду касаться самаго существеннаго и важнаго вопроса, поставленнаго въ этомъ комитетѣ, именно, вопроса крестьянскаго, но я остановлю ваше вниманіе на тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя относились къ сферѣ государственныхъ преобразованій. Они намъ ясно докажутъ, въ какомъ направленіи работалъ комитетъ, какія цѣли и задачи онъ себѣ ставилъ. Комитетъ исходилъ изъ того положенія, что при самодержавіи, основа котораго должна быть незыблемой, надо установить раздѣленіе властей, отдѣлить власть законодательную отъ власти административной и власть административную отъ власти судебной, но именно потому, что всѣ эти власти не были гарантированы въ своей независимости, на дѣлѣ оказывалось, что происходило не столько раздѣленіе властей, сколько раздѣленіе функцій, которое въ результатѣ сводило весь государственный механизмъ къ одному источнику, къ одному исходному пункту, каковымъ являлась неограниченная самодержавная власть государя. Государственный Совѣтъ, по мысли комитета 1826 года, долженъ былъ являться законосовѣщательнымъ учрежденіемъ. Помимо него никакія учрежденія, уставы и законы не могли получать силу. Комитетъ министровъ, который въ царствованіе Александра I какъ бы узурпировалъ законосовѣщательную власть и черезъ который проходило много важ-

ныхъ законодательнихъ предположеній,- долженъ былъ быть уничтоженъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ члены комитета 1826 года полагали, что министры могутъ издавать и толковать учреждения и уставы, а Государственный Совѣтъ дополнять учрежденія, уставы и законы и уничтожать ихъ. Точной же гарантіи того, что уставы и учрежденія, создаваемыя министрами, не будутъ захватывать сферу того, что входило въ составъ компетенціи Государственнаго Совѣта, дано не было. Значитъ, реформа пріобрѣтала характеръ чисто терминологическій, а по существу все оставалось по прежнему. Что касается власти административной, то комитетъ 1826 года, уничтожая комитетъ министровъ, указывалъ, что необходимо создать постоянное совѣщаніе министровъ, назвать его правительствующимъ сенатомъ. Такимъ образомъ, одно слово, одно положеніе замѣнялось другимъ словомъ, другимъ положеніемъ и реформа пріобрѣтала характеръ измѣненія однихъ только названій, не подвигая дѣло впередъ. Но особенно интересны тѣ мѣропріятія, которыя комитетъ предполагалъ произвести въ сферѣ судебной. Власть судебная сосредоточивается въ сенатѣ; но сенатъ потому не стоитъ на высотѣ своего положенія, что государь стѣсненъ выборомъ его членовъ, что въ него входятъ только дѣйствительные тайные, да тайные совѣтники. Всему можно помочь, если будетъ постановлено, что государь можетъ назначать въ составъ сенаторовъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, съ наименованіемъ ихъ „присутствующими", но уравнивая ихъ въ правахъ съ сенаторами, На это императоръ Николай положилъ такую резолюцію: „Нѣтъ достаточныхъ данныхъ предполагать, что среди дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ найдутся люди, способные нести сенаторское дѣло." Значитъ, весь вопросъ заключался, по мнѣнію комитета, только въ томъ, чтобы расширить кругъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ можно назначать сенаторовъ. Другой принципъ, который положилъ комитетъ въ основу судебной реформы,- это начало несмѣняемости судей, но установивъ такое здравое положеніе, члены комитета какъ бы испугались и высказались за то, что правительство, конечно, должно имѣть право смѣнять судей съ достаточной осторожностью и разборчивостью, такъ какъ въ противномъ случаѣ судьи, не боясь кары, станутъ злоупотреблять

своимъ положеніемъ. Какъ будто судьи, злоупотребляющіе своими обязанностями, не могутъ по суду быть отрѣшены отъ занимаемой ими должности. Такъ какъ Государственный Совѣтъ въ своемъ первомъ департаментѣ разсматривалъ тѣ судебныя рѣшенія сената, которыя затѣмъ шли на Высочайшую конфирмацію, то для того, чтобы не происходило смѣшенія властей, члены комитета полагали, что надо изъ состава Госуд.Совѣта выдѣлить особую комиссію, которая была бы внѣ Совѣта и которая бы высказывалась относительно подобнаго рода дѣлъ. Значитъ, опять-таки предлагалась перемѣна чисто формальная, а не по существу. Слѣдовательно, всѣ тѣ реформы, которыя относились къ сферѣ высшаго государственнаго управленія, сводились на нѣтъ, такъ какъ въ основу своихъ работъ комитетъ ставилъ опредѣленный принципъ, а затѣмъ въ дальнѣйшемъ почти тотчасъ же отступалъ отъ него. То же самое мы видимъ и въ сферѣ мѣстнаго управленія. Здѣсь комитетъ предполагалъ установить точный и реальный контроль, какъ надъ общими административными присутствіями, такъ и надъ судебными учрежденіями. Но въ контрольныхъ совѣщаніяхъ участвовали именно тѣ, кого надо было контролировать. Во главѣ губернскихъ совѣщаній долженъ былъ быть губернаторъ, а во главѣ уѣздныхъ - предсташитель дворянства. Однако императоръ Николай ярко проявилъ здѣсь свое недовѣріе къ той самой бюрократіи, которой онъ себя окружилъ, положивъ такую резолюцію, что онъ не нашелъ бы даже 500 человѣкъ, которымъ бы могъ поручить выборы предсѣдателей, что ни на кого нельзя положиться - ни на предводителей дворянства, ни на губернаторовъ. Значитъ, та самая среда, которая должна была намѣчать кандидатовъ на предсѣдательскія мѣста, уже заранѣе была дискредитирована въ глазахъ высшаго правительства. Въ результатѣ пришли къ такому компромиссу: Въ составъ тѣхъ комиссій, которыя должны были контролировать дѣятельность мѣстной администраціи и дѣятельность судебныхъ мѣстъ, съ одной стороны назначались лица изъ провинціальной администраціи, т.е. тѣ самыя лица, которыхъ надо было контролировать, а съ другой стороны намѣчались кандидаты мѣстнымъ дворянствомъ и изъ этихъ кандидатовъ уже центральное правительство назначало членовъ данной

комиссіи. Получалось, такимъ образомъ, на-половину бюрократическое, на-половину выборное совѣщаніе, но оно и по своему составу, и по способу комплектованія было обречено на безплодіе. Что касается мѣстныхъ дворянскихъ обществъ,то они по предположенію комитета 1826 г. должны были быть обновлены въ своемъ составѣ и отражать мнѣніе наиболѣе обезпеченнаго и, такимъ образомъ, наиболѣе благомыслящаго дворянства. Тѣ выборныя должности, которыя стали пріобрѣтать какъ бы общегосударственный характеръ, должности предводителей дворянства и членовъ низшихъ судебныхъ инстанцій,- должны были замѣщаться по выбору людей болѣе обезпеченныхъ. Устанавливался опредѣленный имущественный цензъ для участія въ дворянскихъ выборахъ и мелкопомѣстные владѣльцы не могли принимать участія въ дворянскихъ собраніяхъ. Что касается закона о состояніяхъ, который долженъ былъ коснуться правъ и преимуществъ всего общества и произвести соціальную реформу, то и этотъ законъ отличался такою же безформенностью своего содержанія, какъ только что указанные проекты административныхъ и государственныхъ преобразованій. При его разработкѣ императоръ Николай внесъ въ комитетъ составленныя имъ лично записки о томъ, чтобы отдѣлить дворовыхъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ и запретить переводъ крестьянъ въ дворовые, а также, чтобы прекратить продажу крестьянъ безъ земли. Вотъ эти-то 2 записки и легли въ основу закона о состояніяхъ. Разрабатывать отдѣльно вопросъ о дворовыхъ людяхъ и о непродажѣ крестьянъ безъ земли члены комитета считали неудобнымъ потому, что если такой законъ будетъ изданъ отдѣльно, то онъ можетъ возбудить броженіе и несбыточныя ожиданія въ крестьянской средѣ. Надо составить законъ, касающійся всѣхъ сословій и въ составъ его включить или въ видѣ одной изъ главъ, или въ видѣ одной изъ статей тѣ новыя узаконенія, которыя касаются крестьянъ и дворовыхъ. Слѣдовательно, члены комитета хотѣли тѣ узаконенія, которыя являлись наиболѣе жизненными, заключить въ цѣлую груду параграфовъ и статей, которыя касались другихъ сословій. Въ результатѣ законъ о состояніяхъ былъ выработанъ. Въ немъ говорилось о томъ, какими способами пріобрѣтается потомственное дворянство и

дворянство личное, какъ пріобрѣтается почетное гражданство, какія награды получаетъ именитое купечество и духовенство за свои заслуги, и затѣмъ въ одной изъ статей было сказано, что не слѣдуетъ продавать крестьянъ безъ земли и въ составъ дворовыхъ переводить крестьянъ съ пашни. Вотъ эти-то положенія закона о состояніяхъ и проведены были черезъ Государственный Совѣтъ въ 1830 г., но до ихъ опубликованія были отправлены въ Варшаву на разсмотрѣніе ихъ цесаревичу Константину Павловичу. Онъ сдѣлалъ свои замѣчанія на новый законопроектъ, указавъ съ одной стороны, что для многихъ дворянъ, которые все свое благосостояніе усматриваютъ только въ дворовыхъ людяхъ, этотъ законъ былъ бы въ высшей степени тяжелъ, а затѣмъ, что вообще дѣлать нововведенія, реформировать соціальныя отношенія не приходится въ тотъ моментъ, когда кругомъ рушатся троны и уничтожаются династіи. Нельзя уничтожать тотъ порядокъ, который показалъ свою прочность и свою основательность въ теченіе ряда вѣковъ. Въ словахъ Константина Павловича было какъ бы прямое указаніе на З.Европу, въ которой какъ разъ въ это время начиналось новое революціонное броженіе и во Франціи, и въ Бельгіи. Затѣмъ вскорѣ вспыхнуло и Польское возстаніе. Все это явилось поводомъ къ тому, чтобы реформа была отложена, и законопроектъ, уже обсужденный въ Государственномъ Совѣтѣ, и получившій одобреніе государя, такъ и не былъ опубликованъ. Такимъ образомъ, работа секретнаго комитета и Государственнаго Совѣта была сведена на нѣтъ. Но эта работа не прошла даромъ. Она наложила сой отпечатокъ на дѣятельность всѣхъ послѣдующихъ комитетовъ. Самъ императоръ Николай изъ всего этого сдѣлалъ довольно опредѣленный выводъ. Онъ началъ терять вѣру въ творческую силу бюрократіи, сталъ на все смотрѣть довольно пессимистично. Впослѣдствіи въ бесѣдѣ съ гр. Киселевымъ, съ человѣкомъ, глубоко проникнутымъ убѣжденіемъ о необходимости существенныхъ преобразованій, которыя однако слѣдовало проводить въ жизнь не спѣша и послѣдовательно, онъ говорилъ, что у него нѣтъ людей, на которыхъ онъ могъ бы положиться, что даже въ его собственной семьѣ многіе взгляды его не раздѣляются. Слѣдовательно имп.Николай былъ какъ бы предоставленъ самому себѣ. У него не было

сотрудниковъ, которые могли бы дѣйствительно выяснить и разработать тѣ насущныя законодательныя предположенія, которыя властно выдвигались всѣмъ ходомъ жизни.- Только 2 реформы были проведены въ жизнь при Николаѣ I, но эти реформы прошли не черезъ секретные комитеты, а были продуктомъ творчества 2-хъ представителей тогдашней бюрократіи, именно, гр.Сперанскаго и гр.Канкрина. Это были реформа законодательства и реформа финансовъ. Дѣло въ томъ, что необходимо было составить новое уложеніе и необходимо было выйти изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ находилось наше государственное хозяйство. И та, и другая задача имѣла свою продолжительную исторію. Еще въ 18 вѣкѣ дѣлались попытки создать новое Уложеніе. И въ томъ же 18 ст. начались выпуски тѣхъ самыхъ ассигнацій, которыя подготовили финансовый кризисъ начала 19 столѣтія. Значитъ, поставить наше законодательство на прочное историческое основаніе и реформировать наши финансы на прочныхъ началахъ - вотъ тѣ 2 реформы, на которыя надо было обратить вниманіе и они трудами Сперанскаго и Канкрина были разрѣшены въ 30 и 40-хъ годахъ 19 вѣка. Сперанскій теперь на склонѣ своихъ дней не былъ уже тѣмъ идеалистомъ и отчасти доктринеромъ, какимъ онъ является въ первые годы царствованія Александра. Онъ прошелъ суровую школу паденія и ссылки и снова появился на вершинѣ бюрократической пирамиды, но уже не тѣмъ властнымъ и гордымъ временщикомъ, какимъ онъ былъ въ моментъ близости къ императору Александру, а человѣкомъ заискивающимъ, нерѣдко преклоняющимся передъ сильными міра сего, человѣкомъ, который унизился до того, что написалъ даже записку, оправдывающую введеніе военныхъ поселеній. И вотъ теперь, когда обратились къ нему по поводу составленія новаго уложенія, Сперанскій проявилъ уже совершенно иныя качества своего ума и своей работы. Онъ не ставилъ себѣ отвлеченныхъ цѣлей, достиженіе которыхъ не могло быть осуществлено въ ближайшемъ будущемъ. Онъ помнилъ, какъ на него обрушились и общественныя сферы, и правительственные круги за заимствованіе теоретическихъ положеній изъ западно-европейскаго законодательства. Онъ теперь хотѣлъ поставить новое русское Уложеніе на чисто историческую основу. Назначенный главноуправляющимъ II отд. собственной Его Величества канцеляріи, т.е. того отдѣленія,

которое вѣдаетъ кодификацію законовъ,Сперанскій занялся собраніемъ всѣхъ государственныхъ актовъ, законовъ, уставовъ, регламентовъ и указовъ, изданныхъ съ 1649 г. по 1825 г., т.е. съ момента обнародованія соборнаго уложенія и до конца царствованія Александра I. Такимъ образомъ, составлено было полное собраніе законовъ россійской имперіи, изданное въ 45 громадныхъ фоліантахъ. Изъ всей этой массы узаконеній были выбраны тѣ, которыя не потеряли еще практическаго значенія. Они были систематизированы и изданы въ 15 томахъ. Такимъ образомъ образовался Сводъ законовъ россійской имперіи, т.е. кодексъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ вопросамъ государственнаго и административнаго права, къ вопросамъ судоустройства и судопроизводства, а также къ сферѣ права уголовнаго гражданскаго. Всѣ эти рубрики и отдѣлы были заполнены чисто историческимъ содержаніемъ. На основаніи этого свода законовъ надо было составить уголовное и гражданское уложенія, т.е. систематическій обзоръ тѣхъ нормъ, которыя являются основой гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Но эту работу выполнили впослѣдствіи въ 40-хъ годахъ лица, прошедшія школу Сперанскаго подъ главнымъ руководствомъ гр.Блудова, преемника Сперанскаго на посту главноуправляющаго II отд. Такимъ образомъ, громадная работа,выполненная Сперанскимъ, дала возможность поставить дѣло законодательной реформы на прочное историческое основаніе. Но эта работа имѣетъ и громадное научно-историческое значеніе, такъ какъ благодаря полному собранію законовъ сдѣлалось возможнымъ подвергнуть научному изслѣдованію колоссальный законодательный матеріалъ, накопившійся почти за 2 столѣтія. Эта гигантская работа по собиранію и систематизаціи прежнихъ узаконеній могла быть выполнена только такимъ подготовленнымъ и образованнымъ государственнымъ дѣятелемъ, какимъ былъ Сперанскій. Онъ при помощи яснаго и систематическаго ума сумѣлъ выбрать изъ громаднаго вороха узаконеній, оставшихся съ 1649 года, наиболѣе пригодный для Свода матеріалъ. За эту работу Сперанскій былъ вознагражденъ въ 1839 г. графскимъ титуломъ. Слѣдовательно, то, о чемъ писалъ Лаферроне своему правительству въ 1826 г., какъ о необходимой реформѣ, стоявшей на очереди, было выпол-

нено въ 1833 году.

На ряду съ новымъ сводомъ законовъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ проводилась важная финансовая реформа. Потребность ея ощущалась уже давно съ момента, когда на нашемъ внутреннемъ рынкѣ появилось громадное количество бумажныхъ денежныхъ законовъ; начиная съ эпохи Екатерины II и кончая моментомъ столкновенія Россіи съ Франціей въ 1812-15 годахъ производились выпуски ассигнацій, можно сказать, безъ всякаго опредѣленнаго плана. Положеніе русскихъ финансовъ грозило полнѣйшимъ крахомъ нашему государственному хозяйству. Ассигнаціи, какъ безобмѣнные бумажно-денежные знаки,падають въ цѣнѣ и въ результатѣ ассигнаціонный рубль достигъ 20 к. на серебро. Когда Россія стояла передъ призракомъ финансоваго банкротства, когда государственный кредитъ, можно сказать, упалъ до послѣдней степени, тогда впервые наканунѣ отечественной войны Сперанскимъ былъ установленъ тотъ взглядъ, что ассигнаціи являются ничѣмъ инымъ, какъ государственнымъ долгомъ, что только тогда, когда онѣ будутъ признаны кредитными знаками и ихъ цѣнность будетъ обезпечена всѣмъ государственнымъ достояніемъ, только тогда онѣ не будутъ колебаться въ своемъ курсѣ и ихъ можно будетъ удержать на опредѣленной высотѣ. Хотя этотъ планъ Сперанскаго и былъ принятъ, но впослѣдствіи съ его паденіемъ, а особенно подъ вліяніемъ событій военнаго времени на ассигнаціи перестали смотрѣть, какъ на государственный долгъ и новые выпуски этихъ бумажно-денежныхъ знаковъ совершенно заполнили нашъ внутренній рынокъ. Въ результатѣ къ 1823 г. ихъ насчитывалось до 886 мил., и такимъ образомъ можно сказать, что металлическія цѣнности были совершенно вытѣснены изъ финансоваго оборота внутри Россіи. Въ это время уже былъ поднятъ вопросъ о сокращеніи ассигнаціоннаго фонда; и министръ финансовъ Гурьевъ вмѣстѣ съ гр.Мордвиновымъ выработали проектъ объ уменьшеніи количества ассигнацій до 595 мил., полагая, что на этомъ уровнѣ и будетъ держаться количество бумажно-денежныхъ знаковъ въ странѣ. Но вѣдь колебанія въ курсѣ ассигнацій могли устраниться только при одномъ условіи, если ассигнаціи будутъ объявлены размѣнными, если государство можетъ гарантировать каждому держателю бумажно-денежныхъ знаковъ по-

лученіе въ любой моментъ опредѣленныхъ реальныхъ цѣнностей. Вотъ передъ такой-то проблемой и должно было стать министерство финансовъ съ 1823 г., когда у кормила правленія сталъ Канкринъ, одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ экономистовъ того времени. Чтобы показать вамъ, какія неудобства происходили отъ постоянныхъ колебаній курса нашихъ ассигнацій, я приведу слѣдующій примѣръ. Всѣ сдѣлки между русскими экспортерами и заграничными торговцами производились конечно не по курсу ассигнаціонному, а по курсу серебряной монеты, и если напр. сдѣлка между русскимъ купцомъ и англійскимъ была установлена въ такомъ приблизительно разсчетѣ, что за опредѣленный товаръ русскій купецъ долженъ уплатить 3000 серебромъ черезъ полгода послѣ заключенія сдѣлки, то, конечно, для такого купца далеко не было безразлично, на какой высотѣ стоитъ ассигнаціонный рубль въ данное время. Если ассигнаціи стоили на рынкѣ 30 к. серебромъ, то значитъ за 3000 р. серебромъ долженъ былъ русскій купецъ уплатить 10000 р. ассигнаціями, но если въ теченіе полугодового срока курсъ ассигнаціоннаго рубля понизился и достигъ напр. 25 к. серебромъ, то тогда уже купецъ терпѣлъ громадный убытокъ и долженъ былъ уплачивать вмѣсто 10000 р. 12000 р. И чѣмъ больше были такія колебанія, чѣмъ сильнѣе понижался курсъ ассигнаціоннаго рубля, тѣмъ, конечно, нашъ внѣшній товарообмѣнъ терпѣлъ бо́льшій ущербъ. Если такія неудобства происходили при внѣшней торговлѣ, то пожалуй они не устранялись и при внутреннихъ сдѣлкахъ, потому что ассигнаціи почти что вытѣснили изъ обращенія металлическія цѣнности и конечно всякаго рода торговыя и кредитныя сдѣлки должны были уже разсчитываться на ассигнаціонные рубли. Но ассигнаціи не только колебались по времени, но и измѣнялись въ своемъ курсѣ по мѣстностямъ. При отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, при извѣстномъ застоѣ въ торговлѣ, отъ того, что въ данный моментъ ощущался иногда недостатокъ въ денежныхъ мѣновыхъ знакахъ, они котировались на рынкѣ по разному, отъ 3 р. 80 к. до 3 р. 60 к. за серебряный рубль. Такимъ образомъ, приплата или лажъ, который происходилъ въ силу этихъ колебаній, доходилъ по вычисленію Канкрина до 27% обычной стоимости ассигнаціоннаго рубля. Чтобы устранить всѣ эти неудобства и вывести русскую торговлю изъ такого

неустойчиваго положенія, надо было разрѣшить 2 вопроса: 1) О признаніи нашего ассигнаціоннаго фонда государственнымъ долгомъ и 2) о введеніи у насъ болѣе устойчивой единицы денежнаго обращенія. Вотъ все это и было произведено въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ по инициативѣ гр.Канкрина. Прежде всего правительство стремилось установить опредѣленный курсъ ассигнаціоннаго рубля, т.е. извѣстное соотношеніе между серебрянымъ рублемъ и тѣмъ количествомъ тѣхъ ассигнацій, которыя давались за этотъ серебряный рубль.Принимая обычное соотношеніе между серебромъ и бумажными денежными знаками, существовавшее на рынкѣ, Канкринъ установилъ такую пропорцію: одинъ серебряный рубль равняется 3 р. 50 к. ассигнаціями, т.е. другими словами, каждый ассигнаціонный рубль равнялся 28 съ половиною копѣйкамъ серебра. Къ разрѣшенію же вопроса о томъ, являются ли ассигнаціи кредитными знаками, долговымъ обязательствомъ правительства или нѣтъ, Канкринъ подошелъ посредствомъ ряда финансовыхъ операцій. Прежде всего, надо было создать тотъ металлическій фондъ, который помогъ бы правительству установить размѣнъ бумажно-денежныхъ знаковъ для того, чтобы дать возможность держателямъ ассигнацій превращать ихъ въ металлическія реальныя цѣнности. Въ цѣляхъ привлеченія въ государственное казначейство значительнаго количества серебра, Канкринъ сталъ съ 1839 г., когда учреждены были такъ называемыя депозитныя кассы, выпускать „депозитки", т.е. государственныя долговыя обязательства, приносящія опредѣленный процентъ. Этимъ путемъ правительство стянуло въ казну большое количество серебряной и золотой монеты,и такимъ образомъ, къ началу 40 годовъ удалось уже установить тотъ необходимый запасъ, которымъ можно было воспользоваться въ дальнѣйшихъ финансовыхъ операціяхъ. Послѣ всѣхъ этихъ подготовительныхъ работъ 1 января 1840 г. было установлено, что основной единицей нашего денежнаго обращенія является серебряный рубль. Къ этому-то серебряному рублю приравнивались ассигнаціи по стоимости 3 р. 50 к. за каждый серебряный рубль. Но выпускать на рынокъ серебро не имѣло никакого смысла, такъ какъ его было не особенно много и населеніе уже привыкло къ бумажно-денежному обращенію. Въ теченіе 1840-43 г.г. Канкринъ

замѣняетъ постепенно ассигнаціи государственными кредитными билетами, приравнивая къ одному рублю кредитными билетами 3р. 50к. ассигнаціями. Различіе между кредитными билетами и ассигнаціями состояло въ томъ, что первые подлежали обмѣну на серебро, а вторые не подлежали. Къ 1843 г. ассигнаціи были совершенно изъяты изъ обращенія и произведенъ былъ обмѣнъ ихъ на государственные кредитные билеты, при чемъ было установлено правило, что вся сумма выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ обезпечивается въ количествѣ 1/6 части металлическимъ серебрянымъ или золотымъ фондомъ; при дальнѣйшихъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ должна была соблюдаться та же пропорція. Конечно, эта важная реформа, приведшая къ опредѣленному порядку въ системѣ нашего государственнаго хозяйства являлась мѣрой въ извѣстной степени экстраординарной. Дѣло въ томъ, что Канкринъ констатировалъ только установившійся фактъ, тѣ условія денежнаго обращенія, которыя были подготовлены предшествующимъ ходомъ событій. Онъ какъ бы окончательно призналъ то паденіе ассигнаціоннаго рубля, которое произошло какъ въ силу громаднаго количества выпущенныхъ ассигнацій, такъ и въ силу тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній, которыя испытывала Россія въ началѣ 19 столѣтія. Но признавая этотъ фактъ и не стараясь поднять курсъ ассигнаціоннаго рубля, Канкринъ какъ бы объявлялъ частичное государственное банкротство. Эта мѣра на языкѣ политической экономіи называется девальваціей и состоитъ въ томъ, что правительство отказывается уплачивать часть своего долга и только по оставшейся признаваемой имъ части производитъ уплату. - Разъ бумажныя деньги упали въ своемъ курсѣ, то значитъ номинальный рубль уже не являлся рублемъ, а стоилъ значительно меньше, а такъ какъ правительство выпускало ассигнаціи по ихъ номинальной стоимости, а расплачивалось по ихъ покупной стоимости, то значитъ, вся разница между стоимостью номинальной и стоимостью покупной являлась той суммой правительственнаго долга, которая казной не признавалась. Другими словами, если правительство устанавливало стоимость ассигнаціоннаго рубля въ 28 съ половиною копѣекъ серебромъ, то 71 съ половиною коп. скидывались со счета государственнаго долга, или, другими

словами, правительство признавало свой ассигнаціонный долгъ въ количествѣ 28 съ половиною процентовъ. Только путемъ такой чрезвычайной мѣры Канкрину удалось вывести наше государственное хозяйство изъ тяжелаго критическаго положенія, но во всякомъ случаѣ, страна отъ этого сравнительно мало теряла, потому что тѣ бумажно-денежные знаки, которые выпускались предшествующими правительствами, никогда не ходили на рынкѣ рубль за рубль, а всегда ассигнаціи цѣнились значительно ниже серебряныхъ денежныхъ знаковъ. Слѣдовательно, правительствомъ признанъ былъ тотъ самый фактъ, съ которымъ уже свыклось общество. Однако самое признаніе этого факта было большой заслугой тогдашняго министерства финансовъ. Конечно, впослѣдствіи, особенно въ эпоху крымской войны, наши бумажно-денежные кредитные знаки стали выпускаться въ значительно бо́льшемъ количествѣ сравнительно съ тѣмъ, которое установлено было Канкринымъ, и пропорціональное отношеніе между суммой выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ и величиною находящагося въ казнѣ металлическаго фонда уже строго не соблюдалось. Все это снова привело къ паденію курса нашего кредитнаго рубля. Вмѣстѣ съ тѣмъ Канкринъ провелъ и другую важную реформу, а именно опредѣленную отчетность по дѣламъ государственнаго казначейства. Отчетность существовала и въ прежнее время, но она носила чисто формальный бумажный характеръ. Министръ финансовъ обязанъ былъ представлять въ Государственный Совѣтъ отчетъ о выполненіи приходо-расходной росписи, но эти отчеты иногда затягивались въ своемъ представленіи на нѣсколько лѣтъ. Такъ напр. отчетъ 1809 г. былъ представленъ только въ 1816 г., а отчетъ 1811 г. - только въ 1819 г. Конечно, при такой медлительности все практическое значеніе этихъ отчетовъ терялось. А такъ какъ за нѣкоторые годы, какъ напр. за періодъ войнъ съ Наполеономъ министерство финансовъ совсѣмъ отчета не представляло, то для насъ станетъ яснымъ, что самый принципъ отчетности былъ только фикціей и Государственный Совѣтъ совершенно не имѣлъ возможности контролировать правильность дѣйствій финансоваго вѣдомства. Канкринъ же установилъ то правило, что отчетъ за истекшій финансовый годъ представляется въ слѣдующемъ году на уваженіе Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ,

создавалась извѣстная послѣдовательность и преемственность въ представленіи отчетовъ за цѣлый рядъ лѣтъ и картина состоянія нашего государственнаго хозяйства могла принять болѣе опредѣленныя очертанія въ глазахъ высшаго законосовѣщательнаго и контролирующаго государственнаго учрежденія. Въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ Канкринъ находился во главѣ финансоваго вѣдомства, главнымъ образомъ потому, что онъ зарекомендовалъ себя опытнымъ финансистомъ и человѣкомъ безупречной честности. Имп. Николай его чрезвычайно цѣнилъ, прощая ему многія странности, многія оригинальности, которыми отличался этотъ хотя и въ военной формѣ, но далеко не военный по своимъ убѣжденіямъ и по своей внѣшности, министръ финансовъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ НИКОЛАЯ I.

Конечно эти реформы, на которыхъ я остановилъ ваше вниманіе, именно составленіе Свода Законовъ и измѣненіе въ системѣ денежнаго обращенія не могли поглотить все вниманіе правительства за періодъ царствованія Николая I. Естественно, что жизнь властно выдвигала болѣе насущные вопросы, которые давно уже стояли на очереди. Можно сказать, что во второй четверти 19 столѣтія центральное мѣсто занимаетъ та самая соціальная проблема, около которой вращались лучшіе помыслы декабристовъ, къ которой привлечено было вниманіе и правительственныхъ сферъ въ эпоху Александра I,-проблема объ отмѣнѣ крѣпост.права,имѣвшая самое кардинальное значеніе въ русск.жизни первой половины 19 вѣка.Со вступленія на престолъ имп.Николая, крестьянскій вопросъ не сходитъ уже со сцены,и можно сказать, что и правительство, и общество сосредоточиваютъ на его разрѣшеніи самое пристальное вниманіе. Однако кризисъ, наступившій въ Россіи въ концѣ николаевской эпохи, не достигъ еще своей остроты въ 20 и 30 годахъ и потому въ первую половину царствованія Николая мы не встрѣчаемъ извѣстной интенсивности въ разработкѣ крестьянскаго вопроса. Чтобы понять,какой уголъ зрѣнія установился у правительственныхъ сферъ и у общества на этотъ вопросъ, намъ надо дать не-

большую характеристику и того,и другого;и правительства, и общества въ ихъ взаимоотношеніи на почвѣ разрѣшенія крестьянской проблемы. Самъ императоръ Николай, вступая на престолъ, усвоилъ уже довольно опредѣленный взглядъ на крестьянскую крѣпостную неволю. Еще на лекціяхъ академика Шторха онъ могъ ознакомиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что крѣпостной трудъ менѣе продуктивенъ, сравнительно съ трудомъ свободнымъ. Кромѣ того Николаю I въ бытность его въ Англіи пришлось столкнуться въ извѣстныхъ ассоціаціяхъ Оуена съ широкимъ примѣненіемъ свободнаго кооперативнаго труда. Уже въ это время, въ 1817-18 г. у Николая Павловича, какъ онъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, зародилась мысль о необходимости ликвидаціи крѣпостного права. Но вступивъ на престолъ подъ впечатлѣніемъ тревожныхъ обстоятельствъ декабрьскаго движенія, Николай I не могъ сразу оріентироваться во всѣхъ государственныхъ вопросахъ, и ему пришлось лишь исподволь подготовлять матеріалъ для упраздненія крѣпостного права. Съ самаго начала своего царствованія, какъ это онъ говорилъ въ 1834 г. Киселеву,онъ „собиралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который онъ хотѣлъ вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи". Картонами съ этими бумагами заставлена была цѣлая стѣна въ его рабочемъ кабинетѣ. Самъ Николай Павловичъ сознавалъ,какъ это онъ высказалъ въ рѣчи въ 1842 г.,произнесенной въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, что крѣпостное право въ его современномъ положеніи въ Россіи есть зло, всѣми признаваемое, для всѣхъ очевидное, но прикасаться къ нему было бы дѣломъ еще болѣе опаснымъ. Значитъ, у Николая I не было опредѣленной увѣренности въ томъ, что крестьянскій вопросъ совсѣмъ назрѣлъ. Хотя онъ и говорилъ въ 1844 г., что главная цѣль его измѣнить крѣпостное у насъ состояніе, онъ считалъ только, что вся задача, выпавшая на его долю, состоитъ въ томъ, чтобы подготовить отмѣну крѣпостного права для своего преемника,и разработка матеріала, накопившагося въ его рукахъ, подготовка отдѣльныхъ стадій реформы становится основной заботой новаго правительства съ перваго года вступленія на престолъ имп. Николая. Тѣ лица, которыя окружали государя, должны были такъ или иначе оказывать извѣстное влія-

ніе на его отношеніе къ крестьянской проблемѣ. Людей наиболѣе вдумчиво относящихся къ окружающей дѣйствительности, смела та буря, которая разразилась надъ русской интеллигенціей на рубежѣ 2-хъ царствованій. Тѣ изъ декабристовъ, которые остались на свободѣ, напр. какъ Н.И.Тургеневъ, были за границей и конечно оттуда не могли вліять на ходъ русской жизни, какъ это дѣлалъ раньше тотъ же Тургеневъ, подавшій въ 1819 г. черезъ Милорадовича Александру I записку о крѣпостномъ правѣ. Вокругъ Николая были лица, всецѣло проникнутыя опредѣленными бюрократическими традиціями. У нихъ -то, какъ у представителей высшихъ правительственныхъ сферъ, и долженъ былъ искать поддержки имп.Николай въ разрѣшеніи всѣхъ важныхъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. Въ 1834 г. онъ жаловался Киселеву, что онъ говорилъ со многими изъ своихъ сотрудниковъ о „преобразованіи крѣпостного права" и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія, а великіе князья Константинъ и Михаилъ Павловичи были совершенно противъ измѣненія быта помѣщичьихъ крестьянъ. И тотъ и другой изъ великихъ князей отличались консервативнымъ образомъ мыслей и въ важномъ и рѣшительномъ вопросѣ, какимъ являлся крестьянскій, стояли на стражѣ дворянскихъ, землевладѣльческихъ интересовъ.Правда, среди сотрудниковъ имп.Николая были лица, склонявшіяся въ сторону безземельнаго освобожденія крестьянъ. Такихъ взглядовъ держался напр. Сперанскій, одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей первой половины николаевскаго царствованія,и князь Меньшиковъ, который до самаго конца этой эпохи отстаивалъ свою остзейскую точку зрѣнія на крестьянскій вопросъ. Другія лица, какъ напр. князь Васильчиковъ или графъ Перовскій, изъ которыхъ одинъ болѣе выдвигался въ первой половинѣ царствованія Николая, а второй былъ министромъ внутр. дѣлъ въ 40-хъ годахъ, держались тѣхъ взглядовъ, что возможно освобожденіе крестьянъ, съ умѣреннымъ земельнымъ обезпеченіемъ, такъ чтобы дворянскіе интересы не были отданы въ жертву раскрѣпощенной крестьянской массы. Наиболѣе центральное положеніе среди всѣхъ этихъ дѣятелей занималъ гр.Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ (это новое министерство было образовано въ 1838 г.), который,по выраженію Николая I, былъ его „начальникомъ штаба по крестьян-

скому дѣлу." Въ лицѣ Киселева мы имѣемъ въ высшей степени просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля. Можно сказать, что это былъ единственный человѣкъ, сознательно и вдумчиво относящійся къ окружающей дѣйствительности. Будучи начальникомъ штаба южной арміи, онъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ со многими изъ декабристовъ, напр. съ Пестелемъ и Басаргинымъ. Можетъ быть, изъ бесѣдъ съ Пестелемъ при чтеніи его Русской Правды Киселевъ и вынесъ то убѣжденіе, что освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе какъ съ землею, съ сохраненіемъ общиннаго землепользованія. Значитъ, крестьянскую свободу безъ земельнаго обезпеченія Киселевъ не признавалъ, но освобождать крестьянъ съ землею въ 30 и 40-хъ годахъ онъ считалъ несвоевременнымъ и потому отстаивалъ разрѣшеніе вопроса въ такой плоскости: дать крестьянину свободу личную и свободу гражданскую, но привязать его къ опредѣленному участку земли, собственникомъ котораго останется дворянинъ-помѣщикъ. Въ глазахъ другихъ представителей николаевской бюрократіи вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно былъ связанъ съ вопросомъ о неограниченной самодержавной власти. Такъ напр. князь Васильчиковъ находилъ, что Россія еще „не созрѣла" для освобожденія крестьянъ, и что „власть помѣщичья необходима для поддержанія власти самодержавной." По мнѣнію же гр.Уварова, занимавшаго постъ министра народнаго просвѣщенія; „вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи и даже единодержавіи. Это двѣ параллельныя силы, кои развились вмѣстѣ. У того и другого одно историческое начало: законность ихъ одинакова. Что было у насъ прежде крѣпостного права, то все прошло, кромѣ крѣпостного права, которое, слѣдовательно, не можетъ быть тронуто безъ всеобщаго потрясенія. Крѣпостное право существуетъ, каково бы ни было, и нарушеніе его повлечетъ за собою неудовольствіе дворянскаго сословія, которое будетъ искать себѣ вознагражденія гдѣ-нибудь, а искать негдѣ, кромѣ области самодержавія".-„Къ такому многосложному вопросу", по выраженію гр.Уварова, „должно приступить съ величайшей осторожностью. Это дерево пустило далеко корень: оно осѣняетъ и церковь, и Престолъ. Вырвать его съ корнемъ невозможно. Довольно теперь

пустить эту мысль въ оборотъ, чтобъ поколѣнія приготовились постепенно къ ея воспріятію. Одно образованіе, просвѣщеніе может приготовить ея исполненіе наилучшимъ образомъ. Такимъ образомъ, въ глазахъ цѣлаго ряда представителей николаевской бюрократіи вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права пріобрѣталъ не только соціальный, но и политическій характеръ. И можетъ быть потому, что имп. Николай проявлялъ слишкомъ ревнивое отношеніе къ своей верховной прерогативѣ, признавая самодержавную власть краеугольнымъ камнемъ нашего политическаго уклада, крѣпостное право при немъ не могло получить окончательной отмѣны и крестьянскій вопросъ не могъ войти въ стадію радикальнаго разрѣшенія. Николая I какъ бы запугивали неизбѣжностью тѣхъ самыхъ политическихъ преобразованій, которыя въ это время широко развертывались въ З. Европѣ. Для него такимъ образомъ съ крестьянскимъ вопросомъ начиналъ тѣсно связываться вопросъ объ ограниченіи самодержавной власти самого государя и его сотрудн. Эти взгляды сказались при обсужденіи крестьянскаго вопроса въ рядѣ секретныхъ и секретнѣйшихъ комитетовъ. Только тогда, когда мы познакомимся съ дѣятельностью этихъ комитетовъ, только тогда мы поймемъ, посколько эти взгляды отразились на законодательствѣ Николая I относительно крѣпостныхъ крестьянъ, только тогда для насъ будетъ вполнѣ ясно, каковы были результаты правительственной дѣятельности по крестьян. вопросу въ періодъ 1825-55 г.г.

Уже въ первомъ секретномъ комитетѣ 6 декабря 1826 г. окончательно опредѣлился тотъ тонъ, который усвоило правительство Николая I по отношенію къ крестьянскому вопросу. Здѣсь, въ этомъ комитетѣ формулировалъ точку зрѣнія правительства на крестьянскій вопросъ Сперанскій въ своей извѣстной запискѣ, составленной имъ въ 1827 г. Точка зрѣнія Сперанскаго состояла въ томъ, чтобы вернуть крестьянъ къ первоначальному положенію, когда они были прикрѣплены не къ лицу землевладѣльца, а къ землѣ. Онъ предлагалъ всѣ мѣры по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ подѣлить на 2 разряда: 1) на мѣры основныя и 2) на мѣры посредствующія. Къ основнымъ мѣрамъ онъ относилъ 1) запрещеніе всякаго рода сдѣлокъ на крестьянъ безъ земли, 2) необходимость путемъ

договоровъ определить повинность крестьянъ въ пользу господъ съ тѣхъ земельныхъ участковъ, которыми эти крестьяне пользовались, 3) по его мнѣнію, когда земельныя отношенія между крестьянами и ихъ господами будутъ болѣе или менѣе завершены, можно путемъ отдѣльныхъ добровольныхъ договоровъ освободить крестьянъ, но освобожденіе крестьянъ рисовалось Сперанскому въ видѣ ихъ обезземеленія. Что касается мѣръ посредствующихъ, то онѣ для Сперанскаго представлялись въ слѣдующемъ: надо, главнымъ образомъ, обратить вниманіе на положеніе крестьянъ государственныхъ и, улучшивъ ихъ бытъ, дать возможность благомыслящимъ помѣщикамъ измѣнить положеніе своихъ крѣпостныхъ на основаніи тѣхъ реформъ, которыя будутъ проведены у крестьянъ казенныхъ. Такимъ образомъ, Сперанскій какъ бы подмѣнялъ вопросъ о крестьянахъ крѣпостныхъ вопросомъ о крестьянахъ государственныхъ. Онъ указывалъ, что извѣстнаго рода отношенія между крестьянами и ихъ господами должны быть регламентированы и главнымъ образомъ предлагалъ регламентировать отношенія поземельныя. Но осуществленіе регламентаціи онъ предлагалъ отсрочить подъ предлогомъ реформы у крестьянъ государственныхъ. Точка зрѣнія Сперанскаго была усвоена комитетомъ въ 1826 г. И въ томъ самомъ Законѣ о состояніяхъ, о которомъ мнѣ приходилось уже говорить въ прошлой лекціи, вопросъ о томъ, что крестьянъ нельзя продавать безъ земли и что нельзя крестьянъ переводить въ дворовые, былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но это былъ только вопросъ о регламентаціи отношеній между господами и ихъ крѣпостными. Но что касается вопроса объ ослабленіи крѣпостного права, то, какъ вамъ извѣстно, комитетъ 1826 г. не пришелъ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ и въ 1830 г. все его дѣлопроизводство сдано было въ архивъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ политическаго характера. Но крестьянскій вопросъ именно во второй его части по отношенію къ крестьянамъ государственнымъ не былъ снятъ съ очереди и онъ нашелъ себѣ позднѣе осуществленіе въ работахъ гр. Киселева. Однако не сразу гр. Киселевъ занялъ то выдающееся положеніе, которое онъ пріобрѣлъ затѣмъ съ конца 30-хъ годовъ. И въ 1835 г., когда созванъ былъ второй секретный комитетъ для обсужденія

вопроса объ улучшенiи быта крѣпостныхъ крестьянъ, онъ не игралъ еще въ немъ важной и рѣшающей роли. Въ этомъ комитетѣ работалъ еще Сперанскiй и его воззрѣнiя, склонявшiяся въ пользу обезземеленья крестьянъ, преобладали въ это время въ правительственныхъ сферахъ. Въ результатѣ комитетъ 1835 г., не составивши какого-либо опредѣленнаго законопроекта, высказался за то, что возможно освобожденiе крестьянъ на остзейскiй безземельный образецъ. Наибольшее значенiе изъ всѣхъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу имѣетъ третiй, созванный въ 1839 г. и завершившiй свои работы въ 42 г. Въ немъ уже первенствующее положенiе занимаетъ гр.Киселевъ и его точка зрѣнiя начинаетъ преобладать съ этого времени во всѣхъ предположенiяхъ правительства по крестьянскому вопросу. Въ 1838 г. образовано было министерство госуд.имуществъ и съ этого времени какъ разъ Киселеву приходилось постоянно имѣть дѣло съ крестьянами, какъ государственными, такъ отчасти и помѣщичьими, потому что министерство государ.имуществъ могло выкупать ежегодно извѣстное количество крѣпостныхъ крестьянъ и въ результатѣ Киселевъ выработалъ себѣ такую программу дѣйствiй: при сохраненiи вотчинной собственности помѣщика на землю освобождать крестьянъ, давая имъ личныя права, и эту программу, онъ и отстаивалъ въ комитетѣ 1839 г., который былъ созванъ для пересмотра закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ 20-го февраля 1803 г. Какъ вы припомните, по этому закону крестьяне получали свободу съ земельнымъ обезпеченiемъ. Земля давалась имъ въ собственность и такимъ образомъ владѣльческiя права помѣщиковъ какъ бы нарушались. Вотъ именно эта сторона закона, необходимость отдачи земли крестьянамъ въ собственность особенно и была ненавистна такимъ представителямъ правительственныхъ и аристократическихъ сферъ, какимъ былъ напр. князь Меньшиковъ. По предложенiю Меньшикова долженъ былъ быть произведенъ пересмотръ этого закона съ тѣмъ, чтобы послѣдовала его полная отмѣна. Однако точка зрѣнiя Меньшикова нашла себѣ отпоръ во взглядахъ графа Киселева. Въ результатѣ Киселевъ, внеся предварительно на заключенiе государя записку по крестьянскому вопросу, предлагалъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя

должны были 1) обезпечить крестьянамъ извѣстное земельное пользованіе, 2) ограничить права помѣщиковъ наказывать крестьянъ, 3) обезпечить положеніе дворовыхъ, 4) установить извѣстныя самоуправленія у крестьянъ, хотя съ сохраненіемъ вотчинной юрисдикціи. Особенно важной считалъ Киселевъ первую задачу - земельное обезпеченіе крестьянъ, и выработанный имъ законопроектъ сводился въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: помѣщикъ можетъ отпускать крестьянъ на свободу цѣлыми деревнями, но съ обязательнымъ земельнымъ обезпеченіемъ; земля отдается крестьянамъ не въ собственность, а въ постоянное пользованіе и крестьяне, получая свободу, должны за эту землю, съ которой они уйти не могутъ, или обрабатывать помѣщику часть его земли, или уплачивать опредѣленный оброкъ, при чемъ и количество земли, даваемой крестьянамъ, и величина барщины или оброка должны быть заранѣе установлены. Такихъ крестьянъ Киселевъ предлагалъ назвать обязанными. Они какъ бы образовывали особый разрядъ сельскихъ обывателей, отличныхъ и отъ крестьянъ государственныхъ, и отъ тѣхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, которые получали землю въ собственность на основаніи закона 1803 г. Этотъ законопроектъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ комитетѣ, и въ противовѣсъ подробно разработанному предложенію Киселева было выдвинуто нѣкоторыми лицами другое, болѣе краткое, составленіе котораго поручено было барону Корфу. Корфъ, удерживая общія принципіальныя положенія Киселева, главнымъ образомъ настаивалъ на томъ, чтобы величина земельнаго надѣла и количество барщинныхъ работъ или оброка за эту землю не были регламентированы, а устанавливались путемъ добровольныхъ соглашеній между крестьянами и ихъ господами. Въ этой редакціи законопроектъ и былъ принятъ комитетомъ и затѣмъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Такимъ образомъ, Киселевъ былъ иниціаторомъ этого закона, но его разработка была проведена не совсѣмъ въ той плоскости, какая имъ первоначально намѣчалась. Въ результатѣ законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, проведенный черезъ Государственный Совѣтъ въ томъ самомъ засѣданіи, на которомъ имп.Николай произнесъ свою знаменитую рѣчь 30 марта 1842 г., не получилъ сколько-нибудь принудительнаго харак-

тера. Все зависѣло отъ доброй воли и личнаго желанія помѣщика. Пожелаетъ онъ отпустить крестьянъ, онъ можетъ воспользоваться новымъ закономъ, не пожелаетъ - нѣтъ. Императоръ Николай въ своей рѣчи указалъ, что этотъ законъ является какъ бы продолженіемъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ и ничего принудительнаго онъ въ себѣ не заключаетъ, и вообще въ настоящую эпоху всякій помыселъ объ уничтоженіи крѣпостного права былъ бы не что иное, какъ преступное посягательство на общественное спокойствіе и на благо государства. Когда во время этого засѣданія одинъ изъ присутствующихъ, князь Голицынъ, замѣтилъ, что если оставить договоры на волю дворянъ, то едва ли кто-нибудь станетъ ихъ заключать и потому лучше прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями, взявъ за основаніе указъ императора Павла о трехдневной барщинѣ, то государь сказалъ: Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры: это должно быть дѣломъ ихъ доброй воли, и только опытъ покажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному." Слѣдовательно, законъ 1842 г. былъ лишь совѣтомъ съ высоты престола. Кто хотѣлъ, тотъ могъ имъ воспользоваться, а кто желалъ оставаться при старыхъ отношеніяхъ, могъ не обращать на него никакого вниманія. Сперва среди помѣщиковъ замѣтно было враждебное отношеніе къ гр. Киселеву, виновнику его изданія, но затѣмъ они успокоились, увидавъ, что этотъ законъ только напрасно потревожилъ ихъ мирный обывательскій сонъ. Само опубликованіе закона сопровождалось разсылкой циркуляра, въ которомъ говорилось, что болѣе того, что выражено самыми словами указа, не должно въ немъ и подразумѣвать. Значитъ, правительство какъ бы еще разъ подчеркивало паллiативный половинчатый характеръ этого новаго узаконенія, и дѣйствительно въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ получило свободу на основаніи этого закона всего на всего 24708 ревизскихъ душъ, принадлежащихъ 3-мъ аристократическимъ фамиліямъ, и въ результатѣ законъ этотъ широкаго примѣненія не имѣлъ, такъ же, какъ не имѣлъ широкаго примѣненія въ царствованіе Николая I и законъ о свободныхъ

хлѣбопашцахъ, на основаніи котораго получили въ это царствованіе свободу 67149 ревизскихъ душъ. Но на законѣ 1842г. правительство не остановилось, хотя это узаконеніе было какъ бы наивысшей точкой напряженія правительственной дѣятельности по крестьянскому вопросу. При Николаѣ I въ послѣдующихъ комитетахъ, которые собирались въ 40-хъ годахъ, обсуждался вопросъ и о дворовыхъ людяхъ и о крѣпостныхъ крестьянахъ. Что касается дворовыхъ людей, то въ комитетѣ, который созванъ былъ въ 1844 г. преобладала та точка зрѣнія, что помѣщики могутъ предоставлять своимъ дворовымъ людямъ свободу, но безъ земельнаго обезпеченія, а что касается еще 2-хъ комитетовъ, которые собирались въ 46 и 47 годахъ, то въ нихъ обсуждались вопросы, которые касались отчасти крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 46 г. поставленъ былъ на очередь вопросъ, выдвинутый по инициативѣ барона Корфа. Онъ предлагалъ предоставить крестьянамъ право при продажѣ имѣній съ аукціона выкупаться на волю, т.е. примѣнить къ русскимъ кореннымъ губерніямъ то правило, которое имѣло мѣсто въ Грузіи. Этотъ законъ былъ разсмотрѣнъ комитетомъ и утвержденъ государемъ 8 ноября 1847 г.; хотя черезъ годъ, когда противъ этого узаконенія выдвинулась сильная струя недовольства изъ дворянской среды, онъ, не будучи формально отмѣненъ, не былъ внесенъ въ новое изданіе свода законовъ. Въ 1848 г. издается еще одинъ законъ, касающійся крѣпостныхъ крестьянъ - это извѣстное узаконеніе, разрѣшавшее крестьянамъ пріобрѣтать недвижимую, не населенную собственность на свое имя, но съ согласія помѣщика. Но въ результатѣ не могло быть прочной гарантіи права собственности, потому что самъ крестьянинъ, будучи крѣпостнымъ своего помѣщика, являлся со всей своей движимой и недвижимой собственностью предметомъ его владѣнія. Кромѣ этихъ узаконеній при Николаѣ I издано было еще 2 закона, о которыхъ слѣдуетъ упомянуть. Въ 1833 г. изданъ былъ законъ,- воспрещено было крестьянъ продавать съ раздробленіемъ семействъ, а въ 1841 г. издано было запрещеніе беземельнымъ дворянамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ. Такимъ образомъ, въ теченіе царствованія Николая I до 1848 г., т.е. до момента, когда нить реформаціонныхъ начинаній вы-

пала изъ правительственныхъ рукъ, подъ вліяніемъ новаго революціоннаго движенія въ З.Европѣ, крестьянскій вопросъ не снимался съ очереди. Возможность освобожденія крестьянъ признавалась правительствомъ только при одномъ условіи обезпеченія ихъ землею. И призракъ обезземеленія крестьянской массы, витавшій надъ нею въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, исчезъ безвозвратно. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ безспорно гр.Киселеву, который во всѣхъ секретныхъ комитетахъ высказывалъ мысль, что крестьянинъ, освобожденный безъ земли, будетъ тѣмъ безпокойнымъ пролетаріемъ, тѣмъ опаснымъ въ государственномъ отношеніи элементомъ, какимъ онъ является въ З.Европѣ. Только въ одной мѣстности Николаевской Россіи крестьянскій вопросъ получилъ болѣе или менѣе принудительное разрѣшеніе; это въ югозападномъ и отчасти въ западномъ краѣ, гдѣ подъ вліяніемъ съ одной стороны польскаго революціоннаго движенія, а съ другой - тѣхъ волненій, которыя имѣли мѣсто въ сосѣдней съ Россіей Галиціей, правительство рѣшило изъ политическихъ соображеній провести широкую крестьянскую реформу. Всѣ крестьяне должны были быть внесены въ такъ называемые инвентари, т.е. по всѣмъ владѣльческимъ имѣніямъ устанавливались особые списки тѣхъ повинностей, которыя крестьяне несли въ пользу своихъ господъ, и устанавливались обязательныя нормы землеобезпечиванія. Значитъ, обезпечивая крестьянъ землею, инвентарями регулировали ихъ взаимоотношенія къ господамъ, и въ результатѣ крестьяне получали больше независимости отъ своихъ господъ, чѣмъ то было въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что громадное большинство помѣщиковъ въ этомъ краѣ были поляки, а громадное большинство крестьянъ были русскіе и малороссы и такимъ образомъ правительство, опираясь на крестьянскую массу, хотѣло болѣе или менѣе упрочить свое положеніе въ юго-западныхъ и южныхъ губерніяхъ. Благодаря дѣятельности генералъ-губернатора Бибикова эта инвентарная реформа въ началѣ 40 г.г. была проведена на всемъ пространствѣ кіевскаго генералъ-губернаторства. Но наибольшее значеніе въ царствованіе Николая I имѣютъ реформы, осуществленныя у крестьянъ государственныхъ. Въ этомъ отношеніи заслуга гр.Киселева является дѣйствительно безспорной. По мнѣнію Киселева,

которому уже приходилось сталкиваться съ тяжелымъ положеніемъ крестьянской массы въ концѣ 20-хъ годовъ, когда онъ управлялъ Дунайскими княжествами, занятыми русскими войсками послѣ окончанія турецкой войны, государственные крестьяне должны были быть обезпечены и въ своихъ личныхъ, и въ своихъ имущественныхъ правахъ. Государственные крестьяне, которые сложились окончательно въ сословную группу къ исходу XVIII столѣтія, имѣли въ своемъ составѣ самые разнообразные элементы. На сѣверѣ крестьяне черносошные потомки вольныхъ поселянъ XVI-XVII в.; на югѣ - однодворцы изъ старыхъ службъ, служилые люди; въ западныхъ губерніяхъ - различнаго рода обломки прежнихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, вродѣ напр. панцырныхъ бояръ, на востокѣ - цѣлый рядъ инородцевъ, татары, черемисы, мордва - вотъ всѣ эти-то разнородные и разноплеменные элементы и прикрывались общимъ терминомъ государственныхъ крестьянъ, къ которымъ съ екатерининскаго царствованія были причислены крестьяне, бывшіе церковные и монастырскіе, подъ именемъ крестьянъ экономическихъ. Они были свободны въ томъ смыслѣ, что никому изъ частныхъ владѣльцевъ не принадлежали, но эти государственные и экономическіе крестьяне считались какъ бы крѣпостными государства. Высшее правительство съ ними поступало такъ, какъ ему было угодно, могло ихъ передавать въ частную зависимость, раздаривая тѣмъ или инымъ лицамъ, могло переводить изъ положенія государственныхъ въ удѣльные, что бывало при Павлѣ I, или въ составъ военныхъ поселянъ, что имѣло мѣсто при Александрѣ I. Значитъ, положеніе государственныхъ крестьянъ не было обезпечено и въ личномъ, и въ имущественномъ отношеніи. Цѣлый рядъ налоговъ, начиная съ подушной подати и кончая, такъ называемымъ, оброкомъ, лежалъ на ихъ плечахъ и имъ интересовалось правительство только съ фискальной точки зрѣнія. Они были подчинены вѣдѣнію казенныхъ палатъ въ финансовомъ и отчасти въ административномъ отношеніи, а ближайшимъ начальствомъ ихъ были капитанъ-исправникъ. Казенныя палаты интересовались крестьянами только постольку, поскольку съ нихъ можно было безнедоимочно получить подушную подать и оброкъ, а капитанъ-исправникъ, должность котораго была выборная, дворянская по своему происхожденію,

конечно, не склоненъ былъ блюсти интересы государственныхъ крестьянъ и стоять на стражѣ ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Высшее завѣдываніе государственными крестьянами сосредоточено было въ министерствѣ финансовъ, именно, въ департаментѣ государственныхъ имуществъ, и такимъ образомъ, финансовое вѣдомство смотрѣло на государственныхъ крестьянъ исключительно какъ на податную массу, какъ на плательщиковъ прямой подушной подати. Въ очень многихъ губерніяхъ необезпеченность крестьянъ землею доходила до громадныхъ и прямо ужасныхъ размѣровъ и крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были скучены, а въ другихъ было много свободной казенной земли и было очень мало государственныхъ крестьянъ. Уже при Павлѣ I была сдѣлана попытка ввести у государственныхъ крестьянъ нѣчто вродѣ самоуправленій, волостныхъ организацій со старостой и выборными, которые должны были наблюдать за ихъ нравственностью, преуспѣяніемъ и просвѣщеніемъ, но вся эта пышная инструкція осталась только на бумагѣ и въ результатѣ вплоть до конца александровской эпохи государственные крестьяне являлись исключительно въ глазахъ правительства плательщиками прямого налога. Въ комитетѣ 1826 г., въ которомъ былъ поднятъ вопросъ о реформѣ крестьянъ казеннаго вѣдомства, былъ даже выработанъ проектъ о переводѣ крестьянъ изъ густо населенныхъ мѣстностей въ мѣстности съ малымъ количествомъ населенія, объ обезпеченіи ихъ положенія отъ притѣсненій со стороны исправниковъ и уѣзднаго начальства. Но вплоть до того времени, какъ Киселевъ вступилъ въ управленіе министерствомъ госуд.имуществъ, какъ совершенно самостоятельнымъ вѣдомствомъ, вопросъ о реформѣ государственныхъ крестьянъ не получалъ опредѣленнаго разрѣшенія. Киселевъ смотрѣлъ на государственныхъ крестьянъ, какъ на свободныхъ земледѣльцевъ. Они, по его мнѣнію, никому не принадлежатъ, должны быть обезпечены землею въ извѣстномъ количествѣ отъ 8 до 10 десятинъ на душу и, имѣя эту землю въ общинномъ пользованіи, не могутъ никому быть переданы въ частную собственность. Онъ также отстаивалъ невозможность для государственныхъ крестьянъ перевода или въ удѣльные, или военные поселяне. Такимъ образомъ, Киселевъ прежде

всего хотѣлъ обезпечить имущественныя и личныя права государственныхъ крестьянъ. Затѣмъ онъ считалъ наиболѣе важнымъ перевести оброкъ у государственныхъ крестьянъ съ лица на землю, что имъ и было осуществлено въ началѣ 50-хъ годовъ. Сверхъ того крестьяне государственные при отбываніи рекрутской повинности подлежали весьма длительному сроку, въ теченіе котораго ихъ могли взять въ рекрута,- начиная съ 20 лѣтъ и кончая 35 годами. Въ теченіе 15 лѣтъ такимъ образомъ надъ крестьяниномъ висѣлъ дамокловъ мечъ длительной, почти что пожизненной военной службы. По предложенію Киселева крестьяне государственные подлежатъ призыву въ періодъ съ 20 лѣтъ до 21 года, и если они въ этотъ срокъ въ рекрута не были сданы, то навсегда уже освобождаются отъ несенія воинской повинности. Вводя эту реформу, Киселевъ обратилъ вниманіе и на способъ управленія государственными крестьянами. Въ каждой губерніи были учреждены палаты госуд.имуществъ, которыя завѣдывали всей казенной недвижимой собственностью и тѣми крестьянами, которые жили на государственныхъ земляхъ. Затѣмъ губернія подраздѣлялась на нѣсколько округовъ и во главѣ этихъ округовъ назначены были такъ называемые окружные начальники, а округа въ свою очередь дѣлились на волости отъ 6 до 8 тыс. ревизскихъ душъ въ каждой волости, а волости дѣлились на селенія не менѣе чѣмъ по 150 ревизскихъ душъ въ каждомъ. Въ этихъ-то 2-хъ инстанціяхъ-волостяхъ и селеніяхъ были свои выборные старшины и старосты, чинившіе судъ и расправу: и такимъ образомъ сельскій сходъ со своими выборными властями былъ какъ бы первоначальной ячейкой для административныхъ и судебныхъ дѣлъ волости.Слѣдовательно государственные крестьяне были подчинены особому начальству,- въ низшихъ инстанціяхъ выборному крестьянскому, въ высшихъ коронному, спеціально назначаемому особымъ вѣдомствомъ. Киселевъ умѣлъ подбирать себѣ сотрудниковъ въ составѣ министерства государственныхъ имуществъ, гдѣ во время его завѣдыванія было много выдающихся и образованныхъ чиновниковъ. Конечно, извѣстнаго рода регламентація давала себя чувствовать, особенно въ сферѣ сельско-хозяйственныхъ занятій. Напр., когда въ концѣ 40-хъ годовъ Киселевъ ввелъ обязательный посѣвъ картофеля, что являлось въ то время

большой новостью, то крестьяне, не понимая важности посѣва этого злака, во многихъ мѣстностяхъ начали волноваться, вслѣдствіе чего произошли такъ называемые картофельные бунты, которые надо было усмирять съ примѣненіемъ даже военной силы. Но обращая вниманіе на имущественное обезпеченіе государственныхъ крестьянъ, Киселевъ много заботъ удѣлялъ вопросу о поднятіи среди нихъ образованія. Въ распространеніи образованія среди крестьянъ онъ видѣлъ главное средство къ поднятію нравственнаго уровня крестьянской среды, и по крайней мѣрѣ показные, внѣшніе результаты его дѣятельности были довольно велики. Въ 1838 г. считалось у государственныхъ крестьянъ всего 60 училищъ при 1800 учащихся, а когда Киселевъ покидалъ министерство въ 1856 г., число училищъ возросло до 2551 съ 110.994 учащихся, среди которыхъ насчитывалось 18459 учащихся дѣвочекъ. Чтобы увеличить такъ значительно число училищъ за 18 лѣтъ, надо было въ среднемъ открывать ежегодно около 140 новыхъ училищъ. Слѣдовательно, реформа Киселева у крестьянъ государственныхъ имѣла важное значеніе для эпохи Николая I. Здѣсь впервые фискальный принципъ былъ замѣненъ началомъ попечительства. Если мы припомнимъ, что государственныхъ крестьянъ въ это время числилось около 9 слишкомъ милліоновъ ревизскихъ душъ, что составляло 42,06 % всего населенія Россіи по 8 ревизіи (1836 г.) и 44,66 % по 9 ревизіи (1851 г.), то мы поймемъ, какое громадное значеніе имѣло управленіе гр.Киселева министерствомъ государственныхъ имуществъ въ эпоху Николая I. Слѣдовательно, во второй четверти XIX вѣка крестьянскій вопросъ былъ поставленъ на очередь и разрѣшеніе его было теперь всецѣло связано съ проведеніемъ въ жизнь широкой аграрной реформы. Что касается только крестьянъ юго-западнаго края и крестьянъ государственныхъ, то по отношенію къ нимъ были примѣнены довольно рѣшительныя мѣры. Въ юго-западномъ краѣ были введены инвентари, а у крестьянъ государственныхъ была проведена важная и земельная, и административная реформа.

Вотъ въ общихъ чертахъ, господа, точка зрѣнія правительства на крестьянскій вопросъ и обзоръ тѣхъ узаконеній, которыя были изданы въ царствованіе Николая I по отношенію

къ крестьянамъ и дворовымъ людямъ. Но на ряду съ правительствомъ въ это время крестьянскій вопросъ дебатировался и въ общественныхъ сферахъ, и среди широкой дворянской массы, и среди той интеллигенціи, которая въ эпоху Николая I начинала все болѣе и болѣе проявлять свое культурное значеніе.

Дѣло въ томъ, что крѣпостное право съ одной стороны возмущало нравственную природу наиболѣе чуткихъ, наиболѣе отзывчивыхъ элементовъ русскаго общества, а съ другой стороны оно парализовало хозяйственное развитіе Россіи и больно давало себя чувствовать дворянскимъ землевладѣльческимъ кругамъ. Такимъ образомъ, и интеллигенція, и помѣстное дворянство одинаково были заинтересованы въ томъ, чтобы въ результатѣ крѣпостной строй былъ радикально измѣненъ. Начиная съ конца 30-хъ годовъ вплоть до паденія крѣпостного права, т.е. до начала 60-хъ годовъ 19 вѣка передъ нами развертывается рядъ проектовъ и программъ по крестьянскому вопросу, которые выходятъ преимущественно изъ дворянской среды,- вѣдь и интеллигенція николаевской эпохи преимущественно была дворянская по своему происхожденію, а разночинцы еще не выходили на общественную арену. Такимъ образомъ и тѣ программы освобожденія, которыя выходили изъ наиболѣе образованныхъ элементовъ русскаго общества, пріобрѣтали все-таки нѣкоторую дворянскую окраску.- Мы сначала разсмотримъ рядъ тѣхъ заявленій, которыя выдвигала землевладѣльческая помѣстная среда, потому что здѣсь, въ этихъ проектахъ говорила какъ бы сама жизнь, тѣ настоятельныя потребности реформы, которыя выдвигались ходомъ самихъ обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что дворянинъ-землевладѣлецъ долженъ былъ прокармливать своихъ крестьянъ въ голодные годы, долженъ былъ обезпечивать ихъ извѣстнымъ количествомъ земли, являясь отвѣтственнымъ за своего крестьянина въ уплатѣ подушной подати и въ отбываніи рекрутской повинности. Всякаго рода стихійныя бѣдствія - вродѣ пожара, наводненія, морового повѣтрія,- сказывались на интересахъ дворянина и затрагивали его, какъ душевладѣльца. Особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля сильно вздорожала, довольно

опредѣленно начинала сказываться среди дворянъ-помѣщиковъ тенденція въ сторону измѣненія крѣпостныхъ отношеній. Таkими мѣстностями были тѣ губерніи, которыя когда-то въ давно прошедшее время составляли государственное ядро Россіи и извѣстны были подъ названіемъ Замосковнаго края. Это были губернія московская и непосредственно къ ней прилегающія, главнымъ образомъ калужская, тульская, рязанская и отчасти владимірская. Здѣсь, въ этихъ губерніяхъ, въ которыхъ сильно развита была въ 16 и 17 вѣкѣ помѣстная система, дворяне составляли значительную группу среди населенія и дворянское землевладѣніе въ этихъ мѣстностяхъ, можно сказать, преобладало. Такимъ образомъ, въ центральномъ районѣ крестьянскій вопросъ пріобрѣталъ опредѣленную остроту. Дворяне цѣнили здѣсь землю, а эта земля была слишкомъ обременена тѣмъ крѣпостнымъ трудомъ, который фактически былъ далеко не столь производителенъ, какъ трудъ свободный, но который связывалъ дворянина по рукамъ и по ногамъ, какъ хозяина--предпринимателя. Что касается губерній западныхъ и сѣверо--западныхъ, то здѣсь крестьянскій вопросъ получалъ нѣсколько иную окраску. Дѣло въ томъ, что въ этихъ губерніяхъ при скудной почвѣ и плохихъ климатическихъ условіяхъ были почти хроническіе недорода и въ силу этого на дворянахъ лежала значительнымъ бременемъ необходимость прокармливать своихъ голодныхъ крестьянъ. Послѣ того, какъ въ 1816-19 г.г. освобождены были крестьяне въ прибалтійскомъ краѣ, помѣщики сѣверо-западныхъ губерній охотно хотѣли ликвидировать крѣпостныя отношенія по примѣру своихъ остзейскихъ сосѣдей. На югѣ въ черноземныхъ и степныхъ районахъ крестьянская проблема не пріобрѣтала еще такой остроты, но во многихъ мѣстностяхъ по Днѣпру и его притокамъ, особенно въ предѣлахъ кіевскаго генералъ-губернаторства въ широкихъ размѣрахъ примѣнялся вольно-наемный трудъ. Здѣсь въ правобережной Украйнѣ процвѣтали свеклосахарныя плантаціи и на нихъ владѣльцы считали гораздо болѣе цѣлесообразнымъ съ хозяйской точки зрѣнія примѣненіе не крѣпостного, а вольно-наемнаго труда. Кромѣ того въ цѣломъ рядѣ поволжскихъ губерній, гдѣ громадное пространство земли не соотвѣтствовало пропорціо-

нально количеству населенія, живущаго на ней, тоже примѣнялся вольно-наемный трудъ, особенно на тѣхъ земляхъ, которыя принадлежали не дворянамъ и чиновникамъ, а купцамъ и промышленникамъ. Значитъ, съ одной стороны условія историческія и соціальныя, а съ другой хозяйственныя и климатическія причиняли значительные убытки и приводили къ тому, что въ цѣломъ рядѣ губерній крестьянскій вопросъ, т.е. вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права пріобрѣталъ извѣстную остроту. Надъ разрѣшеніемъ этой проблемы о взаимоотношеніи между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ напряженно и настойчиво работала дворянская мысль. Что касается проектовъ, которые выходили изъ дворянской среды, то, конечно, за самымъ небольшимъ исключеніемъ всѣ они имѣли довольно рѣзко выраженный классовой характеръ. Уже въ 30-хъ годахъ 19 столѣтія въ тульской губ. былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права; группой дворянъ разработанъ былъ какой-то проектъ, но его авторовъ подвергли анаѳемѣ въ московскомъ англійскомъ клубѣ. Такъ это дѣло и заглохло, но затѣмъ оно было снова возбуждено въ 1844 г., когда нѣсколько тульскихъ дворянъ подняли вопросъ о томъ, что желательно было бы освободить крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ: дать имъ по одной десятинѣ усадебной земли, переведя на эти усадьбы по 45 р. долга, лежащаго на дворянскихъ имѣніяхъ съ тѣмъ, чтобы крестьяне уплачивали правительству сверхъ подушной подати еще по 3 р. серебромъ съ души для погашенія этого долга. Конечно, правительство прежде всего освѣдомилось, согласны ли крестьяне на подобнаго рода условія для освобожденія или нѣтъ, и такъ какъ крестьяне конечно на встрѣчу этому проекту не пошли, то предложеніе тульскихъ дворянъ и не осуществилось. Но вскорѣ послѣ назначенія на постъ тульскаго губернатора Муравьева, находившагося когда-то въ близкихъ отношеніяхъ съ декабристами, крестьянскій вопросъ снова выплылъ на поверхность общественнаго вниманія. Въ это время составлено было нѣсколько проектовъ тульскими дворянами въ 1846-47 г., но какъ вы сейчасъ увидите, всѣ эти проекты, главнымъ образомъ, стояли на стражѣ исключительно дворянскихъ интересовъ. Такъ князь Черкаскій,

связавшій впослѣдствіи свое имя съ крестьянской реформой 1861 г., составилъ въ 46 г. проектъ освобожденія крестьянъ съ дарованіемъ имъ по 1 3/4 десятины на душу и съ уплатой за эту отходящую крестьянамъ землю по 45 р. за десятину. Конечно, сравнительно съ рыночною стоимостью населенной земли въ то время эта оцѣнка была довольно-таки высока. Кромѣ того группа тульскихъ дворянъ, хлопотавшая о томъ, чтобы у нихъ открытъ былъ губернскій комитетъ, на что правительство не дало своего согласія, выработала другой проектъ, по которому дворяне освобождали своихъ крестьянъ, давая имъ по одной десятинѣ на душу съ уплатой за это освобожденіе по 100 р. съ души. Но при этомъ нѣкоторые изъ дворянъ, входящихъ въ составъ тульскихъ землевладѣльцевъ, проектировали слѣдующимъ образомъ дальнѣйшее разрѣшеніе земельнаго вопроса: они хотѣли предложить правительству не только освободить крѣпостныхъ крестьянъ съ одно-десятиннымъ надѣломъ, но оставить по одной десятинѣ на душу и у крестьянъ государственныхъ, и у крестьянъ удѣльныхъ, и даже у донскихъ казаковъ, не входящихъ въ составъ постояннаго казачьяго войска, а всю остальную землю, которую необходимо имѣть для хозяйственной эксплоатаціи и крестьянамъ и другимъ сословіямъ, разрѣшить пріобрѣтать по вольной цѣнѣ. Конечно, скрытая цѣль этого предложенія состояла въ томъ, чтобы прибрать землю къ своимъ рукамъ, и, пользуясь почти монопольно этимъ земельнымъ фондомъ, дворянство могло сильно повысить и продажную, и арендную цѣну на земельные участки. Но и этотъ проектъ 1847 г. не былъ примѣненъ на практикѣ, потому что вскорѣ, какъ вы уже знаете, правительство отказалось отъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Но не только въ тульской губ. крестьянская проблема привлекала къ себѣ вниманіе дворянскихъ сферъ. И въ сосѣдней рязанской губерніи, гдѣ особенно много вниманія удѣлялъ крѣпостному вопросу Кошелевъ, извѣстный публицистъ и крупный землевладѣлецъ, на дворянскихъ собраніяхъ и въ помѣщичьихъ кружкахъ оживленно говорили объ освобожденіи крестьянъ. Тотъ же самый Кошелевъ составилъ даже въ 1847 г. проектъ освобожденія крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ 3-мя десятинами земли на душу и съ выкупомъ

за нихъ по 100 р. съ души. Сверхъ того онъ хотѣлъ войти въ ближайшее очередное дворянское собраніе съ предложеніемъ объ учрежденіи въ губерніяхъ и въ уѣздахъ дворянскихъ комитетовъ изъ выборныхъ депутатовъ по 2 отъ каждаго уѣзда, при чемъ эти комитеты должны были опросить всѣхъ помѣщиковъ рязанской губ. и установить обязательныя правила, регулирующія отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ введены будутъ по добровольному соглашенію инвентари, будетъ подготовлена первая стадія въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Кошелевъ предлагалъ уже перейти къ окончательному уничтоженію крѣпостного права, какъ хозяйственнаго и юридическаго института. Но ни министерство вн. дѣлъ, съ которымъ сносился Кошелевъ по этому поводу, ни мѣстный губернскій предводитель дворянства, къ которому Кошелевъ вошелъ со своимъ проектомъ, не дали своего согласія на разсмотрѣніе и обсужденіе этого проекта въ очередномъ дворянскомъ собраніи. Говоря о землевладѣльцахъ тульской и рязанской губерній, не надо забывать, что эти губерніи были одними изъ наиболѣе заселенныхъ, но та же самая крестьянская проблема была поднята въ 40-хъ годахъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ дворяне динабургскаго уѣзда, уже въ царствованіе Александра I поговаривавшіе о необходимости освобожденія крестьянъ, такъ же, какъ и дворяне всей остальной витебской губерніи, которые подняли этотъ вопросъ позднѣе, выдвигали необходимость освобожденія крестянъ, но на остзейскій образецъ, т.е. съ уничтоженіемъ зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ и съ выдѣленіемъ изъ помѣщичьей земли такъ называемаго б а у е р л а н д а для отдачи его по добровольнымъ соглашеніямъ отдѣльнымъ крестьянамъ-домохозяевамъ въ арендное пользованіе. Мотивировали же свою просьбу эти витебскіе дворяне тѣмъ, что у нихъ частые недороды и плохія климатическія условія, при которыхъ слишкомъ обременителенъ для помѣщиковъ даровой крѣпостной трудъ. Въ петербургской губ. дворяне нѣскольких уѣздовъ,- царскосельскаго, ямбургскаго и петербургскаго уже въ концѣ 40-хъ годовъ входили къ правительству съ предложеніемъ образовать въ ихъ средѣ

уѣздные комитеты, которые выработали бы такъ называемое урочное положенiе, и по этому положенiю всѣ хозяйственные и юридическiе вопросы должны были быть подвергнуты опредѣленной регламентацiи. Такимъ образомъ, дворянской средѣ и вопросъ объ учрежденiи губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, и вопросъ объ уничтоженiи крѣпостного права, при помощи выкупной операцiи, не были чужды въ 30 и 40-хъ годахъ. Особенно много вниманiя удѣлили вопросу объ освобожденiи крестьянъ дворяне смоленской губ. въ 1847-48 г.г. по личному почину императора Николая, который принялъ въ 1847 г. депутацiю смоленскихъ дворянъ и указалъ ей на необходимость примѣненiя въ болѣе широкихъ размѣрахъ закона 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Этотъ вопросъ Николай Павловичъ совѣтовалъ дворянамъ обсуждать келейно, не предавая его огласкѣ. Князь Друцкой-Соколинскiй, тогдашнiй губернскiй предводитель дворянства, собиралъ дѣйствительно втайнѣ отъ крестьянъ отдѣльныхъ дворянъ, сочувствующихъ идеѣ измѣненiя крѣпостныхъ отношенiй къ себѣ на совѣщанiя. На этихъ совѣщанiяхъ обсуждались самыя разнообразныя записки по вопросу объ уничтоженiи крѣпостного права, но всѣ онѣ преимущественно отстаивали чисто дворянскiе интересы. Надо отдать справедливость только одному смоленскому дворянину Вонлярлярскому, который выработалъ удивительно полный и всестороннiй выкупной проектъ, по которому крестьяне получали свободу съ той землей, которой они пользовались въ эпоху крѣпостного права съ уплатой за эту землю извѣстной суммы, имъ вычисленной и разсроченной на 30 лѣтъ и погашаемой взносами по 2 р. 50 к. ежегодно. Это дѣйствительно единственный проектъ, вышедшiй изъ дворянской среды и какъ бы предвосхищавшiй тѣ основныя начала, которыя были затѣмъ положены краеугольнымъ камнемъ будущаго зданiя крестьянской свободы въ редакцiонныхъ комиссiяхъ 1859-60 г.г. Но на ряду съ этими уѣздными и губернскими дворянскими совѣщанiями по группамъ, среди отдѣльныхъ помѣщиковъ того времени идея эмансипацiи находила себѣ широкое распространенiе. Министръ вн. дѣлъ Перовскiй въ 1844 г. въ запискѣ, поданной на имя государя, указываетъ, что владѣльцы нынѣ уже вовсе не боятся утраты своего достоя-

нія отъ дарованія людямъ свободы.

Крестьянскій вопросъ по словамъ того же сановнаго наблюдателя сдѣлался даже однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ и проникъ, наконецъ, темными слухами и превратными толками въ низшія сословія. Другой современникъ, извѣстный Заблоцкій-Десятовскій, сотрудникъ гр.Киселева по министерству государственныхъ имуществъ, въ запискѣ, составленной имъ въ началѣ 40-хъ годовъ, отмѣчаетъ, что только мелкопомѣстные и необразованные дворяне считаютъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ рушится ихъ благосостояніе, а люди наиболѣе образованные понимаютъ, что крѣпостное право наноситъ значительный хозяйственный ущербъ ихъ помѣщичьимъ интересамъ. Эти свидѣтельства для насъ въ высшей степени важны, потому что они освѣщаютъ настроеніе дворянской массы второй половины царствованія Николая I и показываютъ намъ, какъ обострился крестьянскій вопросъ въ это время и что, можно сказать, онъ не сходилъ со сцены. Цѣлый рядъ проектовъ, появляющихся изъ-подъ пера отдѣльныхъ дворянъ, вродѣ записокъ бар.Боде, помѣщика Кривскаго, бывшаго декабриста фонъ-Визина, 2-хъ князей Голицыныхъ, графа Рибопьера и др., освѣщаетъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Всѣ они говорятъ, что необходимо освободить крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ и за эту землю получать съ нихъ опредѣленное вознагражденіе, которое можно выплачивать путемъ кредитной операціи черезъ посредство такъ называемаго выкупного банка. Различнаго рода варіаціи и оттѣнки, въ подробности которыхъ я здѣсь не вхожу, придаютъ, конечно, извѣстныя индивидуальныя черты отдѣльнымъ проектамъ. Мнѣ важно отмѣтить только, что къ этому времени среди дворянъ окрѣпло убѣжденіе, что освобожденіе крестьянъ возможно только съ земельнымъ обезпеченіемъ, и притомъ, надѣляя крестьянъ небольшимъ участкомъ земли, помѣщики подчеркиваютъ то, что крестьяне, получая небольшіе земельные надѣлы, будутъ впослѣдствіи арендовать остальную площадь дворянской земли и тѣмъ самымъ подымать доходность дворянскихъ имѣній. Положеніе дворянскаго землевладѣнія, по ихъ мнѣнію, въ то время было весьма печально.

потому что слишкомъ обременена была помѣщичья масса тѣми долговыми ссудами, которыя дѣйствительно поглощали почти всѣ дворянскіе доходы. Такимъ образомъ, чисто реальныя, чисто жизненныя хозяйственныя условія толкали дворянъ-землевладѣльцевъ въ иную сферу хозяйственныхъ отношеній, чѣмъ та, въ которой пребывала крѣпостная Россія второй четверти 19 столѣтія. Но если такъ говорила дворянская землевладѣльческая масса, то, конечно, среди интеллигенціи, среди той дворянской группы, которая соприкасалась съ наукой и журналистикой, которая, можно сказать, двигала нашу общественную мысль въ царствованіе Николая I, крестьянскій вопросъ пріобрѣталъ нѣсколько иную окраску, потому что онъ здѣсь разсматривался не столько съ хозяйственной, сколько съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Тѣ интеллигентные кружки, на которые дробилось въ это время русское общество, - именно, западники и славянофилы въ болѣе ранніе годы, а позднѣе кружки Герцена, Петрашевскаго и Кирилло-Мееодьевское братство, во главѣ котораго стояли Костомаровъ и Шевченко, почти одинаково ненавидѣли крѣпостной укладъ жизни. Среди такихъ публицистовъ, какъ Бѣлинскій и Грановскій, крѣпостное право находило себѣ самое суровое осужденіе. Не даромъ Бѣлинскій даже за пьесу, написанную имъ во время пребыванія въ московскомъ университетѣ, полную осужденія крѣпостного строя, былъ исключенъ изъ состава студенчества. Не даромъ онъ впослѣдствіи во всѣхъ своихъ литературныхъ общественныхъ выступленіяхъ, особенно въ письмѣ Гоголю бичевалъ крѣпостной строй жизни, а Грановскій, этотъ наиболѣе свѣтлый представитель науки и общественности въ николаевскую эпоху, особенно сильно радовался каждому выступленію дворянъ по вопросу объ освобожденіи крѣпостного крестьянства и съ вѣрой и надеждой на скорое улучшеніе крѣпостного состоянія сошелъ въ могилу въ 1855 г. Что касается славянофиловъ, то такой представитель ихъ ученія, какъ Хомяковъ, разработалъ обширный проектъ повсемѣстнаго освобожденія крестьянъ за небольшое вознагражденіе въ пользу помѣщиковъ, хотя и съ надѣленіемъ крестьянъ незначительными участками земли. И.В.Кирѣевскій, старшій изъ 2-хъ братьевъ, еще въ 1832 г. въ своемъ заявленіи, подан-

номъ шефу жандармовъ Бенкендорфу, указывалъ на крѣпостное право, какъ на опредѣленную причину нашего застоя и нашей отсталости отъ западно-европейской жизни. Что касается наиболѣе молодыхъ представителей славянофильства, то Ю.Ф.Самаринъ, будущій дѣятель крестьянской реформы еще въ началѣ 40-хъ годовъ разрабатываетъ проектъ освобожденія крестьянъ для лифляндскаго комитета и много потрудился въ юго-западномъ краѣ по проведенію въ жизнь инвентарной реформы. По его мнѣнію освобожденіе можетъ быть проведено только съ надѣленіемъ крестьянъ землею, при чемъ эта земля должна быть имъ дана не на принципѣ индивидуальнаго владѣнія, а на началахъ общиннаго пользованія. Что касается Ивана Аксакова, одного изъ наиболѣе идеалистически настроенныхъ славянофиловъ, то онъ въ письмѣ къ отцу отъ 1849 г. говорилъ: „я далъ себѣ слово никогда не имѣть у себя крѣпостныхъ и вообще крестьянъ; что бы ни говорили, а искусительныя выгоды помѣщичьяго званія нарушаютъ чистоту взгляда на крестьянъ, мѣшаютъ дѣйствовать. Нѣтъ, Богъ съ ними! Я держусь того мнѣнія, что помѣщики должны понести правомѣрный убытокъ при эмансипаціи крестьянъ за то, что цѣлыя столѣтія пользовались безобразными правами надъ собственностью и лицомъ крестьянина; я считаю или, лучше сказать, я не вывожу этого логически, но душа моя говоритъ мнѣ, что крестьянинъ, обрабатывающій землю, крестьянинъ, для котораго она единственная мать и кормилица, болѣе меня имѣетъ на нее правъ." Тотъ же самый Аксаковъ, несмотря на свои славянофильскія убѣжденія, признается въ перепискѣ съ родными, что западники вродѣ Бѣлинскаго первые подняли вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Особенно сильно и особенно остро этотъ вопросъ былъ поставленъ въ кружкѣ Герцена, томъ самомъ кружкѣ, изъ котораго вышли наиболѣе радикальные представители русской общественной мысли конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ. Самъ Герценъ съ его другомъ Огаревымъ связали себя еще въ ранней юности аннибаловой клятвой бороться съ произволомъ, гдѣ бы онъ ни проявлялся. И въ литературныхъ работахъ Герцена, и въ стихотвореніяхъ Огарева, а также во время краткой служебной дѣятельности Герцена и во время управленія своими имѣніями Огарева, - и тотъ, и другой постоянно проводили мысль о необходимости охранять интересы крестьянина. При этомъ

слѣдуетъ отмѣтить, что въ кружкѣ Герцена вопросъ объ общинномъ землепользованіи сдѣлался краеугольнымъ камнемъ будущаго зданія раскрѣпощенной Россіи и быть можетъ не со славянофильской идеалистической точки зрѣнія, а подъ вліяніемъ развивающихся въ то время на Западѣ соціалистическихъ идей,- идей Сенъ-Симона и Фурье въ немъ отстаивали принципъ общины. Но особенно рѣзко эти соціалистическія начала проявлялись въ воззрѣніяхъ петрашевцевъ, тѣхъ молодыхъ литераторовъ и поэтовъ, которые собирались вокругъ Б.Петрашевскаго въ Петербургѣ на его извѣстныхъ пятницахъ и дебатировали вопросы о введеніи новаго суда, объ упраздненіи цензуры и объ уничтоженіи крѣпостного права. Здѣсь вопросъ о крестьянской свободѣ тѣсно связывался съ разрѣшеніемъ аграрной проблемы на основѣ соціалистическаго ученія Фурье, и такимъ образомъ убѣжденія этихъ сторонниковъ коллективизма тѣсно связывались съ вопросомъ объ уничтоженіи подневольнаго рабскаго труда. Что касается того кружка русской интеллигенціи, который охваченъ былъ украйнофильскими симпатіями и который связывалъ судьбы крѣпостного крестьянства съ вопросомъ о раскрѣпощеніи отдѣльныхъ національностей, то для этого кружка, носившаго названіе Кирилло-Меѳодьевскаго братства, вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права пріобрѣталъ самое важное значеніе. Вѣдь въ малороссійскихъ губерніяхъ слишкомъ сильно было вліяніе прежнихъ землевладѣльческихъ отношеній. Такимъ образомъ гнетъ соціальный здѣсь отягощался еще гнетомъ національнымъ. Въ статьяхъ Костомарова и въ стихотвореніяхъ Шевченко крѣпостное право очерчено самыми мрачными, самыми темными штрихами. Значитъ, и эта украинская юго-западная интеллигенція также рѣзко осудила крѣпостное право, какъ и тѣ представители интеллигентной мысли, со взглядами которыхъ мы въ общихъ чертахъ уже познакомились. Что касается русской литературы того времени, то подъ цензурнымъ гнетомъ, особенно усилившимся съ конца 40-хъ годовъ, она должна была почти молчать; уста лучшихъ представителей русской литературы были замкнуты. Только кое-что немногое могло проникнуть въ печать изъ стихотвореній Пушкина и Лермонтова, строго осуждавшихъ крѣпостное право. Горе отъ ума, хотя и со значительными урѣзками, съ трудомъ увидѣло свѣтъ въ николаевскую эпоху. Цѣлый рядъ про-

изведеній, направленныхъ на борьбу съ крѣпостнымъ правомъ, подвергся цензурному остракизму, и только уже въ концѣ царствованія Николая такія произведенія, какъ Записки Охотника Тургенева и Антонъ Горемыка Григоровича, могли увидѣть свѣтъ и то въ изуродованномъ, искалѣченномъ видѣ. Но, во всякомъ случаѣ, даже это робкое проявленіе эмансипаціонныхъ убѣжденій въ нашей литературѣ ярко подчеркиваетъ то настроеніе, которымъ схвачена была наиболѣе образованная, наиболѣе интеллигентная часть русскаго общества, и можно сказать, что въ николаевскую эпоху, несмотря на гнетъ сверху, несмотря на тѣ препоны и тѣ преграды, которыя ставились развитію русскаго общества, въ его нѣдрахъ зрѣла и росла мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного состоянія. Одни, именно дворяне-землевладѣльцы надъ этой мыслью работали, потому что крестьянская проблема сильно задѣвала ихъ матеріальные интересы; другіе, какъ представители интеллигентной молодежи и передовыхъ литературныхъ теченій, останавливали свое вниманіе на крестьянскомъ вопросѣ потому, что онъ возмущалъ ихъ нравственное чувство. И что особенно необходимо подчеркнуть, такъ это то, что уже въ это время вопросъ объ освобожденіи крестьянъ тѣсно связывался съ вопросомъ о надѣленіи ихъ землею. И тотъ призракъ обезземеленія, который виталъ надъ русской деревней въ послѣдніе годы царствованія Александра, теперь, можно сказать, совершенно разсѣялся, такъ какъ и въ правительственныхъ сферахъ, и въ дворянской, и въ интеллигентной средѣ вопросъ о необходимости надѣленія крестьянъ землею получилъ, можно сказать, всеобщее признаніе.

КРѢПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССІИ.

Но въ то время, какъ составлялся цѣлый рядъ проектовъ, направленныхъ въ сторону уничтоженія крѣпостного права, сама жизнь, сами хозяйственныя отношенія въ странѣ властно и настойчиво указывали, что оставаться при старомъ укладѣ невозможно, что цѣлый рядъ новыхъ явленій чисто матеріальныхъ и экономическихъ указываютъ на необходимость перехода къ иному порядку вещей. Крѣпостная деревня переживала громадный эконо-

мическій кризисъ, и этотъ кризисъ отражался на всѣхъ сторонахъ русской общественной и государственной жизни. Такимъ образомъ, знакомая уже намъ идейная работа надъ разрѣшеніемъ крестьянской проблемы была какъ бы непосредственнымъ отраженіемъ новыхъ фактовъ и новыхъ явленій, которыми была полна Россія того времени. И все то, что мы находимъ въ правительственныхъ, дворянскихъ и интеллигентскихъ проектахъ - было навѣяно какъ бы ходомъ самой жизни, которая шла, несмотря ни на какія преграды, ни на какія препоны, къ одной опредѣленной цѣли. Устои стараго крѣпостного хозяйства были подмыты могучимъ историческимъ потокомъ и все зданіе дореформеннаго быта готово было рухнуть каждую минуту. Такимъ образомъ, чтобы понять и оцѣнить значеніе николаевской эпохи въ исторіи Россіи, надо заглянуть въ крѣпостную деревню. Тамъ къ этому времени успѣли назрѣть новыя формы, тамъ жизнь властно заставляла перейти къ инымъ хозяйственнымъ и соціальнымъ отношеніямъ.

Наиболѣе ярко состояніе тогдашней крѣпостной деревни отразилось въ народныхъ переписяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1836 г. (8-я ревизія) и въ 1851 г. (9-я ревизія). Цифровыя данныя этихъ ревизій показываютъ намъ, какое громадное преобладаніе среди населенія имѣло крестьянство. По 8 ревизіи все населеніе Россіи исчислено въ 52 милліона, по 9 ревизіи 58 милліоновъ, но изъ всей этой массы жителей Россіи крестьянъ всѣхъ наименованій состояло въ первомъ случаѣ 84,25 %, во второмъ случаѣ 78,39%. Такимъ образомъ 4/5 всего населенія падало на крестьянское сословіе; остальныя группы представляли довольно незначительныя цифровыя величины, но для насъ интересно, какое процентное отношеніе къ количеству всего населенія занимали дворяне? По 8 ревизіи они составляли 1,44 %, а по 9 ревизіи 0,95 %. Слѣдовательно, дворяне-землевладѣльцы представляли незначительную часть населенія Россіи, но въ ихъ рукахъ сосредоточивалось громадное количество хозяйственныхъ рессурсовъ въ странѣ и въ этомъ отношеніи какъ бы вся Россія представляла изъ себя громадную соціальную пирамиду съ широкимъ крестьянскимъ основаніемъ и съ небольшой заостренной дворянской вершиной. Но, конечно, не всѣ эти крестьяне находились

въ крѣпостномъ состояніи. Вѣдь крестьянская масса въ николаевской Россіи состояла изъ нѣсколькихъ соціальныхъ группъ. Эти группы, на которыя раздѣлялась крестьянская масса въ серединѣ 19 вѣка, были слѣд.: 1) крестьяне владѣльческіе, 2) крестьяне приписанные къ фабрикамъ, заводамъ и общественнымъ учрежденіямъ, 3) крестьяне удѣльные и наконецъ 4) крестьяне государственные. Конечно, грань между крестьянами владѣльческими и крестьянами, приписанными къ фабрикамъ и заводамъ, была довольно незначительна, а разница между положеніемъ крестьянъ удѣльныхъ и крестьянъ государственныхъ не являлась сколько-нибудь существенной. Такимъ образомъ, для того, чтобы болѣе рельефно изобразить разслоеніе крестьянской массы, мы можемъ свести эти 4 рубрики въ 2 группы. Въ одну войдутъ крестьяне владѣльческіе и приписанные къ фабрикамъ и заводамъ, а въ другую крестьяне удѣльные и государственные. Первая группа это крестьяне несвободные, вторая группа это крестьяне свободные. Интересно, что по 8 ревизіи всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ было 54,4%, а крестьянъ свободныхъ 45,6% всего крестьянскаго населенія Россіи. Что касается 9 ревизіи, то въ первой группѣ процентное отношеніе нѣсколько иное: именно крѣпостн.крестьянъ 51,37 %, а крестьянъ свободныхъ 48,63 %, но во всякомъ случаѣ и по той, и по другой ревизіи крестьяне несвободные составляли значительно больше половины всего крестьянскаго сословія. Значитъ, мы можемъ, не впадая въ ошибку, сказать, что крѣпостная масса давала тонъ всему хозяйственному укладу жизни въ дореформенной Россіи, эпохи Николая I. Вотъ именно потому, что это крѣпостное крестьянство преобладало въ численномъ составѣ населенія Россіи, мы и должны обратить ваше вниманіе на положеніе крѣпостной деревни и крѣпостной вотчины, потому что знакомство съ этими сторонами жизни Николаевской Россіи уяснитъ для насъ весьма многое. На основаніи тѣхъ цифровыхъ данныхъ, которыя я вамъ только-что привелъ, можно сдѣлать одинъ опредѣленный выводъ: за 15 лѣтъ, протекшихъ съ 8 ревизіи до 9, крестьянская масса относительно уменьшилась. И это уменьшеніе происходило потому, что условія жизни крѣпостной деревни были таковы, что не благопріят-

ствовали размноженію крестьянъ. Они находились въ самыхъ ужасныхъ гигіеническихъ и хозяйственныхъ условіяхъ, и поэтому тяжелыя болѣзни, кончавшіяся смертельнымъ исходомъ, были постояннымъ явленіемъ среди крѣпостного крестьянства. Кромѣ того тѣ крестьяне, которые сдавались въ рекрута, со всѣми своими семьями навсегда выходили изъ крѣпостного состоянія. Затѣмъ конечно и на основаніи законовъ 1803 и 1842 г.г. были, какъ мы видѣли, случаи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а кромѣ того съ учрежденіемъ министерства госуд.имуществъ въ 1838 г. ежегодно опредѣлялась извѣстная сумма для выкупа крестьянъ на свободу. Бывали также случаи освобожденія крестьянъ или отдѣльными семьями или даже цѣлыми деревнями по духовнымъ завѣщаніямъ и по другимъ актамъ тѣми или другими помѣщиками. Всѣ эти-то причины и способствовали тому, что крѣпостная масса уменьшалась въ своемъ количествѣ не только относительно, но и абсолютно. Поэтому большой интересъ представляютъ тѣ цифры, которыя даютъ намъ возможность констатировать весь количественный составъ крѣпостной крестьянской массы. Удобно будетъ при этомъ привести цифровой матеріалъ не только по 8 и 9 ревизіи, но и по 10 ревизіи (1857), такъ какъ цифровыя данныя всѣхъ этихъ переписей болѣе рельефно показываютъ количественныя измѣненія, происшедшія въ крестьянской массѣ. По 8 ревизіи всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ мужского и женскаго пола насчитано было 22.778.098, по 9 ревизіи 22.367.716 и по 10-ой 22,563.086. Вы видите, что ко времени 9 ревизіи значительно сократилась крестьянская крѣпостная масса. Это сокращеніе произошло потому, что въ Царствѣ Польскомъ въ связи съ возстаніемъ 1831 г. было конфисковано много имѣній, принадлежавшихъ католическому духовенству, и вотъ на счетъ этихъ-то конфискованныхъ имѣній и сократилось, главнымъ образомъ, количественно крестьянское крѣпостное населеніе; а ко времени послѣдней, 10 ревизіи замѣчается нѣкоторый приростъ, - приростъ вполнѣ естественный путемъ нарожденія. Но во всякомъ случаѣ за тѣ 22 года, которые протекли отъ 8 до 10 ревизіи, уменьшеніе среди крѣпостныхъ достигаетъ значительной цифры, въ общей сложности на 1 1/10 %. Но особенный интересъ представляетъ болѣе пристальное изученіе состава этого крѣпостного населенія.

Вѣдь, какъ вамъ извѣстно, крестьяне далеко не составляли всю ту крѣпостную массу, которая находилась въ рукахъ дворянскаго сословія. Еще въ древней Руси были на ряду съ крестьянами и холопы, находившіеся въ громадномъ большинствѣ случаевъ во дворѣ землевладѣльца. Когда введена была подушная подать и произведена первая ревизія, въ 1718-1724 г.г. юридическая грань между холопами и крестьянами была уничтожена и передъ лицомъ закона они представляли вполнѣ однородную массу. Но въ составѣ крѣпостного населенія рѣзко намѣчались 2 бытовыя группы,- съ одной стороны крестьяне, сидѣвшіе на землѣ, съ другой - дворовые, находившіеся въ усадьбѣ при дворѣ землевладѣльца. Крестьяне добывали сырые продукты, а дворовые выполняли различнаго рода услуги, а также обрабатывали эти сырые продукты. Необходимо при этомъ отмѣтить тотъ фактъ, что за 8, 9 и 10 ревизіи произошло значительное измѣненіе въ процентномъ отношеніи между крестьянской и дворовой массой. На это были свои важныя хозяйственныя причины.

ТАБЛИЦА ПРОЦЕНТ. ОТНОШЕНІЯ КО ВСЕЙ МАССѢ КРѢПОСТ. НАСЕЛЕНІЯ.

	Крестьянъ.	Дворовыхъ.
8 рев. -	95,86	4,14.
9 " -	95,21	4,79.
10 " -	93,21	6,79.

Намъ прежде всего приходится отвѣтить на вопросъ: почему возрастало количество дворовыхъ людей и особенно въ періодъ между 9 и 10 рев. заставили такъ значительно увеличиться количество дворовыхъ людей? Число дворовыхъ доходило въ отдѣльныхъ имѣніяхъ до весьма значительныхъ размѣровъ. У такихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ гр. Орловъ или ген. Измайловъ, дворня насчитывала до 500-800 человѣкъ. Почти у каждаго зажиточнаго землевладѣльца были свои столяры, слесаря, шорники, портные, сапожники и даже свои живописцы и музыканты. Кромѣ того, въ составъ дворовыхъ людей входилъ и громадный штатъ прислуги, безъ которой какъ-то не могъ обходиться дворянинъ въ обстановкѣ дореформенной Россіи. Масса лакеевъ, горничныхъ, поваровъ, кучеровъ и т.д.- все это входило въ составъ дворни. Отмѣченное нами увеличеніе происходило глав-

нымъ образомъ потому, что помѣщики чувствовали необходимость утилизировать тотъ сырой матеріалъ, который они получали отъ своихъ крестьянъ; эту-то утилизацію они и производили путемъ эксплоатаціи дворовой массы, путемъ приложенія къ этому сырому продукту подневольнаго ремесленнаго труда дворовыхъ людей. Что же касается послѣдняго момента, именно 50-хъ годовъ 19 вѣка, то здѣсь увеличеніе количества дворовыхъ людей было вызвано не столько хозяйственными, сколько политическими соображеніями. Дѣло въ томъ, что къ тому моменту крестьянскій вопросъ, можно сказать, уже висѣлъ надъ головой дворянъ-землевладѣльцевъ. Воздухъ былъ насыщенъ идеей освобожденія крестьянъ, а это освобожденіе связывалось неизбѣжно съ разрѣшеніемъ аграрной проблемы. Дворяне предчувствовали, что при освобожденіи они должны будутъ надѣлить крестьянъ земельными участками. А такъ какъ наибольшую цѣнность въ глазахъ дворянъ представляла земля, то вполнѣ понятно, что они старались какъ можно интенсивнѣе обезземелить своихъ крестьянъ, и переводя ихъ съ пашни во дворъ, изъ крестьянъ въ составъ дворни, помѣщики какъ бы обезпечивали себя на будущее время отъ отчужденія хотя бы части своей недвижимой собственности. Поэтому, съ 1856 г., когда крестьянская реформа стала близиться къ осуществленію, среди помѣщиковъ начало ярко обнаруживаться стремленіе увеличить число дворовыхъ на счетъ крѣпостного крестьянства. Такимъ образомъ русская деревня эпохи Николая I представляетъ довольно любопытную картину. Цифры ярче всякихъ другихъ соображеній говорятъ намъ о томъ, что въ составѣ ея крѣпостного населенія происходило опредѣленное разслоеніе. Но эта дифференціація замѣтна была не только среди крестьянъ и дворовыхъ. Она также сильно сказывалась и въ хозяйственномъ отношеніи, потому что во второй четверти 19 вѣка еще болѣе рельефно обозначилась та чисто экономическая разница между отдѣльными мѣстностями Россіи, которая намѣчалась еще во второй половинѣ 18 столѣтія. Эта разница обусловливалась съ одной стороны явленіями почвенными и климатическими, а съ другой причинами соціальными и хозяйственными. Дѣло въ томъ, что на сѣверѣ и въ центрѣ Россіи обстоятельства не благопріятствовали пре-

обладанію земледѣльческой культуры, къ югу же отъ Оки въ черноземномъ и степномъ пространствѣ все указывало на то, что здѣсь земля и занятія, связанныя съ ея обработкой, должны играть наибольшую роль въ развитіи хозяйственныхъ отношеній. Слѣдовательно, сѣверъ и центръ были мѣстностями преимущественно промышленнаго характера. А черноземныя и степныя губерніи являлись главнымъ образомъ мѣстностями чисто сельско-хозяйственными. Этотъ фактъ уже отмѣчали современники Екатерины II, и съ той же самой диференціацией мы имѣемъ дѣло и наканунѣ освобожденія крестьянъ. Эти причины способствовали тому, что къ сѣверу отъ Оки преобладала оброчная система хозяйства съ отхожими крестьянскими промыслами, а къ югу отъ нея - барщинная система съ большой запашкой на помѣщика. Но разсматривая эту сторону въ жизни русской деревни дореформенной эпохи, мы должны прежде всего столкнуться съ вопросомъ, какъ же распредѣлялись дворяне-землевладѣльцы на пространствѣ всей Россіи, какъ вообще диффренцировалась дворянская масса къ концу николаевской эпохи. Въ общей сложности дворяне, какъ я уже указывалъ, составляли незначительную группу въ составѣ всего населенія, но эта группа въ свою очередь разслоялась на нѣсколько разрядовъ. Обычно мы можемъ дѣлить дворянъ-землевладѣльцевъ на четыре разряда: 1) дворяне безпомѣстные, 2) дворяне мелкопомѣстные, 3) дворяне среднепомѣстные и 4) дворяне крупнопомѣстные. Безпомѣстные дворяне это дворяне безземельные; мелкопомѣстные, имѣвшіе не больше 100 десятинъ земли; среднепомѣстные, владѣвшіе землею въ количествѣ отъ 100 до 500 десятинъ, и крупнопомѣстные, владѣвшіе землею свыше 500 десятинъ. Изъ прилагаемой таблицы Вы увидите численное соотношеніе всѣхъ этихъ группъ между собою.

ТАБЛИЦА ПРОЦЕНТ.ОТНОШЕНІЯ КО ВСЕЙ МАССѢ ДВОРЯНЪ:

безпомѣстныхъ	-	3,5 %
мелкопомѣстныхъ	-	73,22%
среднепомѣстныхъ	-	19,54%
крупнопомѣстныхъ	-	3,74%

Такимъ образомъ, почти 3/4 всѣхъ дворянъ были мелкопомѣстными, т.е. владѣвшими землею въ количествѣ не болѣе 100 десятинъ, а среднепомѣстные и крупнопомѣстные представляли приблизительно 1/4 часть всего дворянскаго сословія. Еще большій интересъ представляетъ вопросъ о распредѣленіи между отдѣльными группами дворянъ всего наличнаго крѣпостного населенія. За безпомѣстными числились только одни дворовые въ количествѣ 12,286 чл., что по 10 ревизіи составляло 0,11 % всего крѣпостного населенія. Вся же остальная масса крѣпостныхъ распредѣлялась между слѣдующими тремя группами: во-первыхъ - малопомѣстные, владѣвшіе крѣпостными не свыше 100 душъ, во-вторыхъ - среднепомѣстные, владѣвшіе крѣпостными отъ 100 до 500 душъ, и крупнопомѣстные, владѣвшіе крѣпостн. свыше 500 душъ. Въ прилагаемой таблицѣ вы найдете два столбца цифръ: въ первомъ приведено процентное отношеніе отдѣльныхъ группъ дворянъ ко всей массѣ дворянъ, владѣвшихъ землею, а во второмъ процентное отношеніе количества крѣпостныхъ, принадлежавшихъ по 10 ревизіи къ каждой группѣ дворянъ, ко всей массѣ крѣпостного населенія Россіи.

Т А Б Л И Ц А

РАСПРЕДѢЛЕНІЯ КРѢПОСТНОГО НАСЕЛЕНІЯ ПО ОТДѢЛЬНЫМЪ ГРУППАМЪ ДВОРЯНЪ:

Дворяне малопомѣстные	- 76,72%	Имъ принадл.крѣп.	19,07%
" среднепомѣстные	- 19,54%	"	37,20%
" крупнопомѣстные	3,74%	"	43,73%

Такимъ образомъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ принадлежала всего 1/5 часть крѣпостныхъ, а остальные 4/5 не совсѣмъ равномѣрно распредѣлялись между другими группами землевладѣльческаго дворянства.

Что касается этой массы дворянъ, то она распредѣлялась далеко неравномѣрно по пространству всей Россіи. Представители крупнаго землевладѣнія и крупнаго душевладѣнія имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, въ юго-западномъ краѣ, именно въ предѣлахъ кіевскаго генералъ-губернаторства и отчасти на востокѣ въ поволжскихъ губерніяхъ, а также въ вятской, уфим-

ской. Представители среднепомѣстнаго владѣнія имѣли мѣсто и на югѣ и отчасти въ центрѣ, а что касается мелкопомѣстныхъ дворянъ, то они владѣли имѣніями, главнымъ образомъ, въ губерніяхъ: тульской, калужской, рязанской, а также отчасти въ нѣкоторыхъ западныхъ, какъ-то: смоленской и новгородской. Такимъ образомъ, въ мѣстностяхъ сравнительно позднѣе присоединенныхъ къ основному государственному ядру, мы встрѣчаемъ крупное землевладѣніе, въ областяхъ же, которыя издавна находились въ границахъ русскаго государства, преобладала мелкая земельная собственность, и вполнѣ понятно, почему. Здѣсь съ одной стороны съ теченіемъ времени земли дробились, переходя отъ одного поколѣнія къ другому, а съ другой - здѣсь еще въ старину, въ XYI - XYII ст. не помѣщались дворяне большими группами или гнѣздами на небольшомъ сравнительно пространствѣ. Эта дворянская масса распредѣлялась по тѣмъ 2-мъ хозяйственнымъ районамъ, о которыхъ я уже упоминалъ - промышленному и земледѣльческому. Въ зависимости отъ того, въ какой степени сельско-хозяйственныя занятія являлись основной доходной статьей помѣщика, онъ за собой оставлялъ далеко не одинаковое количество земли въ средней суглинистой и въ южной черноземной полосѣ. Это всего яснѣе вы увидите изъ прилагаемой таблицы:

Районъ.	Количество земли у помѣщиковъ въ процент. отношеніи ко всей землѣ.	Количество земли у крестьянъ въ процентн. отношеніи ко всей землѣ.
Средняя полоса	48,1	51,9
Черноземн. полоса.	72,3	27,7

Т.е., другими словами, на сѣверѣ и въ центрѣ крестьяне имѣли больше половины всей земли въ своей хозяйственной эксплоатаціи, а на югѣ въ черноземныхъ и степныхъ районахъ только одна 1/4 часть находилась въ рукахъ крестьянъ, а всѣ остальныя земли обрабатывались на помѣщика. Конечно, вполнѣ понят-

но., что на основанiи распредѣленiя всей дворянской земельной площади, которая въ общей сложности охватывала 105.200.108 десятинъ, изъ которыхъ 69,421,094 десятины помѣщики удерживали для себя, а 35.779.014 десятинъ отдавали въ хозяйственную эксплоатацiю крестьянамъ, крѣпостные въ хозяйственномъ отношенiи распредѣлялась далеко неравномѣрно.. Тамъ, гдѣ промыслы и фабрично-заводская индустрiя стояли на первомъ мѣстѣ, тамъ конечно должна была преобладать такъ называемая оброчная система; тамъ же, гдѣ земля составляла основу хозяйственной жизни, тамъ конечно должна была господствовать система барщинная или издѣльная. Въ этомъ отношенiи любопытно, что къ сѣверу отъ Оки оброкъ, можно сказать, почти вытѣсняетъ барщину изъ хозяйственнаго оборота. До 58,9% всѣхъ крѣпостныхъ здѣсь находилось на оброкѣ. Что касается южныхъ губернiй, то здѣсь количество оброчныхъ не свыше 28,8%, а вся остальная масса находилась на издѣльной или барщинной повинности. Эти цифры конечно не особенно достовѣрны, потому что онѣ относятся только къ 12 нечерноземнымъ и 7 черноземнымъ губернiямъ, но онѣ могутъ дать намъ извѣстное, хотя бы приблизительное представленiе о томъ, какъ вообще распредѣлялись эти 2 основныя повинности въ крестьянской крѣпостной средѣ. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣтна такъ называемая смѣшанная повинность, т.е. лѣтомъ крестьяне отбывали барщину, а затѣмъ зимою они уходили на оброкъ. Въ виду того, что съ теченiемъ времени помѣщиковъ все болѣе захватывало зарожденiе капитализма въ Россiи и крѣпостная вотчина все болѣе прiобрѣтала характеръ поставщицы хлѣба не только на русскiй внутреннiй, но даже и на международный рынокъ, во многихъ имѣнiяхъ преобладала такъ называемая мѣсячина, т.е. крестьянъ совершенно обезземеливали. Ихъ помѣщали въ такъ называемыхъ казармахъ нѣсколькими семьями, имъ выдавали мѣсячину, т.е. опредѣленное содержанiе, взамѣнъ чего они должны были работать сплошь всю недѣлю на барщинѣ. Положенiе этихъ мѣсячниковъ, особенно распространенныхъ въ нѣкоторыхъ малороссiйскихъ губернiяхъ, было крайне тяжелое. Они походили на невольниковъ рабовладѣльческихъ американскихъ плантацiй. Это были дѣйствительно бѣлые неволь-

ники, которыхъ держали въ каторжномъ крѣпостномъ режимѣ; они не имѣли ни минуты отдыха, находились постоянно подъ надзоромъ старостъ и бурмистровъ. Кромѣ этихъ хозяйственныхъ причинъ, были еще другія, которыя вызывали переходъ имѣній отъ барщинной системы къ оброчной. Дѣло въ томъ, что помѣщики далеко не всегда жили въ своихъ имѣніяхъ, а для того, чтобы наблюдать надъ правильной обработкой земли, чтобы входить во всѣ мелочи и детали своего хозяйства, необходимо было личное присутствіе землевладѣльцевъ въ имѣніяхъ. Тамъ, гдѣ помѣщики постоянно жили въ деревнѣ, обычно господствовала барщинная система; тамъ же, гдѣ дворяне только наѣздомъ бывали въ своихъ усадьбахъ, а обычно проводили время гдѣ-нибудь на государственной службѣ или за границей, имѣла мѣсто оброчная система. Конечно, положеніе оброчныхъ крестьянъ было значительно лучше сравнительно съ положеніемъ крестьянъ барщинныхъ. Дѣло въ томъ, что барщина хотя и опредѣлена была при Павлѣ I 3-мя днями въ недѣлю, но въ большинствѣ случаевъ этотъ законъ не выполнялся на практикѣ и иногда всю недѣлю сплошь крестьяне должны были работать на барина. Что же касается оброчныхъ крестьянъ, то они были въ хозяйственномъ отношеніи предоставлены самимъ себѣ и должны были только уплачивать опредѣленный оброкъ въ господскую вотчинную контору. Наиболѣе тяжело было положеніе крестьянъ, живущихъ на смѣшанной повинности, потому что здѣсь, смотря по времени года, помѣщикъ старался выжать какъ можно болѣе соку изъ своего крѣпостного. Онъ его заставлялъ потѣть на барской страдѣ все весеннее, лѣтнее и осеннее время, а когда съ землей уже дѣлать было нечего и всѣ сельскохозяйственныя работы прекращались, начиналась новая страда, отбывались новыя оброчныя повинности, которыя выражались или въ томъ, что помѣщикъ отпускалъ своего крестьянина на отхожіе заработки по паспорту или же заставлялъ его выполнять извозную повинность иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ его деревни. Слѣдовательно, крестьяне въ силу хозяйственныхъ условій, переживаемыхъ Россіей во второй четверти 19 вѣка, являлись почти исключительно средствомъ для полученія доходовъ. Помѣщикъ чувствовалъ, что жизнь властно толкаетъ его къ новой хозяйственной конъюнктурѣ, но связанный условіями крѣпостного режима, онъ

старался получить со своей деревни как можно больше хозяйственных благъ и, не повышая качественно трудъ своихъ крестьянъ, увеличивалъ его количественно. Признавая значенie сельско-хозяйственныхъ улучшенiй, помѣщикъ тѣмъ не менѣе ихъ не примѣнялъ. Одинъ любопытный разговоръ записанъ Гакстгаузеномъ, вдумчивымъ наблюдателемъ русской деревни въ 30-хъ и 40-хъ годахъ 19 вѣка. Въ бесѣдѣ съ однимъ помѣщикомъ Гакстгаузенъ указалъ на достоинство усовершенствованной молотилки, на что помѣщикъ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ признаетъ ея хорошiя качества, но если онъ введетъ ее у себя, то что же будутъ дѣлать его бабы? Такимъ образомъ, помѣщикъ оставался при старой рутинной системѣ хозяйства, по-прежнему обрабатывали землю сохой и бороной безъ всякихъ улучшенiй, но землевладѣльцы или увеличивали барщину или повышали оброкъ въ цѣляхъ полученiя бо́льшаго дохода. И въ этомъ отношенiи никакихъ преградъ и препонъ помѣщику поставлено не было. Онъ могъ уменьшить количество той земли, которая находилась въ пользованiи крестьянъ, могъ увеличивать тотъ оброкъ, которымъ были обложены его крестьяне. Въ общей сложности съ конца 18 в. до средины 19 ст. половина всей той земельной площади, которою прежде пользовались крестьяне, вышла изъ ихъ непосредственнаго хозяйственнаго оборота, а что касается оброка, то онъ повысился въ 4-5 разъ за перiодъ съ конца царствованiя Екатерины II по конецъ царствованiя Николая I. Все это ясно показываетъ, какой громадный хозяйственный кризисъ переживала крестьянская масса во второй четверти XIX в. Но въ то же самое время и помѣщичье хозяйство испытывало сильное потрясенiе. Помѣщикъ связанъ былъ крѣпостными отношенiями, но въ то же самое время онъ былъ привязанъ и къ мiровому рынку, на который онъ поставлялъ свой хлѣбъ. Однако этотъ хлѣбъ, общее количество котораго собиралось въ это время въ Россiи въ среднемъ 250 мил. четвертей ежегодно, не могъ доставляться на рынокъ, потому что пути сообщенiя въ то время находились въ самомъ плачевномъ состоянiи. Ежегодно оставалось до 30 мил. четвертей чистаго излишка, но изъ этого количества только 5 мил. четвертей могло доставляться за границу, а остальная масса, т.е. 5/6 чистаго из-

бытка гнила въ барскихъ амбарахъ и кладовыхъ. При этомъ помѣщики ясно ощущали неудобство торговли хлѣбомъ и внутри государства и за границей, потому что цѣны на этотъ хлѣбъ колебались довольно значительно и на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и на пространствѣ отдѣльныхъ губерній. Дѣло въ томъ, что отсутствіе хорошихъ путей сообщенія приводило къ тому, что нашъ хлѣбъ слишкомъ удорожался при доставкѣ его къ гаванямъ и портамъ, а отсутствіе хорошихъ путей сообщенія внутри страны приводило къ тому, что хлѣбныя цѣны измѣнялись безъ всякой системы. Хлѣбный рынокъ находился въ состояніи полнѣйшей анархіи, что превосходно вскрываетъ слѣдующая небольшая табличка колебанія цѣнъ на хлѣбъ за цѣлый рядъ лѣтъ.

Года.	Стоимость одной четверти ржи.
1817	5 руб.
1821	10 "
1832	9 "
1833	20 "
1839	4 "
1840	20 "
1841	9 "

А вотъ еще болѣе разительный примѣръ колебанія цѣнъ по районамъ. Въ Петербургской губерніи въ 1843 г. хлѣбъ былъ въ пять разъ дороже, чѣмъ въ Курской, а въ 1845 г. въ то время, какъ въ Курской губерніи цѣна ржи равнялась 1 р. 50 коп., въ Псковской губерніи, на разстояніи 600-700 верстъ, цѣна доходила до 14 и 15 р.сер. Все это показываетъ, въ какомъ неустойчивомъ состояніи находился хлѣбный рынокъ, а такъ какъ хлѣбъ былъ главнымъ продуктомъ помѣщичьяго хозяйства, то, въ зависимости отъ высоты хлѣбныхъ цѣнъ находилось благосостояніе дворянъ-землевладѣльцевъ. Но однимъ сельскимъ хозяйствомъ дворянинъ существовать не могъ. Уже съ царствованія Александра I замѣтно сильное развитіе фабрично-заводской промышленности въ крѣпостной деревнѣ; дворянинъ постепенно превращается въ промышленника, стараясь прилагать крѣпостной даровой трудъ въ той или другой отрасли производства. Но разсчетливымъ дворяниномъ никогда не былъ; онъ не могъ да и не хотѣлъ учитывать

положеніе внутренняго и внѣшняго рынка. Средствъ къ жизни не хватало. Приходилось закладывать и перезакладывать крѣпостныя души, благо возможно было совершать такія кредитныя операціи и въ сохранной казнѣ государственнаго банка и въ опекунскомъ совѣтѣ, и въ приказахъ общественнаго призрѣнія. Въ общей сложности къ концу 50-хъ годовъ почти 40 % всѣхъ дворянскихъ имѣній было заложено: изъ 111693 находилось въ залогѣ 44166; что же касается крѣпостныхъ душъ, то почти 66% ихъ находилось въ залогѣ и на каждой ревизской душѣ лежало долгу до 69 р. Общая сумма помѣщичьихъ долговъ доходила до 500 милліоновъ руб. Дѣйствительно дворянскія имѣнія были отягощены процентами, которые они должны были выплачивать за полученныя ссуды. Львиная доля этихъ средствъ, получаемыхъ изъ кредитныхъ учрежденій, шла не на меліорацію, не на улучшеніе хозяйства, какъ объ этомъ намъ говоритъ, напр., гр. Мордвиновъ и другіе экономисты того времени, а на прихоти распущеннаго барства. Земля отягощалась домами, души закладывались и перезакладывались, а помѣщичье хозяйство не улучшалось, потому что всякій личный починъ въ промышленной жизни страны разбивался объ устои крѣпостного состоянія. Крѣпостное право стояло на пути дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія страны, и только тогда, когда крѣпостныя цѣпи были разбиты, Россія могла выйти на широкую, свободную дорогу поступательнаго хозяйственнаго движенія.

Но гнетъ крѣпостного права настолько тяжело отзывался на русской деревнѣ второй четверти 19 вѣка, что обойти вопросъ о положеніи крестьянъ въ бытовомъ отношеніи нельзя, изучая николаевскую эпоху. Дѣло въ томъ, что помѣщикъ не только эксплоатировалъ хозяйственнымъ способомъ крѣпостной даровой трудъ, но онъ являлся и полнымъ собственникомъ крестьянина не только какъ рабочей силы, но и какъ личности. Крестьянинъ принадлежалъ цѣликомъ своему господину и совершенно огражденъ закономъ отъ его произвола не былъ. Конечно правительство старалось регулировать хозяйственныя отношенія въ крѣпостной вотчинѣ, напр. вводя 3-дневную барщину въ 1797 г., но законъ вплоть до 1845 г. совершенно не ограждалъ личность

крестьянина отъ барскаго произвола. А этотъ произволъ доходилъ иногда до чудовищныхъ размѣровъ. Чѣмъ кто ближе былъ къ господину, тѣмъ тяжелѣе было его существованіе, и въ особенно тяжелыхъ условіяхъ быта находились тѣ дворовые, которыми населены были барскія усадьбы. Можно встрѣтить многочисленныя указанія въ мемуарной литературѣ того времени, что помѣщики, особенно въ голодные годы, кормили нерѣдко своихъ крестьянъ хлѣбомъ, въ которомъ на пудъ приходилось только 10 фунтовъ муки, а остальное дополнялось или лебедой, или желудями, или какими-нибудь другими суррогатами. Одинъ помѣщикъ ухитрялся кормить своихъ крестьянъ буквально глиною. „Пойманные бѣглые дворовые княгини Мансуровой (Нижегородской губ.) показали, что разбѣжались, „будучи не въ состояніи переносить голодъ отъ мало выдаваемой госпожею пищи", а у харьковской помѣщицы Свирской дворовые продовольствовались крайне плохо. Пища варилась разъ въ недѣлю, при этомъ борщъ варился безъ соли, на второе подавали гнилую тыкву или ягоды бузины, на день давали кусокъ хлѣба; червивое мясо давалось только разъ въ недѣлю. Та же помѣщица Свирская, дѣло о которой разбиралось въ концѣ 30-хъ годовъ, практиковала самыя жестокія наказанія по отношенію къ крѣпостнымъ. Она заставляла нерѣдко своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ за 2 версты въ самые сильные морозы ходить за водой въ одномъ платьѣ, и если онѣ приносили воду изъ другого, по ея мнѣнію, колодца, то она заставляла ихъ пить эту воду съ мыломъ. Отъ невыносимо тяжелаго обращенія многіе изъ ея крѣпостныхъ кончали жизнь самоубійствомъ. На дворѣ у этой помѣщицы была волчица, которой она травила своихъ провинившихся крестьянокъ и вдобавокъ наказывала ихъ за то, что изъ ранъ у нихъ текла кровь. Конечно помѣщица Свирская была не единственной представительницей тогдашняго разнузданнаго барства. Были лица, которыя сплошь и рядомъ подвергали наказаніямъ своихъ крестьянъ. Одинъ помѣщикъ, напр., ходилъ обыкновенно по своей усадьбѣ въ сопровожденіи 2-хъ кучеровъ съ большими арапниками и по мановенію его руки эти кучера немедленно подвергали тѣлесному наказанію не только провинившихся, но даже чѣмъ-нибудь не угодившихъ своему барину крѣпостныхъ. Положеніе крестьянъ оброчныхъ было нѣ-

сколько легче, чѣмъ положеніе крестьянъ барщинныхъ, потому что въ барщинныхъ деревняхъ былъ слишкомъ тяжелъ тотъ надзоръ, который тяготѣлъ надъ крестьяниномъ въ его личной, семейной и общественной жизни. Въ оброчныхъ же деревняхъ довольно часто можно было встрѣтить нѣкоторые признаки крестьянскаго самоуправленія: выборныхъ старостъ и другихъ излюбленныхъ властей. Надъ такими деревнями обыкновенно ставили или бурмистра или управляющаго по назначенію барина, но эти лица обычно считались съ мнѣніемъ выборныхъ крестьянскихъ властей. Не даромъ, когда въ вязниковскомъ уѣздѣ владимирской губ. въ имѣніи княжны Долгоруковой перевели крестьянъ съ оброка на барщину, лишивъ ихъ самоуправленій, то они даже начали волноваться и высказывать явное неповиновеніе. Помѣщикъ старался регулировать рѣшительно все у своихъ крѣпостныхъ вплоть до брачныхъ, семейныхъ отношеній. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ, напр. въ имѣніи князя N ярославской губ., браки между крѣпостными заключались по распоряженію вотчинной конторы. Въ опредѣленный день бурмистры отводили въ церковь тѣхъ крестьянъ, которые выбраны были конторой, и здѣсь подъ присмотромъ спеціально назначенныхъ лицъ совершалось священникомъ таинство брака. Можно себѣ представить, какова была семейная жизнь тѣхъ лицъ, которыя вступали въ бракъ безъ взаимнаго согласія, безъ взаимной любви. Но если гнетъ крѣпостного права сильно давалъ себя чувствовать въ рядовой темной крестьянской и дворовой массѣ, то онъ особенно ярко сказывался на тѣхъ крѣпостныхъ, которые получили образованіе и были иногда вполнѣ интеллигентными. Хотя по рескрипту 1827 г., данному на имя министра вн. дѣлъ, крѣпостнымъ людямъ запрещено было поступать въ гимназіи, университеты и другія высшія учебныя заведенія, а они могли только получать образованіе въ низшихъ школахъ съ курсомъ не выше уѣзднаго училища, изучая тамъ сельское хозяйство, огородничество и садоводство, но бывали случаи, когда крѣпостнымъ давали хорошее образованіе. Попадались крѣпостные фельдшера, медики, художники, артисты и музыканты; и вотъ положеніе этой-то интеллигенціи было особенно тяжело. Они сознавали свое умственное превосходство надъ господами, которые, можно сказать, убивали въ нихъ чувство человѣческаго достоинства. Нерѣдко такіе крѣпостные ин-

теллигенты кончали жизнь самоубiйствомъ, въ припадкѣ меланхолiи, въ припадкѣ того разочарованiя въ жизни, которое у нихъ появлялось послѣ того, какъ они испили горькую чашу своего крѣпостного униженiя. Такъ напр. крѣпостной человѣкъ художника /Ступина/, говорятъ, покончилъ самоубiйствомъ, потому что слишкомъ зачитывался книгами, какъ сообщили его господа; а другой интеллигентъ, извѣстный художникъ Тропининъ только 47 лѣтъ получилъ волю отъ своего господина гр.Моркова, который не хотѣлъ его отпускать, хотя за него, какъ за выдающагося художника-портретиста, хлопотали многiя высокопоставленныя лица. Про одного крѣпостного, извѣстнаго скрипача, получившаго блестящее музыкальное образованiе въ Италiи и удивлявшаго тамъ всѣхъ своей игрой, разсказываютъ, что онъ, вернувшись на родину по требованiю своего барина, для того, чтобы избавиться отъ униженiя непрерывно играть въ присутствiи своего помѣщика и его невѣжественныхъ гостей, отрубилъ себѣ палецъ и лишилъ себя тѣмъ возможности играть на скрипкѣ. Но это были люди выдающiеся, чрезвычайно талантливые, а сколько было рядовыхъ крѣпостныхъ интеллигентовъ! Ихъ заставляли изображать княгинь и графинь на драматической сценѣ, прыгать въ балетѣ или пѣть въ оперѣ, и за каждую ошибку, за каждую неправильно изученную роль, за фальшиво взятую ноту или неправильно сдѣланный въ балетѣ прыжокъ такихъ артистовъ подвергали жестокой экзекуцiи. Такъ напр. въ домашнемъ театрѣ гр.Каменскаго, извѣстнаго орловскаго меломана была громадная плеть, которою баринъ собственноручно расправлялся въ антрактахъ съ артистами, не угодившими ему своей игрой. Нерѣдко даже во время представленiя раздосадованный помѣщикъ вбѣгалъ на сцену и давалъ пощечины своимъ артистамъ за неудачную игру, и послѣ такого наказанiя оперная пѣвица, или драматическая актриса, принявъ гордый видъ, должна была снова продолжать свою роль. Кромѣ того въ крѣпостной деревнѣ того времени почти не было никакихъ нравственныхъ устоевъ. Цѣлый рядъ помѣщиковъ и управляющихъ изобличены были въ систематическомъ изнасилованiи крѣпостныхъ женщинъ и дѣвушекъ. Все это проходило почти безнаказаннымъ и согласiе на связь вынуждалось самымъ чудовищнымъ способомъ вплоть до наказанiя розгами на конюшнѣ при содѣйствiи конюховъ и кучеровъ. Естественно, что чаша крестьян-

скаго долготерпѣнія должна была переполниться отъ такого издѣвательства надъ человѣческой личностью. Сначала крестьяне думали посредствомъ прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя, добиться улучшенія своего положенія. Такъ въ 1826 г. крестьяне нижегородскаго помѣщика Баженова подали государю прошеніе, въ которомъ говорили: „Просимъ Васъ, отъ господъ нельзя ли освободить, всѣхъ на жалованье посадить, на насъ всю землю по душамъ раздѣлить, а потомъ просимъ, нельзя ли насъ отъ солдатства освободить." Но Николай I, несмотря на то, что въ концѣ царствованія Александра разрѣшено было крестьянамъ подавать жалобы на жестокое обращеніе съ ними господъ, не особенно поощрялъ принятіе такихъ прошеній и въ большинствѣ случаевъ они ни къ чему не приводили. Крестьянамъ не оставалось ничего другого, какъ волноваться и проявлять свое недовольство пассивнымъ или активнымъ способомъ. Отъ многихъ безпокойныхъ элементовъ помѣщикъ освобождался путемъ сдачи въ рекрута или ссылки въ Сибирь. Такъ напр. въ теченіе 9 лѣтъ 1822-33 г. было сослано въ Сибирь 1283 человѣка, и отправлялись такіе несчастные въ кандалахъ, почти ничѣмъ не снабженные на дорогу, и большая часть ихъ умирала, не дойдя до мѣста назначенія. Но конечно отъ всѣхъ избавиться такимъ способомъ было немыслимо, а крѣпостная деревня приходила все въ болѣе и болѣе лихорадочное состояніе. За 19 лѣтъ, съ 1835-1854 г.г., въ министерствѣ вн. дѣлъ зарегистрировано до 144 случаевъ убійствъ крестьянами помѣщиковъ и управляющихъ и до 75 случаевъ покушеній на убійства. Въ томъ же самомъ министерствѣ вн. дѣлъ за 29 лѣтъ царствованія Николая зарегистрировано 556 случаевъ крестьянскихъ волненій, но конечно до центральнаго вѣдомства не всегда доходили тѣ факты, которые имѣли мѣсто въ губерніи. Такъ напр., за 42 г. по даннымъ министерства въ самарской губ. значится только одно волненіе, а по дѣламъ губернскаго правленія 32 волненія. Но что особенно характерно, это сильное повышеніе случаевъ неповиновенія крестьянъ своимъ господамъ или даже открытаго бунта къ концу царствованія Николая. Такъ, если мы распредѣлимъ эти данныя о крестьянскихъ волненіяхъ по пятилѣтіямъ, то получимъ слѣдующую таблицу:

съ	1826 - 1829	было	41	волненіе
"	1830 - 1834	"	46	"
"	1835 - 1839	"	59	"
"	1840 - 1844	"	101	"
"	1845 - 1849	"	172	"
"	1850 - 1854	"	137	"

Особенно характерно, что съ 1845 - 1849 г. такъ сильно повышается цифра крестьянскихъ волненій. Ясно, что въ это время крестьяне находились въ наиболѣе возбужденномъ, наиболѣе лихорадочномъ состояніи, можетъ быть, подъ вліяніемъ того законодательства, которое въ это время создавалось въ секретныхъ комитетахъ. Вѣдь какъ разъ въ 40-хъ годахъ вышелъ законъ объ обязанныхъ крестьянахъ и разрѣшено было крестьянамъ выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона и пріобрѣтать земли съ согласія господъ на свое имя. Можетъ быть и явленія заграничной жизни, какъ наприм. извѣстное крестьянское движеніе въ Галиціи 1846 г., могли сказываться на настроеніи русской крѣпостной массы. Такимъ образомъ, и въ политическомъ отношеніи далеко не все обстояло благополучно въ крѣпостной деревнѣ второй четверти XIX ст. Съ одной стороны былъ страшный гнетъ помѣщиковъ, съ другой почва колебалась и крѣпостная деревня съ каждымъ годомъ приходила все болѣе въ возбужденное лихорадочное настроеніе.

ДОРЕФОРМЕННЫЙ ГОРОДЪ.

На ряду съ деревней крѣпостное право также сказывалось и на положеніи русскаго города, который выступаетъ передъ нами въ самомъ жалкомъ чахломъ видѣ именно потому, что существовалъ подневольный крѣпостной трудъ. Мы должны перенестись мысленно изъ села въ городъ, чтобы понять, почему въ рамкахъ крѣпостного строя не могла усложняться городская жизнь, не могли развиваться торговля и промышленность. Хотя Екатерина II въ Жалованной грамотѣ 1785 г. съ гордостью говорила, что она создала 216 городовъ, но большинство этихъ городовъ числилось только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ бывали случаи, когда от-

дѣльныя селенія то жаловались въ рангъ города, то снова переводились въ разрядъ селъ. Такъ напр. Аткарскъ Саратовской губ. въ 1780 г. былъ пожалованъ въ городъ, а въ 1799 г. былъ разжалованъ въ село, а черезъ 5 лѣтъ въ началѣ царствованія Александра онъ былъ снова зачисленъ въ разрядъ городскихъ поселеній. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ при переходѣ ихъ въ разрядъ городовъ приходилось чуть не силою заставлять жителей заниматься торговлей и ремеслами. Такъ напр., когда села Чертанлы и Царевна были переименованы въ 1836 г. въ города Николаевскъ и Царевъ, то надо было размѣстить въ нихъ солдатскую команду на постой, чтобы вынудить у жителей согласіе переписаться въ мѣщане и бросить прежнія сельско-хозяйственныя занятія. Такихъ случаевъ было не мало, и потому вполнѣ естественно, что изъ 733 городовъ, которые числились въ Россіи безъ посадовъ и мѣстечекъ, въ срединѣ 50-хъ годовъ XIX в. только самая незначительная часть была городами въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Накануне введенія новаго городового положенія, именно въ концѣ 60-хъ годовъ была произведена анкета, по которой оказалось, что изъ 595 обслѣдованныхъ городовъ только 1/6 часть представляла изъ себя дѣйствительно промышленные центры, 1/3 была полупромышленными, полуземледѣльческими поселеніями, а половина, т.е. около 300 городовъ, была селами, только числящимися въ разрядѣ городовъ. Такимъ образомъ города не имѣли вида промышленнаго поселка, а являлись только административнымъ центромъ, гдѣ находилось или губернское или уѣздное начальство. Вполнѣ понятно, что такую физіономію пріобрѣли дореформенные города потому, что большая часть ихъ переводилась изъ разряда сель въ разрядъ городовъ только для того, чтобы удовлетворить извѣстнымъ административнымъ потребностямъ въ связи съ новымъ губернскимъ дѣленіемъ 1775 г. Очень многое могутъ сказать намъ цифровыя данныя, касающіяся городского населенія того времени. Онѣ лучше всего вскроютъ предъ нами соціальную физіономію дореформеннаго города. Въ 50-хъ годахъ въ общемъ числилось около 5 1/2 милліоновъ городского населенія: половину этихъ горожанъ, 50% составляли такъ называемые мѣщане, 4,5% купцы всѣхъ 3-хъ гильдій, 5,5% - дворяне и чиновники, 1,4% духовенство и 38,6% различнаго рода ремесленники, рабо-

ціе элементы, крестьяне и огородники, работавшіе въ городѣ. Такимъ образомъ, собственно торгово-промышленнымъ элементомъ были купцы всѣхъ 3-хъ гильдій, которыхъ насчитывалось очень и очень немного. А если мы и припомнимъ, что въ третью гильдію могли входить всѣ тѣ мѣщане, которые имѣли капиталъ не меньше 60 р., то мы поймемъ, что купцы третьей гильдіи были только фиктивнымъ торгово-промышленнымъ классомъ. Это были мѣщане, которые дѣйствительно занимались мелкимъ розничнымъ торгомъ. Мѣщане же, ютившіеся по городскимъ окраинамъ, были крестьянами по своимъ хозяйственнымъ занятіямъ, огородниками и хлѣбопашцами, жившими въ чертѣ городской осѣдлости. Что касается пролетаріата въ прямомъ смыслѣ этого слова, фабрично-заводскихъ рабочихъ, то при слабомъ развитіи индустріи дореформенной Россіи такихъ элементовъ было очень и очень немного. Въ большинствѣ случаевъ эти ремесленники были кустарями, работали на себя или въ такъ называемой домашней промышленности на какого-либо городского скупщика. Конечно, васъ можетъ нѣсколько удивить довольно высокій процентъ дворянъ, живущихъ по городамъ, именно 5 1/2 %, но если мы припомнимъ, что въ составъ этихъ дворянъ входила чиновничья масса, то вполнѣ будетъ понятно, что въ такихъ мѣстностяхъ, какъ якутская или петербургская губ., % дворянъ доходилъ до 11 ко всему населенію, а что касается остальныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, то онъ почти не поднимался выше 3%. Вообще дворянство въ это время, какъ свидѣтельствуетъ Гакстгаузенъ, бывшій въ Россіи въ началѣ 40-хъ годовъ, все болѣе и болѣе оставалось въ своихъ имѣніяхъ, превращаясь постепенно въ чисто землевладѣльческій классъ. Тяга изъ деревни въ городъ, т.е. то явленіе, которое наблюдали обычно современники во второй половинѣ XУIII и въ началѣ XIX в., не имѣла уже мѣста и дворяне, обычно живя на плечахъ дарового крѣпостного труда, предавались или умственной работѣ, или сельскому хозяйству, или даже промышленнымъ занятіямъ. Что касается тѣхъ дворянъ, которые жили въ городѣ, то они совершенно не входили въ городскую хозяйственную организацію. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ мемуаровъ того времени, напр.. изъ извѣстныхъ записокъ Кропоткина, дворяне жили въ городѣ даже въ такомъ большомъ, какъ Москва, совершенно изолированными усадьбами. Цѣ-

лый рядъ надворныхъ хозяйственныхъ построекъ окружалъ просторную площадь дома, нерѣдко съ садомъ или по крайней мѣрѣ съ палисадникомъ. Въ этихъ дворянскихъ гнѣздахъ жило много дворовыхъ ремесленниковъ, выполнявшихъ все необходимое въ барскомъ обиходѣ. Сюда осенью по первопутку доставляли изъ подмосковныхъ или другихъ имѣній все необходимое продовольствіе и въ результатѣ помѣщикъ чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и тѣми продуктами, которые онъ получалъ изъ деревни, и тѣми ремеслами, которыя онъ могъ требовать отъ своихъ дворовыхъ. То, въ чемъ его не могли удовлетворить крѣпостные ремесленники, онъ получалъ изъ-за границы, изъ Лондона или Парижа, а мѣстные городскіе промышленники совершенно его не обслуживали. Крѣпостная крестьянская же масса ничего не покупала. Такимъ образомъ, внутренняго рынка у насъ почти что не было и въ виду этого городъ, какъ извѣстный промышленный торговый центръ, не имѣлъ почти никакого значенія въ экономическомъ строѣ стороны. Что касается города, какъ извѣстнаго благоустроеннаго мѣста, то и въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ниже всякой критики. Если мы припомнимъ, что вѣдь громадное большинство городскихъ доходовъ, которые получались отъ обложенія городскихъ земель, шли на расходы не городскіе, а общегосударственнаго характера, то мы поймемъ, что городской бюджетъ въ прямомъ смыслѣ этого слова въ николаевское царствованіе былъ въ высшей степени незначителенъ. Дѣйствительно, по росписи 1844 г. городскіе доходы только въ Москвѣ и въ Петербургѣ доходили до милліона рублей слишкомъ; въ Одессѣ они равнялись 500000, въ Ниж.Новгородѣ и въ Астрахани - 100000, а въ остальныхъ губернскихъ городахъ доходы были еще ниже и падали нерѣдко до 5000. Таковъ былъ доходный бюджетъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ надо было удовлетворять довольно значительныя потребности, - мощеніе улицъ, освѣщеніе ихъ и другіе запросы чистоты и благоустройства. Что же касается уѣздныхъ городовъ, то тамъ доходы нерѣдко доходили до нѣсколькихъ десятковъ рублей въ годъ, да и притомъ львиная доля ихъ должна была итти или на постройку тюрьмъ или на ремонтъ казармъ или даже просто на взятки мѣстнымъ чиновникамъ. При такихъ условіяхъ у города не могло быть культурной благоустроенной внѣшности.

ДОРЕФОРМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Что касается городской торговли и промышленности, то онѣ находились въ самомъ жалкомъ состояніи въ виду существованія подневольнаго крѣпостного труда, въ виду того, что крѣпостные ремесленники были привязаны къ барскимъ усадьбамъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ могли переселяться въ городъ для постояннаго жительства. У насъ имѣется цѣлый рядъ цифровыхъ данныхъ, которыя превосходно рисуютъ намъ состояніе русской внѣшней и внутренней торговли за первую половину 19 вѣка. Мы поймемъ изъ разсмотрѣнія этихъ цифръ, въ какомъ направленіи развивался русскій товарообмѣнъ съ З.Европой и каковы были главныя статьи русскаго вывоза и русскаго ввоза. За 40 лѣтъ съ 1819 по 1857 г.г. весь русскій товарообмѣнъ съ З.Европой выражался въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ 1819 г. - 114 мил.руб., въ серединѣ этой эпохи, именно въ 1839 г.-176 милліоновъ руб., а въ концѣ, въ 1857 г. - 366 милл. руб. Слѣдовательно, за эти 40 лѣтъ нашъ товарообмѣнъ увеличился приблизительно въ 3 раза. Этотъ цифровой матеріалъ представляетъ суммарный итогъ и ввоза и вывоза, но если мы расчленимъ эти обѣ категоріи, то выводы получатъ нѣсколько иной характеръ. Вывозить изъ Россіи можно было безъ всякаго запрета, ввозить же было не всегда возможно, потому что съ 1822 г., когда былъ введенъ суровый таможенный тарифъ, всякаго рода фабрикаты, т.е. продукты въ обработанномъ видѣ могли ввозиться въ Россію только оплаченные высокой таможенной пошлиной. Слѣдовательно, для искусственнаго развитія отечественнаго производства Россія отмежевалась отъ З.Европы высокимъ таможеннымъ барьеромъ, но несмотря на это все-таки ввозъ былъ довольно значителенъ. Изъ всѣхъ статей вывоза на первомъ планѣ стоятъ сырые продукты; они составляютъ около 54,3 %, на второмъ мѣстѣ - жизненные припасы 31,8%, 3-е мѣсто занимаютъ фабрикаты 10,1%, и 4-е - 3,8% разные товары, не вошедшіе въ перечисленныя категоріи. Что касается ввоза, то здѣсь на первомъ планѣ, 58,8 %, стоятъ жизненные припасы, фрукты, вино и другіе предметы гастрономическаго обихода, на второмъ мѣстѣ 26,6%-фабрикаты, на 3-емъ - 10,8% сырые матеріалы, на 4-мъ - 3,8% различные товары, не вошедшіе въ пере-

численныя категоріи. Слѣдовательно Россія вывозила въ З.Европу преимущественно сырье и продукты питанія, т.е. главнымъ образомъ хлѣбъ, мясо, говяжье сало, а возила преимущественно продукты питанія, необходимые для наиболѣе обезпеченныхъ классовъ и готовые фабрикаты, издѣлія западно-европейской индустріи. Но хотя З.Европа и была какъ бы отмежевана отъ Россіи непроницаемой стѣной таможеннаго барьера, все-таки наше отечественное производство въ искусственныхъ условіяхъ протекціонизма первой половины 19 вѣка не могло развиваться, такъ какъ не было здоровой хозяйственной атмосферы. Окружающая среда была пропитана ядовитыми испареніями крѣпостного болота и они-то отравляли правильное существованіе русской промышленности и индустріи. Если мы познакомимся съ цифровыми данными, приведенными въ книгѣ проф.Туганъ-Барановскаго - „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ", то лучше всего уяснимъ себѣ, въ какомъ положеніи находилась русская фабрично-заводская промышленность въ первой половинѣ 19 столѣтія.

Въ Россіи на 1000 жителей приходилось въ самыхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, какъ напр. въ Ярославлѣ, 10 ремесленниковъ, а въ другихъ городахъ обыкновенно 5; въ З.Европѣ же, напр. въ Пруссіи, на 1000 городскихъ жителей приходилось обычно 40 ремесленниковъ. Это лучше всего показываетъ, какъ отстала въ промышленномъ отношеніи Россія въ серединѣ 19 вѣка, но еще болѣе характерны тѣ цифры, которыя показываютъ намъ положеніе русской фабрично-заводской промышленности. Дѣло въ томъ, что уже суконное, полотняное и желѣзодѣлательное производства развиваются у насъ еще во второй половинѣ 18 вѣка, но судьбы ихъ въ первой половинѣ 19 столѣтія въ высшей степени поучительны. Дѣло въ томъ, что за это время особенно развивается у насъ хлопчато-бумажное производство. Съ 1810 по 1860 г. количество хлопчато-бумажныхъ фабрикъ увеличивается въ 12-16 разъ. Этому благопріятствовалъ цѣлый рядъ условій, но не внутренняго, а чисто внѣшняго характера. Съ одной стороны тотъ громадный кризисъ, который испытала въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ Англія вслѣдствіе введенія у нея машиннаго производства, съ другой стороны то обстоятельство, что въ Россіи съ 1844 г. разрѣшенъ былъ ввозъ ткацкихъ ма-

шинъ, которыя стали примѣняться въ широкихъ размѣрахъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ. Въ виду этого и цифры ввоза хлопка за 50 лѣтъ возросли въ нѣсколько десятковъ разъ. Въ началѣ 19 вѣка ежегодно ввозилось 17000 пудовъ хлопка, а въ началѣ 50-хъ годовъ 283000 пудовъ. Что касается другихъ отраслей индустріи, то суконныя фабрики, особенно тѣ, на которыхъ работали такъ называемые посессіонные крестьяне, влачили довольно жалкое существованіе при условіи обязательной поставки сукна въ казну. Но когда были уничтожены обязательные казенные заказы и суконному производству дана была возможность свободно развиваться внѣ рамокъ правительственной регляментаціи, то оно шагнуло далеко впередъ и количество суконныхъ фабрикъ съ 235 (въ 1814 г.) доходитъ до 492 (1856 г.) при чемъ частные заказы въ 11 разъ превышаютъ казенные. Полотняное производство наоборотъ начинаетъ падать, и особенно это становится замѣтнымъ къ концу 50-хъ годовъ. Изъ 285 полотняныхъ фабрикъ, которыя насчитывались въ 1804 г., осталось только 100 къ 1861 году. Слѣдовательно, полотняное производство испытывало громадный кризисъ въ силу того, что слишкомъ дешево было полотно, вырабатываемое въ Россіи и было очень трудно покрыть всѣ издержки производства. Что касается наконецъ желѣзодѣлательной промышленности, занявшей такое выдающееся положеніе въ 18 столѣтіи, вслѣдствіе неустанныхъ заботъ правительства, начиная съ эпохи Петра Великаго, то она все болѣе и болѣе падала. Въ 19 вѣкѣ горный пріуральскій округъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ по выплавкѣ чугуна и выдѣлкѣ желѣза на міровомъ рынкѣ. Если въ началѣ царствованія Николая I количество русскаго желѣза составляло 12% міровой добычи, то въ 50-хъ годахъ она составляетъ только 4%. При этомъ интересно, что громадное большинство желѣзодѣлательныхъ заводовъ находилось или въ казенномъ вѣдомствѣ или обслуживалось такъ называемыми посессіонными крестьянами, т.е. трудъ подневольнымъ крѣпостнымъ трудомъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что количество желѣза, вывозимаго изъ Россіи въ З.Европу, въ первой половинѣ 19 столѣтія все падаетъ и падаетъ. Если въ 1800-84 г. ежегодно отправлялось за границу 2,120,000 пудовъ желѣза, то въ 1831-40 годахъ - 1,360,000, а съ 1848-860 только 887000 п. ежегодно.

Такимъ образомъ тѣ отрасли производства, въ которыхъ примѣнялся крѣпостной трудъ, т.е. главнымъ образомъ, желѣзо--дѣлательная и полотняная промышленность чахнуть и гибнуть. Тѣ же отрасли производства, въ которыхъ примѣнялся преимущественно трудъ вольнонаемный, какъ бумажно-ткацкое производство, расширялись даже въ рамкахъ дореформеннаго строя. Ясно, что русская промышленность не могла развиваться при условіи существованія подневольнаго труда. Еще сильнѣе подтверждаетъ этотъ выводъ состояніе нашихъ банковъ какъ государственныхъ, такъ и частныхъ. Въ этихъ банкахъ частные вклады составляли весьма значительную сумму. Портфели банковъ были ими переполнены, но что касается ссудъ, то онѣ составляли самый незначительный процентъ всѣхъ банковыхъ операцій. Хотя проценты на вклады понижались, а проценты при выдачѣ ссудъ повышались, но все равно ничто не помогало и въ результатѣ всякаго рода коммерческія операціи въ родѣ учета векселей составляли не больше 2 1/2 - 4% всѣхъ банковскихъ операцій. Почему же вклады росли? Почему капиталы притягивались къ банку, но оттуда не шли на промышленныя цѣли? Потому, что вкладчики предпочитали давать имъ такое мертвое предназначеніе, заставляя ихъ обростать словно мохомъ процентами на проценты. При крѣпостномъ строѣ не появлялось требованій на эти капиталы, потому что въ условіяхъ подневольнаго труда нельзя было разсчитывать на значительную доходность того или иного предпріятія. Желѣзныя дороги не строились, мосты не прокладывались, фабрики и заводы устраивались въ самомъ ограниченномъ количествѣ и потому денежные капиталы почти не циркулировали въ странѣ вплоть до 60-хъ годовъ 19 вѣка, т.е. до момента отмѣны крѣпостного права натуральное безобмѣнное хозяйство преобладало въ экономическомъ строѣ Россіи.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССІИ.

Но то же самое крѣпостное состояніе, которое такъ гибельно отзывалось и на помѣщичьемъ хозяйствѣ, которое пара-

лизовало развитіе русскаго города и гибельно отзывалось на состояніи отечественнаго производства, желѣзнымъ обручемъ сковывало и государственную финансовую организацію. Финансы Россіи какъ въ зеркалѣ отражали въ себѣ то тяжелое состояніе, въ которомъ находился весь русскій внутренній и внѣшній хозяйственный оборотъ. Правительству приходилось изворачиваться при всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, которыя оно переживало въ первой половинѣ 19 столѣтія вслѣдствіе цѣлаго ряда войнъ, вслѣдствіе агрессивной внѣшней политики императора Александра I и его преемника. Въ этомъ отношеніи интересно прослѣдить наши бюджеты за первую половину 19 столѣтія. Хотя эти бюджеты теперь и опубликованы, но конечно далеко не все въ нихъ соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей. Дѣло въ томъ, что Государственный Совѣтъ, который долженъ былъ разсматривать приходо-расходную роспись, не всегда посвящался во всѣ тайны нашего финансоваго вѣдомства. Очень часто, какъ это было напр. въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ, по Высочайшему повелѣнію въ Государственный Совѣтъ вносились завѣдомо фиктивныя росписи. Цифры доходовъ повышались, а цифры расходовъ умышленно понижались для того, чтобы скрыть все возраставшій дефицитъ. Намъ будетъ ясно положеніе русскаго приходо-расходнаго баланса, если мы сопоставимъ цифры государственныхъ доходовъ и расходовъ за рядъ лѣтъ. Въ 1800 г., т.е. какъ разъ въ началѣ 19 вѣка государственные доходы равнялись круглой цифрѣ 65,7 милліон.руб., а расходы составляли 63,1 мил.руб. Въ 1825 г. доходы равнялись 111,05 милл., а расходы 115,17 мил., а въ 1855 г. доходы составляли 204,00 мил., а расходы 525,96 мил., т.е. другими словами, за 50 лѣтъ наши доходы возросли въ 4 раза, а наши расходы увеличились въ 8 разъ. Конечно въ 1851 г., когда происходила крымская война, слишкомъ повысились государственныя расходныя статьи. Но если мы возьмемъ предшествующій 1854 г., когда расходы равнялись 383,758,000 руб., то и тогда получится все-таки сильное превышеніе расходовъ надъ доходами и возрастаніе расходнаго бюджета за 54 г. въ 6 1/2 разъ. Такимъ образомъ, за первую половину 19 столѣтія дефицитъ все растетъ и растетъ. Если первый годъ 19 вѣка мы замѣчаемъ нѣкоторое превышеніе доходовъ надъ расходами, излишекъ въ

2,6 мил. руб., то уже въ 1825 г., послѣдній годъ царствованія Александра I, дефицитъ равняется 4,12 мил., а въ 55 г. онъ составлялъ 261,85 мил.руб. Слѣдовательно, далеко не все обстояло благополучно въ положеніи государственнаго хозяйства. А если мы припомнимъ, на что шли эти государственные расходы, то мы поймемъ, какъ непроизводительно они тратились. На военныя потребности напр. въ 1835 г. шло 210 мил. руб., а на министерство народ.просв. въ 35 г. было назначено 212 мил.руб. Агрессивная внѣшняя политика поѣдала громадныя средства. Николай I усвоилъ себѣ принципъ охраненія легитимнаго западно-европейскаго строя. Онъ не вошелъ офиціально въ священный союзъ, учрежденный его покойнымъ братомъ, но усвоилъ охранительную политику членовъ этого союза. Вмѣшиваясь въ западно-европейскія дѣла, охраняя порядокъ въ сосѣднихъ государствахъ, императоръ Николай долженъ былъ затрачивать на это громадныя средства. Такъ напр. одна турецкая война 1828 г. стоила русскому казначейству 86 мил.р. Усмиреніе польскаго возстанія съ 1830-36 г. обошлось въ 92 мил.руб., а подавленіе венгерскаго возстанія въ 1848-49 г. стоило Россіи 97 мил.руб. Слѣдовательно, сотни милліоновъ тратились на внѣшнюю политику на то, чтобы охранять абсолютно бюрократическій строй въ З.Европѣ. Вполнѣ естественно, что правительству надо было какими-нибудь способами изыскивать источники доходовъ, чтобы выйти изъ затруднительнаго финансоваго положенія, или повышать налоги прямые и косвенные или обращаться къ займамъ внѣшнимъ и внутреннимъ, процентнымъ и безпроцентнымъ. Повышать налоговое бремя было не особенно легко при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась Россія. Подушная подать была и такъ увеличена въ царствованіе Александра I при наступленіи отечественной войны, и новое ея повышеніе грозило разореніемъ крестьянству и могло породить недовольство въ дворянской помѣщичьей средѣ. Что касается косвеннаго обложенія, то на него разсчитывать можно было только при одномъ условіи, если бы у насъ существовалъ обширный внутренній рынокъ; но разъ емкость этого рынка была въ высшей степени ничтожна, разъ покупательныя средства населенія были истощены, то, конечно, разсчитывать на значительныя поступленія отъ косвенныхъ налоговъ было невозможно.

въ результатѣ правительство обращалось къ другимъ источникамъ, именно къ займамъ, благо возможно было занять, благо Россія пользовалась еще извѣстной кредитоспособностью. Вся сумма русскихъ внѣшнихъ и внутреннихъ процентныхъ займовъ въ 1817 г. составляла внушительную цифру 94 мил.руб., а въ 1852 г. эта сумма равнялась 402 мил.руб. Вы видите, что наши долговыя обязательства предъ З.Европой и предъ русскимъ обществомъ увеличились за эти 35 лѣтъ въ 4 раза слишкомъ. Но если мы припомнимъ, что кромѣ этихъ процентныхъ долговъ были еще безпроцентные, т.е. тѣ бумажно-денежные знаки, которые обращались внутри страны, то мы должны еще значительно увеличить количество долговыхъ обязательствъ русскаго правительства въ началѣ 50-хъ годовъ. Я уже говорилъ при характеристикѣ реформы (Канкрина), что съ конца 30-хъ годовъ установлено было количество бумажно-денежныхъ знаковъ 595,8 мил. руб. Такимъ образомъ вся сумма нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ, процентныхъ и безпроцентныхъ долговъ доходила до колоссальной цифры I милліардъ руб., т.е. другими словами,въ 4 раза превышала нашъ ежегодный доходный бюджетъ, т.е. говоря иначе, правительство забрало впередъ у послѣдующихъ поколѣній 4 бюджетныхъ года. Значитъ русское правительство въ рамкахъ крѣпостного хозяйства не могло жить по средствамъ и крѣпостной строй не менѣе гибельно отзывался на положеніи государственныхъ финансовъ, чѣмъ на состояніи русскаго народнаго хозяйства. Всѣ эти обстоятельства чисто экономическаго матеріальнаго характера ясно доказывали всѣмъ безпристрастнымъ наблюдателямъ, что крѣпостная Россія переживала всесторонній глубокій кризисъ. Надо было обратиться къ иному порядку вещей, надо было перейти къ инымъ хозяйственнымъ отношеніямъ, и для многихъ изъ среды тогдашняго помѣстнаго дворянства такъ же, какъ и для представителей ученыхъ, промышленныхъ и финансовыхъ сферъ было яснѣе дня, что рано или поздно Россія должна выйти на новую дорогу свободнаго хозяйственнаго развитія. Россія выросла изъ условій прежняго экономическаго быта, какъ ребенокъ съ годами вырастаетъ изъ дѣтскаго платья. Она была стянута, она была спеленута и ея члены властно требовали своего освобожденія. Такимъ образомъ, накапливалась громад-

ная потенціальная внутренняя энергія, которая должна была проявиться только тогда, когда русскій хозяйственный организмъ будетъ избавленъ отъ тѣхъ путъ, отъ тѣхъ стѣсненій, которымъ онъ подвергался въ теченіе долгаго времени. Слѣдовательно, изъ положенія вещей въ царствованіе Николая I ясна была необходимость отмѣны крѣпостного права; но раскрѣпощеніе русской деревни послѣдовало только тогда, когда событія внѣшняго порядка доказали всю гибельность существованія подневольнаго хозяйственнаго строя для русской внѣшней политики, когда крѣпостной режимъ обнаружилъ всю свою несостоятельность при столкновеніи Россіи съ З.Европой.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ЭПОХИ НИКОЛАЯ I.

Намъ теперь приходится перенестись въ совершенно иной міръ отъ тѣхъ цифръ и выкладокъ, которыми я, можетъ быть, нѣсколько утомилъ ваше вниманіе, отъ хозяйственныхъ разсчетовъ и приходо-расходныхъ статей, въ область идей, въ область тѣхъ отвлеченныхъ понятій, которыми живетъ образованная часть общества. Общественная идеологія эпохи Николая I является однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ моментовъ въ развитіи русской интеллигенціи 19 вѣка. Въ рамкахъ крѣпостной Россіи зарождалась свободная, ничѣмъ не связанная философско-научная атмосфера, благодаря которой такъ эволюціонировала русская общественная мысль. Конечно, въ силу обстоятельствъ, эта идеологія вырабатывалась преимущественно въ дворянскихъ кружкахъ, да и вообще русская интеллигенція николаевской эпохи была чисто дворянская по своему составу. Разночинцы только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могли проявлять себя, и они, можно сказать, еще не выступали на общественную арену. Но параллельно съ развитіемъ русской общественной мысли развивалась и правительственная идеологія, и намъ будетъ гораздо яснѣе и рельефнѣе исторія развитія русскаго общества, если мы набросаемъ сначала хотя бы въ самыхъ общихъ штрихахъ картину этой офиціальной идеологіи. Эта правительственная иделогія николаевскаго царствованія покоилась на признаніи, что существующій порядокъ

является однимъ изъ наиболѣе идеальныхъ. Подъ ферулой III отдѣленія, во главѣ котораго былъ поставленъ генералъ Бенкендорфъ, Россія должна была благоденствовать. Никакихъ инструкцій, никакихъ наказовъ этому 3-му отдѣленію, составляющему высшій полицейскій и жандармскій органъ, дано не было. По преданію Николай I передалъ Бенкендорфу платокъ въ знакъ того, что онъ долженъ осушать слезы вдовъ и сиротъ, долженъ быть главой не только полиціи карательной, но и полиціи попечительной. И вотъ подъ крыльями двуглаваго орла Россія достигаетъ внутренняго самоусовершенствованія. Все должно было обстоять благополучно, потому что основой новаго правительственнаго курса были 3 положенія: Самодержавіе въ сферѣ политической, православіе въ сферѣ религіозной и народность въ сферѣ общественной. Конечно, самодержавію придавался опредѣленный полицейско-бюрократическій колоритъ; православіе преломлялось сквозь призму синодальнаго вѣдомства, а принципъ народности въ глазахъ правительства совершенно мирился съ существованіемъ крѣпостного права, когда народъ, по остроумному выраженію Погодина, числился только по вѣдомостямъ казенной палаты. Если офиціальныя правительственныя сферы встрѣчались съ попыткой критики существующаго порядка, то у нихъ былъ готовый отвѣтъ,- тотъ отвѣтъ, который высказалъ генералъ Бенкендорфъ по поводу извѣстнаго „Философическаго Письма" Чаадаева: „Прошлое Россіи было изумительно, настоящее болѣе чѣмъ великолѣпно, а что касается ея будущаго, то оно превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія." Такимъ образомъ, офиціальныя сферы благоденствовали, и онѣ давали опредѣленные лозунги ученымъ, тѣмъ литераторамъ, пропагандировавшимъ въ это время въ обществѣ доктрину офиціальной народности: „все обстоитъ благополучно". Въ московскомъ университетѣ, который въ это время являлся однимъ изъ наиболѣе крупныхъ разсадниковъ просвѣщенія, гдѣ съ 30-хъ годовъ главнымъ свѣточемъ былъ Грановскій,- каѳедру русской исторіи занималъ Погодинъ, а каѳедру исторіи русской литературы - Шевыревъ. И тотъ, и другой были довольно крупными научными и литературными величинами, но въ то же самое время они и въ своихъ лекціяхъ, и въ своихъ работахъ отстаивали точку зрѣнія

министерства народ.прос. и 3-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Погодинъ передъ студентами въ аудиторіи проводилъ ту мысль, что Россія находится подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Божественнаго Промысла. Въ ея прошломъ онъ всему удивлялся и всѣмъ восхищался. Цѣлый рядъ чудесъ происходилъ по его мнѣнію въ исторіи Россіи и на фонѣ этого чудеснаго проявленія Божественнаго попеченія выросло господство и слава русскаго имени. Если Погодинъ, изучая историческія судьбы Россіи, подтверждалъ благоденствіе ея прошлаго, великолѣпіе настоящаго и славу будущаго, то Шевыревъ съ такимъ же апломбомъ направлялъ вниманіе своихъ слушателей на успѣхи русской литературы, конечно, главнымъ образомъ, оперируя съ фактами древней эпохи. Такимъ образомъ, представители 2-хъ наиболѣе важныхъ каѳедръ въ московскомъ университетѣ какъ бы офиціально пропагандировали то, что говорилъ шефъ жандармовъ Бенкендорфъ. Эти положенія установились довольно прочно въ 30-хъ и 40-хъ годахъ и являлись краеугольнымъ камнемъ правительственной офиціальной мысли до 1848 г., когда З.Европа снова была потрясена революціоннымъ движеніемъ и когда Россія устояла только потому, что, какъ думали офиціальныя правительственныя сферы, въ ней были сильны и прочны принципы офиціальной народности. Но въ то самое время, когда устанавливались первоосновы этой офиціальной идеологіи, когда устами министра народ. просв. гр.Уварова и начальника 3-го отдѣленія гр.Бенкендорфа возвѣщалась широкая правительственная программа, покоящаяся на 3-хъ только-что указанныхъ мною началахъ, въ русскомъ обществѣ стали проявляться первые признаки критическаго отношенія ко всему окружающему, какъ къ тому, что стояло наверху, такъ и къ тому, что проявлялось внизу. Это критическое настроеніе переживаетъ какъ бы 3 момента, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга. Въ концѣ 20-хъ годовъ на арену выступаетъ Чаадаевъ, который первый бросаетъ вызовъ принципу офиціальнаго благополучія. Рѣзко и рѣшительно обрушиваясь на существующій правительственный и общественный укладъ жизни, Чаадаевъ подчеркиваетъ нашу отсталость, но его точка зрѣнія скоро получаетъ иное примѣненіе.- Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, когда критическая мысль развивается въ 2-хъ интеллигентныхъ кружкахъ въ Москвѣ

вокругъ московскаго университета, появляются такъ наз. западники и славянофилы. Разбиваясь на 2 культурныхъ теченія, западничество и славянофильство, каждое по своему, расшатываютъ устои офиціальной народности и затѣмъ въ исходѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ сливаются въ одинъ могучій потокъ, который связывается обычно съ именемъ Герцена. Герценъ уже не на почвѣ только отвлеченной идеологіи, а на почвѣ вполнѣ реальныхъ фактовъ обрушивается со своимъ критическимъ скальпелемъ на существующій укладъ жизни. Такимъ образомъ съ Чаадаева начинается критическая работа, а черезъ кружки западниковъ и славянофиловъ она доходитъ до Герцена, которымъ и завершается. Воззрѣнія идеалистовъ 20-хъ - 40-хъ годовъ и должны прежде всего привлечь наше вниманіе. Если мы всмотримся и углубимся въ основные моменты развитія этой идеологіи, то для насъ будетъ понятно, какъ далеко шагнуло русское общество эпохи Николая I отъ того момента общественнаго развитія, который мы уже съ вами изучали, характеризуя александровскую эпоху. А тѣ идеи, которыя исповѣдывались русскимъ обществомъ въ 20-хъ - 40-хъ годахъ, подготовили моментъ перелома и всесторонняго кризиса, приведшаго къ установленію совершенно иной идеологіи, иного политическаго и общественнаго уклада жизни.

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ.

Русское общество эпохи Николая I отражало въ себѣ тѣ теченія, которыя появились у насъ въ Россіи въ началѣ 19-го вѣка. Эти теченія, вызванныя смѣной 2-хъ міровоззрѣній на грани 18 и 19 столѣтія, обусловливались тѣмъ общеевропейскимъ романтизмомъ, который явился какъ бы реакціей противъ господства раціонализма. Въ этомъ романтическомъ стремленіи въ глубокой отдаленной древности найти отвѣты на тѣ вопросы, которые волновали общество въ эпоху французской революціи, замѣтно 2 струи. Одна струя соціально-политическая, другая отвлеченно-философская. И та, и другая были окрашены яркимъ идеалистическимъ колоритомъ. Не въ мірѣ реальной дѣйствительности, не въ окружающей средѣ искали отвѣта на всѣ по-

ставленные вопросы, а въ сферѣ той отвлеченной идеологіи, корни которой тѣсно сплетались со средне-вѣковой мистикой. Такимъ-то порывомъ въ потусторонній міръ, такимъ стремленіемъ разрѣшить все то, что стояло на очереди помимо учета реальныхъ силъ, и отличается идеологія русскаго общества конца александровской эпохи. Политическій идеализмъ породилъ программы тайныхъ обществъ. Имъ проникнуты и политическія и соціальныя программы декабристовъ, но философскій идеализмъ, котораго мы еще не касались, въ концѣ царствованія Александра I лишь слабо давалъ себя чувствовать и особенно сильно развился въ русскомъ обществѣ только послѣ того момента, какъ политическая идеологія была развѣяна мертвящимъ дыханіемъ правительственной реакціи въ концѣ 1825 г. Заниматься политикой, разрѣшать важные соціальные государственные вопросы въ рамкахъ николаевскаго строя становилось небезопасно, и то, къ чему стремились наиболѣе интеллигентные представители петербургской гвардіи, должно было быть снято съ очереди. Центръ общественной жизни перенесенъ былъ изъ Петербурга въ Москву, изъ гвардейскихъ казармъ въ аудиторія московскаго университета. Здѣсь съ конца 20-хъ годовъ начинаетъ примѣняться на лекціяхъ та широкая философская концепція, съ которой ознакомились наиболѣе образованные элементы русскаго общества въ началѣ 19 столѣтія. 2 философскихъ системы господствовали въ это время въ З.Европѣ. Обѣ онѣ были порождены тѣмъ романтическимъ подъемомъ, который испытало западно-европейское общество въ буряхъ и грозахъ французской революціи и наполеоновскаго режима. Обѣ эти системы стремились въ отвлеченномъ идеализмѣ найти успокоеніе отъ волненій современной дѣйствительности и старались примирить существующій реальный міръ съ тѣми идеальными построеніями, которыя такъ манили ихъ къ себѣ, которыя въ результатѣ должны были дать уставшему и измученному европейскому обществу необходимый миръ и покой. Съ именами 2-хъ титановъ человѣческой мысли связаны эти идеологическія построенія съ именами Шеллинга и Гегеля. Оба эти мыслителя властно приковывали къ себѣ вниманіе европейской интеллигенціи, начиная съ 10-хъ и кончая 40-ми годами 19 вѣка. Особенно ярко сказывается струя романтизма въ философской си-

стемѣ Шеллинга, стремившагося главнымъ образомъ примирить 2 начала: вѣру и вѣдѣніе. Въ основѣ своей системы онъ ставилъ божественное начало, проявленія котораго онъ видѣлъ во всѣхъ явленіяхъ окружающей дѣйствительности. Такимъ образомъ въ основѣ Шеллинговой философіи лежалъ религіозный пантеизмъ, стремленіе слиться съ божествомъ. Шеллингъ обѣщалъ желанное успокоеніе только въ томъ случаѣ, если основой мірозданія будетъ признанъ Богъ, какъ отвлеченная идеальная сила. Таково основное credo Шеллинга, какъ творца новой философской системы. Сфера чувства - вотъ единственный методъ, черезъ посредство котораго можно найти основную цѣль всего мірозданія и человѣческаго существованія. Значитъ, не наука, не наукообразное мышленіе, а сфера идеалистическихъ построеній, сфера отвлеченной мысли,- вотъ что должно привлекать къ себѣ современное общество. Такимъ образомъ Шеллингъ проповѣдывалъ разрывъ съ реальными условіями окружающей дѣйствительности, и вполнѣ естественно, что на его проповѣдь откликнулись очень многіе представители европейскаго общества, стремившіеся порвать съ ужасами революціонной эпохи и жаждавшіе найти себѣ удовлетвореніе въ отдаленномъ потустороннемъ мірѣ. Но если Шеллингъ искалъ Бога въ мірѣ и стремился къ широкой системѣ пантеизма, то другой философъ эпохи Гегель старался найти примиреніе идеализма съ дѣйствительностью въ сферѣ построенія отвлеченнаго логическаго процесса мышленія. Только то, что мы можемъ постичь своимъ разумомъ, училъ Гегель, является дѣйствительно реальнымъ. Поэтому все реальное разумно и все разумное дѣйствительно. Въ этомъ отношеніи поставивъ человѣка въ основу всего мірового процесса, Гегель какъ бы стремился сдѣлать его критеріемъ всѣхъ тѣхъ фактовъ, всѣхъ тѣхъ явленій, которые совершались въ окружающей средѣ.- Человѣкъ самъ выковываетъ свое счастіе, человѣкъ самъ вершитъ свою судьбу, но только тотъ можетъ дѣйствительно выполнить поставленныя божественнымъ промысломъ цѣли и задачи, который ярко отражаетъ въ себѣ необходимый моментъ даннаго общественнаго и историческаго развитія. Божественный промыслъ, проявляя себя въ окружающей дѣйствительности, далеко не одинаково за-

хватываетъ всѣ народы своимъ міровымъ геніемъ. Этотъ міровой геній въ каждую эпоху посѣщаетъ только какой-нибудь одинъ народъ, и этотъ геній человѣческаго прогресса, восѣдая на своемъ царственномъ тронѣ, заставляетъ второстепенныхъ духовъ другихъ народовъ служить себѣ у его подножія. Такимъ образомъ, то сліяніе божества со вселенной, о которомъ говорилъ Шеллингъ, подъ перомъ Гегеля принимаетъ какъ бы форму эволюціоннаго характера постояннаго историческаго развитія. И въ отдаленныя времена, въ давно минувшія эпохи міровой божественный духъ оживотворялъ отдѣльныя націи, отдѣльные народы. Въ моментъ же, который Гегель считалъ какъ бы завершающимъ общечеловѣческое развитіе, этотъ міровой духъ царилъ въ народѣ германскомъ, и потому германская культура, германская форма общежитія и германская государственная организація являются въ глазахъ Гегеля наиболѣе совершенными, почти идеальными.

Такимъ образомъ, западно-европейская философія стремилась разрѣшить тѣ вопросы, которые выдвигала сама жизнь, и эти вопросы разрѣшались съ точки зрѣнія общечеловѣческаго идеализма въ пользу, главнымъ образомъ, германской націи и германской культуры. На почвѣ-то этихъ отвлеченныхъ началъ, которыя затѣмъ широко распространились въ европейскомъ обществѣ, на почвѣ философскаго идеализма, охватившаго русское общество николаевской эпохи, надо было прежде всего разрѣшить вопросъ о взаимоотношеніи между вѣрой и вѣдѣніемъ, между божественнымъ началомъ и началомъ человѣческимъ, а затѣмъ выяснить, какимъ путемъ должно итти развитіе Россіи, къ чему должна она стремиться и какія судьбы ожидаютъ ее въ ближайшемъ и отдаленномъ будущемъ. На этомъ общемъ фонѣ романтической философско-исторической мысли и зарождаются 3 системы, 3 способа разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ. Одинъ изъ этихъ отвѣтовъ данъ былъ Чаадаевымъ, представителемъ русской интеллигенціи александровской эпохи. Онъ принадлежалъ къ той же самой средѣ, изъ которой вышло громадное большинство декабристовъ. Эта общественная среда находилась подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго романтизма, который получилъ наиболѣе яркое воплощеніе въ трудахъ Жозефа де Местръ. Примиреніе между вѣрой и вѣдѣніемъ де-Местръ видѣлъ исключительно въ ортодоксаль-

номъ католицизмѣ. Только такая религіозная организація, какая существовала въ католической церкви съ верховнымъ главою въ лицѣ папы,можетъ дѣйствительно дать разрѣшеніе на всѣ поставленные жизнью вопросы; только въ лонѣ католической церкви можно найти примиреніе, только подъ сѣнью папскаго господства можно обрѣсти спокойное жизненное существованіе. Значитъ, тѣ народы, которые не осѣнены были многовѣтвистымъ древомъ католической церкви, никогда не способны стать на чреду міроваго историческаго развитія; они никогда не скажутъ своего слова, потому что это слово не вложено имъ свыше. Подъ сильнымъ вліяніемъ Ж.де Местра складывалось міровоззрѣніе Чаадаева. Прилагая точку зрѣнія католическаго романтизма къ прошлому,настоящему и будущему Россіи, онъ давалъ діаметрально противоположный отвѣтъ, сравнительно съ тѣмъ, который исходилъ отъ представителей офиціальной народности, принадлежавшихъ какъ къ правительственнымъ такъ и къ академическимъ сферамъ. Прошлое Россіи пусто, настоящее безотрадно, а будущаго у нея нѣтъ, если она не сольется съ латинскимъ католическимъ міромъ. Мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ человѣчеству, говоритъ Чаадаевъ въ своемъ извѣстномъ философическомъ письмѣ. Мы до сихъ поръ не шли за другими историческими народами и составляемъ какъ бы пустое мѣсто въ исторіи человѣчества. Только тогда,когда мы воспримемъ культуру З.Европы, мы сможемъ дѣйствительно осмыслить свое существованіе, а вся культура З.Европы проникнута идеей, идущей изъ Рима, изъ міра латинскаго и католическаго. Значитъ,- сліяніе съ европейской католической мыслью - вотъ что считалъ Чаадаевъ необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго развитія русскаго общества.- Мы пришли, говоритъ Чаадаевъ, позднѣе другихъ для того, чтобы не повторить ихъ ошибокъ и, можетъ быть, говоритъ онъ въ своей Исповѣди сумасшедшаго, избѣгнувъ ошибокъ другихъ народовъ, мы сдѣлаемъ лучше, чѣмъ они и скажемъ громче свое слово. Такимъ образомъ, у Чаадаева,въ результатѣ глубокомысленнаго изученія прошлаго Россіи, создается увѣренность, что въ русскомъ народѣ заложены потенціальныя силы, которыя могутъ себя обнаружить только при содѣйствіи европейской католической мысли. Я не буду касаться судьбы Чаадаева, того трагическаго положенія, въ которомъ очу-

тился этотъ полумистикъ, полуромантикъ въ тискахъ николаевскаго режима. Вамъ конечно извѣстно, что Чаадаева за его слишкомъ несоотвѣтствующія всему направленію правительственной идеологіи воззрѣнія объявили сумасшедшимъ. Вотъ почему „Исповѣдь сумасшедшаго", это послѣднее литературное произведеніе Чаадаева явилось какъ бы уступкой сравнительно съ тѣми категорическими утвержденіями, которыя онъ высказалъ въ своемъ извѣстномъ, надѣлавшемъ такъ много шума, „Философическомъ письмѣ". Но та проблема, которой коснулся Чаадаевъ и разрѣшеніе которой онъ далъ въ плоскости ортодоксальнаго католицизма, взволновала русское общество на долгое время. Какъ разъ въ этотъ самый моментъ, въ кружкахъ, которые группировались вокругъ московскаго университета, эта философская и историческая проблема приковываетъ къ себѣ вниманіе молодыхъ представителей русской дворянской интеллигенціи, являвшейся какъ бы центромъ общественной мысли послѣ разгрома тайныхъ обществъ. Идеи Шеллинга и Гегеля являются центральнымъ пунктомъ въ нескончаемыхъ спорахъ и словопреніяхъ, которыми охвачены всѣ эти идеалисты 30-хъ и 40-хъ годовъ. Около именъ: Станкевича, Грановскаго, Бѣлинскаго, Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ и др. группируются эти кружки московской интеллигенціи. Здѣсь среди людей, подготовленныхъ образованіемъ и воспитаніемъ, отвлеченная идеологія З. Европы находила себѣ вполнѣ подготовленную почву. Но конечно не всѣ представители этой интеллигенціи, прошедшіе черезъ школу московскаго университета и усвоившіе тамъ себѣ на лекціяхъ Павлова и Надеждина основныя положенія шеллингіанской и гегельянской философіи, одинаково разрѣшали вопросы, поставленные на очередь западно-европейской общественной и научной мыслью. 2 системы мышленія, 2 формы обобщенія русскаго прошедшаго и русскаго будущаго зарождаются въ дворянскихъ салонахъ старой Москвы. Споры, происходившіе въ этихъ салонахъ, главнымъ образомъ вращались около вопроса о взаимоотношеніи между обществомъ и личностью. Проблема индивидуализма являлась центральнымъ пунктомъ, приковывавшимъ къ себѣ вниманіе молодыхъ интеллигентныхъ силъ николаевской эпохи. и въ способѣ ея мы замѣчаемъ 2 направленія, которыя затѣмъ все болѣе и болѣе расходились, разбивая русскую интеллигентную

мысль на 2 лагеря, на 2 стана - западниковъ и славянофиловъ. Въ лицѣ западниковъ, наиболѣе яркими представителями которыхъ являются Бѣлинскій и Грановскій, основная задача Россіи и русской культуры состояла въ усвоеніи западно-европейской образованности. Германская наука, германская общественная и государственная организація съ точки зрѣнія этихъ лицъ были какъ бы идеаломъ. Они усвоили себѣ основныя доктрины Гегеля и видѣли необходимость для Россіи слиться съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ. Такъ какъ въ З.Европѣ личность стремилась къ освобожденію, къ уничтоженію тѣхъ путъ, которыя вѣками на нее были наложены, то освобожденіе личности отъ оковъ мертвящаго режима и являлось въ глазахъ западниковъ главной задачей, главной цѣлью Россіи въ ея ближайшемъ будущемъ.Только тогда, когда Россія усвоитъ себѣ европейскую науку, европейскую общественную и политическую организацію,она выйдетъ на широкую арену общечеловѣческаго развитія. Въ глазахъ западниковъ старая московская Русь была продуктомъ византійско-татарской культуры,и только съ эпохи Петра Великаго, ясно понявшаго необходимость для Россіи именно усвоенія культуры европейск.народовъ и западной цивилизаціи,и начинается у насъ правильная историческая эволюція. Изъ Азіи Россія превратилась въ Европу. Значитъ, западники видѣли главную цѣль Россіи въ усвоеніи европейской образованности; только при этомъ условіи они полагали, что міровой геній можетъ посѣтить и русскій народъ и можетъ превратить его въ народъ историческій. Но другія лица не считали, что подобнаго рода отвѣтъ можетъ удовлетворить все русское общество, весь русскій народъ,- другіе представители дворянской интеллигенціи николаевской эпохи не соглашались съ западно-европейской философіей и публицистикой въ томъ пунктѣ, что германская культура и германская общественная и политическая организація являются какъ бы послѣднимъ словомъ историческаго развитія. На востокѣ была своя цивилизація, не латинская и католическая, а византійская и греко-славянская,и эта культура, перенесенная на русскую почву, дала свои опредѣленные плоды еще задолго до эпохи петровскихъ преобразованій. Такимъ образомъ, та культура, которая была усвоена Россіей въ первые вѣка ея существованія,и должна какъ

изъ зерна дать опредѣленные всходы для будущаго ея развитія. Всестороннее обнаруживаніе этого скрытаго культурнаго зерна и должно быть основной цѣлью русскаго историческаго развитія въ ближайшемъ будущемъ. Слѣдовательно, та часть русской интеллигенціи, которая группировалась, главнымъ образомъ, вокругъ Хомякова и Кирѣевскаго, усваивала себѣ совершенно иную точку зрѣнія на русское прошлое и русское будущее. И въ славянскомъ мірѣ, и въ прошлыхъ судьбахъ Россіи эта часть русской интеллигенціи встрѣчала отвѣтъ на всѣ поставленные вопросы. Проблему индивидуализма славянофилы разрѣшали въ томъ смыслѣ, что личность должна поглощаться обществомъ. Въ хоровомъ началѣ они усматривали основное зерно русскаго историческаго развитія, и это хоровое общинное начало и должно было имѣть нравственное, общественное и политическое значеніе. Особенно ярко проводили эту точку зрѣнія Хомяковъ и Кирѣевскій. Сліяніе вѣры съ вѣдѣніемъ, о которомъ говорилъ еще Шеллингъ, представители славянофильской идеологіи ставили въ основу своего міропониманія. Понять Бога можно только съ точки зрѣнія того интуитивнаго міропониманія, которымъ охвачены были отцы церкви, идеологи православной ортодоксіи. Въ ихъ твореніяхъ, а не въ твореніяхъ латинскаго запада надо искать ключа къ разрѣшенію міровой загадки. Проводя параллель между западно-европейскимъ и восточно-византійскимъ развитіемъ, представители славянофильской доктрины констатировали рядъ діаметрально противоположныхъ явленій. На западѣ личность, на востокѣ община; на западѣ государство образуется посредствомъ завоеванія, на востокѣ государство образуется посредствомъ призванія; на западѣ христіанство пріобрѣтаетъ римскій разсудочный характеръ, а на востокѣ христіанство облекается въ интуитивныя идеальныя византійскія формы. Значитъ, и въ обществѣ, и въ государствѣ, и въ научно-отвлеченныхъ построеніяхъ востокъ идетъ совершенно иной дорогой, инымъ путемъ, чѣмъ западъ. Такъ какъ культура востока является столь же древней, какъ и культура запада, то вполнѣ естественно, что русскій народъ, проникнутый такой древней культурой, скажетъ въ результатѣ свое слово. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія славянофиловъ Россія только тогда можетъ дѣйствительно выполнить поставленную ей міровую историческую роль, когда она

будетъ развивать прежнія, чисто славянскія, чисто восточныя начала. Въ крестьянской поземельной общинѣ, которую славянофилы, можно сказать, открыли и которой они придавали такое громадное значеніе, они видѣли основной камень будущаго зданія русскаго общественнаго и политическаго развитія. Особенно ярко сказалась эта точка зрѣнія въ извѣстной запискѣ К.Аксакова, основная мысль которой заключалась въ афоризмѣ: „Царю сила власти, народу - сила мнѣнія". Значитъ, та внутренняя правда, которую славянофилы видѣли въ хоровомъ общинномъ началѣ, воплощалась для нихъ въ земскихъ соборахъ Руси, въ этой самобытной формѣ русскаго политическаго развитія. На земскихъ соборахъ народная масса въ лицѣ своихъ представителей должна свободно высказать свое мнѣніе, а правда внѣшняя, воплощающаяся въ государственной власти, оформливаетъ тѣ пожеланія, которыя высказываетъ народъ на земскихъ соборахъ. Въ экономическомъ отношеніи сельская община должна была являться главнымъ залогомъ будущихъ хозяйственныхъ успѣховъ Россіи. Въ общественномъ отношеніи славянофилы видѣли главную задачу въ томъ, чтобы личность, сбросивъ съ себя эгоистическія побужденія, слилась какъ въ хорѣ съ русской старинной исконной общиной, а въ политическомъ отношеніи они видѣли идеалъ не въ усвоеніи западныхъ формъ жизни, а въ отдаленной московской Руси 17 вѣка, когда царь и соборъ были основою нашего государственнаго устройства. Въ Петрѣ Великомъ славянофилы усматривали не основной факторъ историческаго развитія, а исказителя русскихъ исконныхъ жизненныхъ началъ. Вотъ тѣ 2 струи интеллигентной мысли, которыя окончательно обнаружили себя къ концу 40-хъ годовъ XIX вѣка. По мѣткому выраженію Герцена, который вначалѣ принадлежалъ къ западникамъ, а потомъ отъ нихъ отошелъ,- и у западниковъ, и у славянофиловъ была одна и та же цѣль, но пути къ достиженію этой цѣли были разные. Одни шли путемъ реализма, другіе шли путемъ романтизма, но въ результатѣ та любовь, которой охвачены были и западники, и славянофилы, одинаково была горяча. Это былъ какъ бы двуликій янусъ, или двуглавый орелъ съ однимъ горячимъ сердцемъ, но съ 2-мя главами, смотрящими въ разныя стороны. И Герценъ глубоко вѣрилъ, что оба эти теченія сольются въ одно и ихъ представители будутъ смотрѣть въ

одномъ направленіи. И именно въ Герценѣ, какъ въ послѣднемъ изъ представителей русской интеллигенціи николаевской эпохи, мы и видимъ сочетаніе 2-хъ теченій русской общественной мысли 30-хъ и 40-хъ годовъ. Усвоивъ себѣ европейское просвѣщеніе, усвоивъ себѣ европейскую идеологію въ кружкахъ Станкевича и Бѣлинскаго, Герценъ сначала горѣлъ стремленіемъ освободить личность отъ той общественной организаціи, разрѣшить проблему индивидуализма именно такъ, какъ она была разрѣшена въ западно-европейскомъ обществѣ, въ западно-европейской наукѣ. Однако тогда, когда Герценъ попалъ въ З.Европу и когда онъ сразу почувствовалъ атмосферу буржуазной культуры конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ,онъ ясно созналъ невозможность для Россіи усвоенія этого западно-европейскаго режима со всѣми его крупными недостатками. Въ своемъ извѣстномъ произведеніи „Съ того берега" Герценъ ясно намѣчаетъ ту дорогу, по которой должна итти въ дальнѣйшемъ Россія. Она усваиваетъ себѣ европейскую культуру, но именно въ той новой соціалистической формѣ, которую въ это время стали проповѣдывать наиболѣе сильные, наиболѣе вдумчивые представители европейской общественной мысли. Въ поземельной общинѣ Герценъ видѣлъ какъ бы зародышъ будущаго соціалистическаго строя и этотъ строй должна осуществить Россія, потому что она избавлена отъ всѣхъ недостатковъ западно-европейскаго буржуазнаго капитализма. Она минуетъ эту стадію и сразу достигнетъ того идеала, къ которому стремились лучшіе умы З.Европы. Значитъ, въ своемъ послѣднемъ словѣ Россія, посѣщенная міровымъ геніемъ, о которомъ говорилъ Гегель, скажетъ то, чего не сказала З.Европа. Въ будущемъ русскомъ общественномъ и государственномъ строѣ Герценъ усматривалъ завершеніе европейской культуры, общечеловѣческаго развитія. Такимъ образомъ въ николаевскую эпоху вопросъ о томъ, что суждено Россіи, къ чему она должна стремиться,получилъ наконецъ свое разрѣшеніе.Россія должна стремиться къ извѣстной цѣли - сказать свое слово, и это слово она скажетъ только тогда, когда усвоитъ западно-европейскую науку, западно-европейскую философскую мысль, претворивъ все это въ свою своеобразную общественную форму, въ русскую общину, которую такъ высоко ставили славянофилы и къ которой такъ пренебрежительно относились запад-

ники. Герценъ усматривалъ основной ферментъ разложенія стараго строя и краеугольный камень въ установленіи новаго порядка не въ той общинѣ прошлаго, не въ общинѣ московской Руси, а общинѣ будущаго,- общинѣ того грядущаго соціалистическаго строя, который былъ его основнымъ идеаломъ.- Начавъ съ проповѣди католическаго романтизма, русская интеллигенція николаевской эпохи закончила его проповѣдью европейскаго соціализма. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти системы, всѣ эти программы были основнымъ отрицаніемъ того порядка, который установился въ николаевской России 30-хъ и 40-хъ годовъ. Система офиціальной народности не находила себѣ поддержки въ русской дворянской интеллигенціи. Эта система была осуждена. Русское общество стремилось къ идеальному будущему и различныя формы построеній этого будущаго были основной цѣлью, основнымъ стремленіемъ наиболѣе чуткихъ и наиболѣе вдумчивыхъ представителей русской интеллигенціи.

Если Герценъ дошелъ до своей соціалистической точки зрѣнія уже послѣ эмиграціи въ 1847 г., послѣ того, какъ онъ порвалъ окончательно съ николаевской Россіей, то и въ самой Россіи соціалистическія идеи нашли себѣ признаніе именно въ концѣ 40-хъ годовъ. На ряду съ философскимъ идеализмомъ, усвоеннымъ и западниками и славянофилами, идеи Сенъ-Симона и Фурье, этихъ наиболѣе яркихъ представителей утопическаго соціализма, находили себѣ примѣненіе въ нарождающейся русской разночинной интеллигенціи. Вокругъ одного лица отлагаются эти новыя теченія русской общественной мысли,- петербургскаго литератора Буташевича-Петрашевскаго. На пятницахъ у Петрашевскаго въ концѣ 40-хъ годовъ собирались представители молодой литературной мысли съ Достоевскимъ и Плещеевымъ во главѣ. Здѣсь идеи Фурье, стремившагося создать идеальную коммуну или фаланстеръ, воплощающую въ себѣ въ реальной формѣ основныя идеи утопическаго соціализма, должны были дать разрѣшеніе проблемѣ будущаго развитія Россіи. Но прежде чѣмъ подойти къ этой отдаленной, къ этой идеальной формѣ общественнаго развитія, петрашевцы указывали на необходимость осуществленія ряда насущныхъ преобразованій и цѣлый рядъ свободъ,- въ видѣ свободы печати, гласнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, освобожденіе крестьянъ съ землею они выдвигали

на первую очередь. Значитъ, среди лицъ, собиравшихся у Петрашевскаго, вопросы реальной действительности не заслонялись проблемами отвлеченными и философскими. Такимъ образомъ, въ русскомъ обществѣ николаевскаго царствованія постепенно назрѣвала мысль о необходимости уничтоженія того самаго порядка, который такъ давилъ Россію и въ хозяйственномъ, и въ общественномъ, и въ политическомъ отношеніи.

КРИЗИСЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССІИ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА.

Этотъ порядокъ покоился на одномъ началѣ, что Россія крѣпка только своимъ крѣпостнымъ строемъ, тѣмъ правительственнымъ режимомъ, который находилъ себѣ поддержку въ существованіи крѣпостного права. Всѣ западно-европейскія страны, охваченныя либеральными теченіями, подвергаются внутреннимъ и внѣшнимъ потрясеніямъ; одна только Россія, по мнѣнію офиціальныхъ идеологовъ, стоитъ твердо и непоколебимо; основная же причина ея прочнаго незыблемаго положенія заключается въ сильной власти, опирающейся на крѣпостной подневольный трудъ. Значитъ, самодержавіе и крѣпостное право какъ бы слились въ одно нераздѣльное существованіе, и уничтожая одно, именно крѣпостное право, какъ бы посягали на другое, на самодержавную неограниченную власть. Но для многихъ уже въ это время вполнѣ ясна была мысль, что крѣпостное право отравляетъ своими нездоровыми испареніями нашу хозяйственную и общественную атмосферу и что также гибельно отзывается оно и на политическомъ строѣ Россіи. Еще въ 1847 г. бывшій декабристъ Н.Тургеневъ предвидѣлъ, что при столкновеніи Россіи съ З.Европой благодаря крѣпостному праву она потерпитъ пораженіе. Но Россія являлась въ глазахъ З.Европы могучей военной державой и для многихъ какъ въ Россіи, такъ и за границей яснымъ становился антагонизмъ между 2-мя державами, Франціей и Россіей. Россія играла роль какъ бы охранительницы общеевропейскаго порядка и въ началѣ 50-хъ годовъ для нѣкоторыхъ изъ представителей германской дипломатіи русскій государь былъ никѣмъ инымъ, какъ сѣвер-

нымъ Наполеономъ благодаря своему сильному войску, благодаря привычкѣ постоянно вмѣшиваться въ дѣла другихъ государствъ. Вслѣдствіе того прочнаго союза, который заключенъ былъ въ серединѣ 30-хъ годовъ между Австріей, Пруссіей и Россіей, въ лицѣ императора Николая европейская дипломатія видѣла какъ бы опредѣленное звено той прочной цѣпи, начала которой исходили изъ принциповъ Священнаго Союза. Хотя Николай I къ Священному Союзу и не присоединился, но въ результатѣ онъ держался во всей своей западно-европейской внѣшней политикѣ принциповъ, которые исповѣдывалъ Александръ I послѣдніе годы своего царствованія. Значитъ, охраненіе европейскаго status quo, борьба съ революціонными проблемами, общественнымъ почином и общественной самостоятельностью - вотъ тѣ основные пункты, которыми отмѣчена была русская внѣшняя политика николаевскаго царствованія. Вполнѣ естественно, что когда въ 1848 г. З.Европа охвачена была революціоннымъ движеніемъ, то и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ видѣли въ Россіи какъ бы злого генія Европы. Нѣмецкіе патріоты желали отъ души, чтобы прусскій король окончательно избавилъ себя отъ вліянія русскаго императора. Такимъ образомъ, въ центральной Европѣ Россія все время возбуждала съ одной стороны страхъ, съ другой стороны ненависть. Николай I совершенно не могъ усвоить мысль, что европейскіе кабинеты во многихъ случаяхъ должны руководствоваться общественнымъ мнѣніемъ. Онъ рѣшительно не могъ представить, что англійская дипломатія въ своей внѣшней политикѣ находится въ зависимости отъ мнѣнія большинства, которое отражаетъ общественное настроеніе въ странѣ. Ему, который свою личную волю положилъ въ основу всей внутренней и внѣшней политики, который свои личныя побужденія считалъ какъ бы краеугольнымъ камнемъ политическаго строя Россіи, чуждо было представленіе, что общество можетъ оказывать вліяніе на правительственный строй. Какъ вполнѣ остроумно замѣтилъ кн.Вяземскій, общества въ николаевской Россіи не было, а было только населеніе, и вотъ съ этимъ-то населеніемъ правительственныя сферы и не хотѣли считаться. Но если правительство императора Николая не учитывало общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ внутреннихъ, то въ дѣлахъ внѣшнихъ такая агрессивная политика, политика неограниченнаго авторитета не могла въ результатѣ

не найти себѣ отпора. Именно въ Западной Европѣ съ 1848 г., когда новый духъ далъ себя чувствовать, и можно было ожидать противодѣйствія суровымъ и подчасъ даже горделивымъ заявленіямъ русскаго министра ин.дѣлъ. До тѣхъ поръ, пока Россіи не приходилось сталкиваться съ европейскими государствами, ея внѣшній престижъ стоялъ дѣйствительно высоко; но когда это столкновеніе сдѣлалось неизбѣжнымъ и когда русскія войска вполнѣ обнаружили отсталость Россіи, а эта отсталость питалась какъ разъ соками крѣпостного строя,- тогда самый порядокъ, который сковывалъ хозяйственную самодѣятельность Россіи, который парализовалъ общественную инициативу, долженъ былъ въ результатѣ превратить дореформенную Россію въ колосса, но на глиняныхъ ногахъ. Основаніе всего государственнаго порядка было поколеблено и это основаніе въ результатѣ не выдержало всей тяжести тѣхъ новыхъ условій, въ которыхъ очутилась николаевская Россія на рубежѣ первой и второй половины 19 вѣка. Такимъ образомъ, тотъ страшный бѣлый медвѣдь, о которомъ любили говорить европейскіе публицисты, былъ поставленъ въ самыя затруднительныя обстоятельства въ послѣдніе годы царствованія Николая, и эти затруднительныя обстоятельства вызваны были Крымской войной. Эта война былъ какъ бы тѣмъ порывомъ вѣтра, который сорвалъ съ вѣтки созрѣвшій плодъ, готовившійся каждую минуту упасть. Кризисъ крѣпостной Россіи ярко и всесторонне обнаружился въ эпоху этой войны, въ моментъ ея столкновенія съ европейскими государствами ярко проявился весь тотъ ужасъ,который царилъ въ Россіи, вся та „моровая полоса" по выраженію Герцена, въ которой она пребывала съ 1815 г. Поводомъ для Крымской войны послужило вмѣшательство правительства Николая I съ одной стороны въ дѣла Ближняго Востока, именно - въ судьбу балканскихъ славянъ, а съ другой въ судьбу турецкихъ христіанъ. Славянскія земли, находящіяся на Балканскомъ полуостровѣ, уже давно, съ эпохи Екатерины II и Александра I, привлекали къ себѣ вниманіе русскаго правительства. Въ лицѣ единоплеменныхъ, единовѣрныхъ подданныхъ турецкаго султана русскія правительственныя сферы видѣли какъ бы опорный пунктъ

въ своей политикѣ на Ближнемъ Востокѣ. Въ этихъ балканскихъ славянахъ они видѣли какъ бы своихъ подданныхъ, естественно тяготѣвшихъ къ русскому правительству и къ русскому внутреннему укладу жизни. Когда правительство императора Николая I, ведя ту же самую политику, которой придерживался и Александръ I-й, хотѣло вмѣшаться въ дѣла турецкой имперіи и потребовало, чтобы 9 милл. турецкихъ подданныхъ находили себѣ постоянную защиту въ русскомъ правительствѣ, то Оттоманская Порта встрѣтила эти притязанія крайне враждебно. Это было вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Турціи,- вмѣшательствомъ, котораго самостоятельное государство никогда допустить не могло. Хотя Турція и была въ глазахъ Николая больнымъ человѣкомъ, наслѣдство котораго надо было раздѣлить, и проектъ раздѣла Турціи уже обсуждался русскимъ императоромъ вмѣстѣ съ англійскимъ дипломатомъ въ началѣ 50-хъ годовъ, однако Порта признавалась зап.-европейскими кабинетами основнымъ устоемъ общеевропейскаго равновѣсія. Если Россія усилится на счетъ Оттоманской Порты, то европейскому миру должна грозить большая опасность. А такъ какъ Россія все время возбуждала противъ себя западно-европейское общественное мнѣніе, то, когда конфликтъ между Россіей и Турціей обострился, З.Европа поддержала не Россію, а Турцію. Окончательнымъ поводомъ къ войнѣ послужилъ вопросъ о томъ, какое государство будетъ оказывать покровительство христіанамъ въ Палестинѣ,- которое изъ государствъ будетъ имѣть ключи отъ гроба Господня,- католическая ли Франція или православная Россія? Съ давняго времени ключи отъ гроба Господня находились въ рукахъ православной русской дипломатической миссіи, и только благодаря аггрессивной политикѣ Людовика Наполеона съ 1852 г. они были ввѣрены католическому духовенству и французскимъ дипломатамъ. Въ этомъ Россія усматривала оскорбленіе со стороны турецкаго кабинета и поводъ для разрыва дипломатическихъ сношеній. Хотя и вопросъ о балканскихъ славянахъ, и вопросъ о ключахъ не являлся существеннымъ для русскаго государственнаго развитія, но императоръ Николай, слишкомъ высоко ставя свою военную силу, послалъ Турціи ультиматумъ. Если не будетъ отставленъ министръ ин.дѣлъ, если не будетъ признанъ протекто-

ратъ Россіи надъ балканскими славянами, если не будутъ возвращены ключи отъ гроба Господня, то всякія сношенія между Россіей и Портой прекращаются. Первое условіе было выполнено, а на второй и третій пункты послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ. Тогда съ іюня 1854 г. открылись враждебныя дѣйствія со стороны Россіи. Мнѣ нечего входить въ подробный анализъ этихъ военныхъ операцій; я укажу вамъ только, что уже съ конца 1854 г. русско-турецкая война осложнена была вмѣшательствомъ двухъ морскихъ державъ, Франціи и Англіи, являвшихся представительницами, съ одной стороны, з.европейскаго капитализма, съ другой стороны з.европейскаго либерализма. Буржуазія этихъ странъ, стремившаяся и къ свободѣ хозяйственной, и къ свободѣ общественной, и къ свободѣ политической, считала, что всякаго рода стѣсненія личнаго почина и личнаго начала, гдѣ бы они ни выражались, должны въ результатѣ гибельно отразиться на общемъ міровомъ развитіи. А такъ какъ европейскому капитализму важно было расчистить себѣ поле на пространствѣ всей Европы, то стѣсненія, которыя ставила Россія въ лицѣ императора Николая въ мѣропріятія з.европейской дипломатіи, должны были быть устранены. Въ этомъ отношеніи и политика Людовика Наполеона, и политика лорда Пальмерстона находили себѣ поддержку во французскомъ и англійскомъ общественномъ мнѣніи. Поставить предѣлъ развитію русскаго могущества - вотъ тотъ лозунгъ, которымъ схвачены были морскія державы. Но и Пруссія и Австрія заняли также враждебное положеніе въ этомъ русско-турецкомъ конфликтѣ. Пруссія объявила нейтралитетъ, но вооруженный и готова была каждую минуту объявить войну Россіи; а что касается Австріи, то въ ней военныя силы прямо были выдвинуты на границу съ Россіей, и, если не открыто, то тайно Австрія примкнула къ союзу з.европейскихъ державъ. Значитъ, это чисто мѣстное столкновеніе на Ближнемъ Востокѣ пріобрѣтало характеръ общеевропейскаго конфликта. И вотъ потому, что Россія была мало подготовлена къ этой войнѣ, обнаружились въ кампаніи 1854-56 г. всѣ недостатки русскаго военнаго и политическаго уклада, покоившагося на существованіи крѣпостного строя. Слишкомъ растянута была боевая линія, въ слиш-

комъ многихъ мѣстахъ приходилось выдвигать армію,- и на отдаленномъ сѣверѣ на побережьѣ Бѣлаго моря, и около Петербурга въ Финскомъ заливѣ, и на западной сухопутной границѣ, и по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, и на Кавказѣ, и на отдаленномъ Востокѣ, около Камчатки - всюду можно было ожидать непріятеля, потому что вездѣ имѣли мѣсто враждебныя военныя демонстраціи. Разбрасывая свои силы, Россія въ результатѣ обнаружила свое безсиліе въ моментъ, когда дѣйствительно пришлось столкнуться съ непріятелемъ на югѣ въ Крыму. Отдаленный Севастополь былъ намѣченъ базой военныхъ операцій, базой для высадки соединенныхъ англо-французскихъ и турецкихъ силъ, и хотя севастопольская осада ознаменована была громаднымъ количествомъ геройскихъ подвиговъ, хотя севастопольцы дѣйствительно обезсмертили себя геройской защитой въ теченіе 11 мѣсяцевъ, хотя имена Корнилова, Нахимова, Истомина и Тотлебена и цѣлой массы офицеровъ и солдатъ занесены на скрижали военной лѣтописи,- въ результатѣ все-таки героизмъ русскаго солдата и героизмъ русскаго матроса не обезпечилъ побѣды. Севастопольскій флотъ, потому, что онъ былъ парусньмъ, тогда какъ непріятельскіе корабли были винтовыми и паровыми, не могъ выйти въ открытое море и въ результатѣ былъ потопленъ. Русская армія оказалась совершенно неподготовленной для сраженія съ хорошо вооруженными европейскими войсками. Достаточно сказать, что изъ 35000 солдатъ, которые подъ начальствомъ князя Меньшикова принимали участіе въ извѣстномъ Альминскомъ сраженіи послѣ высадки союзныхъ войскъ въ Крыму, имѣли только 2000 штуцеровъ, а остальные 33000 были вооружены старыми кремневыми ружьями. На каждаго русскаго солдата въ годъ давалось не больше 8 боевыхъ патроновъ, такъ что какого-либо опыта въ стрѣльбѣ у нихъ быть не могло; не былъ подготовленъ также и генеральный штабъ, и командующій составъ русской арміи. Плана той мѣстности, въ которой приходилось дѣйствовать войскамъ, не было. Правда, была одна карта въ Петербургѣ, но ее не высылали главнокомандующимъ, тогда какъ иностранныя войска были снабжены прекрасными планами и картами мѣстностей. Очень многіе изъ генераловъ и высшихъ командировъ незадолго до объявленія войны подали въ отставку по разстройству нервовъ. Такимъ обра-

зомъ, командующій составъ нашей арміи былъ ниже всякой критики. Особенно страдала санитарная часть арміи, та часть, завѣдываніе которой было въ концѣ концовъ поручено выдающемуся хирургу и организатору Пирогову. Достаточно сказать, что во время крымской кампаніи 128000 солдатъ выбыло изъ строя ранеными и убитыми на полѣ сраженія, а отъ болѣзней въ лазаретахъ погибло 183000. Не хватало ни медикаментовъ, ни перевязочныхъ средствъ для того, чтобы поддерживать раненыхъ и больныхъ солдатъ. Хотя Пироговъ организовалъ отряды сестеръ милосердія, хотя великая княгиня Елена Павловна и стала во главѣ этихъ новыхъ общинъ, но въ результатѣ помощь оказывалась весьма незначительная. Особенно страдала русская армія отъ недостатка путей сообщенія. И дѣйствительно вѣдь театръ военныхъ дѣйствій былъ слишкомъ удаленъ отъ центра. Желѣзная дорога была проведена только отъ Москвы до Петербурга и отъ Варшавы до границы, а всѣ остальныя мѣстности не имѣли даже шоссейныхъ дорогъ. Въ распутицу и въ весеннюю пору обозы могли ѣхать со скоростью 4-хъ верстъ въ сутки. Съ такой именно скоростью на курьерскихъ ѣхалъ Пироговъ изъ Севастополя въ Симферополь, совершивъ этотъ путь въ полтора дня. Для всѣхъ ясна была полнѣйшая дезорганизація правительства. Николаевская система обнаружила свое полное банкротство. „Двадцать лѣтъ душили мысль", писалъ А.С.Хомяковъ 31 января 1854 г. своему другу А.Н.Попову. „Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная беззпомощность, скрываемая подъ плохою личиной спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ?" Какъ разъ въ эпоху наибольшихъ неудачъ въ войнѣ, когда частью Севастополь былъ уже захваченъ врагами, когда наши войска должны были оставить южную сторону и перейти на сѣверную бухту, скончался императоръ Николай. Наши фонды на биржѣ сразу поднялись, потому что всѣ были увѣрены въ томъ, что миръ скоро будетъ заключенъ. Самъ императоръ Николай умирая почувствовалъ полное неудовлетвореніе той системой, которую онъ проводилъ въ жизнь. „Передаю тебѣ команду, говорилъ онъ на смертномъ одрѣ наслѣднику, будущему императору Александру II, но не въ такомъ порядкѣ, какъ хотѣлъ. Оставляю тебѣ много трудовъ и заботъ." И вотъ, въ эту-то трудную минуту, когда

у кормила власти очутилось новое правительство, и обнаружился во всей наготѣ тотъ внутренній хаосъ, царившій въ Россіи. Для всѣхъ стало очевидно, что такъ жить дольше нельзя. Даже Погодинъ, представитель офиціальной народности, удивлявшійся чудесному проявленію Божественнаго Промысла въ судьбахъ Россіи,- даже онъ въ своихъ „Политическихъ письмахъ" доказывалъ все безсмысліе прежняго строя. „Государь, очарованный блестящими отчетами, писалъ онъ, не имѣетъ вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосягаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ: всѣ пути выраженія мысли закрыты, нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни апелляціи, ни протеста, ни контроля." Онъ предлагалъ кликнуть кличъ,- „Развѣ мало талантовъ на святой Руси!" и указывалъ на 1612 и 1812 г.г., когда только въ общеніи съ народомъ правительство находило себѣ спасеніе. Свободы печати и широкаго образованія требовалъ Погодинъ для страны, чтобы выйти изъ того тупика, въ который заведена была Россія режимомъ прежняго царствованія. А другой современникъ, академикъ и цензоръ Никитенко въ своемъ „Дневникѣ" по поводу кончины имп. Николая говоритъ: „Въ настоящихъ обстоятельствахъ смерть его является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. Для Россіи очевидно наступаетъ новая эпоха. Императоръ умеръ, да здравствуетъ императоръ! Длинная и, надо-таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца." Въ перепискѣ многихъ представителей русской интеллигентной мысли, какъ-то Хомякова, Кавелина и др., можно отмѣтить то настроеніе, которымъ охвачено было русское общество въ первые мѣсяцы новаго царствованія. „Мы сдались, писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ, не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ". Общество встрепенулось; оно напряженно ждало преобразованій. „Здѣсь въ Петербургѣ, писалъ Кавелинъ Погодину въ началѣ 1856 г., общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого каравань-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось

и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится, и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится". Такимъ образомъ, для представителей русскаго общества, давно уже критиковавшихъ существующій порядокъ, была ясна необходимость коренныхъ преобразованій. Но особенно сильно и особенно ярко подчеркнулъ эту потребность Хомяковъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи „Къ Россіи", гдѣ онъ, обращаясь къ ней, напоминалъ, что война начата была во имя освобожденія братьевъ-славянъ и говорилъ:

„Вставай, страна моя родная,
За братьевъ Богъ тебя зоветъ.
Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,
А на тебя, увы, какъ много
Грѣховъ тяжелыхъ налегло!"

И далѣе шелъ перечень этихъ тяжкихъ прегрѣшеній:

„Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна."

И только тогда, когда правительство почувствуетъ всю необходимость новаго строя, всю необходимость реформы, только тогда Россія и могла, по мнѣнію русской интеллигенціи, надѣяться на обновленіе и возстановленіе своего прежняго авторитета въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Но и въ правительственныхъ сферахъ потребность преобразованій все сильнѣе и ярче сознавалась. Главнокомандующій русской арміей, князь Горчаковъ, вернувшись въ началѣ 1856 г. послѣ заключенія Парижскаго мира въ Петербургъ, говорилъ государю: „Хорошо, что мы заключили миръ, дальше воевать мы были не въ силахъ. Миръ дастъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ должно воспользоваться. Первое дѣло - нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ". Значитъ, реформа соціальная, уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній въ русской дерев

стояло на очереди. Самъ Александръ II на праздникѣ мира 25 марта 1856 г., говорятъ, поднялъ бокалъ со словами: „Теперь мы кончили войну съ врагомъ внѣшнимъ и надо начинать войну съ врагомъ внутреннимъ, а такимъ внутреннимъ врагомъ является крѣпостное право." Манифестъ, возвѣщавшій о заключеніи мира въ мартѣ 1856 г., заканчивался слѣдующими знаменательными словами: „При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ." Такимъ образомъ, указаніе на какія-то грядущія реформы было высказано въ этомъ манифестѣ, которымъ ликвидировалась война, вызванная старымъ строемъ николаевской Россіи. Значитъ, и для правительства, и для общества было ясно, что оставаться при старомъ порядкѣ невозможно, надо было выпустить русскій государственный корабль на широкій просторъ еще неизвѣданнаго моря.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА.

Крымская война окончательно обнаружила тотъ кризисъ, который предусматривали еще въ 40-хъ годахъ многіе представители русской интеллигенціи. Теперь, можно сказать, слѣпые прозрѣли и у глухихъ отверзлись уши; нельзя было не видѣть необходимость реформъ, и только какіе-нибудь Собакевичи и Коробочки, замурованные въ своихъ дворянскихъ гнѣздахъ, могли утверждать, что „этого никогда не будетъ". Могучая рука исторіи начинала новую главу въ историческихъ судьбахъ Россіи. Великая реформа 1861 г. надвигалась сама собой; она, можно сказать, выросстала подъ грохотъ севастопольской канонады, на развалинахъ Малахова кургана и обломкахъ севастопольскихъ твердынь. Въ лицѣ императора Александра II, вступившаго на престолъ какъ разъ въ разгаръ военныхъ событій, Россія получила монарха, который волей обстоятельствъ дол-

женъ былъ сразу вступить на новый путь историческаго развитія. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ преобразовательной эпохи, я считаю необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на личность императора Александра II, дать его характеристику какъ одного изъ факторовъ реформъ. Старшій сынъ императора Николая I и императрицы Александры Федоровны,Александръ II родился 17 апрѣля 1818 г. Съ самаго ранняго возраста онъ былъ поставленъ въ довольно благопріятныя условія, т.к. къ нему въ качествѣ воспитателей были приставлены ген. Мердеръ и извѣстный поэтъ Жуковскій. Оба они отличались чрезвычайно мягкимъ характеромъ и вдумчиво относились къ своимъ педагогическимъ обязанностямъ. Но несмотря на это гуманизирующее вліяніе обоихъ воспитателей, несмотря на то, что императрица Александра Федоровна старалась отвлечь сына отъ военныхъ занятій, все-таки въ молодомъ великомъ князѣ довольно рано проснулось стремленіе къ военнымъ упражненіямъ и военному дѣлу. Уже 10-ти лѣтъ отъ роду онъ съ гордостью проходилъ церемоніальнымъ маршемъ во главѣ небольшого отряда войскъ передъ своимъ дѣдомъ, прусскимъ королемъ; а въ болѣе зрѣлые годы онъ считалъ наиболѣе радостнымъ для себя событіемъ, когда ему удавалось получить благодарность отъ императора Николая на какомъ-нибудь парадѣ. Слѣдовательно вліяніе отца превозмогло вліяніе матери и воспитателей и Александръ II выросъ вполнѣ военнымъ человѣкомъ, усвоивъ привычки своего отца и дяди. Въ настоящее время не слѣдуетъ повторять тѣ восторженые отзывы объ Александрѣ II, которые любили высказывать историки идеалистическаго направленія. Факты говорятъ совершенно иное. Въ 40-хъ годахъ, когда Александръ II былъ допущенъ къ государственнымъ дѣламъ, онъ далеко не обнаруживалъ того либеральнаго образа мыслей, который обычно любили ему приписывать. Въ Секретныхъ Комитетахъ онъ всегда былъ вмѣстѣ съ завзятыми крѣпостниками на сторонѣ тѣхъ предложеній, которыя клонились въ сторону дворянскихъ интересовъ. Благодаря его личному вліянію въ 1853 г. не были распространены инвентарныя правила на сѣверо-западныя губерніи. Такимъ образомъ, дворянская партія могла видѣть въ наслѣдникѣ престола охранителя своихъ правъ и привилегій и въ моментъ вступленія на престолъ Александра II люди близкіе ко двору полагали, что теперь-то имен-

но наступитъ „настоящая дворянская эра". Но для насъ наиболѣе важнымъ является то обстоятельство, что Александръ II, несмотря на свои внутреннія убѣжденія, несмотря на свои симпатіи къ дворянству и стремленіе удержать Россію на той чредѣ, на которой она стояла въ послѣдніе годы царствованія Николая I, вынужденъ былъ приступить къ кореннымъ преобразованіямъ. Слѣдовательно тѣ событія, которыя развертывались съ головокружительной быстротой, заставляли молодого государя ясно и опредѣленно рѣшить покончить съ тѣмъ положеніемъ вещей, которое привело Россію на край гибели. Дѣйствительно уже въ первые мѣсяцы новаго царствованія мы видимъ рядъ правительственныхъ мѣръ, которыя какъ бы шли навстрѣчу тому, что высказывалось въ обществѣ. Новое правительство рѣшило порвать съ тѣмъ режимомъ застоя, который тяготѣлъ надъ Россіей съ 1848 г. Ослаблены были цензурныя строгости, разрѣшенъ былъ ввозъ въ Россію иностранныхъ печатныхъ произведеній, дозволено было выѣзжать за границу и командировать въ иностранные университеты молодыхъ людей для подготовки къ профессорскому званію. Но самый важный и насущный вопросъ русской жизни, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, въ это время еще не подымался въ правительственныхъ сферахъ. Около Александра II не было лицъ, которыя могли бы поддержать его въ дальнѣйшихъ преобразовательныхъ начинаніяхъ. Такіе дѣятели николаевскаго царствованія, какъ гр.Киселевъ и Бибиковъ, искренно сочувствовавшіе освобожденію крестьянъ, получили отставку. Киселевъ былъ назначенъ на высокій и отвѣтственный постъ русскаго посла при Французскомъ дворѣ, а Бибиковъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Что же касается новаго министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, преемника Бибикова, то онъ сразу же въ августѣ 1855 г. заявилъ себя сторонникомъ дворянскихъ привилегій. Первый его циркуляръ, съ которымъ онъ обратился къ губернскимъ предводителямъ дворянства, гласилъ: „Всемилостивѣйшій Государь нашъ повелѣлъ мнѣ неуклонно охранять права вѣнценосными Его предками дарованныя дворянству" - и въ этихъ словахъ помѣщичья масса могла видѣть залогъ будущей чисто дворянской политики министерства внутреннихъ дѣлъ. Но не прошло и года послѣ изданія этого циркуляра, какъ обстоятельства круто измѣнились. Развернулась совершенно иная

картина и на фонѣ тѣхъ событій, которыя совершались во внѣшней и внутренней политикѣ, ярко и рельефно выступилъ больной и жгучій крестьянскій вопросъ. Въ то время,когда правительство только еще собиралось выступить передъ обществомъ съ программнымъ заявленіемъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, въ передовыхъ интеллигентныхъ слояхъ общества ярко намѣчались тѣ теченія, съ которыми намъ впослѣдствіи придется имѣть дѣло. При невозможности обсуждать на страницахъ газетъ и журналовъ наболѣвшіе вопросы русской общественности, оставался только одинъ путь, путь рукописной литературы, которая чрезвычайно распространилась въ обществѣ. Изъ всей этой массы рукописнаго матеріала обращаютъ на себя вниманіе записки Самарина и кн.Черкасскаго, Позена, Кавелина и Кошелева. Позднѣе къ этимъ запискамъ прибавилась еще одна, составленная тверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Унковскимъ. Въ этихъ проектахъ ярко обнаружились тѣ стремленія дворянскаго общества, которыя подготовлялись предшествующими десятилѣтіями. Такіе сравнительно умѣренные дѣятели, какъ Самаринъ и кн.Черкасскій, славянофилы по своимъ общественнымъ и политическимъ убѣжденіямъ, принимали за отправной пунктъ законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Они считали, что немедленное и окончательное уничтоженіе крѣпостного права при трудномъ политическомъ и финансовомъ положеніи Россіи является невозможнымъ. По ихъ мнѣнію прежде всего необходимо инвентарными обязательными правилами регламентировать отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами и только тогда, когда эти правила упрочатся въ народномъ сознаніи, перейти уже къ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Но уничтоженіе крѣпостного права для нихъ представлялось не иначе, какъ съ надѣленіемъ крестьянъ землей. Что касается полтавскаго помѣщика Позена, представителя одной изъ наиболѣе плодородныхъ черноземныхъ губерній, то онъ полагалъ, что освобожденіе возможно только при одномъ условіи - если вся земля останется въ рукахъ помѣщиковъ, а крестьяне превратятся или въ бездомныхъ пролетаріевъ или въ батраковъ, владѣвшихъ одной только усадебной осѣдлостью.Но если въ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ помѣщики крѣпко дер-

жались за землю, которая по выраженію одного современника, Берга, была тамъ что „червонное золото", то въ центральныхъ промышленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля не представляла изъ себя сколько-нибудь большой цѣнности, для дворянъ было важнѣе всего ликвидировать отношеніе такъ, чтобы получить вознагражденіе не столько за землю, сколько за личность освобождаемаго крестьянина. Все это возможно было осуществить только при помощи выкупа. И вотъ такіе образованные представители помѣстнаго дворянства именно этихъ промышленныхъ губерній, какъ Кавелинъ и Кошелевъ, настаивали на проведеніи крестьянской реформы на основѣ выкупной операціи. Кавелинъ впервые въ 1855 г. указалъ на различіе хозяйственныхъ интересовъ помѣщиковъ центральныхъ районовъ отъ дворянъ черноземныхъ губерній. Онъ настаивалъ на необходимости освобожденія крестьянъ съ землею, при чемъ выкупная сумма опредѣлена была имъ въ 81 р. 25 к. съ души. Для губерній южныхъ черноземныхъ при выкупѣ надо было руководствоваться стоимостью земли, а для центральныхъ и поволжскихъ губерній - капитализаціей того оброка, который помѣщики взимали въ эпоху крѣпостного права. Что касается Кошелева, то онъ составилъ еще болѣе радикальный проектъ. По его мнѣнію вся выкупная операція можетъ быть совершена въ 12-лѣтній періодъ, въ теченіе котораго сначала помѣщикамъ будетъ предложено заключать добровольное соглашеніе съ крестьянами, а затѣмъ, когда этотъ срокъ будетъ подходить къ концу, правительство должно выступить съ мѣропріятіями общеобязательнаго характера; какъ въ оброчныхъ, такъ и въ барщинныхъ имѣніяхъ освобожденіе должно быть произведено съ обязательнымъ земельнымъ надѣломъ, при чемъ величина выкупа, по словамъ Кошелева, опредѣлялась въ среднемъ въ 90-100 р. за ревизскую душу. Реформа по словамъ Кошелева должна быть произведена одновременно и повсемѣстно, притомъ на основѣ обязательнаго выкупа крестьянами всѣхъ отводимыхъ имъ земель. Слѣдовательно всѣ эти записки отражали въ себѣ различіе тѣхъ хозяйственныхъ интересовъ, которыми охвачено было помѣстное дворянство. Эти записки, циркулирующія въ о-вѣ, доходили и до правительственныхъ сферъ и до министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ въ это время Ланской и его товарищъ Левшинъ. Постепенно въ министерствѣ

составляли себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ слѣдуетъ приступить къ крестьянскому вопросу, если на то будетъ воля государя. Александръ II не заставилъ себя ждать, и въ апрѣлѣ 1856 г. въ Москвѣ онъ обратился къ дворянамъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что онъ не имѣетъ намѣренія отмѣнить крѣпостное право немедленно, но что „существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. „Лучше, закончилъ государь, отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній." Такимъ образомъ послѣ заключенія Парижскаго міра, въ моментъ, когда у правительства были развязаны руки для внутреннихъ преобразованій, государь ясно и открыто заявилъ свое намѣреніе ликвидировать прежній крѣпостной строй. Такой завзятый крѣпостникъ, какъ московскій генералъ-губернаторъ Закревскій, который не ожидалъ, что молодой государь вступитъ на путь преобразованій, былъ ошеломленъ этимъ програмнымъ заявленіемъ правительства. Такимъ образомъ съ начала 1856 г. правительство впервые обращается къ обществу по вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права. Но сколько-нибудь опредѣленной программы по крестьянскому вопросу у правительства въ это время еще не было. Вообще не слѣдуетъ забывать, что основныя положенія будущаго освободительнаго акта развивались сами собой ходомъ обстоятельствъ. И крестьянская реформа, можно сказать, осуществлялась не столько волей отдѣльныхъ личностей, сколько могучимъ потокомъ историческаго движенія. Вскорѣ послѣ того, какъ Александръ II произнесъ свою рѣчь въ Москвѣ, къ нему обратилась вел.кн.Елена Павловна съ просьбой указать, на какихъ основаніяхъ она могла бы освободить своихъ крестьянъ въ им.Карловкѣ Полтавской губ. Въ отвѣтъ на заявленіе вел.княгини Александръ II отвѣтилъ, что опредѣленной программы у правительства не имѣется и что онъ можетъ только посовѣтовать Еленѣ Павловнѣ образовать подъ ея покровительствомъ комитетъ изъ наиболѣе благомыслящихъ полтавскихъ помѣщиковъ для обсужденія вопроса объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Слѣдовательно въ 1856 г. мысль объ образованіи губернскихъ дворянскихъ комитетовъ начинаетъ признаваться правительственными сферами. Впервые правительство выразило желаніе позондировать почву въ дворянскихъ кругахъ, когда въ Москву на коронацію съѣхались предводители дворянства почти со всей Россіи. Товарищу Министра Внутр.Дѣлъ Левшину поручено было вести съ ними переговоры, чтобы выяснить ихъ отношеніе по вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права, но эти переговоры ни къ чему не привели. Дворяне выжидали, что скажетъ правительство, а правительство, не имѣя опредѣленныхъ взглядовъ на крестьянскую реформу, ждало, что скажетъ дворянство. По словамъ Ю.Ѳ.Самарина, дворяне въ это время боялись одинаково и народной расправы и необдуманнаго хода со стороны правительства. Только къ концу 1856 г. подъ вліяніемъ Тов.Мин.Вн.Дѣлъ Левшина у Ланского, какъ руководителя нашей внутренней политики, окончательно сложился взглядъ на реформу, и 30 декабря 1856 г. имъ представленъ былъ докладъ государю, въ которомъ указывалось, что освобожденіе крестьянъ можетъ быть произведено лишь въ довольно отдаленномъ будущемъ на основѣ сохраненія въ полной неприкосновенности поземельныхъ правъ дворянства и предоставленія крестьянамъ въ собственность только одной усадебной осѣдлости. При чемъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ имѣли мѣсто извѣстныя промысловыя выгоды, стоимость усадебъ должна быть повышена, а для того, чтобы это повышеніе не было особенно замѣтно, въ этихъ мѣстностяхъ Ланской предлагалъ оставить подъ усадьбами большее количество земли. Въ черноземныхъ губ., гдѣ промысловыя выгоды не имѣли большого значенія, усадебная площадь сокращалась до минимума. Надъ освобождаемыми крестьянами по этому проэкту слѣдовало сохранить вотчинную власть помѣщика. Такимъ образомъ программа Ланского, вырабатывавшаяся подъ вліяніемъ Левшина, отличалась чрезвычайной умѣренностью и по словамъ одного современника не особенно далеко ушла отъ закона 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ связи съ этимъ докладомъ правительство рѣшило выступить на путь обсужденія и подготовки крестьянской реформы. По предложенію Ланского 3-го января 1857 г. учрежденъ былъ особый комитетъ изъ высшихъ сановниковъ, бывшихъ дѣятелей Николаевскаго царствованія по образцу прежнихъ секретныхъ комитетовъ по крест.вопросу.

Достаточно сказать, что во главѣ этого комитета былъ поставленъ кн.Орловъ, завзятый крѣпостникъ, совершенно не сочувствующій дѣлу эмансипаціи, чтобы составить себѣ опредѣленное представленіе о томъ, въ какомъ направленіи будетъ работать этотъ послѣдній секретный комитетъ. И дѣйствительно вся первая половина 1857 г. прошла въ безплодныхъ преніяхъ, и только съ того момента, какъ въ составъ комитета вошелъ вел.кн.Константинъ Николаевичъ, человѣкъ дѣйствительно преданный дѣлу крестьянскаго освобожденія, засѣданія пріобрѣли болѣе оживленный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе плодотворный характеръ. Наконецъ 18-го авг. была выработана программа мѣропріятій въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, которая предполагала раздѣлить реформу на три періода: подготовительный, переходный и окончательный. Въ первый періодъ рѣшено было собирать повсемѣстно через министра внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, при чемъ слѣдовало поощрять добровольныя сдѣлки между помѣщиками и крестьянами. Во второмъ періодѣ, на основаніи собранныхъ свѣдѣній, можно будетъ составить проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Въ третьемъ періодѣ, „окончательномъ", предполагалось полное сравненіе крестьянъ въ правахъ съ прочими свободными состояніями. Слѣдовательно, опредѣленнаго срока для сбора свѣдѣній по всей Россіи установлено не было, дабы не стѣснять Министра Вн.Дѣлъ. Слѣдовательно комитетъ откладывалъ реформу въ долгій ящикъ. Но дѣйствовать пришлось гораздо раньше, чѣмъ предполагали члены секретнаго комитета, и правительство должно было уже въ концѣ 1857 г. опредѣленно выступить передъ обществомъ и передъ страной со своимъ программнымъ заявленіемъ. Это выступленіе произошло по иниціативѣ дворянъ трехъ сѣверозападныхъ губ.- Виленской, Гродненской и Ковенской, въ которыхъ еще въ началѣ 50-хъ г.г. предполагали ввести инвентари по образцу тѣхъ, которые были проведены Бибиковымъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ. Т.к. въ сѣверо-западномъ краѣ дворяне столи за освобожденіе крестьянъ безъ земли на остзейскій образецъ, то вполнѣ естественно, что инвентарныя правила здѣсь не встрѣчали сочувствія. Чтобы избавить себя отъ возможности быть связанными этими инвентарями, дворяне черезъ своего генералъ-губернатора Назимова ходатайствовали передъ правительствомъ о раз-

рѣшеніи образовать въ ихъ губерніяхъ дворянскіе комитеты для выработки проекта окончательнаго освобожденія крестьянъ съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вся земля осталась неприкосновенной собственностью дворянскаго сословія. Это предложеніе внесено было по повелѣнію государя въ секретный комитетъ. 3 недѣли члены комитета подвергали обсужденію это предложеніе. Наконецъ императоръ Александръ былъ выведенъ изъ терпѣнія и приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ составить рескриптъ на имя Назимова. Этотъ рескриптъ былъ подписанъ государемъ 20 ноября 1857 г. Основныя его положенія заключались въ слѣдующемъ: дворяне литовскихъ губ. приглашались образовать губернскіе комитеты изъ выборныхъ по одному депутату отъ каждаго уѣзда подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства для выработки проекта освобожденія крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) крестьяне получаютъ свободу безвозмездно; 2) вся земля остается въ собственность помѣщиковъ, при чемъ изъ ея состава выдѣляются необходимые участки для того, чтобы крестьяне, обрабатывая ихъ, могли отбывать всѣ казенныя повинности; 3) усадьбы крестьяне могутъ пріобрѣтать въ собственность въ теченіе 10 лѣтъ, а за ту землю, которая будетъ предоставлена въ ихъ пользованіе, они должны отбывать барщину или уплачивать оброкъ въ пользу своихъ бывшихъ господъ, и 4) освобожденные крестьяне образуютъ изъ себя о-во съ мірскимъ управленіемъ, но съ сохраненіемъ вотчинной и полицейской власти помѣщика. Такимъ образомъ, въ рескриптѣ формулированы были положенія того проекта, который былъ составленъ Левшинымъ и Ланскимъ въ концѣ 1856 г.

Среди членовъ особаго комитета произошелъ сильный переполохъ - всѣ поняли, что если этотъ рескриптъ будетъ опубликованъ, то правительству нельзя уже будетъ отступить; но и сторонники крестьянскаго освобожденія не дремали. Если кн. Орловъ вошелъ къ государю съ предложеніемъ не опубликовывать этого рескрипта, то в. кн. Константинъ Николаевичъ наоборотъ настоялъ на томъ, чтобы рескриптъ былъ опубликованъ и разосланъ ко всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства. Въ какіе-нибудь два-три дня этотъ рескриптъ былъ разосланъ по всей Россіи. Онъ былъ какъ бы первой ласточкой новой весны. Циркуляръ Мин. Внутр. Дѣлъ, которымъ сопровождался рескриптъ,

освѣдомлялъ губернскихъ предводителей дворянства о томъ, что правительство ожидаетъ и отъ дворянъ другихъ губерній такихъ же заявленій, какъ тѣ, которыя были сдѣланы литовскими дворянами. Но такъ какъ дворяне медлили съ подачей своихъ заявленій, то въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вспомнили, что еще въ 1851 г. петербургскіе дворяне ходатайствовали объ образованіи у нихъ губернскаго дворянскаго комитета; воспользовавшись этимъ прежнимъ заявленіемъ, 5-го декабря 1857 г. государь далъ рескриптъ на имя спб. генералъ-губернатора графа Игнатьева, съ разрѣшеніемъ петербургскимъ дворянамъ образовать губернскій комитетъ для выработки проэкта улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Объ освобожденіи этотъ рескриптъ ничего не говорилъ, потому что петербургскіе дворяне ходатайствовали только объ улучшеніи быта крѣпостныхъ. Во всемъ остальномъ рескриптъ, данный Игнатьеву, былъ совершенно тожественъ съ тѣмъ, который былъ данъ на имя Назимова 20 ноября 1857 г. Этотъ второй рескриптъ также былъ разосланъ циркулярно по всей Россіи. Первая губернія, которая отозвалась на призывъ правительства, была Нижегородская. Губернаторомъ въ ней былъ А.Н.Муравьевъ, тотъ самый, который являлся иниціаторомъ образованія союза „Спасеніе" въ 1817 г. Воодушевивъ дворянъ на очередномъ собраніи, Муравьевъ настоялъ на томъ, чтобы былъ поданъ государю адресъ съ ходатайствомъ объ открытіи губернскаго комитета. 24-го декабря 1857 г. данъ былъ рескриптъ на имя Муравьева, и съ этого времени правительство, гдѣ старалось оказать давленіе на дворянское общество, а гдѣ шло навстрѣчу дворянскимъ заявленіямъ. И такимъ образомъ въ теченіе 1858 г. во всѣхъ губерніяхъ были открыты дворянскіе комитеты. Дворянамъ ничего не оставалось дѣлать иного, какъ ходатайствовать объ открытіи такихъ комитетовъ, потому что все общество и весь народъ былъ освѣдомленъ о томъ, что правительство ждетъ отъ дворянъ иниціативы. Такъ какъ рескрипты, данные на имя Назимова и Игнатьева, въ большомъ количествѣ были распространены среди народа, то дворяне, желая избѣгнуть крестьянскихъ волненій, были вынуждены итти навстрѣчу правительственному предложенію. Въ Москвѣ, въ которой вообще были сильны крѣпостныя тен-

денціи, генералъ-губернаторъ Закревскій старался успокоить дворянъ и уговаривалъ подождать съ подачей адреса, но изъ Петербурга было дано знать, что государь крайне недоволенъ медлительностью дворянъ первопрестольной столицы и ждетъ отъ нихъ адреса. Дѣлать было нечего, пришлось представить адресъ и 16 февраля 1858 г. данъ былъ рескриптъ на имя генералъ-губернатора Закревскаго съ разрѣшеніемъ образовать въ Москвѣ дворянскій губернскій комитетъ. Въ послѣдующіе мѣсяцы пришли адресныя заявленія и изъ другихъ губерній, и можно сказать, что въ срединѣ 1858 г. не оставалось ни одной губерніи, въ которой дворяне не ходатайствовали бы объ открытіи у нихъ комитета, а въ концѣ этого года такіе комитеты уже функціонировали повсемѣстно. Изъ кого же состояли губернскіе комитеты? кто долженъ былъ на первой стадіи разрабатывать крестьянскую реформу? Въ составъ губернскихъ комитетовъ входили выборные депутаты дворянства по 2 отъ каждаго уѣзда подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, назначеннаго правительствомъ изъ мѣстныхъ дворянъ--землевладѣльцевъ. Для защиты точки зрѣнія правительства въ каждый комитетъ назначались по два члена отъ правительства изъ состава мѣстныхъ дворянъ. Такимъ образомъ комитеты пріобрѣтали чисто дворянскій характеръ и отстаивать интересы крестьянъ могли только наиболѣе благомыслящіе помѣщики или тѣ лица, которыя входили въ составъ комитета по назначенію отъ правительства. Въ руководство комитетамъ была дана программа, составленная Позеномъ, который сумѣлъ войти въ довѣріе къ генералу Ростовцеву, человѣку близко стоявшему къ императору Александру II. Самъ Ростовцевъ былъ членомъ Секретнаго Комитета и по настоянію государя долженъ былъ ознакомиться съ различными проектами, циркулировавшими въ то время въ обществѣ. Позенъ, какъ я уже отмѣчалъ, былъ сторонникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ и развивалъ въ своей программѣ общія положенія, заключавшіяся въ рескриптахъ на имя Назимова и Игнатьева. Онъ толковалъ содержаніе этихъ правительственныхъ актовъ такъ, что въ результатѣ крестьяне послѣ прекращенія временно-обязаннаго періода, въ теченіе котораго они выкупали свои усадьбы, лишались всякаго земельнаго обезпеченія; земля отъ нихъ отбиралась и они

превращались въ собственниковъ только своихъ усадебъ. Итакъ, въ руководство губернскимъ комитетамъ правительствомъ разослана была программа, готовившая для крестьянъ перспективу полнѣйшаго обезземеленія и въ лучшемъ случаѣ превращавшая ихъ во владѣльцевъ усадебной осѣдлости. Этой же программой удерживалась вотчинная власть надъ освобождаемыми крестьянами, и только вопросъ о томъ, что крестьянинъ получитъ личное освобожденіе безъ всякаго вознагражденія, въ пользу помѣщика, былъ поставленъ въ ней безъ всякихъ оговорокъ. Вотъ, гг., въ общихъ чертахъ организація губернскихъ комитетовъ и та программа, на основѣ которой они должны были развивать свою дѣятельность, и такъ въ этихъ комитетахъ вырабатывались первыя основы будущей крестьянской реформы, то съ ихъ дѣятельностью намъ слѣдуетъ болѣе подробно ознакомиться.

Въ прежнее время обыкновенно дѣлили губернскіе комитеты на либеральные и консервативные, но теперь, когда въ нашемъ распоряженіи имѣется обширный документальный матеріалъ, эта идеалистическая точка зрѣнія должна быть оставлена. Въ дѣятельности всѣхъ дворянскихъ комитетовъ ярко проявился чисто хозяйственный принципъ. Дворяне всѣхъ губерній безъ исключенія стояли на точкѣ зрѣнія учета своихъ землевладѣльческихъ выгодъ. Тамъ, гдѣ дворянамъ выгоднѣе было освободить крестьянъ съ предоставленіемъ имъ въ пользованіе или даже въ собственность большого участка земли съ тѣмъ, чтобы за этотъ участокъ получить денежное вознагражденіе, тамъ дворяне отстаивали освобожденіе крестьянъ съ землей. Тамъ же, гдѣ для помѣщиковъ бо́льшую выгоду представляло безземельное освобожденіе крестьянъ, отстаивалась другая точка зрѣнія - стремленіе удержать всю или почти всю землю въ своихъ дворянскихъ рукахъ. Въ этомъ отношеніи рѣзкую грань можно провести между сѣверными центральными губерніями съ одной стороны, черноземными и степными - съ другой. Къ сѣверу отъ Оки главный доходъ для дворянъ представляла не земля, а отхожіе крестьянскіе заработки, тотъ оброкъ, который крестьяне уплачивали помѣщику; здѣсь обычно имѣнія цѣнились выше чѣмъ въ черноземныхъ мѣстностяхъ, потому что доходность этихъ имѣній была значительно больше. Вполнѣ понятно, что въ этихъ промышленныхъ центральныхъ районахъ важно было освободить крестьянъ такъ, чтобы

получить вознагражденіе по крайней мѣрѣ въ скрытомъ, замаскированномъ видѣ, за личность крестьянина, такъ какъ его трудъ былъ основной доходной статьей имѣнія. А такъ какъ программа, разосланная изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ наставленіе губернскимъ комитетамъ, настаивала на безвозмездномъ освобожденіи крестьянъ, то комитеты этихъ промышленныхъ губерній рѣшили въ стоимость отводимыхъ крестьянамъ усадебъ вогнать цѣнность отчуждаемаго отъ помѣщиковъ крѣпостнаго труда. Такъ напр. дворяне московской губерніи оцѣнили усадебную осѣдлость крестьянъ по 50 коп. за кв.саж. или 1,200 руб. за дес., дворяне Смоленск.губ. по 15 коп., а комит.Воронежскій 25 коп. за кв.саж. Чтобы показать, какъ высока была эта цифра, я напомню, что въ это время даже въ самой М-вѣ на окраинѣ можно было купить землю по значительно болѣе умѣренной расцѣнкѣ. Что касается дворянъ черноземныхъ губерній, то здѣсь основнымъ ихъ желаніемъ было то, чтобы вся земля осталась въ рукахъ помѣщиковъ, а крестьянамъ отвести только однѣ усадебныя постройки съ небольшимъ клочкомъ земли подъ ними. Въ этомъ отношеніи во многихъ губ. отъ крестьянъ старательно отрѣзывались тѣ земли, которыми они пользовались въ эпоху крѣпостнаго права. Такъ напримѣръ въ Воронежской губ. помѣщики, оставляя за собой 2 мил.десят., предоставляли крестьянамъ въ пользованіе 240 тыс.десятинъ, въ Рязанской губ. изъ 1 мил. 70 тыс.дес., бывшихъ въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, имъ оставлялось только 470 тысячъ десятинъ. въ Саратовской изъ 1 мил. 73 т. только 473 т.дес. Въ Симбирской губ. изъ 599 тыс. только 299 тыс.дес. Что касается Тамбовскаго комитета, то въ немъ настаивали на отрѣзкѣ отъ 1/2 до 1/3 существующаго крестьянскаго надѣла. Слѣдовательно всѣ стремленія дворянъ этихъ южныхъ губ. состояли въ томъ, чтобы обезземелить крестьянъ, и при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что пахотная земля отводилась крестьянамъ только на срочно обязанный періодъ, т.е. на то время, когда крестьяне отбывали извѣстныя повинности въ пользу землевладѣльца и выкупали свою усадьбу. На ряду съ этимъ въ степныхъ районахъ мы замѣчаемъ нѣсколько иную тенденцію, опять-таки въ силу извѣстной хозяйственной конъюнктуры. Тамъ земли было много и тамъ земля представляла собой не особенно большую цѣнность, и помѣщикамъ въ этихъ степныхъ губерніяхъ важно было съ одной стороны удержать рабочее населеніе на мѣстахъ, - съ другой стороны имѣть посто-

янный доходъ со своихъ имѣній. Поэтому въ поволжскихъ и степныхъ губерніяхъ помѣщики не прочь были даже выдѣлить крестьянамъ большой сравнительно надѣлъ, при одномъ только непремѣнномъ условіи, чтобы усадебная осѣдлость была ими обязательно пріобрѣтена и чтобы съ этихъ усадебныхъ земель крестьяне сойти не могли. Такимъ образомъ, стремясь удержать дешевыя рабочія руки, помѣщики шли даже на нѣкоторыя хозяйственныя уступки. Кромѣ этихъ трехъ районовъ намѣчался еще 4-ый - сѣверозападный край, въ составъ котораго входили губ. Литовская и отчасти Петербургская. Въ Литовской губерніи стремились, главнымъ образомъ, провести реформу на остзейскій образецъ, выдѣливъ крестьянамъ „крестьянскую землю" или Bauerland съ тѣмъ, чтобы эта земля по арендымъ договорамъ предоставлялась въ пользованіе отдѣльнымъ крестьянамъ, но въ собственность крестьяне кромѣ усадебной осѣдлости ничего не получали. Что касается дворянъ Петербургской губерніи, то тамъ вслѣдствіе большого количества крупныхъ помѣщиковъ были сильно развиты лендлордизскія тенденціи. Здѣсь дворяне стояли за земельные порядки на англійскій образецъ. Крестьянамъ земля отдается въ постоянное и наслѣдственное пользованіе, но они, какъ наслѣдственные арендаторы, должны находиться въ вотчинной зависимости отъ верховнаго собственника земли, каковымъ является помѣщикъ. Такова въ общихъ очертаніяхъ точка зрѣнія различныхъ губернскихъ комитетовъ; вотъ въ какой плоскости развертывалась программа, вырабатываемая дворянствомъ на мѣстахъ. Вполнѣ естественно, что правительственная точка зрѣнія не была пріемлема, особенно въ тѣхъ комитетахъ, которые предоставляли интересы центральныхъ промышленныхъ районовъ. Здѣсь было особенно важно провести крестьянскую реформу вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ аграрной проблемы и въ понятіе „усадьбы" ввести и полевый надѣлъ и другія земельныя угодія съ тѣмъ, чтобы за эту землю, посредствомъ обязательнаго выкупа, получить вознагражденіе за освобождаемую личность крестьянина. Такой проектъ былъ впервые выработанъ въ Тверскомъ комитетѣ, въ которомъ видную и дѣятельную роль игралъ молодой губернскій предводитель Унковскій. Онъ въ 1857 г. составилъ записку, въ которой проводилъ ту точку зрѣнія, что земля въ тѣхъ

размѣрахъ, въ которыхъ ею пользовались крѣпостные, и должна быть предоставлена въ собственность освобождаемымъ крестьянамъ: за эту землю помѣщикъ долженъ получить справедливое вознагражденіе, но именно потому, что земля поступить въ собственность крестьянъ, они должны сами за эту землю вносить выкупную сумму. Но такъ какъ кромѣ цѣнности земли помѣщикъ при покупкѣ имѣнія уплачивалъ значительную сумму и за личность крѣпостного крестьянина, то справедливость требуетъ, чтобы помѣщики были вознаграждены и за отчуждаемый крестьянскій трудъ. А такъ какъ крѣпостное право было установлено для пользы государства, то выкупъ за личность крестьянина долженъ быть уплаченъ государствомъ. Итакъ, выкупъ, по мнѣнію Унковскаго, долженъ былъ слагаться изъ двухъ элементовъ выкупа за землю и за личность. Эта точка зрѣнія раздѣлялась почти всѣмъ составомъ Тверского губернскаго комитета. Слѣдовательно тотъ комитетъ, который обычно въ прежнее время признавался самымъ либеральнымъ, даже радикальнымъ по разработкѣ крестьянской проблемы, являлся стоящимъ на наиболѣе реальной почвѣ изъ всѣхъ дворянскихъ комитетовъ центральнаго промышленнаго района. И дѣйствительно, когда тверскіе дворяне приняли программу Унковскаго и когда они вошли въ Петербургъ съ ходатайствомъ разработать проектъ, въ которомъ предоставлялись бы въ собственность крестьянамъ усадебная осѣдлость и земельный надѣлъ, то правительство сначала взглянуло на эту попытку дворянъ довольно неодобрительно. Но когда оно встрѣтило отпоръ со стороны Тверского комитета, который сказалъ, что если правительству не угодно принять отъ него выработанный дворянами проектъ, то оно можетъ назначить чиновниковъ, которые составятъ то, что будетъ угодно правительству, то Мин.Вн.Дѣлъ пошло на уступки, и было разрѣшено составить два проекта, одинъ примѣнительно къ правительственной программѣ, другой примѣнительно къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя раздѣлялись большинствомъ Тверского комитета. Воззрѣнія Тверского комитета раздѣлялись и другими комитетами промышленныхъ губ. какъ напр. Калужскимъ и Ярославскимъ. Все это происходило въ 1858 г. Но къ этому времени точка зрѣнія самого правительства уже успѣла значительно измѣниться; этому способствовалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ. Во многихъ губерн-

скихъ комитетахъ на ряду съ крестьянскимъ вопросомъ поднимались и др. общегосударственнаго характера. Высказывались за введеніе у насъ широкихъ преобразованій и даже за коренную политическую реформу. Дворяне, какъ мы уже знаемъ, выдвигали проектъ ограниченія верховной власти въ качествѣ компенсаціи за тѣ потери, которыя они понесутъ при освобожденіи крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство все болѣе и болѣе свыкалось съ мыслью о выкупной операціи, о которой раньше оно даже не хотѣло слышать. Въ этомъ отношеніи большую роль сыграли письма ген. Ростовцева къ имп. Александру въ 1858 г. изъ Висбадена и Дрездена, гдѣ онъ лѣчился и на досугѣ ознакомился съ различными проектами освобожденія крестьянъ съ землей на основѣ выкупной операціи. Такимъ образомъ, усвоивъ себѣ идею выкупа, правительство предполагало въ лицѣ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія найти какъ бы точку опоры для борьбы съ крупной дворянской собственностью. Этихъ крестьянъ-собственниковъ, какъ вполнѣ лояльную группу, правительство хотѣло противопоставить крамольнымъ стремленіямъ крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ. Въ концѣ 1858 г. въ главномъ комитетѣ, какъ теперь сталъ называться прежній секретный комитетъ, точка зрѣнія Ростовцева, одобренная государемъ, начала замѣтно преобладать. Въ этомъ отношеніи представляетъ большой интересъ журнальное постановленіе главн. комит. отъ 4-го декабря 1858 г. Въ немъ устанавливался совершенно иной взглядъ на крестьянскій вопросъ, сравнительно съ той программой, которая была разослана въ руководство двор. комит. Прежде всего устанавливалось, что крестьяне получатъ землю въ собственность при помощи выкупной операціи при содѣйствіи правительства. Затѣмъ, вотчинная власть помѣщика уничтожалась и вся власть надъ отдѣльными крестьянами переходила къ волостному и сельскому сходу съ выборными крестьянскими властями; слѣдовательно крестьяне превращались въ земельныхъ собственниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освобождались изъ-подъ юрисдикціи своего бывшаго господина. Такимъ образомъ точка зрѣнія наиболѣе передовыхъ общественныхъ группъ, представленная въ проектахъ Кавелина и Кошелева и Унковскаго, начала торжествовать и въ правительственныхъ сферахъ. Итакъ, къ моменту, когда заканчивались работы въ губернскихъ комитетахъ, правительственная программа въ корнѣ измѣнилась.

А такъ какъ губернскіе комитеты начали представлять свои проекты съ начала 1859 г., то именно съ этого момента и долженъ былъ возникнуть конфликтъ между правительствомъ и помѣстнымъ дворянствомъ. Для того, чтобы примирить разнообразные интересы и стереть по возможности разницу между отдѣльными проектами и выработать общее по всей Россіи положеніе для освобождаемыхъ крестьянъ, первоначально предполагали выдѣлить изъ состава гл.комитета комиссію изъ четырехъ лицъ: Ланского, Гагарина, Муравьева и Ростовцева. Но эта комиссія за недостаткомъ времени у отдѣльныхъ ея членовъ не могла взять на себя этого важнаго дѣла; тогда правительство рѣшило составить подъ предсѣдательствомъ ген.Ростовцева особую редакціонную комиссію изъ второстепенныхъ представителей министерствъ, наиболѣе знакомыхъ съ крестьянскимъ вопросомъ, и членовъ-экспертовъ, приглашенныхъ предсѣдателемъ, главнымъ образомъ, изъ состава губ.комит., преимущественно членовъ по назначенію правит.Эта редакціонная комиссія, въ составѣ которой первоначально предполагалось образовать двѣ комиссіи, одну - для разработки общаго положенія, другую - мѣстнаго была открыта въ началѣ марта 1859 г. Она является первымъ правительственнымъ учрежденіемъ 19 вѣка, въ которомъ приняли участіе лица, не принадлежащія къ чиновной средѣ. Здѣсь впервые столкнулись представители о-ва съ бюрократическими сферами. Однако слѣдуетъ отмѣтить, что и среди представителей бюрократіи были въ комиссіи такія интеллигентныя силы, какъ Ник.Милютинъ и Яковъ Соловьевъ, а среди членовъ-экспертовъ выдавались Юрій Самаринъ и кн.Черкасскій. Правда, наиболѣе радикальные представители тогдашняго интеллигентнаго о-ва, какъ-то Кавелинъ, Кошелевъ и Унковскій, стоявшіе за обязательный выкупъ, не были приглашены въ составъ комиссіи; тѣмъ не менѣе многіе изъ ея членовъ были охвачены стремленіемъ придать всему дѣлу наиболѣе благопріятное для крестьянъ разрѣшеніе. Здѣсь во всеоружіи знаній и опыта какъ правительственнаго такъ и землевладѣльческаго вырабатывались основныя положенія освободительнаго акта.

Работы въ редакціонной комиссіи раздѣлились на 3 періода. Въ первый періодъ долженъ былъ быть вчернѣ составленъ проектъ Положенія. Затѣмъ его слѣдовало подвергнуть обсужденію депутатовъ губернскихъ комитетовъ, приглашенныхъ для

разсмотрѣнія выработаннаго Положенія Редакціонной комиссіей, согласно словамъ государя, сказаннымъ имъ лѣтомъ 1858 г. во время путешествія по Россіи. Послѣ того какъ депутаты выскажутся, проектъ будетъ переработанъ и затѣмъ отданъ на разсмотрѣніе депутатовъ другихъ губернскихъ комитетовъ, которые не войдутъ въ составъ перваго приглашенія. Послѣ этого уже будутъ выработаны положенія, на основѣ которыхъ и должна будетъ осуществляться крестьянская реформа. Значитъ само Положеніе вырабатывалось Редакціонной Комиссіей, а критическія замѣчанія дѣлались представителями губернскихъ дворянскихъ комитетовъ. При столкновеніи этихъ правительственныхъ и общественныхъ элементовъ и обнаруживается наиболѣе сильный драматическій моментъ въ развитіи крестьянской реформы. Тренія и столкновенія бывали и въ самыхъ губернскихъ комитетахъ, какъ напримѣръ въ Нижегородскомъ, гдѣ дѣло доходило до того, что для разбора недоразумѣній присланъ былъ изъ Петербурга флигель-адъютантъ, а Ю.Самарину въ Самарскій комитетъ приходилось являться съ револьверомъ въ карманѣ въ сопровожденіи особыхъ тѣлохранителей. Но такой остроты они никогда не получали.

Основая цѣль Редакціонной Комиссіи состояла въ томъ, чтобы превратить крестьянъ въ мелкихъ земельныхъ собственниковъ и чтобы при освобожденіи они образовали сельскія и волостныя общества со своими выборными властями. Значитъ выкупная операція являлась какъ бы краеугольнымъ камнемъ въ томъ положеніи, которое вырабатывалось Редакціонной Комиссіей. Эта комиссія раздѣлилась на три отдѣленія: хозяйственное, юридическое и административное. Къ нимъ присоединилася еще 4-ая комиссія - финансовая. По всѣмъ этимъ отдѣленіямъ и комиссіямъ распредѣлены были всѣ члены, которыхъ въ общей сложности было около тридцати. Редакціонная Комиссія прежде всего установила довольно своеобразный уголъ зрѣнія на проекты, выработанные дворянскими комитетами. Они являются только матеріаломъ, который надо разрабатывать и съ которымъ надо считаться; но въ цѣломъ рядѣ случаевъ возможны значительныя отступленія отъ того, что составлено въ губернскихъ комитетахъ. Это станетъ для насъ вполнѣ понятно, если мы припомнимъ, что комитеты работали на основаніи совершенно другой программы, чѣмъ та, которая дана была въ руководство Редакціонной Комис-

сіи. Первоначально члены комиссіи полагали, что крестьянамъ должны быть предоставлены тѣ самые надѣлы, которыми они пользовались въ эпоху крѣпостного права; что вознагражденіе за эти надѣлы помѣщики должны получить путемъ капитализаціи того средняго оброка, который обыкновенно уплачивался крестьянами; что освобожденные крестьяне должны образовать изъ себя самоуправляющійся крестьянскій міръ со своимъ сходомъ и со своимъ выборными властями. Превращеніе крестьянъ въ земельныхъ собственниковъ должно происходить не сразу, а постепенно; устанавливался такъ называемый срочно-обязанный періодъ, въ теченіе котораго земля переходитъ къ крестьянамъ въ собственность при помощи правительственной ссуды. Пока крестьяне находятся въ срочно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, они выполняютъ въ его пользу или опредѣленныя работы или уплачиваютъ извѣстный оброкъ. Но какъ только земля начинаетъ выкупаться, всякаго рода зависимость крестьянина отъ помѣщика прекращается. Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ основныя положенія, около которыхъ вращалась работа редакціонной комиссіи въ теченіе перваго періода, т.е. съ марта по сентябрь 1859 г. Эти положенія были подвергнуты критикѣ депутатовъ перваго приглашенія, въ составъ котораго входили главнымъ образомъ помѣщики центральныхъ промышленныхъ губерній. Они обрушились со своей критикой преимущественно на хозяйственную сторону вопроса. По ихъ мнѣнію комиссія отводила крестьянамъ слишкомъ большіе надѣлы и за эти надѣлы помѣщикамъ выдавалось слишкомъ незначительное вознагражденіе. При этомъ многіе изъ депутатовъ настаивали на обязательномъ выкупѣ не только усадебъ, но и всего надѣла. Кромѣ того, депутаты перваго приглашенія указывали, что выдѣленіемъ крестьянъ изъ состава остального населенія уѣзда они естественно подпадаютъ подъ безконтрольную власть мѣстнаго уѣзднаго начальства. Поэтому депутаты настаивали на томъ, чтобы вмѣсто отдѣльнаго крестьянскаго управленія образована была всесословная волость. Такимъ образомъ въ вопросахъ хозяйственныхъ депутаты были правѣе членовъ комиссіи, а въ вопросахъ административныхъ лѣвѣе. Подъ вліяніемъ критики депутатовъ перваго приглашенія и были сдѣланы кое-какія измѣненія, но затѣмъ комиссія при-

шлось продолжать свои работы въ иныхъ, значительно менѣе благопріятныхъ условіяхъ. 6-го февраля 1860 г. умеръ Ростовцевъ послѣ тяжелой, изнурительной болѣзни, явившейся результатомъ напряженной работы по разработкѣ крестьянскаго вопроса. На смѣну Ростовцеву, дѣйствительно искренно преданному дѣлу крестьянской реформы, считавшему, что надо склонять вѣсы въ пользу крестьянъ, потому что найдутся много охотниковъ перегнуть реформу въ другую сторону, былъ назначенъ Гр.Панинъ, тотъ самый, который по выраженію одного современника 30 лѣтъ стоялъ во главѣ Министерства Юстиціи и не провелъ ни одной реформы; онъ былъ завзятымъ реакціонеромъ. Конечно, это былъ страшный ударъ для членовъ комиссіи и для дѣла освобожденія крестьянъ, но единственное достоинство Панина состояло въ томъ, что онъ не имѣлъ собственныхъ убѣжденій. Императоръ Александръ успокаивалъ вел.кн.Елену Павловну, говоря, что Панинъ неуклонно будетъ выполнять все то, что ему предписано государемъ. Однако слова Александра II не совсѣмъ оправдались и въ дальнѣйшихъ работахъ редакціонной комиссіи было много треній между предсѣдателемъ и ея членами по самымъ кореннымъ кардинальнымъ вопросамъ. Въ разгаръ этой борьбы прибыли въ мартѣ 1860 г. депутаты второго приглашенія, которые главнымъ образомъ были изъ черноземныхъ и степныхъ губерній. Они отстаивали главнымъ образомъ то, чтобы земля предоставлялась крестьянамъ въ собственность только по добровольному соглашенію съ помѣщиками, чтобы увеличенъ былъ оброкъ, установленный для южныхъ черноземныхъ мѣстностей и чтобы черезъ 20 лѣтъ была произведена переоброчка крестьянскихъ повинностей за отводимыя земли и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уменьшены были надѣльныя нормы, установленныя Редакціонной Комиссіей. Все это было принято во вниманіе Редакціонной Комиссіей, которой приходилось работать и при недовѣріи сверху и при антагонизмѣ снизу, борясь и со стремленіями придворныхъ и съ вожделѣніями помѣщиковъ. При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ протекала ихъ работа до октября 1860 г. Такимъ образомъ члены этой комиссіи вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть работы надъ составленіемъ Положенія 19 февраля 1861 г. Послѣ того какъ проектъ былъ составленъ въ комиссіи, онъ былъ переданъ на разсмотрѣніе гл.комитета и 28 января 1861 г. посту-

пилъ въ Государственный Совѣтъ на окончательное законодательное разсмотрѣніе. Въ этихъ-то учрежденіяхъ обращено было вниманіе преимущественно на хозяйственную сторону реформы, на вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею. По настоянію членовъ гл.комитета, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ значительно были уменьшены надѣлы, и только такимъ образомъ предсѣдателю комитета вел.кн. Константину Николаевичу удалось собрать незначительное большинство голосовъ за проектъ редакціонной комиссіи. Что же касается Гос.Сов., засѣданіе его открылось рѣчью государя, указавшаго въ ней на то, что онъ надѣется и даже требуетъ, чтобы разсмотрѣніе новаго закона было закончено къ началу полевыхъ работъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ почти всѣ статьи Положенія были приняты въ редакціи главн.комит. Внесено было только одно добавленіе, сдѣланное княземъ Гагаринымъ, чтобы по взаимному соглашенію между помѣщиками и крестьянами имъ предоставлялся надѣлъ даромъ въ размѣрѣ 1/4 максимальнаго или указного надѣла, установленнаго для данной мѣстности. Это такъ называемый даровой или нищенскій надѣлъ. Итакъ, къ серединѣ февраля 1861 года завершена была вся работа по составленію положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и 19 февраля, въ день своего вступленія на престолъ, Александръ II подписалъ новый законъ и 5 марта онъ былъ опубликованъ. Такимъ образомъ въ теченіе какихъ-нибудь 4 лѣтъ составленъ былъ тотъ освободительный актъ, который явился какъ бы гранью между старою дореформенной и новой пореформенной Россіей. Выработка этого Положенія происходила при весьма знаменательномъ общественномъ подъемѣ и, что особенно важно, при дружной совмѣстной работѣ правительства и общества. Не надо закрывать глаза на то, что этотъ актъ является результатомъ борьбы. Но гдѣ борьба, тамъ и жизнь, тамъ и надежды на побѣду. Пусть каждый параграфъ, каждая статья положенія брались съ бою, пусть отъ многихъ страницъ его вѣетъ духомъ компромисса, но зато этотъ новый законъ соотвѣтствовалъ жизненнымъ потребностямъ тогдашней Россіи и послѣ его опубликованія возврата къ старинѣ уже быть не могло.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ 19-го ФЕВРАЛЯ 1861 года.

Каково же было содержаніе того законодательнаго акта, съ опубликованіемъ котораго снимались съ многомилліонной крестьянской массы вѣковыя цѣпи неволи?

Положеніе 19-го февраля 1861 г. состояло изъ цѣлыхъ 17-ти частей; въ немъ опредѣлялись и общія основанія реформы и примѣненіе этихъ основныхъ принциповъ къ различнымъ мѣстностямъ Россіи и къ различнымъ категоріямъ крѣпостного населенія. Освобождаемые крестьяне и дворовые люди получали личныя, имущественныя и корпоративныя права. И вотъ съ этихъ 3 точекъ зрѣнія я и охарактеризую содержаніе освободительнаго акта. Черезъ 2 года послѣ опубликованія манифеста и самаго Положенія, крѣпостное состояніе должно было быть окончательно ликвидировано: 1-ой статьей 1-го отдѣла Общаго Положенія - уничтожалось крѣпостное состояніе въ Россіи. Но еще въ теченіе 2-хъ лѣтъ и крестьяне и дворовые люди должны были уплачивать своимъ бывшимъ господамъ оброкъ или отбывать на нихъ барщину и другія работы. Такимъ образомъ, устанавливался переходный періодъ, въ теченіе котораго должны были проводиться въ жизнь основные принципы освободительнаго акта. Крѣпостные люди получали свободу по закону, безъ всякаго вознагражденія за ихъ личность. Личность крестьянина, его трудъ не подлежали оплатѣ. Таковы были главныя начала, выраженныя и въ рескриптѣ на имя генерала Назимова и во всѣхъ тѣхъ циркулярахъ и разъясненіяхъ, которыми сопровождалось опубликованіе первыхъ программныхъ заявленій правительства. Но на самомъ дѣлѣ крестьяне получили свободу далеко не на такихъ условіяхъ, какъ предполагалъ рескриптъ 20-го ноября 1857 г.

Дѣятельность губернскихъ комитетовъ и отчасти Редакціонной Комиссіи оставила свой слѣдъ на этомъ въ высшей степени важномъ, кардинальномъ пунктѣ всей реформы. Такъ какъ крестьяне получали земельное обезпеченіе при своемъ освобожденіи и имъ отводились надѣлы, нормы которыхъ были установлены для различныхъ мѣстностей Россіи самимъ Положеніемъ

1861 г., то при оцѣнкѣ этой земли и принята была во вниманіе доходность крѣпостного труда, какъ таковаго. Въ Редакціонной Комиссіи, которая выработала основныя начала реформы, первоначально установился тотъ принципъ, что за крестьянами должны быть оставлены всѣ тѣ земли, которыми они пользовались въ эпоху крѣпостного права. Но въ дальнѣйшемъ пришлось отъ этого принципа отступить и допущены были отрѣзки отъ существующаго крестьянскаго землепользованія.

Площадь отводимыхъ крестьянамъ земель уменьшилась, но идя навстрѣчу требованіямъ дворянъ-землевладѣльцевъ, члены Редакціонной Комиссіи повысили и оцѣнку земельныхъ надѣловъ. Вопросъ объ оцѣнкѣ земельнаго надѣла явился однимъ изъ центральныхъ и въ засѣданіяхъ самой Редакціонной Комиссіи, и въ тѣхъ преніяхъ, которыя происходили между членами комиссіи и депутатами губернскихъ комитетовъ. Земля безъ людей обычно въ эпоху крѣпостного права не продавалась, не подлежала куплѣ-продажѣ. Цѣнность имѣнія опредѣлялась количествомъ тѣхъ ревизскихъ душъ, которыя числились при этомъ имѣніи. Такимъ образомъ, при расцѣнкѣ того земельнаго надѣла, который отводился крестьянину, естественно надо было принять во вниманіе доходность не съ земли, а доходность труда тѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые на ней значились. Поэтому въ Редакціонной Комиссіи принято было за основу расцѣнки земельной площади количество оброка, который крестьяне уплачивали въ эпоху крѣпостного права. Величина этого оброка для нечерноземныхъ промышленныхъ губерній опредѣлена была въ 9, 10 и 12 руб. съ души, а для остальныхъ мѣстностей черноземныхъ и степныхъ 8 руб. съ души. Но затѣмъ подъ вліяніемъ депутатовъ второго приглашенія отъ черноземныхъ губерній, и для остальныхъ мѣстностей величина оброка была повышена до 9 руб. Слѣдовательно въ среднемъ для всей Россіи 9-ти рублевая оброчная норма была принята какъ основаніе расцѣнки полнаго земельнаго надѣла. Но сама оцѣнка надѣла происходила такимъ способомъ: 9-ти рублевый оброкъ капитализировался изъ 6%, т.е. множился на 16 2/3; составлялась, такимъ образомъ, та сумма, доходъ съ которой изъ 6% равнялся 9 руб. въ годъ. Значитъ, полная оцѣнка всего надѣла равнялась 150 руб.; но для того, чтобы въ стоимость этого надѣла ввести въ замаскированномъ видѣ оцѣнку отчуждае-

маго крѣпостного труда, въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ,- а затѣмъ это было принято и въ Редакціонной Комиссіи,- устанавливалась, такъ называемая, система „градаціи", т.е. неравномѣрной оцѣнки всѣхъ десятинъ даннаго крестьянскаго надѣла. Первая десятина цѣнилась значительно выше сравнительно съ остальными; мотивировалось это иниціаторомъ системы градаціи Воробьевымъ, членомъ тверского губернскаго комитета тѣмъ, что первая десятина, какъ наиболѣе унавоженная, является наиболѣе цѣнной и въ хозяйственномъ и въ бытовомъ отношеніи; поэтому въ окончательномъ видѣ, когда эта ситема градаціи была принята и Редакціонной Комиссіей, оцѣнка первой десятины обыкновенно составляла 1/2 стоимости всего надѣла, оцѣнка 2-ой десятины 1/4 стоимости всего надѣла, а расцѣнка всѣхъ остальныхъ десятинъ составляла остальную 1/4 стоимости надѣльной земли. Такъ какъ далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ крестьяне получали полный надѣлъ, то значитъ, если имъ отводился не полный надѣлъ въ 4-5 десятинъ, а только 2 дес., они должны были уплачивать за эту земельную площадь 3/4 всей выкупной суммы. Другими словами, чѣмъ меньше былъ надѣлъ, тѣмъ относительно больше крестьяне должны были уплачивать своему помѣщику за эту отводимую имъ землю. Конечно, оцѣнка этой первой десятины была несоразмѣрна съ ея доходностью и въ стоимость ея по системѣ градаціи и включена была та сумма, которую терялъ помѣщикъ отъ отчужденія крѣпостного труда, отчужденія тѣхъ доходовъ, которые получалъ онъ не съ земли, а отъ личнаго труда крестьянина. Что касается вопроса о земельномъ обезпеченіи крестьянъ, то по Положенію 19-го февраля 1861 г. вся Россія подѣлена была на 3 полосы; нечерноземную-промышленную, черноземную-земледѣльческую и степную; въ свою очередь эти полосы дѣлились на мѣстности; нечерноземная полоса дѣлилась на 9 мѣстностей, черноземная - на 8, а степная - на 12. Во всѣхъ этихъ полосахъ и мѣстностяхъ устанавливались опредѣленныя надѣльныя нормы, при чемъ для того, чтобы дать помѣщикамъ возможность варьировать надѣленія крестьянъ землею, вводились весьма дробныя величины земельнаго надѣла. Въ каждой мѣстности устанавливались максимальныя и минимальныя нормы надѣла, при чемъ, если тотъ надѣлъ, которымъ пользовался крестьянинъ въ эпоху крѣпостного права, былъ выше максимальнаго, допускалась отрѣзка, а если онъ былъ

ниже минимальнаго, то необходимо слѣдовала прирѣзка. Въ предѣлахъ между максимумомъ и минимумомъ помѣщикъ могъ варьировать земельныя обезпеченія крестьянъ, при чемъ минимальный надѣлъ равнялся 1/3 максимальнаго. Однако, изъ этого правила допускалось исключеніе. Если съ надѣленіемъ крестьянъ землею у помѣщика оставалось меньше 1/3, а въ степной полосѣ меньше 1/2 всей удобной въ хозяйственномъ отношеніи земли, то разрѣшалась прирѣзка къ помѣщичьей землѣ, и, такимъ образомъ, уменьшалась величина земельныхъ надѣловъ, отводимыхъ крестьянамъ. Слѣдовательно интересы помѣщиковъ въ данномъ случаѣ были на первомъ планѣ. Во всѣхъ этихъ полосахъ и мѣстностяхъ устанавливались надѣлы сравнительно невысокіе, именно въ нечерноземной полосѣ надѣлы колебались въ предѣлахъ отъ 3 до 7 десятинъ на душу, а въ черноземныхъ отъ 2 до 6 на душу; это нормы максимальнаго надѣла; но не слѣдуетъ забывать, что минимальный надѣлъ былъ равенъ 1/3 максимальнаго.

Въ степной полосѣ устанавливался такъ называемый указной надѣлъ, т.е. опредѣленная норма обезпеченія, отъ котораго уже только въ рѣдкихъ случаяхъ могъ помѣщикъ отступать. Для великорусскихъ губерній отъ 6 до 12 десятинъ, а для новороссійскихъ губерній отъ 3 до 6; но maximum'а и minimum'а въ этой степной полосѣ установлено не было. Это объясняется тѣмъ, что въ степныхъ губерніяхъ была значительно бо́льшая степень земельнаго обезпеченія, и тамъ земля не представляла той значительной цѣнности, какую она составляла, напримѣръ, въ центральныхъ-черноземныхъ губерніяхъ. Такимъ образомъ, помѣщикъ могъ надѣлять своихъ крестьянъ землей въ зависимости отъ того, къ какой полосѣ и мѣстности были отчислены его имѣнія. Но, именно, потому что обезпеченіе землей крестьянъ находилось въ полной зависимости отъ соглашенія между помѣщиками и крестьянами, возможны были такіе случаи, что помѣщики могли на законномъ основаніи уменьшать количество той земли, которой крестьяне пользовались въ эпоху крѣпостного права. Однако кромѣ этихъ нормъ, въ Положеніе введена была статья о даровомъ или четвертномъ надѣлѣ. Значитъ, крестьяне получали обезпеченіе или за опредѣленное вознагражденіе, или даромъ. Что касается выкупа этихъ земель, то къ нему можно было приступить только послѣ того, какъ на него давалось со-

гласіе землевладѣльцемъ; обязательнаго выкупа пахотныхъ земель и луговыхъ угодій Положеніе 19 февраля 1861 г. не устанавливало. Обязательный выкупъ распространялся только на крестьянскія усадьбы, которыя расцѣнивались отдѣльно изъ капитализаціи самаго 6% оброка въ 1 1/2 руб., 2 1/2, 3 1/2 и даже больше для нѣкоторыхъ мѣстностей.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ депутатскихъ требованій принципъ добровольности выкупа былъ включенъ въ Положеніе 1861 г. Что касается самаго выкупа этихъ земель, то, когда помѣщикъ давалъ на выкупную операцію свое согласіе, правительство приходило на помощь крестьянамъ, выдавая помѣщику выкупную сумму въ количествѣ 4/5 расцѣнки всей земли, выкупными свидѣтельствами, приносящими доходъ въ 5%, а затѣмъ всякія уже отношенія между крестьянами и помѣщиками кончались. Правительство уже само послѣ этого имѣло дѣло съ крестьянами, которые погашали данную имъ выкупную ссуду въ теченіе 49 лѣтъ, уплачивая 6 коп. на рубль,- 5 коп. въ счетъ % и 1 коп. для амортизаціи, т.е. для погашенія выданной ссуды. Дворовые люди не получали земельнаго обезпеченія, такъ какъ они и въ эпоху крѣпостного права землей не пользовались, но именно потому, что земля дворовымъ людямъ не отводилась, помѣщикъ никакого вознагражденія за своихъ дворовыхъ не получалъ. Что касается того сословнаго управленія, которое крестьяне получали по освобожденіи, то оно слагалось изъ 2 инстанцій. Отдѣльныя деревни составляли сельскія общества, а нѣсколько селъ и деревень образовывали волость - 2-ую сословную административную инстанцію. И въ сельскомъ обществѣ и въ волости были свои сходы, въ составъ которыхъ входили крестьяне-домохозяева. Здѣсь обсуждались хозяйственныя административныя и судебныя дѣла, здѣсь уже выбирались должностныя лица крестьянскаго управленія: сельскій староста, волостной старшина, члены волостного управленія и члены волостного суда. Волостное правленіе, состоявшее изъ старшины, нѣсколькихъ членовъ и писаря, вѣдало въ административно-полицейскомъ отношеніи все населеніе волости, а волостной судъ разбиралъ низшія уголовныя дѣла и гражданскія тяжбы, руководясь тѣмъ обычнымъ правомъ, которое

существовало въ данной мѣстности. Что касается крестьянскаго управленія, то оно, имѣя отчасти характеръ самоуправленія, въ то же самое время было низшимъ административно-полицейскимъ органомъ уѣзда; въ лицѣ старосты и старшины правительство какъ бы имѣло низшихъ административныхъ полицейскихъ агентовъ, которые должны были безпрекословно выполнять тѣ предписанія, исходившія отъ уѣздной администраціи и полиціи. Слѣдовательно принципъ самоуправленія здѣсь нарушался и онъ могъ проявляться только въ вопросахъ хозяйственныхъ, т.е. въ раскладкѣ повинности, въ передѣлѣ земельныхъ угодій и т.п. Освобождаемые крестьяне во всѣхъ своихъ гражданскихъ правахъ сравнивались не съ высшими сословіями, не съ дворянами и гильдейскимъ купечествомъ, а съ податными сословіями, именно, съ крестьянами государственными и отчасти мѣщанами. Значитъ, уравненіе было далеко не полное со всѣми другими общественными классами. Но во всякомъ случаѣ, именно потому, что въ гражданскомъ отношеніи личность крестьянина освобождалась изъ-подъ ферулы помѣщика, именно потому, что онъ являлся свободнымъ членомъ русскаго общества, правовое юридическое значеніе реформы было громадно. Теперь уже нельзя было продавать, закладывать крестьянъ, нельзя было производить сдѣлки на эту крещеную собственность.

Въ тотъ моментъ, когда церкви огласились словами манифеста: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ - залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго!"-самый принципъ крѣпостной неволи уничтожался навсегда. То, о чемъ мечтали лучшіе люди нѣсколькихъ поколѣній, стало наконецъ реальнымъ фактомъ. Въ этомъ отношеніи моральное значеніе реформы было дѣйствительно громадно. Но если крестьяне были сравнены съ другими разрядами податного сельскаго состоянія, если теперь ихъ уже не могли подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ, налагаемымъ бариномъ или его бурмистромъ, то въ экономическомъ отношеніи реформа далеко не оправдала тѣхъ ожиданій и надеждъ, которыя на нее возлагали лучшіе представители интеллигентнаго общества. Дѣло въ томъ, что на этой экономической сторонѣ сказалась та борьба, тѣ классовыя столкновенія, которыя все время давали себя чув-

ствовать въ періодъ разработки освободительнаго акта. Здѣсь столкнулись интересы освобождаемаго крестьянства и землевладѣльческаго дворянства.

Поэтому правительственнымъ сферамъ въ лицѣ главнымъ образомъ Редакціонной Комиссіи, приходилось лавировать между Сциллой и Харибдой и итти на рядъ уступокъ. Количество земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ въ эпоху крѣпостного права, было уменьшено, и тѣ цифровыя данныя, которыя имѣются у насъ подъ руками, ярко освѣщаютъ это уменьшеніе, эту отрѣзку. Въ періодъ крѣпостного права въ пользованіи крестьянъ находилось 29,169,000 десят., а отрѣзано было въ пользу помѣщика отъ этой самой земли 5,262,000 дес., т.е. другими словами 18,1 %, слѣдовательно почти 1/5 часть всей земельной площади, которой пользовались крестьяне въ прежнее время, отъ нихъ отошла. Сверхъ того, обезпеченіе крестьянъ землей было далеко не равномѣрно. Слѣдующая небольшая табличка можетъ показать, въ какой степени дифференцировалась крестьянская масса послѣ освобожденія по степени земельнаго обезпеченія:

	2 дес. на душу получили	18,8 %
	2-4 " " " "	54,2 "
	4-6 " " " "	22,3 "
свыше	6 " " " "	4,7 "

Такимъ образомъ, почти 3/4 всѣхъ освобожденныхъ крестьянъ получили земельное обезпеченіе ниже 4 дес. на душу; но сверхъ того приходится принять еще во вниманіе тѣхъ дарственниковъ, которые получили земельный надѣлъ въ размѣрѣ 1/4 высшаго или указного надѣла. Къ 1-му января 1878 г. въ 37 губерніяхъ такихъ дарственниковъ насчитывалось 640,380 чел. Эта масса дарственниковъ распространялась главнымъ образомъ въ многоземельныхъ, преимущественно поволжскихъ и степныхъ губерніяхъ, т.е. именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля была очень дешева и гдѣ крестьяне предполагали, что они, получивъ незначительное земельное обезпеченіе въ собственность, могутъ впослѣдствіи арендовать недостающую имъ пахотную землю по низкой цѣнѣ. Однако арендныя цѣны послѣ реформы сильно повысились, на 300-400 %; такимъ образомъ, крестьяне съ нищенски-

ми надѣлами поставлены были въ безвыходное положеніе. Самый принципъ дарственнаго надѣленія очень скоро обнаружилъ свои невыгодныя стороны для крестьянской массы.

Въ первые два года 63,25 % всѣхъ дарственниковъ перешло на эти надѣлы, а къ концу 70-хъ г.г. крестьянъ, выходящихъ на даровой надѣлъ, мы уже не встрѣчаемъ. Если мы сравнимъ земельное обезпеченіе владѣльческихъ крестьянъ съ земельными надѣлами крестьянъ государственныхъ, то у насъ получатся слѣдующія любопытныя цифры. Высшія земельныя обезпеченія государственныхъ крестьянъ получили только 13,9 % всѣхъ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, одинаковыя земельныя обезпеченія съ крестьянами государственными 43,5 % и ниже земельнаго обезпеченія крестьянъ государственныхъ 42,6 % бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, т.е. другими словами, почти 2/5 всѣхъ освобождаемыхъ крестьянъ получили земельныя обезпеченія ниже тѣхъ нормъ, которыя были установлены у крестьянъ государственныхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ реформа осуществилась, извѣстный статистикъ и экономистъ, профессоръ Янсонъ, изучая вопросъ о крестьянскихъ земельныхъ надѣлахъ, въ своемъ трудѣ „Опытъ и изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ" приводитъ такія характерныя цифровыя данныя для 12 нечерноземныхъ и отчасти черноземныхъ губерній. Всѣхъ крестьянъ онъ дѣлитъ на 3 разряда, т.е. крестьянъ государственныхъ, крестьянъ удѣльныхъ и крестьянъ бывшихъ владѣльческихъ, и доказываетъ, что земельное обезпеченіе у крестьянъ этихъ 3 разрядовъ колебалось въ слѣдующихъ предѣлахъ: крестьянъ государственныхъ отъ 3,3 до 9,7, у крестьянъ бывшихъ удѣльныхъ отъ 2,25 до 6,3, и у крестьянъ бывшихъ владѣльческихъ отъ 2,9 - 5,6.

Такимъ образомъ крестьяне владѣльческіе стояли на третьемъ мѣстѣ, крестьяне удѣльные на 2-омъ, крестьяне государственные на 1-омъ мѣстѣ по степени земельнаго обезпеченія. Но вопросъ о земельномъ надѣлѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о выкупныхъ платежахъ. Расцѣнка земли не соотвѣтствовала ея доходности, и вполнѣ понятно, почему, потому что къ стоимости земли присоединялась стоимость тѣхъ заработковъ, которые получали крестьяне отъ различныхъ отхожихъ промысловъ. Слѣдовательно уже съ самаго начала оцѣнка десятины и тѣ выкупные

платежи, которые надо было вносить съ каждой десятины, не соотвѣтствовали доходности ея. Особенно интересны тѣ данныя, которыя теперь находятся въ распоряженіи экономической науки. Изслѣдователи устанавливають тотъ фактъ, что крестьяне нечерноземныхъ губерній уплатили выкупные платежи въ количествѣ 342 мил. руб. за ту землю, которая въ 50-хъ годахъ стоила 155 мил. руб., а по расцѣнкѣ 60-хъ гг. 180 мил. руб.; крестьяне черноземныхъ земель уплатили за отведенныя имъ земли также 342 мил.руб. за ту земельную площадь, которая стоила въ расцѣнкѣ 50-хъ гг. 219 мил.руб., а по расцѣнкѣ 60-хъ гг. 264 мил.руб. Слѣдовательно, въ томъ и другомъ случаѣ мы видимъ громадный излишекъ, тотъ излишекъ, который собственно повышалъ стоимость земли и долженъ быть цѣликомъ отнесенъ къ стоимости выкупа крестьянскаго труда, къ оцѣнкѣ крестьянской личности, которая по закону должна была быть освобождена безъ всякаго вознагражденія въ пользу помѣщика. Такимъ образомъ, съ экономической точки зрѣнія реформа проводилась съ громаднымъ дефектомъ, съ большими недостатками. Единственное, чѣмъ могутъ утѣшать себя крестьяне, такъ это сознаніемъ, что выкупаемая земля сдѣлается со временемъ ихъ собственностью,- черезъ 49 лѣтъ, когда закончена будетъ выкупная операція. Но, именно, въ виду того что выкупъ не носилъ обязательнаго характера въ цѣломъ рядѣ случаевъ, крестьяне не переходили на выкупъ, такъ какъ помѣщики не давали своего согласія и должны были находиться во временно-обязанномъ отношеніи къ помѣщику, т.е. пользоваться землей за опредѣленныя повинности. Въ первые 2 года они должны были работать на барщинѣ, а черезъ 2 года всякія барщинныя работы прекращались и всѣ крестьяне должны были быть переведены на оброкъ. Но этимъ дѣло не кончалось. По Положенію 1861 г. черезъ 20 лѣтъ устанавливалась переоброчка крестьянскихъ повинностей и оброкъ могъ быть сильно повышенъ въ зависимости отъ роста цѣнъ на хлѣбъ; эта переоброчка должна была быть произведена въ 1881 г., т.е. черезъ 20 лѣтъ послѣ реформы. Хотя, какъ мы увидимъ въ свое время, она не была произведена и въ этомъ году былъ опубликованъ законъ объ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Проводить реформу въ жизнь, осуществлять Положеніе 1861 г. должны были,

такъ называемые мировые посредники, т.е. дворяне, которые назначались по списку, устанавливаемому губернаторомъ по соглашенію съ мѣстнымъ дворянскимъ обществомъ, правительствующимъ сенатомъ. Мировые посредники должны были разрѣшать земельные споры и наблюдать за тѣмъ, чтобы уставныя грамоты, въ которыя вносилось все количество земли и тѣ условія, на которыхъ эта земля должна была быть отводима крестьянамъ, составлялись безъ всякаго замедленія. Въ теченіе перваго года помѣщикъ по согласію съ крестьянами могъ составлять уставную грамоту самъ, безъ посторонняго вмѣшательства. Черезъ годъ это дѣло цѣликомъ переходило въ руки мирового посредника. На дѣйствія мировыхъ посредниковъ можно было жаловаться въ „губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе", тоже новое учрежденіе, созданное въ 1861 г. Это „губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе" утверждало всѣ уставныя грамоты. Отъ личнаго состава мировыхъ посредниковъ зависѣло то, въ какой степени будутъ обезпечены интересы крестьянской массы. Въ этомъ отношеніи циркуляромъ 22-го марта 1861 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской отдалъ распоряженіе губернаторамъ, чтобы въ мировые посредники намѣчались люди, дѣйствительно доброжелательно относящіеся къ крестьянамъ; этотъ циркуляръ оказалъ свое дѣйствіе, и мировые посредники перваго приглашенія, т.е. первыхъ 3 лѣтъ, на которыя были назначены послѣ реформы, въ большинствѣ случаевъ отличались довольно хорошимъ и доброжелательнымъ отношеніемъ къ освобождаемой крестьянской массѣ. Тѣ же самые мировые посредники должны были открывать сельскія волостныя учрежденія. На это было положено 8 мѣсяцевъ, но уже почти повсюду черезъ полгода функціонировали и сельскіе сходы и волостныя правленія. Таковы основные принципы положенія и хорошія и слабыя стороны реформы. Однако во всякомъ случаѣ при всѣхъ недостаткахъ, при всѣхъ дефектахъ положеніе 19 февраля 1861 г. проводило рѣзкую демаркаціонную черту между Россіей стараго времени, Россіей дореформенной и Россіей новой, пореформенной. Положеніемъ осуществлялись тѣ надежды, съ которыми носились лучшіе люди прежняго поколѣнія, и Новиковъ, и Радищевъ, и декабристы, и русская интеллигенція эпохи Николая I. Слова, которыя когда-то сказалъ Пушкинъ въ 1819 г.:

„Увижу ль я, друзья, народъ освобожденный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободѣ просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря?"

Эти слова какъ бы осуществились. Заря взошла, освѣтила печальныя сумерки русской дѣйствительности; отступленія быть уже не могло. Крестьянская реформа властно ставила на очередь разрѣшеніе другихъ преобразованій. Она была только первымъ актомъ длиннаго свитка дальнѣйшихъ узаконеній.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА.

Какъ же отнеслись русское общество и крестьянская масса къ реформѣ 19-го февраля? Въ русскомъ обществѣ въ теченіе всего періода разработки Положенія 1861 г. шла напряженная внутренняя работа. Эта работа отразилась въ цѣломъ рядѣ проектовъ и заявленій, которые составлялись наиболѣе интеллигентными его представителями въ журнальныхъ статьяхъ, затрагивавшихъ соціально-экономическіе, административно-политическіе вопросы. Крестьянская же народная масса какъ бы затихла на періодъ разработки реформы; тѣ волненія, которыя имѣли мѣсто въ 1853-54 гг. въ связи со слухами, что кто запишется въ морское или сухопутное ополченіе, тотъ получитъ волю, повсемѣстно затихли; какъ только былъ опубликованъ рескриптъ 20-го ноября 1857 г. и о немъ узнала крестьянская масса, тотчасъ наступило успокоеніе въ русской деревнѣ; крестьяне терпѣливо и покорно ждали, какъ рѣшится ихъ судьба въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Но въ то время какъ молчала крестьянская масса и въ русской деревнѣ установилась какая-то торжественная тишина, на страницахъ современной печати крестьянскій вопросъ подвергался всестороннему обсужденію. Дѣло въ томъ, что въ началѣ царствованія Александра II прежнія цензурныя строгости были смягчены и русскимъ журналамъ, хотя, къ сожалѣнію, не надолго, было разрѣшено болѣе или менѣе свободно обсуждать вопросы, связанные съ назрѣвшими преобразованіями. Журналы и газеты сумѣли воспользоваться этой минутной свободой, и легко можно намѣтить нѣсколько общественныхъ

теченій въ тогдашней русской печати. Что касается тѣхъ двухъ направленій русской общественной мысли, съ которыми мы уже познакомились, именно западничества и славянофильства, то они сильно давали себя чувствовать въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг.; славянофильскими органами были: „Русская бесѣда", издававшаяся съ 1856 года, и „Сельское благоустройство", выходившее при „Бесѣдѣ" въ теченіе 1858 г. Въ этихъ журналахъ славянофильскаго направленія обсуждались главнымъ образомъ вопросы объ освобожденіи крестьянъ съ землею на принципѣ общинной собственности и съ сохраненіемъ у нихъ мірской сходки и общиннаго устройства. Сотрудниками этихъ журналовъ были преимущественно члены губернскихъ комитетовъ, какъ братья Самарины, Кошелевъ, князь Черкасскій, а также Аксаковы.

Западническое направленіе сильно проявлялось въ „Русскомъ Вѣстникѣ", редактируемомъ Катковымъ, въ то время еще либераломъ и англоманомъ. На страницахъ этого журнала обсуждался и крестьянскій вопросъ съ либеральной точки зрѣнія, а также всѣ тѣ общественныя проблемы, которыя выдвигались самой жизнью вслѣдъ за разрѣшеніемъ крестьянской реформы. Въ составъ его постоянныхъ сотрудниковъ входили такія лица, какъ Кавелинъ, Чичеринъ, Унковскій, Головачевъ и другіе представители либеральнаго дворянства и передовой интеллигенціи. Оба эти журнала издавались въ Москвѣ. Въ Петербургѣ же наиболѣе сильнымъ вліяніемъ пользовался „Современникъ", дѣятельными сотрудниками и почти что редакторами котораго являлись Чернышевскій и Добролюбовъ. Здѣсь главнымъ образомъ развивались радикальныя идеи и въ сферѣ экономической, и въ сферѣ политической. Вскорѣ этотъ органъ печати пріобрѣлъ ярко выраженный демократическій и даже соціалистическій отпечатокъ. Въ Петербургѣ издавались еще „Отечественныя записки", совершенно безпринципный оппортюнистическій органъ, не оказывавшій никакого вліянія на формулированіе общественнаго мнѣнія, и „Библіотека для чтенія" подъ редакціей Дружинина, журналъ болѣе или менѣе консервативный, въ духѣ англійскаго торизма, т.е. не реакціоннаго, а охранительнаго характера. Въ Петербургѣ же съ 1861 г. стало издаваться „Русское Слово", въ которомъ съ громаднымъ

успѣхомъ выступилъ на литературное поприще Писаревъ, придавшій этому журналу ярко выраженное оппозиціонное направленіе.

Таковы тѣ журналы, въ которыхъ обсуждались общественные вопросы, конечно въ той мѣрѣ, въ какой возможно было ихъ дебатировать въ рамкахъ тогдашней цензуры. А надъ всѣми этими подцензурными журналами властно и мощно неслись звуки „Колокола", основаннаго Герценомъ и Огаревымъ въ Лондонѣ съ 1857 года.

Герценъ, издававшій еще раньше періодическій сборникъ „Полярная Звѣзда", какъ только правительство приступило къ обсужденію крестьянскаго вопроса, рѣшилъ посвятить всѣ свои силы всестороннему освѣщенію этой главной, коренной проблемы русской жизни. Въ первомъ же номерѣ „Колокола" онъ раскрылъ свою программу и требованія: освобожденіе слова - отъ цензуры, освобожденіе податныхъ сословій - отъ побоевъ, освобожденіе крестьянъ - отъ помѣщиковъ. Онъ заявилъ, что будетъ бороться до тѣхъ поръ, покуда онъ не добьется этого. Дѣйствительно, Герценъ оказалъ громадное вліяніе на ходъ и разработку крестьянской реформы, именно потому, что въ этомъ заграничномъ органѣ можно было свободно и всесторонне обсуждать такія стороны крестьянской реформы, которыя по цензурнымъ условіямъ не всегда возможно было дебатировать въ русскихъ журналахъ и газетахъ; такъ, напримѣръ, вопросъ о выкупѣ надѣльныхъ земель въ полную собственность нельзя было обсуждать въ началѣ 1858 г. въ журналахъ, издававшихся въ Россіи, и Чернышевскому, напечатавшему въ „Современникѣ" статью съ выдержками изъ „Записки" Кавелина, сдѣлано было строгое внушеніе. Въ томъ же 1858 г. и другимъ органамъ печати, какъ напримѣръ „Сельскому Благоустройству" и „Русскому Вѣстнику", запрещено было касаться тѣхъ сторонъ крестьянской реформы, которыя къ этому времени не вошли еще въ составъ правительственной программы.

Только за рубежомъ, въ вольной лондонской типографіи можно было печатать все что угодно, всѣ тѣ проекты, которые шли изъ Россіи. Герценъ старался всесторонне освѣтить перипетіи борьбы отдѣльныхъ группъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ и печаталъ проекты и записки, выходившіе изъ различныхъ лагерей и предлагавшіе самые разнообразные способы

освобожденія многомилліонной крестьянской массы. Въ концѣ 1857 г., когда правительство впервые опубликовало свою программу, всѣ, можно сказать, безъ различія своихъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній, привѣтствовали этотъ смѣлый шагъ новаго государя: и Чернышевскій въ „Современникѣ", и „Русскій Вѣстникъ" въ лицѣ Каткова, и Герценъ въ „Колоколѣ", всѣ въ это время съ восторгомъ отзывались объ Александрѣ II.

Чернышевскій ставилъ его выше Петра Великаго, а Герценъ посвятилъ Александру II вдохновенную статью съ эпиграфомъ: „Ты побѣдилъ Галилеянинъ". Но по мѣрѣ того какъ отъ славословій наша печать перешла къ критической оцѣнкѣ того, что было сдѣлано и что предполагалось осуществить, цензурное вѣдомство стало ставить всевозможныя преграды. Я уже отмѣчалъ, какіе вопросы были сняты съ очереди, да и вообще говорить свободно, говорить обо всемъ, что касалось крестьянскаго освобожденія, было немыслимо. Правительство все время нажимало на печать и только немногимъ, какъ напримѣръ Чернышевскому, удавалось обходить всѣ подводные камни и иногда эзоповскимъ языкомъ раскрывать передъ читателями основное содержаніе правительственныхъ актовъ и разнообразныхъ общественныхъ выступленій. Но одной печатью дѣло не ограничилось. Правда, печать сдѣлала многое и въ вопросѣ о выкупѣ, и въ вопросѣ объ общественномъ устройствѣ крестьянъ. Въ обществѣ, главнымъ образомъ среди дворянской интеллигенціи того времени, вопросъ о необходимыхъ преобразованіяхъ также не сходилъ съ очереди. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить тѣ выступленія, которыя имѣли мѣсто въ различныхъ губернскихъ комитетахъ, среди депутатовъ перваго приглашенія и въ отдѣльныхъ дворянскихъ собраніяхъ. Уже во время разработки крестьянскаго вопроса губернскими комитетами въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ въ Тверскомъ, отчасти въ Калужскомъ, Владимірскомъ и Ярославскомъ, крестьянскій вопросъ тѣсно сплетался съ необходимостью введенія у насъ безсословнаго мѣстнаго самоуправленія, свободы печати и всесословнаго выборнаго суда. Но особенно сильно сказалось стремленіе со стороны дворянской интеллигенціи обратить вниманіе правительства на необходимыя преобразова-

нія въ тотъ моментъ, когда депутаты 1-го приглашенія отъ 21-го губернскаго комитета пріѣхали въ Петербургъ въ августѣ 1859 г. Эти депутаты съѣзжались подъ впечатлѣніемъ тѣхъ словъ, съ которыми обратился императоръ Александръ къ костромскому, а затѣмъ къ тверскому и нижегородскому дворянству въ 1858 г. Въ этой рѣчи Александръ между прочимъ сказалъ, что по два депутата отъ каждаго губернскаго комитета будутъ приглашены „для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ комитетѣ". Этими словами воспользовались дворяне для того, чтобы составить себѣ цѣлую программу дальнѣйшихъ мѣропріятій. Они рѣшили, что вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ при ихъ участіи, но не въ редакціонной комиссіи, а въ главномъ комитетѣ. Каково же было ихъ удивленіе, когда при пріѣздѣ въ Петербургъ они столкнулись съ инструкціей, выработанной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Милютина, который хотѣлъ провести реформу диктаторіальнымъ путемъ. По этой инструкціи, одобренной государемъ, роль дворянскихъ депутатовъ сводилась исключительно къ экспертизѣ; они должны были давать отвѣты на тѣ вопросы, которые имъ предложитъ редакціонная комиссія, - это была совѣщательная роль свѣдущихъ людей, знакомыхъ съ мѣстными губернскими условіями. Въ атмосферѣ этого недовольства, въ разгаръ коллизіи между депутатами и редакціонной комиссіей обнаружились тѣ общественныя пожеланія, которыя высказаны были депутатами перваго приглашенія. Ими были составлены адреса при отъѣздѣ изъ Петербурга. Въ одномъ адресѣ, подписанномъ 18 депутатами, высказаны были пожеланія, чтобы окончательно крестьянская реформа разрѣшена была при участіи дворянскихъ депутатовъ въ главномъ комитетѣ, согласно словамъ государя; но въ адресѣ, подписанномъ 5 депутатами Тверского, Ярославскаго и Харьковскаго комитетовъ, вопросъ ставился нѣсколько иначе. Настаивая на обязательномъ выкупѣ крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ, составители этого адреса указывали на необходимость осуществить слѣдующія реформы: 1. Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

2. Учредить независимую судебную власть, т.е. судъ присяжныхъ съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ. 3. Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія. Слѣдовательно, здѣсь уже намѣчался рядъ необходимыхъ преобразованій, здѣсь уже крестьянскій вопросъ связывался съ дальнѣйшими коренными гражданскими реформами.

Сибирскій депутатъ Шидловскій подалъ въ свою очередь записку императору Александру II, гдѣ въ туманныхъ, нѣсколько сбивчивыхъ, выраженіяхъ говорилъ о необходимости созыва депутатовъ отъ дворянскаго общества для разрѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ.

Но особенно сильное впечатлѣніе произвела на государя записка камергера Безобразова, не входившаго въ составъ депутатовъ, но стремившагося довести до престола пожеланія наиболѣе аристократической части дворянства. Безобразовъ былъ племянникомъ предсѣдателя главнаго комитета кн.Орлова, былъ близокъ къ такимъ представителямъ крупнаго землевладѣнія, какъ Шуваловъ, Мальцевъ и Паскевичъ. Потому вполнѣ понятно, что основныя идеи записки Мальцева о необходимости возврата къ тому времени, когда существовала Боярская Дума, и когда безотвѣтственные министры не управляли государствомъ, были восприняты Безобразовымъ. Въ своемъ проектѣ Безобразовъ требуетъ созыва выборныхъ отъ дворянскаго общества къ подножью престола, чтобы подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя этимъ собраніемъ разрѣшены были важнѣйшіе очередные государственные вопросы. Собраніе выборныхъ онъ считалъ природнымъ элементомъ самодержавія; безъ него верховная власть имѣетъ характеръ своеволія, несмотря на благія ея намѣренія, идетъ ощупью и путается въ сѣтяхъ, разставленныхъ бюрократіей, которая вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ власти, дѣлается ея двигателемъ и руководителемъ. Такимъ образомъ, въ запискахъ Шидловскаго и Безобразова ярко выразилось стремленіе установить у насъ дворянско-олигархическую государственную организацію. Александръ II былъ въ высшей степени раз-

дражень этими записками, а адресъ 5-ти депутатовъ найденъ былъ особенно дерзкимъ по содержанію. Всѣмъ депутатамъ, подписавшимъ адреса, былъ сдѣланъ выговоръ, а пять членовъ были отданы даже подъ надзоръ полиціи. При такихъ обстоятельствахъ общество впервые заявило о настоятельной необходимости широкихъ преобразованій. Но правительство рѣшило положить предѣлъ дальнѣйшимъ общественнымъ выступленіямъ. Депутаты разъѣзжались изъ Петербурга въ ноябрѣ 1859 г., а вслѣдъ за ними былъ разосланъ циркуляръ ко всѣмъ губернскимъ предводителямъ дворянства, въ которомъ запрещалось въ очередныхъ дворянскихъ собраніяхъ касаться крестьянскаго вопроса. Почти повсюду дворяне нашли, что этимъ циркуляромъ бюрократія нарушаетъ исконныя права дворянъ, подтвержденныя 112 ст. IX т. Свода Законовъ, по которой дворяне могли свободно обсуждать свои пользы и нужды. Циркуляръ нашелъ себѣ отпоръ и во Владимірскомъ и въ Рязанскомъ, а главнымъ образомъ въ Тверскомъ дворянскихъ собраніяхъ. Во Владимірскомъ дворянскомъ собраніи послѣ цѣлаго ряда ораторовъ особенно сильную и яркую рѣчь сказалъ помѣщикъ Протопоповъ.- „Нынѣ, господа, сказалъ онъ, пользы и нужды наши должны итти нераздѣльно съ пользами и нуждами всѣхъ сословій, а слѣдовательно цѣлаго государства. Пожертвуемъ же сами для новой, возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и за все это прежнее гордое и суетно-безполезное величіе наше всеподданнѣйше испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ, вполнѣ признающихъ самодержавную власть, да общую законную отвѣтственность всякой личности не передъ административнымъ произволомъ, но передъ гласнымъ судопроизводствомъ и общимъ выборнымъ судомъ присяжныхъ." Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ адресъ на имя государя, принятый громаднымъ большинствомъ присутствовавшихъ. Что касается рязанскаго губернскаго дворянскаго собранія, то оно по прочтеніи циркуляра постановило подать государю адресъ, въ которомъ говорилось, что коренными законами государства дворянскому сословію дано право разсуждать на выборахъ о своихъ пользахъ и нуждахъ. Циркуляръ, запретившій говорить дворянамъ о крестьянскомъ вопросѣ, тѣмъ самымъ запретилъ дворянамъ го-

ворить о своихъ нуждахъ и пользахъ. Составленъ былъ адресъ, но и онъ, такъ же какъ и адресъ владимірскихъ дворянъ, не измѣнили положенія дѣлъ. Но если правительство на выступленіе владимірскаго и рязанскаго дворянства посмотрѣло сквозь пальцы, то на обсужденіе вопроса тверского дворянства оно взглянуло совершенно иначе. Тамъ подъ предсѣдательствомъ Унковскаго и послѣ горячей рѣчи Европеуса, бывшаго петрашевца, возвращеннаго вмѣстѣ съ декабристами въ 1856 г., дворянское собраніе рѣшило не подражать бюрократіи, все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя выгоды, прямо противоположныя и интересамъ всего общества и волѣ государя императора, и обратиться къ верховной власти съ всеподданнѣйшимъ адресомъ, въ которомъ просить объ отмѣнѣ незаконнаго циркуляра. Ходатайство тверскихъ дворянъ не было принято губернаторомъ для отсылки его въ Петербургъ. Тогда была отправлена специальная депутація въ Петербургъ съ ходатайствомъ. Но въ отвѣтъ Унковскій, какъ предсѣдатель собранія, незаконно допустившій обсужденіе вопроса о циркулярѣ, устранялся отъ должности, и, такимъ образомъ, на тверское дворянство наложена была кара. Дворяне не возражали, но въ 8-ми изъ 12-ти уѣздовъ Тверской губерніи никто не пожелалъ баллотироваться въ предводители; а на должность губернскаго предводителя всѣ кандидаты были забаллотированы; правительство сочло это за демонстрацію и, находя по разслѣдованію, произведенному жандармскимъ генераломъ, что Унковскій и Европеусъ являются опасными общественными дѣятелями, сослало Унковскаго въ Вятку, а Европеуса въ Пермь. Такимъ образомъ уже въ 1859-60 г.г. стало обнаруживаться реакціонное направленіе въ нашей внутренней политикѣ; воспрещено было касаться нѣкоторыхъ вопросовъ въ журналахъ и газетахъ и общество было стѣснено въ проявленіи своихъ реформаціонныхъ стремленій. Такимъ образомъ уже въ эпоху разработки крестьянской реформы намѣчался рядъ дальнѣйшихъ преобразованій. И вполнѣ понятно, что какъ только былъ опубликованъ освободительный актъ, какъ только цѣпи крестьянской неволи были разбиты, тотчасъ же передъ всѣми всталъ вопросъ о томъ, что же дѣлать дальше?

Крестьянская масса съ трудомъ могла разобраться въ Положенiи. Оно было чрезвычайно объемисто, а манифестъ былъ составленъ весьма велерѣчивымъ туманнымъ языкомъ. При чтенiи этого манифеста основныя его положенiя крестьянами были не поняты. Крестьяне ждали чистой воли; крестьяне ждали, что имъ даны будутъ всѣ тѣ земли, которыми они пользовались. Вмѣсто этого 2 года они должны были еще отбывать барщину, а затѣмъ выкупать земли по высокой оцѣнкѣ да еще въ урѣзанныхъ размѣрахъ.

Въ многихъ мѣстностяхъ обнаружилось неповиновенiе крестьянъ ихъ помѣщикамъ; цѣлыхъ 20 губернiй были охвачены крестьянскими волненiями, и особенно сильный примѣръ такого неповиновенiя обнаружился въ селѣ Безднѣ, Казанской губ., гдѣ, подъ предводительствомъ старообрядческаго начетчика Антона Петрова, крестьянская масса ни за что не хотѣла склониться передъ доводами генерала Апраксина, командующаго военнымъ отрядомъ. Въ результатѣ было убито 55 человѣкъ, а 71 ранено. Крестьяне смирились, Антонъ Петровъ былъ разстрѣлянъ по приговору военно-полевого суда. Подобное же вмѣшательство военной силы имѣло мѣсто и въ Пензенской губернiи. Вообще Правительство, ожидая недовольства со стороны крестьянъ, поставило почти всѣ губернiи на особое положенiе. Повсемѣстно были разосланы генералъ- и флигель-адъютанты съ широкими полномочiями, предписывавшими имъ немедленно прекращать въ самомъ началѣ всѣ безпорядки, съ примѣненiемъ даже военной силы. На общество эти крестьянскiя волненiя и суровые способы ихъ подавленiя произвели самое тягостное впечатлѣнiе, что и сказалось въ цѣломъ рядѣ общественныхъ и литературныхъ выступленiй. Казанское студенчество съ молодымъ профессоромъ Щаповымъ во главѣ отслужило панихиду по убитымъ въ селѣ Безднѣ, за что Щаповъ былъ уволенъ и отданъ подъ надзоръ полицiи. Во многихъ молодыхъ организацiяхъ, образовавшихся какъ разъ въ это время, считали самой неудачной стороной реформы - отсутствiе постановленiй объ обязательномъ выкупѣ. Уже лѣтомъ 1861 года Серно-Соловьевичъ, одинъ изъ будущихъ дѣятелей общества „Земля и Воля", въ брошюрѣ, изданной въ Берлинѣ, опредѣленно указывалъ на необходимость проведенiя обязательнаго выкупа и вмѣстѣ съ этимъ на осуществленiе цѣ-

лаго ряда финансовыхъ, административныхъ и политическихъ преобразованій.

Въ обществѣ стали циркулировать воззванія и прокламаціи; такъ напримѣръ группа молодыхъ военныхъ образовала общество „Великороссъ", начавшее издавать журналъ, при первомъ № котораго былъ разосланъ проектъ адреса на имя государя. Въ немъ указывалось на необходимость проведенія въ жизнь цѣлаго ряда политическихъ преобразованій, и на созывъ народныхъ представителей, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, для составленія проекта коренной реформы для Россіи, а также выборныхъ представителей Польскаго народа въ Варшавѣ, для составленія коренныхъ законовъ царства Польскаго. Это заявленіе было составлено въ либерально-демократическомъ духѣ, но были прокламаціи болѣе рѣшительнаго, радикальнаго характера. Такъ прокламація къ молодому поколѣнію, составленная Михайловымъ-Шелгуномъ, говорила уже о необходимости введенія въ Россіи республиканскаго строя съ выборными отвѣтственными властями и объ осуществленіи цѣлаго ряда реформъ, вплоть до упраздненія всякой, какъ тайной, такъ и явной полиціи, уничтоженія постоянной арміи и замѣны ея народной милиціей. Это конечно было неосуществимо при современныхъ условіяхъ науки. Въ концѣ этой прокламаціи высказывались даже прямыя угрозы династіи, если не будутъ проведены всѣ эти реформы. Но наиболѣе рѣзкій тонъ проявился въ прокламаціи къ молодой Россіи. Здѣсь уже говорилось совершенно маратовскимъ кровожаднымъ языкомъ. Въ ней вся тогдашняя Россія раздѣлялась на 2 части: партію народную и партію императорскую, и такъ какъ всѣ несочувствовавшіе революціи причислялись къ партіи императорской, то указывалось, что ихъ надо бить и убивать, гдѣ придется и съ энтузіазмомъ проповѣдывались топоръ и пожаръ. Въ такой же тревожной и возбужденной общественной атмосферѣ и стала зарождаться мысль о необходимости дальнѣйшихъ преобразованій. Но какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда общество хотѣло проявить свою самодѣятельность, когда въ цѣломъ рядѣ городовъ стали открываться воскресныя школы и библіотеки, когда такіе профессора, какъ Павловъ, стремились широко популяризировать научныя знанія, правительство вступило на путь реакціи. Дѣло началось съ того, что во главѣ министер-

ства внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто Ланского и Милютина, получившихъ отставку, въ апрѣлѣ 1861 г. сталъ Валуевъ, всецѣло преданный интересамъ олигархической дворянской партіи. Курсъ нашей внутренней политики послѣ этого рѣзко измѣнился. Валуевъ сталъ оказывать сильное воздѣйствіе на способъ осуществленія крестьянской реформы, особенно на образъ дѣйствія мировыхъ посредниковъ, многихъ изъ которыхъ по его настоянію черезъ два года удалось устранить отъ должности, такъ какъ нѣкоторые мировые участки по постановленію „губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій" были упразднены. Но въ то время, когда правительство стало открыто исповѣдывать охранительные и даже реакціонные принципы, въ обществѣ все сильнѣе проявлялась потребность въ дальнѣйшихъ коренныхъ преобразованіяхъ. Въ этомъ отношеніи большое вліяніе оказывалъ Герценъ, который хотя и восторженно отзывался по поводу окончанія работъ надъ крестьянской реформой и привѣтствовалъ Александра II въ своемъ „Колоколѣ" наименованіемъ „Освободителя", но въ дальнѣйшихъ номерахъ своего журнала ставилъ вопросъ о широкихъ коренныхъ реформахъ. Въ это время онъ былъ властителемъ думъ передовой интеллигенціи и громадной общественной силой. Если въ русскихъ газетахъ и журналахъ нельзя было обсуждать вопросъ о дальнѣйшихъ преобразованіяхъ, то герценовскій „Колоколъ" будилъ общество и заставлялъ его думать о будущемъ. Подъ вліяніемъ потребностей самой жизни и подъ вліяніемъ этой неустанной пропаганды зарубежнаго свободнаго слова, идея о широкихъ гражданскихъ преобразованіяхъ все более и болѣе усваивалась интеллигентными общественными сферами. 1861-63 гг. являются моментомъ, когда мысль объ этихъ преобразованіяхъ пріобрѣтаетъ все болѣе опредѣленную форму, когда она кристаллизуется въ цѣломъ рядѣ адресовъ. Адреса эти составляются и въ уѣздныхъ и въ губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ, и въ нихъ властно и настойчиво указывалось правительству на необходимость вступить на путь дальнѣйшихъ реформъ, что крестьянская реформа является только первымъ актомъ, за которымъ должны послѣдовать дальнѣйшія либеральныя преобразованія.

УСИЛЕНІЕ ЛИБЕРАЛЬНАГО И РАДИКАЛЬНАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ РУССКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ПОСЛѢ 1861 г.

На ряду съ усиленіемъ радикальнаго движенія въ русскомъ обществѣ въ 1861-62 г. по-прежнему давало себя чувствовать конституціонно-либеральное теченіе. Оно преимущественно выражалось въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя исходили изъ дворянской землевладѣльческой среды. Какъ только осуществилась крестьянская реформа, всѣ вопросы, связанные съ ея проведеніемъ въ жизнь, попали въ руки мировыхъ посредниковъ, громадное большинство которыхъ въ эти первые годы послѣ опубликованія освободительнаго акта было настроено довольно либерально; такъ напримѣръ въ Калужской и Тверской губерніяхъ мировые посредники собирались на съѣзды, засѣданія которыхъ происходили публично. На этихъ общегубернскихъ совѣщаніяхъ вырабатывались пожеланія, которыя съ точки зрѣнія мировыхъ посредниковъ должны были являться руководящей нитью въ ихъ дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ. Такъ какъ выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ былъ не обязателенъ, а въ этихъ промышленныхъ губерніяхъ помѣщикамъ необходимо было получить оборотный капиталъ для перехода къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ, то вполнѣ понятно, что среди мировыхъ посредниковъ, а затѣмъ и на губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ вопросъ объ обязательномъ выкупѣ являлся кардинальнымъ пунктомъ дворянскихъ пожеланій. Въ этомъ отношеніи необходимо отмѣтить постановленія тверскихъ мировыхъ посредниковъ и тверского дворянскаго собранія въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 г. Въ это время въ Твери происходили совѣщанія по вопросу объ устройствѣ земскихъ кредитныхъ учрежденій, но въ связи съ учрежденіемъ поземельныхъ банковъ поднятъ былъ вопросъ о дальнѣйшихъ преобразованіяхъ. Для возрожденія же кредита дворянство признавало необходимыми слѣдующія реформы: 1) Преобразованіе финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не отъ произвола. 2) Учрежденіе независимаго и гласнаго суда. 3) Введеніе полной гласности во всѣ отрасли управленія, безъ чего не можетъ быть никакого довѣрія къ правительству, а слѣдовательно и къ прочности существующаго порядка. 4) Уничто-

женіе антагонизма между сословіями. Но въ заключеніе своего постановленія дворянство указывало, что эти реформы оно ждетъ не отъ правительства, а отъ самого народа, что потому-то и обнаруживаются неудачи мѣропріятій правительства, что у него нѣтъ поддержки въ общественныхъ элементахъ. „Посему дворянство не обращается къ правительству съ просьбой о совершеніи этихъ реформъ, но признавая его несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно вступить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій." Въ этомъ смыслѣ и былъ вотированъ адресъ тверского дворянства въ февралѣ 1862 г.; значитъ здѣсь впервые опредѣленно было указано на необходимость созыва народныхъ представителей. Послѣ тверского заявленія было высказано пожеланіе въ столь же конституціонномъ направленіи и московскимъ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ въ томъ же 1862 г. Московское дворянство просило мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель, публичности бюджета, свободы печати и созванія въ Москвѣ земской думы изъ всѣхъ классовъ для приготовленія цѣльнаго проекта реформъ. Но если такъ говорила старая Москва, та столица, въ которой когда-то созывались земскіе соборы 17 вѣка, въ которой была созвана знаменитая Екатерининская законодательная комиссія, то и въ Петербургѣ, несмотря на его бюрократическую атмосферу, идея народнаго представительства также нашла своихъ защитниковъ.

Въ петербургскомъ дворянскомъ губернскомъ собраніи царскосельскій предводитель Платоновъ выступилъ съ проектомъ созыва общеземской думы, въ которой обсуждались бы дѣла, касающіяся всѣхъ сословій, всѣхъ губерній и уѣздовъ. При этомъ Платоновъ указывалъ, что въ этой общеземской думѣ дворянамъ, какъ наиболѣе образованнымъ, наиболѣе подготовленнымъ къ общественной дѣятельности, надо дать извѣстное преобладаніе.- Слѣдовательно, въ цѣломъ рядѣ дворянскихъ собраній идея конституціоннаго представительства, идея общеземской думы ярко успѣла проявиться. И правительство должно было почувствовать, что среди передового землевладѣльческаго класса идея народнаго представительства находитъ себѣ

значительное количество защитниковъ. Поэтому насъ не должно удивлять, что въ началѣ 1863 года новому министру внутренн. дѣлъ Валуеву, опирающемуся преимущественно на дворянскіе олигархическіе элементы, поручено было императоромъ Александромъ II выработать проектъ о расширеніи состава Государственнаго Совѣта представителями отъ будущихъ земскихъ учрежденій и городскихъ думъ. Валуевъ принялся за разработку своего проекта, который и былъ въ общихъ чертахъ готовъ къ концу 1863 г. По предположенію Валуева при Государственномъ Совѣтѣ, какъ законосовѣщательномъ учрежденіи, должна была засѣдать подготовительная комиссія въ родѣ тѣхъ редакціонныхъ комиссій, которыя выработали проектъ крестьянской реформы. Въ составъ этой подготовительной комиссіи входило 60 представителей - отъ губернскихъ земскихъ собраній, по 3 депутата отъ Москвы и Петербурга и по 1 депутату отъ 12 другихъ крупныхъ губернскихъ городовъ. Окраины въ родѣ Сибири и Кавказа, въ которыхъ не предполагалось введеніе земскихъ учрежденій, должны были быть представлены 32 представителями; сверхъ того правительство назначало 30 депутатовъ по своему выбору. Черезъ эту комиссію должны были проходить всѣ законопроекты прежде внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ. Но въ то время когда и въ общественныхъ и въ правительственныхъ сферахъ все вниманіе было направлено на осуществленіе конституціонныхъ плановъ, которые уже давно занимали передовые элементы русскаго общества, произошло много важныхъ событій, оказавшихъ вліяніе на правительственныя и общественныя сферы. Дѣло въ томъ, что конституціонному движенію въ дворянскихъ кругахъ далеко не всѣ сочувствовали. Даже такіе представители передовой дворянской интеллигенціи, какъ Кавелинъ и Самаринъ, и тѣ относились отрицательно къ заявленіямъ дворянскихъ собраній объ учрежденіи земской думы или о созывѣ народнаго представительства. Такъ Кавелинъ говорилъ, что общенародное земское собраніе у насъ немыслимо до тѣхъ поръ, пока умы не будутъ воспитаны на идеѣ представительства въ земскихъ губернскихъ собраніяхъ; только тогда, когда русское общество пройдетъ эту предварительную школу, можно говорить о созывѣ общегосударственнаго земскаго совѣта. Слѣдовательно, идея земскихъ учрежде-

нiй въ глазахъ Кавелина была въ это время гораздо цѣннѣй, чѣмъ принципъ общегосударственнаго представительства.

Что касается Самарина, то онъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ съ иной точки зрѣнiя: общенародной демократической конституцiи у насъ сейчасъ быть не можетъ, а представительство олигархическаго направленiя не отражаетъ настроенiе народа и является ложью и обманомъ. Но если такъ разсуждали публицисты изъ передового дворянскаго лагеря, то разночинная интеллигенцiя относилась отрицательно къ этимъ дворянскимъ заявленiямъ совершенно по другимъ побужденiямъ. Въ ея глазахъ вопросъ о конституцiи, вопросъ о преобразованiи государственнаго строя, стоялъ на заднемъ планѣ; надо было разрѣшать проблему хозяйственную и соцiальную, а также вопросы культурно-просвѣтительные; слѣдовало прежде всего поднять экономическое и культурное положенiе широкой народной массы. Въ этомъ смыслѣ и предполагало дѣйствовать общество „Земля и Воля", учрежденное въ 1861 г. Серно-Соловьевичемъ, которое однако вскорѣ должно было распасться. Въ этомъ смыслѣ пропагандировали идею всесторонней эмансипацiи такiе передовые публицисты, какъ Чернышевскiй, Добролюбовъ и Писаревъ въ „Современникѣ" и въ „Русскомъ Словѣ". Борьба за индивидуальность, за освобожденiе личности отъ всякаго рода путъ какъ общественныхъ такъ семейныхъ, борьба съ рутиной и традицiонными авторитетами сдѣлались лозунгомъ молодого поколѣнiя. Надо было уничтожить то темное царство, въ которомъ прозябало русское общество цѣлыми вѣками, надо было разбросать ту громадную кучу Сильвестровскаго Домостроя, которая давила русскую личность вѣковыми предразсудками. Въ этомъ смыслѣ статьи Добролюбова, удивительныя по своему содержанiю и превосходныя по своей формѣ, были какъ бы набатомъ, призывающимъ русское общество къ новой жизни. Когда онъ умеръ въ 1861 г., его дѣло продолжалъ Писаревъ. Писаревъ, отличавшiйся блестящимъ талантомъ и громаднымъ энтузiазмомъ, стоялъ на точкѣ зрѣнiя радикальнаго мiровоззрѣнiя современной молодежи: „все то, что не будетъ разбито подъ напоромъ молодыхъ силъ, пусть существуетъ, говорилъ онъ, все то, что не выдержитъ удара этого молодого обновляющаго молота и будетъ разбито вдребезги, не

должно впредь существовать." Значитъ, уничтоженіе старыхъ авторитетовъ, борьба за новые освободительные принципы - вотъ къ чему стремилась передовая радикальная интеллигенція.

Что касается Чернышевскаго, этого наиболѣе образованнаго народника того времени, то въ его глазахъ необходимость осуществленія самыхъ широкихъ соціальныхъ преобразованій, главнымъ образомъ проведенія обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ, стояла на первомъ планѣ. Чернышевскій потому и относился довольно отрицательно къ выступленіямъ дворянъ-либераловъ, что былъ увѣренъ, что ихъ конституціонные проекты въ результатѣ отодвинутъ на задній планъ широкое, всестороннее разрѣшеніе соціальной проблемы. Но когда онъ почувствовалъ въ заявленіи тверскихъ дворянъ нѣкоторое проявленіе истиннаго демократизма, онъ въ своихъ „письмахъ безъ адреса", которыя не были въ то время опубликованы и увидѣли свѣтъ только въ 1874 г., сочувственно отзывался о заявленіяхъ передовой дворянской интеллигенціи. Онъ указывалъ, что въ настоящее время идея конституціонализма довольно широко развита въ обществѣ и питается всеобщимъ недовольствомъ; недовольны и чиновники и духовенство, недовольны и дворяне и крестьяне. Вотъ для того, чтобы это недовольство могло найти себѣ законный выходъ, и надо созвать представителей всего русскаго народа. Но, конечно, точка зрѣнія Чернышевскаго, какъ наиболѣе опытнаго, наиболѣе уравновѣшеннаго народника, не могла пользоваться всеобщимъ признаніемъ въ радикально настроенной молодежи. Онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ въ глазахъ широкихъ круговъ читателей „Современника" и поклонниковъ его популяризаторской дѣятельности. Но въ глазахъ молодыхъ поколѣній принципы, исповѣдываемые Писаревымъ, находили себѣ значительно бо́льшее признаніе; молодежь стремилась немедленно пропагандировать идеи, почерпнутыя изъ писаревскихъ статей, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Поэтому идея служенія народу, стремленіе подойти къ широкимъ массамъ посредствомъ воскресныхъ школъ, организаціи народныхъ читаленъ и библіотекъ и другой культурно-просвѣтительной работы находитъ чрезвычайно много сторон-

никовъ. Въ этомъ отношеніи 1861-1862 гг. являются кульминаціоннымъ пунктомъ напряженной культуртрегерской работы въ передовыхъ слояхъ тогдашней молодежи. Эта молодежь находилась въ возбужденномъ, наэлектризованномъ состояніи, и, конечно, университеты, которые по остроумному выраженію Пирогова, были какъ бы лучшимъ общественнымъ барометромъ, являлись центромъ этого новаго настроенія учащейся молодежи. Эта молодежь уже въ 1861 г. дала понять правительственнымъ сферамъ, что она не потерпитъ никакого гнета. Когда новый министръ народнаго просвѣщенія адмиралъ Путятинъ вздумалъ издать строгія правила, которыми хотѣлъ регламентировать студенческую жизнь въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, а 8 февраля 1861 г. въ Петербургѣ запрещена была актовая рѣчь профессора Костомарова объ историческихъ трудахъ только что скончавшагося К.С.Аксакова, студенческая масса въ Петербургѣ начала волноваться. Волненія изъ Петербургскаго университета перекинулись въ Москву, и такимъ образомъ 1861 г. является моментомъ, когда студенческое движеніе принимаетъ болѣе широкій, не только академическій, но даже политическій характеръ. Правительство было перепугано этимъ неожиданнымъ движеніемъ, и министръ народнаго просвѣщенія Путятинъ писалъ своему другу, митрополиту Филарету: „цѣль преступныхъ дѣйствій направлена къ ниспроверженію существующаго порядка и даже,повидимому, династіи".

НАЧАЛО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕАКЦІИ.

Все это заставляло думать правительство, что радикальное движеніе слишкомъ широко разлито въ обществѣ. Поэтому, когда въ началѣ 1862 г. начались пожары въ Петербургѣ, въ Саратовѣ и другихъ поволжскихъ городахъ, то въ правительственныхъ сферахъ были увѣрены, что они устроены большимъ революціоннымъ обществомъ, что такимъ образомъ радикальныя организаціи хотѣли терроризировать правитель-

ственныя сферы. Но какъ теперь выяснено цѣлымъ рядомъ современниковъ, эти пожары были чисто провокаціоннаго характера. Они были прекраснымъ способомъ со стороны реакціонныхъ элементовъ, отчасти общественныхъ, отчасти правительственныхъ - показать Александру II и лицамъ, стоящимъ у кормила правленія, до какихъ предѣловъ можетъ дойти нигилистическая пропаганда въ обществѣ. Не даромъ И.С. Тургеневу одинъ изъ высокопоставленныхъ его знакомыхъ сказалъ: „Вотъ что дѣлаютъ ваши нигилисты, жгутъ Петербургъ." Можетъ быть, въ связи съ этими явленіями, принимавшими довольно стихійный, грозный характеръ, а, можетъ быть, съ тѣми фактами, которые имѣли мѣсто въ 1863 г. въ Польшѣ, въ которой вспыхнуло новое возстаніе, начавшееся тѣмъ, что перерѣзанъ былъ русскій гарнизонъ въ Варшавѣ и принявшее широкій, чисто революціонный характеръ, въ обществѣ начинаетъ обнаруживаться охранительное и даже шовинистическое настроеніе. Среди тѣхъ самыхъ либераловъ, которые раньше проявляли себя какъ сторонники обновленнаго строя, какъ сторонники созыва земской думы, проявляется боязнь того, какъ бы будущее народное представительство не вступило на путь самыхъ коренныхъ радикальныхъ реформъ. Въ этомъ отношеніи 1863 г. является моментомъ кризиса не только правительственнаго, но и общественнаго; въ этомъ отношеніи польское возстаніе сыграло свою рѣшающую роль. Когда Польша была охвачена революціоннымъ броженіемъ и для подавленія его отправленъ былъ Муравьевъ съ самыми чрезвычайными полномочіями, а Герценъ вмѣстѣ съ тѣмъ прямо сталъ на защиту польскаго дѣла и доказывалъ необходимость дарованія Польшѣ самыхъ широкихъ политическихъ правъ, въ Зап.Европѣ, особенно во Франціи и Англіи, ярко проявилось стремленіе принять Польшу подъ свое покровительство и посредствомъ дипломатическаго вмѣшательства оказать извѣстное содѣйствіе при разрѣшеніи польско-русскаго конфликта. Можетъ быть потому, что это дипломатическое вмѣшательство явилось своего рода оскорбленіемъ русскаго національнаго чувства, въ отвѣтъ на тѣ шаги, которые приняты были французскими и англійскими дипломатами, вспыхнуло и проявилось довольно сильное патріотическое возбужденіе въ дворянскихъ и городскихъ общественныхъ кру-

гахъ. Началось то знаменитое адресное движеніе, которое въ 1863 г. правительствомъ было принято довольно благожелательно. Всѣ адреса, особенно отъ дворянскихъ собраній, проводили ту мысль, что правительство можетъ вполнѣ надѣяться на поддержку общества въ борьбѣ съ внутреннимъ и съ внѣшнимъ врагомъ. Въ этомъ отношеніи характеренъ адресъ отъ московскихъ старообрядцевъ, редактированный, какъ говорятъ, Катковымъ, въ который была включена знаменательная фраза: Въ новизнахъ твоего царствованія старина наша слышится.

17 апрѣля 1863 г. Александръ II, принимая всѣ депутаціи, которыя представили ему адреса, благодарилъ ихъ за содѣйствіе и поддержку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ министру иностранныхъ дѣлъ кн.Горчакову въ отвѣтной циркулярной нотѣ ко всѣмъ иностраннымъ правительствамъ указать, что правительство не оставляетъ намѣренія проводить широкія муниципальныя реформы, что оно никогда не вступитъ на путь реакціи, и его лозунгомъ будетъ стремленіе итти впередъ безъ слабостей и безъ отступленій. Въ этомъ смыслѣ оповѣщены были всѣ иностранныя державы. Такимъ образомъ въ 1863 г. намѣчался дальнѣйшій курсъ русскаго правительства. Оно будетъ стремиться къ реформѣ, но къ реформѣ не особенно широкой, не особенно радикальной, такой, которая могла бы дать извѣстную возможность стремленіямъ русскаго общества найти себѣ примѣненіе на практикѣ. Что касается болѣе радикальныхъ общественныхъ элементовъ, то они въ связи съ петербургскими пожарами и съ распространявшимися въ обществѣ прокламаціями потерпѣли большой уронъ. Чернышевскій и Писаревъ были арестованы. Писаревъ былъ присужденъ къ 2 1/2 гг. тюремнаго заключенія, а что касается Чернышевскаго, то ему приписали между прочимъ составленіе прокламаціи „къ барскимъ крестьянамъ", въ которой рекомендовались самыя террористическія мѣры для расправы съ землевладѣльцами. Хотя Чернышевскій и отрицалъ фактъ составленія имъ этой прокламаціи, но особымъ присутствіемъ Сената онъ былъ осужденъ на 14 лѣтъ каторжныхъ работъ; правда, этотъ приговоръ былъ нѣсколько смягченъ государемъ - срокъ каторжныхъ работъ былъ сокращенъ на 6 лѣтъ; но во всякомъ случаѣ процессъ и осужденіе Чернышевскаго является самымъ темнымъ пятномъ правительственныхъ мѣропріятій

60-хъ годовъ. Одно лицо, близко стоящее къ правительственнымъ сферамъ, признавалось впослѣдствіи, что Чернышевскій былъ осужденъ только потому, что правительство слишкомъ боялось его сильнаго вліянія на широкіе общественные круги.

Что касается Александра II, то онъ въ 1863 г. въ программномъ разговорѣ съ Милютинымъ, отправленнымъ въ Польшу для содѣйствія по умиротворенію этого края, высказалъ, что самъ онъ не является врагомъ конституціонныхъ учрежденій, но не можетъ дать эти учрежденія бунтующей Польшѣ прежде, чѣмъ не дастъ ихъ лояльной Россіи; эту же послѣднюю онъ еще не считаетъ созрѣвшей для народно-представительнаго строя. Значитъ, высшее правительство предполагало итти навстрѣчу общественнымъ заявленіямъ въ томъ смыслѣ, чтобы создать на мѣстахъ органы общественнаго представительства, и только тогда, когда общество созрѣетъ для государственнаго представительства,образовать ту земскую думу, то общеземское государственное собраніе, о которыхъ говорили многія дворянскія конституціонныя заявленія. Вотъ въ какой атмосферѣ развивались правительственныя начинанія въ первое время послѣ осуществленія крестьянской реформы. Атмосфера эта далеко не была спокойной, и сверху и снизу были извѣстные тревожные симптомы, то тамъ, то здѣсь обнаруживались подводные камни.

ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА 1862-1863 гг.

Намѣчая себѣ опредѣленную цѣль, правительство хотѣло осуществить рядъ такихъ преобразованій, которыя могли бы удовлетворить наиболѣе умѣренныя, наиболѣе легальныя общественныя группы. Первая реформа, которая осуществилась въ началѣ 60-хъ гг. и шла какъ бы навстрѣчу общественнымъ заявленіямъ, была реформа финансоваго вѣдомства. Она осуществлена была при ближайшемъ участіи Татаринова, одного изъ наиболѣе выдающихся и образованныхъ финансистовъ того времени. Онъ поставилъ себѣ 2 цѣли: во-первыхъ, реформировать наше финансовое вѣдомство,- сконцентрировавъ всѣ государственные доходы въ одно министерство, установить такъ на-

зываемое единство кассы, такъ, чтобы министерство финансовъ являлось единственнымъ органомъ для завѣдыванія государственными доходами и расходами, и во-вторыхъ установить правильный контроль надъ всѣми государственными расходами такъ, чтобы контрольныя учрежденія и въ центрѣ и на мѣстахъ были вполнѣ независимы отъ другихъ вѣдомствъ. Вотъ эти два принципа и осуществлены были въ теченіе 1862-1866 г.г. Всѣ кассы отдѣльныхъ министерствъ были уничтожены и все вѣдомство государственнаго казначейства было сосредоточено въ министерствѣ финансовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1862 г. стали публиковаться наши приходо-расходныя росписи, такъ что и въ Россіи, и заграницей могли имѣть полное представленіе о состояніи русскаго государственно-хозяйственнаго баланса. Кромѣ того было учреждено контрольное вѣдомство, во главѣ котораго поставленъ былъ самъ Татариновъ. Это вѣдомство было вполнѣ независимо отъ другихъ министерствъ. Контрольныя палаты, органы этого вѣдомства въ губерніяхъ были также поставлены внѣ вліянія мѣстной губернской администраціи. Въ контрольной палатѣ провѣрялись всѣ счета, денежныя расходныя записи уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій и затѣмъ производилась общая сводка по всей Россіи въ Государственномъ контролѣ въ Петербургѣ. Эта сводная контрольная роспись, отчасти черезъ Государственный совѣтъ, представлялась на усмотрѣніе государя. Такимъ образомъ, бо́льшая планомѣрность въ распредѣленіи народныхъ средствъ, бо́льшая осмотрительность въ ихъ тратѣ - вотъ что преслѣдовалъ Татариновъ въ своей финансовой реформѣ. Вмѣстѣ съ этимъ отмѣненъ былъ 1863 г. одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ источниковъ государственнаго дохода, именно, винный откупъ. Какъ растлѣвающе вліяла эта винная откупная система, можетъ показать тотъ фактъ, что откупщики держали на откупѣ не только народную массу, которую они систематически спаивали, но и мѣстную губернскую администрацію, которой откупщиками давалось совершенно открыто жалованіе, нерѣдко превышающее получаемое отъ правительства содержаніе. Имѣя мѣстную администрацію на своемъ откупѣ, на своемъ содержаніи, винные откупщики могли творить все, что имъ было угодно. И другой налогъ, столь же обременительный для народной массы, - соляной, былъ отмѣненъ въ 1867 г.

Конечно, кромѣ этихъ косвенныхъ источниковъ государственнаго поступленія, надо было въ связи съ раскрѣпощеніемъ народной массы измѣнить въ корнѣ наше податное обложеніе. Многіе дворянскія собранія уже давно указывали, что подушная подать должна быть отмѣнена навсегда.- „Что не праведенъ тотъ порядокъ, когда бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ ни копейки", и податная реформа давно уже, можно сказать, стучалась въ двери. Но въ теченіе всего царствованія Александра II, вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати, хотя и поднимался неоднократно, но разрѣшенъ окончательно не былъ.

РЕФОРМЫ ВЪ СФЕРѢ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

На ряду съ реформой финансовой въ тѣ же годы разрабатывали другія преобразованія, именно, вопросы, связанные съ организаціей народнаго просвѣщенія. Дѣло народнаго просвѣщенія было сдвинуто самой жизнью въ связи съ раскрѣпощеніемъ крестьянской массы. Надо было образовать широкую сѣть народныхъ школъ, надо было поставить на другихъ основаніяхъ и среднія школы, носившія въ громадномъ большинствѣ случаевъ дворянскій привилегированный характеръ, надо было дать возможность получить среднее образованіе не только мужчинамъ, но и женщинамъ и, наконецъ, завершить всю эту сѣть низшихъ и среднихъ школъ организованными заново высшими учебными заведеніями. Что касается народнаго образованія, то оно въ дореформенной Россіи было въ самомъ плачевномъ состояніи. Къ концу царствованія Николая I на 63,800 слишкомъ тысячъ населенія приходилось 8,227 школъ съ 450 тыс. учащимися. Но при этомъ школы были далеко неравномѣрно распредѣлены: на всю Сибирь приходилось всего на всего 312 школъ, а 3 Прибалтійскія губерніи 6088; сверхъ того громадное большинство народныхъ школъ было церковно-приходскими, которыхъ насчитывалось 4,713 и числилось въ нихъ 93,350 учащихся. Вполнѣ понятно, что съ момента, когда уничтожена была крѣпостная зависимость, вопросъ объ учрежденіи новой народной школы на иныхъ, не церковныхъ, а свѣтскихъ началахъ былъ поставленъ на очередь, и закономъ 1864 г. была открыта возможность учреждать эти но-

вия школы, главнымъ образомъ, путемъ общественнаго почина. Новые органы самоуправленія земства и получили въ свои руки завѣдываніе низшимъ народнымъ образованіемъ и народныя школы открывались ими (земствами) подъ наблюденіемъ правительства. Организованъ былъ надзоръ училищныхъ совѣтовъ уѣздныхъ и губернскихъ, въ которыхъ и имѣли мѣсто представители земскаго и городского самоуправленія. Что касается средней школы, то она въ 60-хъ гг. не была реформирована; ея реформа относится къ болѣе позднему времени, къ 70-мъ гг., и при этомъ реформа средней школы была проведена въ реакціонномъ классическомъ направленіи.

Къ началу 60-хъ гг. относится возникновеніе средней школы новаго типа, именно реальныхъ училищъ, соотвѣтствующихъ практическимъ требованіямъ переживаемаго момента. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1859 г. стали открываться женскія учебныя заведенія, которыя взяла подъ свое покровительство императрица Марія Александровна. На ряду съ прежними закрытыми привилегированными женскими учебными заведеніями - институтами теперь стали появляться въ губернскихъ и даже уѣздныхъ городахъ женскія гимназіи, уже всесословныя и для приходящихъ ученицъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ починъ открытія этихъ учебныхъ заведеній исходилъ не отъ правительства, а отъ мѣстныхъ городскихъ, земскихъ и сословныхъ учрежденій. Но особенно большое значеніе имѣетъ университетская реформа, которой завершились правительственныя мѣропріятія въ сферѣ народнаго образованія и которая дала новое направленіе и научной и педагогической дѣятельности въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ царствованіе Николая I русскіе университеты влачили самое жалкое существованіе. Хотя въ уставѣ 1835 г. и сохранена была автономія съ выборными должностными лицами - ректоромъ и деканами, но уже вскорѣ, подъ вліяніемъ общаго реакціоннаго курса нашей внутренней политики, отъ этого устава почти ничего не осталось. Особенно сильно правительственный гнетъ сталъ давать себя чувствовать въ высшей школѣ послѣ 1848 г., когда въ связи съ революціонными событіями въ Западной Европѣ правительство Николая I пошло по пути всеобщаго застоя; нѣкоторые университеты при этомъ были да-

же непосредственно подчинены общей администраціи и притомъ не гражданской, а военной, какъ это было, напримѣръ, въ Харьковѣ и Кіевѣ. Что касается университетскихъ преподавателей и студентовъ, то и тѣ, и другіе были отданы подъ бдительный начальственный надзоръ. Всѣ начальствующія лица и профессора университета должны были отличаться особымъ благомысліемъ и читать свои лекціи не иначе, какъ по программамъ, утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія; никакого отступленія отъ нихъ, никакого стремленія вдохнуть новую струю въ научное преподаваніе не допускалось. Заграничныя командировки съ научными цѣлями были воспрещены; нѣкоторые предметы, какъ, напр., исторія философіи и политическая экономія, были совершенно изъяты изъ сферы преподаванія. Что касается студенчества, то установленъ былъ комплектъ въ 300 человѣкъ на весь университетъ, при этомъ введена была инспектура, которая подчинена была обще-гражданской администраціи, и студенчество, какъ въ университетѣ, такъ и внѣ стѣнъ онаго, находилось подъ бдительнымъ начальственнымъ надзоромъ.

Въ правительственныхъ сферахъ въ эти годы реакціи иногда даже высказывалась мысль закрыть всѣ университеты и нѣкоторыя среднія школы, чтобы парализовать духъ свободы и вольномыслія, дававшій все-таки себя чувствовать. Но съ момента, когда надъ Россіей разразился кризисъ Севастопольскаго погрома 1855 г., для всѣхъ стало ясно, что Западная Европа одержала верхъ надъ Россіей только благодаря своему просвѣщенію; это призналъ даже и самъ министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ осуществлявшій самыя реакціонныя мѣры. Въ началѣ новаго царствованія прежній суровый режимъ былъ отмѣненъ, разрѣшены были научныя командировки заграницу, открытъ былъ доступъ въ университетъ многочисленнымъ вольнослушателямъ; въ Петербургскомъ университетѣ на лекціяхъ наиболѣе популярныхъ профессоровъ, напримѣръ, Костомарова, читавшаго тамъ курсъ русской исторіи, можно было встрѣтить и офицеровъ, и лицъ духовнаго званія, и даже дамъ высшаго общества. Въ связи съ новыми вѣяніями всталъ вопросъ о реформѣ университетскаго преподаванія и о пересмотрѣ университетскаго устава. Волей неволей приходилось итти навстрѣчу властнымъ требованіямъ жизни. И хотя такіе обску-

ранты, какъ стоявшій нѣкоторое время во главѣ министерства народнаго просвѣщенія адмиралъ Путятинъ, и хотѣли суровыми мѣрами подавить проявленія свободной мысли, какъ среди учащихъ, такъ и среди учащихся, но эти эксперименты долго продолжаться не могли. Послѣ студенческихъ волненій 1861 г. во главѣ министерства поставленъ былъ просвѣщенный и дѣятельный Головнинъ, при которомъ вопросъ объ университетской реформѣ вступилъ въ новую стадію своего развитія. Можетъ быть, благодаря тому, что происходили студенческіе безпорядки, поставленные въ связь съ широкимъ общественнымъ подъемомъ, въ новомъ уставѣ проводился принципъ академической автономіи, распространявшейся исключительно на преподавательскую среду. Въ этомъ смыслѣ и былъ выработанъ университетскій уставъ при содѣйствіи многихъ научныхъ силъ, при участіи даже нѣкоторыхъ представителей университетской науки въ Западной Европѣ, получившій утвержденіе государя 18 іюня 1863 г. По новому уставу университетъ почти избавлялся отъ надзора со стороны попечителя учебнаго округа. Во главѣ университета поставлены были выборныя власти - ректоръ, его помощникъ и деканы по выбору университетскаго совѣта. Профессорскія каѳедры замѣщались не по назначенію министерства, а по выбору совѣта, на основаніи научныхъ заслугъ и педагогической подготовки того или другого кандидата. Много новыхъ каѳедръ вводилось по уставу 1863 г. и содержаніе профессорамъ было увеличено. Что касается студенческихъ обществъ, то они разрѣшались только при условіи, - если преслѣдовали исключительно научно-образовательныя цѣли; всякаго рода товарищескія организаціи, какъ-то: кассы взаимопомощи, землячества и тому подобное были воспрещены; точно также и не допускались студенческія сходки. Но даже и при такихъ серьезныхъ дефектахъ, уставъ 1863 г. имѣлъ громадное вліяніе на развитіе высшей школы и научной мысли въ Россіи. Профессора теперь не были стѣснены въ дѣлѣ преподаванія; признана была свобода изслѣдованія, ученія и обученія; установилось извѣстное общеніе между профессорами и студентами и, что важнѣе всего, въ аудиторіи появилась живая научная атмосфера. А вѣдь только при одномъ условіи, если между преподавателемъ и его слушателями устанавливается живой обмѣнъ мыслей по поводу изучаемаго предмета, и воз-

можно цѣлесообразно преподавать въ высшей школѣ. Что касается новыхъ каѳедръ, которыя вводились уставомъ 1863 г., то здѣсь замѣтна значительная уступка духу времени. Особенно было расширено преподаваніе естественныхъ наукъ; а это былъ какъ разъ моментъ, когда естествовѣдѣніе далеко шагнуло впередъ. Только при условіи, чтобы съ преподаванія въ высшей школѣ было снято начальственное воздѣйствіе, возможно было появленіе тѣхъ новыхъ научныхъ силъ, которыя записали свои имена крупными буквами въ лѣтописи университетской жизни. Такимъ образомъ, школа была избавлена отъ начальственной опеки, и установилась та свобода преподаванія, о которой мечтали лучшіе люди конца 40 и начала 50 гг.

ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА 1863 г.

86%.

После паденія крѣпостного права судебные уставы 20-го ноября 1864 г., безъ различія, признавали наиболѣе важной и неотложной мѣрой реформу мѣстнаго самоуправленія и реформу судебнаго вѣдомства. Въ раскрѣпощенной Россіи послѣ 1861 г. нельзя было оставаться при прежнихъ условіяхъ мѣстной администраціи и при старомъ, дореформенномъ, изжившемъ самого себя, судѣ. Вѣдь тотъ сословный строй, на которомъ покоилось существованіе дореформенной Россіи, показалъ полную свою непригодность; та рѣзкая демаркаціонная черта, которая отдѣляла господъ отъ крестьянъ, землевладѣльцевъ отъ земледѣльцевъ въ прежнее время, была стерта однимъ росчеркомъ пера 19-го февраля 1861 г. И въ новыхъ условіяхъ раскрѣпощенной жизни возможно было съ одной стороны обсужденіе мѣстныхъ вопросовъ сословными представителями всѣхъ общественныхъ группъ, а съ другой стороны, разрѣшеніе тѣхъ конфликтовъ, которые возникали по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, не въ сословномъ, обособленномъ, изолированномъ судѣ, а судѣ новомъ безсословномъ, равномъ для всѣхъ общественныхъ группъ. Такимъ образомъ, реформы земская и судебная выдвигались сами собой, ходомъ всей обновленной русской жизни. Не даромъ всѣ постановленія губернскихъ комитетовъ и дворянскихъ собраній, всѣ адреса, которые пода-

вались Александру II, неумолчно твердили о созданіи безсословнаго выборнаго хозяйственнаго правленія на мѣстахъ и введеніи гласнаго суда присяжныхъ, суда общественной совѣсти. Но эти обѣ реформы, и земская, и судебная разрабатывались и подготовлялись далеко не при одинаковыхъ условіяхъ; одна изъ нихъ, земская реформа разрабатывалась въ нѣдрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а другая, судебная, подготовлялась въ особой комиссіи при государственной канцеляріи; но и на той и на другой сказалось вліяніе правительственныхъ сферъ и тѣхъ лицъ, съ которыми правительству было возможно совѣщаться. Непосредственно общественнаго воздѣйствія на разработку этихъ преобразованій не было, потому что въ эти годы, именно въ 1861-1864 гг. въ правительственныхъ сферахъ замѣтно уже понятное движеніе, приведшее позднѣе къ затяжной реакціи. Я уже вамъ очертилъ тотъ фонъ, тѣ факты, которые подготовили эту реакцію, и на этомъ фонѣ ярко обнаруживается боязнь правительства провести реформу въ широкомъ радикальномъ духѣ.

ДОРЕФОРМЕННАЯ ПРОВИНЦІЯ И ДОРЕФОРМЕННЫЙ СУДЪ.

Но прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ этихъ преобразованій, выяснить значеніе ихъ для дѣла дальнѣйшаго русскаго историческаго развитія, я намѣчу вамъ въ общихъ чертахъ положеніе мѣстной администраціи и суда дореформенной Россіи, эпохи Николая I. Это насъ вводитъ въ кругъ тѣхъ вопросовъ, около которыхъ вращалась и правительственная и общественная мысль въ сферѣ только что указанныхъ мною преобразованій.

Сословный принципъ проходилъ рѣзкой чертой черезъ всѣ мѣстныя учрежденія дореформенной Россіи. Эти учрежденія покоились на учрежденіи для управленія губерніей въ 1775 году, составленномъ Екатериной II, но съ нѣкоторыми добавленіями, внесенными Жалованной Грамотой дворянству 1785 г. Сверхъ того, въ царствованіе Николая I были произведены нѣкоторыя измѣненія въ сферѣ мѣстной администраціи въ 30-хъ гг. XIX вѣка.

Въ общей сложности, администрація и судъ рисовались въ такихъ очертаніяхъ. Во главѣ губерніи стоялъ губернаторъ, который по наказу 1837 г. именовался хозяиномъ губерніи; при немъ начинали службу представители наиболѣе богатыхъ и крупныхъ дворянскихъ фамилій. Губернаторъ давалъ тонъ всей мѣстной администраціи. Какого-нибудь самоуправленія, кромѣ дворянскаго, въ губерніи не было; но выборные отъ дворянскаго общества и городской думы принимали участіе въ такъ наз. комитетѣ земскихъ повинностей, который собирался разъ въ 3 года подъ предсѣдательствомъ губернатора въ составѣ цѣлаго ряда должностныхъ лицъ, именно - управляющаго казенной палатой, управляющаго палаты государственныхъ имуществъ, управляющаго удѣльнымъ вѣдомствомъ, а также депутатовъ отъ дворянства и городской думы. Этимъ комитетомъ намѣчались тѣ налоги, которые взимались съ мѣстнаго населенія, преимущественно съ крестьянской массы, якобы, на мѣстныя нужды. Затѣмъ проектъ росписи мѣстныхъ налоговъ направлялся въ министерство финансовъ, гдѣ составлялась общая сводка по всей имперіи. Но они далеко не шли на мѣстныя потребности; изъ этихъ средствъ строились казармы, воздвигались тюрьмы, содержалась мѣстная низшая администрація; хотя кое-что и тратилось на улучшеніе дорогъ, починку мостовъ. Но самые насущные вопросы, касающіеся народнаго здравія, народнаго образованія, народнаго продовольствія почти что оставались въ тѣни. Что касается мѣстной полиціи, то она была чисто дворянскаго происхожденія, - капитанъ-исправникъ, стоявшій во главѣ уѣзда, выбирался на дворянскомъ собраніи, а становые пристава, хотя назначались губернаторомъ, но изъ кандидатовъ, намѣчаемыхъ мѣстнымъ дворянствомъ. Такимъ образомъ въ дореформенной провинціи администрація носила исключительно дворянскій характеръ, и вполнѣ естественно, что дворяне чувствовали себя спокойно подъ ферулой этой почти что сословно-административной власти. Въ рукахъ этой администраціи сверхъ того находилась слѣдственная власть по уголовнымъ преступленіямъ. Слѣдовательно судъ былъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ администраціей, такъ какъ первая стадія судебнаго разбирательства, именно слѣдствіе находилось въ рукахъ мѣстныхъ полицейскихъ и административныхъ органовъ. Что касается дореформеннаго суда, то онъ отличался цѣлымъ рядомъ

особенностей: во-первыхъ, большимъ количествомъ инстанцій. Эти инстанціи, установленныя еще Екатерининскимъ законодательствомъ, были затѣмъ нѣсколько видоизмѣнены. Кромѣ низшихъ судебныхъ мѣстъ, уѣзднаго суда, городового магистрата и нижней земской расправы, мы видимъ еще въ губерніи вторую инстанцію: верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и верхнюю земскую расправу *), и третью-палату уголовнаго суда и палату гражданскаго суда. Это чисто судебное учрежденіе, надъ которымъ въ качествѣ ревизіонной власти стоялъ губернаторъ. Затѣмъ дѣла, прошедшія эти 3 инстанціи, направлялись въ Сенатъ, изъ Сената въ извѣстныхъ случаяхъ въ департаментъ Государственнаго Совѣта, а иногда даже въ общее собраніе Государственнаго Совѣта; затѣмъ, бывали случаи, когда дѣло восходило на благоусмотрѣніе верховной власти. Очень часто изъ высшей инстанціи дѣло переходило опять въ низшую и обратно. Такимъ образомъ по нѣсколько разъ одинъ и тотъ же процессъ проходилъ и высшую и низшую инстанцію. Вторымъ отличительнымъ признакомъ стараго дореформеннаго суда была сословность. Каждое сословіе имѣло свой судъ,- дворяне уѣздный судъ, городскіе жители - городовой магистратъ, свободные крестьяне - нижнюю земскую расправу. Что касается послѣдующихъ органовъ судебнаго вѣдомства, то они уже были не сословными по своему составу, хотя въ большинствѣ случаевъ члены палатъ были дворянами по происхожденію. Такимъ образомъ, привилегированное сословіе являлось въ этихъ судахъ господствующимъ элементомъ. Что касается крѣпостныхъ, то они только по тяжкимъ уголовнымъ преступленіямъ подлежали юрисдикціи общихъ судебныхъ мѣстъ, а во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ судились или своимъ помѣщикомъ или его замѣщающимъ управляющимъ и бургомистромъ. Сверхъ того старый судъ былъ покрытъ атмосферой канцелярской тайны; всѣ дѣла въ немъ и начинались, и проходили, и завершались подъ покровомъ судебной тайны не устно, а письменно. Слѣдственная власть, въ лицѣ полицейскихъ органовъ, производила дознаніе, опросъ обвиняемыхъ и свидѣтелей, затѣмъ составляла письменный актъ, который препровождался въ канцелярію, гдѣ составлялась

---

*) *Сословные суды 2-ой инстанціи, введенные законодательствомъ Екатерины II, были упразднены Павломъ I и затѣмъ уже не возстановлялись.*

изъ этого слѣдственнаго матеріала выписка, и съ этой выпиской имѣлъ дѣло судъ, который судилъ не по совѣсти, а на основаніи формальныхъ доказательствъ. Если слѣдствіемъ устанавливался фактъ преступленія, то на основаніи той или другой статьи закона составлялся приговоръ: онъ былъ почти всегда крайне тяжелымъ и суровымъ. Такимъ образомъ, судья имѣлъ дѣло не съ обвиняемымъ и свидѣтелями, а исключительно дѣло только съ бумагой; на основаніи этой бумаги или экстракта и произносился судебный приговоръ. Публика въ залу судебныхъ засѣданій не допускалась, гласности никакой не было и на разборъ каждаго дѣла отводилось не болѣе 3-хъ часовъ. Для разбора дѣла срокъ былъ установленъ, но предѣльнаго срока для завершенія дѣла по всѣмъ инстанціямъ не было, и поэтому иногда 20 лѣтъ проходило, пока кончался тотъ или другой процессъ. Истецъ и отвѣтчикъ, обвинитель и обвиняемый иногда сходили въ могилу, не дождавшись рѣшенія своего дѣла. Кромѣ того, язвой стараго суда было взяточничество. При невысокомъ образовательномъ уровнѣ, при незначительномъ количествѣ юристовъ съ университетскими дипломами, при скудномъ содержаніи, получаемомъ дореформенными судьями, вполнѣ понятно, что они стояли на весьма низкой ступени нравственности. Взяточничество было распространено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Даже министръ юстиціи графъ Панинъ долженъ былъ дать взятку секретарю петербургскаго уѣзднаго суда, когда тамъ разбиралось его личное гражданское дѣло. Естественно, что этотъ судъ оставилъ самыя тяжелыя воспоминанія въ памяти народа. Не даромъ цѣлый рядъ пословицъ ярко характеризуетъ отношеніе народной массы къ старому дореформенному правосудію. „Съ богатымъ не судись, съ сильнымъ не борись." „До Бога высоко, до царя далеко". „Законъ, что дышло, куда повернешь, туда и вышло". „Отъ сумы да отъ тюрьмы не зарекайся". - Вотъ, господа, образцы народной мудрости, ярко и конкретно формулирующіе намъ отношеніе къ старому дореформенному правосудію. Если такъ говорила народная масса, то почти также высказывались наиболѣе образованные, наиболѣе чуткіе представители русской интеллигенціи. Я говорилъ уже, что по словамъ Хомякова „Россія въ судахъ полна была неправдой черной"; а другой славянофилъ, Иванъ Аксаковъ писалъ въ 80-хъ гг. - „Старый судъ, - при одномъ воспоминаніи

о немъ морозъ деретъ по кожѣ, и волосъ становится дыбомъ." Другой же публицистъ того времени, Катковъ, который въ началѣ эпохи реформъ былъ либераломъ и только позднѣе идеологомъ реакціи, такъ характеризуетъ это старое дореформенное время: „Наука - науки не было, - была бюрократія; право собственности? Его не было - была бюрократія; законъ и судъ? Суда не было - была бюрократія; администрація? Администраціи не было - было постоянно организованное повышеніе власти, съ тѣмъ вмѣстѣ ея бездѣйствіе въ ущербъ интересамъ казеннымъ и частнымъ." Такимъ образомъ, общественная жизнь была окончательно парализована въ рамкахъ дореформеннаго крѣпостного строя. Не было общихъ интересовъ, не было той общей плоскости, на которой могли бы сойтись эти разрозненныя, изолированныя сословія. Только тогда, когда этотъ крѣпостной режимъ былъ уничтоженъ, когда между сословіями установлены были точки соприкосновенія, и возможно было созданіе общихъ безсословныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, и стало возможнымъ говорить объ организаціи безсословнаго, равнаго для всѣхъ суда.

ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА 1864 г.

Вопросъ о земской реформѣ былъ поднятъ уже въ концѣ 50-хъ гг., когда подготовлялось освобожденіе крестьянъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ 1859 г., подъ предсѣдательствомъ Милютина, образована была комиссія по реформѣ мѣстнаго управленія. Эта милютинская комиссія составила общій планъ, на основѣ котораго должна была быть осуществлена реформа мѣстнаго управленія. Новыя земскія учрежденія, по словамъ этого плана, должны быть дѣйствительно органами самоуправленія, съ самыми обширными полномочіями и съ самой широкой самостоятельностью. Однако эти начинанія не могли осуществиться въ дальнѣйшемъ, потому что, какъ вы знаете, вскорѣ послѣ опубликованія освободительнаго акта Ланской и Милютинъ получили отставку. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ поставленъ былъ Валуевъ, который далеко не сочувствовалъ широкимъ либеральнымъ стремленіямъ Милютина. Валуевъ самъ занялъ предсѣ-

дательское кресло въ этой важной комиссіи о земскихъ учрежденіяхъ и старался всячески въ проектѣ, выработанномъ этой комиссіей, дать бо́льшее преобладаніе дворянскому сословію. По его предположенію дворяне должны были выбирать наибольшее количество гласныхъ въ будущія земскія собранія, а именно, по крайней мѣрѣ въ 4 раза болѣе, сравнительно съ представителями другихъ сословій. Для дворянъ понижался имущественный цензъ, дворянскіе предводители должны были быть предсѣдателями въ земскихъ управахъ и на земскихъ собраніяхъ и на уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Первоначально Валуевъ предполагалъ не создавать специально земскихъ учрежденій, а просто въ составъ дворянскихъ собраній ввести нѣсколько представителей другихъ сословныхъ группъ. Но быть можетъ потому, что какъ разъ въ это время во многихъ общественныхъ учрежденіяхъ поднятъ былъ вопросъ о всесословномъ и даже безсословномъ самоуправленіи, проектъ Валуева не встрѣтилъ одобренія даже въ правительственныхъ сферахъ; въ концѣ концовъ по настоянію управляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи барона Корфа проектъ о земскихъ учрежденіяхъ былъ вторично пересмотрѣнъ и въ этомъ видѣ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ получилъ силу закона послѣ подписанія его государемъ 1-го января 1864 г.

Такимъ образомъ, земская реформа разработана была при помощи почти исключительно одной бюрократіи. Кое-какія замѣчанія были приняты во вниманіе, но эти замѣчанія были высказаны въ печати послѣ того, какъ общее предварительное Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ было опубликовано въ 1862 г. Слѣдовательно, на разработкѣ земской реформы сказался тотъ антагонизмъ, который установился между правительствомъ и обществомъ послѣ освобожденія крестьянъ. Вполнѣ естественно, что этотъ антагонизмъ долженъ былъ сказаться на содержаніи того земскаго Положенія, которое было опубликовано въ январѣ 1864 г. Земскія учрежденія, вводимыя вмѣсто прежнихъ комитетовъ о земскихъ повинностяхъ, распредѣлены были по уѣздамъ и губерніямъ. Учреждались уѣздныя и губернскія земскія собранія съ выборными представителями отъ отдѣльныхъ курій, или избирательныхъ собраній, и уѣздныя и губернскія земскія

управы, какъ постоянный исполнительный органъ земскихъ собраній. Что касается тѣхъ и другихъ, то они пополнялись по избранію. Всѣ мѣстныя общества дѣлились на 3 куріи, на 3 группы избирателей: частные землевладѣльцы, городскія общества и сельскія общества. Въ составъ 1-ой уѣздной куріи входили частные землевладѣльцы, безъ различія сословій, имѣвшихъ опредѣленный имущественный цензъ, напримѣръ, въ Тульской 150 дес., въ Орловской 200 дес. Что касается мелкихъ избирателей, не имѣвшихъ полнаго ценза, то они, если имѣли не меньше 1/10 всего ценза, могли входить въ курію мелкихъ избирателей, составляя сообща полный цензъ, и въ зависимости отъ количества такихъ полныхъ цензовъ выбирать своихъ уполномоченныхъ.

Женщины и несовершеннолѣтніе землевладѣльцы могли передавать свои полномочія родственникамъ, обладающимъ всѣми остальными требованіями, необходимыми для участія въ земскомъ избирательномъ собраніи.

Въ общей сложности каждый землевладѣлецъ, участвующій въ 1-ой куріи, долженъ былъ имѣть не меньше 100 душевыхъ крестьянскихъ надѣловъ, опредѣленныхъ по Положенію 1861 г. для даннаго уѣзда. Что касается куріи городскихъ избирателей, то здѣсь для участія въ выборахъ надо было обладать или движимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ не менѣе 15000 р., или имѣть промышленное заведеніе съ годовымъ оборотомъ не менѣе чѣмъ въ 6000 руб. Въ общей сложности городскіе избиратели должны были имѣть, такимъ образомъ, извѣстный имущественный цензъ или недвижимый-домъ, земля, или движимый - денежный капиталъ. Что касается крестьянскаго общества, то въ этой куріи могли принимать участіе всѣ крестьяне-домохозяева, приписанные къ сельскому обществу. На волостномъ сходѣ выбирались уполномоченные, которые выбирали на общеуѣздномъ собраніи крестьянской куріи своихъ гласныхъ. Количество гласныхъ на каждый уѣздъ устанавливалось на основаніи слѣдующаго принципа: отъ 3 тысячъ душевыхъ надѣловъ выбирался одинъ гласный.

Такимъ образомъ и дворяне и крестьяне были уравнены принципіально; но такъ какъ на сторонѣ дворянъ былъ значительный перевѣсъ въ сферѣ землевладѣнія, въ виду того, что въ это время большинство земель не было еще выкуплено крестьянами, то вполнѣ понятно, что у дворянъ оказалось значительное преобладаніе.

Что касается городскихъ избирателей, то у нихъ тоже одинъ гласный полагался на такое имущество, которое по своей стоимости равнялось цѣнѣ 3 тыс. душевыхъ земельныхъ надѣловъ. Значитъ, представительство было исключительно цензовое, обусловленное извѣстнымъ имуществомъ или недвижимымъ, или капитальнымъ. На такихъ основаніяхъ составлялось уѣздное земское собраніе.

Въ губернское земское собраніе входили гласные по выбору уѣзднаго собранія съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы одинъ гласный губернскаго собранія приходился на 6 гласныхъ уѣзднаго. И тѣ и другіе, и уѣздные и губернскіе были выборными. Земское собраніе выбирало предсѣдателя и нѣсколько членовъ управы на 3 года такъ же, какъ на 3 года выбирались и сами земскіе гласные. Хотя земскимъ положеніемъ устанавливался опредѣленный имущественный принципъ, но на дѣлѣ этотъ принципъ скоро пріобрѣлъ характеръ исключительно сословный, и уже въ первые годы послѣ введенія земскихъ учрежденій, сословное начало дало себя сильно почувствовать.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются цифровыя данныя, относящіяся и къ первому и второму трехлѣтію, и на основаніи ихъ ярко вскрывается тотъ сословный характеръ, который пріобрѣла земская реформа послѣ своего проведенія въ жизнь. Въ первую очередь земское положеніе введено было въ 22 губерніяхъ Европейской Россіи. Изъ общей массы земскихъ гласныхъ 9410 на долю дворянъ приходилось 4018 или 42,5 %, на долю крестьянъ 3629 или 38,5%, на долю духовенства 91 или 1% и на долю остальныхъ сословій 1672 или 18%; это въ первое трехлѣтіе. Что касается второго трехлѣтія, то тамъ нѣсколько иное процентное соотношеніе между указанными 4-мя группами; на 9338 гласныхъ приходилось дворянъ 4192 или 44,9 %, крестьянъ 3494 или 37,4 %, духовенства 49 или 0,5%, остальныя сословія 1603 или 17,2%. Слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ на долю дворянъ приходится значительное большинство, - отъ 42-45%, и почти во всѣхъ губерніяхъ и уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ дворянскіе элементы преобладали. Только въ восточныхъ губерніяхъ, въ Уфимской, Вятской и Пермской, на долю другихъ сословій, главнымъ образомъ крестьянъ выпа-

дало нѣкоторое преимущество. Если мы припомнимъ, что во главѣ земскаго собранія былъ поставленъ въ качествѣ председателя уѣздный и губернскій предводитель дворянства, то мы поймемъ, что помѣстные землевладѣльческіе элементы получили такимъ образомъ доминирующее положеніе въ земскихъ учрежденіяхъ, по Положенію 1864 г. Это было своего рода компенсаціей дворянскому сословію за тѣ потери, какія оно понесло въ связи съ крестьянской реформой.

Если въ хозяйственномъ отношеніи дворянство потеряло, то въ административно-политическомъ оно выиграло послѣ реформы 1864 года. Итакъ, земство пріобрѣло сословно-цензовой характеръ. Но въ связи съ составомъ земскихъ учрежденій, въ связи съ раздѣленіемъ ихъ на періодически созываемыя собранія съ распорядительными функціями и на постоянно дѣйствующія управы съ функціями исполнительными необходимо остановиться еще на двухъ вопросахъ: во 1) на компетенціи земскихъ учрежденій и во 2) на взаимоотношенія между выборными земскими учрежденіями и представителями коронной администраціи. Что касается перваго вопроса, то онъ былъ разрѣшенъ подъ вліяніемъ двухъ теченій; съ одной стороны теченія общественнаго, съ другой теченія правительственнаго. Въ обществѣ того времени господствовала одна теорія государственнаго права, такъ называемая теорія общественнаго самоуправленія. Представители ея смотрѣли на органы мѣстнаго самоуправленія, земскаго и городского, какъ на частные общественные союзы. Отстаивая самостоятельность этихъ союзовъ, они не хотѣли вводить ихъ въ общую сѣть мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ по ихъ мнѣнію надо обособить земскія учрежденія, надо провести между ними и органами мѣстной коронной администраціи глубокую демаркаціонную черту. Такимъ образомъ земство не можетъ охватить своей компетенціей тѣ административные вопросы, которые входятъ въ сферу вѣдомства органовъ правительственной власти. Въ земскихъ учрежденіяхъ свой кругъ дѣлъ; земскія учрежденія стоятъ особнякомъ и внѣ той сложной сѣти правительственныхъ органовъ, которые охватывали и губерніи и уѣзды. Вотъ эта популярная въ то время теорія, яркими представителями которой были такіе ученые, какъ Градовскій, Димитріевъ, Кавелинъ и Чичеринъ, совпала съ точкой

зрѣнія правительства, которое скрѣпя сердце принялось за разработку земскаго положенія. Валуевъ, стоявшій въ то время во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, признавался, что въ душѣ онъ хотѣлъ бы отложить реформу, но невозможно было затормозить дѣло, разъ оно уже было налажено въ связи съ вопросомъ о раскрѣпощеніи крестьянской массы. Но если нельзя было отложить дѣло, если Положеніе такъ или иначе должно было быть разработано и проведено въ жизнь, то возможно было сократить до минимума компетенцію въ новыхъ органахъ самоуправленія; надо было, въ связи съ общественными теоретическими взглядами, обособить земство, разграничить его отъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, дать въ его завѣдываніе такія дѣла, такіе вопросы, которые бы не нарушали общаго теченія дѣлъ въ органахъ коронной, правительственной администраціи. Значитъ, земство будетъ только терпимо; оно не будетъ однимъ изъ звеньевъ, однимъ изъ колесъ въ механизмѣ правительственныхъ учрежденій. Исходя изъ этихъ соображеній, Валуевъ ограничилъ компетенцію земскихъ учрежденій вопросами мѣстными и хозяйственными. Все же, что касается обще-государственныхъ дѣлъ, не должно входить въ кругъ вѣдомства земскихъ учрежденій; все то, что выходитъ изъ сферы вопросовъ хозяйственныхъ и имѣетъ какъ бы характеръ политическій, изъято изъ компетенціи земства. Слѣдовательно, двумя признаками опредѣляется кругъ тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ вѣдѣнію земства. Это - вопросы мѣстные, вопросы хозяйственные. Но вѣдь это дѣленіе въ высшей степени искусственно; вѣдь каждый обще-государственный вопросъ въ извѣстной степени является вопросомъ мѣстнымъ, и притомъ всѣ обще-государственные политическіе вопросы въ извѣстной степени находятся въ зависимости отъ положенія хозяйственнаго той мѣстности, въ которой этотъ вопросъ будетъ рано или поздно осуществляться. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о проведеніи новой желѣзной дороги, о прорытіи канала. Это все вопросы обще-государственнаго характера, но вѣдь вмѣстѣ съ этимъ въ ихъ правильномъ осуществленіи и разрѣшеніи заинтересованы тѣ мѣстности, по которымъ прокладывается желѣзная дорога или прорывается каналъ. Что касается вопросовъ хозяйственныхъ и политическихъ, то и здѣсь нерѣдко сталкиваются взаимноисключающія другъ друга

положенія. Напримѣръ, организуется дѣло помощи кустарямъ; это вопросъ обще-государственнаго характера, который входитъ въ сферу компетенціи высшихъ учрежденій, но въ то же время кустари являются жителями данной мѣстности; въ ихъ работѣ, въ организаціи ихъ труда заинтересованъ мѣстный рынокъ. Значитъ, у этого обще-государственнаго, соціальнаго вопроса является своя хозяйственная подкладка. Такимъ образомъ, разграниченіе вопросовъ по признакамъ: мѣстные и общегосударственные съ одной стороны, хозяйственные и политическіе съ другой, является въ высшей степени искусственнымъ. Но если мы ознакомимся съ тѣмъ перечнемъ вопросовъ, которые подлежали компетенціи земства, мы поймемъ, какъ трудно было провести демаркаціонную черту между тѣмъ, что цѣликомъ входило въ кругъ его вѣдомства и тѣмъ, въ чемъ земство только отчасти помогало правительству, его центральнымъ и мѣстнымъ органамъ. Что касается перваго рода дѣлъ, то это были вопросы чисто хозяйственные, а именно такъ называемыя земскія повинности, завѣдываніе имуществомъ и капиталомъ земствъ, земскими налогами, путями сообщенія, почтовымъ дѣломъ и т.д. Что касается другой категоріи дѣлъ, для которыхъ земство даетъ только средства, а организацію вѣдаетъ правительственная власть, то къ нимъ могутъ быть отнесены: борьба съ эпидеміями и эпизоотіями, организація медицинской помощи населенію, вопросы, связанные съ народнымъ образованіемъ, обязательное земское страхованіе на случай пожара, продовольственная помощь населенію и т.д. Сама организація школьнаго, медицинскаго, противопожарнаго и продовольственнаго дѣла находится въ рукахъ органовъ правительственной власти, а денежная, финансовая сторона входитъ въ кругъ вѣдомства земскихъ учрежденій. На этой почвѣ-то, именно почвѣ соприкосновенія двухъ властей и возникали тѣ конфликты, которые не замедлили обнаружиться въ практикѣ земскихъ учрежденій почти тотчасъ же послѣ ихъ введенія. Слѣдовательно самое разграниченіе вопросовъ по роду дѣлъ было чрезвычайно искусственнымъ и компетенція новыхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія была весьма ограничена; при этомъ, что очень важно, земства были поставлены въ довольно большую зависимость отъ мѣстной администраціи. Въ лицѣ губернатора земскія уч-

реждения получали органъ надзора за законностью постановлений земскихъ собраний и мѣроприятий земскихъ управъ. Но губернаторъ не могъ входить въ оцѣнку по существу этихъ постановлений мѣроприятий, не могъ касаться вопроса о ихъ цѣлесообразности. Если возникали какие-либо конфликты между губернаторомъ и земскими учреждениями, то можно было обжаловать постановление губернской власти въ I департаментъ правительствующаго сената; но до тѣхъ поръ, покуда не получался оттуда отвѣтъ, земство ничего не могло предпринимать по данному вопросу. Если сверху оказывалось извѣстное давление, то и снизу земство не имѣло органовъ, на которые оно могло бы опереться. По Положению 1864 года земская управа и земския собрания не могли издавать обязательныхъ постановлений. Кромѣ того всякаго рода земские сборы и повинности взимались при помощи общей уѣздной полиции. Значитъ, здѣсь земския учреждения были поставлены въ извѣстную зависимость отъ мѣстной коронной власти. Земства потому лишены были права имѣть собственную полицию, что, какъ выразился министръ внутреннихъ дѣлъ въ засѣдании Государственнаго Совѣта, если дать земству свою полицию, то тогда оно будетъ какъ бы государствомъ въ государствѣ. Слѣдовательно ни сверху ни снизу земския учреждения не были самостоятельны. Кромѣ того уѣздъ былъ довольно крупнымъ административнымъ подраздѣлениемъ, а болѣе мелкая земская единица введена не была, хотя о подобныхъ всесословныхъ властяхъ и поднимался вопросъ въ тѣхъ проектахъ и записках, которые циркулировали въ обществѣ въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ. Волость была чисто сословнымъ, крестьянскимъ учреждениемъ; дворяне и другие общественные элементы въ эту волостную организацию не входили. Значитъ, земския учреждения не могли близко подходить къ тѣмъ мѣстнымъ вопросамъ, которые выдвигались самой жизнью. Но какъ бы то ни было, и при своемъ дворянскомъ составѣ, и при узкой компетенции, и при извѣстномъ воздѣйствии и со стороны правительственной власти, земския учреждения все-таки сыграли видную и рѣшительную роль въ обновлении русской жизни. Только съ того момента, какъ введены были у насъ органы мѣстнаго самоуправления и всѣ сословия получили возможность сойтись въ одномъ общемъ совѣщании для об-

сужденія мѣстныхъ пользъ и нуждъ, появились въ уѣздѣ школы и больницы, земскіе агрономы и хорошіе пути сообщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ поставленъ былъ на очередь цѣлый рядъ вопросовъ, которые прежде въ условіяхъ дореформеннаго быта постоянно игнорировались. Но если обновлена была мѣстная администрація въ лицѣ выборныхъ земскихъ учрежденій, то надо было обновить и мѣстную полицію. Уже въ Милютинской комиссіи 1859 г. былъ поднятъ вопросъ о реформѣ мѣстныхъ полицейскихъ органовъ. Вѣдь полицейскія учрежденія въ дореформенномъ уѣздѣ имѣли чисто дворянскій характеръ. Капитанъ-исправникъ выбирался дворянами, засѣдатели нижняго земскаго суда, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ, также выбирались дворянскими собраніями. Что касается становыхъ приставовъ, то они назначались губернаторомъ, обычно изъ захудалыхъ дворянъ, главнымъ образомъ не потомственныхъ, а личныхъ по спискамъ, составленнымъ на дворянскихъ собраніяхъ.

Надо было 1) сдѣлать мѣстную полицію независимой отъ землевладѣльческаго дворянства, а 2) громоздкую, коллегіальную организацію превратить въ органъ единоличной власти. Въ этомъ заключалось главное основаніе реформы мѣстной полиціи. Въ связи съ новыми мѣропріятіями начала 60-хъ гг. введены были единоличные полицейскіе органы - уѣздные исправники и становые пристава, назначаемые уже исключительно правительственной губернскою властью. Та зависимость, въ которой находились представители мѣстной полиціи отъ землевладѣльческаго дворянства, была уничтожена и коронная администрація получила болѣе или менѣе независимое положеніе въ мѣстной уѣздной жизни.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.

Но не только надо было обновить мѣстный административный механизмъ и пойти навстрѣчу глубоко сознанной потребности въ органахъ земскаго самоуправленія. Надо было создать и новый регуляторъ общественныхъ отношеній, въ корнѣ обновленныхъ реформой 19-го февраля 1861 г. Такимъ регуляторомъ

является судъ. Онъ какъ бы корректируетъ тѣ тренія, которыя естественно возникаютъ въ жизни при всѣхъ условіяхъ, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. И разъ жизненныя условія измѣнились, то и регуляторъ этихъ жизненныхъ отношеній долженъ быть также обновленъ.

Въ старой дореформенной Россіи судъ, какъ мы видѣли, былъ сословнымъ, крайне громоздкимъ и лицепріятнымъ. Теперь, съ обновленіемъ русской жизни, надо было обновить и судоустройство и судопроизводство, но не только эта сторона должна была быть заново реформирована; слѣдовало въ корнѣ измѣнить прежнюю систему наказаній. Вѣдь въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ нельзя было налагать кары старымъ суровымъ дореформеннымъ способомъ. Вотъ эти-то два вопроса, учрежденіе новаго суда,- новаго судоустройства и судопроизводства и организація новой карательной системы и встали передъ законодателемъ въ началѣ 60-хъ гг. XIX в.

Судебная реформа осуществлена была наиболѣе удачнымъ образомъ изъ всѣхъ преобразованій Александра II. Это произошло потому, что она съ самаго начала попала въ весьма компетентныя руки, на ней не отразились тѣ взаимно исключающія другъ друга общественныя воззрѣнія, которыя обычно приводили къ компромиссу и антагонизму во всѣхъ другихъ преобразовательныхъ мѣропріятіяхъ. Новый хорошій судъ, скорый и равный для всѣхъ, былъ одинаково необходимъ и для крестьянъ и для дворянъ, и для бѣдныхъ, и для богатыхъ. Потребность въ новомъ хорошемъ судѣ ощущалась, можно сказать, всѣми общественными слоями. Что касается другого условія, способствовавшаго благопріятному разрѣшенію судебной реформы, такъ это то, что она была осуществлена по разъ намѣченной программѣ. Установлены были общія положенія, утвержденныя верховной властью, отъ которыхъ въ дальнѣйшемъ уже не дѣлалось отступленій. Что касается крестьянской реформы, то она, какъ вы припомните, разрабатывалась скачками. Правительственная программа по крестьянскому вопросу выяснялась въ ходѣ самой реформы. Можно увѣренно сказать, что въ 1857-58 гг. правительство не помышляло ни о земельныхъ надѣлахъ крестьянъ, ни о выкупной операціи, которые впослѣдствіи явились краеугольнымъ камнемъ крестьянскаго раскрѣ-

пощенія. Значить, планомѣрность въ разработкѣ принциповъ реформы и компетентность лицъ, проводившихъ ихъ въ жизнь - вотъ отличительные признаки судебной реформы 1864 г.

Вопросъ о новомъ судѣ, главнымъ образомъ о новомъ судоустройствѣ поднятъ былъ еще въ Николаевскую эпоху. Начиная съ средины 40-хъ гг., II отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, во главѣ котораго стоялъ гр.Блудовъ, занято было разработкой цѣлаго ряда проектовъ. Но эти проекты сводились лишь къ палліативамъ. Такъ предположено было отмѣнить рукоприкладство, рѣшено было уничтожить канцелярскую тайну, которой окутаны были всѣ дѣла и т.д. Только съ момента, когда повѣяло новымъ духомъ, а именно, съ начала царствованія Александра II, и второе отдѣленіе заработало болѣе или менѣе интенсивно. Въ теченіе 2-хъ лѣтъ съ 1859 по 1861 г. графомъ Блудовымъ внесено было въ Государственный Совѣтъ до 14-ти законопроектовъ, касающихся реформы различныхъ сторонъ стараго суда. Но ни суда присяжныхъ, ни принципа равенства всѣхъ предъ закономъ мы не встрѣчаемъ, такъ какъ не осуществлена была еще крестьянская реформа. Но прежніе дѣльцы, лица застарѣвшія изъ Николаевской бюрократической рутины не были подготовлены для осуществленія той реформы, которая должна была кореннымъ образомъ обезпечить неприкосновенность личности и гражданскія права. Для того, чтобы разработать реформу въ этомъ направленіи, нужны были люди молодые, энергичные, всецѣло преданные дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовленные и практически и теоретически для разработки судебной реформы. Послѣ 1861 г. подготовка судебныхъ уставовъ переходитъ изъ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи въ государственную канцелярію, во главѣ которой стоялъ государственный секретарь Бутковъ. Въ ней группировался кружокъ молодыхъ образованныхъ юристовъ съ талантливымъ Зарудныхъ во главѣ. Широко образованный, въ высшей степени энергичный, онъ дѣйствительно хотѣлъ поставить вопросъ о реформѣ суда на совершенно новыя, общечеловѣческія основанія. Вмѣстѣ съ Зарудныхъ взялись за дѣло такіе юристы, какъ Буцковскій, Стояновскій, Ровинскій и Побѣдоносцевъ, въ то время еще не реакціонеръ, а весьма свѣдущій цивилистъ. Вотъ этимъ-то лицамъ и дано было порученіе

въ январѣ 1862 г. изложить соображенія „о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи". Значитъ, отъ прежнихъ самобытныхъ началъ отступили и перешли къ новымъ принципамъ, основаннымъ главнымъ образомъ на теоріи и практикѣ передовыхъ европейскихъ странъ. Работа закипѣла, и ужъ къ концу 1862 г. государственная канцелярія могла представить основныя положенія будущей судебной реформы, которыя были проведены черезъ Государственный Совѣтъ, утверждены государемъ и затѣмъ опубликованы. На нихъ были сдѣланы замѣчанія, какъ людьми науки, такъ и людьми практики. Эти замѣчанія, присланныя нерѣдко изъ самыхъ захолустныхъ мѣстностей тогдашней Россіи, составили 6 большихъ фоліантовъ, въ которыхъ ярко отразилось отношеніе русскаго общества къ вопросу о коренной реформѣ русской жизни.

Громадное большинство этихъ отвѣтовъ поражаетъ своею зрѣлостью, глубокимъ сознаніемъ того, что реформа должна дѣйствительно въ корнѣ измѣнить старый судъ, старое судопроизводство и судоустройство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти мнѣнія, эти критическія замѣчанія дали возможность комиссіи статсъ-секретаря Буткова разработать основные принципы судебной реформы, именно судебные уставы въ томъ направленіи, въ какомъ высказались наиболѣе передовые и образованные общественные элементы. Такимъ образомъ, общество было привлечено къ разработкѣ реформы, и оно могло свободно высказаться по поводу тѣхъ принципіальныхъ вопросовъ, которые были предложены въ видѣ основныхъ положеній будущаго судебнаго преобразованія. Затѣмъ работа уже сосредоточилась въ комиссіи, во главѣ которой офиціально стоялъ Бутковъ, но душой которой былъ неутомимый Зарудный. Къ срединѣ 1864 г. небольшая по размѣрамъ книжка судебныхъ уставовъ была готова, внесена въ Государственный Совѣтъ, гдѣ закончено было ея разсмотрѣніе къ 20 ноября 1864 г., когда судебные уставы были подписаны императоромъ Александромъ II. Изъ опубликованнаго манифеста вся Россія узнала о введеніи новаго суда, - „суда праваго, скораго и милостиваго, равнаго для всѣхъ", какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ.

УКАЗЪ ОБЪ ОТМѢНѢ ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНІЙ 17 апрѣля 1863 года.

Въ то время, какъ разрабатывалась судебная реформа, осуществлялась подготовка другого преобразованія - отмѣны тѣлесныхъ наказаній. За это дѣло энергично взялся оберъ--аудиторъ Глѣбовъ, стоявшій во главѣ карательной системы дореформенной Россіи. При поддержкѣ князя Орлова, нашего посла въ Брюсселѣ, ему удалось добиться нѣкоторыхъ облегченій уже въ первые мѣсяцы царствованія Александра II-го; такъ, напримѣръ, 25 февраля 1855 года изъяты были отъ тѣлесныхъ наказаній слабосильные и женщины, а въ дальнѣйшемъ надо было повести дѣло такъ, чтобы къ моменту окончанія подготовительныхъ работъ по реформѣ суда тѣлесныя наказанія, какъ наиболѣе жестокая, устрашающая мѣра воздѣйствія, были вычеркнуты изъ нашего уголовнаго кодекса. Въ этомъ направленіи и подготовлялся законопроектъ, который затѣмъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Громадное большинство его членовъ высказалось за отмѣну тѣлесныхъ наказаній по суду. Только министръ юстиціи гр.Панинъ, да московскій митрополитъ Филаретъ настаивали на необходимости сохранить эту суровую пенитенціарную мѣру. Первый мотивировалъ свое мнѣніе тѣмъ, что для грубаго народа нужны наиболѣе суровыя наказанія, хотя и дѣлалъ уступку, соглашаясь, напримѣръ, чтобы преступниковъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ не на лицѣ, а на плечѣ. Что касается митрополита Филарета, то онъ указывалъ на то, что тѣлесное наказаніе совершенно не противорѣчитъ евангельскому ученію. Христосъ, по его словамъ, основалъ церковь, а не государство, и тѣ люди, которые совершаютъ преступленіе, грѣшатъ не столько противъ церкви, какъ противъ государственной власти; поэтому государство имѣетъ полное право карать этихъ преступниковъ тѣми способами, какіе оно находитъ наиболѣе подходящими. „По христіанскому сужденію, писалъ московскій владыко, тѣлесное наказаніе само по себѣ не безчестно, а безчестно только преступленіе". Слѣдовательно тѣ лица, отъ которыхъ всего болѣе можно было ожидать почина въ обновленіи всего дѣла правосудія, какъ министръ юстиціи и высшій іерархъ православной церкви, отстаивали прежнюю рутину. Но слѣдуетъ отмѣтить,

что остальные члены Государственнаго Совѣта, съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и военнымъ министромъ Милютинымъ во главѣ, настаивали на необходимости измѣненія нашей карательной системы. Манифестомъ 17 апрѣля 1863 года розги, плети, шпицрутены и кошки были окончательно уничтожены, какъ орудіе наказанія по приговору суда. Тѣлесныя наказанія сохранены были только въ дисциплинарныхъ батальонахъ военнаго вѣдомства, въ каторжныхъ тюрьмахъ и для лицъ, сосланныхъ на поселеніе, а также въ волостныхъ судахъ. Конечно, были сдѣланы изъятія еще и другого рода: когда какая-либо мѣстность объявлена на чрезвычайномъ положеніи, когда въ ней происходитъ какое-нибудь народное волненіе,то власть, которой поручено усмиреніе, можетъ прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, какъ къ чрезвычайной мѣрѣ воздѣйствія. Но здѣсь имѣетъ мѣсто не судебный приговоръ, а административное усмотрѣніе. Новый же судъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ присуждать не можетъ, тогда какъ прежде почти каждый приговоръ по уголовнымъ дѣламъ сопровождался наказаніемъ или розгами, или плетьми, или клейменіемъ раскаленнымъ желѣзомъ при ссылкѣ на поселеніе или при присужденіи къ каторжнымъ работамъ.Насколько сильное впечатлѣніе произвелъ этотъ манифестъ на современниковъ, показываютъ слова Ровинскаго, который говорилъ, что Россія словно въ сказкѣ какой,- изъ битаго вдругъ небитымъ государствомъ стала. Конечно, это преувеличеніе,но оно показываетъ, въ какой степени обрадованы были наиболѣе чуткіе и гуманные элементы русскаго общества закономъ 17-го апрѣля 1863 года. Такимъ образомъ, одновременно съ разработкой судебной реформы подготовлялась и новая система наказаній, центральнымъ пунктомъ которой теперь сдѣлалось тюремное заключеніе, мѣра исправительная, а не устрашающая. Слѣдовательно, новая система старалась исправить злую волю преступника, а не озлобить его до того, что онъ, испытавъ унизительное наказаніе, хотѣлъ бы мстить своимъ обидчикамъ и тѣмъ вознаградить себя за ту горькую чашу, которую ему суждено было испить.

НОВЫЙ СУДЪ ПО УСТАВАМЪ 1864 ГОДА.

Намъ теперь слѣдуетъ ознакомиться съ содержаніемъ тѣхъ уставовъ, которыми была проведена рѣзкая, демаркаціонная черта между старымъ продажнымъ судомъ и новымъ, полнымъ гражданскихъ гуманныхъ идей. Судебные уставы 20 ноября 1864 года дѣлали русскій судъ прежде всего безсословнымъ. Они устанавливали принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ, равенства всѣхъ передъ судомъ. Этотъ принципъ могъ быть провозглашенъ только тогда, когда отмѣнено было крѣпостное право, когда въ гражданскомъ отношеніи не стало рѣзкой грани между господиномъ и рабомъ, этими основными соціальными подраздѣленіями стараго дореформеннаго строя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ судебными уставами 1864 г. реформировалось и судоустройство и судопроизводство. Уничтожалась та громоздкая многоинстанціонная организація судебныхъ мѣстъ, съ которой мы уже ознакомились. Устанавливались только 2 инстанціи, въ которыхъ дѣло могло разсматриваться по существу. Для болѣе значительныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ :- окружной судъ и судебная палата. Эти 2 судебныхъ мѣста обсуждали дѣла по существу только гражданскія и тѣ изъ уголовныхъ, которыя рѣшались безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Такимъ образомъ судебная палата являлась апелляціонной инстанціей, для вторичнаго ихъ разбора. Что касается переноса дѣлъ въ кассаціонномъ порядкѣ, т.е. когда нарушена была формальная сторона судебнаго разбирательства, когда нарушенъ былъ какой-либо законъ при постановкѣ приговора, то такой кассаціонной инстанціей былъ Правительствующій Сенатъ или, вѣрнѣе сказать, его кассаціонные департаменты: гражданскій и уголовный. Для мелкихъ же гражданскихъ тяжбъ, стоимостью не выше 300 р., и для незначительныхъ уголовныхъ дѣлъ, какъ-то: личное оскорбленіе, воровство, порубка, ссоры, создавался выборный мировой судъ и, въ качествѣ II инстанціи, съѣздъ мировыхъ судей, въ составъ котораго входили мировые судьи даннаго мирового округа. Кассаціонной же инстанціей и для мировой юстиціи являлся одинъ изъ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Всѣ эти судебныя мѣста были безсословными, для всѣхъ общественныхъ группъ одними и тѣми же. Личный составъ ихъ былъ сильно повышенъ сравнитель-

но съ прежними судебными учрежденіями. Въ дореформенномъ судѣ почти не было правовѣдовъ, лицъ, получившихъ спеціальную юридическую подготовку. Въ новыхъ же судебныхъ учрежденіяхъ должности занимались только лицами, прошедшими высшую школу. Что касается мирового суда, то мировые судьи выбирались на 4 года на земскихъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ городскихъ думъ изъ лицъ, обладавшихъ извѣстнымъ образованіемъ, хотя бы и не юридическимъ, и опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, напр. въ Московской губ. 400 десятинами земли.

Такимъ образомъ, посредствомъ мировой юстиціи новый, реформированный судъ былъ приближенъ къ населенію и имъ былъ внесенъ лучъ свѣта въ темное царство дореформеннаго безсудія и безправія. Прежнимъ судомъ, близкимъ къ населенію, былъ или судъ помѣщика или судъ полицейскаго чиновника. Въ этомъ отношеніи судебная реформа, особенно въ сферѣ мировой юстиціи, произвела дѣйствительно громадный культурный переворотъ; она являлась серьезной школой гражданскаго воспитанія для подрастающихъ поколѣній. Но что особенно важно, такъ это, что уставами 1864 г. власть судебная рѣзко отдѣлялась отъ власти административной. Теперь уже администрація, въ лицѣ полицейскаго чиновника или губернатора, не могла оказывать воздѣйствіе на судебное разбирательство. Для слѣдствія, для предварительнаго разслѣдованія дѣла создавался опредѣленный судебный органъ,- судебные слѣдователи. Они выясняли обстоятельства, среди которыхъ совершилось преступленіе; подбирали слѣдственный матеріалъ; судебныя мѣста принимали во вниманіе этотъ матеріалъ, а затѣмъ приговоръ суда приводился въ исполненіе спеціальными должностными лицами - судебными приставами. Такимъ образомъ, во всѣхъ стадіяхъ судебнаго процесса органы судебнаго вѣдомства, не подчиненные общей администраціи, осуществляли правосудіе. Кромѣ того въ новомъ судѣ устанавливался совершенно иной способъ разбирательства дѣлъ сравнительно съ дореформеннымъ временемъ. Въ прежнее время имѣлъ мѣсто такъ называемый слѣдственный принципъ. Теперь устанавливался принципъ состязательный. Въ самой залѣ засѣданія, посредствомъ обмѣна мнѣній, обѣ стороны, и обвиняемый и обвинитель,

выясняли условія преступленія; въ результатѣ судья не на основаніи формальныхъ доказательствъ, а по разуму и совѣсти произносилъ свой приговоръ. Такимъ образомъ, новый судъ имѣлъ дѣло съ преступникомъ и пострадавшимъ; онъ допрашивалъ свидѣтелей, онъ былъ въ курсѣ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ данное преступленіе совершилось. Въ прежнемъ судѣ имѣли дѣло только съ бумажнымъ экстрактомъ, руководствовались исключительно формальными доказательствами и постановляли приговоръ „въ темную", не видавъ сторонъ, не опрашивая свидѣтелей. Все дѣло рѣшалось на основаніи данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, которое находилось въ рукахъ полицейской власти. Надъ всѣмъ господствовала секретарская выписка, и она-то являлась единственнымъ матеріаломъ, съ которымъ оперировало дореформенное правосудіе.

Что касается сторонъ, то онѣ были организованы по уставамъ 1864 г. слѣдующимъ образомъ. Обвинительная власть находилась въ рукахъ прокурора, получившаго спеціальное, юридическое образованіе. Онъ соединялъ въ себѣ 2 функціи,- частнаго обвинителя и блюстителя закона.

Такимъ образомъ въ его лицѣ публичная и частная власть были какъ бы объединены. Что касается защиты, то она поручалась адвокату или присяжному повѣренному лицу, также обладавшему спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ, который въ живой образной рѣчи выяснялъ тѣ условія, среди которыхъ совершилось данное преступленіе и которыя могли явиться смягчающими вину обстоятельствами. Слѣдовательно въ лицѣ присяжной адвокатуры, институтъ которой вводился уставами 1864 г., пострадавшіе получали компетентныхъ защитниковъ, которые помогали и судьямъ и обвинителю разобраться въ тѣхъ соціальныхъ условіяхъ, въ условіяхъ, среди которыхъ произошло данное преступленіе. Само судопроизводство получало теперь ускоренный устный, вмѣсто прежняго длительнаго и письменнаго, характеръ; бумага уже не играла той роли, которая была ей присуща въ старомъ, дореформенномъ судѣ. Теперь судебное разбирательство отправлялось значительно скорѣе и уже не было той волокиты, которой отличалось старое правосудіе 1-ой половины XIX вѣка. На разбирательство каждаго дѣла назначался опредѣленный краткій срокъ; на переносъ дѣла изъ одной инстан-

ціи въ другую устанавливался срокъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ. По постановленію кассаціонной инстанціи, если приговоръ суда отмѣнялся по формальнымъ причинамъ, по существу дѣло могло разбираться только дважды. Такимъ образомъ, прежней волокиты, прежняго длительнаго разбирательства въ нѣсколькихъ инстанціяхъ по нѣскольку разъ не могло уже быть. Сверхъ того, вводилась публичность судебнаго разбирательства. Публика допускалась въ залу судебныхъ засѣданій; и въ мировой камерѣ и въ окружномъ судѣ открыто при публикѣ произносился судебный приговоръ. Общество такимъ образомъ получало возможность контролировать самое судопроизводство отправленіемъ публичныхъ функцій, каковыми являются судебныя должности. Но что имѣетъ наиболѣе важное значеніе, такъ это участіе общества въ самомъ судопроизводствѣ. Въ прежнее время общество участвовало въ судебномъ разбирательствѣ въ лицѣ своихъ выборныхъ засѣдателей въ тѣхъ сословныхъ судахъ, которые были учреждены законодательствомъ Екатерины II въ 1775 году. Но эти засѣдатели или совершенно не были подготовлены къ своимъ обязанностямъ и потому играли самую пассивную роль, или прямо манкировали своими обязанностями, не посѣщая судебныя мѣста, въ которыхъ главную, почти единственную роль игралъ секретарь и канцелярія. Уставами же 1864 года вводился институтъ присяжныхъ засѣдателей, который гарантировалъ наилучшимъ способомъ обезпеченіе правъ личности и допускалъ участіе общества въ самомъ важномъ, самомъ рѣшающемъ моментѣ, именно при постановкѣ приговора о виновности или невинности даннаго лица. Присяжные засѣдатели участвуютъ въ разборѣ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя грозили подсудимому лишеніемъ правъ состоянія, заключеніемъ въ тюрьму, ссылкой на поселеніе или отправленіемъ на каторжныя работы. Въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей призывается „общественная совѣсть" для рѣшенія вопроса о виновности и невинности. Вполнѣ естественно, что присяжными засѣдателями могутъ быть лица, пользующіяся заслуженнымъ общественнымъ довѣріемъ, какъ выразители мнѣнія большинства благонадежныхъ гражданъ или какъ представители лучшихъ элементовъ общества и притомъ в с е г о общества, а не какихъ-либо отдѣльныхъ его классовъ или сословій. Правомъ быть присяжными засѣдателями

пользуются лица: 1) достигшіе определеннаго возраста отъ 25 до 70 лѣтъ; 2) живущіе въ уѣздѣ не менѣе 2-хъ лѣтъ; 3) обладающіе имуществомъ,- землей не менѣе 100 десятинъ или доходомъ во всѣхъ мѣстахъ кромѣ столицъ не менѣе 200 р. въ годъ; 4) имѣющіе извѣстную степень образованія; 5) находящіеся на общественной или государственной службѣ. Мѣстные обыватели, удовлетворяющіе этимъ условіямъ (кромѣ военныхъ и духовенства) вносятся въ общіе списки присяжныхъ засѣдателей, составляемые по каждому уѣзду отдѣльно особыми временными комиссіями изъ лицъ, назначаемыхъ ежегодно уѣздными земскими собраніями, а въ столицахъ соединенными засѣданіями городскихъ думъ и мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Тѣ же комиссіи подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства составляютъ очередные списки по уѣздамъ, выбирая изъ общихъ только тѣхъ лицъ, которыя въ предстоящемъ году имѣютъ быть призываемы къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей (по городамъ С.Петербургу и Москвѣ съ ихъ уѣздами 1200 лицъ, по уѣздамъ, гдѣ болѣе 100.000 жителей, 400, гдѣ менѣе,- 200). Комиссія производитъ выборку по собственному усмотрѣнію. Присяжные засѣдатели призываются для выполненія своихъ обязанностей въ количествѣ 12 человѣкъ на 2-недѣльный срокъ. Такой короткій срокъ устанавливается потому, чтобы не притупилось зрѣніе у представителей общественной совѣсти, чтобы они могли болѣе живо и чутко относиться къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ. Но послѣ того, какъ стороны выяснятъ условія, въ которыхъ совершилось данное преступленіе, на долю коронной юстиціи въ лицѣ предсѣдателя окружного суда возлагается обязанность поставить вопросъ о виновности или невиновности даннаго обвиняемаго на разрѣшеніе коллегіи присяжныхъ; на эти вопросы и должны отвѣтить представители общества, выносящіе свой вердиктъ „по разуму и по совѣсти". Если они рѣшаютъ, что обвиняемый не виновенъ, то дѣло прекращается, если только оно не будетъ кассировано по формальнымъ причинамъ. Если же констатируется виновность даннаго лица, то уже коронные судьи, - въ лицѣ предсѣдателя и двухъ членовъ суда устанавливаютъ мѣру наказанія для даннаго преступника. Слѣдовательно, вопросъ о виновности,- рѣшеніе о фактѣ преступленія отдѣляется отъ вопроса о наказаніи, отъ подбора той статьи за-

кона, которую надо примѣнить въ данномъ случаѣ. Самый фактъ виновности могутъ устанавливать представители общества, лица, хорошо знакомыя съ условіями, въ которыхъ проходитъ жизнь, въ которыхъ совершается тотъ или другой преступный актъ. Они могутъ учесть тѣ побужденія, которыми приведено было данное лицо къ совершенію того или иного преступленія; они могутъ взвѣсить всѣ обстоятельства и притти къ заключенію, что преступленіе дѣйствительно было совершено, но что въ концѣ концовъ лицо, его совершившее, невиновно, потому что оно дѣйствовало или непреднамѣренно или въ состояніи аффекта, или въ силу посторонняго воздѣйствія.

Что касается вопроса о наказаніи, вопроса о примѣненіи той или иной статьи закона, то для этого надо обладать спеціальными юридическими свѣдѣніями, а далеко не всѣ присяжные такими свѣдѣніями обладаютъ. Такимъ образомъ, новые судебные уставы давали возможность обществу въ важномъ уголовномъ преступленіи подавать свой голосъ, высказывать свое мнѣніе по вопросу о виновности или невинности. То же самое общество выбирало мировыхъ судей, и такимъ образомъ низшая судебная инстанція являлась выборной по общественному довѣрію. Наконецъ, общество въ лицѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ принимаетъ дѣйствительное участіе въ самомъ судебномъ разбирательствѣ и выясняетъ всѣ обстоятельства каждаго, нерѣдко весьма запутаннаго дѣла. Все это гарантировало новый судъ отъ тѣхъ, иногда непоправимыхъ ошибокъ, которыхъ такъ много было въ прежнее, дореформенное время. Конечно, бывали ошибки и въ новомъ судѣ, но онѣ случались гораздо рѣже. Что касается отношеній между администраціей и судебнымъ вѣдомствомъ, то по этому вопросу были сдѣланы отступленія отъ предварительно установленныхъ общихъ положеній. Судьи, утвержденные въ своей должности, по закону несмѣняемы, но судьи, только исправляющіе должность, могутъ быть смѣняемы. Представителей коронной юстиціи (судей) назначаетъ правительство въ лицѣ министра юстиціи, и въ этомъ отношеніи органы судебной власти находятся подъ извѣстнымъ начальственнымъ воздѣйствіемъ. Сверхъ того, начальство въ лицѣ министра юстиціи могло поощрять судью наградами, и слѣдовательно, если судья исполнялъ свои обязанности такъ, какъ это угодно было начальству, онъ могъ разсчитывать на награду. Кро-

мѣ того примѣчаніемъ къ 1-ой статьѣ Судебныхъ Уставовъ устанавливалось, что административная власть принимаетъ въ установленномъ закономъ порядкѣ мѣры для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ, что привело къ изъятію изъ судебной компетенціи многихъ дѣлъ и подчиненію ихъ административной юстиціи.

Такимъ образомъ допущено было извѣстное воздѣйствіе власти административной на первоначальной стадіи судебнаго разбирательства. Но что было особенно существеннымъ, такъ это то, что привлекать къ суду должностныхъ лицъ можно было не иначе, какъ съ согласія ихъ непосредственнаго начальства. Слѣдовательно отвѣтственность по суду должностныхъ лицъ, о которой говорили проекты записки, составленной передовыми общественными группами въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ гг., сдѣлалась на практикѣ почти что фиктивной. Предварительное слѣдствіе, хотя и находилось въ компетентныхъ рукахъ, но защита на немъ не была допущена. Здѣсь, такимъ образомъ, имѣла мѣсто единоличная власть судебнаго слѣдователя. Вотъ тѣ тѣневыя стороны судебной реформы, которыя необходимо было отмѣтить, чтобы выяснить громадное значеніе Уставовъ 20 января 1864 г. Во всякомъ случаѣ громадное моральное и политическое значеніе реформы неоспоримо. Она разрѣшила такіе общечеловѣческіе и общегражданскіе вопросы, о которыхъ мечтали лучшіе люди конца 18 и 1-ой пол. 19 столѣтія. Но проведеніе ея въ жизнь замедлилось тѣмъ, что къ концу 1864 г. въ правительственныхъ сферахъ наступила реакція и самое осуществленіе реформы замедлилось. Повсемѣстно вводить новыя судебныя учрежденія одновременно стали считать неудобнымъ, и въ видѣ опыта новый судъ былъ открытъ только въ 2-хъ округахъ - Петербургскомъ и Московскомъ, охватывающихъ въ общей сложности только 10 губерній. Затѣмъ новыя судебныя учрежденія стали открывать въ другихъ губерніяхъ. На Сибирь эта реформа распространяется только въ наши дни. На такой длительный періодъ растянута была судебная реформа, та реформа, которая должна была въ корнѣ обновить наше гражданское правосознаніе. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что уже вскорѣ послѣ опубликованія судебныхъ уставовъ былъ изъятъ изъ компетенціи присяжныхъ засѣдателей цѣлый рядъ дѣлъ, какъ, напримѣръ,

дѣла о печати и политическія преступленія. Для этихъ дѣлъ вскорѣ былъ установленъ спеціальный судъ судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, т.е. предводителя дворянства, городского головы и волостного старшины.

ЦЕНЗУРНАЯ РЕФОРМА 1865 г.

На ряду съ судебной реформой необходимо отмѣтить и другія преобразованія, тѣсно связанныя съ гражданскимъ обновленіемъ Россіи въ началѣ царствованія Александра II. Я разумѣю временныя правила о печати 6-го апрѣля 1865 г. Они не были тѣмъ цензурнымъ законодательствомъ, которое должно было въ корнѣ обновить положеніе нашей печати и не соотвѣтствовали тому, о чемъ мечтали лучшіе люди эпохи великихъ реформъ. Во всякомъ случаѣ печать, которая сослужила такую громадную службу въ дѣлѣ подготовки назрѣвшихъ преобразованій, должна была вздохнуть свободнѣе послѣ Крымской войны, послѣ того, какъ Севастополь сдѣлался искупительной жертвой нашего безправія и безсудія. Въ мрачный періодъ затяжной реакціи конца Николаевской эпохи наша печать была поставлена въ самыя невозможныя условія. Былъ учрежденъ особый цензурный комитетъ, во главѣ котораго былъ поставленъ „архи-ретроградъ" Бутурлинъ: ему подчинено было все цензурное вѣдомство. Печать была въ буквальномъ смыслѣ задавлена, и Бутурлинъ жалѣлъ только о томъ, что ему не были подчинены спеціальныя цензуры, какъ-то: придворная, военная и духовная. Въ своемъ цензорскомъ усердіи онъ доходилъ до того, что даже въ Акафистѣ Покрову Пресвятой Богородицы находилъ революціоннымъ стихъ: „Радуйся укрощенію владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ". Съ его точки зрѣнія этотъ стихъ долженъ былъ быть уничтоженъ, какъ подкапывающій основу существующаго порядка. Съ 1852 г. воспрещено было даже въ ученыхъ диссертаціяхъ касаться критическаго разбора дѣйствующихъ законовъ, а въ Сводѣ Законовъ еще въ изд. 1857 г. красовалась пресловутая 42 ст. ценз. уст., воспрещавшая пропускать въ печать: „всякія разсужденія о потребностяхъ и средствахъ улучшенія какой-либо отрасли Государственнаго хозяйства и вообще о всѣхъ мѣрахъ, относя-

щихся къ кругу дѣйствій правительства. Поощрялись сочиненія исключительно реакціоннаго направленія. Всѣ эти стѣсненія, наложенн на свободное проявленіе мысли и слова, должны были быть неизбѣжно уничтожены, когда повѣяло новой жизнью. Бутурлинскій комитетъ тотчасъ же по вступленіи Александра II на престолъ былъ закрытъ. Появились новые газеты и журналы, но коренныхъ узаконеній о печати издано не было. Въ 1859 г. въ разговорѣ съ академикомъ Никитенко Александръ II сказалъ, что не желаетъ никакихъ стѣсненій печати, но что вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ допускать „дурного направленія". Уже съ конца 50-хъ гг. начинается обсужденіе вопроса о новомъ цензурномъ уставѣ. Цензурное вѣдомство находилось въ то время въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, но оно тяготилось этой обязанностью, и уже въ 1861 г., когда на постъ министра назначенъ былъ Головнинъ, онъ возбудилъ ходатайство о передачѣ всего цензурнаго дѣла въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ 1862 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ получилъ право подвергать карѣ органы повременной печати, даже закрывать ихъ не только временно, но и навсегда. Такая мѣра наказанія постигла „Современникъ", „Русское Слово" и отчасти Аксаковскій „День". Въ такой-то далеко не благопріятной обстановкѣ стали вырабатываться правила о печати въ особой комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго. Каждый министръ, по словамъ одного современника, выражалъ полное сочувствіе печатному слову, но просилъ только изъять свое вѣдомство.

Въ концѣ концовъ черезъ нѣсколько лѣтъ были выработаны временныя правила, 6 апрѣля 1865 г., вводившія „перемѣны и дополненія въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта."

Этими временными правилами книги переводныя объемомъ до 10 листовъ, а оригинальныя до 20 листовъ, избавлялись отъ предварительной цензуры. Органы повременной печати, журналы и газеты, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, также могли быть избавлены отъ предварительной цензуры. Разрѣшеніе на изданіе газетъ и журналовъ обусловливалось внесеніемъ довольно значительнаго залога на „покрытіе пени", а они сверхъ на-

казаній по суду могли подвергаться административнымъ взысканіямъ за „вредное направленіе" въ видѣ предостереженій отъ министра, при чемъ послѣ 3-го предостереженія газета или журналъ могли быть закрыты или на опредѣленное время, или даже навсегда по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Однако и при этомъ временномъ законодательствѣ, получившемъ, кстати сказать, довольно длительный, почти постоянный характеръ, печать вздохнула свободнѣе и новыя правила были привѣтствованы въ нашей печати довольно единодушно, особенно органами столичной прессы, избавленной отъ предварительной цензуры. Такимъ образомъ, реформировано было и преподаваніе въ высшей школѣ, освобождена была устная преподавательская рѣчь отъ тѣхъ стѣсненій, которымъ она раньше подвергалась, освобождено было и печатное слово отъ того цензурнаго гнета, которымъ подавлялось свободное проявленіе общественной мысли въ старой, дореформенной Россіи. Въ высшей школѣ формировалось міровоззрѣніе подрастающихъ поколѣній, а посредствомъ журналовъ и газетъ распространялись новыя идеи въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Новые принципы могли усваиваться общественнымъ сознаніемъ только при томъ условіи, если они свободно обсуждались на страницахъ журналовъ и газетъ. Таковы тѣ преобразованія, которыя удалось осуществить въ 1-ой половинѣ 60-хъ годовъ, въ моментъ, когда еще замѣтно было нѣкоторое возбужденіе и въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВО ВЪ СЕРЕДИНѢ 60-хъ ГОДОВЪ.

Но на этомъ дѣло не могло остановиться. Въ связи съ земской и судебной реформой въ обществѣ снова пробудились стремленія къ „завершенію зданія", къ введенію народнаго представительства; эти стремленія ярко воплотились въ томъ адресѣ, который принятъ былъ московскимъ дворянскимъ собраніемъ 11-го января 1865 г. Въ этомъ адресѣ между прочимъ говорилось: „Призванному Вами, Государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить основу и крѣпость Россіи. Довершите же, Государь, основан-

ное Вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Повелите Вашему вѣрному дворянству съ этой же цѣлью избрать изъ среды себя лучшихъ людей. Дворянство было всегда твердой опорой русскаго престола. Этимъ путемъ, Государь, Вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ, Вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, Вы достигнете точнаго исполненія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны. Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего престола, и внѣшніе и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла никуда проникнуть." Такими полуполицейскими соображеніями обусловливали московскіе дворяне необходимость созыва народныхъ представителей. Но правительство въ 1865 г. далеко не такъ посмотрѣло на это конституціонное заявленіе, какъ въ эпоху адреснаго движенія 1863 г., въ разгаръ Польскаго возстанія. Московскій адресъ принятъ не былъ, и для того, чтобы предупредить впредь новыя выступленія въ томъ же духѣ, былъ данъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, въ которомъ Александръ II указывалъ, что совершившіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о его постоянной заботливости улучшать и совершенствовать въ имъ самимъ опредѣленномъ порядкѣ разныя отрасли государственнаго устройства. „Право вчинанія по главнымъ частямъ этого постояннаго совершенствованія принадлежитъ исключительно мнѣ, писалъ государь въ этомъ рескриптѣ, и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ мнѣ ввѣренною." Въ заключительныхъ словахъ этого знаменательнаго акта говорилось буквально слѣдующее: „Ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя передо мною ходатайства объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять меня въ исполненіи моихъ предначертаній, ни въ какомъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направлены. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ за-

трудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго передъ престоломъ и отечествомъ мнѣ всегда памятны и къ которому мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ."

Такимъ образомъ дворянству было воспрещено касаться общегосударственныхъ вопросовъ. Дворянство лишилось того права, которымъ пользовалось раньше,- ходатайствовать о мѣстныхъ и общегосударственныхъ пользахъ и нуждахъ. Почти одновременно съ этимъ постигла неожиданная кара и новыя земскія учрежденія. Дѣло въ томъ, что еще въ октябрѣ 1865 года въ Петербургскомъ земствѣ поднятъ былъ вопросъ объ образованіи общегосударственнаго земскаго собранія для обсужденія такого рода дѣлъ, которыя касаются цѣлаго ряда земствъ. Но когда это предложеніе, которое особенно отстаивали Платоновъ и гр.Шуваловъ, было принято, оно было опротестовано и на новыя земскія учрежденія Петербургской губ. наложено было суровое наказаніе. Въ началѣ 1867 г. Петербургское земство было закрыто и его функціи снова были переданы старымъ дореформеннымъ учрежденіямъ. Этой рѣшительной мѣрой воздѣйствія правительство какъ бы хотѣло поставить на видъ новымъ органамъ земскаго самоуправленія, что выходить изъ сферы данной имъ компетенціи оно не допуститъ. Такимъ образомъ и дворянству и земству въ срединѣ 60-хъ гг. воспрещено было касаться вопроса объ общегосударственной реформѣ. Однако эта реформа все же не могла быть снята съ очереди.

Таково было положеніе вещей, когда вся Россія была потрясена выстрѣломъ 4-го апрѣля 1866 г.; это было первое покушеніе на Александра II. Виновникомъ его былъ Каракозовъ, который стрѣлялъ вполнѣ открыто, когда государь возвращался съ прогулки изъ Лѣтняго сада и садился въ коляску. Этотъ выстрѣлъ имѣлъ громадныя роковыя послѣдствія. Послѣ покушенія Каракозова наступаетъ затяжная реакція и въ правительственныхъ и въ общественныхъ сферахъ. Правительство немедленно приняло самыя энергичныя, самыя рѣшительныя мѣры. Образована была подъ предсѣдательствомъ Муравьева, того самаго, который усмирялъ Польское возстаніе, чрезвычайная слѣдственная комиссія съ огромными полномочіями. Обратились къ содѣйствію и общественныхъ силъ для того, чтобы сразу открыть тотъ заговоръ, существованіе котораго предполагали. Но на самомъ дѣ-

лѣ никакого заговора не было. Каракозовъ стрѣлялъ въ императора Александра II по собственной инициативѣ, безъ заранѣе задуманнаго плана, являвшагося результатомъ какого-либо политическаго заговора. Съ большимъ трудомъ въ Москвѣ удалось обнаружить общество, во главѣ котораго стоялъ двоюродный братъ Каракозова, Ишутинъ. Но оно было всецѣло предано мирнымъ соціалистическимъ занятіямъ. Члены этого кружка, къ которому принадлежалъ и самъ Каракозовъ, стремились распространять соціалистическія идеи въ крестьянской и рабочей средѣ, мечтали о томъ, чтобы заняться широкой пропагандой на Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходнаго сообщенія, и указывали на необходимость возбуждать антагонизмъ между крестьянами и дворянами, между обществомъ и представителями власти. Такимъ образомъ, какого-нибудь опредѣленнаго комплота, преслѣдовавшаго террористическія цѣли, слѣдственной комиссіи открыть не удалось. Однако Каракозовъ былъ казненъ, а члены ишутинскаго кружка отправлены въ Сибирь на каторгу. Тѣмъ не менѣе выстрѣлъ 4 апрѣля 1866 г. оставилъ глубокій слѣдъ во всей послѣдующей дѣятельности правительства. Прежде всего послѣдовалъ цѣлый рядъ измѣненій въ составѣ высшихъ должностныхъ лицъ; получили отставку и министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ, и шефъ жандармовъ кн. Долгорукій, и петербургскій генералъ-губернаторъ кн. Суворовъ. У кормила правленія появляются другія лица: молодой генералъ изъ придворной аристократіи гр. Шуваловъ и петербургскій оберъ-полицмейстеръ Треповъ. Во главѣ правительства стала реакціонная клика, въ составъ которой вошли Шуваловъ, Валуевъ и министръ государственныхъ имуществъ Зеленый. Они всячески настаивали передъ имп. Александромъ II на необходимости предпринять самыя рѣшительныя мѣры.

Подъ вліяніемъ этого небольшого кружка правительственныхъ реакціонеровъ изданъ былъ 15 мая 1867 г. рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Гагарина, въ которомъ всѣ вѣдомства, сословія и частныя лица въ домашнемъ быту приглашались къ охранительной дѣятельности и къ борьбѣ съ тлетворными идеями, направленными противъ религіи, собственности и государственнаго порядка. Одновременно издаются важныя распоряженія, касающіяся областного управленія. Губернаторы облекаются чрезвычайными полномочіями, въ силу

которыхъ подчиняются имъ всѣ правительственныя и общественныя учрежденія въ губерніи. Съ этого времени ведетъ свое начало правило, не отмѣненное и до сихъ поръ, что лица, служащія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, утверждаются въ своихъ должностяхъ губернаторомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было, чтобы постановленія земскихъ собраній и протоколы ихъ засѣданій печатались въ газетахъ только съ согласія мѣстной губернской власти. Даже органы судебнаго вѣдомства были отданы какъ бы подъ высшее начальство губернатора, такъ какъ, согласно циркуляру министра юстиціи, судебная власть должна была оказывать всевозможное содѣйствіе начальнику губерніи. Слѣдовательно, конецъ 60-хъ годовъ является моментомъ зарожденія самой безпросвѣтной реакціи. Тѣ самые органы самоуправленія, которые должны были обновить весь мѣстный провинціальный укладъ жизни, сразу поставлены были въ ненормальныя условія своего существованія. Вполнѣ понятно, что лица, стремившіяся отдать всѣ свои силы мѣстной земской службѣ, почувствовали полную невозможность проводить въ жизнь свои либеральные взгляды при ненормальныхъ условіяхъ окружающей дѣйствительности. Очень многіе изъ тѣхъ мѣстныхъ людей, которые мечтали о широкой земской дѣятельности въ началѣ 60-хъ гг., черезъ 9-10 лѣтъ совершенно разочаровались въ возможности плодотворной работы земскаго самоуправленія. Въ провинціи наступаетъ всеобщая апатія; личные эгоистическіе интересы начинаютъ брать верхъ надъ вопросами общественными, надъ широкими задачами новаго государственнаго строительства. Тѣ органы печати, которые еще будили общественную мысль, которые ставили передъ обществомъ новые запросы, а именно „Современникъ" и „Русское Слово", были закрыты навсегда, а такой органъ славянофильской печати, какъ аксаковскій „День", подвергся тоже строгимъ репрессіямъ за рѣзкость тона и несдержанность выраженій. Слѣдовательно и печать, которая раньше оказывала такое сильное воздѣйствіе на общественное мнѣніе, поставлена была въ узкія и тѣсныя рамки. Но несмотря на реакціонный характеръ правительственной дѣятельности послѣ 1866 года, тѣ реформы, которыя выдвигались самой жизнью, не могли быть сняты съ очереди. Несмотря на охранительный реакціонный тонъ всѣхъ правительственныхъ заявленій, въ эти годы все-таки разработаны были еще двѣ реформы, оказавшія сильное вліяніе на

развитіе нашей общественной и государственной жизни. Я имѣю въ виду введеніе новаго городского самоуправленія 1870 г. и всеобщей воинской повинности въ 1874 г.

РЕФОРМА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНІЯ 1870 ГОДА.

Что касается реформы городского самоуправленія, то она была такъ же неизбѣжна, какъ и введеніе земскихъ учрежденій. Вѣдь русскій дореформенный городъ насквозь былъ проникнутъ рѣзкимъ сословнымъ антагонизмомъ. Вѣдь въ рамкахъ стараго строя невозможно было представителямъ различныхъ сословій, интересы которыхъ иногда взаимно исключали другъ друга, засѣдать вмѣстѣ и обсуждать сообща городскія пользы и нужды. Хотя законодательство Екатерины II 1785 г. и создавало въ городахъ общую и шестигласную думы, въ которыхъ засѣдали представители 6 разрядовъ городского населенія, однако это всесословное самоуправленіе было только на бумагѣ. На дѣлѣ дворяне, представители высшаго класса, не хотѣли принимать участія въ городскихъ дѣлахъ, не желая сидѣть бокъ о бокъ съ представителями „черной кости". А городское управленіе, превратившееся въ результатѣ почти исключительно въ органъ торгово-промышленнаго класса, фактически не могло осуществлять своихъ правъ, такъ какъ рядомъ съ думами находилось правительственное учрежденіе, управа благочинія, съ тѣми же самыми функціями и задачами. Вполнѣ понятно, что рѣзкой, демаркаціонной черты нельзя было провести между дѣятельностью 6-гласной думы и мѣропріятіями управы благочинія. На дѣлѣ выходило такъ, что средства доставляла первая, а расходовала ихъ вторая. Слѣдовательно вопросъ о городской реформѣ долженъ былъ самъ собою стать на очередь, такъ какъ послѣ отмѣны крѣпостного права сглажена была грань между господиномъ и рабомъ и уничтожено было то соціальное подраздѣленіе, которое обычно въ дореформенный періодъ расчленяло русское общество на привилегированныхъ и безправныхъ. Городъ сразу ожилъ въ условіяхъ новой жизни; въ него толпой направились и дворяне, получившіе выкупныя свидѣтельства, и крестьяне, выкупившіеся на волю, и тѣ самые дворовые, которые,

не получивъ земли, но зная много ремеселъ, вынуждены были гдѣ-нибудь на сторонѣ отыскивать себѣ заработокъ. Въ условіяхъ этой новой городской жизни и надо было организовать новое безсословное самоуправленіе. Передъ такимъ самоуправленіемъ вставали неотложныя задачи, - поднять городское благоустройство, дать отвѣтъ на культурные запросы, выдвигаемые новыми условіями городского быта. Старые органы полусословные, полукоронные, конечно, не могли удовлетворить этой важной, насущной потребности. Еще въ Николаевскую эпоху, въ 1846 г. для Петербурга проведено было новое городовое положеніе, хотя покоившееся на сословныхъ принципахъ. Всѣ городскіе жители были подраздѣлены на 5 сословій. Вводилось совмѣстное обсужденіе тѣхъ дѣлъ, которыя касались всѣхъ городскихъ жителей. Что же касается вопросовъ, относящихся до круга вѣдѣнія какого-либо одного сословія, то они въ общую думу не вносились. Послѣ 1861 г. надо было этотъ принципъ общаго обсужденія городскихъ пользъ и нуждъ провести повсемѣстно. Въ безсословномъ, раскрѣпощенномъ строѣ надо было ввести и безсословное городское самоуправленіе. Съ 1862 г. образована была, по Высочайшему повелѣнію, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, комиссія для выработки общихъ началъ будущей городской реформы. Эти общія начала вырабатывались въ центрѣ, но вмѣстѣ съ этимъ и по городамъ образованы были всесословныя комиссіи для составленія проектовъ реформы городского управленія. Значитъ, при выработкѣ новаго городового положенія правительство не сочло возможнымъ обойтись безъ содѣйствія мѣстныхъ силъ. Но разница между крестьянской реформой и городской состояла въ томъ, что тѣ пожеланія, которыя были высказаны на мѣстахъ, въ губернскихъ и дворянскихъ комитетахъ, были приняты во вниманіе, то же, что составлено было въ городскихъ комиссіяхъ, можно сказать, совершенно не вошло въ составъ новаго городового положенія. А эти пожеланія были въ высшей степени знаменательны. Въ нихъ указывалось на то, чтобы новое городское самоуправленіе было независимо отъ мѣстной администраціи, чтобы оно было дѣйствительно безсословнымъ, чтобы въ немъ могли принимать участіе представители всѣхъ городскихъ жителей безъ различія національности и вѣроисповѣданія, чтобы, на ряду съ имущественнымъ цензомъ, былъ вве-

день и цензъ образовательный. Въ этихъ комиссіяхъ подымался даже вопросъ о подчиненіи городскому самоуправленію всей городской полиціи, средства на содержаніе которой долженъ былъ доставлять городъ. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ былъ поставленъ передъ правительствомъ мѣстными городскими выборными. Но именно потому, что все дѣло разработки реформы сосредоточилось въ петербургскихъ министерскихъ сферахъ, многія изъ этихъ пожеланій не были приняты во вниманіе. Первый проектъ Городового Положенія былъ готовъ уже въ 1866 г., когда его и внесли въ Государственный Совѣтъ. Но въ виду того, что съ одной стороны наступила правительственная реакція, а съ другой потому, что въ 1868 году вышелъ въ отставку Валуевъ, этотъ проектъ былъ возвращенъ снова въ министерство внутреннихъ дѣлъ для переработки его согласно со взглядами новаго министра Тимашева. Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія онъ былъ снова внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Но Государственный Совѣтъ, не удовлетворившись новыми добавленіями, вернулъ его снова для переработки въ комиссію съ представителями мѣстныхъ людей. Были приглашены столичные головы, нѣсколько гласныхъ отъ столицъ и нѣсколько гласныхъ отъ крупныхъ губернскихъ городовъ. Въ этой комиссіи и былъ окончательно переработанъ проектъ, внесенный затѣмъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ былъ разсмотрѣнъ въ началѣ 1870 г., и 16 іюля 1870 г. положеніе о новомъ городскомъ самоуправленіи было наконецъ утверждено государемъ. Такимъ образомъ почти 10 лѣтъ разрабатывался этотъ законопроектъ, прежде чѣмъ городъ получилъ новое безсословное самоуправленіе. Но именно потому, что на выработкѣ новаго закона отразились разныя правительственныя вѣянія, законъ этотъ вышелъ далеко не совершеннымъ. Отъ того принципа, который былъ сначала положенъ въ основаніе проекта положенія, а именно - что городское общество составляютъ всѣ городскіе жители, которые и могутъ участвовать въ выборахъ, - къ концу работы отступили. Новое городовое положеніе 1870 г. получило довольно ярко выраженный буржуазный характеръ. Намъ прежде всего придется остановиться на вопросѣ о томъ, кто былъ призванъ къ городскимъ выборамъ и какъ эти выборы были организованы. Въ составъ городскихъ

избирателей входили лица, уплачивающія какой-либо городской налогъ, не моложе 25 лѣтъ. Такимъ образомъ, всѣ владѣльцы недвижимой собственности въ предѣлахъ города, затѣмъ всѣ, выправлявшіе гильдейскія свидѣтельства на купеческую торговлю, лица обладавшія прикащичьими свидѣтельствами 1-го разряда, а также владѣльцы промышленныхъ заведеній, могли участвовать въ городскихъ выборахъ. Что касается квартиронанимателей, интеллигенціи и пролетаріата, то всѣ эти элементы городского населенія были устранены отъ избирательныхъ урнъ. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ значительный шагъ назадъ сравнительно съ городовымъ положеніемъ Екатерины II. Тамъ лица интеллигентныхъ профессій, обладавшія дипломами высшихъ учебныхъ заведеній, составляли одинъ изъ разрядовъ городскихъ избирателей. Всѣ избиратели, удовлетворявшіе опредѣленнымъ цензовымъ требованіямъ по Положенію 1870 г., избирали гласныхъ въ думу, но не на общегородскомъ территоріальномъ началѣ, а на принципѣ такъ наз. трехклассной прусской системы. Въ Пруссіи въ эпоху реакціи установлено было три класса избирателей, для того, чтобы обезпечить и въ ландтагахъ и въ общегосударственныхъ учрежденіяхъ преобладаніе консервативныхъ элементовъ. Это же самое побужденіе дать преобладаніе въ городской жизни элементамъ болѣе устойчивымъ, консервативно настроеннымъ, и заставило составителей Городового Положенія всѣхъ городскихъ избирателей раздѣлить на три разряда или на три избирательныя куріи. Въ составъ 1-ой куріи входили самые крупные цензовики, въ составъ второй - цензовики, менѣе состоятельные - средняя группа, а въ составъ 3-ей куріи входили всѣ остальные городскіе избиратели, уплачивающіе какой-либо налогъ въ пользу города. Всѣ эти куріи были равновелики по количеству тѣхъ налоговъ, которые уплачивались въ пользу города. Одна треть городскихъ налоговъ уплачивалась съ крупнаго имущества, другая треть съ имущества средняго размѣра и остальная треть - мелкими городскими землевладѣльцами и плательщиками мелкихъ налоговъ. Значитъ, каждая курія представлена была одинаковымъ количествомъ налоговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая курія и выбирала одинаковое количество гласныхъ. Слѣдуетъ небольшая кучка крупныхъ цензовиковъ, - крупныхъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ, которые избирали столь-

ко же гласныхъ, сколько выбирали и цензовики II категоріи и лица, входившія въ III-ью курію, т.е. средніе и мелкіе землевладѣльцы и домовладѣльцы. При этомъ, естественно, обезпечивались интересы представителей крупныхъ элементовъ городского населенія, а мелко-буржуазный городской обыватель былъ затертъ этими двумя первыми куріями городскихъ избирателей. Слѣдовательно, буржуазный принципъ былъ строго проведенъ въ этомъ новомъ Городовомъ Положеніи 1870 г. Количество гласныхъ было строго ограничено. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ было не болѣе 300 избирателей, количество гласныхъ установлено въ 30 человѣкъ. Затѣмъ на каждые лишніе 150 избирателей предоставлялось шесть мѣстъ городскихъ гласныхъ. Въ результатѣ самый высшій комплектъ въ думѣ равнялся 72. Это для губернскихъ городовъ. Что касается Москвы и Петербурга, то тамъ, принимая во вниманіе значительный численный составъ населенія, установлено было количество гласныхъ нѣсколько высшее,- для Москвы 180 гласныхъ, а для Петербурга - 252. Такимъ образомъ, колебаніе городскихъ гласныхъ происходило въ предѣлахъ отъ 30 - 252. Что касается организаціи городского самоуправленія, то оно раздѣлялось на 2 учрежденія,- на городскую думу и городскую управу, съ тѣми же самыми функціями, какъ и въ земскихъ учрежденіяхъ. Городская дума - это органъ распорядительный, а городская управа - это органъ исполнительный.Городская управа засѣдаетъ постоянно, а городская дума собирается разъ въ недѣлю; въ чрезвычайныхъ же случаяхъ можетъ засѣдать и чаще. Оба эти учрежденія объединялись въ лицѣ городского головы, избраннаго изъ состава гласныхъ и являвшагося предсѣдателемъ и исполнительнаго и распорядительнаго органа городского самоуправленія. Это было проведено для того, чтобы исключить возможность слишкомъ шумныхъ преній, слишкомъ большихъ партійныхъ треній въ городской думѣ при обсужденіи образа дѣйствій исполнительнаго органа. Но неудобство, вытекающее изъ этого положенія, было громаднымъ. Вѣдь городская управа въ составѣ городского головы и нѣсколькихъ членовъ отвѣтственна передъ городской думой, слѣдовательно самъ городской голова, какъ предсѣдатель городской думы, руководитъ преніями въ обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ

образомъ дѣйствій того самаго органа, головой котораго онъ является. Такимъ образомъ городской голова какъ бы обсуждаетъ мѣропріятія самого себя и своихъ помощниковъ по дѣятельности въ городской управѣ. Что касается компетенціи органовъ городского управленія, то она была тождественна съ кругомъ вѣдомства земскаго самоуправленія, а касалась исключительно мѣстныхъ хозяйственныхъ вопросовъ. Однако городская дума получила право, котораго не было у земства, - право издавать обязательныя постановленія, хотя наблюдать за исполненіемъ этихъ обязательныхъ постановленій должна была городская полиція, подчиненная мѣстной коронной администраціи. Взаимоотношенія между органами городского управленія и правительственной властью установились совершенно такъ же, какъ и въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. Губернаторъ долженъ былъ наблюдать за законностью постановленія городской думы и законностью мѣропріятій городской управы и могъ пріостанавливать ихъ, если они отклонялись отъ закона. Конфликты между органами городского самоуправленія и губернской властью разрѣшались такъ наз. особымъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ; это былъ совѣщательный органъ при губернаторѣ, въ составъ котораго входили представители мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій, а также два члена отъ городского самоуправленія: обычно городской голова и одинъ изъ гласныхъ. Если въ этомъ особомъ присутствіи конфликтъ не разрѣшался окончательно, то городское самоуправленіе могло обжаловать рѣшенія губернатора и особаго по городскимъ дѣламъ присутствія въ первый департаментъ Правительствующаго Сената. Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе Городового Положенія 1870 г. Въ виду того, что мелкіе цензовики были обойдены количественно, имъ естественно приходилось брать качествомъ и проводить въ гласные людей съ высшимъ и среднимъ образованіемъ для того, чтобы отстаивать интересы широкихъ массъ городского населенія. Дѣйствительно, къ концу 80-хъ годовъ 19 вѣка 72 % всѣхъ гласныхъ по 3-ей куріи были лица съ высшимъ и среднимъ образованіемъ: инженеры, врачи, адвокаты, профессора и другіе представители интеллигентныхъ профессій. Такимъ образомъ удавалось отстоять интересы городской бѣдноты, которые требовали наиболѣе благопріятнаго раз-

рѣшенія. А все это были вопросы въ высшей степени важные; надо было создать изъ города культурный центръ, надо было устроить въ городѣ больницы, школы, богадѣльни, провести улучшенные пути сообщенія, водопроводы и т.п. Благодаря усиліямъ именно этихъ интеллигентныхъ гласныхъ, вопросы городского благоустройства начали постепенно разрѣшаться. Конечно, этому помогло и то, что вслѣдствіе отмѣны крѣпостного права промышленный ростъ городовъ сдѣлался чрезвычайно замѣтнымъ, и вмѣсто 10 городовъ, обладавшихъ въ 1871 г. среднимъ бюджетомъ съ 200,000 руб. ежегодно, мы встрѣчаемъ въ 1889 г. уже 39. Стали заключаться займы, достигшіе къ началу 90-хъ гг. 9 милліоновъ рублей и шедшихъ на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ городской жизни. Слѣдующая небольшая таблица можетъ лучше всего показать, какъ интенсивно стали разрѣшаться потребности городского населенія въ періодъ между 70 - 89 гг.

По всей Россіи тратилось:

	1871 г.	1889 г.
На школы	581.140 р.	439.220 р.
На благотворительн.учрежденія	785.977 р.	5219.740 р.
На содержаніе медицинскаго персонала	91.767 р.	490.020 р.

Эти цифровыя данныя лучше всего показываютъ, какъ стали удовлетворяться потребности низшихъ слоевъ городского населенія. Въ этомъ отношеніи какъ въ уѣздѣ, такъ и въ городѣ принципъ самоуправленія явился необходимымъ жизненнымъ ферментомъ для того, чтобы разрушены были старые устои жизни и выдвинуто было на ближайшую очередь разрѣшеніе того, что не могло ждать.

ВВЕДЕНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ ВЪ 1874 г.

Но наиболѣе важное значеніе изъ этихъ послѣднихъ реформъ Александра II имѣетъ Уставъ о всеобщей воинской повинности 1-го января 1874 г. Если въ дореформенной Россіи рекрутская повинность являлась одной изъ наиболѣе тяжелыхъ, съ уничтоженіемъ крѣпостного права она должна была, естественно, въ корнѣ измѣниться. Вѣдь въ прежнее время, начиная съ эпохи Петра Великаго, эта рекрутская повинность лежала исключительно на крестьян-

скихъ и мѣщанскихъ плечахъ. Дворяне, какъ вамъ извѣстно, были избавлены отъ обязательной службы по манифесту 1762 г. и жалованной грамотой 1785 г. Крупное купечество могло откупаться отъ рекрутства, ставя вмѣсто себя охотника. Такимъ образомъ наиболѣе состоятельные элементы не отбывали этой „повинности крови", которая въ рамкахъ дореформеннаго строя была особенно тяжела, такъ какъ военная служба продолжалась цѣлыхъ 25 лѣтъ. Если положеніе крѣпостного крестьянина было невыносимо, то положеніе рекрута, этого крѣпостного солдата, являлось еще болѣе вопіющимъ, невозможнымъ. Суровая дисциплина и жестокое обращеніе многихъ солдатъ вгоняли въ гробъ. Кулачная расправа была самымъ распространеннымъ явленіемъ, за малѣйшую провинность подвергали наказанію или розгами или шпицрутенами, а неисправныхъ сдавали въ дисциплинарные батальоны, которые для солдатъ были своего рода каторжной тюрьмой. Вслѣдствіе сословныхъ и всякаго рода другихъ изъятій насчитывалось 5 1/2 милліоновъ избавленныхъ отъ рекрутской повинности на 24 1/2 милліона подлежавшихъ ея отбыванію. Такимъ образомъ почти 1/6 часть всего населенія избавлена была отъ рекрутской повинности. При такихъ условіяхъ невозможна была организація военной службы въ рамкахъ обновленнаго пореформеннаго строя. Вопросъ о коренной реформѣ нашей воинской повинности всталъ на очередь немедленно послѣ Крымской войны и освобожденія крестьянъ въ 1861 г. Если крестьянская реформа связана съ именемъ Н.А.Милютина, то военная реформа 1874 г. всецѣло обязана энергіи его старшаго брата, Д.А.Милютина, который вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ какъ разъ въ годъ освобожденія крестьянъ. Въ теченіе цѣлыхъ 13 лѣтъ вырабатывался уставъ о всеобщей воинской повинности, опубликованный 1 января 1874 г., когда ясно доказали и условія внутренней жизни, и обстоятельства внѣшней политики, что при старомъ порядкѣ пополненія войска посредствомъ рекрутскаго набора оставаться долѣе нельзя.

Начиная съ 1862 г. Милютинъ сталъ энергично разрабатывать военную реформу. Прежде всего сокращенъ былъ срокъ обязательной службы до 15 лѣтъ; воспрещено было отдавать въ солдаты провинившихся, какъ это было раньше, въ эпоху крѣпостного права. Дѣлались попытки поднять умственный и нравствен-

ный уровень солдатской массы устройствомъ школъ, бесѣдъ подъ руководствомъ наиболѣе образованныхъ офицеровъ. Самый составъ офицерства былъ также обновленъ. Такъ Милютинъ сталъ образовывать специальныя учебныя заведенія для подготовки офицерскаго состава. Но вопросъ о введеніи всеобщей воинской повинности тормозился потому, что лица привилегированныхъ состояній не могли допустить мысли, что они - „господа"- будутъ служить на одинаковомъ положеніи со своими вчерашними рабами. Купечество же не могло примириться съ тѣмъ, что ему нельзя будетъ откупаться отъ солдатчины. Въ такомъ половинчатомъ направленіи разрѣшался этотъ вопросъ въ теченіе 60-хъ годовъ, но двинули его къ благопріятному разрѣшенію обстоятельства военнаго времени. Въ 1870-71 г. разразилась франко--прусская война и небольшая сравнительно Пруссія одержала верхъ надъ имперiей Наполеона III только благодаря тому, что въ ней введена была всеобщая воинская повинность, что въ ней и солдатскій и офицерскій составъ былъ на надлежащей высотѣ.

Такимъ образомъ армія, составленная изъ представителей всѣхъ группъ населенія, армія образованная, армія понимающая тѣ распоряженія, которыя отдавались высшимъ начальствомъ,становилась залогомъ военнаго успѣха. А такъ какъ въ началѣ 70-хъ гг. возможны были столкновенія между Россіей и западными сосѣдями, то естественно надо было поставить русскую армію на надлежащую общеевропейскую высоту. И благодаря стараніямъ министра Милютина и поддержкѣ, оказанной ему велик.кн. Константиномъ Николаевичемъ, уже въ 1872 г. основныя положенія реформы были утверждены государемъ, а 1-го января 1874 г, послѣ обсужденія новаго законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ, она получила окончательную силу. Что же давалъ этотъ новый законъ въ дѣлѣ отбыванія воинской повинности? Теперь въ отбываніи солдатской службы сравнены были всѣ общественные элементы. Изъятія по сословнымъ или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ не допускались. Всѣ лица, достигшія призывного возраста 20 л. или 21 года, должны были вынимать жребій,и вынувшіе ближайшій жребій въ опредѣленномъ количествѣ, каждый разъ устанавливающемся въ законодательномъ порядкѣ, должны были отбывать дѣйствительную службу, остальные зачислялись въ запасъ. Вся служба, дѣйствительная и въ запасѣ, продолжалась

отъ 10 до 15 лѣтъ, при чемъ въ сухопутномъ войскѣ 6 лѣтъ дѣйствительной службы и въ запасѣ 9 лѣтъ, а во флотѣ 7 л. дѣйствительной службы и 3 года въ запасѣ. Что касается изъятій и льготъ, то эти изъятія и льготы установлены были въ высшей степени цѣлесообразно. Избавлялись отъ воинской повинности, во-первыхъ, священнослужители всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и православные псаломщики, затѣмъ, по семейному положенію: единственные сыновья при отцѣ, не способномъ къ труду, или при матери-вдовѣ. Что касается льготъ, то онѣ были таковы: во-первыхъ, избавлялись отъ отбыванія обязательной службы всѣ лица, занимавшія преподавательскія мѣста въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ содержимыхъ на правительственный счетъ, такъ и тѣхъ, которые содержались на общественныя и на частныя средства, но пользовались правами правительственныхъ учебныхъ заведеній. Но всѣ эти преподаватели зачислялись въ запасъ на 15 лѣтъ. Затѣмъ, льготу по отбыванію воинской повинности получали лица, имѣвшія опредѣленное образованіе; прошедшіе народную школу или городское училище отбывали дѣйствительную службу только 4 года, а прошедшіе высшую школу - 1/2 года; соотвѣтственно съ этимъ увеличивалось количество лѣтъ, которое эти лица числились въ запасѣ, т.е. въ 1-мъ случаѣ они числились въ запасѣ 11 лѣтъ, а во второмъ случаѣ 14 1/2 лѣтъ. Кромѣ того для лицъ, имѣвшихъ опредѣленное образованіе не ниже 6 классовъ среднеучебнаго заведенія, отбывать воинскую службу можно было не по общему порядку, а въ видѣ такъ называемыхъ вольноопредѣляющихся, отбывавшихъ службу въ зависимости отъ образованія отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 2 лѣтъ съ тѣмъ, что въ извѣстный срокъ эти лица могли держать экзаменъ на офицерскій чинъ. Такимъ образомъ, воинская повинность пріобрѣла общегражданскій характеръ. Военная реформа нивеллировала русское общество такъ же, какъ нивеллировала его за 10 лѣтъ передъ тѣмъ и судебная реформа. И въ томъ и въ другомъ случаѣ передъ лицомъ закона всѣ были равны. Тѣ льготы, которыя были сдѣланы по уставу 1894, способствовали одному - поднятію образовательнаго уровня въ народной массѣ. Теперь явился извѣстный побудительный стимулъ - къ полученію образованія, такъ какъ оно давало возможность меньше находиться на дѣйствительной службѣ. Но вмѣстѣ съ

тѣмъ образованные люди, которые могли оказывать большую пользу родинѣ внѣ стѣнъ солдатской казармы, находились въ этой казармѣ сравнительно небольшое количество времени. Интересно, что во время обсужденія этого законопроекта послѣдній пунктъ встрѣтилъ особенно сильное возраженіе со стороны министра народнаго просвѣщенія графа Толстого. Гр. Толстой указывалъ, что не слѣдуетъ устанавливать льготу для лицъ, получившихъ образованіе, что они должны отбывать воинскую повинность наравнѣ со всѣми остальными обывателями. Онъ также настаивалъ на томъ, что для лицъ, находящихся въ высшей школѣ, не слѣдуетъ устанавливать отсрочку для отбыванія воинской повинности до окончанія ими курса въ высшемъ учебномъ заведеніи. По мнѣнію Толстого студенты, разъ они достигли призывного возраста, должны были отбывать воинскую повинность на ряду со всѣми. По этому пункту военному министру Милютину приходилось доказывать министру народнаго просвѣщенія Толстому, что наука не терпитъ перерыва, что необходимо дать возможность молодому человѣку получить законное образованіе и безъ вреда для науки отбывать военную службу. Затѣмъ, Толстой возражалъ и противъ института вольноопредѣляющихся, говоря, что этимъ путемъ понизится сословный уровень офицерства, дворянскій характеръ офицерскаго сословія замѣнится разночиннымъ, когда войдутъ въ его составъ купцы и мѣщане. По всѣмъ этимъ пунктамъ Толстой оказался въ меньшинствѣ, его поддерживали 4-5 членовъ Государственнаго Совѣта, а на сторонѣ Милютина было громадное большинство 29 членовъ.

Такимъ образомъ, военная реформа, доведшая составъ нашей арміи до 1,270,000 человѣкъ, явилась завершеніемъ тѣхъ освободительныхъ мѣропріятій, которыми ознаменованы 60-ые гг. XIX стол. Если воинская повинность является до извѣстной степени зломъ съ общегражданской точки зрѣнія, до тѣхъ поръ, покуда эта повинность не можетъ быть уничтожена по общегосударственнымъ и международнымъ условіями, ее должны отбывать всѣ. Нельзя установить какихъ-либо сословныхъ, какихъ-либо имущественныхъ изъятій. Передъ тяжестью военной службы должны быть всѣ уравнены; и этотъ принципъ нивеллировки политическаго уравненія русскаго раскрѣпощеннаго гражданскаго

общества былъ проведенъ уставомъ и всеобщей воинской повинности 1874 г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЭПОХИ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ

Я сдѣлалъ въ общихъ чертахъ связанный по мѣрѣ возможности очеркъ тѣхъ преобразованій, которыя были осуществлены въ 1-ую 1/2 царствованія Александра II. Они явились какъ бы необходимымъ отвѣтомъ на тотъ вопросъ, который сталъ передъ русскимъ правительствомъ и обществомъ, въ моментъ распада всей старой Николаевской системы, надъ развалинами Севастополя. Русская жизнь и въ хозяйственномъ, и въ политическомъ отношеніи требовала кореннопо переустройства. И всѣ тѣ реформы, которыя прошли вереницей надъ русскимъ обществомъ, начиная съ крестьянской 1861 и кончая военной 1874 г., явились своепо рода лопическимъ завершеніемъ топо, что было выдвинуто ходомъ историческихъ обстоятельствъ. Эти реформы не были завершены общеполитическимъ преобразованіемъ; зданіе осталось безъ крыши, но реформа политическая, можно сказать, во все время царствованія Александра II не снималась съ очереди. Однако и то, что было сдѣлано, - тѣ гражданскія реформы, которыя были осуществлены при взаимной поддержкѣ правительства и общества, а иногда усиліями одного только правительства, въ корнѣ обновили нашъ старый дореформенный строй. Достаточно указать, что въ матеріальномъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ Россія конца царствованія Александра II не была той безправной, замурованной въ своемъ оцѣпенѣніи Русью, съ которой мы познакомились въ исходѣ 1-ой 1/2 XIX стол. Удобные пути сообщенія, которые явно констатируютъ извѣстный техническій и хозяйственный подъемъ въ странѣ, въ концѣ царствованія Николая I находились въ довольно печальномъ положеніи. У насъ были только Николаевская жел.дор. отъ Москвы до Петербурга, Царско-Сельская - отъ Петербурга до Царскаго Села, да небольшой участокъ отъ Варшавы до Западной границы; всего-на-всего наша желѣзно-дорожная сѣть своимъ протяженіемъ равнялась 970в. въ 1858г., а въ концѣ царствованія Александра II-го длина рельсовыхъ путей въ Россіи достигла 23857 верстъ.

Значитъ, въ этомъ отношеніи замѣтенъ крупный прогрессъ. Проведеніемъ телеграфныхъ проводовъ сокращается также разстояніе между отдѣльными пунктами. Быстрота, съ которой распространялись извѣстія по пространству всей Россіи, указывала, что участился пульсъ общественной жизни. Если въ концѣ царствованія Николая I протяженіе всей телеграфной сѣти равнялось 2 тыс. верстъ, то въ концѣ царствованія Александра II оно достигло 75 тыс. верстъ. То же извѣстное, поступательное движеніе можетъ быть констатировано и въ другой области. На ряду съ этимъ матеріальнымъ прогрессомъ мы замѣчаемъ извѣстное поступательное движеніе и въ сферѣ интеллектуальной, въ школьной и воспитательной. Мнѣ уже приходилось говорить о печальномъ положеніи нашей школы въ концѣ царствованія Николая I. До реформы городского управленія, напримѣръ, во всѣхъ городахъ было 1095 всѣхъ учебныхъ заведеній, а число трактировъ и питейныхъ заведеній доходило до 12 слишкомъ тысячъ; а что касается конца царствованія Александра II, то всего учебныхъ заведеній насчитываютъ начальныхъ учебныхъ заведеній въ 60 губерніяхъ 22770, съ количествомъ учащихся въ 1,140,915.

Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ громадный шагъ впередъ за истекшее 25-лѣтіе. Для современниковъ вполнѣ очевиденъ былъ тотъ прогрессъ, который совершился въ Россіи въ царствованіе Александра II. Дѣйствительно, жизнь обновилась и приняла совершенно иныя матеріальныя и интеллектуальныя формы. Но на тѣхъ успѣхахъ, которые Россія сдѣлала за 25 лѣтъ царствованія Александра II, остановиться было нельзя. Жизнь властно указывала на необходимость итти все впередъ и впередъ, учитывая то многообразіе жизненныхъ отношеній, которое развертывалось передъ русскимъ обществомъ второй половины XIX вѣка. То, что было сдѣлано въ царствованіе Александра II, требовало дополненій и измѣненій. Лозунгомъ старой дореформенной Россіи было - застой и оцѣпенѣніе, а лозунгомъ молодой пореформенной Россіи - прогрессъ и движеніе впередъ.

РАДИКАЛЬНЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РУССКОМЪ ОБЩЕСТВѢ КОНЦА ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА II.

Но въ то время, какъ правительство, скрѣпя сердце, осуществляло послѣднія изъ выдвинутыхъ самой жизнью преобразованій и свинцовая туча реакціи все болѣе и болѣе заволакивала правительственныя вершины, въ нѣдрахъ русскаго общества зарождалось новое идейное движеніе, шла дружная напряженная созидательная работа. Если либеральные дворянскіе элементы подъ вліяніемъ правительственнаго воздѣйствія затихли и замолкли, если только въ одномъ Тверскомъ земствѣ изъ всѣхъ остальныхъ, прежніе завѣты сохранились ненарушимо и свѣтили яркимъ блескомъ даже въ эпоху затяжной реакціи, то въ молодыхъ радикальныхъ общественныхъ группахъ возникла новая программа, возникли новыя стремленія разрѣшить такъ или иначе всѣ больные, жгучіе вопросы. Въ тотъ моментъ, когда въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ замолкли порывы къ коренной политической реформѣ, въ радикальной молодежи зарождаются свои проекты. Въ этихъ общественныхъ группахъ задумываются надъ теоріей общественнаго и государственнаго строительства. Тѣ самыя историческія событія, которыя разразились въ Россіи въ началѣ 60-хъ гг., были какъ бы исходнымъ пунктомъ для широкаго движенія радикально настроенной молодежи. Подъ вліяніемъ популяризаціи новѣйшихъ западно-европейскихъ соціальныхъ и біологическихъ проблемъ „Современникомъ" и „Русскимъ Словомъ" радикализмъ все шире и шире распространялся въ русскомъ обществѣ. Все росло и росло недовольство среди подрастающихъ поколѣній. Уже въ 1861 г., послѣ суровой расправы съ петербургскимъ студенчествомъ, Герценъ впервые указалъ, въ какомъ направленіи должна дѣйствовать учащаяся молодежь. „Ну, куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку? Сказать вамъ: куда? - Прислушайтесь - благо тьма не мѣшаетъ слушать - со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ,- это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. Въ народъ! къ народу - вотъ вамъ мѣсто, изгнанники науки, покажите всѣмъ, что изъ васъ выйдутъ не подьячіе, а воины, но не безродные

наемники, а воины народа русскаго!"

Такимъ образомъ, кличъ „въ народъ" былъ брошенъ въ русское общество; и стремленіе подойти къ той самой народной массѣ, которая была юридически раскрѣпощена, но экономически придавлена реформой 1861 г., сдѣлалось основнымъ стимуломъ нарождающейся разночинной интеллигенціи. Съ одной стороны хотѣли осуществить въ народной массѣ культуртрегерскія задачи, съ другой - зарождалось стремленіе пойти въ народъ съ пропагандой соціалистическихъ и даже анархическихъ идей. Культуртрегерская работа была прервана въ самомъ началѣ послѣ 1862 г., вторая же струя стала давать себя чувствовать съ середины 60-хъ гг. Въ этомъ послѣднемъ теченіи, можно сказать, сразу намѣтилось два направленія: одно вполнѣ мирное соціалистическое, другое - анархическаго, бунтарскаго характера.

Представителемъ перваго направленія былъ Лавровъ-Миртовъ; представителемъ второго - Бакунинъ и нѣкоторые его последователи, вродѣ Нечаева. Въ самой Россіи стали образовываться кружки и мирнаго и революціоннаго характера. Такъ, напримѣръ, въ концѣ 60-хъ гг. въ Петербургѣ имѣлъ мѣсто кружокъ Чайковскаго и кн. Крапоткина, соціалистическаго направленія; въ Москвѣ же образовался кружокъ Долгушина и Дмоховскаго, преслѣдовавшій цѣли чисто революціоннаго характера. Чайковскій старался подойти къ крестьянской и рабочей массѣ съ теоретическими положеніями западно-европейскаго соціализма и анархизма; а кружокъ Долгушина хотѣлъ распропагандировать крестьянскую и рабочую сферу для немедленнаго коренного общественнаго и государственнаго переворота. Вотъ съ этими двумя теченіями намъ придется еще столкнуться при характеристикѣ народничества и народовольства 70-хъ гг. Какъ разъ въ то самое время, когда правительство окончательно вступило на путь реакціи, когда затихли просвѣтительныя работы земства и городского самоуправленія и когда власть центральная, въ лицѣ 3-го отдѣленія и министерства внутреннихъ дѣлъ, и провинціальная, въ лицѣ губернаторовъ и жандармскаго начальства, стала сильно тормозить работу мѣстныхъ людей, радикальное теченіе въ русскомъ обществѣ все росло и крѣпло. Съ одной стороны на ростъ радикализма повліяла про-

паганда западно-европейскаго соціализма, въ лицѣ такъ называемаго интернаціонала, основаннаго Марксомъ и Бакуниным, съ другой успѣхъ французской коммуны въ 71 г., и, наконецъ, съ третьей - циркулярное предписаніе правительства съ требованіемъ возвращенія изъ западно-европейскихъ университетовъ всѣхъ русскихъ учащихся въ извѣстный срокъ и съ угрозой всѣхъ ослушниковъ поставить внѣ закона. Благодаря всему этому среди молодого поколѣнія широко распространялись радикальныя идеи, переносились на русскую почву готовые элементы для соціалистической и революціонной пропаганды. Впервые весною 1874 г. двинулось въ народъ много учащейся молодежи: и лица, получившія профессіональное образованіе, какъ, напримѣръ, фельдшера, акушерки и врачи, и представители дворянской интеллигенціи, сознававшіе свой долгъ передъ народомъ. Всѣ они энергично старались распространять въ крестьянской массѣ соціалистическое ученіе. Это были чистые народники, чуждые всякихъ бунтарскихъ попытокъ. Но правительство именно потому, что это движеніе было слишкомъ разрозненно, что пропагандистовъ, хотя они и переодѣвались въ крестьянское платье, легко было узнать, почти всѣхъ ихъ заарестовало. Въ общей сложности захвачено было до 770 человѣкъ въ 37 губерніяхъ. Такимъ образомъ, эта первая попытка подойти къ народу съ широкой соціалистической пропагандой, доказать крестьянамъ необходимость передачи въ ихъ руки всѣхъ земель и выяснить рабочимъ принципъ обобществленія средствъ и орудій производства, окончилась полной неудачей. Среди народниковъ возникло тогда стремленіе сорганизоваться и вообще дѣйствовать болѣе планомѣрно. Въ 1876 г. возникаетъ общество „Земля и Воля", подъ тѣмъ самымъ флагомъ, подъ которымъ работали нѣкоторые радикальные дѣятели начала 60-хъ гг., какъ напримѣръ, Серно-Соловьевичъ. Теперь молодежь рѣшила дѣйствовать иначе, подходить къ народной массѣ съ той стороны, на которую особенно пристально обращено вниманіе крестьянства, обзаводиться въ мѣстности лавочниками, промышленными заведеніями, мельницами, поступать на службу въ волостныя правленія, въ земскія учрежденія на должности писарей, фельдшеровъ, учителей и т.д.

Важно было имѣть сотрудниковъ среди мѣстныхъ крестьянъ,

устраивая такъ называемыя „поселенія". Но эти народники-деревенщики также въ концѣ концовъ потерпѣли неудачу въ 1877-78 годахъ.

Первымъ активнымъ выступленіемъ этого новаго общества „Земля и Воля" была извѣстная демонстрація въ Петербургѣ 6-го декабря 1876 г. На Невскомъ у Казанскаго Собора должна была собраться большая толпа рабочихъ, предполагали выкинуть красное знамя, произнести рѣчь, пройтись по городу и мирно разойтись по домамъ; но такъ какъ къ назначенному времени собралось не болѣе 200 человѣкъ, то хотя и развернули красное знамя и сказали рѣчь, но все окончилось крайне печально. Полиція натравила на демонстрантовъ дворниковъ и сидѣльцевъ мелочныхъ лавокъ; началось жестокое и кровавое избіеніе; человѣкъ 20 было арестовано, прочіе успѣли разбѣжаться. Въ связи съ этой Казанской демонстраціей началось нѣсколько политическихъ процессовъ, заполнившихъ весь 1877 годъ. Съ 18 по 25 января 1877 г. разбиралось въ сенатѣ дѣло по поводу Казанской демонстраціи, при чемъ 5 человѣкъ были приговорены къ каторгѣ, а 10 - къ ссылкѣ на поселеніе. Затѣмъ съ 21 февраля по 14 марта шелъ въ сенатѣ процессъ такъ называемыхъ 50-ти, закончившійся тѣмъ, что цѣлый рядъ лицъ за пропаганду анархическихъ идей въ народѣ подвергся самымъ суровымъ наказаніямъ до каторжныхъ работъ включительно. Въ маѣ разсматривалось дѣло „Южно-Русскаго Рабочаго Союза", а съ 18 октября осенью начался большой процессъ 193-хъ, главнымъ образомъ, тѣхъ лицъ, которыя были захвачены во время пропаганды 1874 г. Всѣ эти процессы въ достаточной степени показываютъ, какъ широко разлилось радикальное движеніе въ молодой русской интеллигенціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обнаруживаютъ, какъ боялось правительство этой радикальной пропаганды и какъ стремительно оно хотѣло подавить это движеніе въ корнѣ самыми суровыми, подчасъ жестокими карами. Но если правительство давило сверху, то и радикальные элементы начали оказывать на правительство воздѣйствіе снизу. Такъ, когда лѣтомъ 1877 г. одинъ изъ арестованныхъ по поводу Казанской демонстраціи, присужденный къ каторжнымъ работамъ, Боголюбовъ былъ высѣченъ розгами по распоряженію оберъ-полицмейстера Трепова, мстительницей за этотъ возмутительный актъ явилась молодая

дѣвушка, Вѣра Засуличъ. Она пріѣхала въ Петербургъ, выстрѣлила въ Трепова и, хотя не убила его, но довольно тяжело ранила. Это было первое покушеніе на представителя правительственной власти. Общество, не зная всѣхъ обстоятельствъ, было возмущено поступкомъ Засуличъ, въ печати появилось много негодующихъ статей и правительство, разсчитывая встрѣтить поддержку, отдало дѣло на судебное разбирательство съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Но когда на судѣ вскрыты были всѣ подробности преступленія и выяснена вся предшествующая дѣятельность Трепова, въ особенности по отношенію къ петербургскимъ заключеннымъ, то присяжные вынесли Вѣрѣ Засуличъ оправдательный вердиктъ. Публика ликовала, а защитнику Засуличъ, извѣстному присяжному повѣренному Александрову, была сдѣлана шумная овація. Засуличъ была освобождена и немедленно уѣхала изъ Петербурга. Но правительство приняло свои мѣры; послѣ покушенія Вѣры Засуличъ увеличены были наказанія лицамъ, осужденнымъ по процессу 193-хъ. Эта суровая политика правительства Александра II и вызвала рядъ террористическихъ актовъ. Кравчинскій среди бѣла дня убиваетъ шефа жандармовъ Мезинцева; еще раньше въ февралѣ 1878 г. Осинскій стрѣляетъ въ Кіевѣ въ товарища прокурора Котляревскаго; въ маѣ убитъ жандармскій полковникъ Гейкингъ; въ мартѣ 1879 г. убитъ въ Харьковѣ губернаторъ кн.Крапоткинъ, а въ Петербургѣ совершено неудачное покушеніе на шефа жандармовъ Дрентельна. Наконецъ, 2 апрѣля 1879 г. Соловьевъ стрѣляетъ въ самого Александра II. Въ то время, когда развивалась эта террористическая дѣятельность, правительство поставило рядъ губерній на чрезвычайное положеніе; были назначены въ Петербургѣ, Одессѣ и Харьковѣ генералъ-губернаторы, съ самыми широкими полномочіями; лицъ, обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, начали судить военно-полевымъ судомъ; устроены были каторжныя тюрьмы съ самымъ тяжелымъ режимомъ, создавались спеціальныя поселенія для каторжанъ въ Сибири и въ сѣверныхъ губерніяхъ, - все это, конечно, вызывало ростъ недовольства въ радикальной средѣ. Однако правительство рѣшило обратиться за поддержкой къ обществу. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 20 августа 1878 г. появилось извѣстное правительственное сообщеніе, въ которомъ было сказано, что, усугубляя

строгость и твердость въ борьбѣ своей съ „тайной злодѣевъ", правительство разсчитывало вмѣстѣ съ тѣмъ „найти себѣ опору въ самомъ обществѣ и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій." Но это обращеніе мало могло повліять на положеніе вещей, которое къ 1879 году крайне обострилось. Какъ разъ въ 79 г. нарождается новое теченіе среди радикально настроенной интеллигенціи. Отъ мирной культуртрегерской работы переходятъ къ террористическимъ актамъ; на терроръ правительственный рѣшено было отвѣчать терроромъ общественнымъ. Лѣтомъ 79 г. собрался въ Воронежѣ съѣздъ партіи „Земля и Воля", передъ которымъ было небольшое совѣщаніе въ Липецкѣ. Здѣсь образовалась лига цареубійцъ,- зерно будущей партіи „Народной воли"; тѣ же, которые не присоединились къ новой партіи и остались при прежней землевольческой программѣ, образовали общество „Чернаго передѣла". Итакъ, въ началѣ 79 г. намѣчались 2 теченія русской радикальной молодежи,- одно, которое впослѣдствіи привело къ образованію партіи соціалъ-революціонеровъ, другое явилось какъ бы источникомъ для образованія партіи соціалъ-демократовъ. Средина 79 г. является моментомъ перелома въ отношеніи и правительственныхъ и общественныхъ сферъ. Дѣло въ томъ, что, подъ вліяніемъ террористическихъ актовъ, правительство начало разочаровываться въ своей прежней политикѣ, которая привела къ цѣлому ряду покушеній - и на самого императора Александра II, и на цѣлый рядъ высокопоставленныхъ лицъ. А среди общества и дворянскаго, и городского зарождается мысль, что при суровомъ режимѣ послѣднихъ лѣтъ оставаться невозможно. Особенно подъ вліяніемъ освободительной войны 1877-78 гг. возрождаются прежнія конституціонныя мечтанія. То самое правительство, которое обращалось за поддержкой къ обществу, столкнулось съ цѣлымъ рядомъ адресовъ, которые подавались и городскими думами, и земскими и дворянскими собраніями. Необходимо при этомъ отмѣтить адресъ Тверского земства, въ которомъ было сказано: „Государь Императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ ту-

рецкаго ига болгарскаго народа, призналъ необходимымъ даровать ему истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство Тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такой полной готовностью, съ такой беззавѣтной любовью къ своему царю-освободителю, несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни могутъ дать ему возможность выйти, по слову государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія".

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда правительство сурово расправлялось съ представителями радикальной интеллигенціи, и среди этой интеллигенціи нарождались террористическія партіи, въ русскомъ обществѣ пробудился прежній конституціонный либерализмъ.

КОНЕЦЪ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА II И ЕГО КОНЧИНА.

1879 г. ознаменованъ былъ рядомъ террористическихъ актовъ и со стороны радикальныхъ представителей русской интеллигенціи, и со стороны правительства. Дѣло въ томъ, что послѣ выстрѣла Соловьева правительство было крайне встревожено ростомъ радикальнаго движенія въ обществѣ и въ цѣломъ рядѣ городовъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ были назначены генералъ-губернаторы съ самыми широкими, почти неограниченными полномочіями; они могли подвергать военному суду лицъ гражданскаго вѣдомства, заподозрѣнныхъ въ противоправительственныхъ мѣропріятіяхъ, и вслѣдствіе такихъ широкихъ полномочій, конечно, происходилъ цѣлый рядъ злоупотребленій. Эти мѣры еще болѣе возбудили недовольство въ партіи „Народной Воли", которая поставила себѣ цѣлью бороться съ существующимъ строемъ путемъ террористическихъ актовъ. Къ концу 1879 г. организована была сѣть покушеній на императора Александра II. Въ то время, какъ онъ возвращался изъ Крыма въ Петербургъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ по пути его слѣдованія были сдѣланы подкопы и заложены мины. Но подъ Москвою на курской дорогѣ взорванъ былъ не царскій, а другой поѣздъ.

Такимъ образомъ, Александру II снова удалось избѣжать смерти. Въ такомъ положенiи засталъ Россiю 1880 г. Правительство какъ будто предполагало измѣнить свой курсъ. Къ 25-лѣтiю царствованiя Александра II цѣлый рядъ лицъ изъ правительственныхъ сферъ выступило съ предложенiемъ ознаменовать юбилей изданiемъ акта, въ которомъ бы возвѣщалось о призванiи представителей общества къ дѣлу государственнаго строительства. Валуевъ, тотъ самый, который когда-то въ 1863 г. составилъ проектъ приглашенiя земскихъ гласныхъ въ Государственный Совѣтъ, снова выступилъ съ запиской, аналогическаго характера. Великiй князь Константинъ Николаевичъ составившiй подобнаго рода записку въ 1866 г., также указывалъ на необходимость завершить реформы 60-хъ гг. обще-земскимъ представительствомъ. Что касается либерально настроенной части общества, то въ это время въ цѣломъ рядѣ земскихъ и дворянскихъ собранiй разрабатывались проекты объ участiи представителей общества въ осуществленiи правительственныхъ мѣропрiятiй. Даже славянофилы, которые обычно чуждались этихъ конституцiонныхъ выступленiй, вмѣстѣ съ Кошелевымъ мечтали о созванiи Земской Думы. И вотъ, когда Россiя находилась на порогѣ новой стадiи своего историческаго развитiя, 5 февраля 1880 г. совершено было новое покушенiе на Александра II: была взорвана царская столовая въ Зимнемъ Дворцѣ, въ которой должны были собраться всѣ высочайшiя особы на торжественный обѣдъ. Но обѣдъ запоздалъ, взрывъ произошелъ нѣсколько раньше и снова государь избѣжалъ гибели. Но это покушенiе, виновникомъ котораго былъ придворный столяръ Халтуринъ, имѣло крайне печальныя послѣдствiя для нашей внутренней политики. Въ виду того, что террористическая организацiя слишкомъ распространилась въ обществѣ, правительство рѣшило принять самыя суровыя репрессивныя мѣры. Вмѣсто объявленiя манифеста о созывѣ народнаго представительства, 12 февраля 1880 г. была образована Верховная Исполнительная комиссiя, во главѣ которой поставленъ былъ съ диктаторскими полномочiями графъ Лорисъ-Меликовъ, занимавшiй прежде должность харьковскаго генералъ-губернатора. Эта мѣра была принята для того, чтобы объединить въ однѣхъ рукахъ всѣ мѣропрiятiя по борьбѣ съ

преступной пропагандой. Третье отдѣленіе, то самое, которое прежде вѣдало политическій сыскъ, было подчинено Лорисъ-Меликову, а затѣмъ его рѣшили упразднить; всѣ вѣдомства, не исключая военнаго, должны были безпрекословно исполнять распоряженія, исходящія отъ новаго диктатора. Но не даромъ управленіе Лорисъ-Меликова получило названіе - „диктатуры сердца". Самъ онъ, какъ говорятъ современники, относился сочувственно къ заявленіямъ земскихъ и дворянскихъ собраній. Онъ считалъ, что извѣстное участіе общества въ обсужденіи правительственныхъ предположеній является естественнымъ завершеніемъ предшествующихъ реформъ, начала царствованія Александра II. Поэтому черезъ день по вступленіи своемъ въ должность предсѣдателя верховной исполнительной комиссіи Лорисъ-Меликовъ обратился съ прокламаціей къ петербургскимъ жителямъ, въ которой указывалъ, что, съ твердостью стремясь къ искорененію преступниковъ, онъ въ то же время желаетъ успокоить и оградить законный интересъ благомыслящей части общества. „На поддержку общества, писалъ онъ тамъ же, смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества." Зная о сочувствіи новаго главы правительства къ земскимъ и дворянскимъ заявленіямъ, нѣкоторые изъ наиболѣе вліятельныхъ представителей московскаго общества подали графу Лорисъ-Меликову адресъ, подписанный нѣкоторыми профессорами, адвокатами и крупными коммерсантами. Въ немъ указывалось, что потому террористическіе акты участились, потому радикальная пропаганда такъ широко распространилась въ обществѣ, что либеральныя заявленія не принимаются во вниманіе, что благомыслящая часть общества не можетъ сказать своего слова, высказать своего мнѣнія. Все это было принято во вниманіе Лорисъ-Меликовымъ, и, на ряду съ нѣкоторыми строгостями, онъ сталъ постепенно ослаблять тотъ цензурный и полицейскій гнетъ, подъ которымъ находилась Россія послѣдніе 2-3 года. Уже 30 августа 1880 г. въ рескриптѣ, данномъ на имя Лорисъ-Меликова, Александръ признавалъ, что „наступило нѣкоторое умиротвореніе", что въ силу этого „оказалось возможнымъ, если не вовсе отмѣнить,

то значительно смягчить дѣйствіе принятыхъ временно чрезвычайныхъ мѣръ." Верховная исполнительная комиссія была закрыта и Лорисъ-Меликовъ назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ тотчасъ же приступилъ къ разработкѣ своего проекта, который въ обществѣ впослѣдствіи получилъ названіе „конституціи Лорисъ-Меликова". Новый министръ внутреннихъ дѣлъ далекъ былъ отъ увлеченія западно-европейскими конституціонными порядками; онъ считалъ, что Россія должна итти своимъ самобытнымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи онъ какъ бы раздѣлялъ точку зрѣнія славянофиловъ. Его проектъ, основныя положенія котораго получили одобреніе уже въ январѣ 1881 г., сводился къ тому, чтобы при Государственномъ Совѣтѣ учреждались двѣ комиссіи,- подготовительная и общая. Въ подготовительной комиссіи разрабатывались правительственныя предположенія чисто бюрократическимъ способомъ. Затѣмъ, прежде внесенія даннаго законопроекта на уваженіе Государственнаго Совѣта, онъ долженъ былъ поступить на разсмотрѣніе общей комиссіи. Составъ этой послѣдней былъ троякій: земскія собранія и городскія думы столицъ и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ городовъ выбирали въ эту комиссію своихъ представителей, какъ изъ состава земскихъ и городскихъ гласныхъ, такъ и вообще изъ состава уѣзднаго и городского населенія, обладающихъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ; затѣмъ тѣ губерніи, въ которыхъ не было земскихъ учрежденій, посылали своихъ депутатовъ по назначенію; сверхъ того правительство въ составъ комиссіи назначало извѣстное количество лицъ изъ представителей бюрократіи. Такимъ образомъ элементы общественные были какъ бы уравнены въ этой комиссіи элементами правительственными. Законопроектъ, разсмотрѣнный въ этой общей комиссіи, вносился затѣмъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ одинъ изъ представителей общей комиссіи являлся его докладчикомъ. Такимъ образомъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ законодательства общество не получало. Создавалось только совѣщательное учрежденіе, съ мнѣніемъ котораго могъ считаться, но могъ и не считаться Государственный Совѣтъ. Лорисъ-Меликовъ указывалъ, что чего-либо новаго, чего-либо конституціоннаго, онъ этимъ проектомъ не вноситъ. Это по его мнѣнію былъ тотъ самый порядокъ, которому слѣдовали въ

эпоху разработки крестьянской реформы въ 1859-60 гг., когда основныя положенія вырабатывались въ редакціонной комиссіи, а затѣмъ подвергались обсужденію депутатовъ губернскихъ комитетовъ. Только то, что было тогда временнымъ, теперь Лорисъ-Меликовъ предполагалъ установить въ видѣ постоянной организаціи. Одновременно съ разработкой этого проекта по предложенію Лорисъ-Меликова были организованы сенаторскія ревизіи въ 8-ми губерніяхъ. Они должны были, съ одной стороны, вскрыть тѣ административныя злоупотребленія, которыхъ много накопилось къ этому времени, а съ другой - опросить органы земскаго и городского самоуправленія о необходимыхъ, съ ихъ точки зрѣнія, преобразованіяхъ. Что особенно вмѣнялось въ обязанность ревизующимъ сенаторамъ,- такъ это собирать матеріалъ по вопросу объ оскудѣніи крестьянскаго сословія и объ учрежденіи мелкой земской единицы или всесословной волости. Слѣдовательно, Лорисъ-Меликовъ хотѣлъ и въ центрѣ и въ периферіи ввести рядъ необходимыхъ преобразованій. Но именно потому, что всѣ эти мѣропріятія покрыты были довольно непроницаемой тайной, террористическая дѣятельность радикальныхъ партій не прекращалась. И по роковой случайности въ тотъ самый день, когда Александръ II своею подписью скрѣпилъ законодательное предположеніе Лорисъ-Меликова, именно 1-го марта 1881 г., роковая бомба на углу Екатерининскаго канала и Михайловской улицы положила конецъ его царствованію. Партія „Народной Воли" достигла того, къ чему она стремилась. Но катастрофа 1-го марта имѣла громадныя политическія и общественныя послѣдствія. Всякій террористическій актъ, особенно когда онъ направленъ противъ главы правительства производитъ сильное впечатлѣніе, но въ данномъ случаѣ это впечатлѣніе усиливалось оттого, что былъ убитъ государь, который, хотя подъ конецъ своей жизни и явился виновникомъ цѣлаго ряда реакціонныхъ мѣропріятій, однако начало своего царствованія ознаменовалъ крестьянской реформой. Онъ былъ популяренъ среди широкой народной массы. Это необходимо было учесть. Самый фактъ убійства былъ, конечно, осужденъ въ широкихъ общественныхъ кругахъ и органы современной печати, съ Катковымъ и Аксаковымъ во главѣ, съ различныхъ точекъ зрѣнія указывали на необходимость принять самыя рѣши-

тельныя мѣры. „Регулирующее дѣйствіе власти, которое твердый государственный порядокъ оказываетъ на умы, дисциплинируя ихъ, нигдѣ не чувствуется; люди въ разбродѣ и обращаются въ стадо... Насъ предостерегаютъ отъ революціи, но надо же сказать правду: мы уже въ революціи, искусственной, но тѣмъ не менѣе революціи."

„Нечего себя обманывать", говорилъ 28 марта 1881 года въ славянскомъ обществѣ И.С.Аксаковъ. „Мы подошли къ самому краю бездны. Еще шагъ въ томъ направленіи, въ которомъ съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ мы двигались до сихъ поръ, и - кровавый хаосъ."

Новый государь, Александръ III такимъ образомъ вступилъ на тронъ, ступени котораго были обрызганы кровью. Общество ждало отъ новаго правительства тѣхъ или другихъ заявленій. Но въ свою очередь и общество не молчало и указывало правительству, въ какомъ направленіи надо дѣйствовать. Прежде всего „Исполнительный Комитетъ" партіи „Народной Воли" обратился къ Александру III съ открытымъ письмомъ, авторы котораго „видѣли возможность мирнаго исхода изъ тяжелаго положенія только въ „добровольномъ обращеніи Церковной власти къ народу." Въ этомъ случаѣ, писали они, „Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность и организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе."

„Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой..." - слѣдующія:

1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени.

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни, и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями. Выборы должны быть свободны, а для этого

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично.

2) Никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть.

3) Избирательная агитація и самые выборы должны быть про-

изведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

а) Полную свободу печати.

б) Полную свободу слова.

в) Полную свободу сходокъ.

г) Полную свободу избирательныхъ программъ.

„Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно передъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ."

Таковы были основныя положенія тѣхъ требованій, которыя въ весьма почтительномъ тонѣ изложены были наиболѣе радикальными элементами общества. Что касается земскихъ городскихъ и дворянскихъ собраній, то цѣлый рядъ ихъ обратился къ новому государю съ адресами, въ которыхъ, осуждая самый фактъ убійства Александра II, указывалъ на необходимость выступить на путь коренныхъ преобразованій. Такъ, напримѣръ, адреса казанской думы и казанскаго земства выражали пожеланіе о завершеніи великаго дѣла обновленія государства, начатаго царемъ-освободителемъ; тверское губернское собраніе въ своемъ адресѣ указывало, что „когда бѣда поражала отечество,- въ непосредственномъ единеніи земскихъ людей и верховной власти русскій царь и народъ всегда пріобрѣтали могучую, непреодолимую силу."

Рязанскіе земцы заявляли въ своемъ адресѣ: „Соберите насъ вокругъ себя, а мы всегда готовы по вашему велѣнію дѣлить съ вами и труды и опасности."

Черниговское дворянство, заявляя о своей глубокой преданности престолу, ходатайствовало о созывѣ „представителей земли."

Такимъ образомъ въ земской и дворянской средѣ наблюдались въ это время вполнѣ опредѣленныя либерально-конституціонныя тенденціи. Что касается самого Лорисъ-Меликова,

то онъ сдѣлалъ къ новому государю докладъ о своемъ проектѣ, уже одобренномъ покойнымъ императоромъ, и Александръ III положилъ на немъ резолюцію: „онъ составленъ весьма хорошо". Но совершенно неожиданно и для многихъ членовъ правительства и для большей части общества курсъ былъ измѣненъ и 29 апрѣля 1881 г. былъ изданъ Высочайшій манифестъ, авторомъ котораго былъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, Побѣдоносцевъ. Въ немъ новый государь торжественно заявлялъ:

„Посреди великой нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія въ уповании на Божественный Промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народа отъ всякихъ на нее поползновеній."

Слѣдовательно, правительство ясно и опредѣленно указывало, какой путь оно избрало въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Этотъ манифестъ явился какъ бы ударомъ грома изъ яснаго неба. Произошелъ фактъ еще небывалый въ нашей правительственной практикѣ,- совершился министерскій кризисъ. Лорисъ-Меликовъ вмѣстѣ съ военнымъ министромъ Милютинымъ и государственнымъ контролеромъ Абаза вышли въ отставку. Наступила новая правительственная полоса, ознаменованная мѣропріятіями такихъ дѣятелей, какъ Побѣдоносцевъ, Толстой и Воронцовъ-Дашковъ. Итакъ, въ концѣ царствованія Александра II была снова сдѣлана попытка вступить на путь преобразовательныхъ начинаній и завершить тѣ гражданскія реформы, которыя были осуществлены въ первыя 10-15 лѣтъ по вступленіи его на престолъ, хотя и несовершенной, но во всякомъ случаѣ прогрессивной политической реформой. Но эта реформа не осуществилась, и восторжествовало совершенно иное теченіе въ сферѣ нашей внутренней политики.

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗВИТІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССІИ.

Но прежде чѣмъ переходить къ оцѣнкѣ того момента, который падаетъ на послѣдніе 20-25 лѣтъ 19 вѣка, я обращу ваше вниманіе на ходъ нашего законодательства послѣ реформы

по цѣлому ряду существенныхъ вопросовъ. Намъ тогда понятно будетъ, въ какомъ направленіи эволюціонировался русская жизнь послѣ того момента, когда разрѣшена была крестьянская и земельная реформа 1861 г., когда осуществлены были первые начатки гражданской жизни, особенно послѣ тѣхъ преобразованій, которыя логически вытекали изъ отмѣны крѣпостного права. Какъ я уже указывалъ, эти реформы 60-хъ годовъ осуществлены были далеко не въ томъ полномъ объемѣ, въ какомъ того хотѣло общество. Слѣдовательно, въ дальнѣйшемъ надо было такъ или иначе вступить на путь преобразованія и надо было завершить то, что было только положено въ видѣ гражданской перво-основы въ эпоху великихъ реформъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ПОСЛѢ РЕФОРМЫ 1861 года.

Прежде всего выступилъ на очередь крестьянскій вопросъ, такъ какъ положеніемъ 19-го февраля 1861 г. провозглашался только принципъ и этотъ принципъ далеко не во всѣхъ своихъ частяхъ носилъ обще-обязательный характеръ. Хотя въ 1863 г. начала крестьянской реформы были распространены на удѣльныхъ дворцовыхъ и государевыхъ крестьянъ, а въ 1866 г. на крестьянъ казенныхъ или государственныхъ, но именно тѣ разряды сельскаго населенія, которые получили свободу по манифесту 19-го февраля 1861 г., далеко не были обезпечены въ своихъ гражданскихъ и имущественныхъ правахъ въ ближайшіе годы послѣ реформы. Надо было прежде всего установить опредѣленный правопорядокъ въ русской деревнѣ; и вотъ съ этой-то стороны и ждали существенныхъ перемѣнъ, послѣ того, какъ осуществились земская и судебная реформы. Но все оставалось по старому. Вообще въ отношеніи правительства къ крестьянскому вопросу, въ періодъ съ 1861 г. по 1905 г., замѣчается рядъ колебаній. Приблизительно до начала 80-хъ гг. правительство относится къ крестьянамъ вполнѣ индифферентно, полагая, что все уже сдѣлано съ изданіемъ освободительнаго акта; въ послѣдующія 15 лѣтъ, съ 1881-94 г., т.е. въ періодъ царствованія Александра III, мы замѣчаемъ въ отношеніи къ

крестьянскому вопросу борьбу 2-хъ теченій,- прогрессивнаго и реакціоннаго, при чемъ реакціонныя начала къ концу этого періода замѣтно берутъ верхъ. Въ послѣдующее время,- именно въ концѣ XIX и въ началѣ XX вѣка ясно обнаруживаются попечительныя заботы правительства о крестьянской массѣ на основѣ тѣхъ началъ, которыя восторжествовали въ концѣ предшествующаго царствованія. Что касается правительственныхъ мѣропріятій первыхъ 20 лѣтъ послѣ реформы, то въ нихъ почти тотчасъ же послѣ 1861 г. ярко проявляется стремленіе въ корнѣ измѣнить основные принципы освободительнаго акта. Центральное правительство, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, прежде всего устремило свое вниманіе на институтъ мировыхъ посредниковъ. Мировые посредники должны были по мнѣнію министерства быть подчинены мѣстной коронной администраціи. Положеніе мировыхъ посредниковъ, державшихъ въ своихъ рукахъ вопросъ землеустройства освобожденныхъ крестьянъ, было довольно независимымъ. Посредники подчинялись непосредственно Сенату, и могли увольнять отъ должностей не иначе, какъ по суду за совершенное преступленіе. Министерство внутреннихъ дѣлъ не могло оказывать никакого воздѣйствія на мировыхъ посредниковъ, и вотъ, именно поэтому Валуевъ предпринялъ рядъ мѣропріятіи, направленныхъ на умаленіе значенія мирового института. Если посредники сами по себѣ были неуязвимы, то въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ находились услужливые губернаторы, которые, черезъ посредство подчиненныхъ имъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствій, могли измѣнять количество мировыхъ участковъ въ губерніи. Цѣлый рядъ Присутствій подъ непосредственнымъ вліяніемъ изъ Петербурга постановилъ уменьшить число мировыхъ участковъ, и упразднены были какъ разъ такіе участки, въ которыхъ находились наиболѣе независимые по своему образу мыслей мировые посредники. Но уже къ тому моменту, когда Валуеву удалось провести эти мѣропріятія, большинство уставныхъ грамотъ были утверждены, и такимъ образомъ первая стадія крестьянской реформы была проведена въ жизнь. Но во всякомъ случаѣ мировые посредники въ послѣдующее время (полномочія ихъ продолжались уже съ Высочайшаго повелѣнія только на одинъ годъ) не могли уже болѣе чувствовать себя независи-

мыми и самостоятельными, какъ это было въ первые годы послѣ реформы, уже отъ одного того, что ихъ полномочія съ 1864 г. продолжались каждый разъ съ особаго Высочайшаго повелѣнія на срокъ не долѣе одного года. Многія изъ тѣхъ лицъ, которыя прежде охотно шли на должность мировыхъ посредниковъ, теперь перешли или на земскую службу или въ новыя судебныя учрежденія. Такимъ образомъ, значительно ухудшился личный составъ посредническаго института. Но министерство внутреннихъ дѣлъ не остановилось на этомъ. Ему было въ высшей степени важно замѣнить этотъ мировой институтъ такимъ органомъ, который былъ бы подчиненъ министерству внутреннихъ дѣлъ, который явился бы своего рода начальствомъ надъ крестьянскими учрежденіями. Къ началу 70-хъ годовъ удалось осуществить эти стремленія. Въ 1874 году мировые посредники были повсемѣстно упразднены, якобы подъ тѣмъ предлогомъ, что реформа въ первой своей стадіи получила уже завершеніе. Вмѣсто нихъ учреждены были уѣздные по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Это были коллегіальныя учрежденія, непосредственно подчиненныя губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіямъ и введенныя такимъ образомъ въ общую цѣпь мѣстной коронной администраціи. Въ составъ этихъ Присутствій, находящихся подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, входили и мѣстный исправникъ, и почетный мировой судья, и предсѣдатель уѣздной земской управы, и непремѣнный членъ по выбору уѣзднаго земскаго собранія. Значитъ въ нихъ элементы общественные представлены были на ряду съ элементами правительственными. Уѣздное присутствіе получило право налагать взысканія на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, провѣрять постановленія волостныхъ и сельскихъ сходовъ, и такимъ образомъ явилось какъ бы начальственнымъ окомъ надъ образомъ дѣйствій крестьянскихъ сословныхъ учрежденій. Но что было особенно важнымъ, такъ это то, что въ связи съ этой новой организаціей усилилась власть уѣзднаго исправника надъ крестьянскими административными учрежденіями. Исправникъ, вмѣстѣ съ становыми приставами и полицейскими урядниками, которые были введены съ 1878 г., получилъ право налагать взысканія вплоть до тѣлесныхъ наказаній крестьянскихъ должностныхъ лицъ за различнаго рода проступки, главнымъ

образомъ въ связи съ недоимками по взиманію подушной подати и выкупныхъ платежей. Вся фискальная податная организація сосредоточилась въ рукахъ мѣстной полицейской власти. Такимъ образомъ крестьянскія учрежденія, которыя должны были явиться своего рода самоуправленіемъ въ раскрѣпощенной деревнѣ, подчинены были бдительному начальственному надзору мѣстной полиціи. Что касается волостного суда, то по его поводу была образована даже спеціальная комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго. Въ этой комиссіи опрашивалось много крестьянъ, и удалось выяснить, что сами крестьяне тяготятся тѣмъ судомъ, въ которомъ ихъ судятъ не по закону, а по обычаю. „У мирового лучше," говорили крестьяне „потому что тамъ законъ". Однако, волостной судъ, судъ особый для крестьянскаго сословія, приближавшійся къ домашней расправѣ, былъ сохраненъ на неопредѣленное время. Въ такомъ положеніи застало крестьянскія учрежденія новое царствованіе императора Александра III. Тотъ матеріалъ, который въ началѣ 80-хъ годовъ сосредоточился въ правительственныхъ рукахъ благодаря сенаторскимъ ревизіямъ, долженъ былъ подвергнуться обработкѣ въ спеціально для этого учрежденной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова. Самъ Кахановъ получилъ довольно широкія полномочія. Въ составъ его комиссіи вошли и сенаторы, производящіе ревизіи, и представители вѣдомствъ, по большей части товарищи министровъ, и кромѣ того Каханову предоставлено было приглашать по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ къ участію въ ней различныхъ свѣдущихъ лицъ изъ числа мѣстныхъ дѣятелей. Эта комиссія, засѣдавшая цѣлые три года, разработала рядъ широкихъ реформъ. Крестьянскія учрежденія должны были потерять свой сословный характеръ и быть введены въ общую зону мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Предположено было создать мелкую земскую единицу въ видѣ всесословной волости съ выборнымъ волостелемъ во главѣ, который являлся бы представителемъ всѣхъ жителей данной волостной территоріи. Особенныя крестьянскія учрежденія оставались только для вопросовъ частью хозяйственныхъ, частью поземельныхъ,- крестьянская земельная община и крестьянское земельное товарищество; никакихъ административныхъ функцій эти учрежденія не получали.

Что касается вопроса объ уравненіи крестьянскихъ сословій въ сферѣ судебной съ другими общественными группами, то онъ также разрѣшался Кахановской комиссіей въ благопріятномъ для крестьянъ смыслѣ. Крестьянскій волостной судъ упразднялся и компетенціи мировой юстиціи подлежали всѣ жители волости безъ различія сословій. Такимъ образомъ, стремленіе къ нивеллированію крестьянъ съ другими общественными группами наступило въ началѣ 80-хъ гг., но новыя реакціонныя вѣянія, которыя находили себѣ поддержку, главнымъ образомъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и „Русскомъ Вѣстникѣ", редактируемыхъ Катковымъ, имѣвшихъ громадное вліяніе на правительственныя сферы и которыя вполнѣ раздѣлялись Толстымъ, занявшимъ вскорѣ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, сумѣли одержать верхъ. Какъ разъ въ Кахановской комиссіи довольно видную роль игралъ одинъ дворянскій публицистъ, Пазухинъ. Онъ и раньше сотрудничалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", а затѣмъ выпустилъ брошюру подъ названіемъ „Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ". Въ этой брошюрѣ въ рѣзкомъ обличительномъ тонѣ осуждались освободительныя реформы начала царствованія Александра II и указывалось, что все зло, которое испытываетъ Россія въ настоящее время, вытекаетъ непосредственно изъ той идеи общегражданскаго уравненія, которая осуществлена была земской реформой и подтверждена была судебными уставами 1864 г. Слѣдовательно единственнымъ средствомъ для уничтоженія этого зла дворянскій публицистъ начала 80-хъ гг. считалъ уничтоженіе идеи всесословнаго самоуправленія и возвращеніе къ тому моменту, когда дворянская власть имѣла попечительный характеръ въ крестьянской деревнѣ. Возвращеніе къ порядкамъ, уничтоженнымъ Александромъ II, явилось какъ бы лозунгомъ, провозглашеннымъ Пазухинымъ и усвоеннымъ правительственными сферами. Итакъ, изъ всей работы Кахановской комиссіи не вышло ничего, потому что точка зрѣнія правительства къ этому времени въ корнѣ измѣнилась. Вторая половина 80-хъ гг. и является тѣмъ моментомъ, когда реакціонное направленіе въ сферѣ отношенія правительства къ крестьянскому вопросу окончательно торжествуетъ.

Первой ласточкой новой весны былъ законъ 18 марта 1886 г. о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ

обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою полевою землею. Семейные раздѣлы могли разрѣшаться только съ согласія волостного схода. Затѣмъ, въ томъ же самомъ 1886 г. 12 іюня изданъ былъ законъ о наймѣ на сельскія работы, согласно которому нарушеніе сельскохозяйственными рабочими, т.е. по преимуществу крестьянами, договора найма на работы приравнено было къ уголовно наказуемымъ проступкамъ. Такимъ образомъ въ этихъ узаконеніяхъ ясно устанавливался тотъ охранительный уголъ зрѣнія, подъ которымъ правительство въ дальнѣйшемъ смотрѣло на положеніе дѣлъ въ русской деревнѣ. Но если правительство стало опекать крестьянъ и въ ихъ семейной жизни и въ ихъ имущественныхъ отношеніяхъ, то вполнѣ естественно, что надо было ожидать общаго распоряженія, которое отдало бы деревенское населеніе подъ попечительный надзоръ мѣстныхъ дворянскихъ землевладѣльческихъ элементовъ. Такой законъ подъ вліяніемъ записокъ и проектовъ Пазухина и былъ изготовленъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ къ началу 1889 г. Внесенный въ Государственный Совѣтъ и встрѣтившій тамъ довольно сильную оппозицію, онъ сразу выяснилъ ту точку зрѣнія, на которой стояло министерство внутреннихъ дѣлъ. Дѣло въ томъ, что этимъ проектомъ предлагалось водворить въ деревенской жизни институтъ земскихъ начальниковъ изъ мѣстныхъ дворянъ, которые были бы снабжены административными и попечительными функціями. Та вотчинная власть, которую дворяне потеряли съ отмѣной крѣпостного права, какъ бы возстановлялась этимъ закономъ. Но въ Государственномъ Совѣтѣ указывалось, особенно бывшимъ государственнымъ контролеромъ Абаза, что крестьянамъ будетъ въ высшей степени тяжело содержать одновременно и земскія учрежденія, и земскихъ начальниковъ, и мировыхъ судей, и что всего удобнѣе сосредоточить въ рукахъ выборныхъ мировыхъ судей и судебныя и административныя функціи, по образцу мирового института въ Англіи. Такимъ образомъ, была высказана мысль объединить въ рукахъ одного учрежденія и судебныя и административныя обязанности. Этой мыслью и воспользовалось министерство внутреннихъ дѣлъ, придавъ ей совершенно иной оборотъ. Въ лицѣ земскихъ участковыхъ начальниковъ по пере-

работанному проекту появлялась въ деревнѣ власть изъ мѣстныхъ дворянъ по назначенію короны, сосредоточивающая въ своихъ рукахъ и административныя, и дискреціонныя, и судебныя обязанности. Этотъ проектъ получилъ силу закона 12-го іюля 1889 г., когда повсемѣстно введены были участковые земскіе начальники. Этимъ закономъ упразднялись мировые судьи, и вмѣсто нихъ, вмѣсто выборной судебной независимой власти появились лица, подчиненныя общегосударственной администраціи, лица, не имѣвшія спеціальной юридической подготовки и разрѣшавшія одновременно вопросы и судебные и административно-полицейскіе. Принципъ раздѣленія власти, который давно былъ признанъ основаніемъ правильнаго государственнаго механизма, этимъ институтомъ нарушался въ корнѣ: мѣстное дворянство, изъ состава котораго назначались губернаторомъ, по рекомендаціи уѣзднаго предводителя, участковые земскіе начальники, получало снова громадное вліяніе на всѣ стороны крестьянской жизни. Земскіе начальники получали право подвергать своей дискреціонной властью взысканію вплоть до 7-дневнаго ареста и наказанію розгами представителей крестьянскаго управленія. Они являлись апелляціонной инстанціей и для дѣлъ, разбиравшихся въ крестьянскомъ волостномъ судѣ. Каждое постановленіе волостного схода шло на утвержденіе земскаго начальника. Въ дальнѣйшемъ этотъ охранительный курсъ все усиливался, и въ 1893 г. издано было 2 закона, въ которыхъ проявляется тотъ же принципъ всесторонней опеки надъ крестьянскимъ сословіемъ. Съ одной стороны издается законъ 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ крестьянской земли, которымъ устанавливается минимальный срокъ для передѣловъ въ 12 лѣтъ, при чемъ постановленія о передѣлахъ обязательно утверждаются мѣстнымъ земскимъ начальникомъ. Другимъ закономъ 14 декабря проводился принципъ неотчуждаемости крестьянскихъ земель.

Такимъ образомъ, крестьянское землевладѣніе, о которомъ какъ о мелкой собственности мечтала редакціонная комиссія, пріобрѣтало довольно своеобразную форму. Узаконялось понятіе о крестьянскихъ земельныхъ надѣлахъ, закладывать и отчуждать которые владѣльцы не имѣли права. Итакъ, къ началу новаго царствованія крестьянскій строй пріобрѣлъ довольно

опредѣленную консервативную физіономію. Въ новое царствованіе, именно въ концѣ XIX и въ первые годы XX вѣка, эта точка зрѣнія продолжала господствовать въ правительственныхъ сферахъ, хотя дѣлались нѣкоторыя попытки внести и кое-какіе коррективы въ прежнія узаконенія. Такъ, напримѣръ, 23 іюня 1899 г. дѣло взиманія податей изъято было изъ сферы полицейской власти и сосредоточено въ рукахъ податныхъ инспекторовъ совмѣстно съ земскими начальниками; при этомъ исключены были изъ способовъ взиманія повинностей непосредственное личное наказаніе недоимщиковъ арестомъ или штрафомъ и введены были нѣкоторыя техническія улучшенія въ порядкѣ продажи крестьянскаго имущества на пополненіе недоборовъ и недоимокъ;сокращено было примѣненіе круговой поруки и т.п. Наконецъ въ 1904 году манифестомъ 11 августа уничтожено было для крестьянъ то позорное тѣлесное наказаніе, которое сохранилось послѣ реформы, такъ какъ оно было включено въ Положеніе 1861 г. Слѣдовательно, въ началѣ XX вѣка замѣтно даетъ себя чувствовать стремленіе къ уравненію крестьянскаго сословія съ другими общественными группами. Для того, чтобы рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ крестьянскомъ правопорядкѣ, образована была въ 1902 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая редакціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ Стишинскаго, и въ этой комиссіи рѣшено было, что въ дальнѣйшемъ сословная обособленность русской деревни должна быть удержана, что якобы этотъ отдѣльный сословный строй былъ установленъ Положеніемъ 1861 г. и что дальнѣйшія узаконенія являются ничѣмъ инымъ, какъ логическимъ продолженіемъ тѣхъ принциповъ, которые осуществлены были въ періодъ крестьянской реформы. При этомъ первымъ и самымъ основнымъ началомъ Положенія 1861 г., по мнѣнію комиссіи г.Стишинскаго, является сословная обособленность крестьянъ и установленный въ соотвѣтствіи съ этимъ особливый порядокъ управленія ими. Вторымъ „незыблемымъ началомъ" признанъ былъ законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (хотя онъ изданъ былъ лишь 14 декабря 1893 г.) и, наконецъ, 3-мъ - неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія отъ всякаго ихъ насильственнаго велѣніемъ закона измѣненія.

Одновременно съ этой редакціонной комиссіей образовано

было подъ предсѣдательствомъ Витте „Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности". Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что это совѣщаніе имѣло своими органами на мѣстахъ въ губерніяхъ и уѣздахъ особые комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, въ составъ которыхъ входили выборные представители отъ земскихъ и дворянскихъ учрежденій. Здѣсь-то впервые общество получило возможность правильно и широко освѣтить крестьянскую проблему, тотъ порядокъ, который установился въ русской деревнѣ въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за эпохой Александра II. Во многихъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетахъ крестьянскій вопросъ получилъ широкое освѣщеніе, указано было, что отмежевать крестьянъ отъ другихъ сословій невозможно, что необходимо стремиться къ внесенію общаго правопорядка въ государствѣ. Необходимо, главнымъ образомъ, установить подсудность крестьянъ тѣмъ же самымъ учрежденіямъ, которыми судятся и другія сословія. Затѣмъ, поднятъ былъ вопросъ о пересмотрѣ нашей финансовой системы и о введеніи у насъ подоходнаго налога и о контролѣ надъ расходованіемъ государственныхъ средствъ представителями земства и другихъ общественныхъ учрежденій. Слѣдовательно, въ этихъ комитетахъ снова подымался вопросъ о коренной государственной реформѣ. Въ этихъ же самыхъ совѣщаніяхъ освѣщался и аграрный вопросъ, тотъ, который является наиболѣе больнымъ мѣстомъ въ жизни русскаго крестьянства въ пореформенное время. Къ этой земельной проблемѣ я и перейду теперь, чтобы показать вамъ, какъ Положеніе 1861 г. неудовлетворительно съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ разрѣшило этотъ важный хозяйственный вопросъ. Если крестьянскія учрежденія пріобрѣли чисто сословный характеръ, то и крестьянское землевладѣніе получило вполнѣ сословную окраску. Какъ вы припомните, крестьяне не должны были послѣ освобожденія обязательно выкупать свои земельные надѣлы. Выкупъ происходилъ только тогда, когда на него давалъ свое согласіе помѣщикъ. Слѣдовательно громадное большинство сдѣлокъ совершались не по обоюдному согласію помѣщиковъ и крестьянъ, а по одностороннему желанію дворянъ-землевладѣльцевъ. За ближайшіе послѣ реформы годы, къ 1-му января 1877 г. 35 % всѣхъ выкупныхъ сдѣлокъ совершены были

по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ, а 65 % выкупныхъ сдѣлокъ - по одностороннему желанію дворянъ. Но если выкупная операція получила лишь добровольный характеръ по Положенію 1861 года, то для дворянъ самихъ было выгодно какъ можно скорѣе ликвидировать временно-обязанныя отношенія, потому что они мѣшали переходу къ иному хозяйственному порядку. И, дѣйствительно, подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ, подъ вліяніемъ потребности пріобрѣсти оборотный капиталъ, дворяне стремятся получить въ свои руки выкупныя свидѣтельства. И уже въ первыя 5 лѣтъ послѣ реформы 1/3 крестьянъ перешла на выкупъ, во вторыя 5 лѣтъ перешла также 1/3. Такимъ образомъ первыя 10 лѣтъ послѣ освобожденія, 6 1/2 милліоновъ ревизскихъ душъ изъ 10 1/2 милл. временно-обязанныхъ вышли на выкупъ, пріобрѣли въ собственность до 23 милліоновъ десятинъ земли и такимъ образомъ ликвидировали свои хозяйственныя отношенія къ землевладѣльцамъ. Но обязательнаго выкупа правительство все еще не устанавливало. Только къ концу того момента, когда истекло 20 лѣтъ послѣ реформы, когда, какъ вы припомните, по Положенію 1861 г. должна была быть произведена переоброчка въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ еще имѣли мѣсто „временно-обязанныя отношенія", правительство рѣшило выступить съ закономъ объ обязательномъ выкупѣ крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ. 28-го декабря 1881 года изданъ былъ законъ объ обязательномъ выкупѣ, который вступалъ въ силу съ 1-го января 1883 г. Такой выкупъ вводился тамъ, гдѣ крестьяне находились еще въ обязанныхъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ. Такихъ крестьянъ насчитывалось до 15 %. Выкупная операція должна была завершиться въ 1932 г., когда истекалъ повсемѣстно 49-лѣтній срокъ съ момента введенія обязательнаго выкупа. Одновременно съ этимъ правительство понизило выкупные платежи на 1 рубль съ каждаго душевого надѣла; вся сумма пониженія по всей странѣ доходила до 12 милл.рублей ежегодно. Уменьшеніе не нанесло ущерба правительству, потому что къ этому времени обнаружилось, что выкупные платежи безъ недоимокъ взиматься не могутъ, что обычно недоимки доходятъ до 11 1/2 - 13 милл.руб, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта недоимочность съ крестьянъ доходила до значительныхъ размѣровъ - отъ 30 % въ Москов-

ской губ. до 129 % въ Смоленской губ., слѣдовательно правительство все равно не имѣло возможности цѣликомъ получить выкупную сумму; къ тому же эти платежи значительно превышали доходность крестьянскихъ земельныхъ участковъ. Такимъ образомъ, правительству волей-неволей приходилось итти по пути уступокъ и уменьшать выкупную сумму. Однако подъ вліяніемъ аграрныхъ безпорядковъ 1904-05 г. изданы были радикальныя мѣропріятія, и манифестомъ 3-го ноября 1905 г. выкупные платежи сначала уменьшены были на 1/2, а 1-го января 1907 г. они уничтожены были навсегда. Слѣдовательно, въ началѣ 20-го вѣка выкупная операція завершилась и крестьяне такимъ образомъ превращались въ собственниковъ своихъ земельныхъ надѣловъ. Но получая землю въ собственность, крестьяне не выходили изъ того тяжелаго положенія, въ которое они были поставлены недостаточностью земли, находящейся въ ихъ рукахъ. Дѣйствительно, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на земельное устройство крестьянъ послѣ освобожденія, мы поймемъ, въ какомъ тяжеломъ положеніи находились крестьяне въ это время. Земельные надѣлы далеко не могли прокормить крестьянъ. По вычисленію профессора Янсона доходъ съ надѣла могъ едва-едва покрывать ихъ продовольственныя нужды, а сверхъ того крестьянамъ приходилось уплачивать и подушную подать, и выкупные платежи, и земельные налоги. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ повинностей лежалъ на крестьянскомъ землевладѣніи. Естественно, что накопилась недоимочность, которая доходила къ концу 80-хъ гг. въ Воронежской губ. до 40 %, въ Орловской 81 %, а въ восточныхъ поволжскихъ - въ Уфимской 115 %, въ Оренбургской 135 % и въ Саратовской до 240 % всего душевого оклада. Въ началѣ 1872 г. образована была подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ Валуева междувѣдомственная комиссія. Она должна была изслѣдовать причины оскудѣнія центра, которое къ этому времени пріобрѣтало довольно грозный характеръ. Въ этой комиссіи кромѣ чиновниковъ засѣдали и представители мѣстнаго общества въ лицѣ нѣсколькихъ предводителей дворянства. Здѣсь-то во время преній обнаружилось все несоотвѣтствіе между обложеніемъ земель крестьянскихъ и дворянскихъ,- на 90 милл. десятинъ частновладѣльческихъ земель приходилось поземельныхъ налоговъ всего-на-всего 13 милліоновъ рублей.

т.е. по 14 1/2 коп. на десятину, а на 105 милл. десятинъ крестьянскихъ земель (это для всѣхъ трехъ разрядовъ) приходилось 104 милл. поземельныхъ налоговъ, т.е. по 95 1/2 коп. на десятину; сверхъ того на крестьянахъ лежало до 90 милл.руб. разнаго рода сборовъ, взимаемыхъ подушно, въ общей сложности по 4 р. 50 к. на душу или 85 1/4 к. съ десятины, т.е. другими словами, на каждую десятину крестьянской земли приходилось 1 р. 80 3/4 к., тогда какъ на дворянскую десятину приходилось 14 1/2 коп. Такимъ образомъ крестьянскія земли были обложены 13 разъ тяжелѣе сравнительно съ землями дворянскими. Вотъ гдѣ главный источникъ того печальнаго положенія, въ которомъ находилось крестьянское хозяйство къ началу 70-хъ гг. Въ той же комиссіи указывалось, что главной тяжестью для крестьянъ является подушная подать и тотъ способъ взиманія ея, который имѣлъ мѣсто въ деревнѣ, главнымъ образомъ круговая порука. Эта круговая порука парализовала стремленіе крестьянъ къ разнаго рода улучшеніямъ. Крестьянамъ не было разсчета улучшать свое хозяйство, пріобрѣтать лучшій инвентарь и лучшій рабочій скотъ, потому что за недоимку даже не его самого, а другого односельчанина, все это будетъ продано съ публичнаго торга. Слѣдовательно надо было въ корнѣ измѣнить податную систему, надо было уничтожить и круговую поруку въ отбываніи государственныхъ повинностей.

Въ началѣ 80-хъ гг., когда во главѣ министерства финансовъ стоялъ Бунге, начались подготовительныя работы по отмѣнѣ подушной подати, и 28 мая 1885 г. изданъ былъ законъ объ ея упраздненіи; до 55 милл.руб. такимъ образомъ снималось съ крестьянскихъ плечъ. Но правительство компенсировало эту потерю тѣмъ, что повысило съ одной стороны акцизъ на спиртъ, а съ другой - ту оброчную подать, которую уплачивали государственные крестьяне за пользованіе своими надѣлами. Обычно эта подать равнялась 56 коп. съ десятины, тогда какъ уплата выкупныхъ платежей у крестьянъ удѣльныхъ достигла 74 коп. съ десятины, а у крестьянъ бывшихъ владѣльческихъ 35 к. Такимъ образомъ, повышая оброчную подать съ крестьянъ государственныхъ на 45 % и доводя ее въ общей сложности до 49 милліоновъ рублей, правительство получило нѣкоторую выгоду сравнительно съ той суммой, которую оно получало отъ подушной подати. При

этомъ оброчная подать у государственныхъ крестьянъ переименовывалась въ выкупные платежи, и они получили возможность прiобрѣтать свою надѣльную землю въ полную собственность. Но важна была не финансовая сторона этой реформы, а правовая. Уничтожая подушную подать, правительство какъ бы стирало вѣковую грань, которая лежала между крестьянами и другими податными сословiями съ одной стороны и привилегированными сословiями съ другой. Отмѣна крѣпостного права, введенiе всеобщей воинской повинности, естественно, вызывали необходимость и въ финансовомъ отношенiи нивеллировать освобожденную народную массу. Однако оставалась еще круговая порука. Она являлась тѣмъ институтомъ, который сковывалъ крестьянъ по рукамъ и ногамъ, который мѣшалъ личной инициативѣ проявляться въ хозяйственной дѣятельности. И вотъ уже на нашей памяти закономъ 12 марта 1903 г. круговая порука была уничтожена, дѣло взиманiя податей было индивидуализировано; послѣ этого закона уже каждый крестьянинъ отвѣчалъ только за себя въ уплатѣ всѣхъ тѣхъ податей, которыя лежали на немъ, какъ на плательщикѣ личныхъ и земельныхъ налоговъ. Такимъ образомъ, въ финансовомъ отношенiи упорядочено было взиманiе податей въ русской деревнѣ. Но оставался земельный голодъ, оставалось то крестьянское малоземелье, о которомъ говорятъ уже и современники великой реформы и дѣятели 70-хъ гг. Для того, чтобы вывести крестьянъ изъ печальнаго положенiя, въ которомъ они находились въ исходѣ 70-хъ гг., въ началѣ царствованiя Александра III, осуществляется 3 рода мѣръ. 1) Расширяется площадь крестьянскаго землевладѣнiя, 2) улучшается положенiе тѣхъ крестьянъ, которые арендуютъ казенныя земли, и 3) упорядочивается дѣло переселенiя крестьянъ.

Перваго рода мѣры открываются учрежденiемъ крестьянскаго поземельнаго банка въ 1882 г. Но этотъ банкъ, черезъ посредство котораго крестьяне могли прiобрѣтать земли по добровольному соглашенiю, не могъ, конечно, удовлетворить всего земельнаго голода, хотя въ теченiе ближайшихъ 9 лѣтъ послѣ его учрежденiя площадь крестьянскаго землевладѣнiя увеличилась на 1,2 % или 1.407.264 дес. стоимостью 62,5 мил. рублей. Но вѣдь эти земли шли тѣмъ крестьянамъ, которые могли за нихъ уплатить, т.е. не самымъ бѣднымъ элементамъ, а

элементамъ состоятельнымъ. Затѣмъ, не всегда крестьянскій банкъ могъ пріобрѣтать земли въ той мѣстности, гдѣ ощущался наибольшій аграрный голодъ. Значитъ, это учрежденіе банка, какъ посредникъ между частными землевладѣльцами и крестьянами, не могло окончательно разрѣшить земельнаго голоса. Кромѣ того, тѣ земельные участки, на которыхъ накапливалась недоимка по выданной ссудѣ, отбирались у крестьянъ. И уже въ первыя 10 лѣтъ 353 участка площадью 133.731 десятина на сумму 7.804.104 р. 6 к. были отобраны отъ крестьянъ и поступали снова въ земельный фондъ крестьянскаго банка.- Что касается мѣропріятій 2-го рода, то въ 1884 г. разрѣшено было крестьянамъ брать въ аренду безъ торговъ тѣ казенныя земли на 12-лѣтній срокъ, которыя лежали на разстояніи не далѣе 12 верстъ отъ ихъ селеній; этимъ какъ бы расширялась площадь крестьянскаго землепользованія.

Что касается 3-го рода мѣропріятій, то переселеніе крестьянъ на свободныя земли въ Сибирь сначала воспрещалось, а затѣмъ, самимъ ходомъ обстоятельствъ, правительство вынуждено было дать на него свое согласіе. Переселеніе крестьянъ въ Сибирь замѣчается еще въ дореформенное время. Такъ съ 1831 по 1866 г. переселилось 320000 д., т.е. въ среднемъ 9000 д. ежегодно. Послѣ же реформы, хотя крестьянъ старались удержать на мѣстахъ ихъ жительства, чтобы обезпечить помѣщиковъ дешевыми рабочими руками, все-таки ежегодно переселялось въ Сибирь до 40 тыч. человѣкъ; въ 80-хъ годахъ вслѣдствіе земельной тѣсноты и участившихся недородовъ цифра все растетъ и растетъ. Съ этимъ явленіемъ правительство должно было считаться. И хотя министерство внутреннихъ дѣлъ довольно отрицательно относилось къ такимъ крестьянскимъ переселеніямъ, однако особенно послѣ голода 1891-93 г. количество крестьянскихъ ходоковъ все увеличивается; такъ за періодъ съ 1887 по 1894 г. переселенческая волна перебросила черезъ Уралъ до 400000 ч. Въ концѣ концовъ въ связи съ проведеніемъ Великаго Сибирскаго пути, въ цѣляхъ колонизаціи отдаленныхъ восточныхъ окраинъ, дозволено было крестьянамъ переселяться на свободныя казенныя земли, съ предварительнаго административнаго разрѣшенія. Крестьяне, получившіе такое разрѣшеніе, могли отправлять своихъ ходоковъ, а затѣмъ, сдавая свои на-

дѣлы безвозмездно односельчанамъ, отправлялись въ Сибирь на свободныя земли. Какова была нужда крестьянъ въ землѣ, это видно изъ того, что въ послѣднее 10-тилѣтіе 19 вѣка переселилось въ Сибирь до 1,091767 человѣкъ, а за первые 4 года новаго вѣка переселилось изъ Европейской Россіи въ Азіатскую до 263,774 человѣкъ. Но этимъ способомъ разрѣшить аграрную проблему невозможно, потому что даже годы наиболѣе интенсивнаго переселенія отливали за Уралъ не болѣе 1/8 естественнаго прироста крестьянскаго населенія. Такимъ образомъ путемъ переселеній такъ же, какъ и черезъ посредство крестьянскаго банка нельзя было разрѣшить аграрную проблему. Съ этой вопіющей нуждою въ землѣ и столкнулись комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, организованные, какъ мы знаемъ, по почину Витте въ 1902 году. Въ нихъ вопросъ о землеустройствѣ крестьянъ получилъ довольно всестороннее освѣщеніе. Предложенныя въ этомъ смыслѣ различными комитетами мѣры сводились: 1) къ правильной и широкой постановкѣ переселенческаго дѣла (95 уѣздныхъ и 16 губернск.), 2) къ надѣленію крестьянъ государственными и частью удѣльными, церковными и вандорными (Крымъ) землями (45 уѣздн. и 6 губерн.); 3) къ направленію дѣятельности крестьянскаго банка на борьбу съ крестьянскимъ малоземельемъ (133 уѣзд. и 26 губ.). Наконецъ, 14 уѣздныхъ и 2 губерн. комитета высказались за экспропріацію части владѣльческой земли въ пользу крестьянъ.

Такимъ образомъ, земельный вопросъ, этотъ основной вопросъ русской жизни, стоялъ неразрѣшеннымъ передъ правительствомъ и обществомъ на порогѣ XX вѣка такъ же, какъ и вопросъ о правовомъ уравненіи крестьянской массы съ другими сословными группами. Таковы были судьбы русской деревни въ пореформенный періодъ, таковы были тѣ хозяйственныя, и финансовыя и юридическія перемѣны, которыя пережила русская деревня за время съ 1861 по 1905 г.

КОНТРЪ-РЕФОРМЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА III.

Но конечно на одномъ крестьянскомъ вопросѣ вниманіе правительственныхъ сферъ сосредоточиться не могло. Историческія обстоятельства, сплетавшіяся въ причудливую ткань, съ каждымъ годомъ, можно сказать, выдвигали для разрѣшенія все новыя и новыя жизненныя проблемы. Надо было прежде всего подвести балансъ наслѣдію 60-хъ годовъ. Вѣдь во всѣхъ почти преобразованіяхъ реформаціонной эпохи были свои недочеты, которые слѣдовало исправить, согласно требованіямъ жизненной практики. Но въ 70-хъ годахъ правительство было далеко отъ мысли о коренныхъ преобразованіяхъ. Его лозунгомъ сдѣлалась въ это время борьба съ оппозиціей, которую стремились раздавить самыми рѣшительными мѣрами. Однако мужающая общественная мысль настойчиво указывала правительственнымъ сферамъ на необходимость вступить на путь широкихъ преобразованій. Въ 80-хъ годахъ правительство приступило къ работѣ по этимъ преобразованіямъ, но ихъ направленіе не обвѣяно освободительнымъ духомъ минувшей реформаціонной эпохи.

Политика опеки, такъ сильно сказавшаяся въ мѣропріятіяхъ правительства по крестьянскому вопросу, начинала давать себя чувствовать рѣшительно во всѣхъ сторонахъ государственной и общественной жизни.

Волны реакціи подымались все выше и выше и на ихъ гребнѣ всплыли такіе дѣятели, какъ Катковъ, Толстой и Побѣдоносцевъ. Они становились господами положенія; въ ихъ рукахъ сосредоточились главныя пружины нашей внутренней политики.

Послѣ катастрофы 1-го марта 1881 года, бюрократія воспрянула духомъ; конституціонныя иллюзіи разсѣялись, какъ дымъ, содѣйствіе живыхъ общественныхъ силъ рѣшено было игнорировать и правительство, вдохновляемое идеологами реакціи изъ лагеря „Московскихъ вѣдомостей", „Гражданина" и другихъ консервативныхъ органовъ печати, выступило на арену коренной ломки того, что съ такимъ громаднымъ усиліемъ было создано дѣятелями великихъ реформъ. Принципы сословной обособленности и всесторонней опеки восторжествовали при этомъ надъ началами гражданскаго равенства и общественной самодѣятельности.

Высшія бюрократическія сферы энергично принялись за ра-

боту, и изъ-подъ ихъ пера съ неимовѣрной быстротой стали выходить законопроекты, одинъ консервативнѣе другого. Новыя вѣянія стремились во что бы то ни стало подавить элементы свободы, гдѣ бы они ни были насаждены въ русской жизни реформаціоннаго періода.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ УСТАВЪ 1884 г.

Отъ контръ-реформаціонной дѣятельности новаго правительства прежде всего пострадали высшія учебныя заведенія. Принципъ университетской автономіи дѣйствительно звучалъ какимъ-то диссонансомъ съ тѣмъ курсомъ, который усвоенъ былъ во внутренней политикѣ нашими бюрократическими сферами.

Уже съ 1866 г., когда во главѣ министерства народнаго просвѣщенія сталъ графъ А.А.Толстой, начались репрессивныя мѣры по отношенію къ университетамъ, особенно усилившіяся послѣ безпорядковъ 1869 г. „Республиканское" устройство высшихъ учебныхъ заведеній не давало, можно сказать, покоя реакціонерамъ.

Такой напр. публицистъ охранительнаго лагеря, какъ московскій профессоръ Любимовъ немолчно твердилъ о необходимости коренного пересмотра Устава 1863 года.

Съ 1872 года дѣлаются попытки сократить сферу его примѣненія.

Одновременно выясняются общіе контуры будущей университетской реформы. Когда въ 1874 г. разразились новые студенческіе безпорядки, образовано было особое совѣщаніе министровъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились волнующіяся учебныя заведенія. Это совѣщаніе пришло къ заключенію, что „автономія профессорскихъ коллегій" должна быть „ограничена" и „установленъ другой порядокъ назначенія профессоровъ"; „правительственный контроль за направленіемъ преподаванія надлежитъ быть усиленъ" и средствомъ для этого должно послужить „отдѣленіе выпускныхъ экзаменовъ отъ преподаванія, учрежденіе особыхъ экзаменаціонныхъ комиссій по назначенію министра народнаго просвѣщенія"; долженъ быть введенъ „правильный дисциплинарный строй" и „стѣсненъ дальнѣйшій притокъ учащихся, мало подготовленныхъ въ научномъ отношеніи и притомъ не обезпеченныхъ въ матеріальномъ".

Въ этихъ заключеніяхъ уже намѣчались въ общихъ чертахъ основныя положенія того устава, который введенъ былъ въ дѣйствіе 10 лѣтъ спустя.

Подъ предсѣдательствомъ Делянова образована была даже въ 1875 г. особая комиссія для разработки проекта новаго университетскаго устава. На ея засѣданіяхъ особенно настойчиво отстаивали принципъ автономіи высшей школы ректора всѣхъ русскихъ университетовъ.

Въ 1878 году имѣли мѣсто новыя студенческія волненія, послѣ чего часть намѣченныхъ мѣръ была осуществлена путемъ министерскихъ циркуляровъ. А въ началѣ 1880 года проектъ новаго университетскаго устава былъ уже внесенъ въ Государственный Совѣтъ.

Однако, когда въ апрѣлѣ того же года Толстой получилъ отставку и на посту министра народнаго просвѣщенія его смѣнилъ Сабуровъ, сразу же повѣяло новымъ духомъ. Приступили даже къ разработкѣ проекта корпоративной организаціи студенчества, для чего разрѣшено было выбрать въ московскомъ университетѣ студенческихъ представителей по курсамъ; однако этимъ либеральнымъ мѣропріятіямъ положенъ былъ конецъ немедленно послѣ кончины Александра II.

Вскорѣ, въ мартѣ 1882 года, во главѣ министерства народнаго просвѣщенія появляется Деляновъ, ярый сторонникъ программы графа Толстого.

Въ концѣ 1882 года проектъ новаго устава, являвшійся почти буквальнымъ воспроизведеніемъ того, что было составлено въ 1875-9 годахъ при Толстомъ, вносится въ Государственный Совѣтъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ значительную и притомъ сплоченную оппозицію: изъ 24-хъ членовъ Совѣта только 6-8 челов. высказались въ его пользу. Но Александръ III послѣ совѣщанія съ министрами сталъ на сторону меньшинства Государств.Совѣта, и 23-го августа 1884 года проектъ университетскаго устава получилъ силу закона.

Автономіи былъ положенъ конецъ. Ректора, деканы и профессора назначались властью министра. Компетенція попечителя учебнаго округа по отношенію къ университету была при этомъ сильно расширена.

Для надзора за студентами, какъ въ стѣнахъ университе-

та, такъ даже и внѣ стѣнъ его введена была инспектура, лучшими органами которой были малограмотные „педеля" и которая непосредственно подчинялась попечителю учебнаго округа.

Лекціи должны были читаться по утвержденнымъ министерствомъ программамъ, при чемъ для оканчивающихъ студентовъ вводились Государственныя Испытательныя Комиссіи, въ которыхъ производился экзаменъ не въ предѣлахъ прочитаннаго курса, а „изъ науки", какъ говорили творцы новаго устава; на самомъ же дѣлѣ экзаменовали по учебникамъ самаго элементарнаго характера, что въ значительной степени способствовало пониженію уровня знаній, выносимыхъ студентами изъ высшей школы.

Что касается студенческой массы, то Уставъ 1884 г. преслѣдовалъ малѣйшія проявленія корпоративной жизни. На студентовъ устанавливался взглядъ, какъ на отдѣльныхъ посѣтителей университета. При этомъ учащіеся могли поступать только въ университеты своего учебнаго округа. Плата за слушаніе лекцій была сильно повышена, вслѣдствіе введенія системы гонораровъ. Матеріальное положеніе профессуры въ значительной степени улучшилось, но университетскія аудиторіи пустѣли, потому что профессора мало новаго говорили на своихъ лекціяхъ, сравнительно съ рекомендованными пособіями.

Самое прохожденіе университетскаго курса должно было совершаться по планамъ, составленнымъ факультетами и утвержденнымъ министерствомъ.

Но, если многіе профессора смирились съ тѣмъ, что ихъ превратили въ чиновниковъ, то учащаяся молодежь не могла свыкнуться съ новымъ положеніемъ дѣлъ въ университетѣ. Потребность въ землячествахъ, кассахъ взаимопомощи и въ другихъ корпоративныхъ учрежденіяхъ ощущалась все сильнѣе и сильнѣе. Полицейскій же строй высшей школы энергично боролся со всѣми этими проявленіями принципа студенческой солидарности.

Въ результатѣ, введеніе Устава 1884 года привело къ хроническимъ студенческимъ безпорядкамъ, повторявшимся почти изъ года въ годъ и захватывавшимъ съ каждымъ разомъ все большее и большее количество учащейся молодежи.

Борьба за свободу высшей школы сдѣлалась лозунгомъ студенчества и университетская контръ-реформа поставила нашу

высшую школу въ такія условія, при которыхъ совершенно уничтожалось необходимое для правильныхъ научныхъ занятій спокойное и вдумчивое отношеніе къ дѣлу.

УНИЧТОЖЕНІЕ МИРОВОЙ ЮСТИЦІИ ВЪ 1889 ГОДУ.

Вытравляя принципъ свободы преподаванія изъ общественнаго сознанія, бюрократическія сферы стремились поставить на прочномъ основаніи такъ называемую „полицію умовъ" и уничтожить малѣйшее поползновеніе къ независимому образу мыслей. Студенты должны были выходить изъ высшей школы не гражданами, сознающими свои обязанности передъ страною, а изломанными, исковерканными личностями безъ всякаго цѣлостнаго научнаго міровоззрѣнія.

Пытливый и безпокойный духъ изслѣдованія былъ скованъ тяжелой цѣпью оффиціальнаго формализма. Высшая школа по новому уставу должна была готовить будущихъ чиновниковъ главнымъ образомъ въ сферѣ административной и судебной. Судъ, тотъ самый судъ, который былъ въ корнѣ обновленъ уставами 1864 года, все сильнѣе и сильнѣе подчинялся стѣснительной начальственной ферулѣ. Принципъ несмѣняемости судей почти что не соблюдался на практикѣ; начало публичности въ судопроизводствѣ было доведено до минимума; компетенція суда присяжныхъ была до-нельзя сокращена; наконецъ наложили руку на главный устой Судебныхъ Уставовъ - выборный мировой судъ, который, по мѣткому выраженію одного публициста, „являлся лучшей школой гражданскаго воспитанія".

Конечно, въ дѣятельности и мировыхъ судей, и мировыхъ съѣздовъ случались небольшія упущенія, которыя, однако, не умаляли высокихъ достоинствъ всего мироваго института. Но противники судебныхъ уставовъ начали обобщать эти упущенія и ошибки и всѣми силами старались дискредитировать принципъ выборнаго суда „по разуму и совѣсти" въ глазахъ лицъ, власть имущихъ.

Въ 80-хъ гг. не только въ правительственныхъ сферахъ, но и въ нѣкоторыхъ органахъ печати начали высказываться требованія коренныхъ преобразованій мироваго суда: назначенія

председателя мирового съѣзда отъ правительства, подчиненія мировыхъ судей окружнымъ судамъ, отмѣны выборнаго начала и т.д.

Мы уже знаемъ, какіе принципы восторжествовали къ 1889 году, когда опубликовано было положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Этимъ законодательнымъ актомъ наносился рѣшительный ударъ одному изъ основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г., именно: началу отдѣленія суда отъ администраціи.

Учрежденіе земскихъ начальниковъ поставили на мѣсто судьи, призваннаго охранять миръ и насаждать чувство законности, судью-администратора, вооруженнаго дискреціонной властью и призваннаго возстановить опеку надъ крестьянскимъ населеніемъ.

На обломкахъ мировой юстиціи въ незначительныхъ городахъ и почти повсемѣстно въ уѣздахъ восторжествовали земскіе начальники, въ болѣе же значительныхъ городахъ - городскіе судьи, назначаемые министромъ юстиціи, и уѣздные члены окружного суда, къ которымъ перешли также дѣла, не вошедшія въ кругъ компетенціи земскихъ начальниковъ.

Такимъ образомъ судейская совѣсть поставлена была лицомъ къ лицу съ начальственнымъ воздѣйствіемъ. Выборные мировые судьи остались только въ Петербургѣ съ его уѣздомъ, въ Москвѣ, въ шести губернскихъ городахъ - Нижнемъ Новгородѣ, Казани, Саратовѣ, Одессѣ, Кишиневѣ и Харьковѣ, а также въ области Войска Донскаго. Въ остальныхъ же мѣстностяхъ, на которыя не распространено было Положеніе о земскихъ начальникахъ, напр. на Кавказѣ и въ Сибири, вводились мировые судьи, но уже не по выбору, а по назначенію, при чемъ министръ юстиціи своей властью могъ ихъ перемѣщать и даже отставлять отъ должности.

Наиболѣе яркой отличительной чертой института земскихъ начальниковъ является сословно-административный принципъ. Этотъ принципъ проведенъ черезъ всѣ инстанціи новаго судоустройства. Уѣздный съѣздъ, напр., въ который можно переносить дѣла по апелляціи на приговоръ земскихъ начальниковъ, состоитъ изъ двухъ отдѣленій: административнаго и судебнаго, при чемъ въ обоихъ членами являются земскіе начальники даннаго уѣзда, а предсѣдателемъ уѣздный предводитель дворянства - органъ со-

словно-административный.

Кассаціонной же инстанціей для суда земскихъ начальниковъ является губернское правленіе, уже чисто административное учрежденіе. Слѣдовательно, упраздняя выборную мировую юстицію и расширяя на ея счетъ отчасти компетенцію волостного суда, а отчасти сферу вѣдомства уѣзднаго члена окружного суда, реформа 1889 года подчинила судъ администраціи и тѣмъ какъ бы бюрократизировала такую важную общественную функцію, какъ отправленіе судебныхъ обязанностей лицами, облеченными общественнымъ довѣріемъ.

ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА 1890 ГОДА.

Но на этомъ, конечно, не могли остановиться стремленія реакціонеровъ уничтожить до основанія тотъ гражданскій правопорядокъ, который введенъ былъ въ Россіи реформами Александра II. Во второй половинѣ 80-хъ гг., когда у кормила правленія въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ стоялъ гр.Толстой, бюрократическія сферы занялись составленіемъ новаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, получившаго силу закона 12-го іюня 1890 г. Земскія учрежденія при этомъ пріобрѣтали рѣзко выраженную сословную окраску съ громаднымъ перевѣсомъ въ пользу землевладѣльческаго дворянства. Вмѣсто прежняго имущественнаго ценза теперь устанавливался цензъ сословно-имущественный. Взамѣнъ съѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей введены два избирательныя собранія:

во 1) потомственныхъ и личныхъ дворянъ и

во 2) прочихъ избирателей, кромѣ крестьянъ.

Въ составъ этого второго собранія входили и юридическія лица. Что касается крестьянской куріи, то она потерпѣла наибольшія измѣненія: крестьяне лишены были права избирать своихъ гласныхъ; они на волостныхъ сходахъ выбирали только кандидатовъ, изъ списка которыхъ по отзывамъ земскихъ начальниковъ губернаторъ своею властью назначалъ извѣстное количество гласныхъ отъ крестьянъ и замѣстителей къ нимъ. Такимъ образомъ крестьянское представительство было сведено на нѣтъ

и превратилось въ фикцію, такъ какъ, конечно, лица, угодныя земскимъ начальникамъ, не могли въ качествѣ гласныхъ защищать интересы широкой крестьянской массы. Лишились своихъ избирательныхъ правъ священно- и церковно-служители, владѣвшіе въ предѣлахъ уѣзда недвижимымъ имуществомъ. Взамѣнъ гласныхъ отъ духовенства епархіальное начальство получило право назначать въ составъ земскаго собранія одного депутата отъ духовнаго вѣдомства. Такъ какъ съ начала 80-хъ годовъ особенно усилились гоненія на евреевъ, то вполнѣ понятно, что лица іудейскаго вѣроисповѣданія лишены были по Положенію 1890 г. права участвовать въ земскихъ выборахъ. Кромѣ того лишились избирательнаго права и лица, имѣющія купеческія свидѣтельства, а также владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Сословно-дворянскій элементъ въ земскихъ учрежденіяхъ усиливался еще тѣмъ, что въ составъ губернскихъ земскихъ собраній введены были по должности всѣ уѣздные предводители дворянства, которые въ общей сложности составили 22,7 % всѣхъ выборныхъ гласныхъ. Сверхъ того въ качествѣ должностныхъ лицъ въ составъ уѣздныхъ собраній введены городскіе головы уѣздныхъ городовъ. Для того, чтобы вамъ были нагляднѣе тѣ сословныя перемѣны, которыя произошли въ составѣ гласныхъ земскихъ собраній, я обращаю ваше вниманіе на цифровыя данныя, сгруппированныя въ прилагаемой таблицѣ.

По Положенію 1890 г. въ составъ земскихъ гласныхъ по 30 губерніямъ входило:

дворянъ	5433	-	57,1 %
разночинцевъ	1273	-	13,3 %
крестьянъ	2817	-	29,1 %
всего	9523		100 %

Такимъ образомъ почти 3/5 всѣхъ гласныхъ принадлежатъ къ дворянскому сословію. А такъ какъ за 30 лѣтъ, протекшихъ съ освобожденія крестьянъ, площадь дворянскаго землевладѣнія значительно сократилась и дворянскія имѣнія сильно измельчали, то для того, чтобы дать возможность бо́льшему числу землевладѣльцевъ изъ потомственныхъ дворянъ принимать участіе въ земскихъ выборахъ, въ 194 уѣздахъ изъ 359 пониженъ былъ цензъ.

въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже весьма значительно. Но если всѣ старанія правительства направлены были въ сторону усиленія дворянскаго представительства, то количество крестьянскихъ гласныхъ намѣренно подверглось значительному сокращенію. Въ общей сложности по 30-ти губерніямъ крестьяне потеряли 2162 мѣста или 43,4 %. На ряду съ измѣненіемъ самой избирательной системы новое Положеніе 1890 г. значительно сокращало численный составъ какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Это сокращеніе ярко выступаетъ въ нижеслѣдующей таблицѣ:

	По Полож. 1864 г.	По Полож. 1890 г.	% уменьш.
уѣздн. гласныхъ	13.329	10.229	23,25%
губерн. гласныхъ	2274	1576	30,69%

Слѣдовательно количество уѣздныхъ гласныхъ сократилось почти на 1/4, а губернскихъ - почти на 1/3. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ перемѣнъ средняя численность губернскихъ земскихъ собраній понизилась съ 67 до 46. Таковы тѣ измѣненія, которымъ подверглись въ 1890 г. распорядительные органы земства - губернскія и уѣздныя собранія.

Что касается управъ, то ихъ предсѣдатели и члены стали пользоваться правами государственной службы, при чемъ земскія учрежденія такимъ образомъ вводились въ общую цѣпь органовъ мѣстной правительственной администраціи. И предсѣдатели и члены управъ утверждались въ своихъ должностяхъ губернаторомъ, а предсѣдатели губернскихъ управъ даже министромъ внутреннихъ дѣлъ, при чемъ, если не послѣдуетъ утвержденіе и послѣ выбора вторичныхъ кандидатовъ, то вакантныя должности въ земскихъ учрежденіяхъ замѣщаются по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ. Не переставая быть отвѣтственными передъ земскими собраніями въ качествѣ ихъ исполнительнаго органа, управа стала отвѣчать въ своихъ дѣйствіяхъ и передъ губернаторомъ, какъ высшимъ представителемъ коронной администраціи въ губерніи. Такъ какъ на земство перестали смотрѣть, какъ на частные союзы, то въ качествѣ правительственныхъ учрежденій земскія собранія и управы получили право издавать обязательныя постановленія наравнѣ съ другими органами мѣстнаго управленія. Но снабжая земскія учрежденія

новыми важными полномочіями. Положеніе 1890 г. подчиняло ихъ мѣстной коронной администраціи. Губернаторы могли теперь входить въ разсмотрѣніе постановленій земства не только съ точки зрѣнія ихъ законности, но и по существу оцѣнивая степень ихъ цѣлесообразности. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторамъ дано было право производить ревизію управъ и другихъ исполнительныхъ органовъ земства, а также всѣхъ подвѣдомственныхъ земству учрежденій. Существенною новостью было введеніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія подъ предсѣдательствомъ губернатора въ составѣ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, прокурора окружного суда, городского головы губернскаго города, предсѣдателя губернской земской управы и одного члена,избираемаго губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ числа членовъ губернской управы или гласныхъ. Въ это губернское присутствіе вносились на разсмотрѣніе тѣ вопросы, по которымъ возникало разногласіе между земствомъ и губернаторомъ. Всѣ дѣла присутствіе рѣшало по большинству голосовъ, но губернатору предоставлено право пріостанавливать исполненіе рѣшеній, съ которыми онъ не согласенъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они безотлагательно были представлены министру внутреннихъ дѣлъ, который или предлагаетъ губернатору немедленно привести въ исполненіе данное рѣшеніе губернскаго присутствія,или входитъ въ сенатъ съ представленіемъ объ его отмѣнѣ. Земскимъ собраніямъ предоставлено однако право приносить жалобы на постановленія губ. по зем. дѣламъ присутствія. При чемъ законъ предусматриваетъ двоякій порядокъ обжалованія: а) если дѣло идетъ о незаконности постановленія земскаго собранія, то жалоба направляется въ правительствующій сенатъ; б) если же конфликтъ возникаетъ на почвѣ несоотвѣтствія даннаго постановленія мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ или обще-государственнымъ интересамъ, то жалоба поступаетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и затѣмъ восходитъ черезъ него или въ государственный совѣтъ, когда вопросъ касается повышенія земскаго обложенія,или въ комитетъ министровъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ новымъ закономъ устанавливался сложный и громоздкій

порядокъ надзора правительственныхъ органовъ надъ дѣятельностью земскихъ учрежденій. Въ дальнѣйшемъ мы встрѣчаемъ немало попытокъ урѣзать компетенцію земствъ въ кругѣ тѣхъ дѣлъ, которыя входили въ сферу ихъ вѣдѣнія. Такъ одно время близокъ былъ къ осуществленію проектъ изъятія изъ рукъ земскихъ учрежденій всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей народнаго образованія, а также дѣла оказанія медицинской помощи населенію. 12 іюня 1900 г. вышелъ новый уставъ объ оказаніи продовольственной помощи населенію, который сильно ограничивалъ дѣятельность земства въ продовольственномъ дѣлѣ. Этимъ новымъ уставомъ губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность слѣдить за приближеніемъ неурожаевъ и предпринимать по своему усмотрѣнію различныя мѣры для борьбы съ ихъ послѣдствіями. Стѣснено было земство и въ сферѣ введенія новыхъ налоговъ, а также повышенія существующихъ законовъ о фиксаціи земскаго обложенія, разрѣшавшихъ увеличеніе земской доходной смѣты не болѣе чѣмъ на 3%. Слѣдовательно на ряду съ бюрократизаціей земскихъ учрежденій правительство стремилось затормозить работу земства на пользу широкихъ народныхъ массъ цѣлымъ рядомъ мелочныхъ узаконеній. Однако жизнь властно брала свое и плодотворная дѣятельность земства, несмотря ни на что, продолжалась въ большинствѣ случаевъ въ прежнемъ прогрессивномъ направленіи. Традиціи стараго земства не умирали и эпоха безвременья не смогла ихъ вытравить изъ общественнаго сознанія.

ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ 1892 ГОДА.

Вполнѣ понятно, что послѣ пересмотра Земскаго Положенія должна была наступить очередь и для внесенія коренныхъ перемѣнъ въ Городовое Положеніе 1870 г. Разъ въ правительственныхъ сферахъ восторжествовала охранительная точка зрѣнія, то принципъ всесторонней административной опеки естественно долженъ былъ быть положенъ въ основаніе новаго городского общественнаго управленія. И дѣйствительно, въ 1890 г. началась разработка проекта новаго Городового Положенія, внесеннаго въ 1891 г. въ Государственный Совѣтъ и получившаго

силу закона 11-го іюня 1892 г. Этимъ законодательнымъ актомъ вносился рядъ существенныхъ перемѣнъ въ городское устройство, созданное реформой Александра II. Прежде всего измѣнена была система выборовъ. Вмѣсто прежней трехклассной системы, подраздѣлявшей избирателей на три куріи, согласно величинѣ ихъ имущественнаго ценза, устанавливалось одно избирательное собраніе, подраздѣляемое въ случаѣ надобности на нѣсколько территоріальныхъ участковъ. Такимъ образомъ, классовое начало уступило мѣсто территоріальному, въ чемъ, конечно, нельзя не видѣть значительнаго шага впередъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вносилось и существенное ограниченіе въ самый порядокъ выборовъ: разрѣшалось выбирать въ гласные только такихъ лицъ, которыя внесены были въ избирательный списокъ даннаго участка. Этимъ какъ бы насильственно избиратели прикрѣплялись къ своему мѣсту жительства, чѣмъ, конечно, искажался принципъ единаго избирательнаго собранія. Положеніе 1892 г. значительно суживало кругъ городскихъ избирателей, устанавливая извѣстный minimum имущественнаго ценза, чего не было въ прежнемъ Положеніи 1870 г. По новому закону городскими избирателями могутъ быть: 1) лица и учрежденія, владѣющія въ предѣлахъ города не менѣе одного года недвижимымъ имуществомъ стоимостью не ниже 300 р. въ незначительныхъ городахъ, и не ниже 3000 р. въ болѣе крупныхъ центрахъ; 2) лица, общества и товарищества, имѣющія въ предѣлахъ города торгово-промышленное предпріятіе, требующее выправки свидѣтельства, въ столицахъ 1-ой гильдіи, въ другихъ городахъ 1-ой и 2-ой гильдій. Духовенство лишилось своихъ избирательныхъ правъ и его интересы въ думѣ долженъ былъ представлять депутатъ духовнаго вѣдомства, назначаемый властью епархіальнаго начальства. Въ этомъ мы видимъ полную аналогію съ земскимъ Положеніемъ 1890 г. Что касается евреевъ, то они и въ городѣ такъ же, какъ и въ уѣздѣ, устранялись отъ выборовъ, при чемъ однако въ городахъ, находящихся въ чертѣ осѣдлости, гласные изъ евреевъ назначались губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ въ количествѣ не болѣе 10 % всего личнаго состава данной городской думы. Вообще число гласныхъ отъ другихъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій устанавливалось новымъ Положеніемъ не свыше 1/5, тогда какъ по прежнему Положенію гласные нехристіане могли имѣть въ нѣко-

торыхъ городахъ до 1/3 всѣхъ мѣстъ въ думѣ. Сокращая кругъ избирателей, новый законъ уменьшалъ и численный составъ гласныхъ не только въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, но даже и въ столицахъ. Въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ избирателей было не болѣе 100, положено было выбирать 20 гласныхъ. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ избирателей было болѣе 100, на каждые 50 лишнихъ избирателей налагалось выбирать по 3 гласныхъ до тѣхъ поръ, пока общее число не достигнетъ 60. Только для крупныхъ городовъ съ населеніемъ въ 100,000 человѣкъ и болѣе, а также для обѣихъ столицъ было сдѣлано исключеніе. Въ первыхъ число гласныхъ повышалось до 80, а въ Москвѣ и Петербургѣ до 160. Хотя компетенція органовъ городского общественнаго управленія осталась въ томъ же видѣ, но усиленъ былъ въ значительной степени правительственный надзоръ за дѣятельностью не только городскихъ управъ, но и городскихъ думъ. Городскіе головы, ихъ товарищи и члены управы утверждались въ своихъ должностяхъ губернаторомъ и считались состоящими на государственной службѣ. Столичные же головы назначались верховной властью изъ 2-хъ кандидатовъ, избранныхъ думой, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ. Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе получило совершенно иное значеніе по новому Положенію 1832 г. Оно сдѣлалось своего рода начальствомъ надъ органами городского управленія. Оно было учреждено въ 1870 г. для разсмотрѣнія „возникающихъ по жалобамъ, пререканіямъ или непосредственному усмотрѣнію губернатора дѣлъ о незаконности опредѣленій городского управленія". Оно также разрѣшало разногласія, возникающія между административной властью и органами городского самоуправленія по вопросамъ, связаннымъ съ изданіемъ обязательныхъ постановленій. По новому же закону городскія управы отвѣтственны передъ губернскимъ присутствіемъ во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ. Каждое постановленіе думы и каждое дѣйствіе управы можетъ быть пріостановлено губернаторомъ не только въ силу незаконности постановленія, но и въ силу его несоотвѣтствія пользамъ и нуждамъ городского населенія. Всѣ эти дѣла по протесту губернатора вносятся въ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, при чемъ его рѣшенія и по вопросамъ о незаконности и по вопросамъ о несообразности дѣятельности органовъ городского управленія могутъ быть.

обжалованы думами въ томъ же порядкѣ, который установленъ Положеніемъ 1890 г. для земскихъ собраній. Сверхъ того жалобы по поводу выборнаго дѣлопроизводства, которыя прежде разсматривались самой думой, теперь поступаютъ въ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе. Слѣдовательно, городское управленіе было въ значительной степени бюрократизировано и его независимость сведена почти „на - нѣтъ". Если въ земскихъ выборахъ получили преобладаніе дворянско-землевладѣльческіе элементы, но и въ городскихъ, по новому Положенію, болѣе состоятельныя группы населенія были поставлены въ превалирующее положеніе. Мелкая буржуазія въ значительной своей части устранялась отъ выборовъ и городское управленіе пріобрѣтало характеръ представительства крупно-буржуазныхъ элементовъ городского населенія. Но несмотря на контръ-реформаціонный характеръ Положенія 1892 г., ему не удалось отклонить въ иное русло дѣятельность органовъ городского управленія. Она шла и послѣ 1892 г. по тому же пути, который былъ признанъ наиболѣе цѣлесообразнымъ предшествующей двадцатилѣтней практикой.

Итакъ, реформы, осуществленныя въ царствованіе Александра III, вынимали камень за камнемъ изъ того зданія, которое было создано нерѣдко при дружномъ содѣйствіи правительства и общества въ эпоху всесторонняго обновленія русской жизни. Но это законодательство 80 и 90-хъ годовъ не могло, конечно, наложить преграды могучему историческому потоку, на поверхности котораго выплывали съ каждымъ годомъ все новыя и новыя соціально-политическія проблемы. Ихъ надо было рано или поздно разрѣшить, но, конечно, не средствами петербургской бюрократіи, а живой и дружной работой наиболѣе активныхъ общественныхъ группъ. Если тотъ мертвящій режимъ, который установился въ Россіи послѣ 1881 г., хотѣлъ какъ бы сковать крѣпкимъ желѣзнымъ обручемъ свободное проявленіе общественной иниціативы, что, кстати сказать, ему отчасти и удалось, то онъ не былъ въ силахъ затормозить хозяйственнаго развитія страны, которая стихійно стремилась къ новымъ, болѣе сложнымъ формамъ экономическихъ отношеній. Въ нѣдрахъ русскаго общества нарождались новыя хозяйственныя явленія и они должны были въ концѣ концовъ привести къ переустройству и соціальнаго и по-

литическаго уклада жизни. Это заставляетъ насъ бросить бѣглый взглядъ на положеніе народнаго и государственнаго хозяйства въ Россіи на рубежѣ XIX и XX вѣка.

СОСТОЯНІЕ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССІИ ВЪ ИСХОДѢ XIX-ГО ВѢКА.

Что касается народно-хозяйственныхъ явленій въ русской жизни конца изучаемаго періода, то они могутъ быть разбиты на слѣдующія категоріи: съ одной стороны замѣчается пауперизація деревенскаго населенія, т.е. нарожденіе въ русской деревнѣ безземельной и безлошадной бѣдноты, а съ другой - пролетаризація городского населенія, т.е. замѣтный ростъ классовъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Параллельно съ развитіемъ индустріализма въ Россіи за послѣднія 20-25 лѣтъ замѣчается сильный отливъ населенія изъ деревни въ городъ, т.е. такъ называемый процессъ урбанизаціи. Чтобы прослѣдить, въ какой степени всѣ эти явленія отразились на хозяйственномъ положеніи страны, я приведу вамъ нѣсколько статистическихъ справокъ, которыя краснорѣчивѣе всякихъ словъ охарактеризуютъ намъ всю глубину пережитаго Россіей экономическаго переворота. Вскорѣ послѣ крестьянской реформы въ 49-ти губерніяхъ Европейской Россіи удобной крестьянской земли насчитывалось 116.854.855 десятинъ, что въ среднемъ составляло 5,2 десятины на душу. Но съ теченіемъ времени вслѣдствіе естественнаго прироста населенія эта средняя норма значительно уменьшилась. Въ общей сложности за періодъ съ 1861 по 1900 гг. крестьянскіе надѣлы сократились до 54,2%. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается нѣкоторое уменьшеніе урожайности на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ: за тѣ же 50 лѣтъ, урожай хлѣба и картофеля сократился со 100 % до 94,4 %. Вполнѣ понятно, что съ уменьшеніемъ кормовыхъ средствъ должно было сократиться и количество рабочаго и домашняго скота у крестьянскаго земледѣльческаго населенія. Статистическія данныя вполнѣ опредѣленно подтверждаютъ это предположеніе. Съ 1870 до 1900 г. количество скота на одну десятину пахотной земли со 100 % сократилось до 90,7%. Наиболѣе цѣнныя цифровыя данныя о распредѣленіи ло-

шадей между отдѣльными группами населенія имперіи доставляютъ военно-конскія переписи, производимыя періодически черезъ извѣстное количество лѣтъ. Въ 1882 г. безлошадныхъ крестьянъ было 28 %, а черезъ 20 лѣтъ съ небольшимъ въ 1894 г. такихъ безлошадныхъ насчитывалось уже 32 %. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же цифровыя данныя констатируютъ любопытное явленіе: среди деревенскаго люда замѣчается процессъ усиленнаго разслоенія на нѣсколько хозяйственныхъ группъ. Такъ въ концѣ 80-хъ годовъ безлошадныхъ крестьянъ насчитывалось 27 %, крестьянъ съ 1-ой лошадью - 28%, болѣе чѣмъ съ 1-ой лошадью - 45%. Такимъ образомъ 55% всей крестьянской массы находятся въ довольно печальномъ хозяйственномъ положеніи. Деревня замѣтно разорялась. Однако въ ней постепенно выдѣляется кучка богатѣевъ, такъ называемыхъ хозяйственныхъ мужичковъ. Тѣ же самыя цифры, относящіяся къ военно-конскимъ переписямъ, помогутъ намъ освѣтить и этотъ фактъ. Интересно, что изъ 17 милліоновъ крестьянскихъ лошадей 9 мил. или 53% находятся въ рукахъ 22% крестьянскаго населенія. Насъ нисколько не должно удивлять, что параллельно съ хозяйственнымъ оскудѣніемъ крестьянской массы, растетъ съ каждымъ годомъ недоимочность русской деревни. Вѣдь увеличеніе недоимокъ есть не что иное, какъ оборотная сторона того явленія, которое мы только что изучили. Въ общемъ недоимки съ 22% въ 1871-80 гг. возросли къ 1900 г. до 117%, т.е. съ 100 % поднялись до 532% или увеличились въ 5 1/3 разъ. Еще интереснѣе прослѣдить этотъ ростъ недоимочности по десятилѣтіямъ.

Въ 1871-80 гг. на каждой крестьян.десятинѣ недоимокъ было - 38 к.
" 1881-90 " " " " " " " - 48 "
" 1891-1900 " " " " " " " -108 "

Однако на ряду съ печальнымъ положеніемъ крестьянскаго землевладѣнія переживало глубокій кризисъ и землевладѣніе дворянское несмотря на цѣлый рядъ мѣропріятій, которыми правительство стремилось поддержать соціальное значеніе дворянскаго землевладѣльческаго сословія. Проживъ выкупные платежи или давъ имъ самое нецѣлесообразное приложеніе, дворянство пореформенной Россіи не имѣло оборотнаго капитала для веденія правильнаго хозяйства въ рамкахъ новаго соціальнаго строя. Оставалось одно - закладывать и перезакладывать свои имѣнія сначала въ

частныхъ банкахъ, а съ 1885 г. въ Государственномъ дворянскомъ банкѣ, многочисленныя отдѣленія котораго выдавали ссуды на весьма льготныхъ условіяхъ. И въ результатѣ къ 1-му іюля 1904 г. изъ владѣльческихъ земель оказалось въ залогѣ 127.420 имѣній - площадью въ 52.589.926 дес. и съ долгомъ на сумму 1.723.017.000 р. Вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе просрочки уплаты процентовъ по долговымъ обязательствамъ и отъ различныхъ другихъ причинъ замѣтно таяла площадь дворянскаго землевладѣнія. Въ 1861 г. въ рукахъ дворянъ находилось 78 мил.дес., а въ 1900 г. - 54 мил.дес., т.е. за 50 лѣтъ дворяне потеряли 30,8% земель, бывшихъ въ ихъ владѣніи въ ближайшіе годы послѣ крестьянской реформы. Но если землевладѣльческіе элементы влачили довольно жалкое существованіе, съ трудомъ борясь съ хозяйственными невзгодами, то фабрично-заводская промышленность крупными шагами шла по пути всесторонней индустріализаціи пореформенной Россіи. Капитализмъ съ каждымъ десятилѣтіемъ дѣлалъ все болѣе и болѣе крупныя завоеванія въ странѣ. Изъ нижеслѣдующей таблицы ярко обнаруживаются успѣхи русской фабрично-заводской промышленности.

Годы.	Количество фабрикъ.	Количество рабоч.на нихъ.
1854	9.944	459.637
1896	38.401	1.732.180

Такимъ образомъ за 40 лѣтъ съ небольшимъ количество фабрикъ и заводовъ въ Россіи увеличилось на 397,23%, т.е. почти въ четыре раза, а количество рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ,въ 3 3/4 раза или на 376,85%. Въ 1908 г. промышленныхъ заведеній въ Россіи и крупныхъ и мелкихъ числилось 150 тысячъ. Еще болѣе наглядно выступятъ передъ нами успѣхи русской промышленности изъ слѣдующаго сопоставленія:

въ 1854 г. производительность въ рубляхъ равнялась 170 мил.
" 1908 " " " " " 3.000 "

т.е. за 55 лѣтъ цѣнность производимаго продукта возросла въ 17 3/4 раза.

Капитализмъ давалъ себя чувствовать не только въ сферѣ обрабатывающей промышленности, но и въ области внутренняго и внѣшняго товарообмѣна. Въ 1897 г. число торговыхъ предпріятій въ Россіи достигало цифры 890 тыс. съ оборотомъ свыше 20 милліардовъ руб. Косвеннымъ показателемъ успѣховъ внутренней

торговли является протяженность рельсоваго желѣзно-дорожнаго пути въ странѣ и данныя о количествѣ груза, провозимаго по желѣзнымъ дорогамъ.

Протяженность желѣзно-дорожнаго пути въ Россіи:

къ	1880 году	-	22.719 вер.
"	1890 "	-	30.000 "
"	1909 "	-	67.700 "

Но еще болѣе скажутъ намъ тѣ данныя, которыя относятся къ статистикѣ грузового движенія по русской желѣзно-дорожной сѣти.

Годы:	Количество пудовъ груза, провезеннаго въ годъ по каждой верстѣ желѣзно-дорожнаго пути:
1883	24.500 милліоновъ.
1893	32.000 "
1895	40.000 "

Общее количество грузового движенія по русской жел.дорожной сѣти растетъ съ головокружительной быстротой.

Въ 1868 г. по желѣзн. дорогамъ было проведено 430 милл. пуд. грузовъ, въ 1904 - 4.523 милл.пуд., а въ 1907 г. - 12.500 мил.пуд. Наряду съ увеличеніемъ грузового движенія, замѣтно растетъ и пассажирская провозоспособность нашихъ жел.дорогъ.

Въ 1892 г. провезено было по желѣзнымъ дорогамъ внутри Россіи 50 милліоновъ пассажировъ, а въ 1907 г. уже 148 мил.

Однако одной только статистикой желѣзно-дорожнаго движенія ограничиться нельзя, такъ какъ въ Россіи громадную роль въ перевозочной промышленности играютъ еще и въ настоящее время рѣки. Удобство рѣчного транспорта при его значительной дешевизнѣ - неоспоримо, поэтому вполнѣ понятно, что въ Россіи съ каждымъ годомъ увеличивается и количество пароходовъ, и цифра грузовъ, привозимыхъ на нихъ по рѣкамъ внутренняго бассейна.

Въ 1884 г. всего въ Европейской Россіи было: 1246 пароходовъ, вмѣстимостью 5,9 мил.пуд., а въ 1908 году ихъ уже насчитывалось 4000, и вмѣстимость ихъ поднялась до 10 мил.пуд.

Что касается движенія грузовъ по воднымъ путямъ, то о немъ даетъ наглядное представленіе нижеслѣдующая таблица:

Года:	Количество груза въ пудахъ, провезеннаго по воднымъ путямъ:
1889	893 мил.пуд.
1893	1,895 " "
1904	2.000 " "
1908	2.205 " "

Но, чтобы составить себѣ полное представленіе о развитіи русской торговли въ пореформенный періодъ, слѣдуетъ остановиться еще на данныхъ, относящихся къ нашему внѣшнему товарообмѣну. При свѣтѣ этого цифроваго матеріала еще рельефнѣе выступитъ процессъ капитализаціи народно-хозяйственныхъ отношеній въ странѣ.

Годы:	Международный товарообмѣнъ Россіи въ рубляхъ.
1850-ые	7-8 милліардовъ руб.
1860-ые	13 " "
1870-ые	20 " "
1907-ой	60 " "
1908-ой	56 " "

Итакъ,за 60 лѣтъ русская внѣшняя торговля увеличилась въ 8 разъ. Для того, чтобы закончить очеркъ состоянія народнаго хозяйства во второй половинѣ XIX вѣка, намъ слѣдуетъ остановить наше вниманіе еще на одномъ въ высшей степени важномъ явленіи. Городское населеніе замѣтно численно растетъ за счетъ сельскаго. Это насъ нисколько не должно удивлять, потому что городъ въ новыхъ условіяхъ жизни раскрѣпощенной Россіи сдѣлался торгово-промышленнымъ центромъ. Развитіе обрабатывающей промышленности и усиленіе внутренней и внѣшней торговли естественно притягивали въ городъ большія массы деревенскаго люда.

Процессъ урбанизаціи прекрасно вскрывается въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Годы:	% городского населенія ко всему количеству жителей Россіи.
1863	9,94
1885	12,19
1897	12,76

Если городъ въ пореформенной Россіи вбиралъ въ себя

съ каждымъ десятилѣтіемъ все бо́льшее и бо́льшее количество деревенскаго люда, то вполнѣ понятно, что коэффиціентъ увеличенія городского населенія значительно выше коэффиціента увеличенія населенія деревенскаго.

Увеличеніе всей массы населенія	-	53 %
" " массы сельскаго населенія	-	45 %
" " " городского "	-	97 %

Крупные городскіе центры при этомъ замѣтно растутъ за счетъ мелкихъ городовъ. Такъ въ 1863 г. всего городовъ съ населеніемъ болѣе 50 тыс. было 14, а въ 1897 г. ихъ насчитывается уже 44.

Итакъ, городъ въ Россіи къ концу XIX вѣка сталъ замѣтной соціально-хозяйственной величиною и вполнѣ понятно, что онъ со своимъ многочисленнымъ населеніемъ стремился играть въ ней и важную политическую роль.

Положеніе Государственнаго Хозяйства въ Россіи на рубежѣ XIX и XX в.в.

Между народнымъ и государственнымъ хозяйствомъ всегда наблюдается тѣсное взаимоотношеніе. Вѣдь государство черпаетъ свои ресурсы изъ народно-хозяйственнаго организма и вполнѣ понятно, что малѣйшее измѣненіе въ послѣднемъ тотчасъ же замѣтно сказывается на первыхъ. Если въ пореформенной Россіи происходили крупныя перемѣны во всемъ укладѣ экономическаго быта, то насъ нисколько не должно удивлять, что и государственныя потребности стали требовать для своего удовлетворенія все бо́льшаго и бо́льшаго количества средствъ.

Съ эпохи реформъ Александра II съ головокружительной быстротой растетъ и расходный и доходный бюджетъ Россіи. Этотъ процессъ въ достаточной степени вскрывается изъ цифрового матеріала, приводимаго въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Годы:	Колич.госуд.доходовъ.	Колич.госуд.расходовъ.
1867	438.604 тыс.р.	527.597 тыс.р.
1877	598.157. " "	1.115.738 " "
1897	1.416.386 " "	1.494.598 " "
1907	2.271.239 " "	2.173.130 " "

Такимъ образомъ русскій приходорасходный бюджетъ за 40 лѣтъ увеличился въ 5 разъ. Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ,

что государственныя потребности опережали народно-хозяйственные рессурсы. Фискальное обложеніе увеличивалось быстрѣе роста населенія въ странѣ.

Годы:	Увеличеніе населенія.	Увеличеніе облож.
1883-92	въ 16 разъ	въ 29 разъ
1893-1902	" 13 "	" 49 "

Но цифры государственныхъ росписей скажутъ намъ гораздо больше, если мы посмотримъ, изъ какихъ составныхъ частей онѣ слагаются. Возьмемъ для этого государственную роспись 1907 г. Вся сумма государственныхъ доходовъ на этотъ годъ была исчислена въ 2.271.239 тыс.руб.

Эта колоссальная масса государственныхъ поступленій слагалась изъ слѣд. категорій:

Правительственныя регаліи	- 776,9	мил.руб.
Казенныя имущества и капиталы	- 600,5	" "
Прямые налоги	- 162,6	" "
Косвенные налоги	- 495,9	" "
Пошлины	- 112,7	" "
Различн.поступленія	- 107,9	" "
Мелкіе случайные доходы	- 14,7	" "

Что прежде всего бросается въ глаза при разсмотрѣніи настоящей таблицы, такъ это незначительная величина прямыхъ налоговъ, сравнительно съ общей суммой доходнаго бюджета. Прямые налоги даютъ всего-на-всего 7,2% государственныхъ поступленій, косвенные же налоги, т.е. налоги на потребленіе равняются 32,9 % всѣхъ государственныхъ доходовъ, а вмѣстѣ съ суммой, получаемой казной отъ операціи по винной монополіи, составляютъ 1.193,4 мил.руб. или 53,4 %. Такимъ образомъ нашъ доходный бюджетъ покоится почти исключительно на косвенномъ обложеніи, взимаемомъ преимущественно съ широкихъ народныхъ массъ.

Переходимъ теперь къ расходному бюджету и посмотримъ, на что идутъ государственныя поступленія. На 1907 годъ роспись государственныхъ расходовъ была исчислена въ 2.173.130 тыс.р. при чемъ основными статьями русскаго государственнаго расхода были слѣдующія:

Казенныя операціи	718,1	мил.руб.
Оборона государства	436.7	" "
Уплата по госуд.займамъ	380.8	" "
Гражданское управленіе.	298.7	" "
Народное просвѣщеніе.	77.4	" "
Полиція	64.6	" "
Судъ и тюрьмы	48.3	" "
Духовенство	18.8	" "
Высшія госуд.учрежденія	8.6	" "
Императ.Дворъ	16.6	" "
Расходы по пенсіонному обезпеченію служащихъ и арендѣ.	87.3	" "
Невыполненные расходы прежн.лѣтъ. . .	2.0	" "
Расходы не предусмотрѣнные, на экстренныя надобности.	10.0	" "

Львиная доля государственныхъ доходовъ съѣдается казенными операціями 33%, въ составъ которыхъ входятъ расходы по винной монополіи и жел.дорожному строительству, расходами на военную оборону 20 % и уплатою процентовъ по внѣшнимъ и внутреннимъ государственнымъ долгамъ 17,5 %. Что же касается расхода на народное образованіе, то онъ составляетъ всего-на-всего 0,3 %. Слѣдуетъ обратить вниманіе также на то, какое мѣсто среди государственныхъ расходовъ занимаютъ средства, ассигнуемыя на содержаніе полиціи и тюремнаго вѣдомства, въ общей сложности 112,9 мил.руб. или 5,2 %.

Эти цифры настолько краснорѣчивы, что не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Но, кромѣ обычныхъ государственныхъ доходовъ, казна ежегодно получаетъ средства изъ источниковъ чрезвычайныхъ, главное мѣсто среди которыхъ занимаютъ внѣшніе и внутренніе займы. Эти займы, общая сумма которыхъ къ 1-му января 1904 года равнялась 6.651 мил.руб., а къ 1-му января 1907 года достигла уже 9 милліардовъ руб., шли до русско-японской войны главнымъ образомъ на постройку новыхъ жел. дорогъ, а въ періодъ войны и въ ближайшіе годы послѣ нея на нужды военнаго вѣдомства. Сама же несчастная русско-японская война обошлась народу въ 1.320.861.720 рублей.

Таким образомъ въ государственномъ хозяйствѣ такъ же

далеко не все обстоитъ благополучно. Недаромъ комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности обратили такое пристальное вниманіе на вопросы фискальнаго характера.

Государство, зажавъ желѣзными тисками бюрократическаго механизма все общество, сверху до низу, подчинивъ всѣ общественныя функціи своему бдительному надзору, атрофировало проявленіе свободной самодѣятельности въ странѣ и привело ее, въ концѣ концовъ, на край гибели. Однако, въ этотъ важный и критическій моментъ, который переживала Россія 1904-5 гг., и интеллигентное общество, и широкая народная масса сумѣли показать, что въ нихъ таится много творческой энергіи, что тѣ хозяйственныя и соціальныя перемѣны, которыя пережила Россія за послѣднія 20-25 лѣтъ, неизбѣжно должны были привести къ крушенію стараго порядка и къ созданію на его развалинахъ новаго политическаго строя. Какъ 50 лѣтъ тому назадъ неудачная восточная война привела къ раскрѣпощенію крестьянской массы и къ ряду гражданскихъ реформъ, такъ теперь, въ 1905 году, результатомъ неудачной русско-японской войны было всеобщее признаніе, что такъ „дальше жить нельзя", что необходимо произвести политическое раскрѣпощеніе всего русскаго народа.

Старому бюрократическому строю положенъ былъ конецъ и Россія вступила въ новую фазу своего историческаго развитія.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВО НА ПОРОГѢ XX ВѢКА.

Послѣ катастрофы 1-го марта 1881 г. самодержавіе, какъ вы припомните, восторжествовало. Манифестомъ отъ 29-го апрѣля того же года опредѣленно намѣчалась дальнѣйшая судьба Россіи подъ ферулой неограниченной власти, опирающейся на содѣйствіе безотвѣтственной бюрократіи. Правда, этотъ новый курсъ всеподавляющей правительственной опеки не сразу опредѣлился. Преемникъ Лорисъ-Меликова на посту министра внутреннихъ дѣлъ гр.Игнатьевъ вскорѣ послѣ своего назначенія издалъ циркуляръ, въ которомъ излагалась правительственная программа. Въ ней высказано было осужденіе бюрократіи „за небрежное исполненіе своихъ обязанностей и равнодушіе къ общему благу", за „корыстное отношеніе къ государственному и общественному достоянію"

и заявлялось, что правительство будетъ стремиться при вѣрномъ всѣхъ служеніи и содѣйствіи къ осуществленію на самомъ дѣлѣ того, что положено въ основу дарованныхъ имп. Александромъ II учрежденій, и что оно приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній". Но точка зрѣнія Игнатьева была вскорѣ замѣнена совершенно инымъ отношеніемъ къ вопросамъ общественной самодѣятельности, и Россія начала быстро скользить по наклонной плоскости чиновничьяго полновластія. Барометръ общественной жизни сильно понизился. Радикальные элементы послѣ разгрома партіи „Народной Воли" съ трудомъ могли соорганизоваться, и всѣ усилія такихъ дѣятелей, какъ Германъ Лопатинъ и Вѣра Фигнеръ, приводили лишь къ временному оживленію дѣятельности крайнихъ лѣвыхъ общественныхъ группъ. Въ 1887 г. послѣдніе народовольцы сходятъ со сцены. Замолкла также и либеральная часть русскаго общества. Земскія и дворянскія заявленія политическаго характера были воспрещены, а прогрессивная печать была поставлена въ невозможныя условія все усиливавшимися цензурными строгостями. Въ высшей школѣ послѣ изданія устава 1884 г. также оказалось невозможнымъ свободно высказывать свои научные взгляды и многіе изъ представителей либеральной профессуры вынуждены были покинуть свои преподавательскія каѳедры. Наступила пора самой глухой и безотрадной реакціи, пора коренной ломки реформъ Александра II. Только голодъ 1896 г., разразившійся почти надъ 30-ю губерн. Европейской Россіи всколыхнулъ русское общество и вывелъ его изъ состоянія застоя и апатіи. Началось новое движеніе въ народѣ съ цѣлью помочь вымиравшей крестьянской массѣ выйти изъ ея приниженнаго безправнаго положенія. Проявленіе общественной инициативы всѣми было признано единственнымъ условіемъ для того, чтобы избавить страну отъ перспективы всеобщаго моральнаго и физическаго вырожденія. Возникли новыя общественныя группировки, приведшія къ образованію партіи „Народнаго Права", поставившей себѣ цѣлью объединеніе крайнихъ и умѣренныхъ элементовъ оппозиціи. Если эта новая организація стремилась главнымъ образомъ къ водворенію у насъ правового политиче-

скаго строя, то представители другихъ, болѣе лѣвыхъ общественныхъ теченій задумывались преимущественно надъ разрѣшеніемъ соціальной проблемы. Отъ безотрадныхъ явленій современной хозяйственной дѣйствительности мысль невольно переносилась въ область изысканія тѣхъ средствъ, которыми возможно было бы вывести Россію на путь широкаго экономическаго развитія. Въ пылу горячихъ принципіальныхъ споровъ по вопросу о дальнѣйшихъ судьбахъ русскаго народнаго хозяйства ярко выступили два теченія - марксисты и народники. Такимъ образомъ къ серединѣ 90-хъ годовъ XIX в. общество стало пробуждаться; въ немъ снова начали давать себя чувствовать запросы политическаго и соціальнаго характера. При вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго государя во многихъ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ возникла мысль о подачѣ адресовъ съ заявленіями о необходимости коренной политической реформы. Однако тонъ этихъ земскихъ адресовъ былъ значительно болѣе робкимъ и нерѣшительнымъ, чѣмъ въ 1881 г. Въ тѣхъ 9 адресахъ, которые были представлены, открыто не говорилось о созывѣ народныхъ представителей. Отмѣчены были только невыносимо-тяжелыя условія современнаго положенія и указывалось на необходимость допущенія представителей земствъ къ законодательной работѣ. Но всѣ эти адресныя заявленія были встрѣчены крайне неблагосклонно въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Новый государь повидимому не намѣренъ былъ отступать отъ политики своего предшественника. Такъ въ манифестѣ, изданномъ по случаю восшествія на престолъ 20 октября 1894 г., говорилось о „завѣтахъ усопшаго родителя", а 17 января 1895 г. на пріемѣ представителей дворянства, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ произнесены были слѣдующія знаменательныя слова: „Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный Родитель." Итакъ, самодержавіе снова объявлялось палладіумомъ Россіи и конституціонныя иллюзіи должны были разсѣяться, какъ дымъ. Но событія шли своимъ чередомъ. Россія переживала глубокій хозяйственный

кризисъ; и въ народной массѣ и въ обществѣ все усиливалось недовольство существующимъ порядкомъ. Когда же неудачи послѣдней войны обнаружили всѣ язвы безконтрольнаго бюрократическаго управленія, во всѣхъ общественныхъ группахъ заговорили рѣшительно о проведеніи коренной реформы. Послѣ Мукдена и Цусимы правительство должно было пойти на уступки и ровно черезъ 10 лѣтъ „безсмысленныя мечтанія" превратились въ реально-существующій фактъ. Манифестъ 17 октября 1905 г. возвѣщалъ во всеуслышаніе объ установленіи на будущее время какъ „незыблемаго правила, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій, поставленныхъ отъ насъ властей." То, о чемъ мечтали лучшіе люди Россіи начала XIX в., то, за что они жертвовали всей своей свободой и даже жизнью, было, наконецъ, признано основнымъ устоемъ грядущаго развитія Россіи. Общество показало, что оно вполнѣ созрѣло для участія въ планомѣрной законодательной работѣ. И въ первой и во второй Государственной Думѣ, и въ „думѣ народныхъ надеждъ" и „въ думѣ народнаго гнѣва" широко развернулась программа всесторонняго обновленія русской жизни. Правда, это обновленіе до сихъ поръ еще не наступило, правда, еще мрачныя тучи реакціи заволакиваютъ политическій небосклонъ, но рано или поздно должно, наконецъ, наступить торжество народнаго дѣла въ изстрадавшейся Россіи, наступитъ наконецъ царство соціальной правды и политической справедливости. Тѣ слова, которыя какъ лозунгъ объединяли наиболѣе прогрессивные элементы 60-хъ и 70-хъ годовъ, тѣ слова, которыя могучимъ кликомъ неслись изъ устъ народа вслѣдъ за отъѣзжающими въ Петербургъ первоизбранниками Русской земли, эти слова „Земля и воля" должны явиться краеугольнымъ камнемъ зданія будущей свободной Россіи. Какъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ растаялъ тотъ ледникъ, который сковывалъ непроницаемой толщей территорію Евр. Рос. и взамѣнъ ледяной пустыни зародилась новая жизнь, такъ и тотъ ледяной покровъ, которымъ подавлена современная общественная жизнь, долженъ рано или поздно растаять и подъ могучими волнами историческаго потока судебъ Россіи возсіяетъ яркое солнце свободы, равенства и братства.

